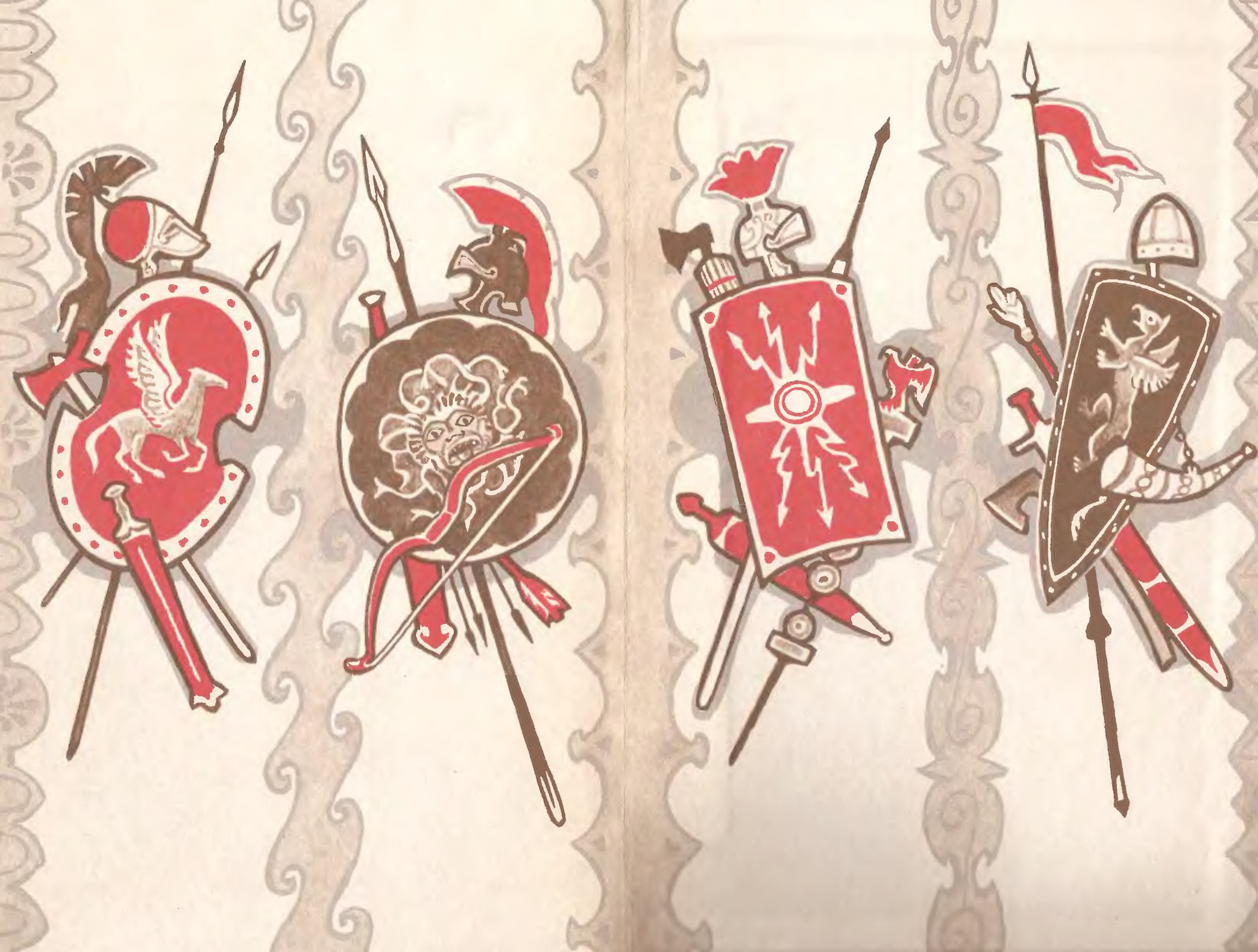
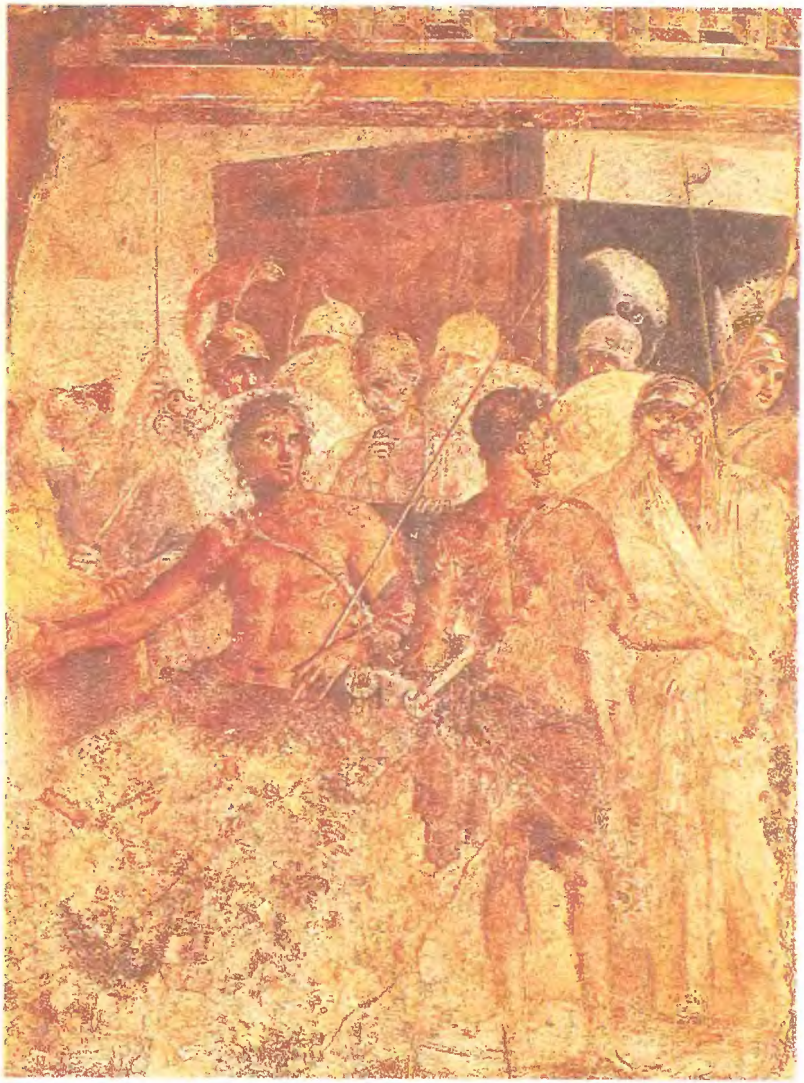
БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭПОС АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ



Scan Kreyder - 14.03.2014
STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ



ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭПОС АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ГОМЕР

Илиада

Одиссея

●

ВЕРГИЛИЙ

Энеида

●

Песнь о Роланде

●

ДАНТЕ

Божественная комедия

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

1989

ББК 84(0)
Г64

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.
Алексин А. Г.
Барабаш Ю. Я.
Верейский О. Г.
Гамзатов Расул
Гончар Олесь
Дехтерев Б. А.
Коржев Г. М.
Леонов Л. М.
Лихачев Д. С.
Ломунов К. Н.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Миршакар Мирсаид
Михалков С. В.
Мотяшов И. П.
Мустай Карим
Новожилова З. Г.
Прилежаева М. П.
Свиридов Н. В.
Стукалин Б. И.
Танк Максим
Шатунова Т. М.

*

Составитель, автор предисловия и комментариев
И. М. НАХОВ

Оформление серии
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление
И. Д. АРХИПОВА

Г $\frac{4804010000—074}{М101(03)-89}$ Без объявл.

ISBN 5—08—001200—5

© Состав. Предисловие. Комментарии. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984

КНИГИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Зачем берут книгу нетерпеливые читательские руки? Если ответить коротко — для удовлетворения некоего духовного голода, возникшего в тот самый момент, когда одни стали испытывать неодолимую потребность доверить свои мысли и чувства только что народившимся письменам, а другие — поскорее ознакомиться с ними. Книга — всегда предвкушение, предчувствие, всегда ожидание встречи с неведомым, зовущим, прекрасным миром. Одни ждут от нее новых знаний, другие — глубоких раздумий «о времени и о себе», назиданий, третьи — жаждут утешения, ответов на мучительные вопросы бытия, иные — приятного времяпрепровождения, развлечения, бегства в царство грез и захватывающих приключений. Так или иначе, книги выполняют важные социальные задачи, поставленные эпохой. Сменяются поколения, из небытия возникают новые имена. То, что заставляло некогда быстрее биться сердце, смеяться или проливать слезы, теперь может показаться неинтересным, банальным, наивным и скучным. Книги, помогая нам жить, рождаются и умирают, как люди.

Среди океана книг, созданных человечеством за свою долгую историю, есть счастливые исключения — произведения, навсегда отобранные Временем. Всего несколько десятков творений, знать которые обязан каждый, для кого слово «культура» не пустой звук, кто хочет стать умнее, добрее, тоньше, совестливее, духовно богаче. В них, несущих на себе четкую печать изменчивого прошлого, запечатлены непреходящая правда характеров, столкновение страстей, труд, взаимоотношения людей, дружба, любовь, вражда, тяжкие, но не всегда бесплодные поиски истины, борьба за свободу, справедливость и счастье на земле. Без таких книг, представляющих знаменательные вехи на пути художественного постижения мира, жизнь во многом утратила бы содержательность и даже среди материального изобилия могла бы считаться бедной.

В томе, который вы держите в руках, всего несколько памятников античной греко-римской и западной средневековой словесности, однако именно в них заключены те самые истоки, без которых не состоялась бы не только древняя, но и современная мировая литература. В Гомере — начало всех начал, его подражатель и продолжатель Верги-

лий — мостик в будущее, «Песнь о Роланде» и поэма Данте — величественный портал, ведущий во французскую и итальянскую литературы.

Но не только чисто историко-литературный интерес заставляет нас обратиться к этим памятникам письменности давно ушедших эпох. К ним вполне приложимы слова, сказанные Марксом о древнегреческом искусстве: они удивительным образом продолжают доставлять нам несравненное художественное наслаждение и в известном смысле могут «служить нормой и недосягаемым образцом»[1]. Знакомясь с ними, испытывает радость читатель искушенный, зрелый и юный, находя в них то, что и сегодня близко и понятно каждому.

«Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность. Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети... Нормальными детьми были греки»[2]. Простодушное и мудрое, «нормальное» детство человечества завораживает всех, в нем мы, повзрослевшие сверстники научно-технической революции, с изумлением узнаем себя, только очищенными от археологических напластований последующих исторических периодов.

Выбор произведений здесь не случаен. Составитель даже не пытался вместить в одну книгу все богатство античной и средневековой литературы. В данном случае казался приемлемым единственный принцип — лучше меньше, да лучше. Все тексты, собранные в этой книге,— это эпические поэмы, связанные цепью литературной преемственности. Гомер, впитавший в себя жизненный и эстетический опыт древнейшего эллинства, стал образцом для римского поэта Вергилия, а его, в свою очередь, взял себе в проводники по лабиринтам загробного мира итальянский гений Данте Алигьери, знакомый также со сказаниями о могучем рыцаре Роланде.

Эпос, наряду с лирикой и драмой, древнейший род литературы. Подробно и обстоятельно, неторопливо и торжественно повествует он о давних событиях, важных для судеб целых народов,— о великих войнах и походах, о подвигах отважных богатырей, о противоборстве сил добра и зла. Действительность предстает во всем своем разнообразии. В эпосе господствует стихия первобытного реализма, где правдивость деталей включается порой в неправдоподобные ситуации. Этому не препятствует органичное включение в повествование мифов, религиозных и сказочных мотивов и легенд. Более того, именно они по-своему придают эпосу историческую достоверность, отражая особенности мировосприятия и образа мыслей давно исчезнувших людей, их представления и идеалы. Стихий-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 12, с. 737.
[2] Там же, т. 12, с. 737.

ная образность вымысла, гиперболизация, мифы, представленные как действительность, создают в эпосе атмосферу широкого дыхания, единства природы и человека, вечности и мгновения.

Читатель встретится здесь с древними мифами. Лицом к лицу, в первоисточнике, а не в школьном учебнике по истории или в современном пересказе. В мифах коллективный гений человечества на заре своей истории впервые пытался познать открывшийся перед ним прекрасный и яростный мир — осмыслить его и себя художественно и философски, в формах фантастических и реальных, поэтому мифы так первозданно выразительны и неувядаемы. Первосоздатели мифов не сомневались в их реальности, превращая прозу жизни в поэзию. В наш просвещенный век мифы воспринимаются как общезначимые символы и иносказания, скрывающие глубинный смысл жизненных явлений под маской вечных образов и «бродячих» сюжетов. Сначала была история, потом появился миф, а затем эпос, переплавивший в единое художественное целое историю и миф. Сам эпос, в известном смысле,— часть истории. Древнее сознание еще не расчленяло историю и миф, действительность и легенду, воспринимая эпическое повествование с его наивными преувеличениями и фантастическими подробностями как жизненную правду.

Героический эпос складывался на протяжении веков у всех древних народов — у населявших Двуречье древнейших шумеро-аккадских племен (эпос о Гильгамеше), у греков («Илиада» и «Одиссея»), у индусов («Махабхарата» и «Рамаяна»), у славян (былины), у испанцев (поэмы о Сиде), у французов («Песнь о Роланде»), у германцев (сказание о Нибелунгах), у карелов и финнов («Калевала»), у армян («Давид Сасунский»), у киргизов («Манас»), «Эдда» — у скандинавов, саги — у ирландцев. Эти эпопеи возникли на сравнительно примитивной социально-экономической основе (разложение первобытнообщинной формации, раннеклассовое общество, различные стадии феодализма), но, несмотря на существенные различия, они обнаруживают общие, типологически сходные черты как в содержании, так и в поэтике. Составив целую эпоху в художественном развитии человечества, героический эпос уходит своими корнями еще в дописьменные времена, в стихию народного творчества. Благодаря вдохновенному труду великого поэта устные предания обретали художественную цельность и завершенность.

Если архаический эпос силой воображения осваивал мир на уровне враждебной человеку природы, мысленно одолевая и приручая ее (борьба героев с чудовищами, похищение огня, изобретение жилищ, орудий), то классический эпос прежде всего связан с крупномасштабными историческими событиями, в которых судьбы отдельных людей и целых народов нерасторжимо переплетались. В эпическом герое воплощались представления народа о доблести, силе, красоте, добре, чести и славе, поэтому эпические характеры всегда отмечены цельностью и монументальностью.

Эпос характеризуется также единством художественного стиля. Устное народное творчество не только питало и обогащало эпическую поэзию сюжетами и образами, но, выработав свои традиции и исполнительскую технику, диктовало ей свою стилистику, правила и приемы

изобразительности, способы типизации, создававшие иллюзию полной объективности и постоянства. Это достигалось набором устойчивых формул, «общих мест», повторений, постоянных эпитетов, стандартных словосочетаний, параллелизмом и уравновешенностью, симметричным расположением эпизодов. Все вместе образовывало то, что называют «эпическим раздольем», неторопливость и обстоятельность повествования. Эпос не читали, а слушали, текст не проговаривали, а произносили нараспев. В античной традиции за эпосом закрепился особый стихотворный размер — дактилический гекзаметр, которым написаны «Илиада», «Одиссея» и «Энеида». Современной литературе стандарт противопоказан, для древней он обязателен, только стандарты эти, вышедшие из фольклора, самой высокой пробы и допускают известную творческую вольность. Так было легче творить и легче воспринимать поэзию.

В народном героическом эпосе справедливо видят энциклопедию давно ушедшей жизни. Поэтому эпос не только художественное произведение, но и своеобразный исторический источник. Поверив в его достоверность, немецкий археолог-энтузиаст Генрих Шлиман еще в семидесятые годы прошлого века открыл местонахождение легендарной Трои на территории современной Турции, затем Микены и тем положил начало изучению крито-микенской цивилизации, расцвет которой падал на середину второго тысячелетия до н. э. Теперь мы не так наивны, чтобы верить в каждое слово мифа, но и не настолько приземленны и бескрылы, чтобы не искать там зерна истины.

В истории всемирной литературы нет, пожалуй, памятника более известного, чем гомеровские поэмы, появившиеся в VIII — VII веках до н. э. в малоазийской части древней Эллады — Ионии. В основе этих поэм лежат подлинные события, случившиеся еще в конце второго тысячелетия до н. э. Греческие племена, населявшие юг Балканского полуострова и острова Эгейского моря, жили тогда разобщенно и еще не называли себя единым именем эллинов (у Гомера они именуются то ахейцами, то данайцами или аргивянами).

В Малой Азии греки столкнулись с местными племенами, объединившимися под знаменами сильного Троянского царства и жившими на той же стадии разложения первобытнообщинного строя. Между греками и троянцами с их фригийскими союзниками возникло соперничество из-за господства в бассейне Эгейского моря. В конце концов оно закончилось долгой и изнурительной войной, завершение которой традиция относит к 1200 году до н. э. После разгрома и сожжения «священного града» Илиона (Трои) основательно потрепанные победители долго и мучительно возвращались на родину, где их поджидали новые испытания. Эти невыдуманные события обросли легендарными подробностями и мифами.

Троянский мифологический цикл начинается событиями задолго до троянской войны, частично описанной в «Илиаде». Тут и перенаселенная Земля, жаждущая освободиться от бремени, и Зевс, «отец богов и людей», откликнувшийся на ее просьбу и ради этого затеявший великое побоище, непосредственной причиной которого стало коварное похище-

ние троянским царевичем Парисом прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая. А еще до этого был «суд Париса», присудившего золотое яблоко богине любви и красоты Афродите, пообещавшей царевичу самую красивую женщину земли. Своим выбором Парис, конечно, обидел двух других великих богинь — Геру и Афину. Потом оскорбленные похищением Елены ахейцы под предводительством аргосского царя Агамемнона отправляются под стены Трои, где с переменным успехом воюют долгие десять лет. Обо всем этом рассказывалось в несохранившихся так называемых киклических поэмах, а «Илиада» повествует лишь о десятом годе осады Илиона.

Война уже принесла народам множество бед, потери велики, а Троя все еще сопротивляется. В одной из битв главный ахейский воитель Ахилл за свои подвиги получил почетный дар — прекрасную пленницу Брисеиду, но завладеть ею намерен верховный вождь Агамемнон, ибо свою пленницу Хрисеиду ему приходится вернуть ее отцу Хрису, жрецу Аполлона. Это прекратит моровую язву, истреблявшую греческое войско. Разгневанный Ахилл отстраняется от дальнейшего участия в сражениях, одна беда за другой обрушивается на ахейцев. Все действия в «Илиаде» искусно концентрируются вокруг «гнева Ахилла», его зарождения, губительных последствиях и прекращения. Об этом и говорится в первых стихах поэмы:

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелесва сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Много сильных душ героев пославший к Аиду...

Ахейцы терпят поражение за поражением, пока не гибнет любимый товарищ Ахилла Патрокл. Вступив наконец в бой, герой несет гибель осажденным и умерщвляет Гектора, который убил Патрокла. Престарелый Приам отправляется в греческий лагерь и молит Ахилла вернуть труп сына, над которым глумился победитель. «Илиада» заканчивается играми в честь Патрокла и погребением «конеборного Гектора тела». Действие спрессовано всего в пятьдесят один день, но в них множество событий — битвы, засады, поединки, встречи и расставания, картины драматичные и комические, сцены на земле и на Олимпе, где обитают боги. «Илиада» — поэма в основном батальная.

«Одиссея» — поэма мирная и посвящена возвращению «хитроумного» Одиссея на родную Итаку. В ней много сказочных и утопических мотивов, она дышит пафосом преодоления опасностей, открытия неведомых стран. Сюжет строится прихотливо: действие то бежит, то останавливается, то возвращается назад, перемещаясь во времени и пространстве. Оно протекает на суше и море, на небесах и в подземном царстве, на волшебных островах среди прекрасных людей, а то среди разбойников и людоедов. Бури, посылаемые разгневанным богом морей Посейдоном, постоянно отдаляют прибытие Одиссея и его спутников домой, приводят их на край гибели. Тем временем на Итаке Пенелопа и ее сын Телемах терпеливо ждут отсутствующего двадцать лет героя и отражают наглые притязания женихов, грабивших дом Одиссея и склонявших Пенелопу к

замужеству. После жестоких испытаний, соблазнов и приключений многострадальный и стойкий герой, вернувшись тайно на родной остров, находит верных слуг, престарелого отца, верную жену, отважного сына. Здесь его в конце концов узнают, и вместе с Телемахом он расправляется с женихами и воцаряется после столь долгого отсутствия.

Мифы, сказки, фантастика, утопии... Тут-то и возникает вечный вопрос о соотношении исторической правды и поэтического вымысла. Прежде всего, любое искусство невозможно без вдохновенного полета воображения, но как бы далеко оно ни уводило, корни его находятся в действительности. Даже Троянская война, как доказала археология, оказалась не вымыслом. Но жизненная реальность предстает в произведениях искусства не фотографической копией, на нее накладываются подчас зыбкие и нечеткие воспоминания о далеком прошлом, идеализированные и иллюзорные представления о наилучшем устройстве мира и общества, о движущих силах истории и т. п. В эпосе временны́е пласты смещены, изображаемые события и картины быта включают в себя черты разных эпох, образуя так называемые анахронизмы. Тем не менее все вместе взятое создает единый образ общественной и материальной жизни. Таким образом, в эпосе функционирует условное эпическое время, возникает особая художественная действительность, над исторической точностью которой не задумывается очарованный читатель. Это уже дело ученых — отделить факты истории от поэзии вымысла, вдохновенно повествующей о том, что могло бы произойти «по вероятности или необходимости» (Аристотель), разобраться и разложить по полочкам культурные слои, сплавленные в убедительное художественное целое.

В «Илиаде», например, нашли отражение по крайней мере три исторические эпохи: первая та, что восходит к реальному времени Троянской войны, то есть к XIII — XII векам до н. э., завершающим крито-микенскую (минойско-ахейскую) культуру. Она характеризуется широким применением бронзы, процветанием городов с мощными крепостями и пышными дворцами (Микены, Тиринф, Пилос, Аргос, Кносс, Троя). Это далекое даже для Гомера прошлое знало уже раннерабовладельческие отношения.

В поэмах, однако, господствует первобытнообщинный, родовой строй на стадии разложения, а люди уже знакомы с железом и его свойствами (XI — IX вв. до н. э.). Возврат к более примитивному социальному прошлому был связан с нашествием с севера греческого племени дорийцев, более отсталых, чем завоеванные ими в Средней и Южной Греции ахейские племена, хранившие в памяти сказание о походе на Трою. Это второй культурный слой. Помимо первых двух, у Гомера дают о себе знать и реалии ранней архаики (VIII — VII вв. до н. э.), то есть эпохи окончательного формирования эпоса. Следы многовекового процесса становления текста поэм сохранились и в так называемом гомеровском диалекте, где различают элементы ахейского, эолийского, ионийского и аттического диалектов (территориальных разновидностей греческого языка), из которых и образовался последовательно этот общегреческий поэтический «наддиалект», используемый впоследствии

всеми античными эпиками, независимо от времени и места их обитания.

Итак, люди у Гомера живут в условиях первобытной военной демократии, но общество уже разделено на сословия, предшествующие будущим классам. Это родовые вожди-басилевсы, представляющие привилегированную аристократию, и рядовые общинники, составлявшие основную массу народа. Самый низший и угнетаемый слой составляли батраки-феты, а также утратившие связь со своей общиной переселенцы-метанасты, рабы и слуги. О недовольстве большинства греков затянувшейся войной за чужие интересы говорит знаменитый эпизод с Ферситом, «буйным ругателем царей», и слова Ахиллеса, обращенные к Агамемнону:

...Предо мною ни в чем не повинны троянцы.
Ни лошадей, ни коров у меня ведь они не угнали,—
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами богатой,
Нив никогда не топтали...
Нет, для тебя мы, бесстыдник, пришли, чтобы ты был доволен,
Честь Менелая блюдем и твою, образина собачья!

Поэмы Гомера — первый литературный памятник Древней Греции и всей западноевропейской литературы. Вся классическая древность высоко чтила Поэта и окутала его имя легендами, представляя в образе вещего старца-слепца, похожего на певцов-сказителей Демодока и Фемия, описанных в «Одиссее». Биография Гомера неизвестна, даже на честь быть его местом рождения претендовали сразу семь городов, может быть, и имя его только символ — «Слепой певец», но античность так высоко ценила творческую личность и ее свободу, что не терпела анонимности и всегда искала авторов и придумывала им биографии. Текст гомеровских поэм получил окончательную обработку в Афинах при Солоне и Писистрате, живших в VII — VI веках до н. э., когда письменность получила широкое распространение. Все, связанное с творчеством и личностью Гомера, с процессом становления эпоса, с исследованием исторических и фольклорных корней поэм, составляет в науке так называемый «гомеровский вопрос», начало которому было положено еще в древности. Если в XVIII и XIX веках многие ученые считали, что поэмы Гомера представляют собой чуть ли не механическое соединение малых героических песен, бытовавших в народе (аналитическая теория), то в наше время, исходя из композиционного и стилистически-языкового единства эпоса, большинство исследователей стоят на позиции унитаризма, предполагающего индивидуальное авторство (одного или двух разных авторов для обеих поэм). Еще В. Г. Белинский прозорливо писал: «...Художественный гений (Гомера.— *И. Н.*) был плавильной печью, через которую грубая руда народных преданий и поэтических песен вышла чистым золотом».

Мир Гомера! Неповторимый, мудрый и простодушный, жизнерадостный и трагический, добрый и жестокий. Мир богов и героев, расколотый и единый, в постоянном движении и в то же время представленный как незыблемый и разумный. В конечном счете все вершат боги («совершалася воля Зевеса...»), воплощавшие идею могущества,

красоты и мудрости человека, гармонию, порядок и разумность Вселенной. Бессмертные и вечно юные боги похожи на прекрасных и совершенных людей, не лишенных, однако, их слабостей и недостатков. Они не только подвержены страстям, но пасуют перед судьбой и вынуждены, даже в ущерб своему всемогуществу, оправдываться и во всем винить людей:

Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?

«Одиссея», песнь I.

Они постояино вмешиваются в дела людей, общаются со смертными, которых Гомер нередко награждает эпитетом «божественных», будь то герой Ахиллес или свинопас Евмей. Диомед даже ранит Афродиту и Ареса. Жанровые сценки из жизни богов не могут не вызвать улыбки (свары между Зевсом и Герой, повадки Гефеста, отношения между Афродитой и Аресом). Боги у Гомера — не ангелы и изъясняются между собой порой совсем как люди. «...В поэме поэм «Илиаде»,— говорит В. Г. Белинский,— не только люди, но и боги ругаются друг с другом не лучше героев повестей Гоголя. Арес называет Палладу «наглою мухой», а Гера-богиня Артемиду-богиню «бесстыдной псицей»... Скажут: это недостатки поэзии грубых времен — старые песни! Не недостатки, а верное изображение современной действительности с ее бытом и понятиями».

За «вольное» обращение с небожителями и мифологией благочестивые и строгие моралисты древности (Ксенофан, Гераклит, Платон) осуждали Гомера, а имя нападавшего на Гомера Зоила (IV в. до н. э.) стало нарицательным для обозначения придирчивого и язвительного критикана.

В гомеровских поэмах нет глубокого психологизма, исследования «диалектики души» — это заслуга литературы нового времени, но и в них есть яркие образы, своеобразные характеры, отмеченные индивидуальностью и даже противоречивые, импульсивные, по-детски капризные, наивные и своенравные, как у Ахилла или Агамемнона, цельные, как у могучего и бесстрашного Диомеда, отважного Аякса, хитроумного Одиссея и умудренного жизнью старца Нестора или несчастного Приама, у безупречного патриота и хранителя семейных устоев Гектора.

Внутренняя жизнь выражается в многочисленных речах героев («рек он...») или в ее внешних, пластических проявлениях. Так Ахилл, у которого насильно увели любезную его сердцу пленницу, садится в одиночестве на берегу моря и плачет, а девушка, когда ее уводят, упирается. О чувствах этих молодых людей читатель может только догадываться, как и судить о красоте Елены не по авторскому описанию, а по тому восхищению, которое она вызывает у окружающих.

Вся внешняя сторона вещного, предметного мира, воспринимаемого в его единстве и целесообразности, восхищает поэта, он любуется им — от величавых картин мироздания («Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...») до оружия, одежды, утвари, покоев,

сработанных руками человека по законам красоты, поэтому вокруг все так нестерпимо блещет, сверкает, сияет, переливается, все радует глаз, наглядно, осязаемо и щедро наделяется самыми выразительными эпитетами. Для Гомера характерно преклонение перед творческим началом и удивительным, божественным даром — жизнью. Герои бьются насмерть, сознательно идут навстречу гибели за высокие цели, но неистребимо жаждут жизни и самое высокое положение в подземном царстве готовы, не задумываясь, променять на любую, даже жалкую участь на земле, поэтому тень Ахилла в Аиде обращается к Одиссею со следующими словами:

О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый.

У Гомера даже в сочащейся кровью «Илиаде» картины жесточайших битв пронизаны жаждой мира. Отвращение к войне, как таковой, к ее античеловеческой сущности автор дает почувствовать в натуралистических подробностях смертей и ранений, в насмешках над яростным богом войны Аресом, «кровью залитым людобойцем», к которому люди даже не обращаются с молитвой. А с какой стремительностью бросаются воины к кораблям, как только появляется призрачная надежда на возвращение домой! Тягой к мирной жизни пропитаны и многочисленные развернутые сравнения, где преобладают милые сердцу сцены трудовых будней и сельских праздников. Даже на боевом щите, который выковывает для Ахилла с великим искусством божественный кузнец Гефест, можно увидеть прекрасные города, пиршества, свадьбы, пахоту, сбор урожая, стада, небо и землю, танцы юношей и девушек и много других мирных сцен.

У поэта, несмотря на весь его патриотизм и жажду справедливой мести за поруганную честь греков, нет ненависти к врагу, чужому племени и народу. Только истинно народный певец мог подняться до благородного признания достоинств противника и сострадания к его бедам, поэтому так привлекательны и глубоко трогательны образы троянцев — шлемоблещущего Гектора, этого «рыцаря без страха и упрека», добровольно взявшего на себя весь груз ответственности за спасение родины, его любящей жены Андромахи, его отца, царя Приама, и матери Гекубы. Шестая же песнь, рисующая свидание Гектора и Андромахи,— подлинная жемчужина «Илиады».

«Илиада» заканчивается тризной над телом поверженного Гектора, «Одиссея» — победным возвращением героя на родину; но если вдуматься, то у Гомера нет победителей и побежденных: все сражались самоотверженно, разгромленная Троя, гибель которой в «Илиаде» предрешена, не умирает, ей суждено, правда, в далеком будущем возродиться в величии Римской империи, а возвращавшихся и возвратившихся на родину греческих героев-победителей постоянно преследуют несчастья. Вспомним десятилетние скитания Одиссея, убийство Агамемнона в со-

бственном доме. По воле Зевса кровопролитие заканчивается всеобщим примирением, торжествуют законы человечности.

Поэмы Гомера шире их исторически ограниченного содержания, их автора волнуют проблемы общечеловеческие — жизнь и смерть, добро и зло, война и мир, личность и общество, ответственность человека, интересы всех и одного, пределы власти. Они поэтизируют человека, жизнь, труд, красоту подвига. Во всем этом, разумеется, больше подлинной народности, чем аристократизма, ощущаемый привкус которого связан с придворным бытом дружинного певца-аэда.

Гомеровские поэмы, изначально включавшие в себя, помимо эпики, элементы лирики и драмы, стали материнским лоном для всей греческой литературы и искусства, черпавших в них вдохновение и сюжеты. Они воспитывали поколения за поколениями, поскольку в школах все учились «по Гомеру». Может быть, в словах великого древнегреческого драматурга, «отца трагедии» Эсхила, есть нечто от поэтического преувеличения, но автор «Прометея Прикованного» утверждал, что все его творения — лишь крохи, упавшие с пиршественного стола Гомера. На Гомере в известном смысле выросла и римская литература, ибо одно из первых произведений на латинском языке — перевод «Одиссеи» Ливия Андроника (III в. до н. э.) — стало своеобразным учебником. Римляне широко пользовались греческим духовным наследием — в области литературы и искусства, религии и законов, красноречия и философии.

В «Илиаде» и в приписываемом Гомеру гимне Афродите читатель мог обратить внимание на Энея, второго по значению после Гектора защитника Трои, сына смертного Анхиза и богини Афродиты. Именно ему было суждено не дать исчезнуть с лица земли племени троянцев. Миф рассказывал о том, что Эней бежал из горящей Трои с больным отцом, женой Креусой и сыном Асканием-Юлом. Оракул Аполлона на острове Делосе, куда судьба занесла героя и его спутников, направил его в землю предков — далекую Италию. Достигнув после долгих скитаний и испытаний италийскую область Лациум, Эней одолевает сопротивление местных племен, женится на дочери царя Латина, основывает город Лавиний и становится, таким образом, родоначальником римского народа и государства.

Эти сказания о странствиях и прибытии Энея в Италию, с которыми римляне познакомились через этрусков еще в V веке до н. э., в общих чертах отражают воспоминания о реальных передвижениях иллирийских и иллиро-фракийских племен, населявших северо-западную часть Балкан, через Троаду на Апеннинский полуостров. Историческая достоверность этих миграций подтверждается археологическими находками, лингвистическими данными и устойчивой литературной традицией. Римляне, и в частности возводящий себя к сыну Энея Юлу род Юлиев, к которому принадлежал Юлий Цезарь и его приемный сын Октавиан Август, взяли эту мифологическую родословную на вооружение. Она подкрепила авторитетом религии преемственность между былым троянским могуществом и великодержавными притязаниями Рима.

Если бы рассказанного выше мифа не было, то римлянам стоило его

выдумать, ибо в зародыше там содержались идеи, которые впоследствии мощно зазвучат в национальной римской эпопее Вергилия «Энеиде», одной из высочайших вершин италийского гения. Они воплотились в чертах, характеризующих ее главного героя Энея,— благочестие, верность предназначению, подчинение судьбе и долгу, самоотречение во имя высшей цели, любовь к семье и предкам, справедливость, воинская доблесть, горячий патриотизм и гражданственность. Эти же идеи легли в основу пропаганды реставраторской политики Октавиана Августа (63 г. до н. э.—14 г. н. э.), чей приход к власти после трудной борьбы и побед над соперниками знаменовал конец мучительного периода гражданских войн. Успокоение и долгожданный мир вызвали в обществе духовный подъем, заставили деятелей культуры прославить «принцепса», первого сенатора и гражданина республики, как называл сам себя Август. Свою по существу монархическую власть он хитроумно прикрывал республиканской терминологией и апеллировал к доблести, благочестию, чистым и строгим нравам предков, к образцовым порядкам «доброго старого времени».

Литературные сподвижники Августа (кружок Мецената — Вергилий, Гораций, Варий Руф и другие), обласканные императором, верой и правдой служили ему, внедряя в сознание народа своей поэзией идеи принципата, мысли о божественности новой власти и величии римского народа. Энгельс в письме к Марксу писал о Горации как о «ползающем на брюхе перед Августом»[1]. Тем не менее художественное совершенство, глубина мыслей и гражданский пафос лучших произведений этой эпохи побудили ученых назвать ее «золотым веком» римской литературы. Первым среди поэтов принципата может быть по справедливости назван Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.), автор поэм «Буколики», «Георгики» и «Энеида». Конечно, Вергилий — великий поэт, а не литературный подсвщик, но никакими софизмами и ухищрениями нельзя опровергнуть тот непреложный факт, что и он выполнял «социальный заказ», ведомый твердой рукой умного царедворца Мецената. Августу просто повезло, что собственные политические симпатии и умонастроения поэта, его радость по случаю установления мира и искренняя вера в предназначение Рима совпали с официальными установками и дело обошлось без репрессий, как случилось с другим великим стихотворцем эпохи — Овидием. Ведь это перед Августом Вергилий читал во дворце свои только что написанные стихи, а сам Август, даже занятый войнами, с нетерпением ждал окончания «Энеиды». Старинные легенды, с такой поэтической мощью рассказанные Вергилием, придавали ореол святости, избранничества и предназначения роду Августа. Они внушали гражданам мысль, что Геракл, Эней и Август — три божественных защитника Италии.

Мысль создать героико-эпическую поэму о славе римского народа давно владела Вергилием и держала в плену долгих одиннадцать лет, пока писалась «Энеида» (29—19 годы до н. э.). Чувствуя приближение

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 31, с. 228.

смерти, взыскательный поэт просил друзей сжечь рукопись, ибо не успевал, бросался от песни к песне и кое-что сделал начерно. Однако и то, что было сделано,— шедевр всей римской, да и всей мировой, поэзии. Этому не помешало сознательное равнение на Гомера, а возможно, означало неосознанное соперничество, желание превзойти греческое чудо. Римляне это чувствовали и надеялись, подобно Сексту Проперцию, который, зная о работе Вергилия, писал:

Римские смолкните все писатели, смолкните, греки:
Нечто рождается в мир, что Илиады славней.

Перевод Л. Остроумова

Двенадцать песен «Энеиды» четко распадаются на две части: первые шесть песен повествуют о мучительных скитаниях Энея в поисках новой родины на пути из поверженной Трои в Италию, поэтому их порой называют «латинской Одиссеей», вторые шесть посвящены войнам на италийской земле, и потому их издавна сравнивают с «Илиадой». Можно привести много примеров и прямых подражаний Гомеру, начиная от отдельных строчек и сравнений до целых сцен и эпизодов — поединки, разведки, погребальные игры, рассказ Энея о падении Трои и своих злоключениях на пиру у Дидоны, нисхождение в Аид, описание щита Энея, «каталог» племен. Но главное не в этом следовании общепризнанному образцу, а в том, что с высоты своего исторического, социального, национального и эстетического опыта Вергилий создает эпос новый, самобытный. Здесь царят новые идеи, иная философия, другое отношение к действительности, новый подход к эпическому творчеству, когда автор даже не пытается раствориться в повествовании и не только не скрывает своих пристрастий, как это наивно делал ветхий Гомер, но, напротив, открыто тенденциозен и своим горячим темпераментом, и напряженным поэтическим дыханием согревает каждую частицу поэмы. У Гомера были предтечи, но не было литературных предшественников, а Вергилий уже с детства изучал гомеровские гекзаметры, киклических и эллинистических поэтов, мифографов, старых римских эпиков Невия и Энния, историков, философов и ораторов, обогативших его своим пониманием прошлого и настоящего, опытом построения сюжета и стихосложения, описаний, лепки образов, речей, диалогов.

Творчество Вергилия привлекало современников не одним художественным совершенством, но многозначностью и актуальностью — в нем они находили прямые отклики на происходящее. Там, где нынешний читатель видит лишь красивый миф, «дела давно минувших дней», там соотечественник поэта находил пищу для ума и сердца, памяти и воображения, его преследовали ассоциации, он волновался и сопереживал, вникая в каждое слово. Сцены сражений, гибели стариков и юношей, примеры коварства напоминали эпизоды гражданских войн, а картины геройства, самопожертвования и любви трогали тогда, как трогают и сейчас. Гомер и Вергилий заставляли своих героев жить высокими страстями, мыслить всеобъемлющими категориями, быт отступал на задний план. Четыре стихии объединились в «Энеиде» — мифология

и история, поэзия и политика, чтобы выполнить одну идейно-художественную задачу: показать необходимость возникновения могучей Римской империи и прославить возвышенными словами свое время как возвращение «золотого века» и «блаженного мира» на древнюю «землю Сатурна».

К такому выводу приводят не отдельные цитаты, но замысел и логика произведения в целом, где миф обосновывает и оправдывает весь ход римской истории. Начальные стихи «Энеиды» не традиционный эпический зачин, но тот внутренний ориентир, по которому пройдет магистраль поэмы от мифических далей до правления Октавиана Августа:

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Долго и войны он вел,— до того, как, город построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.

Содержание «Энеиды» многопланово, и сюжет развертывается достаточно прихотливо, поэтому есть смысл коротко коснуться содержания каждой песни. В *первой* рассказывается, как Эней и его спутники уже седьмой год странствуют в поисках пристанища, постоянно наталкиваясь на козни Юноны. Буря ставит беглецов на край гибели, но Нептун их спасает. Корабли прибивает к берегам Африки, где царица Дидона строит город Карфаген. Царица устраивает в честь пришельцев пир и просит Энея рассказать о последних днях Трои. Из *второй* песни мы узнаем о подробностях падения троянской твердыни, о деревянном коне, хитроумной ловушке греков, о жреце Лаокооне, призывавшем троянцев не верить дару врагов, о коварном греке Синоне. Дворец Приама и Троя пылают. С отцом на плечах, с родными пенатами (богами — покровителями домашнего очага и народа), в сопровождении жены Креусы и сына Аскания Эней покидает город. Креуса таинственно исчезает. Рассказ Энея о его злоключениях продолжается и в *третьей* песне. Судьба заносит его во Фракию, которую он оставляет из-за зловещих предзнаменований, затем на острове Делосе вопрошает Аполлона, который велит троянцам искать богатые земли своей прародины и воцариться там на века. Оракул был истолкован неверно, и Эней держит путь на Крит, но пенаты подсказывают, что настоящая цель — Италия, откуда родом предок троянцев Дардан. Затем буря бросает корабли к Строфадским островам, где обитают чудовищные птицы-гарпии. Потом в Эпире Эней встречается с Андромахой и ее новым мужем Геленом, сыном Приама. Во время пребывания на Сицилии умирает отец Энея Анхиз. В Италию скитальцы все еще никак не могут попасть, отовсюду грозят опасности — Сцилла и Харибда, циклопы. Итак, Эней в Карфагене. *Четвертая* песнь посвящена любви Дидоны и Энея. Вдовствующая царица под влиянием чар Венеры и сострадания к троянскому герою страстно в него влюбляется. О своем чувстве она рассказывает своей сестре Анне, которая советует ей вступить в брак с Энеем. Во время охоты гроза загоняет Энея и Дидону в пещеру. Молва

об этом широко распространяется. Царь Ярба, претендовавший на руку царицы, молит Юпитера разорвать этот союз. Эней, верный своему высшему предназначению, отплывает к берегам Италии. Дидона проклинает возлюбленного и бросается в костер. Так мифологически обосновывается последующая вражда между Карфагеном и Римом. В *пятой* песне странствия Энея продолжаются. Буря вновь заставляет пристать к берегам Сицилии. Там Эней еще раз демонстрирует свою любовь к отцу и устраивает в его честь поминальные игры. Троянки по наущению Юноны и Ириды поджигают корабли, и только мольбы Энея к Юпитеру спасают флот. Тень Анхиза напоминает о необходимости плыть дальше и просит Энея спуститься к нему в Элизиум. *Шестая* песнь, весьма важная для понимания всего идейного замысла поэмы, приводит корабли Энея в Кумы уже на территории Италии, где великая пророчица Сивилла через мрачную пещеру спускается вместе с ним в подземное царство. Там они встречают души умерших и среди них Дидону. В Тартаре испытывают муки те, кто преступил божеские и человеческие законы,— титаны, Алоады, Иксион и другие. Достигнув жилища блаженных, где царит вечное счастье, Эней встречает отца. Анхиз перед Энеем и Сивиллой устраивает своеобразный смотр потомкам — от первых царей до Октавиана Августа. Именно тут прозвучали знаменитые слова о предназначении римлян:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

Затем герой возвращается на поверхность земли и держит путь в страну латинов.

С *седьмой* песни начинается вторая часть поэмы. Поэт вновь обращается к Музе, поскольку ему предстоит «петь о войне, о царях, на гибель гневом гонимых», и «труд предстоит величавей, чем прежде». Царь Латин, которому было предсказано, что в его страну прибудет чужеземец и получит руку его дочери, гостеприимно встречает Энея и готов выдать за него Лавинию, но его жена Амата противится. Домогавшийся царской дочери вождь рутулов Турн собирает ополчение из латинян и соседних племен. Силы италийцев подробно перечисляются. Они готовы выступить против пришельцев. В *восьмой* песне Эней заключает союз с греком Евандром, который показывает ему живописные холмы и рощу в тех самых местах, где встанет впоследствии державный Рим. Венера просит своего супруга Вулкана изготовить для Энея оружие, и в частности щит, где мастер запечатляет будущие подвиги римлян и победы Августа. *Девятая* песнь посвящена войне. В отсутствие Энея италийцы нападают на лагерь троянцев и намерены поджечь корабли, но Юпитер превращает их в морских нимф. Два юных троянца Нис и Эвриал предпринимают ночную вылазку в стан врагов, но, совершив героические подвиги, жертвуя собой, гибнут, горько оплакиваемые соратниками. Ворвавшись в троянский лагерь, Турн свирепствует там, но вскоре вынужден отступить. В *десятой* песне жестокие

бои продолжаются. Юпитер пытается установить мир, но Венера напоминает, что тевкры (троянцы) терпят поражение, а италийцы торжествуют, однако Юпитер не склонен помогать ни тем, ни другим — нужно положиться на судьбу. Тем временем возвращается Эней с союзниками-этрусками. В ожесточенном сражении от руки Турна гибнет друг Энея Паллант. Теперь гибель грозит самому Турну, но его спасает Юнона. Мстя врагам, Эней убивает грозного Мезенция и его сына Лавза. В *одиннадцатой* песне во время перемирия обе стороны хоронят своих героев. Царь Латин предлагает заключить мир, но Турн не соглашается. Когда троянцы двинулись на главный город латинов, на помощь рутулам является конница амазонок во главе с Камиллой, но и она гибнет. Рутулы близки к полному поражению, но ночь разводит врагов. Последняя, *двенадцатая* песнь повествует о разгроме рутулов. Война завершается единоборством Энея и Турна. При поединке должны присутствовать оба войска, но сестра Турна, по наущению Юноны, побуждает латинян нарушить договор, и один из них метнул копье в троянцев. Завязывается новый бой, ранен Эней, но Венера исцеляет его. Он бросается на Турна, который молит о пощаде, но когда Эней видит на нем пояс своего погибшего друга Палланта, жалость покидает его и он убивает врага. Хотя поэма этим заканчивается, однако счастливый для троянцев исход войны уже предрешен.

«Энеида» — поэма о будущем и надеждах, о молодости и строительстве нового государства, о высшем долге человека перед потомками, о чуде возрождения некогда поверженного народа и его неистощимых силах, которые и через века приносят свои плоды. К юным героям, независимо от того, в каком они лагере, поэт относится нежно и трепетно. Его восхищают юность, красота и отвага — будь то Нис, Эвриал, Паллант или Лавз, сын Мезенция, амазонка Камилла. Их неудержимый порыв, энтузиазм, готовность пожертвовать собой за общее дело — достойный пример для потомков. Страдания и смерть на поле боя положили начало великой Римской империи. Эней, сражаясь с Турном, воевал не против италийцев, а за них, за будущее Италии и всего мира, за то, чтобы на земле воцарился золотой век.

Анхиз в подземном царстве представил Энею тех, кому суждено превратить мечту в быль, в ком соединилась кровь дарданцев и латинян:

Взоры теперь сюда обрати и на этот взгляни ты
Род и на римлян твоих. Вот Цезарь и Юла потомки:
Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет...

Вместе с тем Вергилий, на собственном опыте познавший тяготы и ужасы войны, страстно призывает соотечественников к миру:

Дети! Нельзя, чтобы к войнам ваши души привыкли!
Грозною мощью своей не терзайте тело отчизны!
Ты, потомок богов, ты первый о милости вспомни,
Кровь моя, меч опусти!..

Так переплетается прошлое и современное. Посвятив свою поэму бесконечным испытаниям и сознательному отказу от естественных человеческих радостей, Вергилий, не впадая в аскетизм, создал поэтический образ героя, поставившего себя на службу высшей исторической необходимости, Фатуму, и ценой самоотречения выполнившего до конца свой долг — перед семьей, родными пенатами, народом, отечеством, историей. Эней — человек, подверженный страстям, а не марионетка в руках судьбы, но именно поэтому он так впечатляет как символ осознанной необходимости, свободы в принятии решений. И не знаешь, чего в нем больше — живых черт или запечатленных в художественном слове актуальных для своего времени политических лозунгов.

Вергилий, ставший классиком уже при жизни и пользовавшийся безоговорочным признанием у своих современников, рано стал объектом детального изучения — ученые составляли его жизнеописания, комментировали каждую написанную им строчку. Поэта боготворили, ему подражали, без конца цитировали, учили наизусть — от императоров до простолюдинов. По его стихам гадали, использовали в эпитафиях и эпиграфах, из них составлялись даже новые сочинения — центоны (Авсоний, Проба, Маворций — IV — V вв.).

Для поздней античности и средних веков Вергилий не только звено во всеобщей литературной преемственности, но пророк и волшебник, маг и чудодей, ибо христиане в загадочной четвертой эклоге его «Буколик» («Пастушеских песен») усматривали пророчество о рождении Христа и вообще в его стихах повсюду искали поучительных аллегорий. В народных книгах Италии, Франции, Германии, Британии Вергилий выступает как целитель, хранитель заповедных тайн и высшей мудрости. Его высоко чтила даже христианская церковь и считала чуть ли не святым.

Новое время видит в Вергилии величайшего римского гения, вершину поэтических достижений «золотого века» литературы Древнего Рима, хотя споры вокруг его мировоззрения и взглядов до сих пор не утихают. И это еще одно свидетельство того, что наследие Вергилия живо. Недаром по случаю двухтысячелетия со дня смерти поэта 1982 год был объявлен ЮНЕСКО годом Вергилия.

Для средневековья Вергилий еще совсем живая фигура — герой народных и рыцарских преданий, вещий певец, и нет ничего удивительного, что он появляется в «Божественной комедии» Данте как воплощение прошлого величия Рима, как связь времен, как воплощение всей древней мудрости и проводник итальянского поэта по Аду и Чистилищу. «О честь и светоч всех певцов земли!», «Мудрец, все знавший!», «Высший ум!», «Учитель тайн заповедных!» — с такими словами обращается Данте к своему «вождю, учителю и господину» Вергилию, который силой своего творческого воображения привел Энея в Аид, чтобы там поведать ему о будущем Рима.

Вместе с *Данте* (1265—1321) поразительная машина времени под названием «Поэзия» переносит нас в пору зрелого средневековья. Та же Италия, та же прекрасная земля, но многое изменилось за прошедшие столетия — пала Римская империя, восставали угнетенные низы,

исчерпало свои возможности рабовладение, по Европе прокатились волны «великого переселения народов», испытав нашествие «варваров», страна обнищала и запустела. Рабовладельческий строй сменился феодальным, власть перешла к крупным землевладельцам. В пору высшего расцвета феодализма появились города, ставшие центром ремесел, торговли, культуры. В XIII веке крестьяне Северной и Средней Италии становятся лично свободными, но лишаются земли и пополняют ряды неимущих. Отсюда, из городов, начинается борьба за освобождение от гнета католической церкви, религиозного фанатизма, суеверий, мистики. Уже брезжил рассвет эпохи Возрождения, периода «жизнерадостного свободомыслия», раскрепостившего физические и духовные силы человека, провозгласившего главным — свободу личности. Известны слова Энгельса: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех, пережитых до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»[1]. Конец XIII — начало XIV веков в Италии — время бурного роста городов, перехода от господства феодальной аристократии к власти бюргерства, нарождавшейся и прогрессивной в то время буржуазии.

«Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени» (Ф. Энгельс)[2]. Это стояние на рубеже, на гребне двух эпох характеризует и делает творчество Данте столь сложным, двойственным и противоречивым, традиционным и новаторским. Он словно задумался на дороге, одна половина которой погружена в тень и обдувается холодным ветром, а другая — уже заискрилась, заиграла под лучами солнца и вырвалась к свету. «Божественная комедия» — это прорыв из мрака Ада в ослепительное сияние Рая, из монашеского аскетизма средних веков в жизнерадостную стихию Ренессанса. Да и пластически выразительные, полные жизненной правды и экспрессии образы Ада, жгучий интерес к человеческой личности, сочувствие к ее страданиям заключали в себе зерна нового, гуманистического мировоззрения.

Помимо «буквального», конкретно-исторического наполнения, образы «Комедии» содержат еще другой, запрограммированно-иносказательный смысл — аллегорию. На эту сторону своего творения указывает и сам поэт в девятой песне «Ада»:

О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленье да поймет,
Сокрытое под странными стихами.

Данте Алигьери родился и провел свои юные годы во Флоренции, прославленном свободном городе Тосканы, одной из наиболее развитых

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 20, с. 346.
[2] Там же, т. 22, с. 382.

областей Северной Италии. Город славился своим ремесленным производством, торговлей и банковским делом, здесь небезуспешно цехи боролись с патрициатом. Аристократическое семейство Данте принадлежало к гвельфам, сторонникам папы и тяготевшим к крупной буржуазии. Будущий поэт рано познакомился с античной и современной поэзией, латинский язык он знал так хорошо, что даже писал на нем ученые трактаты. С большим интересом Данте изучал философию, схоластику, теологию, астрономию и астрологию, как и другие, обычные для его времени науки. Первые шаги Данте в литературе отмечены лирическими стихами и книгой «Новая жизнь», где в стихах и прозе рассказывается история идеальной любви поэта к Беатриче Портинари, любви, пронесенной через всю жизнь и вновь воспетой в «Божественной комедии». Раннее творчество Данте отмечено влиянием поэзии провансальских трубадуров с их культом Прекрасной дамы и флорентийской поэтической школы, получившей название «новый сладостный стиль», отличавшейся стилистической изысканностью, аллегоризмом, философичностью, преклонением перед возлюбленными, к которым поэты питали возвышенные чувства. Беатриче умерла совсем юной, Данте женился, имел четырех детей, но своей первой любви остался верен и уже в зрелые годы создал ей «нерукотворный» поэтический памятник — «Божественную комедию».

Годы, проведенные в родной Флоренции, Данте посвящал не только уединенным занятиям поэзией и науками.. Он жил активной политической жизнью — участвовал в военных походах, борьбе партий, городском самоуправлении, выполнял дипломатические поручения. Когда в 1302 году произошел окончательный раскол между «черными» и «белыми» гвельфами (к последним примкнул Данте) и «черные», сторонники папы Бонифация VIII, в конце концов одержали победу, Данте заочно был приговорен к изгнанию, ему грозило сожжение на костре. Двадцать лет он скитался по городам Италии и узнал, «...как горестен устам чужой ломоть, как трудно на чужбине сходить и восходить по ступеням». Он жил в Падуе, Мантуе, Лукке, Вероне, Равенне, и всюду им владело чувство тоски по родине, любви и ненависти. Уже прославленный поэт, он мечтает, чтобы открылся, наконец, доступ «к родной овчарне, где я спал ягненком».

В годы изгнания Данте творит, постоянно совершенствуясь, и надеется на перемены во Флоренции; возненавидев папскую курию, он сменил политическую ориентацию и вместе с гибеллинами и «белыми» гвельфами возлагает надежды на германского императора Генриха VII, мечтавшего с триумфом войти во Флоренцию, но иллюзии остались иллюзиями. Умер Данте 14 сентября 1321 года, работая над завершением «Божественной комедии», так и не увидев любимой Флоренции, в старинном городе Равенне. Там и сейчас находится его гробница, место паломничества всех почитателей итальянского гения.

«Божественную комедию» Данте писал на протяжении всего времени изгнания. В традициях поэтики средневековья, он назвал свою поэму «Комедией», ибо, начавшись с печали, она завершается светло и радостно, в ней смешалось низменное и высокое. Это уже потомки при-

своили ей название «Божественной». В ней нашли отражение не только воззрения самого поэта, но взгляды и настроения позднего средневековья и Предвозрождения. Избирая сюжетом своей поэмы воображаемое путешествие по аду, чистилищу и раю, Данте не изобретал ничего нового. В средневековой литературе уже пользовался популярностью жанр странствий («хождений») по неведомым странам, описания видений, снов, картин загробного мира, адских мучений, испытаний в Чистилище, райского блаженства. Начало этой литературе положил новозаветный Апокалипсис (I в. н. э.). Но прикосновение гения к традиционному материалу свершило чудо: средневековая мистика и возвышенная символика обретают плоть, а отвлеченные истины и понятия — чувственную наглядность, политическую злободневность. Через «видение» распахнулось окно не столько в потусторонний, сколько в реальный мир. Личное и вселенское, космическое и человеческое, идеальное и материальное объединились в высшем поэтическом синтезе, в центре которого объективно оказался не бог, а человек. Этот синтез продуман до мелочей, он как бы рационально сконструирован заранее на чертежной доске при помощи линейки, циркуля и математических расчетов. Недаром к изданиям Данте прилагаются чертежи и схемы, ориентирующие читатсля в строении фантастических миров.

В основе структуры «Божественной комедии» лежит мистика и символика чисел: тройка (христианская троица), кратная ей девятка и число тридцать три (столько лет прожил на земле Иисус Христос, согласно легенде). Поэма состоит из «Ада», «Чистилища» и «Рая». Каждая из этих трех частей (кантик), в свою очередь, делится на 33 песни-канцоны, каждая из канцон строится из терцин, то есть из трехстрочной строфы. Если к общему числу песен прибавить Введение к поэме, в итоге получится сто песен. Каждая из частей загробного мира разделена на девять кругов, вместе с преддвериями и эмпиреем они образуют тридцать кругов, а в центре всего оказывается Беатриче. Таким образом, эта упорядоченность, гармония и симметрия вдохновлены одной идсей — указать человечеству путь к исправлению и спасению, олицетворением которого является вечная возвышенная любовь поэта — все та же Беатриче.

На основании сказанного может показаться, что в «Комедии» господствует лишь логически строгий, холодный расчет, рассудочная схема, но это был бы ошибочный вывод. Отвлеченные идеи находят у Данте реалистическое воплощение, воображение питается действительностью, поэтому в поэме так много подлинных имен современников и сравнений из повседневной жизни. Образы «Комедии» не бесплотные тени; даже находясь по ту сторону жизни, они волнуют своей достоверностью, написанные скупой, но энергичной, мощной и страстной кистью. Прежде всего эти слова относятся к Аду, где томятся души грешников — людей не придуманных, а реальных, к которым поэт относится то с ненавистью, то якобы равнодушно, то с сочувствием и состраданием. Через мир потусторонний и далекий с нами разговаривает мир близкий и земной. Мифологический план смыкается с реальным.

В начале «Ада» автор говорит о себе, включает в поэму образы Вергилия и Стация. Древний эпос был анонимным и чурался выставлять напоказ своего творца, а воинствующий индивидуализм эпохи Возрождения заставлял даже художников вписывать свой портрет в исторические полотна. Итак:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Из этого дикого и мрачного леса поэта выводит Вергилий, посланный Беатриче, и спасает от диких зверей — льва, волчицы и рыси. Здесь все пронизано аллегоризмом. Дремучий лес — жизнь человеческая с ее грехами, тяготами и заблуждениями, звери — три главных порока: гордыня, алчность, сладострастие, Вергилий — мудрость земная, просвещающая и наставляющая, Беатриче — мудрость небесная.

В девяти кругах Ада, все суживающимися уступами спускающихся к центру земли, терпят заслуженные наказания грешники. В первых пяти кругах томятся грешившие несознательно, по слабости характера, в последних четырех — настоящие злодеи. Первый круг (Лимб) предназначен для не познавших истинной веры и крещения. Сюда попали древние мудрецы, поэты и герои — язычники Гомер, Сократ, Платон, Гераклит, Гораций, Овидий, Гектор, Эней. Второй круг наполнен жертвами не управляемых разумом наслаждений и страстей — Елена, Парис, Дидона, Клеопатра. Именно здесь поэту явились несомые бурей тени несчастных влюбленных Паоло и Франчески. Третий круг уготован для чревоугодников, которых терзал Цербер, четвертый — для стяжателей, богачей, скупцов и расточителей, пятый — для затягиваемых Стигийскими болотами гневливых. Тут стены скорбного города Дита, озаренного багровыми сполохами огня, ограждают нижнюю часть Ада. Открытые могилы шестого круга оглашаются стонами еретиков, палимых вечным огнем. Седьмой круг, разделенный на три пояса,— удел насильников всякого рода — погруженных в кипящую кровь тиранов, убийц, поджигателей, богохульников. В восьмом круге уготованы муки обманщикам, сводникам, обольстителям, льстецам, лицемерам, ворам, торговцам церковными должностями. Девятый круг, «мировое дно», предназначен для самых ненавистных и отвратительных грешников — изменников, предавших отца и мать, друзей, благодетелей, гостеприимцев, родину и бога. Последние помещены в самый низ Ада — Джудекку, где подвергаются чудовищным пыткам — холодом. Здесь властвует «повелитель царства скорби», падший ангел отвратительный Дит (Люцифер, Сатана). Своими тремя страшными пастями, источающими кровавую слюну, он грызет предателя Иуду, убийц Цезаря — Брута и Кассия. Здесь царство холода и льда, мрака и ужаса. С помощью своего доброго вожатого Данте покидает его:

Он — впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет.
И здесь мы вышли вновь узреть светила.

По христианским верованиям, грешники, не осужденные на вечные муки и надеющиеся на искупление, попадают в Чистилище, где они могут очиститься от семи смертных грехов. Данте вместе с Вергилием оказываются на берегу Океана, где на неведомом острове высится гора Чистилища с девятью сужающимися к усеченной вершине уступами. На плоской вершине горы находится Земной Рай. В первом круге Чистилища ангел оставил на челе Данте знак из семи латинских букв «Р» — символ семи смертных грехов, от которых поэту предстояло освободиться. По мере восхождения на новые ярусы ангелы стирали по одной литере, поэтому на подступах к Земному Раю Данте оказывается очищенным от всех мистических клейм. Тут его покидает неизменный проводник, «сладчайший отец» Вергилий, так как в христианский рай ему, язычнику, доступа нет.

Когда под нами весь уклон проплыл
И мы достигли высоты конечной,
Ко мне глаза Вергилий устремил,
Сказав: «И временный огонь и вечный
Ты видел, сын, и ты достиг земли,
Где смутен взгляд мой, прежде безупречный...»

Место Вергилия сначала занимает доброжелательная и прекрасная женщина Мательда, ведущая его по Земному Раю. Затем Беатриче уносит его в горние выси, вплоть до обители блаженных — Эмпирея и «небесной Розы». С ее помощью поэт приобщается к абсолютному совершенству, тайнам святой троицы, Создателя и «любви, что движет солнце и светила». Так заканчивается удивительное путешествие Данте по Аду, Чистилищу и Раю, которое он совершил в свои 35 лет в течение недели в апреле 1300 года.

Как всякое произведение средневековой литературы, «Божественная комедия» полна потаенного смысла, метафизики, символики и иносказаний. В своем раннем сочинении «Пир» Данте указывает на четыре смысла, содержащихся в поэзии: буквальный, аллегорический, моральный и анагогический (иначе говоря, пропагандистский, заставляющий человека преобразовывать мир, действовать). Понятно, что в «Божественной комедии» мы встретимся с ними.

Морально-религиозная концепция «Божественной комедии», взятая в целом, коренится в специфике средневекового мировосприятия. Беатриче, воспетая Данте,— бесплотный дух, церковь, богословие, высшая справедливость, средство приобщения к вечной жизни, давшее возможность созерцать бога. Исторические реалии также говорят о средневековье, но величие Данте не в приверженности к этим доктринам, не в идеализации прошлого Флоренции, а в его поразительном искусстве провидца, предвещавшего новую эру в истории человечества. Это новое складывалось из преклонения перед жизнерадостным и гуманным искусством античности, ее мифологией, героями, литературой, из интереса к человеческой личности, ее страстям и психологии, к жизненным ценностям, из любви к природе, доходящей до пантеизма, к матери-

альному миру, в пристрастии к судьбам людей, множество из которых проходит перед умственным взором читателя.

Вот прославленный рассказ о трагической любви Паоло и Франчески да Римини, убитых тайно вернувшимся супругом, братом Паоло, когда он застал молодых людей вдвоем. Повествуя о несчастных влюбленных, претерпевающих муки в аду, Данте не осуждает их, но полон сострадания: «...и мука их сердец мое чело покрыла смертным потом; и я упал, как падает мертвец». Потрясает рассказ о пизанском гвельфе графе Уголино, который был предательски схвачен вместе с сыновьями архиепископом Пизы гибеллином Руджиери, заточен в башню и погиб там от голода вместе с детьми. В девятом круге Ада тень Уголино, одержимая ненавистью и злобой, гложет череп Руджиери. И здесь прочитывается сочувствие к страдальцам, но каким гневом, сатирической силой, иронией и горечью загораются терцины, когда заходит речь о судьбах Италии, о порядках, царящих в Риме и Флоренции!

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

(«Чистилище», песнь VI).

Жизнь с ее реальными проблемами адским вихрем врывается в «Божественную комедию», превращая ее в «Человеческую». О политике спорят даже в Аду. Гибеллинская идея всемирной монархии и ненависть к папству составляют политический пафос поэмы. Император Генрих VII помещается в Рай, а ненавистные папы и продажные «князья церкви» — в Ад. Данте не скрывает своих политических пристрастий, осуждает гражданские войны, насилие, интриги, власть золота, стяжательство, ростовщичество и прославляет старую Флоренцию с ее мирным и скромным укладом, где граждане, как он думал, жили в добродетели и единенье («Рай», песнь XV). Эти идеи не могли не воодушевлять жаждущий спокойствия и свободы народ. Подлинная народность «Божественной комедии», написанной не на книжном латинском, а на живом итальянском языке, заключается в идее высокой нравственности, в жажде справедливости и правды, вере во всемогущество пытливого человеческого ума, в мечте о лучшем будущем. Современникам был близок полный веры в народ призыв поэта:

Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены.

(«Ад», песнь XXVI).

Об искусстве Данте исписаны тома, но ограничимся главным: предельная выразительность и сжатость, суровый реализм, схватывающий суть, пластичность конкретно-чувственных форм в сочетании со скупостью изобразительных средств, превращающие каждый образ и описания поэмы в многозначный символ потрясающей достоверности, что заставляет читателя верить в реальность самых фантастических сцен. Чеканный и афористичный стих, эпически величавый и возвышенный

язык, не чуждавшийся подчас просторечья, вульгарных и по-народному энергичных выражений. Художественное сознание Данте не разделяло искусства, философии и науки. «Божественная комедия» — синтез всей культуры своего времени, нашедшей пластическое выражение в творчестве первых художников Возрождения: в нем соединился возвышенно-торжественный стиль Чимабуэ и драматизм Джотто, сохранившего для потомков суровый и вдохновенный облик своего великого сверстника. Данте почувствовал первые благодатные сдвиги в духовной жизни своего времени:

О, тщетных сил людских обман великий,
Сколь малый срок вершина зелена,
Когда на смену век идет не дикий!
Кисть Чимабуэ славилась одна,
А ныне Джотто чествуют без лести,
И живопись того затемнена.

(«Чистилище», песнь XI, 91—96).

Если ученые подробности, сложная символика и некоторые исторические факты были неведомы и непонятны даже ближайшим потомкам, что заставило уже Боккаччо выступать с публичными лекциями о Данте, то гуманизм «Божественной комедии», ее нравственный пафос, утверждение высших духовных ценностей, призыв к постоянному совершенствованию, неуспокоенности, боль за людей, глубокий патриотизм волнуют нас и сегодня.

Жизненный и творческий подвиг Данте сделал его не только «подводящим итоги», но и основоположником новой итальянской литературы и языка, «колоссальной фигурой», по выражению Энгельса, в истории всемирной художественной словесности. Может быть, впервые в западноевропейской литературе благодаря Данте появился человек столь неоднозначный, грешник и праведник, страдающий и сильный. Поэзия его вобрала и отразила оттенки всех человеческих чувств на пределе — трагизм и отчаяние, ужас и просветление, любовь, отвращение, возвышающую радость и надежду, трепетное состояние полета к счастью, идеалу, истине и совершенству.

Свои впечатления от чтения Данте стремился передать в своей поразительной летящей графике великий флорентийский художник Боттичелли. Искусство всех родов и видов еще много раз обращалось к образам «Божественной комедии» и ее творца (Микеланджело, Рафаэль, Г. Дорэ, О. Роден, А. Пушкин, Ф. Достоевский, А. Майков, Дж. Верди, П. И. Чайковский и многие другие художники).

Теперь вернемся на полтора-два столетия назад и из Италии XIII века переместимся во Францию XI века, в страну, раздробленную на большие и малые поместья-феоды, где не затухало пламя войн и рыцари больше заботились о воинской славе, чем о процветании своих владений. Города и здесь постепенно укрепляются и постепенно начинают играть все более заметную роль в политике, экономике и культуре. Раздробленность, бесконечные распри и стычки, изматывающие народ и разо-

ряющие страну, подготавливали почву для понимания необходимости единства, сплочения и централизации власти под эгидой короля, на которого смотрели как на защитника от произвола крупных феодалов. В этих условиях «...королевская власть,— писал Ф. Энгельс,— была прогрессивным элементом. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти...»[1].

Примерно в это время (XI — XII вв.) во Франции и Испании складываются национальные литературные языки и появляется множество разнообразных художественных произведений. Они отражали сложный мир мыслей и чувств средневекового человека, скованный церковными догмами и вольнодумный. Здесь и религиозные гимны, и литургические драмы, карнавальные празднества с их зрелищностью, стихией смеха, плясками ряженых и песнями. Тут и героические песни («жесты»), исполняемые бродячими певцами — жонглерами и хугларами, воспевавшими воинские подвиги, и лирика трубадуров, прославлявшая Прекрасную даму и кодекс рыцарской чести, стихотворные рыцарские романы о любви и приключениях. Среди наиболее выдающихся памятников героического эпоса западноевропейского средневековья, сложившихся на основе народных сказаний,— французская «Песнь о Роланде» и испанская «Песнь о моем Сиде».

«Песнь о Роланде», написанная на старофранцузском языке, возникла, вероятно, в конце XI — начале XII века и дошла в наиболее ранней Оксфордской рукописи, датируемой приблизительно 1170 годом. Несмотря на феодальную раздробленность Европы, сюжеты и герои эпических поэм и рыцарских сказаний, зародившихся на французской почве и исполняемых странствующими певцами-жонглерами, становились достоянием многих народов. В частности, обнаруженная в Оксфорде рукопись свидетельствует о том, что подвиги Роланда волновали и англичан. В XII веке поэмы «Каролингского (то есть о Карле Великом) цикла» стали так популярны, что в городах Италии показывали то гробницу Роланда, то его знамя, а в Риме одну из улочек даже назвали по имени Дюрандаля, меча великого рыцаря. Французские сказания о Карле, Ронсевальской битве и Роланде (Орланде) знал и Данте. Роланду были посвящены рыцарские поэмы великих итальянских поэтов эпохи Высокого Возрождения — «Влюбленный Роланд» Боярдо и «Неистовый Роланд» Ариосто, оказавшие сильное влияние на европейскую поэзию. Не миновало оно и нашего Пушкина.

Уже на примере Гомера можно представить, какими путями складывался героический эпос, как талантливые певцы, вдохновленные великими событиями и идеями, превращали историю в поэзию. Истинный художник никогда не отделяет себя от судеб своего народа, «я» и «мы» срастаются в его творчестве в единое целое. «Песнь о Роланде» — не исклю-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 21, с. 411.

чение. Примыкая к циклу сказаний о короле Франции, она формировалась и отшлифовывалась устной традицией в течение веков, воспевая доблестные дела рыцаря Роланда, мудрость и отвагу императора Карла Великого. «Песнь о Роланде» и в самом деле была *песней*, ибо напевалась жонглерами под аккомпанемент небольшой арфы или виолы. Многие из ее строф, называемых тирадами или лессами, заканчиваются возгласом «Аой!», означавшим, видимо, припев или мелодию, используемую при исполнении (вспомните русские былины!).

В основе «Песни о Роланде» лежат подлинные, но художественно переосмысленные исторические события, относящиеся к VIII веку. Летописец Карла Великого Эйнхард сообщает, что в 778 году король франков предпринял первый поход для освобождения Испании от арабов (мавров). Захватив несколько городов, Карл дошел до Сарагосы, но здесь встретил сильное сопротивление и был вынужден повернуть вспять. Во время отступления арьергард французского войска попал в засаду в Ронсевальском ущелье (Пиренеи), где был атакован басками и уничтожен. В этом бою погиб и один из прославленных «пэров» короля граф Роланд[1].

В поэме, окончательно сложившейся уже в эпоху крестовых походов, христиане-баски превратились в мавров-сарацинов, а неудачная военная экспедиция франков — в глобальное семилетнее противостояние христианского и мусульманского миров. Однако содержание «Песни» не исчерпывается религиозной войной «верных» и «неверных». Ее воодушевляла общенародная идея единства, патриотизма, горячей любви к «милой Франции», верности королю, защищавшему своих подданных от произвола надменных феодалов и набегов язычников. «В этой песне,— отмечал Энгельс,— воспевается единство Франции, воплощенное в личности Карла,— несуществующая идеальная феодальная монархия»[2].

Разумеется, средневековая традиция идеализировала рыцарское сословие, верных вассалов и мудрость Карла Великого, победоносного полководца, защитника христианства, с именем которого связан действительный подъем культуры VIII — IX веков — так называемое «Каролингское возрождение», но даже мы, современные читатели «Песни о Роланде», забываем о мрачных сторонах средневековья, междоусобиях баронов, фанатизме, невежестве, гнете крепостников, жестоких нравах и религиозном мракобесии, а восхищаемся воспетыми в ней такими человеческими качествами, которые всегда вызывают желание подражать — благородством, юной отвагой, презирающей смерть, великодушием, рыцарской верностью долгу и чести, искренней дружбой, готовностью к самопожертвованию ради торжества правого дела, беззаветной любовью к родине. Эти же качества подкупают нас и в героях романов Вальтера Скотта из рыцарских времен.

В монументальном образе Роланда воплощены все лучшие качества рыцарства, делающие его подлинно народным героем. Даже его без-

---

[1] В «Жизнеописании Карла Великого» Эйнхарда он назван «Хруодланд, начальник Бретонской марки», то есть пограничного округа Франкского государства.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 301.

рассудство воспринимается как обостренное чувство личной ответственности, как желание и на краю гибели справиться с опасностями одному, а не звать на помощь далеко ушедшее вперед королевское войско. Когда же он, смертельно раненный, готов затрубить в свой боевой рог Олифан, его побратим рыцарь Оливье, как и Роланд, считавший, что «гибель лучше, чем бесчестье», укоряет:

Быть смелым мало — быть разумным должно,
И лучше меру знать, чем сумасбродить.

В битве с полчищами мавров Роланд и все воинство Карла проявляют отвагу и мужество. Как и Гомер, автор «Песни» не щадит чувства слушателей, живописуя ужасы войны, подробности самых кровопролитных поединков: могучие удары мечей сносят головы, дробят черепа, вспарывают грудь и животы. Но в этих страшных, по-средневековому жестоких сценах есть правда тех дальних времен, поэтическая сила.

Когда Роланд понимает, что смерть близка, он

Свой меч и рог кладет себе на грудь,
К Испании лицо он повернул,
Чтоб было видно Карлу-королю,
Когда он с войском снова будет тут,
Что граф погиб, но победил в бою.

Сцена прощания Роланда с мечом — одна из самых трогательных в поэме. Узнав о гибели арьергарда, Карл и его бароны громко рыдают, а король даже падает без чувств. Это не гипербола. Герои давних времен прямодушны, открыты, импульсивны, в них мужество соседствует с чувствительностью. Вспомните, и Ахилл плакал, когда от него уводили Брисеиду.

Все жаждут возмездия и, прежде всего, наказания подлого изменника Ганелона, однако, как и у Гомера, враги написаны не одними только черными красками. Народный эпос справедливо судит — среди мавров немало отважных бойцов:

Все яростней, все беспощадней схватка.
И мавры и французы бьются славно.

Один из мусульманских полководцев правитель Вавилона Балиган, старше «Вергилия с Гомером». Даже внешне он похож на седобородого короля Карла, которым всегда так восхищается французский бард:

Как он могуч, и строен, и удал,
Осанист телом и красив с лица!
Никто его не выбьет из седла.

Даже гнусный предатель Ганелон, олицетворяющий в поэме историческое зло, все, так сказать, черты антирыцарства, феодальные центробежные силы, даже он по-своему привлекателен и смел. Перед судом в ожидании решения своей участи —

Он свеж лицом, на вид и смел и горд.
Вот был бы удалец, будь честен он!

Автор «Песни о Роланде», повествуя о далеком прошлом, как бы любуется своими героями и их подвигами, отдавая должное каждому, поэтому и конечная победа французов представляется весомее и значительнее, а поражение мавров и жестокая казнь Ганелона воспринимаются с удовлетворением как акт высшей справедливости, как предупреждение всем предателям.

Торжество высшей справедливости средневековый человек не мог помыслить без вмешательства божественной силы, поэтому в «Песне о Роланде», как и в античном эпосе, есть второй, божественный план. Роланду и Карлу покровительствует архангел Гавриил и сам господь бог, к которым в самые тяжкие минуты герои обращаются с горячими молитвами.

Преследуя мавров, Карл молит бога остановить Солнце, чтобы наступающая темень не помогла врагам избежать кары. Чудо свершилось — Солнце остановилось. Булатный меч Роланда, его Дюрандаль, невозможно сокрушить или уничтожить, потому что в рукоять вделаны святые реликвии.

Карл Великий, его верный вассал Роланд, как и другие бароны короля, которых прославляет поэма, отнюдь не выходцы из народных низов, а самая родовитая знать, однако «Песнь о Роланде» — народный героический эпос. Народность на определенных этапах истории литературы вовсе не зависит от социального происхождения героев. Она определяется тем, насколько глубоко отразились в них тенденции исторического развития, прогрессивные сдвиги, общенародные моральные представления и идеалы. В какой-то мере народность древнего эпоса, где действуют цари, короли, знатные воины, находит объяснение в глубокой мысли Гегеля. Дело тут не в монархизме или аристократизме, говорит он, а в том, что высокое положение действующих лиц гарантирует им свободу действий и образа мыслей, что недоступно простолюдинам, а это очень важно для целей искусства. Слава короля Карла и графа Роланда — слава всех франков, а не только их личная. Народность «Песни о Роланде» прежде всего объясняется ее высоким патриотическим звучанием, гордостью за красоту и отвагу ее воинов, гражданственностью, особенно важными для народа в процессе становления его национального самосознания, сплочения и собирания единого государства.

Народность «Песни» — и в ее связи с произведениями устного поэтического творчества с их традиционными художественными средствами (повторы, формулы, постоянные эпитеты, гиперболы, параллелизмы), с их способностью вбирать в себя все лучшее, что было создано до появления первого закрепленного литературного текста. Средневековая «Песнь о Роланде» правдива не только потому, что в основе ее лежит историческое зерно и поэт не скрывает горькой реальности поражения французов в Ронсевальском ущелье, но и потому, что она во весь голос говорила о насущных задачах французского народа и учила его единству, верности общему долгу и осуждала измену, своеволие,

феодальный эгоизм, воспевала дружбу, воинскую доблесть, женскую преданность, любовь к родине. Многое сближает «Песнь о Роланде» с близкими ей по времени былинами и великими творениями древнерусской литературы, в первую очередь с ее жемчужиной — «Словом о полку Игореве».

Античность и средние века принадлежат не только своему времени. Классическая культура никогда не умирала и, возникая в памяти народов в критические периоды истории, неизменно служила знаменем прогресса. Даже в средние века, которые совсем недавно считались темным провалом в истории, античность продолжала влиять на умы, а рукописи языческих авторов сохранялись и переписывались в христианских монастырях, настоятели которых, вероятно, не всегда отдавали себе отчет, какой взрывчатый и горючий материал они накапливали. «Каролингский ренессанс» VIII — IX веков и эпоха Возрождения, Византия во времена «македонской династии» и при Палеологах, культ античности у просветителей (Винкельман, Лессинг) в эпоху классицизма и Французской буржуазной революции — вот главные вехи на пути освоения духовного наследия классической древности, которое всегда действовало как глубинный катализатор в процессе становления национальных и мировой культур.

У народов нашей Родины с античным миром существовали давние и прочные связи. Северное Причерноморье, Приднепровье, Крым, Кавказ соприкасались с греческой культурой еще в архаические времена. Нельзя умолчать и о том, что грамотность и просвещение пришли на Русь в X веке вместе с принятием князем Владимиром христианства из рук византийских греков в греческом граде Корсуне (Херсонес), о чем рассказывает начальная русская летопись «Повесть временных лет». Русские люди в древности читали не только священное писание, но знакомились и с античной литературой. Так «Притча о кралех» и «Повесть об осаде и пленении Тройском» рассказывали им о Троянской войне, а в середине XVI века в Благовещенском соборе Московского Кремля появились фрески с изображением Гомера, Вергилия и других великих мужей древности. В 1649 году в Москве открылась Славяно-греко-латинская школа (позднее преобразованная в академию), и с тех пор античное наследие широко изучается в нашей стране и обогащает отечественную культуру.

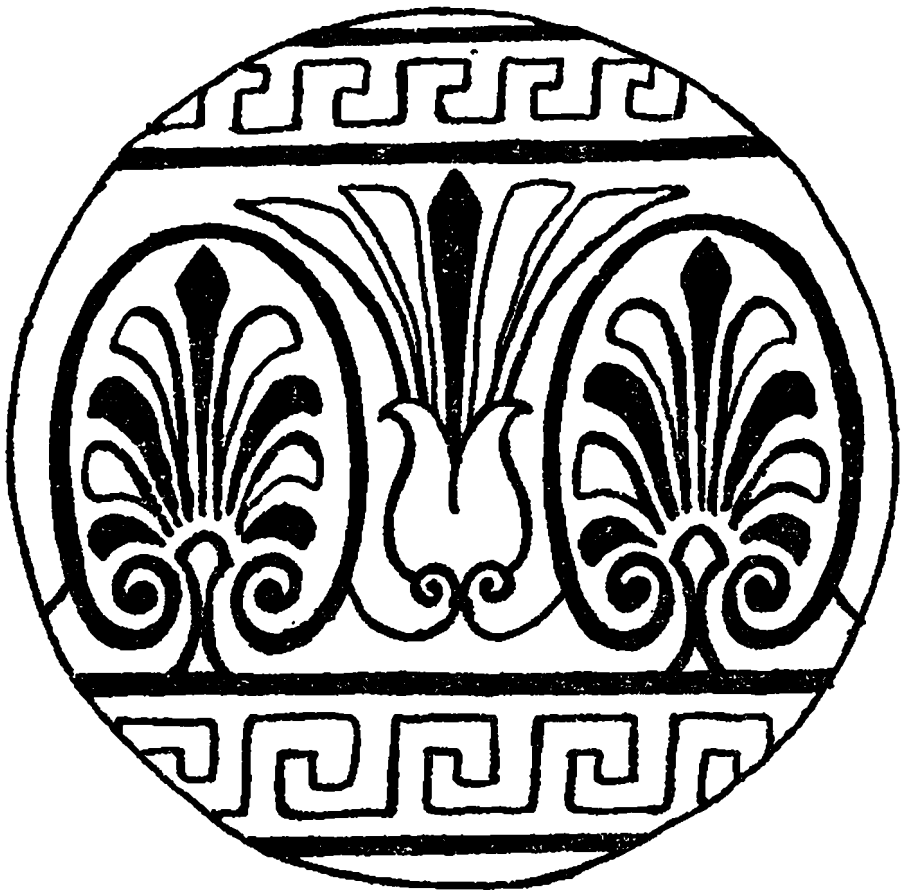
Мы познакомились с классическими образцами эпического творчества европейских народов. Заключенное в них идейное богатство, яркие характеры, художественное совершенство сделали их неувядаемыми. Вечные образы мировой литературы начинаются здесь. И пусть не отпугнет вас даль времен от этих удивительных, но порой нелегких в чтении творений.

И. Нахов

ГОМЕР

Илиада

Эпическая поэма



Перевод с древнегреческого

В. ВЕРЕСАЕВА

Текст печатается в сокращении по изданию:
Гомер, «ИЛИАДА»,
Государственное издательство
художественной литературы,
М.— Л., 1949

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

МОР. ГНЕВ

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Много сильных душ героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса,
С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно
Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид многосветлый.

Кто ж из бессмертных богов возбудил эту ссору меж ними?
Сын Лето и Зевса. Царем раздраженный, наслал он
Злую болезнь на ахейскую рать. Погибали народы
Из-за того, что Хриса-жреца Атрид обесчестил.

Тот к кораблям быстролетным ахейцев пришел, чтоб из плена
Вызволить дочь, за нее заплативши бесчисленный выкуп.
Шел, на жезле золотом повязку неся Аполлона,
И обратился с горячей мольбою к собранью ахейцев,
Больше всего же — к обоим Атридам, строителям ратей:
«Дети Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
Дай вам бессмертные боги, живущие в домах Олимпа,
Город приамов разрушить и всем воротиться в отчизну!
Вы же мне милую дочь отпустите и выкуп примите,
Зевсова сына почтивши, далеко разящего Феба»".

Все изъявили ахейцы согласие криком всеобщим
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп.
Лишь Агамемнону было не по сердцу это решенье;
Нехорошо жреца он прогнал, приказавши сурово:
«Чтобы тебя никогда я, старик, не видал пред судами!

Нечего здесь тебе медлить, не смей и вперед появляться!
Или тебе не помогут ни жезл твой, ни божья повязка.
Не отпущу я ее! Состарится дочь твоя в рабстве,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далеко,
Ткацкий станок обходя и постель разделяя со мною.
Прочь уходи и меня не гневи, чтобы целым вернуться!»

Так он сказал. Испугался старик и, послушный приказу,
Молча побрел по песку вдоль громко шумящего моря.
От кораблей удалясь, опечаленный старец взмолился
К сыну прекрасноволосой Лето, Аполлону владыке:
«Слух преклони, сребролукий, о ты, что стоишь на защите
Хрисы и Киллы священной и мощно царишь в Тенедосе!
Если, Сминфей, я когда-либо храм тебе строил на радость,
Если когда пред тобою сжигал многотучные бедра
Коз и быков, то услыши меня и исполни желанье:
Пусть за слезы мои отмстят твои стрелы данайцам!»

Так говорил он, молясь. И внял Аполлон сребролукий.
Быстро с вершин олимпийских пошел он, охваченный гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, трясясь за плечами, звенели
Вместе с движеньями бога. Он шествовал, ночи подобный.
Сев вдали от ахейских судов, тетиву натянул он;
Страшно серебряный лук зазвенел под рукой Аполлона.
Мулов начал сперва и быстрых собак поражать он,
После того и в людей посыпались горькие стрелы,
Пламя костров погребальных всечасно пылало повсюду.

Девять носилися дней аполлоновы стрелы по стану.
В день же десятый созвал Ахиллес народ на собранье,
Это внушила ему белорукая Гера богиня:
Скорбью терзалась она, погибающих видя данайцев.
Стали сбираться они, и, когда на собранье сошлися,
С места поднявшись, пред ними сказал Ахиллес быстроногий:
«Видно, придется, Атрид, после долгих скитаний обратно
Нам возвращаться домой, если смерти избегнуть удастся:
Страшно и гибельный мор, и война истребляют ахейцев.
Спросим, однако, жреца какого-нибудь иль пророка,
Иль толкователя снов: ведь и сон посылается Зевсом.
Пусть нам поведает он, отчего Аполлон так рассержен:
Гневен ли он за обет неисполненный, за гекатомбу?
Или же дыма от жира баранов и коз без порока
Требует бог, чтобы нас от жестокого мора избавить?»

Так произнес он и сел. И тогда пред собраньем ахейцев
Встал Калхас Фесторид, превосходный гадатель по птицам.

Ведал, премудрый, он все, что было, что есть и что будет,
И по просторам морским направлял корабли к Илиону
Силой гадания, данной ему Аполлоном владыкой.
Добрых намерений полный, взял слово и стал говорить он:
«О Ахиллес! Объяснить мне велишь ты, любимец Зевеса,
Гнев Аполлона, далеко разящего бога-владыки.
Я объясню. Но пойми и меня,— поклянися мне раньше,
Что защитить пожелаешь меня и рукою, и словом.
Думаю, сильно придется разгневать мне мужа, который
Аргосом правит, которому все здесь ахейцы послушны.
Страшен для низшего царь, если злобу его он возбудит.
Вспыхнувший гнев он хотя и смиряет на первое время,
Но́ сокровенную злобу, поку́да ее не проявит,
В сердце таит. Рассуди ж и скажи мне, спасешь ли меня ты?»

Тотчас Калхасу в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«Смело веление бога открой нам, какое б ни знал ты.
Фебом клянусь я, Зевеса любимцем, которому также
Молишься сам ты, Калхас, открывая веления бога:
Нет, пред судами, покуда живу на земле и смотрю я,
Рук тяжелых, клянусь, никто на тебя не поднимет
В стане пространном данайцев, хоть будь это сам Агамемнон,
Властию нынче верховной гордящийся в войске ахейском!»

Сердцем тогда осмелел и сказал безупречный гадатель:
«Сердится не за обет неисполенный иль гекатомбу
Феб, но за Хриса-жреца: обидел его Агамемнон,
Дочь ему выдать назад отказался и выкуп отвергнул.
Этого ради карает нас бог, и еще покарает.
Не отведет от данайцев постыдной он гибели прежде,
Чем быстроглазую дочь отцу не вернете обратно
Даром, без выкупа,— прежде, чем в Хрису святой гекатомбы
Не привезете. Тогда лишь на милость мы бога преклоним».

Слово окончил и сел Фесторид. И с места́ поднялся
Сын Атрея, герой Агамемнон пространнодержавный.
Гневом пылал он. В груди его мрачное сердце ужасной
Злобой наполнилось. Ярко глаза загорелись огнями.
Прежде всего он Калхасу ответил, зловеще взглянувши:
«Бед предвещатель! Хорошего ты никогда не сказал мне!
Вечно приятно тебе только бедствия людям пророчить.
Доброго слова ни разу ты нам не сказал, не поведал.
Вот и теперь объявляешь ты всем, как речение бога,
Будто бы беды данайцам за то ниспослал Дальновержец,
Что за прекрасную Хрисову дочь я блистательный выкуп
Не пожелал получить. Ну да! Я хочу ее очень
Дома иметь; Я ее Клитемнестре, законной супруге,

Предпочитаю: нисколько не хуже она Клитемнестры
Станом своим и лицом, своими делами и нравом.
Но соглашаюсь: ее возвращу, если требует польза.
Лучше желаю я видеть спасенье, чем гибель народа.
Вы ж мне награду тотчас приготовьте, чтоб я средь ахейцев
Не оставался один безнаградным,— прилично ли это?
Сами вы видите все, что свою я теряю награду».

Так он сказал. И ответил ему Ахиллес быстроногий:
«Сын многославный Атрея, корыстнейший муж между всеми!
Высокодушным ахейцам где взять тебе эту награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ;
Что в городах разоренных мы добыли, всё поделили;
А отбирать у народа, что было дано, не годится.
Лучше ее возврати в угождение богу. А после
Втрое и вчетверо все мы, ахейцы, за это заплатим,
Если поможет нам Зевс крепкостенную Трою разрушить».

Сыну Пелея в ответ сказал Агамемнон владыка:
«Доблестен ты, Ахиллес, на бессмертных похожий,— однако
Полно лукавить: меня провести иль склонить не сумеешь!
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я, обойденный,
Так, без нее бы сидел? И велишь, чтобы эту отдал я?
Пусть же ахейцы меня удовольствуют новой наградой,
Столь же приятною сердцу, вполне равноценною с первой.
Если же в том мне откажут, то сам я приду и награду
Или твою заберу, иль Аяксову, иль Одиссея
Дать заставлю; и рад тот не будет, к кому я явлюся!
Все это, впрочем, подробно обдумать мы сможем и послс.
Нынче же черный корабль на священное море мы спустим,
Выберем тщательно лучших гребцов, гекатомбу поставим
И Хрисеиду посадим, прекрасноланитную деву.
Станет один во главе кто-нибудь, разумный в советах,—
Идоменей, Одиссей ли божественный, храбрый Аякс ли,
Или и сам ты, Пелид, ужаснейший между мужами,
С тем, чтобы жертвою к нам Дальновержца на милость
подвигнуть».

Гневно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Эх, ты, в бесстыдство одетый, о выгоде все твои думы!
Кто из ахейцев захочет твои предложения слушать —
В путь отправляться какой-то иль храбро с врагами сражаться?
Я за себя ли пришел, чтобы против троян-копьеборцев
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не повинны троянцы.
Ни лошадей, ни коров у меня ведь они не угнали,—
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами богатой,
Нив никогда не топтали; безмерные нас разделяют

Горы, покрытые лесом, и шумные воды морские.
Нет, для тебя мы, бесстыдник, пришли, чтобы ты был доволен,
Честь Менелая блюдем и твою, образина собачья!
Ты ж за ничто это все почитаешь и все презираешь.
Также и мне ты грозишь, что моей завладеешь добычей,
Подвигов тяжких наградой ахейцам мне присужденной.
Но никогда не имею награды я равной с твоею,
Если ахейцы какой-нибудь город троянский захватят.
Больше всего нас приводят к победе средь сечи жестокой
Эти вот руки мои; но как только дележ наступает,
Дар богатейший — тебе. А я, и немногим довольный,
В стан свой к судам возвращаюсь, трудом боевым истомленный.
Еду теперь же во Фтию! Гораздо приятней вернуться
На кораблях изогнутых домой. Посрамленный тобою,
Не собираюсь тебе умножать здесь богатств и запасов!»

Тут возразил Ахиллесу владыка мужей Агамемнон:
«Что же, беги, если хочешь! Не я умолять тебя стану
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Всех ненавистней ты мне меж царями, питомцами Зевса.
Только раздоры, война и сраженья тебе и приятны.
Да, ты рукою могуч. Но ведь это дано тебе богом.
В дом возвращайся к себе с кораблями своими, с дружиной.
Правь мирмидонцами там. По тебе я, поверь, не печалюсь,
Гнев твой меня не страшит, а грозить тебе буду я вот как:
Феб-Аполлон у меня Хрисеиду мою отнимает,—
Пусть! Ее на моем корабле и с моею дружиной
Я отошлю; но к тебе я приду и твою Брисеиду
Сам уведу, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Силой насколько я выше тебя, и чтоб каждый страшился
Ставить со мною себя наравне и тягаться со мною!»

Так говорил он. И яростный гнев охватил Ахиллеса.
Сердце в груди волосатой меж двух колебалось решений:
Или, острый свой меч обнажив, у бедра его бывший,
В разные стороны всех разбросать и убить Атреида,
Или же гнев прекратить, смирив возмущенное сердце.
В миг, как подобными думами разум и сердце волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он, явилась Афина
С неба; послала ее белорукая Гера богиня,
Сердцем обоих любя и равно об обоих заботясь.
Став позади Ахиллеса, коснулась волос его русых,
Видима только ему, никому же из прочих незрима.
Быстро назад обернулся Пелид изумленный; узнал он
Сразу Палладу-Афину; блестели глаза ее страшно.

Громким голосом ей он слова окрыленные молвил:
«Дочь Эгиоха, зачем ты сюда ниспустилась с Олимпа?
Иль пожелалось тебе увидать Агамемнона наглость?
Но говорю я тебе, и я это намерен исполнить:
Скоро он дух свой чрезмерной своею надменностью сгубит!»

Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Бурный твой гнев укротить я сошла, если будешь послушен,
С неба; послала меня белорукая Гера богиня,
Сердцем обоих любя и равно об обоих заботясь.
Ну, оканчивай ссору, рукою меча не касайся!
Словом, впрочем, ругайся, каким тебе будет угодно.
Вот что тебе я скажу, и все это исполнится точно:
Вскоре тебе здесь дарами такими ж прекрасными втрое
За оскорбленье заплатят. Сдержись же и нам повинуйся!»

Ей отвечая, промолвил тогда Ахиллес быстроногий:
«Вашего с Герою слова, богиня, я слушаться должен,
Как бы духом гнев ни владел, ибо так оно лучше.
Тем, кто послушен богам, и боги охотно внимают».

На рукоятке серебряной стиснув тяжелую руку,
Меч свой огромный в ножны опустил Ахиллес, покоряясь
Слову Афины. Она ж на Олимп воротилась обратно
В дом Эгиоха-Зевеса, в собрание прочих бессмертных.
Сын же Пелея с словами суровыми тотчас к Атриду
Вновь обратился, и в сердце нисколько не сдерживал гнева:
«Пьяница жалкий с глазами собаки и с сердцем оленя!
Ты никогда ни в сраженье отправиться вместе с народом,
Ни очутиться в засаде с храбрейшими рати мужами
Сердцем своим не решался. Тебе это кажется смертью.
Лучше и легче в сто раз по широкому стану ахейцев
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь, пожиратель народных богатств,— над презренными царь ты!
Будь иначе,— в последний бы раз ты нахальничал нынче.
Но говорю я тебе и великою клятвой клянуся,—
Этим жезлом я клянусь, который ни листьев, ни веток
Вновь не испустит, однажды в горах от ствола отделенный,
Зелени больше не даст, раз медь уж с него удалила
Листья с корой и ветвями; теперь его носят в ладонях
Судьи, ахейцев сыны, уставы блюдущие Зевса.
Пусть этот жезл тебе будет моею великою клятвой:
Время придет, и ахейцев сыны возжелают Пелида
Все до последнего; горько крушась, ты помочь им не сможешь
В битве, когда под ударами Гектора-мужеубийцы

Будут толпами они погибать; истерзаешь ты скорбью
Сердце свое, что ахейца храбрейшего так обесчестил!»

Так сказал Ахиллес и, стремительно на землю бросив
Жезл, золотыми гвоздями обитый, уселся на место.
Сидя напротив, Атрид бушевал. Тут сладкоречивый
Нестор поднялся, пилосский оратор с голосом звучным.
Слаще пчелиного меда текли с языка его речи.
Два поколенья исчезло людей, предназначенных к смерти,
С кем родился он когда-то и вырос в хранимом богами
Пилосе,— третьим уже поколеньем старик управлял там.
Добрых исполненный чувств, обратился он к ним и промолвил:
«Горе! Великая скорбь на ахейскую землю нисходит!
Как ликовали б владыка Приам и Приамовы дети,
Сколь беспредельную радость троянцы бы все испытали,
Если б узнали, какую вы распрю затеяли оба,—
Вы, меж данайцев в собраниях первые, первые в битвах!
Мой не отриньте совет: ведь на много меня вы моложе.
Знал я когда-то мужей и сильнее, чем вы, и храбрее;
С ними я дело имел, и они не гнушалися мною.
Нет, подобных мужей не видал я и ввек не увижу,—
Воинов, как Пирифой и Дриант, предводитель народов,
Иль как Эскадий, Кеней, Полифем, небожителям равный,
Иль порожденный Эгеем Тезей, на бессмертных похожий.
Были то люди могучие, славы сынов земнородных.
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
Горных чудовищ сражали, ввергая в ужасную гибель.
Был я, однако, и с ними в содружестве, Пилос покинув,
Издалека к ним пришедши: меня они вызвали сами.
Тех побеждал я чудовищ один на один. А сражаться
С ними никто б из людей не осмелился, нынче живущих.
Слушали речи мои и советы мои принимали
Эти люди. Примите и вы. Так было бы лучше.
Ты, Агамемнон, хоть властью силен, не лишай Ахиллеса
Девушки: раньше в награду ему ее дали ахейцы.
Также и ты, Пелеид, с царем перестань препираться:
Чести подобной, как он, не имел ни единый доныне
Царь-скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Пусть ты очень силен, пусть богинею на свет рожден ты,
Все ж тебя выше Атрид: людей ему больше подвластно.
Сердце свое усмири, Атреид, я тебя умоляю,
Гнев прекрати на Пелида: сильнейшим он служит оплотом
Всем нам в войне злополучной, которую нынче ведем мы».

Нестору молвил в ответ повелитель мужей Агамемнон:
«Так, справедливо ты все говоришь и разумно, о старец!

Но человек этот всех тут желает собою превысить,
Хочет начальствовать всеми и всеми решительно править,
Хочет указывать всем. Но навряд ли ему подчинятся.
Или вечные боги создали его копьеборцем
Лишь для того, чтобы бранными всех осыпал он словами?»

Речь его перебив, отвечал Ахиллес многосветлый:
«Трусом ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе уступал я безмолвно.
Этого требуй себе от другого кого-нибудь; мне же
Ты не приказывай: я подчиняться тебе не желаю!
Слово иное скажу, и обдумай его хорошенько:
В бой руками вступать из-за девушки я не намерен
Против тебя иль другого кого: вы взяли, что дали.
Но ничего из другого, что есть пред судном моим черным,
Против воли моей захватив, унести ты не сможешь!
Если же хочешь, попробуй, пускай и вот эти увидят:
Черная кровь из тебя вдоль копья моего застроится!»

Так меж собою сражаясь словами враждебными, оба
С мест поднялись и собранье ахейских дружин распустили.
В ставку свою к кораблям равнобоким Пелид богоравный
Шаг свой направил, при нем и Патрокл с мирмидонской дружиной,
Сын же Атрея на море спустил быстроходное судно,
Двадцать выбрал гребцов, погрузил на него гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам прекрасную Хрисову дочерь
Взвел на корабль. А начальником встал Одиссей многоумный,

Сели они на корабль и поплыли дорогою влажной.
Сын же Атрея отдал народам приказ очищаться.
Все очищались они и нечистое в море бросали.
В жертву потом принесли у всегда беспокойного моря
Фебу они гекатомбу из коз и быков без порока.
Запах горящего жира в дыму заклубился до неба.

Так они в стане трудились. Атрея же сын Агамемнон
Ссоры кончать не хотел, которой грозил Ахиллесу,
Но обратился со словом к Талфибию и Еврибату,—
Вестники были его и проворные спутники оба:
«В стан отправляйтесь скорей к Ахиллесу, Пелееву сыну,
За руки взяв, уведите прекрасную дочерь Брисея.
Если же он вам откажет, то девушку сам заберу я,
С большим пришедши числом, и хуже тогда ему будет».

Так он сказал и послал их, напутствуя строгою речью.
Молча оба пошли вдоль всегда беспокойного моря.

В стан мирмидонцев пришли, к кораблям, и нашли Ахиллеса,
Пред кораблем чернобоким и ставкой своею сидевшим.
Их увидав пред собою, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и, стыдясь Ахиллеса, стояли,
Не обращаясь с вопросом к нему и не молвя ни слова.
Их в своем сердце он понял и к посланным так обратился:
«Радуйтесь, други глашатаи, вестники Зевса и смертных!
Ближе идите: Атрид, а не вы предо мною виновны.
Он вас сюда посылает за девой прекрасноланитной.
Богорожденный Патрокл, пойди приведи Брисеиду,
Дай увести. Но да будут свидетели оба они же
Перед лицом всеблаженных богов и людей земнородных
И пред самим бессердечным царем, если некогда снова
Надобность будет во мне, чтоб от смерти избавить позорной
Прочих ахейцев! Безумствует он в погубительных мыслях,
«Прежде» и «после» связать не умеет, не может придумать,
Как, пред судами своими сражаясь, спастися ахейцам».

Так он сказал. И Патрокл дорогого послушался друга.
Вывел из ставки Пелида прекрасную он Брисеиду,
Отдал послам, и они к кораблям удалились ахейским.
С ними пошла поневоле и женщина. Тотчас покинул,
Весь в слезах, друзей Ахиллес и, от всех в отдаленьи,
Сел близ седого прибоя. Смотря в винночерное море,
Руки вперед протянул и к матери милой взмолился:
«Мать моя! Так как на свет родила ты меня кратковечным,
Чести не должен ли был даровать мне высокогремящий
Зевс Олимпиец? Теперь же и малой меня он лишает.
Злую обиду широкодержавный Атрид Агамемнон
Мне причинил: отобрал у меня и присвоил награду».

Так он в слезах говорил. И владычица мать услыхала,
Сидя в морской глубине у родителя старца Нерея.
Быстро из моря седого, как легкое облако, выйдя,
Села близ милого сына она, проливавшего слезы,
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Что ты, дитя мое, плачешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? Не скрывай, расскажи, чтобы знали мы оба!»

Матери, тяжко вздыхая, сказал Ахиллес быстроногий:
«Знаешь сама. Для чего тебе, знающей все, говорить мне?
Мы на священную Фиву, Гетиона город, ходили
И разгромили его, и добычу представили в стан наш.
Все хорошо меж собой ахейцев сыны поделили.
Дочь прекрасную Хриса они Агамемнону дали.
Хрис, священнослужитель без промаху бьющего Феба,

К быстрым пришел кораблям меднолатных ахейцев, желая
Пленную вызволить дочь, заплативши бесчисленный выкуп.
Шел, на жезле золотом повязку неся Аполлона,
И обратился с горячей мольбою к собранью ахейцев,
Больше всего же к обоим Атридам, строителям ратей.
Все изъявили ахейцы согласие криком всеобщим
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп.
Лишь Агамемнону было не по сердцу это решенье.
Нехорошо жреца он прогнал оскорбительным словом.
В гневе старец обратно пошел. Аполлон дальновержец
Принял молитву его, ибо очень он мил Аполлону.
Злая стрельба началась по ахейцам. Густыми толпами
Воины гибли. Повсюду носилися божии стрелы
С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Знающий точно глагол Стреловержца, его нам поведал.
Первым я подал совет преклонить к милосердию бога.
Злоба Атрида взяла. Немедленно с места поднявшись,
Стал мне словами грозить. И угрозы свои он исполнил!
В Хрису ахейцы везут быстроглазую девушку эту
В быстром своем корабле и дары посылают владыке.
В ставку ж мою приходили недавно послы от Атрида
И увели Брисеиду, мне данную общим решеньем.
Если только ты можешь, вступись за отважного сына!
К Зевсу пойди на Олимп, умоли его, если услугу
Сердцу его оказала ты в чем-либо словом иль делом.
Часто ребенком в чертогах отца приходилось мне слышать,
Как ты хвалилась, что только тобою одной из бессмертных
Зевс чернооблачный был охранен от беды и позора
В день, как его олимпийцы другие сковать собирались,—
Гера, с ней Посейдон и дева Паллада-Афина.
Ты же, богиня, пришла и от уз избавила Зевса,
Быстро призвав на Олимп многохолмный сторукого в помощь;
Имя ему Бриарей у богов, у людей же — Эгеон.
Силою страшной своею он даже отца превосходит.
Возле Крониона сел он в сознании радостном силы,
Боги в ужас пришли и сковывать Зевса не стали.
Это напомни ему и моли, обнимая колени.
Не пожелает ли он подать свою помощь троянцам
И, избивая ахейцев, прогнать их до самого моря
И до судов, чтоб царя своего распознали ахейцы,
Чтобы узнал и широкодержавный Атрид Агамемнон,
Как погрешил он, ахейца храбрейшего так обесчестив!»

Слезы из глаз проливая, ему отвечала Фетида:
«Горе мне, сын мой! Зачем для страданий тебя родила я?
Если бы ты пред судами, без слез, в безопасности полной
Мог оставаться! Недолог твой век, и конец его близок!

Нынче ты вместе и всех кратковечней, и всех злополучней.
Не на веселую долю, дитя, тебя родила я в чертогах!
На многоснежный Олимп я отправлюсь, метателю молний
Все расскажу, и, быть может, его убедить мне удастся.
Ты же теперь оставайся пока при судах быстроходных,
Гнев на ахейцев питай, и от битв удержись совершенно.
Зевс к Океану вчера к беспорочным на пир эфиопам
Отбыл, а следом все вместе другие бессмертные боги.
Но на двенадцатый день на Олимп он опять возвратится.
К меднопорожным палатам Кронида тогда я отправлюсь
И, до его прикоснувшись колен, умолить постараюсь».

Так сказав, отошла, Ахиллеса оставив на месте
С сердцем, исполненным гнева за женщину с поясом пышным,
Взятую силой и против желанья ее. Одиссей же
Хрисы достиг и святую с собой привез гекатомбу.
В гавань глубокую Хрисы войдя, спустили ахейцы
Вмиг паруса и, свернув их, в черный корабль уложили.
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
Сели за весла и к пристани судно свое подогнали.
Выбросив якорный камень, причальный канат укрепили,
Вышли на берег крутой, многошумным кипящий прибоем,
И гекатомбу с судна Дальновержцу свели Аполлону.
Вслед сошла и дочь жреца на берег родимый.
Деву тогда, к алтарю подведя, Одиссей многоумный
В руки отцу передал и такое сказал ему слово:
«Хрис! Повелитель мужей Агамемнон меня присылает
Дочь тебе возвратить и священную здесь гекатомбу
Фебу принесть за данайцев, чтоб милостив был к нам владыка,
В гневе великом наславший на нас многостонные беды».

Так он сказал и вручил Хрисеиду. И, радуясь, принял
Дочь дорогую отец. Между тем гекатомбную жертву
Быстро вокруг алтаря разместили ахейцы в порядке,
Руки умыли и зерна ячменные подняли кверху.
Жрец между ними с руками воздетыми громко молился:
«Слух преклони, сребролукий, о ты, что стоишь на защите
Хрисы и Киллы священной и мощно царишь в Тенедосе!
Ты на молитву мою благосклонно на днях отозвался
И возвеличил меня, поразивши ахейцев бедою.
Так же и ныне молю: на мое отзовися желанье
И отврати от данайцев теперь же позорную гибель!»

Так говорил он, молясь. И его Дальновержец услышал.
Стали ахейцы молиться, осыпали зернами жертвы,
Шеи им подняли вверх, закололи и кожи содрали,
Вырезав бедра затем, обрезанным жиром в два слоя

Их обернули и мяса кусочки на них положили.
Сжег их старик на дровах, багряным вином окропляя.
Юноши, около стоя, в руках пятизубцы держали.
Бедра предавши огню и отведавши потрохов жертвы,
Прочее всё, на куски разделив, вертелами проткнули,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
После того, как питьем и едой утолили желанье,
Юноши, вливши в кратеры напиток до самого верху,
Всем по кубкам разлили, свершив перед тем возлиянье.
Пеньем весь день ублажали ахейские юноши бога.
В честь Аполлона пэан прекрасный они распевали,
Славя его, Дальновержца. И он веселился, внимая.

После того же, как солнце зашло и сумрак спустился,
Спать улеглися ахейцы вблизи корабельных причалов.
Но лишь взошла розоперстая, рано рожденная Эос,
В путь они двинулись снова к пространному стану ахейцев.
Ветер попутный ахейцам послал Аполлон Дальновержец.
Белые вверх паруса они подняли, мачту поставив,
Парус срединный надулся от ветра, и ярко вскипели
Воды пурпурного моря под носом идущего судна;
Быстро бежало оно, свой путь по волнам совершая.
После того, как достигли пространного стана ахейцев,
Черное судно они далеко оттащили на сушу
И над песком на высоких подпорках его укрепили.
Сами же все разошлись по своим кораблям и по стану.

Он же враждою кипел, при судах оставаяся быстрых,—
Богорожденный Пелид, герой Ахиллес быстроногий;
Не посещал он собраний, мужей покрывающих славой,
И не участвовал в грозных сраженьях. Терзаяся сердцем,
Праздно сидел, но томился по воинским кликам и битвам.

Срок между тем миновал, и с зарею двенадцатой снова
Вечно живущие боги к себе на Олимп возвратились
Вместе все; во главе их Кронид. Не забыла наказов
Сына Фетида. Поднявшись из волн многошумного моря,
С ранним туманом взошла на Олимп и великое небо.
Там Громовержца сидящим нашла одиноко, без прочих,
На высочайшей вершине горы многоглавой Олимпа.
Села пред Зевсом владыкой, колени его охватила
Левой рукой, а правой его подбородка коснулась
И начала говорить, умоляя Крониона-Зевса:
«Зевс, наш отец! Если в прошлом когда оказала услугу
Я тебе словом иль делом, исполни мое мне желанье:

Сына почти моего,— кратковечнее всех остальных он.
Ныне обидел его повелитель мужей Агамемнон:
Отнял награду и сам, отобравши, добычей владеет.
Так отомсти же за сына, премудрый Зевес олимпийский!
Войску троянцев даруй одоленье, покуда ахейцы
Сына почтить не придут и почета ему не умножат».

Так говорила. И ей ничего не ответил Кронион.
Долго сидел он безмолвно. Фетида же как охватила,
Так и держала колени его и взмолилася снова:
«Дай непреложный обет, головою кивни в подтвержденье
Иль откажи; ты ведь страха не знаешь; скажи, чтобы ясно
Я увидала, как мало мне чести меж всеми богами».

Ей с большим раздраженьем сказал облаков собиратель:
«Дело плохое! Меня принуждаешь ты ссору затеять
С Герою. Станет она раздражать меня бранною речью.
Вечно она средь богов уж и так на меня нападает
И говорит, что в боях помогать я стараюсь троянцам.
Но удалися теперь, чтоб тебя не заметила Гера.
Сам ко всему приложу я заботу, пока не исполню.
Вот, головой я кивну, чтоб была ты уверена твердо.
Это — крепчайший залог меж богов нерушимости слова,
Данного мной: невозвратно то слово, вовек непреложно
И не свершиться не может, когда головою кивну я».

Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями;
Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной
На плечи пали его. И Олимп всколебался великий.

Так порешив, они оба друг с другом расстались. Фетида
Ринулась в бездну морскую с блестящих вершин олимпийских,
Зевс же направился в дом свой. Все боги немедля с седалищ
Встали навстречу отцу; не посмел ни один из бессмертных
Сидя входящего встретить, но на ноги все поднялися.

Там он в кресло уселся свое. Белорукая Гера
Все поняла, увидавши, как он совещался о чем-то
С дочерью старца морского, серебряноногой Фетидой.
Тотчас с язвительной речью она обратилася к Зевсу:
«Кто там опять из богов совещался с тобою, коварный?
Очень ты любишь один, избегая общенья со мною,
Тайно решенья свои принимать. Никогда не посмел ты
Прямо, от сердца, хоть слово сказать мне о том, что задумал».

Гере на это ответил отец и бессмертных и смертных:
«Гера! Решенья мои не всегда ты надейся услышать.

Тяжки, поверь мне, они тебе будут, хоть ты и жена мне.
То, что услышать возможно, никто никогда не узнает
Раньше тебя — ни из вечных богов, ни из смертнорожденных.
Те же решенья, что я без богов пожелаю обдумать
Не добивайся разведать и ты, и расспросов не делай».

После того отвечала ему волоокая Гера:
«Что за слова, жесточайший Кронид, ты ко мне обращаешь?
Разве тебе я расспросами так уж когда докучаю?
Можешь себе преспокойно решать, что только захочешь.
Нынче ж я страшно боюсь, что окажешься ты проведенным
Дочерью старца морского, серебряноногой Фетидой.
Утром сидела с тобою она, обнимала колени;
Ей ты, наверно, кивком подтвердил, что почтишь Ахиллеса,
И обещался немало мужей погубить пред судами».

Гере на это ответил Зевес, собирающий тучи:
«Гера, дивлюсь я тебе! Все заметишь ты, все ты узнаешь!
Этим, однако, достичь ничего ты не сможешь, а только
Больше меня оттолкнешь. И хуже придется тебе же.
Если я так поступаю, то, значит, мне это угодно!
Лучше сиди и молчи и тому, что скажу, повинуйся.
Все божества, сколько есть на Олимпе, тебе не помогут,
Если я, встав, наложу на тебя необорные руки».

Молвил. И страх овладел волоокой владычицей Герой.
Молча сидела она, смирив свое милое сердце.
В негодованьи молчали другие небесные боги.
Славный же мастер Гефест с такой обратился к ним речью.
Мать успокоить хотелось ему, белорукую Геру.
«Горестны будут такие дела и совсем нетерпимы,
Если вы оба начнете вражду меж собой из-за смертных,
Шумную ссору подняв пред богами! Какая же будет
Радость от светлого пира, когда торжествует худое!
Мать, я тебя убеждаю, хоть ты и сама понимаешь,—
Сделай приятное Зевсу родителю, чтобы опять он
Не раздражился и нам не смутил бы прекрасного пира.
Стоит ему захотеть,— и мгновенно Кронид молневержец
Выбьет всех из седалищ: намного ведь нас он сильнее.
Мягкими, мать, постарайся его успокоить словами.
Милостив станет тотчас после этого к нам Олимпиец».

Так он сказал и, поднявшись с сидения, кубок двуручный
Подал матери милой и вновь обратился к ней с речью:
«Мать моя, духом сдержись и терпи, как бы ни было горько,
Чтобы тебя, дорогую мою, под ударами Зевса
Я не увидел. Тогда не смогу я, хотя б и крушился,

Помощь тебе оказать: Олимпийцу противиться трудно!
Он уж однажды меня, когда я вмешаться пытался,
За ногу крепко схватил и с небесного бросил порога.
Несся стремглав я весь день и тогда лишь, когда заходило
Солнце, на Лемнос упал; чуть-чуть только духу осталось.
Там уж меня подобрали немедля синтийские мужи».

Так сказал. Улыбнулась в ответ белорукая Гера
И приняла, улыбнувшись, наполненный кубок от сына.
Начал потом наполнять он и чаши у прочих бессмертных,
Справа подряд, из кратера им сладостный черпая нектар.
Неумолкающий подняли смех блаженные боги,
Глядя, как по дому с кубком Гефест, задыхаясь, метался.

Так целый день напролет до зашествия солнца в веселье
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
Дух услаждали они несравненной формингою Феба,
Пением Муз, голосами прекрасными певших посменно.
После того же, как солнца сияющий свет закатился,
Спать бессмертные боги отправились,— в дом к себе каждый,
В те места, где Гефест, знаменитый хромец обеногий,
Им построил дома с великим умом и искусством.
А молневержец Зевес к постели пошел, на которой
Спал обычно, когда к нему сладостный сон ниспускался.
Там он, взошедши, почил, и при нем златотронная Гера.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СОН. ИСПЫТАНИЕ. БЕОТИЯ, ИЛИ ПЕРЕЧЕНЬ КОРАБЛЕЙ

Прочие боги Олимпа и коннодоспешные мужи
Спали всю ночь; не владел лишь Кронионом сон благодатный.
Думал все время он в сердце о том, как ему Ахиллесу
Почесть воздать и побольше ахейцев сгубить пред судами.
Вот наилучшим какое ему показалось решенье:
Сон Обманный послать Агамемнону, сыну Атрея.
Кликнул Кронион его и слова окрыленные молвил:
«Сон Обманный! Отправься к судам быстролетным ахейцев,
В ставку неслышно войди к Агамемнону, сыну Атрея,
И передай ему точно все то, что тебе поручаю.
Длинноволосых ахейцев вели ему с полным стараньем
К бою готовить; скажи — он теперь наконец овладеет
Широкоуличной Троей; об этом уж нет разногласий
Между бессмертных, Олимп населяющих; всех преклонила
Гера своею мольбой. Над троянцами носится гибель».

Так он сказал. И отправился Сон, повеленье услышав.
Быстрым полетом достигнул ахейских судов быстроходных
И к Агамемнону, сыну Атрея, направился. В ставке
Спал он, вокруг же него амвросический сон разливался.
Стал у него в головах, уподобившись сыну Нелея
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу.
Образ принявши такой, божественный Сон ему молвил:
«Сын укротителя коней, Атрея отважного, спишь ты!
Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета?
Судьбы народа — в тебе, и подумать бы надо о многом.
Слушай меня поскорее, к тебе от Зевеса я вестник.
Даже вдали о тебе он печется и сердцем болеет.
Длинноволосых ахейцев велит он тебе со стараньем
К бою готовить. Узнай: ты теперь наконец овладеешь
Широкоуличной Троей; об этом уж нет разногласий
Между бессмертных, Олимп населяющих; всех умолила
Гера. Нависла уже над троянцами гибель от Зевса.
Все это в сердце своем удержи; берегись, чтоб забвенье
Не овладело тобою, лишь сладостный сон удалится!»

Так он сказал и пропал и оставил Атреева сына
В думах приятных о том, чему не дано было сбыться:
Думал, что в этот же день завоюет он город Приама.
Глупый! Не знал он, какие дела замышляет Кронион:
Снова страданья и стоны в ужасных побоищах новых
Зевс собирался обрушить на Трои сынов и данайцев.
Сон отлетел. Но еще разливался божественный голос
В воздухе. Сел Агамемнон и в мягкий хитон облачился,
Новый, прекрасный, и поверху плащ свой широкий набросил;
После к могучим ногам подошвы, прекрасные видом,
Прочно приладил и меч среброгвоздный накинул на плечи.
Взял и родительский скипетр, износа не знающий, в руки.
По корабельному стану пошел он со скипетром этим.

Эос богиня меж тем на великий Олимп восходила,
Свет возвещая владыке Зевесу и прочим бессмертным.
Вестникам звонкоголосым тогда приказал Агамемнон
Длинноволосых ахейцев немедля созвать на собранье.
Вестники с кличем пошли. Ахейцы сбиралися быстро.
Раньше того перед судном владыки пилосцев Нелида
Высокодушных старейшин Атрид усадил для совета.
Всех их созвав, обратился он к ним с предложеньем разумным:
«Нынче, друзья дорогие, божественный Сон мне явился
Средь амвросической ночи. Всех больше Нелееву сыну
Нестору видом, и ростом, и свойствами был он подобен.
Стал у меня в головах и такое мне слово промолвил:
«Сын укротителя коней, Атрея отважного, спишь ты?

Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета?
Судьбы народа — в тебе, и подумать бы надо о многом.
Слушай меня поскорее, к тебе от Зевеса я вестник.
Даже вдали о тебе он печется и сердцем болеет.
Длинноволосых ахейцев велит он тебе со стараньем
К бою готовить. Узнай: ты теперь наконец овладеешь
Широкоуличной Троей. Об этом уж нет разногласий
Между бессмертных, Олимп населяющих. Всех умолила
Гера. Нависла уже над троянцами гибель от Зевса.
Все это в сердце своем удержи». И, сказав, улетел он.
Сон меня сладкий оставил немедленно следом за этим.
Как возбудить нам ахейцев на битву? Давайте обсудим.
Я, по обычаю, всех испытаю сначала словами
И предложу им отсюда бежать на судах многовеслых.
Вы же их каждый с своей стороны убеждайте остаться».

Так произнес он и сел. И тогда поднялся пред собраньем
Нестор, который народом песчаного Пилоса правил.
Добрых намерений полный, взял слово и стал говорить он:
«О дорогие! Вожди и советники храбрых ахейцев!
Если б другой аргивянин о сне рассказал нам подобном,
Сон за обман мы сочли б и значенья ему не придали б.
Видел же тот, кто по праву гордится, что первый меж нами.
Медлить не станем, пойдем побуждать на сраженье ахейцев».

Так он окончил и первым покинул собранье старейшин.
Все скиптроносцы-цари поднялись, согласившись с Атридом,
Пастырем мудрым народов. Меж тем племена собирались.
Так же, как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Без перерыва несутся,— за кучею новая куча,—
Гроздьями лоз виноградных над вешними вьются цветами,
Эти гурьбою сюда, а другие туда пролетают.
Так племена без числа от своих кораблей и становий
Двигались густо толпами вдоль берега бухты глубокой
К месту собранья народа; Молва между ними пылала,
Вестница Зевса, идти побуждая. Они собирались.
Бурно кипело собранье. Земля под садившимся людом
Тяжко стонала. Стоял несмолкающий шум. Надрывались
Девять глашатаев криком неистовым, всех убеждая
Шум прекратить и послушать царей, воскормлённых Зевесом.
Только с трудом, наконец, по местам все народы уселись
И перестали кричать. И тогда поднялся Агамемнон,
Скипетр держа, над которым Гефест утомился, работав.
Дал этот скипетр Гефест властелину Крониону-Зевсу,
Зевс после этого дал Вожатаю Аргоубийце,
Аргоубийца Гермес — укротителю коней Пелопсу,
Конник Пелопс его дал властелину народов Атрею,

Этот при смерти Фиесту, овцами богатому, отдал,
Царь же Фиест Агамемнону дал, чтоб, нося этот скипетр,
Многими он островами и Аргосом целым владел бы.

Царь, на него опершись, обратился к собранию с речью:
«О, дорогие герои данайцы, о, слуги Ареса!
Зевс молневержец меня в тяжелейшие бедствия впутал:
Скрытный, сначала он мне обещал и кивнул в подтвержденье,
Что возвращусь я, разрушив высокотвердынную Трою.
Нынче ж на злой он решился обман и велит мне обратно
В Аргос бесславно бежать, погубивши так много народу!
Этого вдруг захотелось теперь многомощному Зевсу;
Много могучих твердынь городских уж разрушил Кронион,
Много разрушит еще: без конца велика его сила.
Было бы стыдно для наших и самых далеких потомков
Знать, что такой многолюдный и храбрый народ, как ахейский,
Попусту самой бесплодной войной воевал, и сражался
С меньшею ратью врагов, и конца той войны не увидел!
Если бы вдруг пожелали ахейский народ и троянский,
Клятвою мир утвердивши, подвергнуться оба подсчету,
Если бы все, сколько есть, собралися туземцы-троянцы,
Мы же, ахейский народ, разделивши себя на десятки,
Взяли б троянца на каждый десяток вино разливать нам,—
Без виночерпиев много десятков у нас бы осталось:
Вот, говорю я, насколько ахейцы числом превосходят
В городе этом живущих троян. Но союзники Трои —
В городе с ними, из многих краев копьеборцы; они-то
Все нарушают расчеты мои, не дают мне разрушить,
Как ни желаю душой, Илио́н хорошо населенный.
Девять уж лет пробежало великого Зевса-Кронида.
Бревна на наших судах изгнивают, канаты истлели.
Дома сидят наши жены и малые дети-младенцы,
Нас поджидая напрасно; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Ну, так давайте же, выполним то, что сейчас вам скажу я:
В милую землю родную бежим с кораблями немедля!
Широкоуличной Трои нам взять никогда не удастся!»

Так он сказал и в груди взволновал у собравшихся множеств
Сердце у всех, кто его на совете старейшин не слышал.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские
Понта Икарского: бурно они закипают от ветров
Евра и Нота, из зевсовых туч налетевших на море;
Или подобно тому, как Зефир над высокою нивой,
Яро бушуя, волнует ее, наклоняя колосья,—
Так взволновалось собранье ахейцев. С неистовым криком

Кинулись все к кораблям. Под ногами бегущих вздымалась
Тучами пыль. Приказанья давали друг другу хвататься
За корабли поскорей и тащить их в широкое море.
Чистили спешно канавы. До неба вздымалися крики
Рвущихся ехать домой. У судов выбивали подпорки.

Так бы, судьбе вопреки, и вернулись домой аргивяне,
Если бы Гера Афине такого не молвила слова:
«Плохи дела, Эгиоха-Зевеса дитя, Атритона!
Да неужели и впрямь побегут аргивяне отсюда
В милую землю отцов по хребту широчайшему моря,
На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам оставив
В городе этом Елену аргивскую, ради которой
Столько ахейцев погибло далеко от родины милой?
Мчись поскорее к народу ахейцев медянодоспешных,
Мягкою речью своею удерживай каждого мужа,
Чтобы не стаскивал в море судов обоюдовесельных».

И совоокая ей не была непослушна Афина.
Ринулась тотчас богиня с высоких вершин олимпийских
На землю, скоро достигла ахейских судов быстролетных;
Там Одиссея нашла, по разумности равного Зевсу.
Молча стоял он пред черным своим кораблем многовеслым,
Не прикасаясь к нему, опечаленный сердцем и духом.
Так обратилась к нему совоокая дева Афина:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Да неужели и впрямь вы отсюда домой побежите,
Все побросавшись стремглав в корабли многовеслые ваши,
На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам оставив
В городе этом Елену аргивскую, ради которой
Столько ахейцев погибло далеко от родины милой?
К меднодоспешным ахейцам тотчас же иди и не медли!
Мягкою речью своею удерживай каждого мужа,
Чтобы не стаскивал в море судов обоюдовесельных».

Так говорила. И громкий он голос богини услышал.
Бросился быстро бежать, откинувши плащ. И, спешивший
Следом, его подобрал Еврибат, итакийский глашатай.
Сам же он, встретясь в пути с Агамемноном, сыном Атрея,
Скипетр принял отцовский его, не знавший износа,
И к быстролетным судам меднолатных ахейцев пошел с ним.

Если встречал по дороге царя или знатного мужа,
Встав перед ним, удержать его мягкою речью старался;
«Что приключилось с тобой? Не тебе бы, как трусу, пугаться!
Сядь же на место и сам, усади и других из народа.
Что на уме у Атрида, сказать ты наверно не можешь.
Вас он сейчас испытует и скоро, пожалуй, накажет.

Что он сказал на совете старейшин, не все мы слыхали.
Как бы с сынами ахейцев Атрид не расправился в гневе!
Гнев же не легок царя, питомца владыки Кронида,
Почесть от Зевса ему, промыслителем Зевсом любим он».

Если же видел, что кто из народа кричит, то, набросясь,
Скиптром его избивал и ругал оскорбительной речью:
«Смолкни, несчастный! Садись-ка и слушай, что скажут другие,
Те, что получше тебя! Не воинствен ты сам, малосилен,
И не имел никогда ни в войне, ни в совете значенья.
Царствовать все сообща никогда мы, ахейцы, не будем.
Нет в многовластии блага, да будет единый властитель,
Царь лишь единый, которому сын хитроумного Крона
Скипетр дал и законы, чтоб царствовал он над другими».

Так он по стану ходил, отдавая повсюду приказы.
Хлынул обратно народ от судов и становий на площадь
С шумом, подобным такому, с каким ударяются волны
Вечно шумящего моря о берег высокоскалистый.

Вскоре уселися все и остались сидеть на сиденьях.
Яро шумел лишь Ферсит, совершенно в речах безудержный;
Много в груди своей знал он речей неприличных и дерзких,
Попусту рад был всегда нападать на царей непристойно,
Только бы смех у ахейцев нападками этими вызвать.
Самый он был безобразный из всех, кто пришел к Илиону:
Был он косой, хромоногий; сходились горбатые сзади
Плечи на узкой груди; голова у него поднималась
Вверх острием и была только редким усеяна пухом.
Злейший, неистовый враг Одиссея, а также Пелида,
Их поносил он всегда; но теперь на Атрида владыку
С криком пронзительным стал нападать он. Ахейцы и сами
Негодовали в душе и ужасно царем возмущались.
Тот же орал, обращаясь к Атриду с заносчивой речью:
«Чем ты опять недоволен, Атрид, и чего ты желаешь?
Меди полна твоя ставка, и множество в ставке прекрасных
Женщин,— отборнейших пленниц, которых тебе мы, ахейцы,
Первому выбрать даем, когда города разоряем.
Золота ль хочешь еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников вынес тебе для выкупа сына, который
Связанным был бы иль мной приведен, иль другим из ахейцев?
Хочешь ли женщины новой, чтоб с ней наслаждаться любовью,
Чтоб и ее для себя удержать? Подходящее ль дело,
Чтоб предводитель ахейских сынов вовлекал их в несчастье?
Слабые, жалкие трусы! Ахеянки вы, не ахейцы!
Едем обратно домой на судах! А ему предоставим
Здесь же добычу свою переваривать. Пусть он увидит,

Есть ли какая-нибудь и от нас ему помощь, иль нету.
Вот он теперь оскорбил Ахиллеса, который гораздо
Лучше его, и присвоил добычу, и ею владеет.
Желчи немного в груди Ахиллеса, он слишком уступчив!
Иначе ты никого, Атрид, обижать уж не смог бы!»

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Ферсит. Но внезапно к нему Одиссей устремился,
Гневно его оглядел и голосом крикнул суровым:
«Глупый болтун ты, Ферсит, хоть и громко кричишь на собраньях!
Смолкни, не смей здесь один нападать на царей скиптроносных!
Смертного, хуже тебя, полагаю я, нет человека

Между ахейцев, пришедших сюда с сыновьями Атрея!
Брось-ка ты лучше трепать языком про царей на собраньях,
Их поносить всенародно и день сторожить возвращенья!
Знает ли кто достоверно, как дальше дела обернутся,
Счастливо, нет ли домой мы, ахейцев сыны, возвратимся?
Здесь ты сидишь и владыку народов, Атреева сына,
Злобно поносишь за то, что герои-данайцы Атриду
Слишком уж много дают. За это его ты бесчестишь?
Но говорю я тебе, и слова мои сбудутся точно:
Если увижу еще раз, что снова дуришь ты, как нынче,—
Пусть на себе головы одиссеевой плечи не держат,
Пусть я от этого дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву с тебя милой одежды,
Плащ и хитон твой и даже что срам у тебя прикрывает,
А самого не отправлю в слезах к кораблям нашим быстрым,
Выгнав с собранья народного вон и позорно избивши!»

Молвил и скиптром его по спине и плечам он ударил.
Сжался Ферсит, по щекам покатились обильные слезы;
Вздулся кровавый синяк полосой на спине от удара
Скиптра его золотого. И сел он на место в испуге,
Скорчась от боли и тупо смотря, утирал себе слезы.
Весело все рассмеялись над ним, хоть и были печальны.
Так не один говорил, поглядев на сидящего рядом:
«Право, хоть тысячи доблестных дел Одиссей совершает,
Первый давая хороший совет иль на бой побуждая,
Нынче, однако, он подвиг свершил изо всех величайший:
Нынче бранчивого он крикуна обуздал красноречье!
Впредь уж наверно навек подстрекать перестанет Ферсита
Дерзкое сердце его на царей оскорбления сыпать!»

Так говорили в толпе. Одиссей, городов разрушитель,
С скиптром в руках поднялся. Совоокая рядом Афина,
Вестника образ принявши, народ призывала к молчанью,
Чтобы и в близких рядах, и в далеких ахейские мужи

Слышали речи его и обдумать могли бы советы.
Добрых намерений полный, взял слово и стал говорить он:
«Царь Агамемнон! Тебе, о владыка, готовят ахейцы
Страшный позор перед всеми людьми, обреченными смерти.
Слово исполнить свое не желают, которое дали,
Конепитательный Аргос для этой войны покидая:
Лишь Илион крепкостенный разрушив, домой воротиться.
Как несмышленые дети, как вдовы, они об одном лишь
Шепчутся горестно,— как бы домой поскорее вернуться.
Трудно, конечно, трудами пресытясь, домой не стремиться;
Даже кто месяц один без жены остается, с досадой
Смотрит на многоскамейный корабль снаряженный, который
Зимние бури и моря волнение в пристани держат.
Нам же девятый уж год исполняется круговоротный,
Как пребываем мы здесь. Не могу обвинять я ахейцев,
Что близ судов крутобоких горюют они. Но позорно
Ждать нам и здесь без конца и домой без победы вернуться.
Нет, потерпите, друзья, подождите немного, чтоб знать нам,
Верно ль гадатель Калхас нам предсказывал, или неверно.
Твердо мы помним его прорицанье,— свидетели все вы,—
Все, кто еще не настигнут свирепыми Керами смерти.
Вскорости после того, как ахейцев суда собираться
Стали в Авлиде, готовя погибель Приаму и Трое,
Мы, окружая родник, на святых алтарях приносили
Вечным богам гекатомбы отборные возле платана,
Из-под которого светлой струею вода вытекала.
Знаменье тут нам явилось великое: с красной спиною
Змей ужасающий, на свет самим изведенный Зевесом,
Из-под алтарных камней появившись, пополз по платану.
Там находились птенцы воробья, несмышленые пташки,
На высочайшем суку, в зеленеющих скрытые листьях,
Восемь числом, а девятая мать, что птенцов породила.
Жалко пищавших птенцов одного за другим поглотил он,
Мать вкруг дракона металась, о милых печалуясь детях.
Вверх он взвился и схватил за крыло горевавшую птичку.
После того, как пожрал он птенцов воробьиных и мать их,
Сделало смысл появленья его божество очевидным:
Сын хитроумного Крона тотчас превратил его в камень.
Все мы, в безмолвии стоя, дивились тому, что случилось:
Вышло на свет ведь при жертве ужасное чудище божье.
Тотчас тогда, прорицая, Калхас обратился к ахейцам:
«Длинноволосых ахейцев сыны, отчего вы молчите?
Знаменьем этим событье являет нам Зевс промыслитель,—
Позднее, с поздним концом, но которого слава не сгинет.
Так же, как этот сожрал и птенцов воробьиных, и мать их,—
Восемь числом, а девятую мать, что птенцов породила,—
Столько же будут годов воевать и ахейцы под Троей,

Широкоуличный город, однако, возьмут на десятом».
Так говорил он тогда. И теперь исполняется это.
Что ж, остаемся, ахейцы красивопоножные? Будем
Биться, пока не захватим Приамовой Трои великой!»

Так говорил он. И громко в ответ аргивяне вскричали.
Страшным откликнулись гулом суда на всеобщие клики.
Речью, им сказанной, всех восхитил Одиссей богоравный.
Встал пред собранием Нестор, наездник геренский, и молвил:
«Горе! Болтаете вы на собраньи, подобно ребятам,—
Глупым ребятам, которых война не заботит нисколько!
Все соглашенья и клятвы,— куда же они подевались?
Или в огонь полетят и решенья, и замыслы наши,
Чистым вином возлиянья, пожатья, которым мы верим?
Без толку здесь на словах состязаемся мы и не можем
Средства найти никакого, а сколько уж времени здесь мы!
Ты, Агамемнон, в решеньях незыблем теперь, как и прежде,—
Над аргивянами будь же начальником в сечах кровавых.
Те же пускай погибают,— один или два из ахейцев,—
Кто замышляет иное; они ничего не добьются.
Нет, не воротимся в Аргос, доколь не узнаем наверно,
Ложно ль нам дал обещанье Кронид-Эгиох иль не ложно:
Я говорю, что успех предсказал нам сверхмощный Кронион
В самый тот день, как на быстрых своих кораблях отплывали
Рати аргивские, смерть и убийство готовя троянцам:
Молнию справа метнул он и вещее знаменье дал нам.
Пусть же никто из ахейцев домой не спешит воротиться,
Не переспавши в постели с плененной женою троянца,
Не отомстивши врагам за печали и стоны Елены.
Если же кто-либо страшно желает домой воротиться,
Черного пусть своего многовеслого судна коснется,
Чтобы скорей, чем другие, найти себе смерть и погибель!
Думай, владыка, и сам, но внимай и чужому совету;
Слово, какое скажу я, не будет достойно презренья:
На племена подели и на фратрии все наше войско;
Фратрия фратрии пусть помогает и племени — племя;
Если ты сделаешь так и тебе подчинятся ахейцы,
Скоро узнаешь, какой из вождей и какой из народов
Робок иль доблестен: все меж своими ведь будут сражаться.
Также узнаешь, по воле ль богов не берешь Илиона,
Или по трусости войск и незнанью военного дела».

Нестору так отвечал Агамемнон, владыка народов:
«Старец, разумностью речи ты всех побеждаешь ахейцев!
Если б, о Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,
Десять таких у меня средь ахейцев советников было,—
Скоро бы город Приама властителя в прах превратился,

Нашими взятый руками и нами дотла разоренный!
Но лишь несчастья одни мне Кронид-Эгиох посылает:
В ссоры ненужные, в злую вражду бесполезную вводит.
Мы из-за девушки пленной сражались с Пелеевым сыном
Словом враждебным, и я раздражаться, на горе мне, начал.
Если ж когда-нибудь с ним помиримся мы, то уж не будет
Больше для гибели Трои отсрочки,— малейшей не будет!
Ну, отправляйтесь обедать, а после завяжем сраженье.
Каждый копье отточи и свой щит огляди хорошенько,
Каждый коням быстролетным задай пообильнее корму
И осмотри колесницу. Все помыслы — только о битве!
Будем весь день напролет состязаться мы в сече ужасной.
Отдыха в битве не будет,— ни малого даже не будет!
Разве что ночи приход дерущихся храбрость разнимет.
По́том зальется ремень на груди копьеборца, держащий
Всепокрывающий щит, и рука на копье изнеможет,
По́том покроется конь под своей колесницей блестящей!..
Если ж замечу кого, кто вдали от сражения хочет
Близ кораблей крутоносых остаться,— нигде уже после
В стане ахейском ему от собак и от птиц не укрыться!»

Так говорил он. И громко в ответ аргивяне вскричали.
С шумом таким у крутых берегов под порывами Нота
Бьется волна об утес выступающий; нет ей затишья;
Гонят ее и туда и сюда всевозможные ветры.
Встали и двинулись толпы, рассеялись между судами.
Дым заклубился над станом. Садились ахейцы обедать.
Каждый другому из вечных богов возносил свою жертву,
Жарко молясь, чтоб избег он ударов Ареса и смерти.

В славу сверхмощного Зевса владыка мужей Агамемнон
Тучного богу быка пятилетнего в жертву зарезал
И пригласил к себе лучших среди всеахейских старейшин:
Нестора прежде всего и властителя Идоменея,
После того двух Аяксов, Тидеева славного сына
И Одиссея шестым, по разумности равного Зевсу.
Громкоголосый же царь Менелай и без зова явился:
Знал хорошо он, как сильно душой его брат озабочен.
Стали они вкруг быка и ячменные подняли зерна.
Начал молиться меж ними владыка мужей Агамемнон:
«Славный, великий Зевес, чернотучный, живущий в эфире!
Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну чертогов владыки Приама,
Черных от дыма, дверей их огнем не сожгу беспощадным,
Гектора ж тонкий хитон на груди не пронжу, разорвавши,
Медью его, а вокруг не полягут другие троянцы,
В пыль головой полетевши и землю кусая зубами!»

Так говорил он. Но просьбы его не исполнил Кронион:
Жертву принял, но ахейцам труды без конца увеличил.
Кончив молитву, герои осыпали зернами жертву,
Шею закинули вверх, закололи и кожу содрали.
Вырезав бедра затем, обрезанным жиром в два слоя
Их обвернули, мясные обрезки на них возложили.
Бедра сожгли на костре из сухих и безлиственных сучьев,
Потрохи жертвы проткнули и стали держать над Гефестом.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,
Прочее все, на куски разделив, вертелами проткнули,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
После того, как питьем и едой утолили желанье,
Нестор, наездник геренский, сказал, обратившись к Атриду:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Больше не будем сейчас у тебя оставаться, не станем
Долго откладывать дела, которое бог нам вверяет.
Пусть же глашатаи меднодоспешных ахейцев немедля
Кличем своим собирают народ к кораблям быстролетным.
Мы же все вместе пойдем по широкому стану ахейцев,
Чтоб разбудить поскорее горячего духом Ареса».

Так он сказал. И охотно словам его внял Агамемнон.
Тотчас отдал приказанье глашатаям звонкоголосым
Длинноволосых ахейцев сзывать на кровавую битву.
Стали глашатаи звать. Ахейцы сбирались поспешно.
Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Распределяли ахейцев. Меж них появилась Афина
С светлой эгидой,— бессмертной, бесстаростной, ценной безмерно;
Сотня искусно сплетенных кистей на эгиде висела,—
Чистого золота; каждая кисть — в гекатомбу ценою!
Ею сверкая, богиня ахейский народ обходила.
Всех возбуждая на бой; появилась у каждого в сердце
Сила с врагами упорно, не зная усталости, биться.
В это мгновение всем им война показалась милее,
Чем возвращение в полых судах в дорогую отчизну.
Как на вершинах горы истребитель-огонь сожигает
Лес беспредельно великий и заревом блещет далеко,
Так в проходивших войсках от чудесно сверкающей меди
Блещущий свет доходил по эфиру до самого неба.
Так же, как стаи густые бесчисленных птиц перелетных,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей длинношеих
Возле течений Каистра реки, над Асийской долиной,
Носятся взад и вперед и на крылья свои веселятся,
С криком садятся на землю и шумом весь луг заполняют,—
Так аргивян племена от своих кораблей и становий

С шумом стремились в долину Скамандра; земля под ногами
Грозно гудела от топота ног человечьих и конских.
Остановились они на цветущем лугу скамандрийском,—
Неисчислимые тьмы, как цветы или листья весною.

Словно как мухи без счета, которые тучей густою
В воздухе носятся жарком, слетаясь к пастушьей стоянке
В вешнюю пору, когда молоко наливают в сосуды,—
Столько же длинноволосых ахейцев стояло на поле
Против троянцев, пылая желанием всех уничтожить.

Так же, как разные козьи стада пастухи-козопасы
Очень легко отделяют, когда те смешаются в поле,—
Так, для сражения строя ахейцев, вожди по местам их
Распределяли. Меж всех Агамемнон Атрид выделялся.
Был головой и глазами он схож с молневержцем Зевесом,
Станом — с Аресом, а грудью — с владыкой морей Посейдоном.
Так же, как бык выдается меж всех в многочисленном стаде,—
Мощный бугай, средь коров замечаемый с первого взгляда,—
Сделал таким в этот день Агамемнона Зевс промыслитель,
Так отличил между прочих и так меж героев возвысил.

Ныне скажите мне, Музы, живущие в домах Олимпа,—
Вы ведь богини, вы всюду бываете, все вам известно,
К нам же доносятся слухи одни, ничего мы не знаем:
Кто у данайцев вождями и кто властелинами были?
Всех же бойцов рядовых я не смог бы назвать и исчислить,
Если бы даже имел языков я и ртов по десятку,
Если бы голос имел неослабный и медное сердце,—
Разве что, дочери Зевса царя, олимпийские Музы,
Вы бы напомнили всех мне пришедших под Трою ахейцев.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

. . . . . .

(Далее следует так называемый «Каталог кораблей» — перечисление ахейских племен и народов, собравшихся из разных областей Греции под предводительством Агамемнона под стены Трои.)

. . . . . .

Вот у данайцев какие вожди и властители были.
Кто же особо средь них выдавался, скажи мне, о Муза,
Сам ли, конями ль,— из всех, за Атридами следом пошедших?
Между коней выдавались всех более кони лихие
Феретиада Евмела, по скорости равные птицам,
Масти одной, одинаковых лет, одинакого роста;
Их на перейских лугах возрастил Аполлон сребролукий,—
Двух кобылиц, разносящих в сражениях ужас Ареса.

Между мужей выдавался Аякс Теламоний, покуда
Гневом пылал Ахиллес; но тот был намного могучей,
Также и кони, на битвы носившие сына Пелея.
Но Ахиллес меж загнутых своих кораблей мореходных
Праздно лежал, на царя Агамемнона, сына Атрея,
Гнев продолжая питать; а народы у берега моря
Тем забавлялись, что диски метали, и копья, и стрелы;
Лошади их у своих колесниц оставались без дела
И сельдерей, порожденный болотом, и клевер жевали.
А колесничная сбруя лежала, укрытая плотно,
В ставках владык. Мирмидонцы, томясь по вождю удалому,
Вяло бродили по стану туда и сюда, не сражаясь.

Войско ахейское шло, словно пламенем почву ничтожа.
Стоном стонала земля, как под гневом метателя молний,
Зевса владыки в то время, как он вкруг Тифея бичует
Землю в Аримах, в которых, как думают, ложе Тифея.
Так под ногами идущих ахейцев земля исходила
Тяжкими стонами. Быстро они проходили равнину.

Вестницей в Трою пришла от эгидодержавного Зевса
С грозною вестью Ирида, по скорости сходная с ветром.
Перед дверями Приама кипело речами собранье;
Тесной толпой молодые и старые вместе стояли.
Близко представ, ветроногая к ним обратилась Ирида,
Голос принявши Полита, Приамова сына, который
В тайном дозоре сидел, полагаясь на быстрые ноги,
На высочайшем могильном холме старшины Эсиета
И дожидался, когда от судов устремятся ахейцы.
Вид принявши его, обратилась Ирида к Приаму:
«О, старик, всегда тебе милы ненужные речи
Так же, как в мирные дни. Но теперь ведь война, и какая!
Очень мне часто бывать приходилось в ужаснейших битвах,
Но не видал я такого и столь многолюдного войска:
Нету им счета, как листьям лесным, как прибрежным песчинкам!
Движутся к нам по равнине, напасть собираясь на город.
Гектор, всего тебе больше советую действовать вот как:
Много союзников с нами в великой столице Приама,
Разный язык у различных племен многочисленных этих.
Пусть же начальствует каждый над теми, над кем он властитель,
Пусть соплеменников строит, пусть их за собою выводит».

Кончила. Голос богини узнал безошибочно Гектор.
Вмиг он собранье закрыл. За оружье схватились троянцы.
Настежь раскрылись ворота. Из них выходили отряды
Пешие, конные. Шум поднялся несказанный повсюду.

Есть перед городом Троей вдали на широкой равнине
Некий высокий курган, отовсюду легко обходимый.
Смертные люди курган тот высокий зовут Батиеей,
Вечноживущие боги — могилой проворной Мирины.
Там у холма разделились троян и союзников рати.

Был у троянцев вождем шлемоблещущий Гектор великий,
Сын Дарданида Приама. Всех лучше и всех многолюдней
Были войска у него, до копейного жадные боя.

Вел за собою дарданцев Эней Анхизид многомощный.
Был он рожден Афродитой богиней; на идских вершинах
Ложе она разделила с Анхизом,— богиня со смертным.
Был он вождем не один; при нем Архелох с Акамантом,
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.

. . . . . .

(Конец второй песни посвящен перечислению защитников Трои — троянских воинов и их союзников.)

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

КЛЯТВЫ. ОБОЗРЕНИЕ АХЕЙСКОГО ВОЙСКА СО СТЕНЫ. ЕДИНОБОРСТВО ПАРИСА И МЕНЕЛАЯ

После того, как отряды с вождями построились к бою,
С шумом и криком вперед устремились троянцы, как птицы:
С криком таким журавли пролетают под небом высоким,
Прочь убегая от грозной зимы и дождей бесконечных;
С криком несутся они к океановым быстрым теченьям,
Смерть и погибель готовя мужам низкорослым пигмеям;
В утренних сумерках злую войну они с ними заводят.

В полном безмолвии, силой дыша, приближались ахейцы,
С твердой готовностью в сердце оказывать помощь друг другу.
Так же, как Нот на горе по вершинам туман разливает,
Для пастухов не желанный, но вору приятнее ночи;
Видеть в нем можно не дальше, чем падает брошенный камень;
Так под ногами идущих густейшая пыль поднималась,
Вихрю подобная. Быстро они проходили равнину.

После того, как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Вышел вперед из троянских рядов Александр боговидный
С шкурой пантеры и луком кривым на плечах и с висящим

Острым мечом. Колебал он в руке два копья, завершенных
Медными жалами, всех вызывая храбрейших ахейцев
Выступить против него и померяться в схватке ужасной.

Только увидеть успел Менелай многохрабрый Париса
Шагом широким вперед из толпы выступающим гордо,
Радостью вспыхнул, как вспыхнул бы лев перед крупной добычей,
Вдруг повстречавшись с рогатым оленем иль дикой козою;
Жадный от голода, он пожирает добычу, хоть всюду
Сам окружен молодыми ловцами и быстрыми псами.
Радостью вспыхнул такой Менелай, увидавши глазами
Сына Приама царя. К обольстителю местью пылая,
Быстро Атрид с колесницы с оружием спрыгнул на землю.

Только увидел его перед строем Парис боговидный,
Милое сердце в груди у него задрожало от страха.
Быстро к товарищам он отступил, убегая от смерти,
Как человек, увидавший дракона в ущелии горном,
Быстро назад отступает и членами всеми трепещет
И устремляется прочь с побледневшими страшно щеками;
Так погрузился обратно в толпу горделивых троянцев,
В ужас придя перед сыном Атрея, Парис боговидный.

Гектор, увидев, корить его стал оскорбительной речью:
«Горе-Парис, лишь по виду храбрец, женолюб, обольститель!
Лучше бы ты не рождался совсем иль безбрачным погибнул!
Это и я бы хотел, и тебе это было бы лучше,
Чем поношеньем таким и позорищем быть перед всеми!
Длинноволосых ахейцев ты слышишь язвительный хохот?
Видя твой образ красивый, они полагали, что храбрый
Ты первоборец, а ты — без отваги в душе и без силы!
И вот такой-то посмел ты, однако, в судах мореходных,
Море с толпой переплывши товарищей верных, в чужое
Племя проникнуть и в жены красавицу стран отдаленных
Дерзко с собой увезти,— невестку мужей копьеборных,
В горе отцу твоему, государству всему и народу,
В радость большую врагам, а себе самому в поношенье!
Что ж не остался ты ждать Менелая, любимца Ареса?
Знал бы, какого ты мужа владеешь цветущей супругой!
Не помогли бы кифары тебе и дары Афродиты,
Пышные кудри и вид твой, когда бы ты с пылью смешался!
Больно уж робки троянцы. Иначе б давно уже был ты
Каменным платьем одет за несчастья, какие принес ты».

Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, меня ты бранишь не напрасно, за дело бранишь ты.
Сердце твое, как топор, всегда некрушимо и крепко.

Бьет по бревну он, размах усиляя руки у того, кто
Для корабля то бревно с великим искусством готовит.
Так же и сердце в груди у тебя неуклонно и твердо.
Но не порочь мне прелестных даров золотой Афродиты.
Нет меж божественных славных даров не достойных почтенья:
Сами их боги дают; по желанью никто не получит.
Ну, а теперь, если хочешь, чтоб я воевал и сражался,
Пусть все усядутся наземь,— и Трои сыны и ахейцы;
Я ж в середине сойдусь с Менелаем, любимцем Ареса,
В бой за Елену вступлю и за взятые с нею богатства.
Кто из двоих победит и окажется в битве сильнейшим,
Женщину пусть уведет за собою с богатствами всеми.
Вы же, взаимную дружбу священною клятвой заверив,
В Трое живите; они же в конями гордящийся Аргос
Пусть уплывают и в славную жен красотою Ахайю».

Так он сказал. С восхищеньем слова его выслушал Гектор.
Вышедши быстро вперед и копье ухватив в середине,
Строй удержал он троянцев. Они, успокоившись, стали.
Вмиг натянули ахейцы свои искривленные луки
Против него, полетели каменья и острые копья.
Громко вскричал на ахейцев владыка мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивяне, стойте! Стрельбу прекратите, ахейцы!
Слово какое-то хочет сказать шлемоблещущий Гектор».

Так он сказал. И немедленно бой прекратили ахейцы.
И замолчали. И Гектор сказал, между ратями стоя:
«Слушайте, Трои сыны и ахейцы в красивых поножах,
Что говорит Александр, возбудивший вражду между нами:
Он предлагает троянцам и всем меднолатным ахейцам
На многоплодную землю сложить боевые доспехи;
Сам же один на один с Менелаем, любимцем Ареса,
Вступит он в бой за Елену и взятые с нею богатства.
Кто из двоих победит и окажется в битве сильнейшим,
Женщину пусть уведет за собою с богатствами всеми.
Мы же взаимную дружбу священною клятвой заверим».

Так говорил он. Кругом все затихли и молча стояли.
Громкоголосый тогда Менелай обратился к ним с речью:
«Слушайте также меня. Жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам. Довольно вы бед претерпели
За преступленье Париса, за распрю, возженную мною.
Кто между нами двумя обречен на погибель судьбою,
Пусть и погибнет. А вы, остальные, миритесь скорее.
В город пошлите за белым барашком и черной овечкой
Солнцу принесть и земле; мы другого для Зевса доставим.

Также и силу Приама сюда приведите, чтоб клятвы
Сам он заверил (его сыновья вероломны и наглы),
Чтобы никто дерзновенно кронидовых клятв не нарушил.
Носятся вечно по ветру людей молодых помышленья;
Если ж участвует старец, то смотрит вперед и назад он,
Чтоб для обеих сторон наилучше решилося дело».
Так говорил он. И радость объяла троян и ахейцев,
Вера явилась, что близко злосчастной войне окончанье.
Коней поставили в ряд, со своих колесниц соскочили,
Сняли доспехи и все их сложили на землю от вражьих
Близко рядов: разделяла их узкая поля полоска.
Гектор немедленно двух посланцев к Илиону отправил
Пару ягнят принести и Приама призвать на равнину.
Также и царь Агамемнон Талфибию дал приказанье
К вогнутым быстро идти кораблям и ягненка доставить.
И непослушен он не был владыке народов Атриду.

С вестью меж тем к белокурой Елене явилась Ирида,
Образ принявши золовки, жены Антенорова сына,
Знатного Геликаона; женой он имел Лаодику,
Между Приамовых всех дочерей наилучшую видом.
В доме застала Елену; огромную ткань она ткала,—
Плащ темно-красный двойной, и на нем выводила сраженья
Меж конеборных троянцев и меднохитонных ахейцев,
Где от Аресовых рук за Елену они пострадали.
Вставши вблизи, быстроногая так ей сказала Ирида:
«Выйди, жена молодая, взгляни-ка на чудо, какое
Между троян совершилось и меднохитонных ахейцев!
Вел так недавно их друг против друга Арес многослезный,
Жаждали в битвах жестоких сходиться они на равнине.
Нынче безмолвно стоят. Прекратилась война. Оперлися
Воины все на щиты. И копья их воткнуты в землю.
А Приамид Александр с Менелаем, любимцем Ареса,
С длинными копьями в бой за тебя окончательный вступят,
Кто из двоих победит, назовет тебя милой супругой».

Так говорила и дух ей наполнила сладким желаньем
Первого мужа увидеть, родителей милых и город.
Тонкою белою тканью покрылась она и поспешно,
Нежные слезы роняя, из комнаты вон устремилась.
Шла не одна она; следом за ней две служанки спешили,
Эфра, Питфеева дочь, с волоокой Клименой. Достигли
Вскорости все они места, где Сейские были ворота.

Там над воротами, в башне, с Приамом, Панфоем, Фиметом,
С Лампом и Клитием и Гикетаоном, ветвью Ареса,
Укалегон с Антенором сидели, разумные оба.

Все — многочтимые старцы из лучших старейшин народа.
Старость мешала в войне принимать им участье; но были
Красноречивы они и подобны цикадам, что, сидя
В ветках деревьев, приятнейшим голосом лес оглашают.
Вот каковые троянцев вожди восседали на башне.
Только увидели старцы идущую к башне Елену,
Начали между собою крылатою речью шептаться:
«Нет, невозможно никак осуждать ни троян, ни ахейцев,
Что за такую жену без конца они беды выносят!
Страшно похожа лицом на богинь она вечноживущих.
Но, какова б ни была, уплывала б домой поскорее,
Не оставалась бы с нами,— и нам на погибель, и детям!»

Так говорили. Приам подозвал к себе громко Елену:
«Милая дочь, подойди-ка поближе и сядь предо мною!
Первого мужа увидишь, родных и друзей твоих близких.
Ты предо мной невиновна; одни только боги виновны;
Боги с войной на меня многослезной подняли ахейцев.
Сядь же сюда, назови мне огромного этого мужа,—
Что это там за ахеец, высокий такой и могучий?
Выше его головой меж ахейцами есть и другие,
Но никогда не видал я такого красивого мужа,
С видом почтенным таким. На царя он осанкой походит».

И отвечала Приаму Елена, богиня средь женщин:
«Свекор мой милый, внушаешь ты мне и почтенье, и ужас.
Лучше бы горькую смерть предпочла я в то время, как в Трою
С сыном твоим отправлялась, покинувши брачную спальню,
Малую дочку, и близких родных, и пленительных сверстниц.
Но не случилося так, и о том исхожу я слезами.
Это ж тебе я скажу, что спросил и узнать пожелал ты:
Там пред тобой пространнодержавный Атрид Агамемнон,—
И копьеборец могучий, и доблестный царь вместе с этим.
Деверь он был мне, собаке! Да, был он мне деверь когда-то!»

Так говорила. И старец, дивясь на Атрида, воскликнул:
«О, Агамемнон блаженный, судьбой отличенный с рожденья!
Сколько ахейских сынов под твоим я тут вижу началом!
Некогда быть мне пришлось во Фригии, богатой лозами,
Видел я там превеликую рать быстроконных фригийцев,
Видел народы Отрея и равного богу Мигдона.
У берегов сангарийских тогда они станом стояли.
Был я союзником их и средь воинства их находился
В день, как отбили они амазонок, мужчинам подобных.
Столько их не было там, сколько здесь быстроглазых ахейцев».

Дальше, вторым увидав Одиссея, спросил ее старец:
«Ну-ка скажи и об этом, дитя мое милое, кто он?
Хоть головой он пониже, чем славный Атрид Агамемнон,
Но поглядеть — так пошире его и плечами, и грудью.
На многоплодную землю доспех боевой его сложен,
Сам же обходит ряды он ахейцев, подобно барану;
Схожим он кажется мне с густошерстым бараном, который
Через обширное стадо овец белорунных проходит».

И отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
«Муж тот, о ком ты спросил,— Лаэртид Одиссей многоумный.
Он в каменистой стране, на Итаке на острове вырос,
В хитростях всяких искусный, во всяких решениях мудрый».

К ней Антенор обратился разумный с такими словами:
«Очень все правильно, женщина, то, что сейчас ты сказала:
Некогда ради тебя посланцами сюда приезжали
В Трою герой Одиссей с Менелаем, любимцем Ареса.
Я их тогда, как гостей, принимал у себя, угощал их.
Смог в это время узнать я и свойства обоих, и разум.
Вместе когда на собраньях троянцев они появлялись,
Если стояли, то плеч шириной Менелай выдавался,
Если ж сидели, казался видней Одиссей многоумный.
В час же, когда перед всеми слова они ткали и мысли,—
Быстро Атрид Менелай говорил свою речь пред собраньем,
Очень отчетливо, но коротко: многословен он не был,
Нужное слово умел находить, хоть и был помоложе.
Если ж стремительно с места вставал Одиссей многоумный,—
Тихо стоял и, потупясь, глядел себе под ноги молча;
Скипетром взад и вперед свободно не двигал, но крепко,
Как человек непривычный, держал его, стиснув рукою.
Ты бы сказал, что брюзга пред тобою, к тому же неумный.
Но лишь звучать начинал из груди его голос могучий,
Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись.
С ним состязаться не мог бы тогда ни единый из смертных,
И уже прежнему виду его мы теперь не дивились».

Третьим увидев Аякса, выспрашивал старец Елену:
«Кто еще этот ахеец, высокий такой и могучий?
Он головой и плечами широкими всех превышает».

Длинноодеждная так отвечала Приаму Елена:
«Это Аякс великан — оплот и защита ахейцев.
Там, на другой стороне, словно бог, выдается меж критян
Идоменей; вкруг него и другие вожди их толпятся.
Частым он гостем бывал Менелая, любимца Ареса,
В доме у нас, приезжая с далекого острова Крита.

Вижу я там же и всех остальных быстроглазых ахейцев,
Всех я узнала б легко и по имени всех назвала бы.
Двух лишь найти не могу я строителей ратей: не видны
Кастор, коней укротитель, с кулачным бойцом Полидевком,
Братья родные мои, мне рожденные матерью общей.
Либо из Спарты прелестной с другими они не приплыли,
Либо, сюда и приплывши на быстрых судах мореходных,
В битву мужей не желают мешаться, бояся душою
Срама и многих упреков, какие мне пали на долю».
. . . . . .

Гектор меж тем Приамид с Одиссеем божественным место
Для поединка сначала отмерили, после же, бросив
Жребии в шлем медяной, сотрясали их, чтобы решилось,
Кто из противников первый копье свое медное бросит.
Оба ж народа молились бессмертным и руки вздевали.
Так не один говорил и в ахейских рядах, и в троянских:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий, преславный, великий!
Кто из обоих во всем, что меж нами случилось, виновен,
Сделай, чтоб, насмерть сраженный, в жилище Аида сошел он,
Мы ж меж собой утвердили б священные клятвы и дружбу!»

Так говорили. Потряс шлемоблещущий Гектор великий
Жребии, глядя назад. И выскочил жребий Париса.
Все после этого сели рядами, где каждый оставил
Быстрых своих лошадей и доспехи свои боевые.
Богоподобный Парис же, супруг пышнокудрой Елены,
Стал между тем облекать себе плечи доспехом прекрасным.
Прежде всего по блестящей поноже на каждую голень
Он наложил, прикрепляя поножу серебряной пряжкой;
Следом за этим и грудь защитил себе панцирем крепким
Брата Ликаона, точно ему приходившимся впору.
Сверху на плечи набросил сначала свой меч среброгвоздный
С медным клинком, а потом и огромнейший щит некрушимый;
Мощную голову шлемом покрыл, сработанным прочно,
С гривою конскою; страшно над шлемом она волновалась.
Крепкое взял копье, по руке его тщательно выбрав.
Так же совсем и герой Менелай снаряжался на битву.

После того как в толпе средь своих они к бою оделись,
На середину меж ратей враждебных противники вышли,
Взглядами грозно сверкая. Охватывал ужас смотрящих
Конников храбрых троян и красивопоножных ахейцев.
Близко друг к другу они подошли на измеренном поле,
Копья в руках сотрясая и злобясь один на другого.
Первым Парис боговидный послал длиннотенную пику
В щит, во все стороны равный, ударивши ею Атрида;

Но не смогла она меди прорвать, и согнулося жало
В твердом щите Менелая. Вторым Менелай русокудрый
Медную пику занес и взмолился к родителю Зевсу:
«Дай отомстить человеку, кто первый худое мне сделал,
Дай, о владыка, чтоб мною сражен был Парис боговидный,
Чтоб ужасался и каждый из позже родившихся смертных
Гостеприимному злом воздавать за радушье и дружбу!»

Так он сказал и, взмахнувши, послал длиннотенную пику,
В щит, во все стороны равный, ударивши ею Париса;
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Быстро пронзила искусно сработанный панцирь блестящий
И против самого паха хитон у Париса рассекла.
Тот увернулся и этим избегнул погибели черной.
Сын же Атрея, извлекши стремительно меч среброгвоздный,
Грянул с размаху по гребню на шлеме: но меч, от удара
В три иль четыре распавшись куска, из руки его выпал.
И возопил Менелай, на широкое небо взглянувши:
«Нет никого средь бессмертных зловредней тебя, о Кронион!
Я уже думал отмстить Александру за низость,— и что же?
Меч у меня разломался в руках на куски, и без пользы
Пика моя излетела из рук. И его не убил я!»

Ринулся он на Париса, за шлем ухватил коневласый
И потащил, повернувшись, к красивопоножным ахейцам.
Стиснул узорный ремень Александрову нежную шею,
Под подбородком его проходивший от шлема, как подвязь.
И дотащил бы его Менелай, и покрылся бы славой,
Если б остро не следила за всем Афродита богиня:
Подвязь из кожи быка, убитого силой, порвала,
Шлем лишь один очутился в могучей руке Менелая.
В воздухе шлем Менелай закружил и швырнул его быстро
К пышнопоножным ахейцам; и шлем тот друзья подобрали.
Бросился вновь он вперед, поразить Александра желая
Медным копьем. Но нежданно его унесла Афродита,
Очень легко, как богиня, сокрывши под облаком темным.
В сводчатой спальне душистой его усадила, сама же
Быстро пошла, чтоб Елену позвать, и нашла ее вскоре
В башне высокой; вокруг же троянки толпою сидели.
Дернула тихо богиня ее за нектарное платье,
Древнерожденной старухе обличьем своим уподобясь,
Пряхе, которая в дни, как жила еще в Спарте Елена,
Шерсть ей пряла превосходно и очень Елену любила.
Ей уподобившись, так Афродита богиня сказала:
«В дом возвратись поскорее, тебя Александр призывает.
Он уже в спальне сидит на кровати точеной, сияя
И красотой, и одеждой; и ты никогда б не сказала,

Что из сраженья он с мужем пришел, но что хочет идти он
На хороводы иль сел отдохнуть, с хороводов пришедши».
. . . . . .

Сын же Атрея метался по толпам, как зверь разъяренный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян иль союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Прятать из дружбы никто бы не стал его, если б увидел:
Всем одинаково был он, как черная смерть, ненавистен.

К ним обратился тогда повелитель мужей Агамемнон:
«Слух преклоните, троянцы, дарданцы и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Ареса.
Вы аргивянку Елену с богатством ее увезенным
Выдайте нам, заплатите и пеню, какую прилично,—
Так, чтобы память о ней и у дальних потомков осталась».

Дружно одобрили слово его остальные ахейцы.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАРУШЕНИЕ КЛЯТВ. АГАМЕМНОНОВ ОБХОД

Боги в чертоге с полом золотым возле Зевса сидели
И меж собой совещанье держали. Владычица Геба
Нектар богам разливала. Они золотыми друг другу
Кубками честь воздавали, на город троянцев взирая.
Вдруг задеть захотелось Зевесу державному Геру
Речью язвительной. Так он супруге сказал, насмехаясь:
«Две тут заступницы есть средь богинь за царя Менелая:
Гера аргивская вместе с Алалкоменидой Афиной.
Обе, однако, сидят себе здесь, наблюдают и тешат
Души свои. С Афродитой улыбколюбивой — иначе:
Вечно она при Парисе, от смерти его охраняет;
Вот и сегодня: спасла, когда умереть он уж думал.
Но ведь победа-то все ж за царем Менелаем осталась.
Следует нам обсудить, как дела эти дальше направить:
Снова ли злую войну возбудить и ужасную сечу
Иль меж обеих сторон заключить соглашенье и дружбу?
Если покажется мысль моя всем вам приятной и милой,
Пусть государство владыки Приама останется целым,
Царь Менелай же домой возвратится с аргивской Еленой».

Так он сказал. Негодуя, вздыхали Афина и Гера.
Рядом сидели они, измышляя несчастья троянцам.
Слушала молча Афина, ни слова в ответ не сказала;
Лютою злобой она волновалася в гневе на Зевса.
Гера же, гнева в груди не вместивши, сказала Крониду:
«Что за слова, жесточайший Кронид, ты ко мне обращаешь!
Как же ты можешь желать неоконченным сделать и тщетным
Труд мой и пот мой, каким я потела в трудах? Истомила
Я и коней, на Приама с детьми собирая ахейцев.
Действуй; но прочие боги тебя тут не все одобряют».

С гневом великим ответил ей Зевс, облаков собиратель:
«Странная ты! Ну, какое Приам и Приамовы дети
Зло причиняют тебе, что о том ты и думаешь только,
Как бы сгубить Илион, прекрасно построенный город!
Если бы, вторгшись в ворота и стены высокие Трои,
Ты бы живьем пожрала и Приама с детьми, и троянцев
Всех остальных,— лишь тогда бы ты злобу свою исцелила!
Делай, как хочешь. Не стоит, чтоб этот раздор между нами
В будущем создал большую вражду между мной и тобою.
Слово иное скажу я, и в сердце обдумай то слово:
Если и я пожелаю какой-нибудь город разрушить,—
Город, в котором мужи обитают, тебе дорогие,—
И моего не задерживай гнева, а дай мне свободу;
Так и тебе ее дать я согласен, в душе несогласный.
Меж городами людей, на земле беспредельной живущих,
Сколько на свете ни есть их под солнцем и звездами неба,
Сердцем всех больше моим Илион почитался священный,
И повелитель Приам, и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма, что нам от людей подобает».

Зевсу сказала в ответ волоокая Гера богиня:
«В мире три города есть наиболее мне дорогие:
Аргос великий, Микена широкодорожная, Спарта.
Их истребляй, если станут тебе чем-нибудь ненавистны;
Я не вступаюсь за них, не завидую. Если бы даже
Стала завидовать я и противиться их истребленью,—
Малого б тем я достигла: меня ты намного сильнее.
Нужно, однако, труды и мои не напрасными делать.
Бог я такой же, как ты, одного и того же мы рода;
Более старшей на свет произвел меня Крон хитроумный;
Честь мне двойная: за род и за то, что твоею супругой
Я называюсь; а ты над бессмертными властвуешь всеми.
Будем же в этом с тобою уступчивы друг перед другом,—
Я пред тобою, а ты предо мной, чтоб и прочие боги
Нам подражали. Теперь же скажи поскорее Афине,

Чтобы спустилася к битве кровавой троян и ахейцев
И соблазнила троянцев нарушить предательски клятву,
Только что данную ими гордящимся славой ахейцам».

Не был богине родитель мужей и богов непослушен
И со словами крылатыми так обратился к Афине:
«К войску троян и ахейцев отправься как можно скорее
И соблазни-ка троянцев нарушить предательски клятву,
Только что данную ими гордящимся славой ахейцам».

То, что велел он Афине, давно и самой ей желалось.
Бросилась быстро Афина с высокой вершины Олимпа,
Словно звезда, чрез которую сын хитроумного Крона
Знаменье шлет морякам иль обширному войску народов,
Яркая, окрест нее в изобилии сыплются искры.
В виде таком устремилась на землю Паллада-Афина.
Пала в средину полков. Изумленье объяло глядевших
Конников храбрых троян и красивопоножных ахейцев.
Так не один говорил, поглядев на стоявшего рядом:
«Верно, начнутся опять и война, и кровавые сечи!
Либо же, может быть, дружбу кладет меж обоих народов
Зевс-Эгиох, человеческих войн вседержавный решитель!»

Так не один говорил и в ахейских рядах, и в троянских.
Вид Лаодока приняв, Анитенорова храброго сына,
Зевсова дочерь Афина в толпу замешалась троянцев,
Пандара, равного богу, повсюду ища,— не найдет ли.
Вскоре нашла. Беспорочный и доблестный сын Ликаонов
Пандар стоял средь могучих рядов щитоносного войска,
Им приведенного в Трою от быстрых течений Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Сын Ликаона разумный, послушал бы ты, что скажу я!
Если б решился ты быстрой стрелой поразить Менелая,
В Трое у каждого б ты приобрел благодарность и славу,
Более ж всех у царя Александра, Приамова сына.
Не поскупился бы первый же он на дары дорогие,
Если бы вдруг увидал, как, твоею стрелой пораженный,
Доблестный царь Менелай на костер поднимается грустный.
Ну, так пусти же скорее стрелу в Менелая героя,
Давши обет Аполлону ликийскому, славному луком,
Из первородных ягнят принести гекатомбную жертву,
Только домой ты вернешься, в священные стены Зелеи!»

Так говорила Афина и ум убедила безумца,
Снял он с плеча полированный лук из рогов козерога
Резвого; некогда сам он ему из засады в то время,
Как со скалы он прыгнуть собирался, стрелой своей острой

В грудь угодил и спиною его на скалу опрокинул;
Из головы поднимались рога на шестнадцать ладоней.
Мастер друг к другу приладил рога, обработав искусно,
Вылощил лук и к концу золотое кольцо приспособил.
Лук свой пригнувши к земле, тетиву на него натянул он,
Сам укрываясь пока за щитами товарищей храбрых,
Чтобы с земли не вскочили Аресовы дети ахейцы
Раньше, чем пустит стрелу в Менелая, любимца Ареса.
Сняв после этого крышку с колчана, стрелу из него он
Новую, в перьях, достал,— виновницу черных страданий;
Горькую эту стрелу наложил на изогнутый лук свой,
Давши обет Аполлону ликийскому, славному луком,
Из первородных ягнят принести гекатомбную жертву,
Только домой он вернется в священные стены Зелеи;
За тетиву и за корень стрелы одновременно взявшись,
Он до соска притянул тетиву и до лука — железо.
После того как великий свой лук круговидный согнул он,—
Лук загудел, тетива зазвенела, стрела понеслася,
Острая, в гущу врагов, до намеченной жадная жертвы.

Но про тебя, Менелай, не забыли блаженные боги,
Прежде же прочих — Афина добычница, дочь Эгиоха.
Став пред тобою, стрелу она острую прочь отклонила,
С тела ее согнала, как в жаркую пору сгоняет
Мать надоедную муху со спящего сладко младенца.
В место стрелу согнала, где, сходясь, золотые застежки
С панцирем пояс смыкают, двойную броню образуя.
В пояс, вкруг панциря плотно сомкнутый, стрела угодила,
Пышно украшенный пояс мгновенно насквозь пронизала,
Панцирь искусной работы пробила, достигла повязки,
Бывшей под ним,— охраны для тела, преграды для копий,
Лучшей защиты героя; ее она также пронзила
И по поверхности кожи скользнула, ее оцарапав.
Тотчас же черная кровь потекла из рассеченной раны.

Как для нащечников конских кариянка иль меонийка
Пурпуром красит слоновую кость и нащечники эти
В доме своем сохраняет; желало бы конников много
Их для себя получить; но лежит про царя украшенье,
Для лошадей красота, для возничих — великая слава.
Так у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Стройные бедра и голени вплоть до красивых лодыжек.
В ужас пришел Агамемнон владыка, как только увидел
Черную кровь, что струей побежала из братниной раны,
В ужас и сам Менелай многославный пришел. Но когда он
Зубья стрелы и завязки на шейке увидел вне тела,
Прежняя бодрость в груди пробудилась немедленно снова.

Тяжко стеная и брата за руку держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
«Милый мой брат, на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного из ахейцев сражаться!
Ими ты ранен. Попрали троянцы священную клятву!
Все ж не напрасными будут кровавые жертвы и клятвы,
Чистым вином возлиянья, друг другу пожатые руки.
Если сейчас не воздаст Олимпиец за гнусное дело,
Все же позднее воздаст; за обман свой заплатят троянцы,—
Женами, жизнью детей, головами своими заплатят!
Я хорошо это знаю,— рассудком и духом я знаю:
День придет — и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копьеносца Приама.
Зевс громовержец, живущий в эфире, высоко царящий,
Мрачной эгидою сам затрясет над народом троянцев
В гневе за их вероломство. И все это так и свершится!
Но величайшее горе доставишь ты мне, Менелай мой,
Если сегодня умрешь, окончания жизни достигнув!
В Аргос безводный придется вернуться мне с тяжким позором;

Тотчас тогда об отчизне покинутой вспомнят ахейцы.
На похвальбу и Приаму, и прочим надменным троянцам
Здесь мы оставим Елену аргивскую. В поле под Троей
Кости истлеют твои. Несвершенным останется дело.
И на высокий могильный курган Менелая героя
Вспрыгнет какой-нибудь наглый троянец и скажет со смехом:
«Если бы так и над всеми свой гнев утолял Агамемнон!
Он к Илиону ахейскому рать приводил бесполезно
И с кораблями пустыми обратно домой воротился,
В отчую землю, оставивши здесь храбреца Менелая».
Скажет он так, и тогда — расступись ты, земля, подо мною!
Дух ободряя его, отвечал Менелай русокудрый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских!
В место попала стрела неопасное; пояс сначала
Пестроузорный ее удержал, а потом и передник
С медной повязкой,— над ней кузнецы потрудились немало».

Брату немедля в ответ сказал Агамемнон владыка:
«О, когда б так и было, возлюбленный брат мой!
Рану ж исследует врач и лекарство, какое потребно,
К ране приложит твоей, чтобы черные боли исчезли».

Был им немедленно позван божественный вестник Талфибий:
«Сколько, Талфибий, возможно, скорей позови Махаона,—
Мужа, родитель которого — врач безупречный Асклепий,
Чтобы пришел осмотреть Менелая, любимца Ареса.

Кто-то его из троянских искусных стрелков иль ликийских
Ранил стрелою на славу себе и на горесть ахейцам».

Так Агамемнон сказал. И его не ослушался вестник.
Быстро идя через войско ахейцев, высматривал зорко
Он Махаона героя. Его он увидел стоящим
В гуще могучих рядов щитоносных племен, что из Трикки
Конепитающей следом за ним к Илиону явились.
Став близ него, он к нему обратился с крылатою речью:
«Асклепиад, поспеши! Агамемнон тебя призывает,
Чтоб осмотрел ты вождя Менелая, Атреева сына;
Кто-то его из троянских искусных стрелков иль ликийских
Ранил стрелою на славу себе и на горесть ахейцам».

Так говорил он и душу в груди Махаона встревожил.
Быстро сквозь толпы пошли по великому войску ахейцев.
К месту пришли, где, задетый стрелой, Менелай находился.
Лучшие люди из ратей ахейских вокруг собрались.
Тотчас, бессмертным подобный, вошел Махаон в середину
И попытался стрелу из Атридова пояса вынуть;
Но заостренные зубья обратно ее не пускали.
Пояс узорный тогда расстегнул он, а после — передник
С медной повязкой,— немало над ней кузнецы потрудились.
Рану увидел тогда, нанесенную горькой стрелою,
Высосал кровь и со знаньем лекарствами рану посыпал,
Как дружелюбно родитель его был обучен Хироном.

Так хлопотали они вкруг владыки царя Менелая.
А уж густые ряды щитоносцев троян наступали.
Вспомнив о бое, ахейцы поспешно надели доспехи.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трусливым, иль кинуться в бой не хотящим.
Всею душою к мужей прославляющей битве рвался он.
Коней оставил Атрид с колесницей, пестреющей медью.
Яро храпящих, держал в стороне их возница Атрида,
Евримедонт, Птолемеем рожденный, Пиреевым сыном.
Близко держаться ему приказал Агамемнон на случай,
Если, давая приказы, усталость почует он в членах.
Сам же пешком обходил построения ратей ахейских.
Тех быстроконных данайцев, которые в бой торопились,—
Их ободрял он словами и с речью такой обращался:
«Войны Аргоса, дайте простор вашей удали буйной!
Зевс, наш отец, никогда вероломным защитой не будет.
Тех, кто священные клятвы предательски первый нарушил,—
Будут их нежное тело расклевывать коршуны в поле,
Их же цветущих супруг молодых и детей малолетних
В плен увезем мы в судах, как возьмем крепкостенную Трою».

Если же видел, что кто уклониться желает от боя,
Тех Агамемнон бранил, обращаясь с разгневанной речью:
«Жалкие трусы, бахвалы! Ужель вам, ахейцы, не стыдно?
Что, растерявшись, стоите вы здесь, как пугливые лани?
Лани, когда утомятся, бежав по широкой равнине,
Кучей теснятся, и нет никакой у них смелости в сердце.
Так, растерявшись, и вы здесь стоите и в бой не идете!
Ждете ль, покамест троянцы прорвутся до мест, на которых
Наши стоят корабли у берега моря седого,
Чтобы увериться, вас ли рукой покрывает Кронион?»

Так, раздавая приказы, ряды обходил Агамемнон.
К критянам он подошел, через встречные толпы пробравшись,
В бой снаряжались они вкруг отважного Идоменея.
Храбростью вепрю подобный, в передних рядах он держался.
Вождь же другой, Мерион, назади возбуждал ополченья.
Радость почувствовал, их увидавши, Атрид Агамемнон.
К Идоменею тотчас обратился он с ласковой речью:
«Идоменей, между всех быстроконных данайцев тебя я
Чту наиболее,— как на войне и в делах всевозможных,
Так и на наших пирах, где аргивские лучшие люди
Воду мешают в кратерах с почетным вином искрометным.
Ибо, где прочие длинноволосые мужи-ахейцы
Мерою пьют, никогда ты пустым, как и я, не оставишь
Кубка,— сейчас же наполнишь и пьешь, если дух твой прикажет.
В бой же! И доблесть яви, каковой ты и раньше гордился».

Идоменей ему, критян начальник, сказал, отвечая:
«Славный Атрид, неизменно тебе я товарищем верным
Буду, как раньше когда-то тебе обещал и поклялся.
Длинноволосых, однако, других возбуди-ка ахейцев
Битву начать поскорее. Нарушили клятву троянцы!
В будущем черная смерть и жестокие бедствия ждут их:
Первыми клятв не сдержали они и обеты попрали».

Радуясь сердцем, Атрид Агамемнон отправился дальше.
К войску Аяксов пришел, пробираясь сквозь встречные толпы.
В бой снаряжались они, окруженные тучею пеших.
Так же, как если с вершины скалистой огромную тучу
Козий пастух заприметит, гонимую с моря Зефиром;
Издали взору его, как смола, представляяся черной,
Мчится над морем она и ведет ураган за собою;
С ужасом смотрит пастух и стада свои гонит в пещеру.
Схожие с тучей такой, за Аяксами к жаркому бою
Юношей, Зевсом вскормленных, стремились густые фаланги,—
Черные, грозно щетинясь щитами и жалами копий.
Возвеселился душой Агамемнон, увидев и этих.

Громко к обоим он им обратился с крылатою речью:
«Храбрые мужи Аяксы, вожди аргивян меднолатных!
Нет вас нужды ободрять, никаких не даю вам приказов.
Сами прекрасно народ вы ведете в упорную битву.
Если б, о Зевс, наш родитель, Афина и Феб дальновержец,—
Если б у каждого в сердце подобное мужество было,
Скоро пред нами поник бы Приама властителя город,
Нашими взятый руками и в прах уничтоженный нами!»

Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, звучногласый оратор пилосский.
Строил товарищей он и сердца распалял их на битву.
Рядом стояли огромный Пелагонт, Аластор и Хромий,
Знатный и храбрый Гемон и Биант, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил,
Сзади же пеших поставил бойцов,— многочисленных, храбрых,
В битве оплотом служить, а трусливых загнал в середину,
Чтоб и тому, кто не хочет, сражаться пришлось поневоле.
Прежде всего ездоков наставлял он, приказывал строго
Коней рядами держать и нестройной толпой не тесниться:
«Чтобы никто, на искусство и силу свою полагаясь,
Против троян впереди остальных в одиночку не бился,
Чтоб и обратно не правил! Себя вы ослабите этим.
Если же кто колесницей своею на вражью наедет,
Пику наставь наперед: наилучший для конника способ.
Предки таким же путем города разгромляли и стены,
Разум и волю такие ж в груди у себя сохраняли».

Так возбуждал их старик, издавна уже опытный в войнах.
Радость Атрида взяла и тогда, как его он увидел,
К Нестору громко с словами крылатыми он обратился:
«Если б, о старец, как дух неослабный в груди твоей милой,
Ноги служили тебе и осталась бы в свежести сила!
Но утесняет тебя неизбежная старость. О, если б
Мужи другие старелись, а ты б оставался меж юных!»
Нестор, наездник геренский, ему отвечая, промолвил:
«Очень и сам я желал бы, Атрид, оставаться, каким я
Некогда был, убивая Еревфалиона героя.
Сразу, однако, всего не даруют бессмертные людям;
Юношей был я, теперь же мне спутницей сделалась старость.
Но и таким я пойду между конными, их направляя
Словом своим и советом: вот честь, что осталась для старцев.
Копьями ж будут сражаться мужи помоложе, какие,
Позже родившись, чем я, на свою полагаются силу».

Радуясь сердцем, Атрид Агамемнон отправился дальше.
Встретил наездника он Менесфея, Петеева сына.

Он средь афинян стоял, возбудителей бранного клича.
Там же, вблизи Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
Вкруг же него кефалленцев ряды, не бессильных в сраженьях,
Праздно стояли. Никто не слыхал еще бранной тревоги:
Только что подняты были и шли друг на друга фаланги
Конников быстрых троян и ахейцев. Они же стояли,—
Ждали, когда, наступая, другая колонна ахейцев
Против троянцев ударит, чтоб тотчас в сраженье ввязаться.
Их увидав, на обоих набросился царь Агамемнон,
Громко позвал и с словами крылатыми к ним обратился:
«Сын скиптроносца Петея, питомца Крониона Зевса,
Также и ты, хитродей, преисполненный злого коварства!
Что вы стоите тут, ежась от страха, других выжидая?
Вам надлежало б обоим в передних рядах находиться,
Первыми в жаркую битву бросаться, других увлекая.
Первыми вы от меня ведь о пиршествах слышали наших,
Если сбиралися пир мы, ахейцы, задать для старейшин.
Было приятно тогда насыщаться вам жареным мясом,
Пить, сколько хочет душа, медосладкие вина из кубков?
Здесь же вы рады смотреть, когда впереди перед вами
Хоть бы и десять ахейских колонн воевало с врагами!»

Гневно взглянув на него, отвечал Одиссей многоумный:
«Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Только ахейцы
Ярость Ареса поднимут на коннодоспешных троянцев,—
Если захочешь и нужно тебе, то увидишь, как первым
Милый отец Телемаха ворвется в фаланги густые
Конников храбрых троянцев. Слова ты пускаешь на ветер!»

Гневным увидев его, улыбнулся Атрид Агамемнон,
Взял свое слово обратно и так отвечал Одиссею:
«Благорожденный герой Лаэртид, Одиссей многоумный!
Ни упрекать чересчур, ни приказывать я не намерен.
Знаю и сам я, что дух твой намерений дружеских полон
В милой груди и что ты одинаково мыслишь со мною.
В бой же! А если сегодня что сказано было плохое,—
После уладим. Пусть боги для нас это сделают вздором!»
. . . . . .

Так же, как быстрые волны о берег морской многозвучный
Бьются одна за другою, гонимые ветром Зефиром;
В море сначала они вырастают, потом, наскочивши
На берег, с громом ужасным дробятся, и выше утесов
Скачут горбатые волны и пеной соленой плюются,—
Так непрерывно одна за другою фаланги ахейцев
Двигались в бой на троянцев. Начальник давал приказанья,

Каждый — своим. Остальные молчали, и было бы трудно
Даже подумать, что голос имеет вся эта громада.
Молча шагали, вождей опасаясь своих; и сиянье
Шло от узорных доспехов, которые их облекали.

Так же, как овцы в овчарне богатого мужа, когда их
Многими сотнями доят, своим непрерывным блеяньем
Воздух кругом наполняют, на голос ягнят отзываясь,—
Крики такие по всей раздавалися рати троянской.
Но не у всех одинаков был крик, одинаковы речи:
Много смешалося здесь языков разноземных народов.

Этих Арес возбуждал, а данайцев — Паллада-Афина,
Ужас и Страх и ничем ненасытная Распря-Эрида,
Мужеубийцы Ареса родная сестра и товарищ.
Малой вначале бывает она, но потом головою
В небо уходит, ногами же низом, землею шагает.
В толпы врагов замешавшись, и тут она равною злобой
Тех и других распаляла, чтоб тяжкие стоны умножить.

Вот уже в месте едином сошлися враждебные рати.
Сшиблися разом и щитные кожи, и копья, и силы
Меднодоспешных мужей. Ударялись щиты друг о друга
Выпуклобляшные. Всюду стоял несмолкающий грохот.
Вместе смешалося все,— похвальбы и предсмертные стоны
Тех, что губили и гибли. И кровью земля заструилась.
Так же, как две наводненных реки, по ущелистым руслам
С горных вершин низвергая шумящие грозно потоки,
В общей долине сливают свои изобильные воды;
Шум их пастух издалека с утеса нагорного слышит,—
Так от смешавшихся ратей и шум разливался, и ужас.

Первым поверг Антилох у троянцев воителя мужа,
Храброго, между передних, Фалисия ветвь, Эхепола.
В гребень косматого шлема троянца он первый ударил.
Лоб пронизавши, вбежала глубоко во внутренность кости
Медная пика. И тьмою глаза Эхепола покрылись.
Башней высокой он рухнул на землю средь схватки могучей.
За ноги тело упавшего царь ухватил Елефенор,
Сын Халкодонта, начальник высоких душою абантов.
И потащил из-под копий и стрел, чтоб как можно скорее
Латы совлечь. Но недолго его продолжались старанья.
Видя, как тащит он труп за собой, Агенор крепкодушный
В бок, при наклоне его под щитом обнажившийся прочным,
Острою медною пикой ударил и члены расслабил.
Только он дух испустил, как вокруг загорелося дело

Жаркое между троян и ахейцев. Как волки, бросались
Мужи одни на других; человек с человеком сцеплялся.

Сын Анфемиона юный, подобный богам Симоесий,
Теламонидом Аяксом убит был. Спустившися с Иды
С матерью вместе, с отцом, чтоб взглянуть на овечьи отары,
Некогда мать родила его близ берегов Симоента.
Вот почему он звался Симоесием. Но за заботы
Милым родителям он не успел отплатить; кратковечной
Жизнь его стала под пикой великого духом Аякса.
Выступил первым вперед он, и в грудь ему пика попала,
В правый сосок; и насквозь через плечо пробежало наружу
Медное жало. И на землю в пыль он свалился, как тополь,
Выросший в низменном месте, в средине широкой долины,
Гладкий и ровный, на самой вершине раскинувший ветки.
Мастер его колесничный блистающим срезал железом,
Чтоб на ободья согнуть для колес колесницы прекрасной;
Там на речном берегу распростерт он и медленно сохнет.
С тополем схожий, лежал Симоесий, от лат обнаженный
Богорожденным Аяксом. В Аякса внезапно ударил
Острым копьем из толпы сын Приама, Антиф пестролатный,
Но промахнулся. Попал же он в пах Одиссееву другу,
Храброму Левку, тащившему труп в это время из свалки.
Левк возле трупа свалился, и труп из руки его выпал.
Гневом вспылал Одиссей, увидавши убитого друга.
Вышел вперед из рядов, облеченный сверкающей медью,
Стал очень близко от тела и, зорко вокруг оглядевшись,
Бросил блестящую пику. Назад отступили троянцы
Перед метнувшим. И пику метнул Одиссей не впустую:
В Демокоонта попал он, побочного сына Приама,
От табунов лошадиных прибывшего из Абидоса.
Пикой его Одиссей, раздраженный за друга, ударил
Прямо в висок, и с другой стороны головы из виска же
Вышло ее острие, и глаза его тьмою покрылись.
Грянулся на землю он, и доспехи на нем зазвенели.
Взад подалися передних ряды и блистательный Гектор.
Крикнули громко ахейцы, убитых к себе оттащили
И устремились вперед. Негодуя, смотрел из Пергама
Бог Аполлон дальнострельный. И громко вскричал он троянцам:
«Конники Трои! Смелее, вперед! Не сдавайте ахейцам
Поле сраженья! Ведь кожа у них не железо, не камень!
Острою медью ударишь — удара она не задержит!
И не свирепствует здесь Ахиллес быстроногий сегодня:
Всё пред судами свой гнев переваривать он продолжает».

Так к ним из города бог обращался ужасный. Ахейцев
Зевсова дочь возбуждала, преславная Тритогенея,
К каждой толпе подходила, где люди на бой не спешили.

Тут Амаринкова сына Диора судьба оковала.
Камнем зубристым он был поражен возле щиколки самой
В правую голень; его поразил предводитель фракийцев
Пейрос, Имбрасом рожденный, прибывший под Трою из Эны.
И сухожилия оба, и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный. И навзничь Диор повалился на землю.
К милым товарищам обе руки простирал он с мольбою,
Дух испуская. Но тот подбежал, кто пустил в него камнем,—
Пейрос могучий, и пику в пупок погрузил. И на землю
Вылилась внутренность вся, и глаза его тьмою покрылись.

Пейроса, ринувшись, пикой Фоант этолиец ударил
В грудь повыше соска. И в легких пика застряла.
Близко к нему подбежал Фоант и огромную пику
Вырвал из ребер и, острый свой меч обнаживши, фракийца
В самый живот посредине ударил и душу исторгнул.
Снять же доспехов не мог: фракийцы чубатые грозно
Тело вождя обступили, уставивши длинные копья;
Как ни огромен он был, и могуч, и достоин почета,—
Прочь отогнали его. И Фоант отступил содрогаясь.
Так распростерлись в пыли окровавленной рядом друг с другом
Оба вождя — и фракийцев, и меднодоспешных эпейцев.
Много вокруг и других там погибло троян и данайцев.

Этого дела хулить ни один человек не решился б,
Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Стал он ходить средь бойцов и его бы водила Афина,
За руку взяв и от копий летящих и стрел охраняя.
Много в тот день и троян конеборных, и храбрых ахейцев
В пыль головою упало и рядом друг с другом простерлось.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

ПОДВИГИ ДИОМЕДА

Песнь охватывает один из эпизодов Троянской войны и рассказывает о поединках ахейских и троянских героев. Главным образом описываются подвиги одного из самых могучих греческих воителей Диомеда, сына Тидея. В военных действиях принимают непосредственное участие и бессмертные боги. В столкновении Диомеда с метким троянским лучником Пандаром и предводителем троянцев Энеем гибнет Пандар и тяжело ранен Эней, которого Афродита спасает от неминуемой гибели. В пылу битвы Диомед ранит богиню в руку, и, страдая от боли, она улетает на Олимп. Диомед нападает даже на Аполлона, уносящего Энея в свой храм на акрополе Трои. Теперь перевес на стороне троянцев, Гектору помогает сам бог войны Арес. Гибнут греческие воины, Гера и Афина приходят

им на помощь. Афина вселяет в Диомеда новые силы, и он ранит самого Ареса, который кричит от ярости и боли. На Олимпе его лечит врач Пэеон. Туда возвращаются и обе богини.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

ВСТРЕЧА ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Яростный бой меж троян и ахейцев оставили боги.
Но по равнине туда и сюда простиралось сраженье
Между мужами, одни на других направлявшими копья,
В поле, между теченьями рек Симоента и Ксанфа.

Первым Аякс Теламоний, оплот и защита ахейцев,
Строй у троянцев прорвал, товарищам свет показавши.
Мужа он сверг Акаманта, храбрейшего между фракийцев,
Сына Евсорова, ростом высокого, мощного силой.
Первый ударил он в козырь его коневласого шлема,
Лоб пронизав Акаманта. Прошло глубоко ему в череп
Медное жало копья. И глаза его тьмою покрылись.

Аксил же, Тевфрана сын, Диомедом могучеголосым
Был ниспровергнут. В Арисбе прекрасно устроенной жил он,
В жизненных средствах нужды не имея, и людям был другом.
Всех он радушно в дому принимал у себя при дороге.
Но ни один между них от смерти не спас его грустной,
Помощи не дал никто, и лишились души они оба,—
Сам он и спутник Калесий, который в его колеснице
Быстрыми правил конями. Сошли они оба под землю.
Дреса же вместе с Офельтием сверг Евриал многомощный
И устремился на Эсепа с Педасом, нимфой речною
Абарбареей рожденных прекрасному Буколиону.
Буколион же был сын знаменитого Лаомедонта,
Старший рожденьем, но матерью тайно, без брака, рожденный.
Он, пастухом, близ овец сочетался любовью и ложем
С нимфою; двух сыновей-близнецов родила ему нимфа.
И сокрушил им обоим прекрасные члены и силу
Сын Мекистея, и с плеч их совлек боевые доспехи.

Стойкий в бою Полипет распростер на земле Астиала,
Царь Одиссей же могучий Пидита убил перкотийца
Медною пикой, а Тевкр — Аретаона, схожего с богом.
Несторов сын Антилох опрокинул блестящею пикой
Албера, царь Агамемнон, мужей повелитель,— Елата.

У берегов обитал он струистого Сатниоента,
В городе Педасе. Страхом объятого Филака в бегстве
Леит настигнул герой. Евриал же Меланфия свергнул.

Взят живьем был Адраст Менелаем могучеголосым,
Кони его, по равнине широкой помчавшись в испуге,
О тамарисковый куст колесницей ударились гнутой,
Дышло ее на конце раздробили и к городу сами
Вскачь понеслися, куда и другие скакали в смятеньи.
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатившись,
Грянулся в пыльную землю лицом. Над упавшим мгновенно
Встал Менелай, занеся на него длиннотенную пику.
Быстро колени Адраст у него охватил и взмолился к Атриду:
«Дай, Менелай, мне пощаду! Получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранит у себя мой родитель. Богат он
Золотом, медью, а также для выделки трудным железом.
С радостью даст он тебе за меня неисчислимый выкуп,
Если услышит, что в стане ахейцев живой нахожусь я».

Так говорил он и дух в груди убедил Менелаю.
Тот собирался уже к кораблям быстроходным ахейцев
Спутнику дать своему отвести его. Вдруг Агамемнон
Быстро навстречу ему подбежал и воскликнул сурово:
«Что это так, Менелай мягкодушный, ты нынче к троянцам
Жалостлив? В доме твоем превосходное сделали дело
Эти троянцы! Пускай же из них ни один не избегнет
Гибели быстрой и нашей руки! Пусть ребята, которых
Матери носят во чреве своем,— пусть и те погибают!
Пусть они все без следа и без похорон,— все пусть исчезнут!»

Так говоря, отвратил Агамемнон намеренье брата,
Правильно все говоря; Менелай русокудрый Адраста
Прочь рукой оттолкнул. Агамемнон герою в утробу
Пику вонзил. Опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на грудь, ясеневую выдернул пику.

Нестор к ахейцам взывал, возбуждая их криком громовым:
«О дорогие герои данайцы, о слуги Ареса!
Бейтесь с врагом, не кидайтесь пока на добычу, не стойте
Сзади рядов, чтобы с большей добычей домой воротиться!
Будем мужей убивать! А потом по равнине спокойно
Сможете вы обнажать от доспехов лежащие трупы».

Так говоря, возбудил он и силу, и мужество в каждом.
И побежали б троянцы от милых Аресу ахейцев
В свой Илион, покоряясь объявшей их слабости духа,
Если б, представ пред Энеем и Гектором, так не сказал им

Сын Приамов Гелен, превосходнейший птицегадатель:
«Гектор, Эней! Наиболе, герои, на вас тяготеет
Бремя забот о троянцах, ликийцах: ведь всех вы отличней
В деле любом, где потребны совет иль рука боевая!
Остановитесь же здесь и троян у ворот удержите,
Всюду на помощь являясь, пока еще женам в объятья
В бегстве не пали они, на потеху и радость ахейцам.
После того ж, как троянские вы ободрите фаланги,
Мы, оставаясь на месте, упорнейше будем сражаться,
Сколько бы нас ни теснили данайцы: велит неизбежность.
Ты же, о Гектор, меж тем в Илион отправляйся и там ты
Матери скажешь твоей и моей: благородных троянок
Пусть созывает в акрополь пред храм светлоокой Афины.
Двери священного дома ключом пусть откроет и пышный
Пеплос, который, по мненью ее, средь хранимых в чертоге
Всех превосходней и больше, всего и самой ей дороже,—
Пусть на колени возложит прекрасноволосой Афине,
Пусть ей двенадцать телят годовалых, работы не знавших,
Даст обещание в жертву принесть, если жалость проявит
К городу нашему, к женам троянским и малым младенцам,
Если она Илион защитит от Тидеева сына,—
Дикого, мощного силой бойца, рассевателя страха,
Мужа, который, скажу я, могучее всех средь ахейцев.
Так нас и сам Ахиллес не страшил, меж мужами первейший,
Хоть говорят, что рожден он богиней. Еще неудержней
Этот лютует, и в силе никто с ним не может сравняться».

Гектору так говорил он, и тот не ослушался брата.
Вмиг со своей колесницы с оружием спрыгнул на землю.
Острые копья колебля в руке, обходил он все войско,
К бою мужей возбуждая. И грянула новая сеча.
Оборотившись назад, на ахейцев они налетели.
И аргивяне назад подались, прекратили убийство.
Им показалось,— один из бессмертных со звездного неба
В помощь к врагам их спустился,— таков был стремительный натиск.

Гектор к троянцам взывал, возбуждая их криком громовым:
«Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, друзья, о неистовой вспомните силе!
Я ненадолго от вас в Илион отлучусь и скажу там
Старцам-советникам, также и нашим супругам любезным,
Чтобы молились богам, обещали бы им гекатомбы».

Так им сказав, к Илиону пошел шлемоблещущий Гектор.
Билася сзади краями по пяткам его и затылку
Крепкая черная кожа, что выпуклый щит окаймляла.

Главк, Гипполохом рожденный, и сын знаменитый Тидея
На середину меж тем выходили, желая сразиться.
После того как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Первым ко Главку Тидид обратился могучеголосый:
«Кто ты, храбрец, из людей, на земле порожденных для смерти?
Прежде тебя не встречал я в боях, прославляющих мужа.
Нынче ж, как вижу, далеко ты смелостью всех превосходишь,
Если решаешься выждать мою длиннотенную пику.
Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
Если же ты кто-нибудь из богов, низошедший на землю,—
Я никогда не дерзнул бы с богами небесными биться!
Нет, и могучий Ликург, порожденный Дриантом, недолго
Прожил на свете, с богами небесными ссору затеяв.
На воспитательниц шумного он Диониса нагрянул
И по божественной Нисе за ними гонялся. На землю
Бросили тирсы они, батогом поражаемы острым
Людоубийцы Ликурга. А сам Дионис, устрашенный,
Бросился в море и был там воспринят на лоно Фетидой.
В ужас и трепет пришел он от буйственных выкриков мужа.
Легко живущие боги на это весьма прогневились,
Зевс же Кронион его ослепил. И потом уж недолго
Прожил Ликург на земле, ненавидимый всеми богами.
Нет, ни за что не хочу я с богами бессмертными биться!
Если же смертный ты муж и плодами питаешься пашни,—
Ближе иди, чтобы смерти предела достичь поскорее!»

Так Диомеду ответил блистательный сын Гипполоха:
«Высокодушный Тидид, для чего узнаешь ты о роде?
Сходны судьбой поколенья людей с поколеньями листьев:
Листья — одни по земле рассеваются ветром, другие
Зеленью снова леса одевают с пришедшей весною.
Так же и люди: одни нарождаются, гибнут другие.
Если ж и это ты хочешь узнать, то скажу я, чтоб ведом
Был тебе род наш; немало на свете людей его знает.
В Аргосе конебогатом далекий есть город Эфира.
В городе этом Сизиф находился, хитрейший из смертных.
Сыном Эола он был; а сам был родителем Главка.
Главк же на свет произвел непорочного Беллерофонта.
Боги ему красоту с привлекательным мужеством дали.
Пройт же в душе на него нехорошее дело задумал;
Властию был он сильнее его, и заставил покинуть
Землю аргосцев: под скипетр Пройта он отдан был Зевсом.
С Беллерофонтом Антее божественной, Пройта супруге,
Тайно любовь завязать пожелалось, но к ней не склонила
Полного чувств благородных, разумного Беллерофонта.
И, клевеща на него, заявила царю она Пройту:
«Пройт! Или сам умирай, или Беллерофонта убей ты!

Дерзкий со мною пытался в любви сочетаться насильно».
Гневом великим вскипел повелитель, такое услышав.
Сам умертвить уклонился,— настолько стыда оказалось.
Но приказал ему ехать в Ликию и дал две дощечки,
Много погибельных знаков внутри начертав смертоносных.
Тестю он поручил их отдать, посланцу на погибель.
Тот под надежной защитой бессмертных в дорогу пустился.
Вскоре он прибыл в Ликию, к прекрасным теченьям Ксанфа.
Принял радушно его повелитель Ликии пространной.
Девять он дней пировал с ним и девять быков он зарезал.
Но лишь десятая в небе взошла розоперстая Эос,
Стал он расспрашивать гостя, и видеть ему пожелалось
Знаки, которые зять его Пройт посылает в дощечках.
А получивши от гостя злодейские зятевы знаки,
Прежде всего приказал он ему уничтожить Химеру
Необоримую: божьей породы была та Химера;
Спереди лев, дракон назади, коза в середине;
Страшную силу огня выдыхала Химера из пасти.
Следуя данным богами приметам, ее умертвил он.
В бой он вступил, во-вторых, с многославным солимским народом.
Битвы, как сам говорил он, ужасней, чем эта, не знал он.
В-третьих, в бою перебил амазонок он мужеподобных.
При возвращении царь ему новые козни подстроил:
Выбрав храбрейших мужей по Ликии пространной, в засаду
Их поместил. Но назад не вернулся из них ни единый.
Беллерофонт непорочный их всех перебил без остатка.
Царь, наконец, убедился в божественном роде пришельца,
И удержал у себя, и отдал ему дочь свою в жены,
И передал половину всей почести царской. Ликийцы
Самый отрезали лучший участок ему, с превосходным
Садом и тучною пашней, чтоб им он владел и питался.
Дети у той родились от разумного Беллерофонта,—
Трое: Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
С Лаодамией возлег промыслитель Кронид; разрешилась
Меднодоспешным она Сарпедоном, похожим на бога.
Сделавшись всем напоследок бессмертным богам ненавистен,
Беллерофонт по долине алейской блуждал одиноко,
Душу глодая себе и тропинок людских избегая.
Жадный до боя Арес умертвил его сына Исандра
В дни, как сражался с солимами он, знаменитым народом.
Дочь златоуздой убита была Артемидою в гневе.
От Гипполоха же я родился,— вот откуда я родом.
Он меня в Трою отправил и накрепко мне заповедал
Храбро сражаться всегда, превосходствовать в битве над всеми,
Рода отцов не бесчестить, которые доблестью ратной
Стали известны в Эфире и в царстве ликийском пространном.
Вот и порода, и кровь, каковыми хвалюсь пред тобою».

Так он сказал. Диомед могучеголосый в восторге
Медную пику поспешно воткнул в многоплодную землю
И обратился к владыке народов с приветственным словом:
«Ты же мне, значит, старинным приходишься дедовским гостем!
Некогда дед мой Иней безупречного Беллерофонта
Двадцать удерживал дней у себя, угощая в чертогах.
Оба друг другу они превосходные дали гостинцы.
Дед мой Иней подарил ему блещущий пурпуром пояс,
Беллерофонт преподнес золотой ему кубок двуручный.
В доме моем я тот кубок оставил, в поход отправляясь.
Что ж до Тидея,— его я не помню; ребенком покинул
Он меня в дни, как погибло под Фивами племя ахейцев.
Буду тебе я отныне средь Аргоса друг и хозяин.
Ты же — в Ликии мне будешь, когда побывать там придется.
С копьями ж нашими будем с тобой и в толпе расходиться;
Много тут есть для меня и троян, и союзников славных,—
Буду разить, кого бог наведет и кого я настигну.
Много тут есть для тебя и ахейцев,— рази, кого сможешь.
И обменяемся нашим оружьем. Пускай и все эти
Знают, что оба с тобою мы дедовской дружбой гордимся».

Так гооворили они. Со своих колесниц соскочили,
За руки крепко взялись и клятвы друг другу давали.
Зевс тут, однако, Кронион у Главка рассудок похитил:
Он Диомеду Тидиду на медный доспех — золотой свой,
Стоящий сотню быков, обменял на ценящийся в девять.

Гектор меж тем подошел уж к Скейским воротам и к дубу.
Вкруг него жены троянцев бежали и дочери, жадно
Вести желая узнать о супругах, о детях, о братьях
И о родных остальных. Но всем им подряд отвечал он,
Чтобы молились богам: печаль уготована многим.

Вскоре приблизился Гектор к прекрасному дому Приама
С рядом отесанных гладко, высоких колонн. Находилось
В нем пятьдесят почивален из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой расположенных; в этих покоях
Возле законных супруг сыновья почивали Приама.
Прямо насупротив их, на дворе, дочерей почивален
Было двенадцать из тесаных камней, под общею крышей,
Близко одна от другой расположенных; в этих покоях
Возле супруг своих скромных зятья почивали Приама.
Там нежнодарная мать ему вышла навстречу, с собою
Дочь Лаодику ведя, меж других наилучшую видом.
За руку взяв его, слово сказала и так говорила:
«Сын мой, зачем ты приходишь, покинув отважную битву?
Верно, троянцев теснят злоимянные дети ахейцев,

Битву ведя под стеной,— и сюда привело тебя сердце,
Руки желаешь воздеть из акрополя к Зевсу владыке?
Но подожди, я вина медосладкого вынесу чашу,
Чтоб возлиянье ты сделал Крониду и прочим бессмертным
Прежде всего; а потом и тебе было б выпить не худо:
Силы немало вино прибавляет усталому мужу.
Ты ж истомился жестоко, сограждан своих защищая».

Матери так отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Матушка чтимая, сладкого пить мне вина не давай ты.
Ты обессилишь меня, и забуду я крепость и храбрость.
Зевсу ж вино искрометное лить неумытой рукою
Я не дерзаю: нельзя загрязненному кровью и пылью
К туч собирателю Зевсу с молитвой своей обращаться.
Ты же немедленно к храму Афины добычелюбивой,
Жен благородных собравши, пойди с благовонным кореньем.
Пеплос, который почтешь средь хранящихся в царском чертоге
Самым большим и прекрасным, всех больше самой тебе милым,
Взяв, на колени его возложи пышнокудрой Афине,
В жертву двенадцать телят годовалых, работы не знавших,
Дай обещание ей принести, если жалость проявит
К городу нашему, к женам троянским и к малым младенцам,
Если она Илион защитит от Тидеева сына,
Дикого, мощного силой бойца, рассевателя страха.
Так отправляйся же к храму Афины добычелюбивой,
Я же к Парису пойду, чтобы вызвать его на равнину,
Если захочет слова мои слушать. О, был бы он тут же
Пожран землей! Возрастил его Зевс на великое горе
Жителям Трои, Приаму отважному, всем его детям!
Если б его я увидел сошедшим в жилище Аида,
Думаю, милое сердце забыло б о наших несчастьях!»

Кликнула тотчас служанок, направившись к дому, Гекуба.
Те по домам побежали сзывать благородных троянок.
Мать же его между тем в покой благовонный спустилась.
Много там пеплосов было узорных, искусной работы
Женщин сидонских, которых с собой Александр боговидный
Сам из Сидона привез, проплывая морскою дорогой
С высокородной царицей Еленою, им увезенной.
Выбрав один, понесла этот пеплос Гекуба Афине,—
Самый большой и узорным шитьем наиболе прекрасный,
Светом подобный звезде; на дне он лежал под другими.
В путь она двинулась; с нею и множество жен благородных.

После того как в акрополь пришли они к храму Афины,
Дверь перед ними раскрыла прелестная видом Феано,
Дочь Киссея, жена Антенора, смирителя коней.

Жрицей Афины ее поставили жители Трои.
Женщины руки простерли к Афине с великим стенаньем.
Пеплос взяла принесенный прелестная видом Феано
И, возложив на колени Афине прекрасноволосой,
Дочери Зевса владыки молилась и так говорила:
«Града защита, свет меж богинь, Афина царица!
О, сокруши Диомеда копье, сотвори, чтоб и сам он
Грянулся оземь лицом пред воротами Скейскими Трои!
Ныне двенадцать телят годовалых, работы не знавших,
В жертву, богиня, тебе принесем, если жалость проявишь
К городу нашему, к женам троянским и к малым младенцам».

Так говорила, молясь. Но богиня молитву отвергла.
Так они дочери Зевса владыки молились во храме.

Гектор тем временем к дому уже подошел Александра.
Дом тот прекрасный воздвиг себе сам Александр при пособьи
Лучших строителей-зодчих троянской страны плодородной.
Был на акрополе выстроен он, со двором, с почивальней,
С залом мужским, по соседству с домами Приама и брата.
Гектор божественный в двери вошел. В руке многомощной
Пику в одиннадцать нес он локтей, и сияло пред нею
Медное жало ее и кольцо вкруг него золотое.
Брата нашел в почивальне в заботах о пышном оружьи;
Гнутые луки, и латы, и щит он испытывал, праздный.
Там же сидела Елена аргивская в круге домашних
Жен-рукодельниц и славные им назначала работы.
Стал его Гектор корить оскорбительной, жесткою речью:
«Гневом безумным прилично ль, несчастный, питать себе душу?
Гибнут народы в бою под стенами высокими Трои.
Ради тебя ведь и шум боевой, и кровавая сеча
Вкруг Илиона пылают. И сам ты бранил бы другого,
Если б увидел его покидающим грозную битву.
Встань же, покамест огнем погубительным город не вспыхнул!»

Брату немедленно так отвечал Александр боговидный:
«Гектор, меня ты бранишь не напрасно, за дело бранишь ты.
Вот почему я отвечу. А выслушав, сам ты рассудишь.
Дома сидел я не столько из гнева на граждан троянских
Иль из желания мести. Хотел я печали предаться.
Нынче же ласковой речью меня убедила супруга
Выступить в бой. Мне теперь самому показалось, что лучше
Было, пожалуй бы, так. Переменчива к людям победа.
Так подожди, я сейчас боевые доспехи надену,
Или иди, я же следом пойду, нагоню тебя мигом!»

Так он сказал. Не ответил ему шлемоблещущий Гектор.
С ласковым к Гектору словом тогда обратилась Елена:
«Деверь бесстыдной жены, отвратительной, гнусной собаки!
Если бы в самый тот день, как на свет меня мать породила,
Вихрь свирепый меня подхватил и унес бы далеко
На гору или низвергнул в кипящие волны морские,—
Волны б меня поглотили, и дел бы таких не свершилось.
Раз же такую беду мне уже предназначили боги,
Пусть хоть послали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!
Он же как был легкомыслен, таким и останется вечно.
Думаю, сильно за это ему поплатиться придется.
Что ж остаешься у входа? Зайди, в это кресло усядься,
Деверь! Кольцом твою душу заботы теснят наиболе
Из-за меня, из-за суки, и из-за вины Александра.
Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславную память потомкам».

Ей после этого так отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Сесть не упрашивай; как ни мила ты со мной,— не упросишь.
Рвется душа моя в бой, чтоб как можно скорее на помощь
К нашим прийти, горячо моего возвращения ждущим.
Ты же вот этого выйти заставь, пусть и сам поспешит он,
Чтобы нагнать меня раньше, чем за город выйти успею.
Я же отправлюсь домой и на малое время останусь,
Чтобы увидеть домашних, жену дорогую и сына.
Ибо не знаю, из боя к своим ворочусь ли я снова,
Или руками ахейцев меня небожители сгубят».

Так говоря, удалился от них шлемоблещущий Гектор.
Он подошел к своему для жизни удобному дому,
Но не нашел белолокотной там Андромахи в чертоге.
С сыном-младенцем она и с красиво одетой служанкой
В башне стояла, рыдая и горько печалью терзаясь.
Гектор, внутри не увидев своей непорочной супруги,
Остановился, ступив на порог, и промолвил к рабыням:
«Эй, вы, рабыни, сейчас же скажите мне полную правду:
Где Андромаха супруга, куда удалилась из дома?
Вышла ль к золовкам она, иль к невесткам красиво одетым,
Или ко храму Афины пошла, где другие троянки
Пышноволосые просят пощады у грозной богини?»

Гектору так отвечала проворная ключница дома:
«Если ты требуешь, Гектор, сказать тебе полную правду,—
Нет, не к золовкам она, не к невесткам красиво одетым,
И не ко храму Афины пошла, где другие троянки
Пышноволосые просят пощады у грозной богини.

К башне большой Илиона она поспешила, услышав,
Что отступают троянцы, что крепнет ахейская сила.
Бегом к стене городской устремилась она без оглядки,
Как потерявшая разум. При ней же и няня с ребенком».

Так отвечала. Обратно пошел торопливо из дома
Гектор вниз по красиво отстроенным улицам Трои.
Вскоре приблизился он, проходя через город обширный,
К Скейским воротам, чрез них собираясь сойти на равнину
Там подбежала навстречу ему Андромаха супруга
В пышных одеждах, царя Гетиона отважного дочерь.
Тот Гетион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фиве плакийской, мужей киликийских властитель верховный.
Дочь-то его и была за Гектором меднодоспешным.
Встретила мужа она; с Андромахою шла и служанка
С мальчиком их у груди, беззаботным, совсем еще глупым,
Сыном единственным, милым, прекрасным, как звездочка в небе.
Именовал его Гектор Скамандрием, все остальные —
Астианактом: лишь Гектор один был защитником Трои.
Молча отец улыбнулся, увидевши сына-младенца.
Близко к нему подошла, обливаясь слезами, супруга,
Стиснула руку, и слово сказала, и так говорила:
«О нехороший! Погубит тебя твоя храбрость! Ни сына
Ты не жалеешь младенца, ни матери бедной. И скоро
Буду вдовою я, скоро убьют тебя в битве ахейцы,
Сразу все вместе напавши! А если тебя потеряю,
Лучше мне в землю сойти. Никакой уж мне больше не будет
Радости в жизни, когда тебя гибель постигнет. Удел мой —
Горести. Нет ни отца у меня, нет ни матери нежной.
Нашего старца-отца умертвил Ахиллес быстроногий,
До основания город разрушив страны киликийской,
Высоковратную Фиву. Убил Ахиллес Гетиона,
Но обнажить не посмел — устрашился несчастия сердцем:
Вместе с оружьем искусно сработанным предал сожженью,
Холм погребальный насыпал. И вязами холм обсадили
Дочери Зевса эгидодержавного, горные нимфы.
Семь у меня было братьев родимых в отцовском чертоге;
Все ниспустились в один они день в преисподнюю разом,
Всех перебил многосветлый Пелид, Ахиллес быстроногий
Возле медлительноногих коров и овец белорунных.
Мать же мою, что царила под Плаком, покрытым лесами,
Пленницей в стан свой увел он совместно с другою добычей;
Снова, однако, свободу ей дал за бесчисленный выкуп.
В доме ж отца умертвила ее Артемида богиня.
Гектор, ты все мне теперь,— и отец, и почтенная матерь,
Ты и единственный брат мой, и ты же супруг мой прекрасный.
Сжалься над нами и в бой не иди, оставайся на башне,

Чтоб сиротою не сделать ребенка, вдовою — супругу.
Войско же наше поставь у смоковницы; легче всего там
К городу подступ, и легче всего там на стены взобраться.
Трижды в том месте пытались напасть храбрецы под начальством
Славного Идоменея, обоих Аяксов, а также
Двух знаменитых Атридов и мощного сына Тидея.
Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо вещий
Или, быть может, и собственный дух побудил их на это».

Ей отвечая, сказал шлемоблещущий Гектор великий:
«Все и меня это сильно тревожит, жена; но ужасно
Я бы стыдился троянцев и длинноодеждных троянок,
Если б вдали оставался, как трус, уклоняясь от боя.
Да и мой дух не позволит: давно уже я научился
Доблестным быть неизменно и вместе с передними биться,
Славу большую отцу и себе самому добывая.
Знаю и сам хорошо,— и сердцем, и духом я знаю:
День придет,— и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копьеносца Приама.
Но сокрушает мне сердце не столько грядущее горе
Жителей Трои, Гекубы самой и владыки Приама,
Горе возлюбленных братьев, столь многих и храбрых, которых
На землю пыльную свергнут удары врагов разъяренных,—
Сколько твое! Уведет тебя меднодоспешный ахеец,
Льющую горькие слезы, и дней ты свободы лишишься.
Будешь, невольница, в Аргосе ткать для другой или воду
Станешь носить из ключей Мессеиды или Гипереи:
Необходимость заставит могучая, как ни печалься.
Льющею слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
«Гектора это жена, превышавшего доблестью в битвах
Всех конеборных троянцев, что бились вокруг Илиона».
Скажет он так и пробудит в душе твоей новую горесть.
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства.
Пусть же, однако, умру я и буду засыпан землею
Раньше, чем громкий услышу твой вопль и позор твой увижу!»

Молвил и сына обнять наклонился блистательный Гектор.
Мальчик испуганно вскрикнул и к няне красиво одетой
Быстро припал, устрашенный родителя милого видом,
Яркою медью смущенный и конскою гривой, что грозно
С гребня отцовского шлема над ним неожиданно свисла.
Дружно любезный отец и почтенная мать рассмеялись.
Гектор немедленно снял с головы яркоблещущий шлем свой
И положил его наземь. И, на руки милого сына
Взявши, его целовал, и качал на руках, и, поднявши,
Так говорил, умоляя Кронида и прочих бессмертных:
«Зевс и великие боги! О, сделайте так, чтобы этот

Сын мой, подобно отцу, выдавался меж прочих троянцев,
Так же бы крепок был силой и мощно б царил в Илионе,
Чтобы когда-нибудь, видя, как с боя идет он, сказали:
«Этот намного отца превзошел!» Чтоб с кровавым трофеем
Он приходил из сраженья и радовал матери сердце!»

Так он сказал и супруге возлюбленной передал в руки
Милого сына. К груди благовонной прижала ребенка
Мать, засмеявшись сквозь слезы. И сжалось у Гектора сердце.
Гладил ее он рукой, и слова говорил, и промолвил:
«Бедная! Сердце себе не круши неумеренной скорбью!
Кто меня сможет судьбе вопреки в преисподнюю свергнуть?
Ну а судьбы не избегнет, как думаю я, ни единый
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родился.
Но возвращайся домой и займися своими делами,—
Пряжей, тканьем, наблюдай за служанками, чтобы прилежно
Дело свое исполняли. Война же — забота мужчины
Каждого, кто в Илионе родился, моя ж наиболе».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривастый шлем. И пошла Андромаха домой, проливая
Слезы и часто назад на любимого взор обращая.
Вскоре достигла она для жизни удобного дома
Гектора мужеубийцы, внутри его много застала
Женщин-служительниц дома и к плачу их всех возбудила.

Заживо был ими Гектор в дому своем горько оплакан:
Не было в сердце надежды, что он из губительной битвы
Снова воротится, силы ахейцев и рук их избегнув.

Не задержался Парис боговидный в высоких палатах.
Славный надевши доспех, испещренный блестящею медью,
Он поспешил через город, надеясь на быстрые ноги.
Как застоявшийся конь, подле яслей раскормленный в стойле,
С топотом по полю мчится, сорвавшися с привязи крепкой,
В водах привыкший купаться прекрасно струящейся речки,
Гордый собой. Высоко голова. По плечам его грива
Бьется косматая. Полон сознаньем своей красоты он.
Мчат его к пастбищам конским и стойбищам легкие ноги.
Так же рожденный Приамом Парис от Пергамского замка
Мчался, сияя, как солнце, доспехом своим превосходным,
Весело он усмехался. Несли его быстрые ноги.
Гектора-брата догнал он, едва только тот собирался
Двинуться с места того, где беседовал нежно с женою.
Первым тогда обратился к нему Александр боговидный:
«Что, дорогой мой, надолго тебя задержал я, не правда ль?
Очень я медлил? Явился не к сроку, какой ты назначил?»

Брату Парису в ответ сказал шлемоблещущий Гектор:
«Милый! Никто из мужей, если он справедлив, не захочет
Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый;
Только легко остываешь и малого хочешь; печалюсь
Сердцем я в духе, когда на тебя поношения слышу
Граждан троянских, так много трудов за тебя положивших.
Но поспешим! А поладим потом, если Зевс промыслитель
Даст нам, во славу небесным богам, рожденным на вечность,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных
После изгнанья из Трои красивопоножных ахейцев».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА. ПОГРЕБЕНИЕ МЕРТВЫХ

Так сказав, из ворот устремился блистательный Гектор,
С ним его брат Александр. Пылали горячим желаньем
Оба как можно скорее начать воевать и сражаться.
Так же, как бог морякам, ожидающим жадно, попутный
Ветер в то время дает, как они рассекать уж устали
Гладкими веслами море и члены гребущих расслабли,—
Так пред троянцами, жадно их ждавшими, оба явились.

Там Александр ниспровергнул Менесфия, жившего в Арне,
Ареифоева сына, которого палиценосец
Ареифой породил с волоокою Филомедусой.
Гектор поверг Эйонея, ударивши в шею под медным
Ободом шлема копьем своим острым, и члены расслабил.
Главк, Гипполохом рожденный, ликийских мужей предводитель,
Пикою в яростной схватке в плечо поразил Ифиноя,
Диксия сына, когда в колесницу вскочить он пытался.
Тот с колесницы на землю упал, и расслабились члены.

Только увидела их совоокая дева Афина,—
Как меднолатных ахейцев в могучем бою они губят,
Бросилась тотчас с вершин олимпийских и бурно помчалась
К Трое священной. С Пергама увидев богиню, навстречу
Выступил ей Аполлон: желал он победы троянцам.
Встретились боги друг с другом у дуба, и первым владыка
Зевса-Крониона сын Аполлон обратился к Афине:
«Зевса великого дочь, для чего низошла ты с Олимпа?
Что пожелалось тебе? Чем дух твой взволнован великий?

Или желаешь полнейшую дать аргивянам победу?
Жалости нет у тебя к погибающим в битве троянцам.

Мой исполни совет,— полезнее было бы это.
Бой и войну между ними давай прекратим на сегодня,
После же пусть меж собою сражаются вволю, покуда
Трои конца не увидят, уж раз, о богини Олимпа,
Так непременно желается вам этот город разрушить».

Фебу сказала в ответ совоокая дева Афина:
«Так, Дальновержец, да будет! С такою же мыслью с Олимпа
Я и сама низошла к ополченьям троян и ахейцев.
Как же, однако, желаешь ты бой прекратить между ними?»

Ей отвечал Аполлон повелитель, рожденный Зевесом:
«В Гекторе мы конеборном возбудим могучую смелость.
С вызовом пусть обратится он к лучшим данайским героям
Выйти один на один и сразиться с ним в яростной битве.
Меднопоножных ахейцев заденет он этим, и сами
Выдвинут мужа они, чтоб с божественным Гектором бился».

Так он сказал. Совоокая с ним согласилась Афина.
Духом почуял Гелен прорицатель, рожденный Приамом,
Это решенье, к какому пришли, посовещавшися, боги.
К Гектору он подошел и такое сказал ему слово:
«Гектор, рожденный Приамом, по разуму сходный с Зевесом!
Я тебе брат,— не исполнишь ли ты, что тебе предложу я?
Пусть все усядутся наземь,— троянцы, равно как ахейцы,—
Сам же ты сделай храбрейшим мужам меж ахейцами вызов
В единоборство с тобою вступить и нещадно сразиться.
Нынче тебе не судьба умереть и предела достигнуть:
Голос такой я богов, рожденных для вечности, слышал».

С радостью очень большою слова его выслушал Гектор.
Вышедши быстро вперед и копье ухватив в середине,
Строй удержал он троянцев. Они, успокоившись, стали.
Тотчас тогда и ахейцев своих удержал Агамемнон.
Оба бога, Афина и Феб-Аполлон сребролукий,
Коршунов образ приняв, уселись вдвоем на высоком
Дубе Отца-молневержца, эгидодержавного Зевса,
И любовались мужами. Густые ряды их сидели,
Шлемами, острыми жалами пик и щитами щетинясь.
Как от Зефира, внезапно подувшего, частою рябью
Гладь покрывается моря и сразу становится черной,—
Так почернела равнина от севших троян и ахейцев.
Гектор же, став между тех и других, обратился к ним с речью:
«Слушайте, Трои сыны и ахейцы в красивых поножах!
Слушайте то, что в груди меня дух мой сказать побуждает!
Выполнить клятвы не дал нам высокоцарящий Кронион,
Но, замышляя плохое, готовит нам битвы, покуда

Либо возьмете вы наш крепкобашенный город священный,
Либо погибнете сами близ ваших судов мореходных.
В ваших рядах здесь — герои храбрейшие меж всех ахейцев.
Тот, у которого сердце желает сразиться со мною,
Пусть сюда выйдет и в битву с божественным Гектором вступит.
Так говорю я, и будь нам свидетелем Зевс молневержец:
Если противник меня поразит длинножальною медью,
Снявши доспехи, пускай их снесет к кораблям крутобоким,
Тело ж мое пусть домой возвратит, чтоб имели возможность
Труп мой огню приобщить троянцы и жены троянцев.
Если же я его свергну и славу мне даст Дальновержец,—
Снявши доспехи с него, отнесу их в священную Трою
И середь храма метателя стрел Аполлона повешу,
Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдовесельным.
Пусть похоронят его длиннокудрые мужи ахейцы,
На берегу Геллеспонта широкого холм пусть насыплют.
Некогда кто-нибудь скажет из поздно живущих потомков,
По винночерному морю плывя в корабле многовеслом:
«Воина это могила, умершего в давнее время;
Доблестный, был умерщвлен он блистательным Гектором в битве».
Скажут когда-нибудь так, и слава моя не погибнет».

Так он сказал. В глубочайшем молчаньи сидели ахейцы.
Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Встал, наконец, Менелай и, жестоко мужей упрекая,
Заговорил,— и душа разрывалась от тяжких стенаний:
«Горе мне! О самохвалы! Ахеянки вы, не ахейцы!
Срам для данайских мужей из ужасных ужаснейший будет,
Если из них ни один не посмеет на Гектора выйти!
Пусть превратитесь вы все, тут сидящие, в воду и в землю!
Сердца в груди у вас нет, и бесславие в будущем ждет вас!
Сам я с оружием выйду на этого! Знаю, что свыше
Жребий победы находится, в воле богов всемогущих!

Так он сказал и в блестящие стал одеваться доспехи,
Тут для тебя, Менелай, неминучий от рук Приамида
Жизни пришел бы конец, ибо много могучее был он,
Если б тебя удержать все герои не кинулись разом.
Сам повелитель мужей, Агамемнон пространнодержавный,
Брата за правую руку схватил и сказал, убеждая:
«Зевса питомец, с ума ты сошел, Менелай? Не годится
Глупости делать тебе. Сдержи огорченное сердце!
Из раздраженья на битву не рвись с человеком сильнейшим,—
С Гектором, сыном Приама. Его и другие трепещут.
Сходится с ним, содрогаясь, в бою, прославляющем смертных,
Даже сам Ахиллес, который тебя посильнее.

Ты же пойди и усядься в толпе сотоварищей верных.
Гектору кроме тебя средь ахейцев противник найдется,
Как ни отважен он, как он до свалки кровавой ни жаден,
Все-таки с радостью, верь мне, колено согнет, если целым
Сможет спастись от ужасной войны и погибельной схватки».

Словом таким отвратил Агамемнон намеренье брата,
Отговорив справедливо. И брат подчинился. Доспехи
Радостно с плеч его крепких товарищи верные сняли.
Нестор же встал и с речью такою к вождям обратился:
«Ох, великая скорбь на землю ахейскую сходит!
Горько теперь зарыдает Пелей, престарелый наездник,
Славный оратор и мудрый советник в земле мирмидонцев!
Радостно в доме своем говорил он со мною, о каждом
Разузнавая ахейце, о предках его и потомках.
Если б теперь он услышал, как Гектор их всех ужасает,
Верно, не раз бы к бессмертным он руки простер, чтоб скорее
Дух из членов его погрузился в обитель Аида!
Если б, о Зевс, наш отец, и вы, Аполлон и Афина,—
Молод я был, как в то время, когда при реке Келадонте
С войском копейщиков славных аркадцев сражались пилосцы
Около Фейских твердынь, недалеко от струй Иордана!
Еревфалион стоял во главе аркадийского войска.
Был облечен он в доспехи властителя Ареифоя,—
Дивного Ареифоя, которому дали прозванье
Палиценосца мужи и красивоодеждные жены,
Так как сражался обычно не луком, не длинною пикой,—
Палицей рвал он железной фаланги врагов устрашенных.
Был умерщвлен он Ликургом, но хитростью только, не силой,—
В узком проходе, где смерти не мог отвратить он своею
Палицей: быстро Ликург его упредил, проколовши
Острою пикой насквозь. И на землю он навзничь свалился.
Снял победитель доспех, подаренный медным Аресом.
В битвах аресовых долго он сам в тот доспех облачался.
После того же, как старость Ликургом в дому овладела,
Эревфалиону, другу любимому, отдал доспех он.
В этот доспех облаченный, на бой вызывал он храбрейших.
Все трепетали, боялись, никто не осмелился выйти.
Но многостойкий мой дух подстрекнул меня выступить смело
В битву с надменным, хоть самый я был молодой между всеми.
С ним я сразился, и мне торжество даровала Афина.
Большего всех и сильнейшего всех я убил человека!
В судоргах некто огромный туда и сюда разметался.
Если б я так же был молод и прежнею силой владел бы,
Скоро противника б встретил себе шлемоблещущий Гектор!
В вашем же воинстве сколько ни есть всех ахейцев храбрейших,
Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти».

Так укорял их старик. И девять их всех поднялося.
Самым выступил первым владыка мужей Агамемнон;
Следом за ним поднялся и Тидид Диомед многомощный;
Следом за ними Аяксы, дышавшие бурною силой;
Вслед за Аяксами Идоменей и его сотоварищ,
Вождь Мерион, истребителю войск Эниалию равный.
Этим вослед — Еврипил, блистательный сын Евемонов,
Сын Андремона Фоант и затем Одиссей богоравный.
Столько их встало, желавших с божественным Гектором биться.
Нестор, наездник геренский, опять обратился к ним с речью:
«Бросьте-ка жребий теперь. Которому выпадет жребий,
Выступит тот и на пользу красивопоножным ахейцам,
Выступит также на пользу себе самому, если целым
Сможет вернуться из страшной войны и погибельной схватки».

Так произнес он. И каждый, пометивши собственный жребий,
В шлем его бросил царя Агамемнона, сына Атрея.
Войско же, руки к бессмертным богам воздевая, молилось;
Так не один говорил, на широкое небо взирая:
«Зевс, наш отец! Пусть Аяксу достанется, иль Диомеду,
Иль, наконец, и царю самому многозлатной Микены!»

Так говорили. Встряхнул ему данные жребии в шлеме
Нестор, и вылетел жребий, которого все и желали,—
Жребий Аякса. И вестник, понесши кругом по собранью,
Справа подряд всем героям ахейским показывал жребий.
Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.
Вестник собранье кругом обошел и приблизился к мужу,
Кто этот жребий пометил и в шлем его бросил,— к Аяксу.
К вестнику руку простер он, и вестник, приблизившись, подал.
Жребий увидевши, знак свой узнал Теламоний, в восторге
Под ноги бросил на землю его и вскричал аргивянам:
«Мой это жребий, друзья! Всем сердцем и сам я доволен!
Думаю, верх одержу над Гектором я многосветлым.
Все же прошу вас, пока облекаться я буду в доспехи,—
Зевсу владыке молитесь, великому Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, чтоб вас не слыхали троянцы.
Впрочем,— молитесь и громко! С чего мы их будем бояться?
Как бы кто ни желал, меня ни искусством, ни силой
Против воли моей отступить не заставит. Надеюсь,
На Саламине и сам не таким уж я вырос невеждой!»

Так он сказал. И молились они молневержцу Крониду.
Так не один говорил, на широкое небо взирая:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий, преславный, великий!
Даруй победу Аяксу, укрась его светлою славой!
Если ж и Гектора любишь, если и им озабочен,—
Равную силу и славу пошли одному и другому!»

«ИЛИАДА»

Ж. Л. Давид (XVIII в.). Андромаха, оплакивающая смерть Гектора.

Москва, Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина.

Так говорили. Аякс в многояркую медь одевался.
После того же, как всеми доспехами тело покрыл он,
Двинулся он на врага, как огромный Арес выступает,
Если идет на войну меж мужами, которых Кронион
Свел на сраженье силой вражды, разъедающей душу.
Так и огромный Аякс подвигался — защита ахейцев;
Грозным лицом усмехался, а по низу шагом широким
Крепко шагал, потрясая в руке длиннотенною пикой.
Все аргивяне, смотря на него, восхищались душою.
Трепет ужасный объял у троянца у каждого члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди задрожало.
Но уж не мог он никак отступить и в фаланги троянцев
Скрыться назад, ибо первый же сам его вызвал на битву.
Быстро Аякс подходил, пред собою неся, словно башню,
Медный щит семикожный, который герою сработал
Шорник прекраснейший Тихий, живущий в дому своем в Гиле.
Ярко блистающий щит для него из семи он составил
Кож от жирнейших волов и покрыл их пластиною медной.
Сын Теламонов Аякс, неся этот щит перед грудью,
Близко пред Гектором стал и сказал ему голосом грозным:
«Гектор, теперь, как один на один мы с тобою сойдемся,
Ясно увидишь ты, есть ли средь нас и другие герои,
Кроме Пелида, фаланг разрывателя с львиной душою.
Праздно лежит он близ гнутых своих кораблей мореходных,
На Агамемнона гневом пылая, владыку народов.
Тоже, однако, и мы таковы,— и таких нас немало,—
Что не боимся с тобою сойтись. Начинай же сраженье!»

Тотчас ответил ему шлемоблещущий Гектор великий:
«Богорожденный Аякс Теламоний, владыка народов!
Полно со мною тебе говорить, как с бессильным ребенком
Иль как с женою, которой неведомо ратное дело!
В мужеубийствах и битвах я опыт имею немалый,
Щит сухокожный умею ворочать и вправо, и влево,
С ним управляюсь искусно и храбро в кровавом сраженьи;
На колеснице умею ворваться и в конную свалку,
Пляску Ареса смогу проплясать и в бою рукопашном.
Но на такого, как ты, не хочу нападать я украдкой,
Высмотрев тайно. Открыто я бью. Посмотрю, попаду ли!»

Так он сказал и, взмахнувши, послал длиннотенную пику.
В щит семикожный ужасный он пикой своею ударил,—
В яркую полосу меди, что сверху восьмою лежала.
Кожаных шесть в нем слоев пронизала блестящая пика,
В коже седьмой задержалась. Тогда в свою очередь быстро
Богорожденный Аякс размахнулся огромною пикой
И поразил ею Гектора в щит, во все стороны равный.

Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Гекторов панцирь пронзила, сработанный с тонким искусством,
И против самого паха хитон Приамида рассекла.
Он увернулся, однако, и гибели черной избегнул.
Вырвав обратно руками свои длиннотенные пики,
Сшиблися оба опять наподобие львов кровожадных
Или лесных кабанов, у которых немалая сила.
Гектор копьем в середину щита Теламония грянул,
Меди, однако, на нем не пробил,— острие изогнулось.
В щит, налетевши, ударил Аякс и насквозь его пробил
Пикой. Назад отшатнулся к врагу порывавшийся Гектор.
Шею царапнуло жало, и черная кровь заструилась.
Не прекратил поединка, однако, божественный Гектор.
Чуть отступивши назад, захватил он могучей рукою
Камень, лежавший средь поля,— огромный, зубристый и темный,—
Махом швырнул и в ужаснейший щит семикожный Аякса
Глыбой в средину ударил. Взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень,
Бросил его, размахав и напрягши безмерную силу,
В щит угодил и пробил его камнем, похожим на жернов,
Милые ранив колени. Назад опрокинулся Гектор,
Щит свой притиснув. Но тотчас воздвиг Аполлон его снова.
Тут бы, схватившись, мечами они изрубили друг друга,
Если бы вестники Зевса и смертных, глашатаи оба
Не подошли,— от троянцев один, а другой от ахейцев
Меднодоспешных,— Идей и Талфибий, разумные оба.
Между героев жезлы протянули они, и сказал им
Вестник троянский Идей, преисполненный мудрых решений:
«Будет, любезные дети! Кончайте войну и сраженье!
Любит равно вас обоих Зевес, собирающий тучи.
Оба лихие бойцы вы, и в этом мы все убедились.
Уж надвигается ночь,— хорошо покориться и ночи».

Сын Теламона Аякс, отвечая Идею, промолвил:
«То, что сказал ты, Идей, пусть и Гектор мне это же скажет.
Он вызывал ведь на битву храбрейших героев ахейских,
Он и начни; подчинюсь я охотно, коль он это скажет».

Снова ответил ему шлемоблещущий Гектор великий:
«Так как, Аякс, одарен ты от бога и ростом, и силой,
Также и разумом светлым и лучший боец ты на копьях,
То прекратим на сегодняшний день и борьбу, и сраженье.
После же снова мы будем сражаться, пока не разнимет
Нас божество, одному из двоих даровавши победу.
Уж надвигается ночь. Хорошо покориться и ночи.
Всех ты обрадуешь храбрых ахейцев, к судам воротившись,
Больше всего же — собратьев и близких, каких ты имеешь.

Я же обрадую, в город великий вернувшись Приама,
Всех конеборных троянцев и длинноодеждных троянок,
Кто за меня помолиться сберется в божественном храме.
Сын Теламонов! Почтим же друг друга дарами на память,
Чтобы любой из ахейцев сказал и любой из троянцев:
«Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце,
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной».

Так он сказал и отдал Теламонию меч среброгвоздный
Вместе с ножнами и вместе с ремнем вырезным перевесным.
Гектору ж отдал Аякс свой блестящий пурпуром пояс.
Так разлучились они, и один к аргивянам направил
Шаг свой, другой же — к троянскому шумному войску. Троянцы,
Радуясь сердцем, смотрели, как шел, невредимый и здравый,
Гектор, избегнувший силы и рук необорных Аякса.
В город его повели, уж не ждавшие видеть живого.
Также, с другой стороны, повели и ахейцы Аякса
К сыну Атрея, его восхищенному славной победой.

После того как пришли они все к Агамемнону в ставку,
Ради пришедших быка пятилетнего царь Агамемнон
В жертву зарезал владыке Крониду, сверхмощному Зевсу.
Кожу содрали с быка, всего на куски разрубили,
На вертела нанизали, разрезав на мелкие части,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру;
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
Теламонида особо длиннейшей хребетною частью
Царь Агамемнон почтил, повелитель пространнодержавный.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Ткать размышления первым из всех меж собравшихся начал
Нестор. Советы всегда наилучшие всем подавал он.
Благожелательства полный, сказал он собранью ахейцев:
«Сын Атреев и вы, остальные вожди всеахейцев!
Длинноволосых ахейцев немало погибло тут в битвах.
Берег Скамандра прекрасноструистого кровью их черной
Залил горячий Арес, и в Аид их отправились души.
Нужно, чтоб утром с зарей ахейцы войну прекратили,
Сами ж, собравшись, сюда мы свезем на волах и на мулах
Трупы убитых с равнины и все предадим их сожженью
Невдалеке от судов, чтобы кости отцовские детям
Каждый с собою привез, возвращаясь в отчизну родную.
Холм над костром мы насыплем могильный, один на равнине,
Общий для всех. И вплотную к нему без задержки построим
Стену высокую,— нам и самим, и судам в оборону.
В этой стене мы устроим ворота, сплоченные крепко,
Чтобы проехать чрез эти ворота могли колесницы,

Выроем ров за стеною снаружи большой и глубокий;
Он, обегая кругом, колесницы задержит и пеших,
Если когда-либо войско надменных троянцев нагрянет».

Так говорил он. И с ним остальные цари согласились.
И у троянцев кипело в акрополе Трои собранье,
Страшное, бурное, перед дверьми владыки Приама.
С речью такой Антенор рассудительный к ним обратился:
«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о, союзники наши!
Слушайте то, что в груди меня дух мой сказать побуждает!
Нужно решиться! Давайте, назад возвратим Менелаю
Вместе с богатствами всеми Елену аргивскую. Клятвы
Мы же нарушили! В битвах, поверьте, добра никакого
Мы не получим, пока не поступим, как вам говорю я».

Так он сказал и на место уселся. Немедленно следом
Встал Александр боговидный, супруг пышнокудрой Елены,
И, отвечая ему, слова окрыленные молвил:
«Очень мне мало приятно, что здесь, Антенор, говоришь ты!
Мог бы ты слово другое, получше, чем это, придумать!
Если же то, что я слышал, сказал ты от чистого сердца,—
Сами бессмертные твой, очевидно, похитили разум!
Вот что хочу я троянцам сказать, укротителям коней:
Прямо я всем заявляю: супруги моей не отдам я!
Все же богатства, какие привез я из Аргоса в дом наш,—
Их я согласен отдать, и своих к ним прибавить сокровищ».

Так он сказал и на место уселся. Пред ними немедля
Старец Приам поднялся,— советчик, подобный бессмертным.
Лучших намерений полный, к собранию он обратился:
«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о, союзники наши!
Слушайте то, что в груди меня дух мой сказать побуждает!
Ужинать в городе нынче вы будете так же, как прежде.
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Завтра ж с зарею Идей к кораблям пусть отправится полым
И перескажет царям Агамемнону и Менелаю
То, что сказал Александр, от которого ссора возникла.
Пусть и такую им скажет разумную речь: не хотят ли
Остановиться с злосчастной войною, доколе убитых
Мы не сожжем, а тогда и опять завоюем, покамест
Нас божество не разлучит, кому-нибудь давши победу».

Слушали все со вниманьем Приама и с ним согласились.
Ужинать стали войска, по своим разместившись отрядам.
Вместе с зарею Идей отошел к кораблям мореходным.
Были уже на собраньи данайцы, Аресовы слуги,
Возле кормы корабля Агамемнона. Став в середине,

С речью такою ко всем обратился Идей голосистый:
«Царь Агамемнон и вы, наилучшие меж всеахейцев!
Мне поручили Приам и другие знатнейшие мужи
Вам передать,— не найдете ли вы и приятным, и милым
То, что сказал Александр, от которого ссора возникла:
Те из сокровищ, которые он в кораблях изогнутых
В Трою с собою привез (о, лучше б он прежде погибнул!),—
И он согласен обратно отдать и своих к ним прибавить.
Что ж до законной жены Менелая, покрытого славой,—
Той, говорит, не отдаст,— хоть троянцы того и желают.
Также поручено мне и другое сказать: не хотите ль
Остановиться с злосчастной войною, доколе убитых
Мы не сожжем, а тогда и опять завоюем, покамест
Нас божество не разлучит, кому-нибудь давши победу».

Так он сказал. В глубочайшем молчаньи сидели ахейцы.
Громкоголосый тогда поднялся Диомед и воскликнул:
«Нет, уж теперь не должны принимать мы богатства Париса
Иль хоть Елену саму! Для глупцов и для тех очевидно,
Что над троянцами скоро готова уж грянуть погибель!»

Так он сказал. В величайшем восторге вскричали ахейцы,
Слову дивясь Диомеда Тидида, смирителя коней.
И обратился тогда Агамемнон владыка к Идею:
«Слышал и сам ты, Идей, что ахейцы сейчас говорили,
Как отвечали тебе. И с ними вполне я согласен.
Что до сожжения мертвых,— нисколько тому не противлюсь.
Каждого долг — ничего не жалеть для людей опочивших;
Раз они умерли, нужно немедля огнем усладить их.
Зевс мне да будет свидетель, супруг громомечущий Геры!»

Так он сказал и свой скипетр ко всем небожителям поднял.
Вестник троянский обратно пошел к Илиону святому.
Трои сыны и дарданцы на площади в сборе сидели
И дожидались, когда от ахейцев Идей возвратится.
Он возвратился и все сообщил, что сказали ахейцы,
Став в середине. Поспешно готовиться стали троянцы,
Эти — свозить мертвецов, а другие — деревья из леса.
Также, с другой стороны, от судов и ахейцы спешили,
Эти — свозить мертвецов, а другие — деревья из леса.

Только что новыми солнце лучами поля осветило,
Выйдя из тихо текущих, глубоких зыбей океана
В путь свой небесный, как оба народа сошлись на равнине.
Каждого мужа узнать было трудно, чужой ли он, свой ли.
Лишь от запекшейся крови обмывши водой, различали
И на повозки их клали, роняя горячие слезы.

Громко плакать Приам запретил. И безмолвно троянцы
Мертвых своих на костер возлагали, печаляся в сердце,
После ж, предавши огню, в Илион возвращались священный.
Также, с другой стороны, и ахейцы в красивых поножах
Мертвых своих на костер возлагали, печаляся в сердце,
После ж, предавши огню, возвращались к судам изогнутым.

Перед зарею назавтра, еще середь сумрака ночи,
Возле костра собрались отборные мужи ахейцы,
Холм над костром тем воздвигли могильный, один на равнине,
Общий для всех. И вплотную к нему возвели без задержки
Стену высокую,— им и самим, и судам в оборону.
Сделали в этой стене и ворота, сплоченные крепко,
Чтобы проехать чрез эти ворота могли колесницы,
Вырыли ров за стеною снаружи, большой и глубокий,
Все обегавший становье, и колья за рвом вколотили.
Так в своем стане широком трудились ахейские мужи.

Боги меж тем восседали вкруг Зевса, метателя молний,
И на большие дела меднолатных ахейцев смотрели.
Начал меж них говорить Посейдон, сотрясающий землю:
«Зевс, наш отец! На земле беспредельной какой же из смертных
Станет теперь сообщать свои мысли и цели бессмертным?
Разве не видишь, какую построили стену ахейцы
Пред кораблями своими, какой вкруг стены глубочайший
Вывели ров? А богам принесли ли они гекатомбы?
Слава о ней разойдется, куда лишь заря достигает,
И позабудут о той, которую мы с Аполлоном
Лаомедонту герою с такою построили мукой!»

Сильно разгневавшись, Зевс, собирающий тучи, ответил:
«Бог многомощный, землей потрясающий, что говоришь ты?
Пусть бы уж замыслов этих другой из богов устрашился,
Кто пред тобою намного слабей и руками, и духом.
Слава ж твоя разойдется, куда лишь заря достигает!
Не огорчайся! Когда меднолатные мужи ахейцы
В милую землю родную в судах отплывут крутобоких,
До основания стену ты смоешь и, в море обрушив,
Сызнова берег высокий покроешь морскими песками,
Чтоб и следа от великой ахейской стены не осталось».

Так меж собою вели разговоры бессмертные боги.
Солнце меж тем закатилось, окончили дело ахейцы,
В стенах своих закололи быков и за ужин уселись.
Прибыло много судов в это время, вином нагруженных,
Посланных с Лемноса сыном Язона Евнеем ахейцам;
Пастырь народов Язон с Гипсипилой его породили.

Двум Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Тысяча мерок вина посылалась Евнеем отдельно.
Все остальные ахейцы вино с кораблей получали,
Эти — медью платя, другие — блестящим железом,
Шкуры волов приносили, коров на обмен приводили
Или же пленных людей. И устроили пир богатейший.
Всю эту ночь напролет длиннокудрые мужи ахейцы
В стане своем пировали (в стенах городских же — троянцы).
Всю эту ночь напролет, замышляя недоброе, в небе
Зевс промыслитель гремел, и бледнели ахейцы от страха.
Наземь вино проливали из кубков. Никто не решался
Пить, не свершив наперед возлиянья сверхмощному Зевсу.
Все улеглись, наконец, и сна насладились дарами.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

ПРЕРВАННАЯ БИТВА

На собрании богов Зевс запрещает им принимать участие в сражениях, а сам отправляется на гору Иду близ Трои, откуда ведет наблюдение за событиями. Судьба против ахейцев, и они в страхе бегут. Диомед подбирает упавшего с колесницы Нестора и нападает на Гектора, но Зевс своими молниями отгоняет его. Гера напрасно просит Посейдона о помощи грекам: он боится Зевса. Агамемнон призывает своих воинов дать отпор троянцам, положение несколько выравнивается, но Гектор виовь теснит пришельцев. Зевс мешает Гере и Афине прийти на помощь грекам, и только ночь приостанавливает бой. Троянцы в поле перед Троей зажигают бесчисленные костры, освещающие все вокруг, чтобы не дать врагам тайком ускользнуть; так дожидаются они рассвета.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

ПОСОЛЬСТВО К АХИЛЛЕСУ ПРОСЬБЫ

Так троянцы стражу держали. Ахейцы ж объяты
Были великой тревогой, подругою жуткого бегства.
Невыносимой печалью терзались храбрейшие мужи.
Так же, как ветры волнуют богатое рыбами море,—
Ветры Борей и Зефир, что из Фракии дуют далекой;
Сразу они налетают; и черные волны горами
Вверх поднимаются, тину морскую швыряя на берег,—
Так же и дух разрывался в груди меднолатных ахейцев.

С сердцем, терзаемым скорбью великой, ходил Агамемнон
И отдавал приказанья глашатаям звонкоголосым

Каждого мужа позвать на собранье,— всех поименно,—
Но не кричать. И трудился меж вестников сам он из первых.
Все на собраньи сидели унылые. Встал Агамемнон.
Слезы из глаз проливал он, как ключ черноводный, который
Льет с доступной лишь козам скалы свои темные воды.
Тяжко вздыхая, такие слова он сказал аргивянам:
«О, дорогие друзья! О, вожди и советники войска!
Зевс великий меня в тягчайшие бедствия ввергнул.
Прежде, жестокий, он мне обещал и кивнул в подтвержденье,
Что возвращусь я, разрушив высокотвердынную Трою.
Нынче ж на злой он решился обман и велит мне обратно
В Аргос бесславно бежать, погубивши так много народу!
Этого вдруг захотелось теперь многомощному Зевсу.
Много могучих твердынь городских уж разрушил Кронион,
Много разрушит еще: без конца велика его сила.
Ну, так давайте же выполним то, что сейчас вам скажу я:
В милую землю родную бежим с кораблями немедля!
Широкоуличной Трои нам взять все равно не удастся».

Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.
Долго сидели безмолвно печальные духом ахейцы.
Громкоголосый тогда поднялся Диомед и воскликнул:
«Против речей безрассудных твоих, Агамемнон, я первый
Буду сражаться; в собраньях так принято, царь — не гневися!
Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью данайцев,
Трусом меня называл, невоинственным. Правда ли это,
Знают прекрасно ахейцы,— и юноша каждый, и старец.
Сын хитроумного Крона тебе же одно даровал лишь:
Дал тебе скипетр власти в почет перед всеми другими,
Твердости ж не дал; а в этом и есть величайшая сила.
О малодушный! Ужели ты веришь, что мы, аргивяне,
Так малосильны и так невоинственны, как говоришь ты?
Если же дух твой тебя самого побуждает вернуться,—
Что ж, уезжай! Пред тобою дорога открыта, у моря
Много стоит кораблей, из Микены пришлывших с тобою!
Все же другие ахейцы останутся здесь перед Троей.
Мы не уедем, ее не разрушив! А если другие
Тоже в своих кораблях побегут в дорогую отчизну,—
Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
Город пред нами падет! Ибо с богом под Трою пришли мы!»

Так он сказал. С одобреньем вокруг закричали ахейцы.
Всех восхитили слова Диомеда, смирителя коней.
Встал после этого Нестор, наездник геренский, и молвил:
«Сын знаменитый Тидея! И в битвах кровавых могуч ты,
И оказался меж сверстников всех наилучшим в советах.
Речи твоей не осудит никто, сколько есть тут ахейцев,

Не возразит ничего. Но ее до конца не довел ты.
Ты еще молод, и сыном мне мог бы прийтись, по рожденью
Самым младшим; однако, Тидид, говоришь ты разумно
Между аргосских царей; ибо то говоришь ты, что нужно.
Дай же и я, пред тобою хвалящийся старостью жизни,
Выскажу слово и все обсужу. И никто из ахейцев
Речи моей не осудит,— ни сам Агамемнон державный.
Ни очага, ни закона, ни фратрии тот не имеет,
Кто межусобную любит войну, столь ужасную людям.
Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи.
Будем ужин готовить. А стража пускай поотрядно
Выйдет наружу и станет меж вырытым рвом и стеною.
Юношам это я сделать советую. В прочем же деле
Будь начинателем ты, Атреид, ибо царь ты главнейший.
Пир для старейшин устрой,— и прилично тебе, и удобно:
Вволю вина у тебя,— аргивяне его ежедневно
В черных судах от фракийцев привозят по шумному морю.
И угощения вволю: над многими ты повелитель.
Многих сбери и такого послушайся, кто между ними
Лучший совет нам подаст. А сегодня всего нам нужнее
Добрый, разумный совет. Пред судами без счета пылают
Вражьи огни. Никого ведь порадовать это не может.
Либо спасет эта ночь наше воинство, либо погубит».

Слушали Нестора все со вниманьем и с ним согласились.
Стража покинула стан, боевые надевши доспехи.
Стражу вели Фрасимед, сын Нестора, пастырь народов,
С ним Аскалаф и Ялмен, сыны мужегубца Ареса,
Критский герой Мерион, Афарей, Деипир нестрашимый
И богоравный герой Ликомед, Креонтом рожденный.
Семь предводителей было у стражи, за каждым по сотне
Юношей шло, и высоко вздымались их длинные копья.
К месту придя, посредине меж рвом и стеной они сели,
Там разложили огонь и начали ужин готовить.

Царь Агамемнон старейшин собравшихся ввел к себе в ставку.
Там предложил он им ужин обильный, для сердца приятный.
Руки они протянули к поставленным яствам готовым.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Первым из всех меж собравшихся ткать размышления начал
Нестор, который и раньше блистал превосходством советов.
К ним, благомыслия полный, с такой обратился он речью:
«О многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Слово начну я с тебя и окончу тобою. Владыкой
Многих народов являешься ты, и вручил Олимпиец
Скипетр и законы тебе, чтоб заботился ты о народах.
Более всех ты обязан и слово сказать, и послушать,

И в исполненье привесть, если сердце кого побудило
Доброе молвить. А что предпочесть,— от тебя уж зависит.
Я теперь выскажу то, что мне кажется самым хорошим.
Лучше никто не придумает мысли, к которой пришел я
Очень давно и которой держусь неизменно и нынче,
С самого дня, о потомок Зевеса, как в ставке Пелида,
К сильному гневу его, Брисеиду забрал ты насильно,
Нашим не вняв уговорам. А сколько тебя убеждал я!
Ты же, надменному духу, Атрид, своему поддаваясь,
Лучшего мужа обидел, кого даже боги почтили:
Отнял добычу и ею владеешь. Подумаем вместе,
Как это дело поправить и как бы его убедить нам
Милыми сердцу дарами и ласковой, дружеской речью».

Нестору молвил в ответ владыка мужей Агамемнон:
«Старец, не ложно мои пригрешения ты перечислил.
Да, погрешил! Не могу отрекаться! Великого войска
Стоит один человек, если Зевс его в сердце возлюбит:
Этого вот превознес он, народ же ахейский унизил.
Если уж я согрешил, на беду свою сердца послушав,
Дело исправлю я сам и бесчисленный дам ему выкуп.
Здесь перед вами дары я исчислю, достойные славы:
Золота десять талантов и двадцать лоханей блестящих,
Семь на огне не бывавших треножников новых, двенадцать
Победоносных коней, получивших награды на гонках.
Не был бы тот бедняком, не нуждался нимало бы в ценном
Золоте тот человек, у которого было бы столько,
Сколько мне добыли призов те однокопытные кони.
Дам я семь жен ему, знающих дело свое безупречно,
С Лесбоса. Их я тогда, как Лесбос он взял Благозданный,
Сам отобрал; побеждали всех женщин они красотою.
Их ему дам. И при них возвращу также ту, что я отнял,—
Дочь Брисея. Притом величайшею клятвой клянуся:
С ней никогда на постель не всходил я и с ней не сближался,
Как для людей установлен закон,— для мужчин и для женщин.
Все это нынче ему предоставлеио будет. Когда же
Город великий Приама нам боги помогут разрушить,
Пусть нагрузит он корабль свой и медью, и золотом вдоволь,
Сам подошедши в то время, как будем делить мы добычу;
Пусть себе также из женщин троянских он выберет двадцать
Самых красивых из всех, не считая аргивской Елены.
Если ж мы в Аргос ахейский воротимся, в край плодородный,
Зятем он мог бы мне стать. Я б его отличал, как Ореста,
Милого сына, в великом довольстве растимого мною.
Трех дочерей я имею в чертоге прекрасном, зовут их
Хрисофемидою, Ифианассою и Лаодикой.
Пусть он без выкупа ту, что из них всех милей ему будет,

В отческий дом отведет. А дам я еще и подарков
Много,— сколько никем в придачу за дочь не давалось.
Семь подарю я ему городов хорошо населенных,—
Гиру, богатую сочной травой, Кардамилу, Енопу,
Многосвященные Феры, Анфею с густыми лугами,
Педас, богатый лозами, приятную глазу Эпею,—
Все недалеко от моря, с песчанистым Пилосом рядом.
Жители очень богаты и мелким скотом, и быками.
Будут дарами они его чествовать прямо как бога.
Будут под скипетр его приносить богатейшую подать.
Вот сколько я ему дам, если гневаться он перестанет.
Пусть укротит свое сердце. Аид не смягчим, беспощаден,—
Но из богов он за это и всех ненавистнее смертным,
Должен он мне уступить! Я и царственной властию выше,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся».

Нестор, наездник геренский, на это ответил Атриду:
«Сын многославный Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Очень твои не ничтожны дары Ахиллесу владыке.
Что же, давайте послов изберем! Пусть, как можно скорее,
В ставку отправятся эти послы к Ахиллесу Пелиду.
Или — я выберу сам их! Они же пускай согласятся!
Наше посольство возглавит любимый бессмертными Феникс,
Следом великий Аякс с Одиссеем пойдет богоравным,
Сопровождать же их вестники будут, Одий с Еврибатом.
На руки дайте воды и помолимся Зевсу Кроониду
В благоговейном молчаньи, чтоб нас пожалел он, великий».

Так говорил он. И слово, приятное всем, произнес он.
Вестники на руки им немедленно полили воду,
Юноши, сладким напитком кратеры наполнив до края,
В кубки разлили его и гостям разнесли. Возлиянье
Все совершили и выпили, сколько душа пожелала;
Встали и вышли из ставки владыки народов Атрида.
Многое Нестор, наездник геренский, вослед говорил им,
Каждому глазом мигал и усерднее всех — Одиссею,
Чтоб постарались они убедить Ахиллеса героя.

Мужи пошли по песку вдоль немолчно шумящего моря,
Жарко моляся, чтоб землю колеблющий Земледержатель
Дал им легко убедить Эакида великое сердце.
В стан Мирмидонцев, к судам их, пришедши, нашли Ахиллеса
Сердце свое услаждавшим игрою на форминге звонкой,
Очень красивой на вид, с перемычкой серебряной сверху.
Взял он в добыче ее, Гетионов разрушивши город.
Ею он дух услаждал, воспевая деянья героев.
Против Пелида сидел один лишь Патрокл, дожидаясь

В полном молчаньи, когда свою песню он петь перестанет.
В ставку вошли посланцы во главе с Одиссеем владыкой,
Остановились пред ним. Ахиллес поднялся в изумленьи,
С формингой звонкой в руках, покинувши стул, где сидел он.
С места встал и Патрокл, как только увидел вошедших.
К ним обратившись с приветом, сказал Ахиллес быстроногий:
«Радуйтесь! Вы не друзьями ль пришли? Иль уж очень я нужен?
Хоть на ахейцев сердит я, но всех вы из них мне милее».
Светлый так произнес Ахиллес и дальше повел их.
В креслах, коврами покрытых пурпурными, их рассадил он
И обратился тотчас же к стоявшему близко Патроклу:
«Ну-ка, Менетиев сын, приготовь кратер нам побольше,
Смесь в нем покрепче заправь и поставь перед каждым по кубку.
Самые милые мужи жилище мое посетили!»

Так говорил он. Патрокл дорогого послушался друга.
Доску большую Пелид пододвинул к горевшему свету,
Выложил на доску спины от жирной козы и барашка,
Также хребет и от туши боровьей, лоснящейся салом.
Автомедонт их держал, рассекал Ахиллес богоравный,
И разделял на куски, и на вертел нанизывал мясо.
Жаркий огонь между тем разжигал Менетид благородный.
После того как дрова догорели и пламя погасло,
Уголь разгреб он и вертел, его утвердив на подпорках,
С мясом над жаром поставил, божественной солью посыпав.
После того, как куски он обжарил и бросил на стол их,
Хлеба достал Менетид и в красивых корзинах расставил
По столу; мясо же сам Ахиллес разделил меж гостями.
Кончивши, сел на другой стороне у стены своей ставки
Против царя Одиссея. А сделать богам приношенье
Другу Патроклу велел. И в пламя тот бросил начатки.
Руки тогда протянули к поставленным кушаньям гости.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Фениксу тайно Аякс подмигнул. Одиссей это видел,
Кубок наполнил вином и приветствовал так Ахиллеса:
«Радуйся, друг Ахиллес! В дружелюбных пирах недостатка
Мы не находим ни в ставке владыки Атреева сына,
Ни у тебя здесь. Довольно всего к услаждению сердца
В пире твоем. Но сейчас нам совсем не до радостных пиршеств.
Глядя, Зевса питомец, на страшные бедствия наши,
В трепете мы и сомненьи, спасем ли иль жалко погубим
Наши суда, если ты, Ахиллес, не оденешься в силу.
Близко совсем от судов и стены на ночлег улеглися
Гордых троянцев сыны и союзники славные Трои.
Много огней разжигают по стану и хвалятся громко,
Что не сдержать их ничем, что на наши суда они грянут.
Зевс же Кронион, счастливые знаменья им подавая,

Молнии мечет. А Гектор, кичась своей силой великой,
Страшно свирепствует, в Зевсе уверенный. Ярости полный,
Он за ничто и людей, и бессмертных богов почитает.
Молится лишь о скорейшем приходе божественной Эос.
У кораблей он грозится срубить на кормах украшенья,
Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахейцев,
Всех пред судами избить, суетящихся в дыме пожарном.
Страшно боюсь я душой, чтобы этих угроз его боги
Не привели в исполненье и нам бы судьба не судила
Под Илионом погибнуть, далеко от родины милой.
Встань же, Пелид, если хочешь жестоко теснимых ахейцев,
Хоть бы и поздно, избавить от ярости воинств троянских.
После ведь сам же ты будешь жалеть. Но когда совершится
Зло, то исправить его нелегко. Подумай-ка лучше,
Как заране погибельный день отвратить от данайцев.
Не наставлял ли тебя, дорогой мой, Пелей, твой родитель,
В день, как из Фтии тебя отправлял к Агамемнону старец:
«Сын мой, Афина и Гера дадут тебе силу и храбрость,
Если того пожелают; а ты горделивейший дух свой
В сердце обуздывай; благожелателен будь к человеку.
Распри злотворной беги, и будут еще тебя больше
Все почитать аргивяне,— и старые, и молодые».
Так наставлял тебя старец. Но все ты забыл. Хоть теперь-то
Сердце смягчи, прекрати душевредный свой гнев. Агамемнон
Много достойных даров тебе даст, чтобы гнев свой забыл ты.
Если послушать захочешь, тебе я сейчас перечислю,
Что собирается в ставке своей тебе дать Агамемнон:
Золота двадцать талантов и двадцать лоханей блестящих,
Семь на огне не бывших треножников новых, двенадцать
Победоносных коней, получивших награды на гонках.
Не был бы тот бедняком, не нуждался нимало бы в ценном
Золоте тот человек, у которого было бы столько,
Сколько доставили призов те однокопытные кони.
Даст он семь жен тебе, знающих дело свое безупречно,
С Лесбоса. Их он тогда, как Лесбос ты взял благозданный,
Сам отобрал,— победивших в то время всех жен красотою.
Их он отдаст. И при них возвратит тебе ту, что отнял он,—
Дочь Брисея. Притом величайшею клятвой клянется:
С ней никогда на постель не всходил он и с ней не сближался,
Как для людей установлен закон,— для мужчин и для женщин.
Все это нынче тебе предоставлено будет. Когда же
Город великий Приама нам боги помогут разрушить,
Целый корабль свой и медью, и золотом вдоволь наполни,
Сам подошедши в то время, как будет делиться добыча.
Также из женщин троянских плененных ты выберешь двадцать
Самых красивых из всех, не считая аргивской Елены.
Если же в Аргос придется вернуться нам, в край плодородный,

Зятем ты стал бы его, он чтил бы тебя, как Ореста,
Милого сына, растимого им в совершенном довольстве.
Трех дочерей он имеет в чертоге прекрасном, зовут их
Хрисофемидою, Ифианассою и Лаодикой.
Мог бы без выкупа ту, что из них всех милей тебе будет,
В отческий дом ты отвесть. А даст он еще и подарков
Много,— сколько никем в придачу за дочь не давалось.
Семь подарит он тебе городов хорошо населенных,—
Гиру, богатую сочной травой, Кардамилу, Енопу,
Многосвященные Феры, Анфею с густыми лугами,
Педас, богатый лозами, приятную глазу Эпею,—
Все недалеко от моря, с песчанистым Пилосом рядом.
Жители очень богаты и мелким скотом, и быками;
Будут дарами они тебя чествовать прямо как бога,
Будут под скипетр тебе приносить богатейшую подать.
Вот сколько он тебе даст, если гневаться ты перестанешь.
Если же слишком Атрид Агамемнон тебе ненавистен,—
Сам и подарки его,— пожалей хоть других всеахейцев,
В стане жестоко теснимых. Тебя, как бессмертного бога,
Чтить они будут, и славой покроешься ты небывалой.
Гектора ты поразишь. В ослепленьи погибельной злобы
Схватится сам он с тобой. Он теперь никого не считает
Равным себе средь данайцев, сюда на судах привезенных».

Сыну Лаэрта в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многоумный!
Должен вполне откровенно на слово твое я ответить,—
Как я на это смотрю и как поступить собираюсь,
Чтоб ворковать перестали вы, тесно вокруг меня сидя.
Мне ненавистен настолько ж, насколько ворота Аида,
Тот, кто в душе своей прячет одно, говорит же другое.
Прямо я выскажу вам, что мне кажется самым хорошим.
Не убедят, я уверен, меня ни Атрид Агамемнон,
Ни остальные данайцы. Какая тому благодарность,
Кто непрерывно, не зная усталости, бился с врагами?
Прячется ль кто или бьется,— для всех у вас равная доля.
Почесть одна воздается и храбрым мужам, и трусливым.
Вам безразлично, умрет ли бездельный иль сделавший много.
Что получил я за то, что так много понес испытаний,
Душу мою подвергая вседневно опасностям битвы?
Птица бесперым птенцам своим корм добывает усердно,
Как бы ей ни было трудно, усталости в этом не зная.
Так же и я: как много ночей я провел тут бессонных,
Сколько кровавых промучился дней среди сеч жесточайших,
Храбро сражаясь с мужами троянскими из-за супруг их!
На кораблях я двенадцать забрал городов многолюдных,
Пеший одиннадцать их разорил в многоплодной Троаде.

В каждом из тех городов драгоценнейших много сокровищ
Я добывал и, сюда принося, властелину Атриду
Все отдавал их. А он, позади у судов оставаясь,
Их принимал,— оделял понемножку, удерживал много,
Кое-что дал из добычи царям и мужам благородным.
Целы награды у всех. У меня одного лишь отнял он
Женщину, мне дорогую. Пускай наслаждается ею,
Взявши к себе на постель. Но за что же воюют ахейцы
Против троянцев? Зачем собирал и привел сюда войско
Царь Агамемнон? Не ради ль одной пышнокудрой Елены?
Или средь смертнорожденных людей супруг своих любят
Только Атриды одни? Хороший муж и разумный.
Каждый жену охраняет и любит, как я Брисеиду.
Я Брисеиду от сердца любил, хоть копьем ее добыл!
Нынче ж, из рук моих вырвав награду, меня обманувши,
Пусть все бросит попытки. Я знаю его. Не уверит!
Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахейцев
Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.
Право же, много ведь он и один без меня уже сделал:
Стену построил большую, вокруг нее очень глубокий
Выкопал ров и за рвом тем острейшие колья наставил.
Только навряд ли и так против Гектора мужеубийцы
Сможет держаться! Когда же и я меж ахейцев сражался,
Гектор от стен вдалеке не решался завязывать битву;
Только до Скейских ворот доходил и до дуба. Мы как-то
Встретились там, и едва моего он избег нападенья.
Больше с божественным Гектором я воевать не желаю!
Завтра, принесши Зевесу и всем небожителям жертвы,
Я корабли нагружу и спущу их на волны морские.
Если желаешь и если до этого есть тебе дело,
Рано с зарей ты увидишь, как рыбным они Геллеспонтом
Вдаль по волнам побегут под ударами сильными весел.
Если счастливое плаванье даст мне земли колебатель,
В третий уж день я прибуду в мою плодородную Фтию.
Там я довольно имею, что бросил, сюда притащившись.
Много везу и отсюда,— и золота с красною медью,
И с поясами красивыми жен, и седого железа,—
Все, что по жребию взял. Но награду, какую он дал мне,
Сам Агамемнон Атрид и отнял, надо мной надругавшись.
Всё, что я здесь говорю вам, всё это ему передайте,—
Всё, перед всеми! Пускай и другие, как я, негодуют,
Если еще из данайцев кого обмануть собрался он,
Вечным бесстыдством одетый! Однако в глаза мне навряд ли
Он бы посмел поглядеть, хоть душою и нагл, как собака!
С ним не желаю общенья иметь ни в советах, ни в деле.
Он уж однажды меня обманул и обидел,— вторично
Словом меня не обманет! Довольно с него! Преспокойно

Пусть уберется! Лишил его разума Зевс промыслитель.
Даром его я гнушаюсь, его ни во что почитаю!
Если бы больше и в десять, и в двадцать он раз предлагал мне,
Сколько теперь уж имеет и сколько иметь еще будет,
Даже хоть всё, что несут в Орхомен или в Фивы египтян,—
Город, где граждан дома сокровищ полны величайших,—
Город стовратный; из каждых ворот выезжает по двести
Воинов храбрых на быстрых конях, в колесницы впряженных;
Иль даже столько давай мне он, сколько песку здесь и пыли,
Сердца ничем моего не преклонит Атрид Агамемнон
Прежде, чем всей не изгладит терзающей сердце обиды.
В жены себе не возьму Атридовой дочери. Даже
Если красою она с золотой Афродитою спорит,
Если искусством работ совоокой Афине подобна,—
В жены ее не возьму! Пусть найдет средь ахейцев другого,
Кто ему больше подходит, кто царственной властью повыше.
Если боги меня сохранят и домой возвращусь я,
Там мой родитель Пелей самолично жену мне отыщет.
Много в Элладе, во Фтии ахеянок есть, у которых
Знатны отцы и свои города охраняют отважно;
Сделать любую из них я могу моей милой женою.
Там я нередко отважной душою мечтал, чтоб жениться,
Чтобы с законной женой, по душе мною выбранной, жить мне
И наслаждаться богатством, что добыл Пелей, мой родитель.
С жизнью, по мне, не сравнится ничто,— ни богатства, какими
Троя, по слухам, владела,— прекрасно отстроенный город,—
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской,—
Или богатства, какие за каменным держат порогом.
Храм Аполлона, метателя стрел, на Пифоне скалистом.
Можно, что хочешь, добыть,— и коров, и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней златогривых,—
Жизнь же назад получить невозможно; ее не добудешь
И не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.
Мать среброногая мне говорила, богиня Фетида:
Жребий двоякий меня приведет к гробовому пределу;
Если я, здесь оставаясь, вкруг города буду сражаться,
Нет мне домой возвращенья, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в отчизну мою дорогую,
Слава погибнет моя, но будет мой век долголетен,
И преждевременно смерть роковая меня не настигнет.
Я бы и всем остальным посоветовал это же сделать:
Плыть поскорее домой. Никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой; над нею широкогремящий Кронион
Руку свою распростер, и народы ее осмелели.
Вы ж возвратитесь и всем благородным ахейцам открыто
Мой передайте ответ,— ибо в этом почет для старейшин,—
Чтобы придумали средство какое-нибудь повернее,

Как бы спасти и суда, и ахейский народ, утесненный
Возле судов крутобоких. А то, что придумано ими,
Будет без пользы ахейцам: я в гневе своем непреклонен.
Феникс останется здесь, и пусть у меня заночует.
Завтра за мной в кораблях он последует в землю родную,
Если того пожелает. Неволить его я не стану».

Так он промолвил. Молчанье глубокое все сохраняли.
Речь его их потрясла. Говорил он сурово и грозно.
Стал, наконец, отвечать ему Феникс, седой конеборец,
Слезы роняя из глаз: трепетал за суда он ахейцев.
«Если, Пелеев блистательный сын, воротиться в отчизну
Ты безвозвратно решил и, охваченный гневом, не хочешь
Гибель несущий огонь отвратить от судов наших быстрых,
Как же могу я, о сын мой, один без тебя оставаться?
Старый Пелей конеборец послал меня вместе с тобою
В день, как из Фтии тебя отправлял в ополченье Атрида.
Юный, не знал ни войны ты, для всех одинаково тяжкой,
Ни совещаний народных, где славой венчаются люди.
С тем он меня и послал, чтоб всему тебя мог обучить я:
В слове оратором быть — и быть совершителем в деле.
Нет, без тебя, о, дитя мое милое, я не желаю
Здесь ни за что оставаться, хотя бы сам бог обещался
Старость изгладить на мне и юношей сделать, каким я
Был, покидая Элладу, цветущую жен красотою,
Злобы отца избегая, Аминтора, сына Ормена.
Из-за наложницы пышноволосой был зол на меня он;
Сильно ее он любил и жестоко бесславил супругу,
Мать мою. А она, обнимая мне ноги, молила
С девушкой раньше сойтись, чтобы старик отвратителен стал ей.
Я покорился и сделал. Отец, догадавшись об этом,
Предал проклятью меня, умоляя ужасных Эриний,
Чтоб никогда на колени не принял он милого сына,
Мною рожденного на свет. Проклятье исполнили боги,—
Зевс, что царит под землей, и ужасная Персефонея.
Острою медью отца моего умертвить я решился.
Бог какой-то, однако, мой гнев успокоил, внушивши,
Сколько рассказов и сколько упреков мне будет в народе,
Если отцеубийцей начнут меня звать аргивяне.
С этого времени духу в груди моему не под силу
По дому стало бродить, встречаясь с отцом раздраженным.
Множество всякой родни окружало меня неотступно,
Силились все удержать меня просьбами в отческом доме.
Много и жирных овец, и тяжелых быков криворогих
Было зарезано, много гефестовым пламенем жарким
Туш обжигалось свиных, лоснящихся салом блестящим;
Выпито было немало вина из кувшинов отцовских.

Девять ночей непрерывно они вкруг меня ночевали;
Сменно меня сторожили, и целые ночи не гаснул
Свет в нашем доме: один сторожил под колоннами входа
В двор крепкостенный, другой же в сенях у дверей моей спальни.
Но лишь десятая темная ночь для меня наступила,
Выбил в своей почивальне я накрепко сбитые двери,
Вышел наружу и вмиг чрез дворовый забор перепрыгнул,
Скрывшись легко и от стражи мужской, и от женщин-невольниц,
После того я бежал далеко чрез просторы Эллады
И в плодородную Фтию, кормилицу стад густорунных,
Прибыл к владыке Пелею. Меня благосклонно он принял
И полюбил, как отец только любит единого сына,
Баловня, милого сердцу, наследника благ его многих;
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил;
Там над долопами царствовал я, на окраине Фтии.
Там и тебя воспитал я таким, о, бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил; и с другим никогда не хотел ты
Ни на пирушку пойти, ни откушать чего-нибудь дома
Прежде, чем я, на колени к себе посадив, не нарежу
Мяса тебе на кусочки и кубка к губам не приставлю.
Часто случалось и так, что хитон на груди ты мне пачкал,
С губ своих проливая вино по неловкости детской.
Много тогда для тебя и забот, и трудов перенес я.
Думал я так,— что уж раз меня боги потомства лишили,
Сделаю сыном своим я тебя, Ахиллес богоравный,
Чтобы меня ты когда-нибудь спас от беды недостойной.
Ну, Ахиллес, обуздай свою гордую душу! Возможно ль
Быть столь жестоким! Подумай, ведь боги и те умолимы,
Хоть добродетелью, честью и силой намного нас выше.
Но и бессмертных богов благовоньями, кроткой молитвой,
Вин возлияньем и жиром сжигаемой жертвы смягчает
Смертный просящий, когда он пред ними виновен и грешен.
Есть у великого Зевса-Кронида и дочери — Просьбы:
На ноги хромы, в морщинах, с глазами, глядящими робко;
За Ослепленьем они озабоченно следом ступают.
Но Ослепленье могуче и на ноги быстро. На много
Опережает оно их и, всюду вперед поспевая,
Людям вредит. А они получившийся вред исправляют.
Кто подошедших к нему дочерей Громовержца уважит,
Много тому помогают они и мольбам его внемлют.
Если же кто им откажет, кто словом суровым отвергнет,
К Зевсу приходят они и родителя молят, чтоб следом
Шло Ослепленье за ним и бедою ему отплатило.
Зевсовым девам и ты, Ахиллес, окажи уваженье,
Как уважают все смертные их, благородные духом.
Если б даров Агамемнон тебе не давал, не сулил бы
Дать их и позже, но все бы упорствовал в гневе жестоком,

Я просить и не стал бы тебя, чтобы, скинувши гнев свой,
Ты защитил аргивян, хоть бы очень они в том нуждались.
Но и теперь он дает тебе много и впредь обещает;
С просьбой смиренной к тебе посылает мужей наилучших,
Выбранных в целом народе ахейском, тебе самому здесь
Меж аргивян наиболе приятных. Ни речи, ни ног их
Не осрами. Сердиться ты право имел только раньше,
И о героях, мужах стародавних, приходится слышать,
Как их, случалось, охватывал гнев, не имевший предела.
Все же, однако, дары их смягчали, слова убеждали.
Помню я дело одно из времен миновавших, не новых;
Как это было, я вам расскажу, ибо все мы друзья тут.
Шло меж куретов и твердых в бою этолийцев сраженье.
Бились вокруг Калидона они, истребляя друг друга.
Город прелестный старались спасти от врага этолийцы,—
Город разрушить хотели куреты, пылая отвагой.
От златотронной на них Артемиды пришло это горе:
Гневом горела она, что Иней от плодового сада
Жертвы ей не дал, а прочих богов усладил гекатомбой;
Ей только, дочери Зевса великого, не было жертвы:
Или на ум не пришло, иль забыл он. Но грех был великий.
Стрелолюбивая, гневом пылая, рождение божье,
Вепря, послала на них,— белозубого, лютого зверя.
Много вреда приносил он садам плодоносным Инея,
Много садовых деревьев больших опрокидывал наземь
Вместе с корнями и вместе с блистающим яблонным цветом.
Был, наконец, он убит Мелеагром, сыном Инея.
Много для этого ловчих из многих собрал городов он
Вместе со псами. Не справиться было с ним малою силой:
Был он огромен и многих возвел на костер погребальный.
Шум великий и битву о нем возбудила богиня,
Об голове и о шкуре щетинистой грозного вепря
Между куретами и этолийцами, сильными духом.
Долго, пока Мелеагр многомощный участвовал в битвах,
Плохо куретским войскам приходилось, и были не в силах
В поле вне стен оставаться они, хоть и было их много.
Но охватил Мелеагра могучего гнев, при котором
Сильно вздувается сердце в груди и у самых разумных.
Гневаясь сердцем жестоко на милую матерь Алфею,
Он у супруги законной лежал, Клеопатры прекрасной,
От Евенины рожденной, прекраснолодыжной Марпессы,
И от Идаса, который в то время средь всех земнородных
Самый могучий был муж. За жену молодую Марпессу
На самого Аполлона властителя лук свой он поднял.
С этого времени в доме отец и почтенная матерь
Дочь Алкионой прозвали, на память о том, что и матерь,
Горькую долю неся Алкионы, страдалицы-птички,

Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил.
Он у супруги лежал,— переваривал гнев душевредный,
Гнев свой на мать за проклятье: богов она в горе молила,
Чтобы ему отомстили они за убитого брата.
В землю, кормящую многих, она ударяла руками,
С воплем молила Аида и страшную Персефонею,
Став на колени и груди свои обливая слезами,
Смерть ее сыну послать. И Эриния с сердцем немягким,
В мраке ходящая, просьбу ее услыхала в Эребе...
Вскоре вкруг стен калидонских раздалися крики и грохот
Башен, громимых врагом. Старики-этолийцы молили,
Самых почтенных к нему посылали жрецов, чтобы вышел
И защитил их. Подарок великий ему обещали:
На плодороднейшей части из всей калидонской равнины
Взять в пятьдесят ему гий предлагали участок прекрасный.
Под виноградником пышным была половина участка,
И половина — пустая, пригодная очень для пашни.
Много его умолял конеборец Иней престарелый,
Сам до порога поднявшись его почивальни высокой;
В створки дверей он стучал и с мольбами к нему обращался.
Много и сестры его, и почтенная мать умоляли.
Больше еще лишь упорствовал он. И друзья убеждали,
Чтимые им наиболе во всем Калидоне прелестном.
Но ничего его сердца в груди не склонило, доколе
Не затряслась его спальня от страшных ударов, куреты
Не поднялися на стены и город не вспыхнул пожаром.
Стала тогда умолять Мелеагра жена молодая.
Горько рыдая, она ему все рассказала,— какие
В городе, взятом врагами, на жителей рушатся беды:
Граждан в жилищах их режут, огонь пожирает весь город,
В плен и детей увлекают, и жен, подпоясанных низко.
Тут взволновался он духом, услышав о страшных деяньях,
Бросился вон и в доспехи блестящие стал облачаться...
Так отвратил он погибельный день от сограждан, отдавшись
Голосу сердца. А он никаких еще ценных подарков
Не получил. И без них отразил угрожавшую гибель.
Ты ж не задумай такого в уме своем, пусть не направит
Бог твои мысли на это, мой милый! Ведь было бы хуже
В бурном пожаре спасать корабли. Так прими же подарки,
Выйди! И станут тебя почитать, словно бога, ахейцы.
Если ж в убийственный бой по нужде, без подарков, ты вступишь,
Чести такой уж не будет, хотя б ты врагов и отбросил».

Старому Фениксу так отвечал Ахиллес быстроногий:
«Феникс, мой дедушка старый, питомец богов, не нуждаюсь
В этой я чести. И так почитаем я волею Зевса.
Честь эту возле судов сохраню я, доколе дыханье

Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
Слово другое скажу, и запомни его хорошенько.
Сердце смущать перестань мне, крушась и скорбя предо мною
Во угожденье герою Атриду. Его ты не должен
Столько любить, чтоб не стать ненавистным тому, кем любим ты.
Лучше б со мной огорчал ты того, кто меня огорчает!
Царствуй со мной наравне и чести прими половину.
Эти ответ отнесут Агамемнону. Ты же останься.
Переночуешь на мягкой постели, а завтра с зарею
Вместе подумаем, плыть ли домой или здесь оставаться».

Так произнесши, Патроклу безмолвно бровями мигнул он
Фениксу мягкое ложе постлать, чтоб ушли поскорее
Все остальные из ставки его. И поднялся с сиденья
Теламонид богоравный Аякс и сказал Одиссею:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многоумный!
Что же, пойдем! Как я вижу, желаемой цели беседы
Этим путем не достигнуть. Данайцам как можно скорее
Нужно ответ объявить, хоть и мало он радостен будет.
Нас ожидая, данайцы сидят. Ахиллес быстроногий
Дикую в сердце вложил, за предел выходящую ярость.
Духом жестокий, он дружбы товарищей знать не желает,—
Дружбы, какою мы в стане его отличали пред всеми.
Жалости нет в нем! Ведь даже и брат за убитого брата
Вознагражденье берет, и отец за умершего сына!
И средь народа убийца живет, заплатив, сколько нужно.
Пеню же взявший, и мстительный дух свой, и гордое сердце,—
Все укрощает. Тебе же бессмертные сделали боги
Дух несмягчимым и злобным,— и все из-за девушки только!
Но ведь тебе мы их семь предлагаем, и самых красивых!
Много и прочих подарков! Так сделайся ж ты милосердней!
Хоть своего устыдися жилища! Пришли мы под кров твой,
И от всего мы народа пришли! И желаем от сердца
Близость и дружбу к тебе проявить, отличив перед всеми».

Теламониду в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«Богорожденный Аякс Теламоний, властитель народов!
Кажется мне, говорил ты как будто вполне откровенно.
Но раздувается сердце от гнева, как только припомню,
Как пред лицом аргивян обесчестил меня Агамемнон.
Будто какой-нибудь я новосел-чужеземец презренный!
Нет, отправляйтесь назад и ему мой ответ передайте:
Думать начну я о битве кровавой, скажите, не раньше,
Чем крепкодушным Приамом рожденный божественный Гектор
К нашему стану придет и к черным судам мирмидонским,
Смерть аргивянам неся и огнем корабли истребляя.

Здесь же, у ставки моей, пред моим кораблем чернобоким,
Думаю, Гектор от боя удержится, как ни желал бы».

Так говорил он. И каждый, свой кубок двуручный поднявши,
Возлил богам. И пошли вдоль судов во главе с Одиссеем.
Тотчас Патрокл приказал как товарищам, так и рабыням
Фениксу мягкое ложе постлать, как можно скорее.
Жены, ему повинуясь, постлали, как им приказал он,—
Шкуры овечьи, подушку и тонкие ткани льняные.
Там и улегся старик, дожидаясь божественной Эос.
Сам Ахиллес почивал в глубине своей ставки прекрасной.
Подле него возлежала плененная им лесбиянка,
Форбанта, дочь Диомеда, прекрасноланитная дева.
Лег и Патрокл на другой стороне, и при нем возлежала
Легкая станом Ифида; ее Ахиллес ему отдал,
Город взявши царя Ениея, возвышенный Скирос.

Те же, едва очутились у ставки владыки Атрида,
Встречены были сынами ахейцев; они поднялися,
Кубки держа золотые, и жадно расспрашивать стали.
Первым расспрашивать начал владыка мужей Агамемнон:
«Ну, Одиссей, расскажи нам, великая слава ахейцев,
Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень?
Иль отказался и все еще гнев его духом владеет?»

Сыну Атрея в ответ сказал Одиссей многостойкий:
«О многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Нет, не желает вражды погасить он. Сильнее, чем прежде,
Гневаясь, он и тебя, и подарки твои отвергает.
И предлагает, чтоб вместе с ахейцами сам ты подумал,
Как защитить корабли и ахейский народ утесненный.
Сам же грозится, что завтра, лишь только заря засияет,
На море все он суда обоюдовесельные спустит.
Также и всем остальным он советует это же сделать:
Плыть поскорее домой. Вы конца, говорит, не дождетесь
Трои высокой; над нею широкогремящий Кронион
Руку свою распростер, и народы ее осмелели.
Так он сказал. Вот и эти, что были со мной, подтвердят вам,—
Сын Теламона и двое глашатаев, умные оба.
Феникс же там ночевать по приказу Пелида остался.
Завтра за ним на судах он последует в землю родную,
Если того пожелает. Неволить его он не будет».

Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.
Речь его их потрясла. Говорил Одиссей очень сильно.
Долго сидели безмолвно печальные духом ахейцы.
Громкоголосый тогда поднялся Диомед и воскликнул:

«О многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Лучше б уж ты не просил безупречного духом Пелида,
Столько давая даров! Без того уже горд он безмерно,
Нынче же в сердце его ты вселил еще большую гордость.
Ну, да кончим о нем говорить! Пускай себе едет
Или не едет! Опять он сражаться начнет, если только
Сердце прикажет в груди и бог на сраженье возбудит.
Вот что я вам предлагаю, и все мы давайте исполним!
Спать отправляйтесь теперь, усладив себе милое сердце
Пищей, а также вином: от них ведь и сила, и храбрость.
Завтра ж, как только на небе блеснет розоперстая Эос,
Выстрои быстро, Атрид, пред судами и конных, и пеших,
Дух ободри им и сам впереди между первых сражайся».

Так говорил он. С большим одобреньем внимали владыки,
Смелому слову дивясь Диомеда, смирителя коней.
Все, возлиянье свершивши богам, разошлися по ставкам,
Где предалися покою и сна насладились дарами.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

ДОЛОНИЯ

Ахейцы в тяжелом положении. Тяжкие думы не дают спать Агамемнону, он будит вождей, и они решают послать в ночную разведку Одиссея и Диомеда. Такое же решение принимает Гектор и отправляет в разведку Долона, пообещав ему в награду коней и колесницу. Греческие разведчики захватывают Долона, выведывают планы троянцев и убивают его. Проникнув тайком в лагерь троянцев, они устраивают там настоящую кровавую бойню, убивая спящих троянских союзников во главе с фракийским царем Ресом. Возвращаясь в свой стан, лазутчики уводят с собой чудесных коней Реса. Греки ликуют и устраивают пир.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПОДВИГИ АГАМЕМНОНА

На следующий день Агамемнон и трояиские вожди выстраивают свои войска для сражения. Храбро сражающегося Агамемнона ранят, и он вынужден покинуть поле боя. В битву бросается Гектор, раиеный Одиссей остается одии среди врагов, но ему на помощь приходят Менелай и Аякс. Гектор во главе троянцев. Они теснят греков. Ахилл посылает своего друга Патрокла узнать о состоянии дел. Нестор просит передать Ахиллу, что нужна помощь. В крайнем случае пусть он пошлет в бой Патрокла, отдав ему свои доспехи, чтобы устрашить врагов. По дороге в лагерь Патрокл подбирает раиеного Еврипила и оказывает ему помощь.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

БОЙ У СТЕНЫ

В свое время греки укрепили лагерь ровом и стеной. Битва докатилась до этих укреплений. Троянцы, возглавляемые Гектором, идут приступом на лагерь греков. Тут и там завязываются поединки между героями. Ахейцы храбро защищаются, но с помощью Зевса Гектор поднимает огромный камень и пробивает им крепостные ворота. Вслед за ним в греческий лагерь врываются троянцы, и данайцы бегут к своим кораблям.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

БОЙ У СУДОВ

Когда Зевс на некоторое время отвлекся от Трои, Посейдон воспользовался этим и отправился на помощь в лагерь ахейцев. Он вдохновляет Аяксов и других воинов на новые подвиги. Борьба продолжается — сражаются отряды, происходят поединки. Гектор собирает троянских вождей и нападает на центр греков. Аякс и Гектор поносят друг друга, враждебные войска с боевыми кличами перед судами устремляются друг против друга.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБМАНУТЫЙ ЗЕВС

Случилось так, что главные греческие вожди, Агамемнон, Одиссей, Диомед, не знали еще, какой оборот приняло сражение. Об этом им рассказывает Нестор, и они стараются ободрить ахейцев. Им помогает Посейдон. Гера, со своей стороны, решает своими средствами отвлечь от сражения Зевса, с помощью Афродиты и Сна она обольщает «отца людей и богов». Пока Зевс отдыхает, греки, вдохновляемые Посейдоном, бросаются на неприятеля. Сходятся Гектор и Аякс Теламоний, который ударом камня сбивает с ног троянского героя, но товарищи выносят его с поля боя. Жестокие поединки продолжаются, гибнут воины с обеих сторон, но ахейцы постепенно начинают овладевать положением.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

ОБРАТНЫЙ НАПОР ОТ СУДОВ

Зевс пробуждается на Иде и видит, что троянцы бегут, а Гектор тяжело ранен. Олимпиец негодует, осыпает Геру упреками, грозит ей всяческими карами, и та удаляется на Олимп, где застает всех богов в сборе. Гера приказывает вестнице богов Ириде передать Посейдону, чтобы он оставил сражение и вернулся в море или прибыл на Олимп. Зевс и Аполлон вселяют новые силы в троянцев и прежде всего исцеляют Гектора, который вновь возвращается в бой и повергает в ужас ахейцев, но они все же сопротивляются, и Аякс сдерживает атаку троянцев, возглавлямых Гектором, которому даже удается поджечь один из кораблей. Тем временем Патрокл возвращается к Ахиллу.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПАТРОКЛИЯ

Так меж собою они за корабль прочнопалубный бились.
Тут явился Патрокл перед пастырем войск Ахиллесом.
Слезы горячие лил он, как ключ черноводный, который
Льет с доступной лишь козам скалы свои темные воды.
Жалость взяла Ахиллеса, как только его он увидел.
Громко к нему со словами крылатыми он обратился:
«Что это так ты заплакан, Патрокл дорогой мой, подобно
Девочке малой, что бегом за матерью следует с плачем,
На руки просится к ней и за платье хватается крепко,
Смотрит в глаза, заливаясь слезами, чтоб на руки взяли.
Так же совсем, как она, проливаешь ты нежные слезы.
Весть ли какую приносишь ты мне иль другим мирмидонцам?
Или, быть может, о Фтии один что-нибудь ты услышал?
Жив, говорят, еще Акторов сын, отец твой Менетий,
Жив посреди мирмидонцев Пелей Эакид, мой родитель.
Смерть их обоих для нас величайшую скорбь принесла бы.
Иль об ахейцах скорбишь ты, которые в это мгновенье
Близ чернобоких судов за неправду свою погибают?
Все расскажи мне, в уме не скрывай, чтобы знали мы оба».

Тяжко вздыхая, ему отвечал так Патрокл конеборец:
«О Ахиллес Пелеид, средь ахейцев храбрейший, прости мне
Слезы мои; одолело ахейцев великое горе!
Наши храбрейшие мужи, какие лишь есть меж ахейцев,
Пред кораблями лежат, кто стрелой, кто копьем пораженный.
Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
Ранен копьем Одиссей копьеборец, Атрид Агамемнон,
Ранен стрелою в бедро Еврипил, Евемоном рожденный.
Ходят за ними врачи, в лекарствах искусные многих,
Раны их лечат. А ты, Ахиллес, непреклонен остался.
Пусть никогда я гнева не знаю, какой ты питаешь!
Храбрость без пользы твоя. Кому, хоть бы даже в потомстве,
Будет в ней надобность, раз аргивянам помочь ты не хочешь?
Сердцем жесток ты. Отец тебе был не Пелей конеборец,
Мать — не Фетида богиня. Рожден ты сверкающим морем,
Твердой скалою,— от них у тебя это жесткое сердце.
Если тебя устрашает какое-нибудь предсказанье,
Если ты что чрез владычицу-мать узнал от Кронида,
То отпусти хоть меня и со мною пошли на сраженье
Рать мирмидонцев; может, я светом явлюсь аргивянам.
Дай позволение мне облачиться в доспех твой прекрасный.
Может быть, в битве меня за тебя принимая, троянцы

Бой прекратят, и ахейцев сыны отдохнут хоть немного
От понесенных мучений. В сраженьях отдых недолог.
Свежие силы отбросят легко истомленное войско
От кораблей чернобоких и стана назад к Илиону».
Так он, безумец, молил. Увы, не предвидел, что будет
Сам для себя он погибель выпрашивать с черною смертью!
Сильно разгневавшись, молвил ему Ахиллес быстроногий:
«Богорожденный Патрокл, ну, что ты такое сказал мне!
Мало заботит меня предсказанье, какое я знаю,
Не сообщала мне мать ничего о намереньях Зевса.
Но огорченье большое и в сердце, и в дух мне приходит,
Если я вижу, что равный пытается равного грабить,
Хочет добычи лишить потому лишь, что властью он выше!
Горе ужасно мое: сколько уже пострадал я!
Девушку в дар присужденную мне сынами ахейцев,
Ту, что я добыл копьем, крепкостенный разрушивши город,
Вырвал обратно из рук у меня Агамемнон владыка,
Словно какой-нибудь я новосел-чужеземец презренный!
Но, что случилось,— оставим! И не к чему было так долго
Злобою в сердце пылать мне. Я думал сначала не раньше
Гнев прекратить мой упорный, чем крики и ярая битва
Пред кораблями моими и ставкой моей разольются.
Но облеки ж себе плечи доспехом моим знаменитым
И поведи мирмидонцев воинственных наших в сраженье.
Черная туча троянцев кругом корабли обложила
Грозною силой, ахейцы ж, прижатые к самому морю,
Держатся только еще на последнем коротком пространстве,
Аргоса дети. Троянцы обрушились городом целым.
Больше теперь уж не светит вблизи перед дерзкими шлем мой
Ярким налобником. Скоро б они полевые овраги
Трупами в бегстве забили, когда б Агамемнон владыка
Был ко мне справедлив. А теперь они стан окружили!
Уж не свирепствует в мощных руках Диомеда Тидида
Бурная пика его, отвращая беду от ахейцев,
Уж не несутся средь боя призывные крики Атрида
Из головы ненавистной. Лишь Гектора людоубийцы
Голос гремит средь троянцев, и криком они непрерывным
Всю заполняют равнину, в бою побеждая ахейцев.
Все же и так, Патрокл, всей силой ударь на троянцев
И защити корабли от беды, чтоб они не сожгли их
И не лишили бы нас возвращения в землю родную.
Слушай же, с целью какою тебе это все говорю я,
Должен великую ты меж данайцами всеми добыть мне
Славу и честь, чтоб красавицу-девушку мне возвратили.
Вместе же с ней, чтоб подарки блестящие также прислали.
От кораблей же врагов отогнав, возвращайся обратно.
Если бы даже и дал тебе славу Кронид громовержец,

Все же один, без меня, не стремися преследовать дальше
Войнолюбивых троянцев. Меня этим чести лишишь ты.
Гордым охваченный пылом войны и кровавого боя,
Трои сынов истребляй, но полков не веди к Илиону;
Чтобы бессмертный какой-нибудь бог, на Олимпе живущий,
В бой не вмешался; уж очень любимы они Аполлоном.
Спасши суда от троянцев, ко мне возвращайся обратно,
Тем же всем предоставь на равнине сражаться и дальше.
Если бы, Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,—
Если бы, сколько ни есть их, никто из троян и ахейцев
Смерти избегнуть не смог, и лишь мы, от погибели спасшись,—
Мы бы одни развязали повязки священные Трои!»

Так Ахиллес и Патрокл меж собою вели разговоры.
Стрелы меж тем осыпали Аякса, не мог устоять он;
Одолевала и воля Зевеса его, и удары
Славных троянцев; сияющий шлем под ударами звоном
Страшным звучал у висков; без конца ударялися копья
В бляхи прекрасного шлема. Замлело плечо у Аякса,
Крепко дотоле державшее щит многопестрый. Не в силах
Были троянцы пробить этот щит, как ни сыпали копья.
Тяжко дышал Теламоний. По всем его членам обильный
Пот непрерывно струился. Никак уже не был он в силах
Вольно вздохнуть. Отовсюду вставала беда за бедою.

Ныне скажите мне, Музы, живущие в домах Олимпа,—
Как упал огонь впервые в ахейские судна?
Быстро приблизившись, Гектор по ясенной пике Аякса
Острым огромным ударил мечом и от древка у шейки
Все целиком отрубил острие. Бесполезно обрубком
Вновь взмахнул Аякс Теламоний. Далеко от пики
С шумом упало на землю ее заостренное жало.
Духом своим безупречным познал тут Аякс устрашенный
Дело богов,— что широко гремящий Зевес подсекает
Все решенья Аякса, желая победы троянцам.
Он отступил. И троянцы на быстрое бросили судно
Неутомимый огонь. Неугасное вспыхнуло пламя.
Так пожар корму корабля охватил. Ахиллес тут
В бедра ударил себя и вскричал, обратившись к Патроклу:
«Богорожденный Патрокл, поспеши, боец быстроконный!
Ясно я вижу, огонь на судах занимается наших.
Если возьмут корабли, то ведь мы и уйти-то не сможем!
Вооружайся скорее, а я соберу наше войско».

Начал тотчас же Патрокл облекаться сияющей медью.
Прежде всего по прекрасной поноже на каждую голень
Он наложил, прикрепляя поножу серебряной пряжкой.

Следом за этим и грудь облачил себе крепкой бронею
Сына Пелеева,— пестрой, усыпанной звездами густо.
Сверху набросил на плечи могучие меч среброгвоздный
С медным клинком, а потом — огромнейший щит некрушимый.
Мощную голову шлемом покрыл, сработанным прочно,
С конскою гривою. Грозно над шлемом она волновалась.
Взял и две пики, какие ему по руке приходились,
Только копья одного не взял Эакида. Тяжел был
Крепкий, огромный тот ясень; его никто из ахейцев
Двигать не мог; лишь один Ахиллес без труда потрясал им,—
Ясенем тем пелионским, который с вершин Пелиона
Был принесен для Пелея Хироном на гибель героям.
Автомедонту велел он коней запрягать поскорее;
После Пелида героя всех больше его почитал он.
Всех был надежнее он в выжиданьи призыва из битвы.
Автомедонт под ярмо ахиллесовых коней поставил,—
Ксанфа и Балия. Оба они словно ветер носились,
Близ океанских течений пасясь на лугу, родила их
Быстрому ветру Зефиру одна из гарпий, Подарга.
К ним на пристяжку он впряг безупречного в беге Педаса,
Им завладел Ахиллес, гетионов разрушивши город:
Смертный, вполне за конями бессмертными мог поспевать он.

Сам Ахиллес же по стану ходил и своим мирмидонцам
Вооружаться приказывал всем. На волков кровожадных
Были похожи они, с несказанной отвагою в сердце;
Рвут они жадно на части оленя рогатого, в чаще
Леса поймавши его; их пасти багровы от крови;
После подходят к ключу черноводному целою стаей,
Узкими там языками лакают с поверхности воду,
Кровью убитого зверя рыгая; в груди их косматой
Дух вполне безбоязнен, и сильно раздуты утробы.
Так же совсем мирмидонцев вожди и советники быстро
Вкруг Ахиллесова друга, отважного духом, сбирались,
Жаждая боя; в толпе их стоял Ахиллес быстроногий
И на борьбу возбуждал лошадей и мужей щитоносцев.

Зевсом любимый Пелид пятьдесят кораблей быстролетных
Вместе с собою под Трою привел, и при веслах на каждом
По пятьдесят человек находилось бойцов превосходных.
Пять он поставил над ними начальников, чтоб исполняли
Их приказанья, а высшую власть сохранял за собою.
Первый отряд возглавлялся Менесфием пестродоспешным,
Сыном Сперхея — реки, получавшего воду от Зевса.
На свет его породила Пелеева дочь Полидора,
С неутомимым Сперхеем сошедшись,— женщина с богом.
Отчество ж было по Бору ему, Периерову сыну:

Внесши бесчисленный выкуп, на ней он открыто женился.
Евдор воинственный был предводитель второго отряда.
Дева его родила Полимела, прелестная в плясках,
Дочь Филанта; пленился веселою девой могучий
Аргоубийца, ее увидавши средь песен и плясок
У Артемиды в хору,— златострельной охотницы шумной.
К девушке в комнату наверх поднялся и тайно сопрягся
С нею заступник Гермес, и ему родила она сына,
Славного Евдора, в беге проворного, храброго в битве.
После того ж как Илифия, помощь дающая в родах,
Вывела на свет ребенка, и солнца лучи он увидел,
Ввел к себе в дом Полимелу герой Ехеклей многосильный,
Акторов сын, за нее заплативши бесчисленный выкуп.
Мальчика ж старец Филант воспитал и вскормил с попеченьем,
Лаской его окруживши, как будто он был его сыном.
В третьем отряде вождем был Писандр, Маймалом рожденный,
Храбрый, воинственный муж, первейший меж всех мирмидонцев
После Пелидова друга в искусстве на копьях сражаться.
Феникс, боец поседелый, вождем был в четвертом отряде,
В пятом же — Алкидамант, Лаэркия сын безупречный.
В полном порядке совместно с вождями построив отряды,
С сильною речью ко всем Ахиллес обратился могучий:
«Не забывайте никто у меня тех угроз, мирмидонцы,
Как при судах наших быстрых, в то время как гневом пылал я,
Вы угрожали троянцам и горько меня обвиняли:
«Желчью, свирепый Пелид, ты матерью вскормлен своею!
Близ кораблей ты насильно товарищей держишь, жестокий!
Лучше в судах мореходных домой мы назад возвратимся,
Раз уж тобой овладела такая безмерная злоба!»
Так вы мне часто, сходясь, говорили. Великое дело
Битвы теперь наступило: ее вы так долго желали!
В бой теперь каждый иди, в ком сердце отважное бьется!»

Так говоря, возбудил он и силу, и мужество в каждом.
Слово царя услыхавши, тесней мирмидонцы сомкнулись.
Так же, как каменщик, камни смыкая с камнями, выводит
Стену высокого дома в защиту от дующих ветров,—
Так же сомкнулись ряды щитов меднобляшных и шлемов.
Шлем тут со шлемом и щит со щитом, человек с человеком
Близко смыкались; вперед наклоняясь, боец прикасался
Шлемом к переднему шлему,— так тесно стояли ахейцы.
Перед рядами два мужа стояли,— Патрокл многомощный
С Антомедонтом. Горели одним они оба желаньем —
Быть впереди мирмидонцев в бою. Ахиллес быстроногий
В ставку пошел. На прекрасном узорчатом там сундуке он
Крышку поднял. На корабль ему этот сундук был положен
Сереброногой Фетидой, и полон он был и хитонов,

И шерстяных одеял, и плащей, берегущих от ветра.
Там у него наготове хранилася чаша. Средь смертных
Муж из нее ни один вина искрометного не пил,
Не возливалось вино никому из богов, кроме Зевса.
Из сундука эту чашу доставши, сначала ее он
Серой очистил, потом всполоснул водяными струями,
Руки обмыл и себе, и вином эту чашу наполнил.
Стал в середине двора, и вино возливал, и молился,
На небо глядя. И не был он Зевсом отцом незамечен.
«Зевс пеласгийский, додонский, далекий владыка Додоны
Вечно суровой, где Селлы, пророки твои, обитают,
Ног не моют себе и спят на земле обнаженной!
Ты на молитву мою благосклонно уж раз отозвался
И возвеличил меня, поразивши ахейцев бедою.
Также еще и теперь мне такое исполни желанье:
Сам я в стане своем остаюсь корабельном, но в битву
Друга-товарища шлю и много моих мирмидонцев.
Зевс протяженно гремящий! Пусть слава его провожает,
Смелостью сердце наполни ему, чтоб увидел и Гектор,
Может ли также один отличаться в бою наш товарищ,
Или свирепствуют в битве его необорные руки
Только тогда, как и сам на аресову битву я выйду.
После, когда от судов он отгонит сраженье и крики,
Пусть невредимым к судам быстроходным вернется обратно,
Пусть и товарищи все, и оружье останутся целы!»

Так говорил он, молясь. И внял ему Зевс промыслитель.
Дал Отец Ахиллесу одно, а другое отвергнул:
Прочь отогнать от судов войну и сраженье Патроклу
Дал; а из битвы назад отказал невредимым вернуться.
Так совершив возлиянье и Зевсу отцу помолившись,
В ставку назад он вошел и в сундук положил свою чашу.

Вышел и стал перед ставкой. Хотелось еще его духу
Схватку ужасную между троян и ахейцев увидеть.
Те же совместно с Патроклом отважным вперед устремились
В полном оружье, чтоб смело на войско троянцев ударить.
Хлынули быстрой и дружной толпою они на троянцев,
Как придорожные осы, которых привыкли тревожить
Мальчики, их постоянно дразня близ дороги в их гнездах.
Глупые эти ребята на многих беду навлекают.
Если какой-нибудь путник нечаянно ос потревожит,
Мимо идя по дороге, они с отвагою в сердце
Все на него налетают, свое защищая потомство.
Сердцем и духом на ос походя, от судов мирмидонцы
Хлынули против троянцев. И крик поднялся неугасный.
Громко Патрокл закричал, возбуждая товарищей к бою:

«Вы, мирмидонцы, лихие соратники сына Пелея!
Будьте мужами, друзья, о неистовой вспомните силе!
Славу дадим Ахиллесу, пускай пред судами ахейцы
Доблесть узнают его и бойцов его рукопашных!
Пусть и Атрид осознает, владыка мужей Агамемнон,
То ослепленье, с каким он обидел храбрейшего мужа!»

Так говоря, возбудил он и силу, и мужество в каждом.
Тесно сомкнувши ряды, на врагов мирмидонцы напали.
Страшным откликнулись гулом суда на воинственный крик их.
Как увидали троянцы на поле сраженья Патрокла,—
И самого, и возницу,— обоих в блестящих доспехах,
Дрогнуло сердце у всех, всколебались густые фаланги;
Разом подумали все, что Пелид быстроногий отбросил
Гнев, им владевший так долго, и снова на дружбу склонился.
Стали они озираться, куда убежать им от смерти.

Первым Патрокл, размахнувшись, блистающей пикой ударил
Прямо в средину троянцев, где больше всего их толпилось,—
Возле кормы корабля крепкодушного Протесилая.
Им поражен был Пирехм, конеборных пеонов отважных
Из Амидона приведший, где катится Аксий широкий.
Медною пикой в плечо он ударил его. И со стоном
Навзничь Пирехм опрокинулся в пыль, и пеоны с испугом
Кинулись в бегство. Поверг Патрокл всех пеонов в смятенье,
Их вождя умертвив, храбрейшего воина в битвах.
От кораблей их прогнав, затушил он пылавшее пламя.
Полусожженный корабль остался на месте. Бежали
С криком ужасным троянцы. Рассыпались быстро данайцы
Меж кораблей изогнутых. И шум поднялся непрерывный.
Так же, как если с вершины огромной горы Молневержец
Тучи густые разгонит, и тихое время настанет,—
Все вдруг далеко становится видным,— высокие мысы,
Скалы, долины; воздушный простор наверху необъятен.
Так и данайцы, пылавший огонь от судов отразивши,
Передохнули немного. Но битва вполне не затихла.
Вовсе троянцы еще пред ахейской воинственной ратью
От чернобоких судов не бежали назад без оглядки;
Бодро стояли еще, отступив от судов поневоле.

Бой закипел врассыпную. Сражались бойцы в одиночку,
Вождь нападал на вождя. И первый Патрокл многомощный
Ареилика ударил в то время, как он повернулся,
Острою пикой в бедро, насквозь его медью пробивши;
Кость раздробило копье; и ничком повалился на землю
Ареилик. Менелай же воинственный ранил Фоанта,
Грудь обнажившего возле щита, и члены расслабил.

А Филеид, увидав, что Амфикл на него устремился,
Опередил и ударил в бедро его, в место, где мышца
Толще всего у людей; пересекло копейное жало
Все сухожилья вокруг, и глаза его тьмою покрылись.
Из Несторидов один Антилох на Атимния с пикой
Острой напал и, ударивши в пах, острием его пробил.
Тот перед ним повалился. Тут с поднятой пикою Марий
На Антилоха напал, за убийство разгневанный брата.
Стал перед трупом. Но прежде, чем пикой ударить успел он,
Опередил Фрасимед его, равный бессмертным, и не дал
Промаха: быстро в плечо поразил. Острие его пики
Мышцы с руки сорвало и кость целиком разрубило.
С шумом на землю он пал, и глаза его тьмою покрылись.
Так они оба, двумя укрощенные братьями, вместе
В мрачный спустились Эрев,— лихие бойцы Сарпедона,
Амисодара сыны-копьеборцы, который Химеру
Лютую выкормил, многим мужам земнородным на гибель.
Сын Оилеев Аякс, налетев, живым Клеобула,
Сбитого в давке толпой, захватил, но сейчас же на месте
Силу расслабил его, мечом ударив по шее.
Меч разогрелся от крови до ручки. Глаза Клеобулу
Быстро смежила багровая смерть с могучей судьбою.
Бегом друг с другом сошлись Пенелей и Ликон. Промахнулись
Пиками оба они, бесполезно их оба метнули.
Снова сошлись на мечах. Ликон поразил Пенелея
В шлем густогривый по гребню, но меч обломился у ручки.
В шею тогда Пенелей под ухом ударил Ликона.
Врезался в шею весь меч, голова опрокинулась набок,
Только на коже держась, и сила покинула члены.
Вождь Мерион на проворных ногах Акаманта настигнул,
Как на коней он всходил, и в плечо его пикой ударил.
Тот с колесницы свалился, глаза его тьмою покрылись.
Идоменей Ериманта ударил безжалостной медью
В рот. Под мозгом внизу пробежала блестящая пика,
Белые кости врага своим острием расколола,
Выбила зубы ему. Глаза переполнились кровью
Оба. Она изо рта, из ноздрей у него побежала.
Черное облако смерти покрыло его отовсюду.
Каждый из этих данайских вождей по бойцу опрокинул.
Так же, как волки в горах на ягнят и козлят нападают,
Их вырывая из стад, которым пастух неумелый
Дал широко разбрестись по горам; увидавши их, волки
Быстро животных трусливых хватают и рвут их на части.
Так на троянцев напали данайцы. Но те лишь о бегстве
Думали шумном и вовсе забыли кипящую храбрость.
Больший Аякс, Теламоний, все время старался ударить
Гектора медною пикой. Но Гектор, испытанный в битвах,

«ИЛИАДА»

А. Иванов (XIX в.). Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора.

Москва, Государственная Третьяковская галерея.

К стр. 193

Крепким воловьим щитом закрывая широкие плечи,
Зорко следил за свистанием стрел и жужжанием копий.
Видел он ясно, что им изменяет победа, но все же
С места сходить не хотел, защищая товарищей милых.

Как от Олимпа на небо из светлого сходит эфира
Темная туча, когда Молневержец грозу посылает,—
Так от ахейских судов начались и крики, и бегство.
Все в беспорядке бежали назад. Быстроногие кони
Вынесли Гектора вместе с оружьем. Оставил он сзади
Войско троянцев, которых задерживал ров. Уж у многих
Быстрых коней колесничных во рву поломалися дышла,
Много осталось во рву колесниц предводителей войска.
Яро Патрокл наседал, за собой призывая данайцев,
Беды врагам замышляя. Троянцы в стремительном бегстве
Все заполняли дороги, повсюду рассеявшись. Вихрем
Пыль поднялась к облакам. Расстилались по полю кони,
К Трое обратно несясь от ахейских судов и от стана.
Где только видел Патрокл, что теснее толпятся троянцы,
С криком туда он коней направлял. С колесниц под колеса
Падали мужи ничком, и гремели, валясь, колесницы.
Прямо чрез вырытый ров перепрыгнули быстрые кони,—
Кони бессмертные, дар от богов олимпийских Пелею,
Дальше помчался Патрокл. На Гектора духом рвался он,
Свергнуть его устремлялся. Но Гектора кони умчали.

Так же, как черная стонет земля, отягченная бурей,
В осень, когда на нее изливает шумящие воды
Зевс раздраженный, на тех негодуя людей, что неправый
Свой совершают на площади суд и насилия множат,
Правду теснят и ничуть наказанья богов не страшатся;
Вздувшись от множества вод, стремительно реки несутся
Много холмов отрезают потоки в то время от суши,
С гор низвергаясь внезапно в волнами кипящее море
С шумом и стоном великим, работы людей разрушая;
С шумом таким, задыхаясь, бежали троянские кони.

Вылетев к первым фалангам троянцев, Патрокл их отрезал,
Начал обратно теснить к кораблям, не давая бегущим
В город уйти, и носился, врагов избивая нещадно,
Меж кораблями, рекой и великой ахейской стеною.
Тут он пеню взыскал с троянцев за многих убитых.
Первого пикой блестящей Патрокл опрокинул Проноя,
Грудь обнажившего возле щита, и члены расслабил.
С шумом на землю он пал. Патрокл налетел на второго —
Фестора, сына Енопа; сидел он в своей колеснице,
Съежась в комок, растерявшись; из рук его выпали вожжи

Близко к нему подлетев, Патрокл его пикой ударил
В правую щеку; и зубы насквозь ему пика пробила.
Из колесницы его через край потащил он на пике,
Как человек, на нависшем усевшийся камне, из моря
Тащит проворную рыбу на лёске с блестящею медью;
Так Енопида с разинутым ртом потащил он на пике,
Сбросил на землю лицом, и от павшего жизнь отлетела.
После того Ерилая, навстречу бежавшего, камнем
В голову он поразил, и она пополам раскололась
В шлеме тяжелом. Ничком Ерилай повалился на землю.
Дух разящая смерть разлилася вокруг Ерилая.
После того он сразил Ериманта, Епалта, Ифея,
Пирия и Тлеполема, Амфотера и Полимела,
Сына Аргея, Евиппа и Эхия Дамасторида.
Всех одного за другим положил он на тучную землю.

Лишь увидал Сарпедон, что без пояса панцирь носящих
Много товарищей пало, смирённых рукою Патрокла,
Он закричал с возмущеньем ликийцам своим богоравным:
«Стыдно, ликийцы! Куда вы бежите? Как стали вы быстры!
Выйду я этому мужу навстречу, хочу я увидеть —
Кто он, могучий тот воин? Немало беды причинил он
Войску троянцев и многим отважным расслабил колени!»

Так говоря, с колесницы на землю с оружьем он спрыгнул.
Это увидевши, также Патрокл соскочил с колесницы.
Как на скалистой вершине с пронзительным криком дерется
Коршунов пара с кривыми когтями, с изогнутым клювом,
С криком таким же они устремились один на другого.

Сына хитрого Крона при виде их жалость объяла.
К Гере, сестре и супруге, с таким обратился он словом:
«Горе! Судьба Сарпедону, мне самому милому мужу,
Быть смирённым в бою рукой Менетида Патрокла!
Сердце меж двух у меня колеблется разных решений:
Вырвать ли мне Сарпедона живым из кровавого боя
И перевесть его в край плодоносный Ликии пространной
Или его укротить могучей рукою Патрокла?»

Так отвечала ему волоокая Гера богиня:
«Как ты ужасен, Кронид! Ну какие слова говоришь ты!
Смертного мужа издревле уже обреченного роком,
Ты совершенно от смерти печальной желаешь избавить!
Делай, как хочешь. Но боги тебя тут не все мы одобрим.
Слово иное скажу, и обдумай его хорошенько:
Если живым Сарпедона в его ты отправишь отчизну,
Вспомни,— быть может, тогда и другой кто-нибудь из бессмертных

Милого сына захочет из боя могучего вырвать.
Мало ли здесь сыновей, от бессмертных рожденных, под Троей
Бьется! У этих богов ты ужасную злобу возбудишь.
Если же он тебе дорог и сердцем о нем ты болеешь,
То допусти, чтобы в битве пылающей был укрощен он
Мощной рукою Патрокла, Менетьева славного сына.
После того ж, как душа и жизнь Сарпедона покинут,
Смерти и сладкому сну повели отнести его тело
С чуждой троянской земли в родную ликийскую землю.
Там его братья и близкие все похоронят, воздвигнув
Холм погребальный и столб, как честь воздается умершим».

Так говорила. И внял ей родитель бессмертных и смертных.
Капли кровавые начал он сеять на черную землю,
Чествуя милого сына, которого должен был нынче
В Трое Патрокл уничтожить, далеко от родины милой.
После того как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Славного сшиб Фрасимела Патрокл. Превосходным возницей
Был Фрасимел у царя Сарпедона. Его поразил он
Пикою в нижнюю часть живота и члены расслабил.
Но Сарпедон, вторым на Патрокла напав, промахнулся
Пикой блестящей. Коню Ахиллеса Педасу попала
Пика в плечо; закричал он пронзительно, дух испуская.
В пыль повалился со стоном. И дух отлетел от Педаса.
Оба другие коня расскочились, ярмо затрещало,
Спутались вожжи, когда пристяжная свалилась на землю.
Автомедонт копьеборец нашел из беды этой выход:
Вырвав острый свой меч из ножен при бедре мускулистом,
Кинулся он и отсек пристяжную нимало не медля.
Оба другие коня поравнялись и стали под вожжи.

В жизнегубительной схватке сошлися противники снова.
Пикой блестящей своею опять Сарпедон промахнулся.
Близко над левым плечом Патрокла она пролетела,
Но не попала в него. Тогда и Патрокл размахнулся
Пикой. Ее не напрасно метнул он. Попал он в то место,
Где грудобрюшной преградой охвачено плотное сердце.
Тот повалился, как валится дуб, иль серебряный тополь,
Или сосна, если плотник своим топором отточенным
Дерево срубит в горах, корабельные балки готовя.
Так Сарпедон пред конями своими лежал, растянувшись,
В пыль, обагренную кровью, со стоном впиваясь руками.
Так же, как схваченный львом острозубым, ворвавшимся в стадо
Медленноногих коров, отважный бык краснобурый
С яростным ревом под пастью ужасною льва погибает,
Так же и вождь щитоносных ликийцев, сраженный Патроклом
Яростью полный, на помощь товарища звал дорогого:

«Милый Главк, меж мужами боец! Ты особенно должен
Быть копьеборцем сегодня и воином самым отважным!
Если ты храбр, то да будет война тебе нынче желанной!
Прежде всего обойди предводителей храбрых ликийцев,
Пусть они тотчас же бросятся в бой выручать Сарпедона.
Выйди и сам за меня губительной медью сражаться.
Я для тебя навсегда поношеньем и срамом останусь,
Даже на самые дни отдаленные, если ахейцы
Снимут доспехи с меня, в корабельном погибшего стане.
Крепко и сам ты держись и народ возбуждай на сраженье!»

Так говорил Сарпедон. И смертный конец ему быстро
Ноздри покрыл и глаза. На грудь наступивши ногою,
Вытащил пику Патрокл с грудобрюшной преградою вместе,
Душу и жало копья одновременно вырвав из тела.
Там же тотчас мирмидонцы коней изловили храпящих,
В бегство готовых пуститься, покинув свою колесницу.

Главка при голосе друга ужасное горе объяло.
Сердце кипело в груди, что на помощь прийти он не может.
Стиснул руку ладонью. Большой его мучила болью
Рана, какую нанес, при его нападеньи на стену,
Тевкр Теламоний стрелою, беду от друзей отражая.
В жаркой молитве воззвал к дальнострельному он Аполлону:
«Слух преклони, о владыка! В краю ль плодоносном ликийском,
В Трое ль находишься ты,— отовсюду ты можешь услышать
Мужа, объятого скорбью, какая меня удручает.
Рана моя тяжела. Вокруг нее острые боли
Руку пронзают мою. Все время не может подсохнуть
Кровь, что из раны струится. Плечо у меня онемело.
Крепко держать не могу я копья, не могу на врага я
Выйти. В бою между тем погиб выдающийся воин —
Зевса сын Сарпедон. Не помог Громовержец и сыну!
Ты же, владыка, молю, исцели эту тяжкую рану,
Боли мои успокой, дай силу, чтоб мог возбудить я
Созванных мною ликийских товарищей к битве упорной,
Также чтоб мог я и сам за тело погибшего биться!»

Так он молился. И Феб-Аполлон ту молитву услышал.
Боли тотчас прекратил и на главковой ране тяжелой
Черную высушил кровь и дух его силой наполнил.
С радостью в сердце почувствовал Главк ободренный, что скоро
Был в молитве своей он богом великим услышан.
Прежде всего, обойдя предводителей рати ликийской,
За Сарпедона их всех побудил он идти на сраженье.
После того и к троянцам пошел он, широко шагая,—
К Пулидаманту, Панфоеву сыну, к вождю Агенору,

К Гектору в медных доспехах и к сыну Анхиза Энею.
Близко он к ним подошел и слова окрыленные молвил:
«Гектор, совсем ты сегодня забыл о союзниках ваших!
Ради тебя, далеко от друзей и от родины милой,
Дух они губят в боях, а ты защищать их не хочешь.
Пал Сарпедон, предводитель ликийских мужей щитоносных,–
Он, охранявший Ликию и силой своею, и законом.
Медью покрытый Арес укротил его пикой Патрокла.
Негодованью отдайтесь, друзья, обступимте тело,
Чтобы не сняли доспехов с него мирмидонцы и трупа
Не осквернили, питая к нам гнев за данайцев, которых
Копьями мы перебили так много пред их кораблями!»

Так он сказал. Охватила троянцев до самого сердца
Невыразимая скорбь: защитою города был он,
Хоть чужеземец; на помощь троянцам с собою привел он
Много бойцов и сам между ними в боях отличался.
Тотчас яростно все на данайцев ударили. Вел их
Гектор, за гибель гневясь Сарпедона. Сынов же ахейских
В битву отважное сердце вело Менетида Патрокла.
Прежде всего он Аяксам сказал, без того уж горевшим:
«Нынче, Аяксы, должны бы желать вы сражаться не хуже,
Чем вы доселе сражались иль, может быть, даже и лучше.
Пал человек, через стену ахейцев прорвавшийся первым,
Пал Сарпедон! Вот бы нам завладеть им, над ним надругаться
С плеч доспехи сорвать и кого-нибудь там из ликийцев,
Обороняющих тело, смирить беспощадною медью!»

Так он сказал. Но Аяксы и сами рвалися сражаться.
После того как с обеих сторон укрепили фаланги
Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
В яростной схватке они вкруг тела убитого сшиблись
С криком ужасным. Звенели доспехи бойцов от ударов.
Гибель несущую ночь распростер над сраженьем Кронион,
Чтобы губительный битвенный труд разгорелся над сыном.

Трои сыны потеснили сперва быстроглазых ахейцев.
Был поражен человек не из худших среди мирмидонцев,
Муж Епигей богоравный, рожденный на свет Агаклеем.
Царствовал в городе он хорошо населенном Будее
Раньше. Потом же, лишив благородного сродника жизни,
Он за защитой к Пелею прибег с среброногой Фетидой.
Те же его с Ахиллесом, фаланг разрывателем грозным,
В конебогатую Трою послали с троянцами биться.
Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
В голову камнем ударил. Она пополам раскололась
В шлеме тяжелом. Ничком Епигей повалился на землю.

Дух разящая смерть разлилася вокруг Епигея.
Горе Патрокла взяло о погибшем товарище милом.
Он сквозь передние прямо помчался ряды, словно ястреб,
Быстро несущийся следом за галками или скворцами.
Так же и ты, быстроконный Патрокл, на троян и ликийцев
Прямо помчался вперед, за товарища гневом пылая.
Он Сфенелая сразил, Ифеменова милого сына;
Камнем ударивши в шею, на ней перервал сухожилья.
Быстро троянцы и Гектор назад отступили,— настолько,
Сколько проносится длинный метательный дротик обычно,
Если его человек испытать пожелал в состязаньи
Или в сраженьи с врагами; назад на такое пространство
Трои сыны отступили, данайцы ж вперед подалися.
Главк между тем, предводитель ликийцев воинственных, первый
Вдруг повернувшись, убил Бафиклея, великого духом,
Милого сына Халкона. В Элладе он жил и богатством
Меж мирмидонцев других выдавался и всякой удачей.
Главк, повернувшись внезапно, в средину груди Бафиклея
Пикой ударил, когда он в погоне его настигал уж.
С шумом упал он. Глубокая скорбь охватила ахейцев:
Доблестный пал человек. Троянцев же радость объяла.
Остановились они и сомкнулись вкруг Главка. Ахейцы
Доблести не забывали и силу несли на троянцев.
Тут Мерион поразил Лаогона, троянского мужа,
Духом отважного сына Онетора; был тот Онетор
Зевса Идейского жрец и, как бог, почитался народом.
В челюсть под ухо его поразил он. И быстро от членов
Дух отлетел, и грозная тьма Лаогона покрыла.
Тут же Эней в Мериона метнул медножальную пику:
Думал попасть он в него, под щитом выступавшего крепким.
Но, уследивши удар, Мерион увернулся от пики,
Быстро нагнувшись вперед, позади его острая пика
В землю вонзилась, и долго качалося в воздухе древко.
Но, наконец, истощил кровожадный Арес его силу.
Мимо копье пролетело и в землю впилось, сотрясаясь,—
Брошено было без пользы оно многомощной рукою.
Гневом охваченный, громко Эней закричал Мериону:
«Скоро б тебя, Мерион, хоть плясун ты и очень искусный,
Пика моя навсегда успокоила, если б попал я!»

Славный копьем Мерион Энею сказал, возражая:
«Очень, Эней, нелегко для тебя, как бы ни был могуч ты,
Силу у всех погасить, кто выйдет сразиться с тобою.
Думаю я, что и ты ведь на свет не бессмертным родился.
Если б и я тебе в грудь угодил заостренною медью,
Как ни могуч, как в руке ни уверен ты, все-таки славу
Я получил бы, а душу твою — Аид конеславный».

Так говорил он. Патрокл закричал Мериону с упреком:
«Доблестен ты, Мерион, но зачем ты так много болтаешь?
Милый! Словами обидными ты не заставишь троянцев
Тело отдать нам. Земля до того еще многих покроет.
Дело в сраженьях руки решают, слова — в совещаньях!
Нечего много речей разводить, а давай-ка сражаться!»

Так он сказал и пошел, а следом и муж богоравный.
Как поднимается шум при работе мужей-лесорубов
В горных долинах и можно услышать его издалека,
Так по широкодорожной земле разливалось звучанье
Меди, и кожи, и крепких щитов, приготовленных прочно,
Яро разимых ударами пик и мечей отточенных.
Богоподобного тут Сарпедона навряд ли узнал бы
Самый догадливый муж, до того с головы до носков он
Стрелами весь был усеян, запачкан и кровью, и пылью.
Труп облепили бойцы, как на скотном дворе облепляют
Полный подойник немолчно жужжащие в воздухе мухи
В вешнюю пору, когда молоко наливают в сосуды.
Так и бойцы облепили убитого. Зевс промыслитель
Не отводил от героев сражавшихся светлого взора.
Жадно все время за битвой следя, об убийстве Патрокла
Много раздумывал в духе своем он, в решеньи колеблясь,
Сделать ли так, чтоб вблизи Сарпедона, подобного богу,
Тут же медью смирил и Патрокла блистательный Гектор
В схватке кровавой и с плеч его славные снял бы доспехи,
Или чтоб труд боевой еще многим Патрокл увеличил.
Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:
Чтобы товарищ лихой Ахиллеса, Пелеева сына,
Рать конеборных троянцев и Гектора в медных доспехах
К городу снова погнал и дыханье отнял бы у многих.
Гектору прежде всего малодушие в сердце вложил он.
На колесницу взойдя, обратился он в бегство и прочим
Крикнул бежать: весы священные Зевса познал он.
Тут и ликийцы в бою не остались могучие, в бегство
Все обратились, когда увидали царя пораженным
В сердце, средь кучи убитых; вокруг него много погибло
Воинов храбрых с тех пор, как простер эту распрю Кронион.
Быстро сорвали доспех с сарпедоновых плеч мирмидонцы,—
Медный, блистающий ярко. Его к кораблям изогнутым
Отдал друзьям отнести Менетиев сын многомощный.

Тучегонитель Зевес обратился тогда к Аполлону:
«Вынеси, Феб дорогой, из-под копий и стрел Сарпедона,
Тщательно кожу очисти от черной запекшейся крови,
Тело подальше снеси и, омывши речными струями,
Смазав амвросией, платьем одень его вечно нетленным.

Все это сделавши, взять поручи его быстрым вожатым
Смерти и Сну, близнецам, чтоб они поскорей Сарпедона
В край отнесли плодоносный, в пространную землю ликийцев.
Там его братья и близкие все похоронят, воздвигнув
Холм погребальный и столб, как честь воздается умершим».

Так он сказал. Аполлон непослушен родителю не был.
Быстро с Идейских вершин спустился в ужасную сечу,
Вынес тотчас из-под копий и стрел Сарпедоново тело,
Дальше от боя унес и, омывши речными струями,
Смазав амвросией, платьем одел его вечно нетленным.
Все это сделавши, взять поручил его быстрым вожатым
Смерти и Сну, близнецам, чтоб они поскорей Сарпедона
В край отнесли плодоносный, в пространную землю ликийцев.

В это время Патрокл, понукая коней и возницу,
Гнал пред собой в ослепленьи великом троян и ликийцев.
Если бы следовал он наставленьям Пелида, безумец,
Злого жребия черной погибели он избежал бы.
Воля Зевса, однако, сильнее всегда, чем людская.
Храброго мужа ввергает он в страх и победы лишает
Очень легко, а иной раз и сам побуждает сражаться.
Так и теперь он воинственный дух возбудил у Патрокла.

Кто же был первый и кто был последний, кого умертвил ты
После того, как уж к смерти, Патрокл, тебя боги призвали?
Прежде всего — Адреста, потом Автоноя, Ехекла,
Также Перима, Мегада, Епистора и Меланиппа,
После того — Еласа и Мулия вместе с Пилартом:
Этих убил он. Другие ж о бегстве подумали каждый.

Высоковратную Трою тогда же руками Патрокла
Взяли б ахейцев сыны,— так бешено пикой он бился,—
Если бы Феб-Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя, троянцам же помощь готовя.
Трижды на выступ высокой стены Менетид поднимался,
Трижды оттуда обратно отбрасывал Феб Менетида,
В ярко блистающий щит ударяя бессмертной рукою.
Но лишь в четвертый он раз устремился, похожий на бога,
Голосом страшным ему загремел Аполлон дальновержец:
«Богорожденный Патрокл, отступи! Не тебе твоей пикой
Город отважных троянцев назначено роком разрушить,
Ни самому Ахиллесу, хоть он тебя много сильнее!»

Так он сказал. И Патрокл отступил намного обратно,
Гнева желая избегнуть далеко разящего Феба.

Гектор в скейских воротах сдержал лошадей своих быстрых.
Он колебался — назад ли в толпу их погнать, чтоб сражаться,
Или отдать приказанье народам к стене собираться.
Так размышлял он, когда Аполлон перед ним появился,
Образ цветущий приняв молодого, могучего мужа
Асия; Гектору дядей по матери он приходился,
Братом родным приходился Гекубе и сыном — Диманту,
Жившему в крае Фригийском вблизи сангарийских течений.
Образ принявши его, сказал Аполлон дальновержец:
«Гектор, ты бой прекратил? Не должно бы так тебе делать!
Будь я сильнее тебя, насколько тебя я слабее,
Скоро б раскаялся ты, что окончил кровавую битву!
Ну-ка, направь на Патрокла коней своих крепкокопытных,
Может, его ты сразишь и даст Аполлон тебе славу».

Молвил и снова к борьбе человеческой бог обратился.
Гектор могучий тотчас Кебриону отдал приказанье
Гнать на сраженье бичом лошадей. Аполлон, удалившись,
В толпах сражавшихся скрылся. Смятенье ужасное поднял
Он средь ахейцев, троянцам и Гектору славу готовя.
Гектор данайцев других оставлял, никого не сражая,
Прямо он гнал на Патрокла коней своих крепкокопытных.
Тотчас тогда и Патрокл соскочил с колесницы на землю
С пикою в левой руке. А правою поднял он камень,—
Мраморный камень большой, острозубый, всю руку занявший...
Бросил, напрягшись, его, и недолго летел он до мужа.
Не промахнулся могучий Патрокл. Кебриону, вознице
Гектора, вожжи в руках державшему, камнем зубристым
Прямо в лоб он попал,— побочному сыну Приама.
Брови камень сорвал, не выдержал череп удара,
Весь раскололся; упали на землю глаза Кебриона
В пыль пред ногами его. И сам, водолазу подобный,
Он с колесницы свалился, и дух его кости оставил.

Над Кебрионом смеясь, сказал ты, Патрокл конеборец:
«Право же, как человек этот легок! Как ловко ныряет!
Если бы на море, рыбой обильном, он вдруг очутился,
Многих сумел бы насытить он, устриц ища, для которых
Прыгал бы в море с судна, как бы ни было море сердито,
Так же легко, как и здесь, на земле, он нырнул с колесницы!
Кто бы подумал, что есть водолазы и между троянцев!»

Так промолвивши, бросился он к Кебриону герою
Бурный, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь стрелой поражен и бесстрашием сам себя губит.
Так же и ты, Патрокл, на убитого кинулся жадно.

Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю.
За Кебриона, как львы, меж собой они в битву вступили,
Что на вершине горы за убитого кем-то оленя,—
Оба голодные, яростный бой меж собой начинают.
Так над убитым бойцом возбудители бранного клика
Храбрый Патрокл, Менетиев сын, и блистательный Гектор
Тело рвались друг другу пронзить беспощадною медью.
Гектор за голову труп ухватил и держал его крепко,
Сын же Менетиев за ногу влек. А кругом остальные
Трои сыны и данайцы могучую начали битву.

Так же, как ветры восточный и южный, в борьбе соревнуясь,
В горных долинах леса заставляют дрожать и клониться,—
Ясени, крепкие буки и дерен густой гладкоствольный;
Длинными бьются ветвями все время они друг о друга
С шумом ужасным; и с треском деревья ломаются всюду,—
Так и троянцы сшибались с ахейцами и беспощадно
С ними сражались. Никто о гибельном бегстве не думал.
Много вокруг Кебриона отточенных копий вонзалось,
Стрелы крылатые часто с тетив вылетали упругих,
Много огромных камней о щиты ударялося с громом
В битве вкруг тела его. А он, широко распростершись,
В пыльном лежал урагане, забыв об искусстве возницы.

Долго, покамест средь неба высокое солнце стояло,
Острые копья и стрелы летали, народ поражая.
Но лишь склонилося солнце к поре, как волов распрягают,
Храбрость ахейцев, судьбе вопреки, одолела троянцев.
Труп Кебриона героя они увлекли из-под копий
Яро кричавших троянцев и с плеч его сняли доспехи.

Беды готовя троянцам, на них Менетид устремился.
Трижды бросался Патрокл, быстротою подобный Аресу,
С криком ужасным, и трижды по девять мужей убивал он.
Но лишь в четвертый он раз устремился, похожий на бога,—
Тут, Патрокл, для тебя наступило скончание жизни!
Вышел навстречу тебе Аполлон средь могучего боя,—
Страшный. Но в давке Патрокл не узнал подходившего бога:
Мраком великим укрытый, шагал он навстречу Патроклу.
Стал позади и ударил в широкие плечи и спину
Мощной рукой. Завертелося все пред глазами Патрокла.
Сбил с головы его гривистый шлем Аполлон дальновержец:
Под ноги быстрым коням покатился со звоном и стуком
Шлем дырогласый героя. И грива его осквернилась
Черною кровью и пылью. Дотоле еще не бывало,

Чтоб коневласый тот шлем осквернялся когда-либо пылью.
На голове он сиял над прекрасным челом Ахиллеса,
Богу подобного мужа. Теперь его Гектору отдал
Зевс, чтоб он им покрывался: близка уж была его гибель.
Вся на куски у него разломалась огромная пика,—
Крепкая, тяжкая, медью сиявшая; с плеч его мощных
Щит широко окаймленный с ремнем повалился на землю;
Броню на нем распустил Аполлон повелитель, сын Зевса.
Ум у него помутился, блестящие члены расслабли;
Ошеломленный, стоял он. Тут острою пикою сзади
В спину меж плеч изблизи поразил его воин дарданский
Сын Панфоя Евфорб. Меж сверстников он выдавался
Пикою, конской ездой и ногами, проворными в беге.
Сбросил уж двадцать бойцов с лошадей он в то время, как в битву
Выехал в первый же раз в колеснице, войне обучаясь.
Первый тебя он ударил копьем, Патрокл конеборец,
Но не убил, и назад убежал, и в толпу замешался,
Вырвав из раны свою ясеневую пику. Не смел он
И с безоружным Патроклом открыто сразиться. Патрокл же,
Бога ударом смирённый и острою пикой Евфорба,
Быстро назад удалился к друзьям, убегая от смерти.

Гектор, едва лишь увидел Патрокла, великого духом,
Острой сраженного медью, идущим из боя обратно,
Близко к нему подошел сквозь ряды и ударил с размаха
Пикою в низ живота и насквозь пронзил его медью.
С шумом упал он. Унынье великое взяло ахейцев.
Так же, как лев побеждает могучею силой своею
Неутомимого вепря, сойдясь с ним на горной вершине
В схватке за ключ маловодный; а хочется пить им обоим;
И задохнувшийся вепрь побеждается львом многомощным.
Так и убившего многих Менетьева храброго сына
Духа лишил, изблизи поразив его, Гектор могучий.
И, похваляясь, слова окрыленные Гектор промолвил:
«Ты, наверно, Патрокл, собрался уж наш город разрушить,
Женщин троянских хотел ты на ваших судах мореходных,
Дней их свободы лишив, увезти в отечество ваше.
Эх, ты, глупец! Ведь за них быстролетные Гектора кони
Биться летят, над землей расстилаясь; чтоб дней принужденья
Им не узнать, я и сам средь троянских мужей отличаюсь
Острою пикой. Тебя ж ястреба тут у нас растерзают!
Бедный! И сам Ахиллес не помог тебе, как ни могуч он!
Сам оставаясь, наверно, тебя наставлял он в дорогу:
«Ты у меня и не думай, Патрокл быстроконный, вернуться
Раньше к судам нашим быстрым, чем Гектору мужеубийце
Ты на груди не проколешь доспеха кровавого пикой!»
Так говорил он тебе, и послушался ты, безрассудный!»

В изнеможеньи ему отвечал ты, Патрокл конеборец:
«Что же, Гектор, хвались, величайся! Зевес с Аполлоном
Дали победу тебе. Но ведь боги меня победили.
Им это сделать легко. И доспехи они с меня сняли.
Если б и двадцать подобных тебе предо мною предстало,
Тут же погибли бы все, усмиренные пикой моею!
Гибельным роком сражен я и сыном Лето, а из смертных
Мужем Евфорбом, а ты только третьим удар мне наносишь.
Слово другое тебе я скажу, и подумай об этом:
Жить на земле и тебе самому остается недолго;
Близко уж смерть пред тобою стоит с могучей судьбою.
Должен ты пасть от руки Ахиллеса, Эакова внука!»

Так он сказал, и покрыло его исполнение смерти.
Члены покинув его, душа отлетела к Аиду,
Плачась на участь свою, покидая и крепость, и юность.
Но и к умершему слово промолвил блистательный Гектор:
«Что ты мне предвещаешь, Патрокл, недалекую гибель?
Может ли кто-нибудь знать, не Пелид ли, рожденный Фетидой,
Раньше погубит свой дух под острою пикой моею?»

Так он сказал и, ногой наступив на Патрокла, из тела
Вырвал копье, и спиною на землю с копья его сбросил.
Тотчас затем он с копьем устремился на Автомедонта,
Богоподобного мужа, возницу Эакова внука,
Чтобы убить. Но умчали того быстроногие кони,—
Кони бессмертные, дар от богов олимпийских Пелею.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

ПОДВИГИ МЕНЕЛАЯ

От руки Гектора погиб Патрокл. Это видит Менелай и бросается на защиту тела героя, одетого в доспехи Ахилла. Евфорба, посягнувшего снять доспехи с убитого, Менелай убивает. Гектору, однако, удается овладеть доспехами. Менелай отступает, но бой за тело Патрокла продолжается. Зевс окутывает сражающихся туманом. Троянцы пытаются унести тело в Трою, но Аякс отбивает его. На помощь Гектору и троянцам приходит Эней. Бушует бой вокруг тела Патрокла. Бессмертные кони Патрокла оплакивают гибель героя и вызывают сочувствие Зевса. Битва у тела Патрокла разгорается с новой силой, ибо в дело вмешались Афина и Аполлон. Аякс молит Зевса удалить туман. Менелай поручает Антихолу, сыну Нестора, сообщить Ахиллесу о смерти друга и возвращается, чтобы забрать тело в лагерь. Оба Аякса сдерживают натиск врагов.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУЖИЯ

Так наподобье пожара сраженье меж ними пылало.
Вестником на ноги быстрый пришел Антилох к Ахиллесу
И увидал: при ахейских судах прямороГих сидел он,
Духом предчувствуя то, что уже совершилось на деле.
Грустно вздохнувши, сказал своему он отважному сердцу:
«Что это там? Почему к корабельному лагерю снова
Длинноволосые наши ахейцы бегут в беспорядке?
Не принесли бы мне боги несчастья того, о котором
Мать наперед возвестила когда-то и мне рассказала:
Лучший среди мирмидонцев при жизни моей уже должен
С солнечным светом расстаться, сраженный руками троянцев.
Да неужели же умер Менетиев сын многомощный!
Ах, злополучный! А как я просил, чтоб, огонь отразивши,
Снова к судам он вернулся и с Гектором в бой не вступал бы!

В миг, как подобными думами дух волновал он и разум,
Нестора славного сын, проливая горячие слезы,
Близко к нему подошел и известие передал злое:
«Горе, Пелея отважного сын! От меня ты услышишь
Страшные вести, каким никогда не должно бы свершиться!
Пал Патрокл, и кипит над убитым кровавая битва,—
Голым уже! А доспех его снял шлемоблещущий Гектор».

Черное облако скорби покрыло Пелеева сына.
В горсти руками обеими взяв закоптелого пепла,
Голову им он посыпал, прекрасный свой вид безобразя.
Весь благовонный хитон свой испачкал он черной золою,
Сам же,— большой, на пространстве большом растянувшись,—
В серой пыли и терзал себе волосы, их безобразя.
Духом печалясь, рабыни, которых Пелид быстроногий
Добыл вместе с Патроклом, вопили, из ставки просторной
Выбежав и окружив Ахиллеса отважного; в груди
Все они били руками, колени у них подгибались.
Горько рыдал на другой стороне Антилох удрученный.
Руки держал он Пелида, стонавшего тяжко от скорби,
Сильно боясь, чтоб железом себя не резнул он по горлу.
Страшно рыдал Ахиллес. И владычица мать услыхала,
Сидя в морской глубине у родителя — старца Нерея.
Громко Фетида сама завопила. Собрались богини,—
Все нереиды, что жили в глубинах шумящего моря.
Главка в числе их была, и Фалеия, и Кимодока,

Фоя, Несая, Спейо и Галия с глазами коровы,
Следом за ними Актея пришла, Кимофоя, Мелита,
И Лимнорея, Иайра с Агавою и Амфифоей,
Также Дото и Прото с Ферусою и Денаменой,
Каллианейра пришла с Дексаменою и Амфиномой,
Славная меж нереид Галатея, Дорида, Панопа,
Калианасса пришла с Немертеею и Апсейдеей,
Также Климена пришла, Ианейра и с ней Ианасса,
Мэра, в роскошных кудрях Амафия, при ней Орейфия
И нереиды другие, что в безднах морских обитали.
Ими блестящий наполнился грот. И богини все дружно
В груди себя ударяли, Фетида же плач зачинала:
«Слушайте, сестры мои нереиды, чтоб, выслушав, все вы
Точно узнали, какие печали мой дух угнетают.
Горе мне, бедной, родившей героя злосчастного, горе!
Сына могучего я родила, безупречного сына,
Первого между героев. И рос он, подобно побегу.
Я воспитала его, как в саду деревцо молодое,
Я к Илиону послала его в кораблях изогнутых
Биться с сынами троянцев,— и он уж назад не вернется,
И уж навстречу ему я не выйду в Пелеевом доме!
Раз на земле он живет и видит сияние солнца,
Должен страдать он. Помочь я не в силах, хотя и пришла бы.
Все же пойду, чтобы сына хотя увидать и услышать,
Что за несчастье постигло его, не причастного к бою».

Так им сказавши, пещеру Фетида оставила, с нею
Сестры, рыдая, спешили. Вкруг них разбивалися с шумом
Волны морские. Достигнув троянской земли плодородной,
Вышли одна за другою на берег они, где стояли
Вкруг корабля Ахиллеса другие суда мирмидонцев.
Стала владычица-мать пред тяжко стонавшим Пелидом.
Голову с горестным воплем ему охватила руками
И в огорченье к нему обратилась с крылатою речью:
«Что ты, дитя мое, плачешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? Не скрывай, расскажи. Ведь исполнил Кронион
Просьбу, с какою к нему обратился ты, руки воздевши:
К самым кормам корабельным сыны добежали ахейцев,
Помощи жаждут твоей и великие бедствия терпят».

Матери, тяжко вздыхая, сказал Ахиллес быстроногий:
«Мать моя! Да, Олимпиец все то, что просил я, исполнил.
Мало, однако, мне радости в том, если милый товарищ,
Если Патрокл мой погиб! Его почитал я всех больше,
Им, как своей головой, дорожил. И его погубил я!

Гектор, убивши, доспех с него снял превосходный, огромный,
Диво для взоров,— блистательный дар от бессмертных Пелею
В день, как тебя на постель они бросили смертного мужа.
О, почему не осталась ты жить меж богинями моря!
О, почему и Пелей не избрал себе смертной супруги!
Вот и теперь ожидает тебя бесконечное горе
О погибающем сыне, которого ты не увидишь
В доме отеческом, ибо мне дух мой никак не позволит
Жить и общаться с людьми, пока ненавистный мне Гектор
Первым под пикой моей не погибнет и дух не испустит,
За ограбленье его заплативши мне страшную пеню!»

Сыну в ответ, заливаясь слезами, сказала Фетида:
«Близок же, сын мой, твой смертный конец, если так
говоришь ты!
Тотчас за Гектором вслед и тебе ведь конец уготован!»

В сильной печали в ответ ей сказал Ахиллес быстроногий
«Рад умереть я сейчас же, когда от опасности смертной
Друга не мог защитить я! Далеко от родины милой
Пал он,— и в этой беде я на помощь ему не явился!
В милую землю родную обратно уж я не вернуся,
И ни Патроклу я светом не стал, ни товарищам прочим,
Всем тем многим, которых избил шлемоблещущий Гектор.
Праздный, сижу у судов я, земли бесполезное бремя,—
Я, сильнее которого нет никого меж ахейцев
В битве, хотя на собраниях есть и другие получше.
О, да погибнет вражда средь богов и средь смертных, и с нею
Гнев да погибнет, который и мудрых в неистовство вводит!
Много слаще, чем мед, стекает он в грудь человека,
После того же все больше в груди разрастается дымом.
Так и меня вот разгневал владыка мужей Агамемнон.
Но, как бы ни было горько, об этом теперь мы забудем,
Пред неизбежностью дух свой в груди укротив поневоле.
Против губителя мне дорогой головы выхожу я,—
Гектора! Смерть же без страха приму я, как только ее мне
Зевс пожелает послать и другие бессмертные боги.
Смерти не мог избежать и Геракл многомощный, который
Был наиболее дорог владыке Крониону-Зевсу:
Все-таки Геры вражда и судьба одолели Геракла.
Так же и я, если доля такая меня ожидает,
Лягу мертвым. Но нынче уж славу себе я добуду.
Многих жен полногрудых,— троянок, а также дарданок,
Многих заставлю я слезы руками обеими с нежных
Щек своих вытирать, исходя в громогласных рыданьях!
Скоро увидят, что долгие дни отдыхал я от боя!
И не удерживай, мать, как ни любишь! Ничем не преклонишь!»

Сереброногая так отвечала Фетида богиня:
«Что же, все это верно, мой сын дорогой! Благородно
Быструю смерть отражать от товарищей, в битве теснимых.
Но ведь доспехом прекрасным твоим овладели троянцы,
Медным, блестящим. На плечи надев, шлемоблещущий Гектор
Им величается ныне, хотя, полагаю, не долго
В нем красоваться придется ему: уж близка его гибель.
Ты же, сын мой, смотри, не бросайся в аресову свалку
Прежде, чем вновь у себя ты меня не увидишь глазами.
Завтра сюда с восходящим я солнцем к тебе возвращуся
И принесу от владыки Гефеста доспех превосходный».

Кончивши так, отвернулась Фетида от милого сына
И обратилась к морским своим сестрам с такими словами:
«Вы погрузитесь теперь в широкое лоно морское
И, повидавши там старца морского в родительском доме,
Все расскажите ему. А я на Олимп многоглавый
К мастеру славному тотчас отправлюсь, к владыке Гефесту,
С просьбой, чтоб сделал он сыну доспехи, достойные славы».

Так им сказала. И в волны морские они погрузились.
Мать же Пелида сама направила путь свой к Олимпу,
Чтоб принести от Гефеста оружие милому сыну.

Ноги богиню несли на Олимп. Между тем аргивяне
С криком ужасным бежали пред Гектором мужеубийцей
И к берегам Геллеспонта домчались, к судам своим быстрым.
Не удалось бы уж больше красивопоножным ахейцам
Из-под обстрела увлечь Ахиллесова друга Патрокла,—
Ибо настигли опять его тело и люди, и кони
С Гектором, сыном Приама, похожим на бурное пламя.
За ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
Тело желая увлечь и троянцев зовя на подмогу.
Гектора трижды Аяксы, дышавшие бурною силой,
Прочь отражали от трупа. Но, в силе своей убежденный,
Гектор упорно то в свалку бросался, то криком могучим,
Остановившись, своих ободрял. Отступать же не думал.
Так же, как рыжего льва пастухи полевые не в силах
Прочь отогнать от добычи, какую, голодный, поймал он,
Так же и оба Аякса воинственных были не в силах
Гектора, сына Приама, отбросить от тела Патрокла.
И овладел бы он им, и покрылся б великою славой,
Если бы схожая с ветром Ирида к Пелееву сыну
С вестью, чтоб выступил в битву, с Олимпа бегом не явилась
Тайно от Зевса и прочих бессмертных. Послала Ириду
Гера. Пред сыном Пелея предстала она и сказала:
«Встань поскорей, Пелеид, ужаснейший между мужами!

Тело Патрокла спаси! За него пред судами ахейцев
Бурная сеча пылает. Бойцы убивают друг друга.
Мужи-ахейцы хотят отстоять непременно Патрокла,
Мужи-троянцы в открытый ветрам Илион его тело
Рвутся увлечь. Упорнее прочих похитить Патрокла
Рвется блистательный Гектор. Он голову хочет Патрокла,
С нежной срубив ее шеи, на кол водрузить в Илионе.
Живо вставай же, не медли! Подумай, какой тебе будет
Стыд, если станет Патрокл игралищем псов илионских!
Страшный позор тебя ждет, если труп изуродован будет!»

К ней обратился тогда Ахиллес быстроногий с вопросом:
«Кем из богов ты, Ирида богиня, мне послана с неба?»
Скоростью равная ветру, ему отвечала Ирида:
«Гера меня посылает, преславная Зевса супруга,
Тайно. Об этом не знает ни Зевс, на высотах царящий,
Ни кто-нибудь из богов остальных, на Олимпе живущих».

Ей отвечая, промолвил тогда Ахиллес быстроногий:
«Как же я выйду на битву? Доспех мой в руках у троянцев.
Милая мать запретила мне в битву мешаться, доколе
Снова сюда не вернется, и я ее здесь не увижу.
Мне обещалась она принести от Гефеста доспехи.
Здесь же ничьих я не знаю, которые мог бы надеть я.
Мне б подошел только щит Теламонова сына Аякса.
Но ведь и сам он в передних рядах, полагаю я, бьется,
Острою пикой вкруг тела Патрокла врагов избивая».

Скоростью равная ветру, ему отвечала Ирида:
«Знаем и мы хорошо, что доспех твой в руках у троянцев.
Но подойди без оружья ко рву и врагам покажися.
Может быть, в ужас придут при твоем появленье троянцы,
Бой прекратят, и ахейцев сыны отдохнут хоть немного
От понесенных мучений: в сраженьях отдых недолог».

Так сказав, быстроногая прочь удалилась Ирида.
Встал Ахиллес, любимец Зевеса. Афина одела
Мощные плечи его эгидой бахромчатой Зевса.
Над головою сгустила богиня богинь золотое
Облако, вкруг самого же зажгла ослепительный пламень.
Так же, как дым, поднимаясь от города, всходит до неба
С острова дальнего, где осажден неприятелем город;
Меряясь в битве ужасной с врагами, весь день непрерывно
Граждане бьются со стен; но едва лишь закатится солнце,
Всюду огни зажигают сигнальные; свет их высоко
К небу вздымается вверх, чтоб соседи его увидали
И с кораблями своими на помощь пришли к осажденным,—

Так же и свет с головы Ахиллеса достиг до эфира.
За стену выйдя, он стал возле рва; но с войском ахейским
Он не мешался: разумный завет материнский он помнил.
Ставши близ рва, закричал; от себя и Паллада-Афина
Крикнула. Страшное вдруг охватило троянцев смятенье.
Так же, как трубные звуки далеко разносятся всюду,
Оповещая всех граждан о приступе вражьем на город,
Так далеко разносился и голос Эакова внука.
Медный голос его едва услыхали троянцы,
Дрогнуло сердце у всех. Повернули назад в колесницах
Быстрые кони, погибель грозящую духом почуяв.
В ужас возницы пришли, увидавши огонь неугасный
Над головой Ахиллеса Пелида, высокого духом,
Страшно пылавший; его разжигала Паллада-Афина.
Трижды ужасно над рвом закричал Ахиллес богоравный,
Трижды смешались фаланги троян и союзников славных.
Тут от своих колесниц и от копий своих же погибло
Лучших двенадцать троянских бойцов. Между тем аргивяне
С радостным духом Патрокла к себе увлекли из-под копий
И положили в носилки. Товарищи милые, плача,
Труп окружили. Меж ними шагал Ахиллес быстроногий.
Слезы горячие он проливал, на товарища глядя,
Острой пронзенного медью, лежавшего мертвым в носилках,—
Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

Неутомимому солнцу меж тем волоокая Гера
Против желанья его в Океан ниспуститься велела.
Скрылось солнце в волнах, и ахейцев божественных войско
Мощный бой и войну, всем ужасную, кончило тотчас.

Также с другой стороны и троянцы, ушедши из битвы,
От колесниц отпрягли своих лошадей быстроногих
И на собранье сошлись до того, как подумать о пище.
Стоя, держали троянцы совет; из них ни единый
Сесть не посмел. Ужасались они, что опять появился
Так уклонявшийся долго от битв Ахиллес быстроногий.
Пулидамант Панфоид рассудительный стал говорить к ним.
Только один между всеми смотрел и вперед, и назад он.
Гектору был он товарищ, в одну они ночь родилися;
Он выдавался речами, а Гектор — могучею пикой.
Доброжелательства полный, к собранию он обратился:
«Тщательно все обсудите, друзья мои. Я ж полагаю:
В город уйти мы должны и пред станом врагов на равнине
Не дожидаться священной зари: наши стены далеко.
В дни, как пылал этот муж к Агамемнону ярой враждою,
Легче намного нам было сражаться с сынами ахейцев.

Сам веселился я духом, пред станом ахейским ночуя,
Думал, что скоро судами двухвостыми мы овладеем.
Нынче же страшно боюсь быстроногого я Ахиллеса:
С духом безмерно могучим своим ни на миг не захочет
Он на средине равнины остаться, где мы и ахейцы
Поровну между собой разделяем Аресову ярость.
Будет борьбу он за Трою вести и за женщин троянских.
В город вернемся скорее! Послушайтесь! Будет ведь вот как:
Быстрого сына Пелея от битвы сейчас удержала
Ночь амвросийная. Если ж и завтра, нагрянув с оружьем,
Тут же застанет он нас,— не один Ахиллеса узнает!
С радостью тот возвратится в священную Трою, кто сможет
В бегстве спасенье найти. Растерзают немало троянцев
Хищные птицы и псы. Никогда б мне об этом не слышать!
Если, как нам ни горько, мы сделаем то, что сказал я,
Сами мы ночь проведем на площади. Городу ж стены,
Башни над ними и створы высоких ворот наших крепких,—
Длинные, гладкие, прочно сплоченные,— будут защитой.
Завтра же рано с зарей, в боевые облекшись доспехи,
Станем на башнях. И горе ему, если он пожелает,
От кораблей отойдя, под городом с нами сразиться!
Снова воротится он к кораблям, истомивши напрасно
Высокошеих коней, под стеной их гоняя без толку.
Внутрь же проникнуть за стены ему его дух не позволит,
Их не разрушит он. Быстрые псы его раньше изгложут!»

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Пулидамант! Очень мало приятно мне, что говоришь ты!
Ты предлагаешь назад нам вернуться и в городе скрыться.
Или сидеть, запершися в стенах, вам еще не постыло?
Прежде Приамову Трою священную смертные люди
Все называли согласно богатою золотом, медью.
Нынче сокровища все из домов совершенно исчезли.
Сколько во Фригию, сколько в чарующий край меонийцев
Продано наших сокровищ, пока был разгневан Кронион!
Ныне ж, в то время как раз, как сын хитроумного Крона
Дал мне славу добыть и к морю отбросить ахейцев —
Мыслей подобных, глупец, не высказывай перед народом!
Их никто не посмеет послушаться. Я не позволю!
Нет уж! Давайте исполним-ка лучше все то, что скажу я!
Ужинать сядьте сейчас, рассадившись везде по отрядам.
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Кто ж из троянцев чрезмерно богатством своим тяготится,
Пусть соберет и отдаст для народного общего пира;
Лучше, чтоб радость такую он дал не ахейцам, а нашим.
Завтра же рано с зарей, в боевые облекшись доспехи,
Мы пред судами ахейцев возбудим свирепую сечу.

Если и впрямь близ судов поднялся Ахиллес богоравный,
Хуже придется ему же, раз так пожелал он. А я уж
Не побегу перед ним, а навстречу пойду,— и увидим,
Он ли меня одолеет, иль я его, если сойдемся.
Равен для всех Эниалий: и губящих также он губит».

Так говорил он. И криком его поддержали троянцы.
Глупые! Разума их лишила Паллада-Афина.
Гектора все одобряли, хоть он и плохое придумал,
Пулидаманта — никто, хоть совет он давал превосходный.
Ужинать сели троянцы всем войском. Меж тем мирмидонцы
Целую ночь провели над Патроклом в стенаньях и воплях.
Громкий плач между ними зачал Ахиллес быстроногий.
Другу на грудь положив к убийству привычные руки,
Тяжко стонал он, подобно тому как лев бородатый
Стонет, если охотник из зарослей леса похитит
Львят его малых, а он, опоздавши, жестоко тоскует,
Рыщет везде по ущельям, следов похитителя ищет,
Чтобы на путь набрести. И берет его ярая злоба.
Так же стонал Ахиллес, говоря меж своих мирмидонцев:
«Горе! Слово пустое я выронил в день злополучный,
Как успокоить старался героя Менетия в доме!
Я говорил, что в Опунт приведу к нему славного сына
Трою разрушившим, долю свою получившим в добыче.
Но ожидания наши не все исполняет Кронион.
Тут же нам землю обоим судьбой суждено окровавить
Здесь, в троянской стране. В отчизну и я не вернусь.
В доме отцовском не встретит меня ни Пелей престарелый,
Ни моя мать. Но земля меня здесь на чужбине покроет.
Ныне же, раз я, Патрокл, позднее спущуся под землю,
Не погребу тебя раньше, чем голову сына Приама,
Гордого смертью твоей, с доспехом сюда не доставлю.
Возле костра твоего обезглавлю двенадцать я пленных
Трои прекрасных сынов, за убийство твое отомщая.
А до того будешь так ты лежать близ судов изогнутых.
Здесь полногрудые жены троянских мужей и дарданских
Будут и ночи, и дни над тобой заливаться слезами,—
Жены, которых мы силой и длинною пикой добыли,
Как разрушали с тобой города богатейшие смертных».

Так он сказал и товарищам дал приказанье поставить
Медный треножник большой на огонь, чтоб как можно скорее
Тело Патрокла отмыли от пыли и сгустков кровавых.
Те, треногий котел на пылавшее пламя поставив,
Налили полный водою и дров под котел подложили.
Брюхо сосуда огонь охватил. Вода согревалась,
После того как она закипела в сверкающей меди,

Тело омыли они и обильно намазали маслом,
Девятилетнею мазью покрыли зиявшие раны
И, на кровать положив, полотном его мягким одели
От головы и до ног и белым покровом покрыли.
Ночь напролет, окружив Ахиллеса, Пелеева сына,
Плакали горько над телом Патрокла сыны мирмидонцев.

Зевс же к Гере, сестре и супруге своей, обратился:
«Ну, ты добилась, чего так желала, владычица Гера!
В бой быстроногого ты подняла Ахиллеса. Должно быть,
Длинноволосых ахейцев сама ты на свет народила!»

Зевсу на это в ответ волоокая Гера сказала:
«Как ты ужасен, Кронид! Ну, какие слова говоришь ты!
Может свободно любой человек замышлять на другого,
Хоть умереть обречен и такого ума не имеет.
Я же, которая в праве считать себя первой богиней
С честью двойною: за род и за то, что твоею супругой
Я называюсь,— а ты над бессмертными властвуешь всеми,—
Как же, гневясь на троянцев, для них не готовить мне бедствий?»

Так меж собою вели разговоры бессмертные боги.
Дома владыки Гефеста достигла богиня Фетида,—
Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших меж остальными,
Медных, которые сам для себя кривоногий построил.
Потом весь обливаясь, Гефест пред мехами вертелся
В спешке горячей: готовил он двадцать треножников разом,
Чтоб их расставить вдоль стен своего благозданного дома.
К ножкам треножников он золотые приделал колеса,
Чтобы в собранье богов они сами собою катились
И чтобы сами домой возвращалися, взорам на диво.
В этом они уже были закончены. Не было только
Ручек красивых; готовил Гефест их и гвозди ковал к ним.
Полный творческих мыслей, трудился он. В это-то время
К дому его подошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, в покрывале блестящем Харита,
Прелести полная: мужем ей был хромоногий искусник.
За руку гостью взяла, называла и так говорила:
«Что ты, длинноодеждная, в дом наш приходишь, Фетида,
Чтимая, нам дорогая? Не часто ты нас навещаешь!
Милости просим, войди, чтоб могла тебя угостить я».

Так говорила, вводя ее дальше во внутренность дома.
Там усадила Фетиду на кресле серебряногвоздном,
Сделанном очень искусно; была и для ног там скамейка;
Кликнула громко Гефеста и с речью к нему обратилась:
«Выйди сюда к нам, Гефест! Для чего-то ты нужен Фетиде».

Ей ответил тогда знаменитый хромец обеногий:
«Как? У меня, в нашем доме, достойная чести богиня,
Та, что спасла меня в час, как, сброшенный с неба, страдал я
Волею матери, Геры бесстыдной! Был хром я, и это
Скрыть захотелось ей. Много бы тут настрадался я, если б
В бухте меня не укрыли Фетида, а с ней Еврinома,—
Дочь Океана, в себя же текущего кругообразно.
Девять годов украшенья различные я им готовил,—
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья,
Сидя в глубокой пещере; вокруг Океан бесконечный,
Пеной играя, шумел и бежал. Обо мне ни единый
Ни из бессмертных богов, ни из смертных людей там не ведал,
Кроме одних только спасших меня Евриномы с Фетидой.
В дом наш сегодня приходит она! И обязан отдать я
Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.
Ну-ка, поставь перед нею теперь угощенье получше,
Я же пока отложу и меха, и другие орудья».

Чудище чудищем, от наковальни, сопя, поднялся он,
Сильно хромая, шатаясь на слабых ногах. Отодвинул
В сторону, прочь от горнила, меха и заботливо спрятал
Все инструменты, какими работал, в серебряный ящик.
Губкою после того обтер запотевшие щеки,
Обе руки, волосатую грудь и могучую шею,
И облачился в хитон, и с толстою палкой, хромая,
Двинулся к двери. Навстречу ему золотые служанки
Вмиг подбежали, подобные девам живым, у которых
Разум в груди заключен, и голос, и сила,— которых
Самым различным трудам обучили бессмертные боги.
Под руки взяли владыку служанки, и он, колыхаясь,
К месту побрел, где Фетида сидела в блистающем кресле.
За руку взял он ее, и по имени назвал, и молвил:
«Что ты, длинноодеждная, в дом наш приходишь, Фетида,
Чтимая, нам дорогая? Не часто ты нас навещаешь!
Что тебе нужно, скажи! Исполнить велит мое сердце,
Если исполнить могу я и если исполнить возможно».

Слезы из глаз проливая, ему отвечала Фетида:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь, на Олимпе живущих,
Столько в сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько страданий меж всеми лишь мне ниспослал Громовержец!
Только меня средь морских он богинь подчинил человеку —
Сыну Эака Пелею. И ложе терпела я мужа,
Вовсе того не желая. Охваченный старостью жалкой,
В доме лежит он, бессильный. Но скорбь у меня и другая.
Сына родить и взлелеять мне дал наш родитель Кронион,
Первого между героев. И рос он, подобно побегу.

Я воспитала его, как в саду деревцо молодое,
Я к Илиону послала его в кораблях изогнутых
Биться с сынами троянцев,— и он уж назад не вернется,
И уж навстречу ему я не выйду в Пелеевом доме!
Раз на земле он живет и видит сияние солнца,
Должен страдать он. И как, хоть пришедши, ему помогу я?
Девушку ту, что ему присудили ахейцы в добычу,
Вырвал обратно из рук у него Агамемнон владыка.
Сердце себе сокрушил он, печалясь о ней. А данайцев
К самым судам оттеснили троянцы и выйти из стана
Им не давали. Молили старейшины воинств ахейских
Сына и много даров перед ним перечислили славных.
Сам он хотя защитить от беды их тогда отказался,
Но, одевши в доспех свой Патрокла, его на поддержку
В битву отправил, большое ему предоставивши войско.
День напролет неустанно у Скейских ворот они бились
И овладели бы Троей тогда ж, но героя Патрокла,
Много троянцам принесшего бед, Аполлон дальновержец
В первых рядах умертвил и Гектору славу доставил.
Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю:
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном,
Шлем ему дашь густогривый, и щит, и поножи, и панцирь.
Свой потерял он, отдав его другу, который врагами
Был умерщвлен. А сам он лежит на земле и тоскует».

Ей знаменитый хромец обеногий немедля ответил:
«Можешь, богиня, совсем не заботиться больше об этом.
О, если б сына Пелея, когда ему время настанет,
Мог бы от смерти ужасной избавить я так же успешно,
Как ему славные сделать могу я доспехи, которым
Многие смертные, кто б ни увидел их, будут дивиться».

Так он сказал, и оставил ее, и к мехам обратился.
Их на огонь он направил и действовать дал приказанье.
Сколько их было, все двадцать мехов задышали в горнило
Разнообразнейшим, сильно огонь раздувавшим дыханьем,
Те — помогая, когда он спешил, а другие — иначе,
Как желалось Гефесту, чтоб дело закончить получше.
Несокрушимой он меди и олова бросил в горнило,
Ценного золота и серебра. Наковальню большую
Прочно приладил к широкой подставке и в правую руку
Молот огромнейший взял, а в левую — крепкие клещи.

В первую очередь выковал щит он огромный и крепкий,
Всюду его изукрасив; по краю же выковал обод
Яркий, тройной; и ремень к нему сзади серебряный сделал.
Пять на щите этом было слоев; на них он искусно
Много представил различных предметов, хитро их задумав.

Создал в средине щита он и землю, и небо, и море,
Неутомимое солнце, и полный серебряный месяц,
Изобразил и созвездья, какими венчается небо;
Видимы были Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Также Медведица — та, что еще называют Повозкой;
Ходит по небу она и украдкой следит Ориона
И лишь одна непричастна к купанью в волнах Океана.

Сделал два города смертных людей потом на щите он,
Оба прекрасные. В первом и пиршества были, и свадьбы.
Из теремов там невест провожали чрез город при свете
Факелов ярких, и звучный кругом гименей распевали.
Юноши в плясках кружились, и громко средь них раздавались
Звуки веселые флейт и форминг. И дивились на пляски
Женщины, каждая стоя в жилище своем на пороге.
Множество граждан толпилось на площади города. Тяжба
Там меж двоих из-за пени была за убитого мужа.
Клялся один пред народом, что все уже отдал другому,
Тот отрицал, чтоб хоть что получил от убийцы в уплату.
Оба они обратились к судье за решением дела.
Криками каждый кругом своему приходил на поддержку.
Вестники их успокоить старались. На тесаных камнях
В круге священном сидели старейшины рядом друг с другом.
В руку жезлы принимали от вестников звонкоголосых,
Быстро вставали и суд свой один за другим изрекали.
Два золотые пред ними таланта лежали в средине,
Чтобы тому передать их, кого они правым признают.

Город второй с обеих сторон осаждали два войска,
Ярко блистая оружьем. В решенье они колебались:
Или весь город разрушить, иль, сколько богатства хранится
В городе этом прелестном, на две разделить половины.
Те не сдавались еще и готовились к тайной засаде.
Стену, стоя на ней, охраняли их милые жены,
Дети, также мужчины, которыми старость владела,
Сами ж пошли. Во главе их — Арес и Паллада-Афина,
Оба из золота и в золотые одеты одежды,
Оба в оружье,— большие, прекрасные; истинно — боги!
Ясно заметные, люди вокруг были ниже намного.
К месту пришли, где всего им удобней казалась засада:
На берегу у реки, где обычно скотину поили.
Там они сели на землю, блестящей одетые медью.
Двое лазутчиков спереди сели, отдельно от войска,
И выжидали прихода овец и коров тяжконогих.
Вскоре они показались; свирелью себя услаждая,
Гнали спокойно их два пастуха, не предвидя коварства.
Те же, едва увидав, устремились на них из засады

И захватили коровьи стада и густые отары
Сереброрунных овец, а их пастухов перебили.
В стане, едва услыхала смятенье и шум возле стада
Стража, стерегшая площадь, тотчас на коней быстроногих
Все повскакали, помчались и, берега быстро достигнув,
К битве построились возле реки и в сраженье вступили.
Яро метали друг в друга блестящие медные копья.
Там и Смятенье, и Распри теснились, и грозная Кера;
Раненых жадно хватала она, и не раненых также,
За ноги трупы убитых из битвы свирепой тащила;
Кровью людскою вкруг плеч одежда ее обагрялась.
Воины в свалке, как будто живые, теснились и бились
И напрягались отнять друг у друга кровавые трупы.

Мягкую новь он представил еще, плодородную пашню,
Трижды взрыхленную плугом. И много на ней землепашцев
Гнало парные плуги, ведя их туда и обратно;
Каждый раз, как они, повернувши, к меже подходили,
В руки немедля им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подавал, подошедши. И пахари гнать продолжали
Борозду дальше, чтоб снова к меже подойти поскорее.
Поле, хотя золотое, чернелося сзади пахавших
И походило на пашню,— такое он диво представил.

Дальше царский участок представил художник искусный.
Острыми жали серпами поденщики спелую ниву.
Горсти колосьев одни — непрерывно там падали наземь.
Горсти другие вязальщики свяслами крепко вязали.
Трое вязальщиков возле стояли. Им мальчики сзади,
Спешно сбирая колосья, охапками их подносили.
На полосе между ними, держа в руке своей посох,
Царь молчаливо стоял с великою радостью в сердце.
Вестники пищу поодаль под тенью готовили дуба;
В жертву быка заколов, вкруг него суетились; а жены
Белое тесто месили к обеду работникам поля.

И виноградник с тяжелыми гроздьями там он представил,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись.
Из серебра были колья повсюду натыканы густо;
Черный ров по бокам; окружен оловянной оградой
Сад; чрез средину одна пролегает тропинка, которой
Ходят носильщики в пору, когда виноград собирают.
Девы и юноши там в молодом, беззаботном веселье
Сладостный плод уносили в прекрасно сплетенных корзинах.
Мальчик, идя между ними, на звонкоголосой форминге,
Всех восхищая, играл, воспевая прекрасного Лина
Нежным голосом. Те же за мальчиком следом спешили,
С присвистом, с пеньем и с топотом в лад, непрестанно танцуя.

Сделал потом на щите он и стадо коров прямороги́х;
Были одни золотые, из олова были другие;
С громким мычаньем они из загона на луг выходили
К берегу шумной реки, тростником поросшему гибким.
Вместе с коровами этими шли пастухи золотые,
Четверо; девять бежало собак резвоногих за ними.
Спереди два вдруг ужаснейших льва напали на стадо
И повалили быка; ревел и мычал он ужасно,
Львами влекомый; собаки и юноши мчались на помощь;
Оба льва, разорвав на огромном быке его кожу,
Жадно потрох глотали и черную кровь. Пастухи же
Тщетно старались на львов собак натравить резвоногих;
Слушаться их не хотели собаки и львов не кусали;
Близко подскочут, залают и тотчас назад убегают.
Пастбище сделал потом в прекрасной долине художник,
Стадо большое овец белорунных на пастбище этом,
Крытые там шалаши представил, загоны и хлевы,
Также площадку для плясок представил хромец обеногий,
Вроде такой, которую в Кносе пространном когда-то
Для Ариадны прекрасноволосой Дедал изготовил.
Юноши в хоре и девы, для многих желанные в жены,
За руки взявши друг друга, на этой площадке плясали.
Девушки были одеты в легчайшие платья, мужчины
В тканные прочно хитоны, блестевшие слабо от масла.
Девушки были в прекрасных венках, а у юношей были
Из серебра ремни, на ремнях же ножи золотые.
Быстро они на проворных ногах в хороводе кружились
Так же легко, как в станке колесо под рукою привычной,
Если горшечник захочет проверить, легко ли вертится.
Или плясали рядами, одни на других надвигаясь.
Много народу теснилось вокруг, восхищаясь прелестным
Тем хороводом. Певец же божественный пел под формингу,
Стоя в кругу хороводном; и только лишь петь начинал он,
Два скомороха тотчас начинали вертеться средь круга.

И, наконец, на щите этом прочном по самому краю
Он великую силу реки Океана представил.

После того, как щит он сковал, огромный и крепкий,
Выковал также и панцирь Гефест ему, ярче, чем пламя;
Крепкий сковал ему шлем, на висках прилегающий плотно,—
Пестрый, прекрасный; а гребень на шлеме из золота сделал.
После ему и поножи из гибкого олова создал.

Кончив доспехи ковать, знаменитый хромец обеногий
Взял и сложил их к ногам Ахиллесовой матери наземь.
Словно сокол, она с многоснежных вершин олимпийских
Кинулась, ярко блестящий доспех унося от Гефеста.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ГНЕВА

В платье шафранном Заря поднялася из струй Океана,
Чтобы свой свет принести бессмертным и смертным. Фетида,
Дар от бога неся, корабельного стана достигла.
Там она сына нашла. Над Патрокловым телом простершись,
Громко рыдал он. Вокруг и товарищи, стоя у тела,
Плакали. Стала меж ними богиня богинь, Ахиллеса
За руку нежно взяла, называла и так говорила:
«Этого, сын мой, оставим его мы лежать, как бы ни было горько
Нашему сердцу: по воле богов всемогущих погиб он.
Ты ж поднимись и прими Гефестов доспех достославный,
Дивный, какой никогда не сиял на плечах человека».

Так говорила она и доспех принесенный сложила
Пред Ахиллесом. И весь зазвенел он, сработанный дивно.
Вздрогнули все мирмидонцы, не мог ни один на доспех тот
Прямо взглянуть. Трепетали они. Ахиллеса ж сильнее
Гнев объял при виде доспеха. И заревом ярким
Вспыхнули страшно глаза из-под век. За доспех он схватился
И любовался в восторге подарком сияющим бога.
После того же, как всласть на изделье Пелид нагляделся,
Быстро слова окрыленные он своей матери молвил:
«Мать моя, это оружье — от бога! Лишь делом бессмертных
Быть оно может, не делом руки человека. Сейчас же
Я облекаюсь в него! Но ужасно меня беспокоит,
Как бы тем временем мухи, проникнув в глубокие раны,
Медью пробитые в теле Менетьева мощного сына,
Не народили червей. Они изуродуют тело:
Вырвана жизнь из него! И станет оно разлагаться».

Сереброногая тотчас ему отвечала Фетида:
«Можешь, сын, совсем не заботиться больше об этом.
Я от него отогнать постараюсь свирепые стаи
Мух, поедающих трупы мужей, умерщвленных в сраженьях.
Если бы даже лежал он в течение целого года,
Не изменилось бы тело и даже прекраснее б стало.
Ты ж благородных ахейцев скорей созови на собранье.
Всем объяви, что на сына Атрея ты гнев прекращаешь,
Вооружайся скорее на битву и силой оденься».

Так говорила и дух многодерзостный сыну вдохнула,
В ноздри ж Патрокла она амвросии с нектаром красным
Капнула, чтоб невредимым его оставалося тело.

Быстро по берегу моря пошел Ахиллес богоравный.
Криком, страх наводящим, героев он поднял ахейских.
Даже такие, что раньше всегда при судах оставались,
Кормчие, что на судах мореходных рулем управляли,
Кто продовольствием ведал и был раздавателем пищи,—
Все на собранье спешили, узнав, что Пелид быстроногий
Снова явился, так долго чуждавшийся горестной битвы.
Двое, хромая, брели,— служители бога Ареса,—
Сын боестойкий Тидея и царь Одиссей богоравный.
Шли, опираясь на копья: их раны еще не зажили.
Оба, придя на собранье, в переднем ряду поместились,
Самым последним пришел повелитель мужей Агамемнон,
Тяжкою раной страдая: и он середь схватки могучей
Пикою был поражен Антеноровым сыном Кооном.
После того же как все на собранье сошлися ахейцы,
С места поднявшись, пред ними сказал Ахиллес быстроногий:
«Стало ли так уж нам лучше, Атрид Агамемнон, обоим,
Мне и тебе, оттого, что за девушку,— пусть и с печалью,—
Дух разрушающей распре мы в гневе своем предалися?
Пусть бы ее на судах Артемида убила стрелою
В день, как Лирнесс разоривши, меж пленниц я девушку выбрал!
Сколько ахейских мужей земли не глодало б зубами,
Пав под руками троянцев, пока я упорствовал в гневе!
Гектору лишь и троянцам то было на пользу. Ахейцы
Долго, я думаю, будут раздор наш губительный помнить!
То, что случилось, оставим, однако, как ни было б горько.
Пред неизбежностью дух свой в груди укротим поневоле.
Гнев свой теперь на тебя прекращаю. Не следует злобы
В сердце упорно питать мне. Но вот что: как можно скорее
Длинноволосых ахейцев на бой возбуди жесточайший,
Чтобы изведать я мог, с врагами сойдясь,— и теперь ли
Возле судов ночевать они думают? Нет, я надеюсь!
Радостно каждый из них утомленные склонит колени,
Кто избежать нашей пики сумеет средь битвы кровавой!»

Радость большая объяла красивопоножных ахейцев,
Что, наконец, прекращает свой гнев Ахиллес крепкодушный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамемнон,
Не выходя на средину, а только поднявшись на месте:
«О дорогие герои данайцы, о слуги Ареса!
Вставшего следует слушать в молчанье и речи словами
Не прерывать: говорить так не смог бы и самый искусный.
Можно ль средь громкого шума людского что-либо услышать
Или сказать? Заглушается так ведь и громкий оратор!
С сыном Пелеевым я объяснюсь. А вы, остальные,
Слушайте слово мое и усвойте его хорошенько.
Очень часто ахейцы, сердясь, про меня говорили

И обвиняли меня. Но не я тут виновен, виновны
Зевс и Судьба, и Эриния, в мраке бродящая вечном.
Это они на собранье жестоко мой ум ослепили
В день тот, когда самовластно я взял у Пелида добычу.
Что ж бы я сделал? Свои божество ведь преследует цели,—
Ата, чтимая Зевсова дочь, которая в силах
Всех ослепить. У проклятой нежнейшие ноги. Не ходит
Ими она по земле — по людским головам выступает,
Ум затемняя людей. Уж один-то из нас ей попался!
Сам даже Зевс поддался ослепленью, хотя и сильнейший
Он, говорят, средь мужей и богов; но и Зевса-Кронида
Гера, хоть слабая, все же коварством своим обманула
Некогда, в день тот, когда предстояло Алкмене
Силу Геракла родить в стенами увенчанных Фивах.
Зевс говорил, уж заране хвалясь перед всеми богами:
«Слушайте слово мое, о боги, и вы, о богини!
Слушайте то, что в груди меня дух мой сказать побуждает:
Выведет на свет сегодня Илифия, помощь родильниц,
Мужа, который над всеми соседями властвовать будет,—
Родом из славных мужей, от крови моей происшедших!»

В сердце коварство тая, отвечала владычица Гера:
«Зевс! Обманешь и к речи своей не приложишь свершенья!
Ну-ка, решись,— поклянись, Олимпиец, великою клятвой,
Что над соседями всеми и вправду владыкою будет
Тот из смертных мужей, от крови твоей происшедших,
Кто, сегодня родившись, из женских выпадет бедер».

Так говорила. Кронион коварства ее не почуял.
Клятвой поклялся великой, и часто в том каялся после.
Гера же ринулась тотчас с высокой вершины Олимпа.
В Аргос ахейский примчалась; как было ей раньше известно,
Мощная там находилась жена Персеида Сфенела,
Милого сына во чреве седьмой лишь носившая месяц.
Вывела на свет младенца, хотя и незрелого, Гера,
Роды Алкмены замедлив и к ней не пустивши Илифий.
С вестью об этом сама к Громовержцу пришла и сказала:
«Зевс, отец яркомолненный! Слово вложу тебе в сердце:
Муж родился благородный, аргосцами будет он править.
То Еврисфей, Сфенелом рожденный, Персеевым сыном,—
Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный».

Острое горе глубоко проникло Крониону в сердце.
Ату немедля схватил он за голову в косах блестящих,
Злобою в сердце пылая, и крепкою клятвой поклялся,
Что никогда с этих пор на Олимп и на звездное небо
К ним не воротится Ата, которая всех ослепляет.

Так он сказал и, рукой размахнувшись, со звездного неба
Бросил ее. И упала она на работы людские.
Из-за нее-то всегда он вздыхал, наблюдая, как делом
Неподобающим был отягчен его сын Еврисфеем.
Так же и я вот: когда шлемоблещущий Гектор великий
Перед кормами судов истреблял беспощадно ахейцев,
Я забыть ослепленья не мог, овладевшего мною.
Раз же я был ослеплен, и Кронион мой разум похитил,
Дело хочу я исправить, бесчисленный дав тебе выкуп.
Но поднимайся на бой и других подними за собою.
Я же всегда предоставить готов те подарки, какие
В ставке твоей перечислил вчера Одиссей богоравный.
Если желаешь, сейчас подожди, хоть и рвешься в сраженье.
От корабля моего посланцы, доставши подарки,
Их принесут, чтоб увидел ты сам, как подарки те ценны».

Сыну Атрея в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«О многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Если желаешь, то, как подобало бы, дай мне подарки
Иль удержи. Это дело твое. А теперь мы о битве
Вспомним скорее! И нечего тут разговаривать долго!
Несовершенным еще остается великое дело!
Снова в передних рядах увидите вы Ахиллеса,
Пикой крушащего медной густые фаланги троянцев.
Пусть же и каждый из вас с троянцами встречными бьется!»

Сыну Пелея тогда сказал Одиссей хитроумный:
«Доблестен ты, Ахиллес, небожителям равный, однако
Не посылай к Илиону ахейцев на тощий желудок
Против троянцев сражаться. На очень немалое время
Сеча завяжется, раз уж взаимно сшибутся фаланги
Воинов, если исполнит их бог одинаковой силой.
Нет! Прикажи-ка ахейцам вблизи кораблей подкрепиться
Пищей, вином: ведь от них человеку и сила, и храбрость.
Кто бы смог из мужей, не поевши, сражаться с врагами
Целый день напролет, пока не закатится солнце?
Если бы даже он духом упорно стремился сражаться,
Все ж незаметно все члены его отягчит и захватит
Жажда и голод, и станут, лишь двинется, слабы колени.
Тот же, кто силы свои укрепил и вином, и едою,
День напролет со врагами сражаться готов непрерывно.
Сердце отважно в груди у него, и усталости члены
Не ощущают. И бой он последним из всех покидает.
Так распусти же народ, Ахиллес, и вели им готовить
Пищу, подарки ж свои повелитель мужей Агамемнон
Пусть в середину собранья доставит, чтоб все там ахейцы
Их увидали глазами, а ты веселился бы сердцем.

Пусть он поднимется здесь на собранье и даст тебе клятву,
Что на постель не всходил с Брисеидой и с ней не сближался,
Как установлен, владыка, закон для мужчин и для женщин.
Ты же дух свой в груди преклони, Ахиллес, к милосердью.
А Агамемнон тебя пусть почествует пиром обильным
В ставках, чтоб все ты имел, что тебе подобает по праву.
Ты, Атрид, и в глазах у других после этого станешь
Лишь справедливее. Нет для царя никакого позора,
Если он с мужем мирится, которого первый обидел».

Тотчас ответил ему повелитель мужей Агамемнон:
«Радуюсь я, Лаэртид, внимая речам твоим мудрым.
Все разобрал и о всем рассудил ты вполне справедливо.
Клятву дать я готов, и зовет меня к этому дух мой.
Ложно пред богом я клясться не буду. Прошу Ахиллеса:
Как бы он в бой не спешил, пускай подождет здесь немного;
Все подождите и вы, остальные, покамест из ставки
К нам не прибудут дары и клятв не заверим мы жертвой.
Дело я это тебе самому, Одиссей, поручаю.
В спутники юношей выбрав, знатнейших среди всех ахейцев,
С ними дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
Сам принеси с корабля моего и жен приведи к нам.
Ты же, Талфибий, скорей по пространному стану ахейцев
Мне кабана разыщи, чтоб зарезать Зевесу и Солнцу».

Сыну Атрея в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«О многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Можно об этом о всем позаботиться будет и позже,
После того как настанет в кровавом бою передышка
И бушевать не такая уж ярость в груди моей будет.
В поле, пронзенные медью, лежат еще мужи, которых
Гектор смирил Приамид, как Зевс даровал ему славу,—
Вы же нас оба зовете обедать! Иначе б я сделал:
Я приказал бы ахейским сынам натощак, не поевши,
Прямо в битву идти, а потом, с закатившимся солнцем,
Ужин богатый сготовить, когда отомстим за позор наш.
Прежде того никакая еда и питье никакое
В глотку мою не пойдут, перед телом убитого друга!
В ставке он у меня посредине, истерзанный медью,
К двери ногами лежит распростертый; его окружая,
Плачут товарищи. Нет! У меня в помышленьях не пища,
А лишь убийство да кровь и врагов умирающих стоны!»

Сыну Пелея в ответ сказал Одиссей хитроумный:
«Сын благородный Пелея, храбрейший меж всеми ахеец!
Много меня ты храбрее и много меня превосходишь
В битве копьем; но, с другой стороны, я тебя превзошел бы

Мыслью намного: я раньше родился и опытен больше.
Сердце терпеньем наполни и выслушай все, что скажу я.
Скоро сердца у людей пресыщаются битвой кровавой,
Если стеблей большинство уж разбросано медью по пашне,
Сбор же становится скудным, как только весы наклоняет
Зевс-Эгиох, войн неизменный вершитель.
Нет, не желудком должны сокрушаться о мертвых ахейцы:
Слишком много мужей ежедневно, одни за другими,
Гибнут. Ну, кто и когда бы успел отдохнуть от печали?
Должно земле предавать испустившего дух человека,
Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим.
Те же, которые живы от гибельных битв остаются,
Помнить должны о питье и еде, чтобы с большею силой,
Не уставая, могли мы все время сражаться с врагами,
Медью сияющей тело облекши. Пускай же не медлит
Больше никто из бойцов, дожидаясь другого приказа!
Вот вам приказ: кто останется здесь, при судах мореходных,
Плохо придется тому! Сомкнувши фаланги, ударим
На конеборных троянцев, возбудим жестокую сечу!»

Так сказал он и в спутники взял себе двух Несторидов,
Сына Филея Мегета, вождя Мериона, Фоанта,
И Ликомеда, Креонтом рожденного, и Меланиппа.
Быстро пошли они к ставке владыки, Атреева сына.
Было сказано слово, и тотчас сделано дело.
Семь обещанных взяли из ставки треножников, двадцать
Ярко блестящих котлов, двенадцать коней легконогих,
Семь также вывели женщин, искусных в прекрасных работах,—
Вывели и Брисеиду, румяную деву, восьмую.
Шел впереди Одиссей, отвесивший десят талантов
Золота, следом же юноши шли с остальными дарами.
Все в середине они разместили на площади. Тотчас
Встал Агамемнон. Талфибий, подобный по голосу богу,
С вепрем в руках подошел к владыке народов Атриду.
Вытащил быстро тогда Агамемнон свой ножик, который
Подле меча на огромных ножках он носил постоянно,
С вепря щетины отсек для начатков и, руки воздевши,
Зевсу владыке молился. В молчанье сидели ахейцы
Чинно все на местах и царское слушали слово.
Глядя в широкое небо, сказал Агамемнон, моляся:
«Будь мне свидетели Зевс, из богов высочайший и лучший,
Солнце, Земля и богини Эринии, что под землею
Страшно карают людей, клянущихся ложною клятвой!
Нет, не накладывал рук я на девушку, дочерь Брисея,
К ложу ль со мною ее принуждая, к чему ли другому.
В ставке моей оставалась не тронута мной Брисеида.

Если же ложною клятвой клянусь я, пусть боги дадут мне
Много страданий, которые шлют они клятвопреступным».

Кончив, по глотке резнул кабана он безжалостной медью.
Тушу Талфибий в пучину глубокую моря седого
Быстро швырнул, раскачав, на съедение рыбам. Пелид же,
С места поднявшись, к ахейцам воинственным так обратился:
«Зевс, ослепленье великое ты на людей посылаешь!
Нет, никогда бы мне духа в груди не сумел Агамемнон
Так глубоко взволновать и не смог бы он девушку силой,
Воле моей вопреки, увести! Наверно, Кронион
Сам захотел, чтобы многих ахейцев погибель настигла!
Сядьте теперь за обед, а после завяжем сраженье!»

Так сказав, распустил он собранье короткое. Быстро
Все остальные ахейцы к своим кораблям разошлися,
А мирмидонцы, отважные духом, забрали подарки,
Их отнесли к кораблям Ахиллеса, подобного богу,
В ставке просторной сложили и жен на места усадили.
А лошадей к табуну товарищи в поле погнали.

Дочь же Брисея, златой Афродите подобная видом,
Как увидала Патрокла, пронзенного острою медью,
К телу припала его, завопила и стала царапать
Нежную шею себе, и грудь, и прекрасные щеки.
И говорила рыдая, подобная вечным богиням:
«Всех тебя больше, Патрокл, я, несчастная, здесь полюбила!
Я из ставки ушла, тебя оставляя живого,
Нынче же мертвым тебя нахожу, повелитель народов,
В ставку вернувшись. Беду за бедой получаю я вечно!
Мужа, которого мне родители милые дали,
Я увидала пронзенным пред городом острою медью,
Видела братьев троих, рожденных мне матерью общей,
Милых сердцу,— и всех погибельный день их настигнул.
Ты унимал мои слезы, когда Ахиллес быстроногий
Мужа убил моего и город Минета разрушил.
Ты обещал меня сделать законной супругой Пелида,
Равного богу, во Фтию отвезть в кораблях чернобоких,
Чтобы отпраздновать свадебный пир наш среди мирмидонцев.
Умер ты, ласковый! Вот почему безутешно я плачу!»

Так говорила рыдая. И плакали женщины с нею,—
С виду о мертвом, а вправду — о собственном каждая горе.
Вкруг самого ж Ахиллеса старейшины войск собралися
И умоляли поесть. Но, стеная, Пелид уклонялся:
«Я вас молю, если кто из друзей меня слушаться хочет,
Не заставляйте покамест меня насыщать себе сердце

Пищею или питьем: сражен я ужаснейшим горем.
Солнце пока не зайдет,— все равно буду ждать и терпеть я».

Так произнесши, царей остальных от себя отпустил он.
Два лишь Атрида остались и царь Одиссей богоравный,
Нестор, Идоменей и Феникс, наездник маститый.
Все рассеять старались скорбевшего. Но безутешен
Был он, покуда не ринулся в пасть кровожадного боя.
Он говорил, вспоминая о прошлом и тяжко вздыхая:
«Милый, бессчастный мой друг! Было некогда время, как сам ты
В ставке моей так проворно и в надобный срок предо мною
Вкусную ставил еду, когда поспешали ахейцы
На конеборных троянцев идти с многослезною битвой.
Нынче лежишь ты, пронзенный. И сердце мое уж не хочет
Пищи, не хочет питья, хоть они и стоят предо мною.
Только тебя я хочу! Мне большего не было б горя,
Если бы даже о смерти отца моего я услышал,
Старца, что нежные слезы, наверно, во Фтии роняет,
С сыном таким разлученный; а сын тут в стране чужедальней
Из-за ужасной Елены с сынами троянскими бьется!
Или что умер мой сын, растимый на Скиросе дальнем,
Неоптолем боговидный, коль жив еще мальчик мой милый.
Прежнее время в груди мой дух укреплялся надеждой,
Что на троянской земле я один лишь погибну, далеко
От многоконного Аргоса. Ты ж возвратишься во Фтию.
Ты мне из Скироса сына, надеялся я, в быстроходном
Судне домой привезешь и все ему дома покажешь,—
Наше владенье, рабов и с высокою кровлею дом наш;
Сам же отец мой, Пелей, я думаю, или уж умер,
Или, едва лишь живой, угнетаемый старостью грозной,
Век свой проводит в глубокой печали и ждет одного лишь —
Горестной вести: когда о погибели сына услышит».

Так говорил он, рыдая. Старейшины рядом вздыхали,
Каждый о том вспоминая, что дома в чертогах оставил.
Видя их в горе таком, почувствовал жалость Кронион.
Быстро Афине-Палладе слова он крылатые молвил:
«Дочь моя, ты ведь совсем отступилась от храброго мужа
Или тебя Ахиллес уж больше теперь не заботит?
Вон он — видишь? — сидит впереди кораблей пряморогих,
Горько печалясь о милом товарище. Все остальные
Сели обедать; один Ахиллес не касается пищи.
Но подойди-ка и нектар с приятной амвросией капни
В грудь Пелеева сына, чтоб голод к нему не явился».

То, что сказал он Афине, давно и самой ей желалось.
С соколом схожая быстро летающим, звонкоголосым,

Ринулась с неба она сквозь эфир. Между тем уж ахейцы
Вооружаться по стану спешили. Паллада-Афина
Каплями нектар влила с амвросией в грудь Ахиллеса,
Чтобы мучительный голод в колени ему не спустился,
И воротилась сама во дворец крепкозданный Кронида
Мощного. Хлынули прочь от судов быстроходных ахейцы.
Как без счета несется холодными хлопьями с неба
Снег, угоняемый вдаль проясняющим небо Бореем,
Так же без счета из быстрых судов выносили ахейцы
В выпуклых бляхах щиты и шлемы, игравшие блеском,
Крепкопластинные брони и ясени пик медножальных.
Блеск поднимался до неба; вокруг от сияния меди
Вся смеялась земля, и топот стоял от идущих
Воинов. Там, посредине рядов, Ахиллес облачался.
Зубы его скрежетали; как огненный отблеск пожара,
Ярко горели глаза; а в сердце спускалось все глубже
Невыносимое горе. Гневясь на троянцев, надел он
Божий дар, над которым Гефест утомился, работав.
Прежде всего по прекрасной поноже на каждую голень
Он наложил, прикрепляя поножу серебряной пряжкой;
Следом за этим и грудь защитил себе панцирем крепкнм,
Бросил на плечи свой меч с рукояткой серебряногвоздной,
С медным клинком; а потом огромнейший щит некрушнмый
Взял. Далеко от него, как от месяца, свет разливался.
Так же, как если на море мелькнет пред пловцами блестящий
Свет от костра, что горит в одинокой пастушьей стоянке
Где-то высоко в горах; а пловцов против воли уносят
Ветры прочь от друзей по волнам многорыбного моря.
Так от щита Ахиллеса,— прекрасного, дивной работы,—
Свет достигал до эфира. На голову шлем он тяжелый,
Взявши, надел. И сиял, подобно звезде лучезарной,
Шлем этот с гривой густой; развевались вокруг золотые
Волосы, в гребне его укрепленные густо Гефестом.
Вооружившись, испытывать стал Ахиллес богоравный,
Впору ль доспехи ему н легко ли в них движутся члены.
Были доспехи как крылья, на воздух они поднимали!
Вынул потом из футляра отцовскую пику. Тяжел был
Крепкий, огромный тот ясень; никто между прочих ахейцев
Им не мог потрясать,— лишь один Ахиллес потрясал им,—
Ясенем тем пелионским, который с вершин Пелиона
Дан был в подарок Пелею Хироном, на гибель героям.
Автомедонт в это время и Алким коней запрягали,
Им ремни надели грудные, прекрасные видом,
После того их взнуздали, а вожжи назад натянули,
К кузову их прикрепив. Тогда, захвативши блестящий
Бич, по руке ему бывший, поспешно вскочил в колесницу
Автомедонт, а за ним Ахиллес, облачившийся к бою,

Как Гиперион лучистый, доспехами ярко сияя.
С грозною речью к отцовским коням Ахиллес обратился:
«Ксанф и Балий, Подарги божественной славные дети!
Нынче иначе умчать седока постарайтесь из боя
В толпы густые данайцев, когда мы насытимся боем,
И, как Патрокла, его там лежать не оставьте убитым!»

Из-под ярма Ахиллесу ответствовал конь резвоногий
Ксанф, головою поникнув бессмертною; длинная грива,
Из-под яремной подушки спустившись, касалась дороги.
Голос вложила в него человеческий Гера богиня:
«Сын могучий Пелид, тебя еще нынче спасем мы.
Но приближается день твой последний. Не мы в этом оба
Будем повинны, а бог лишь великий с могучей судьбою.
И не медлительность наша виною была, и не леность,
Если похитили с тела Патрокла доспех твой троянцы.
Бог, меж всех наилучший, рожденный Лето пышнокудрой,
Сбил его в первых рядах и Гектору славу доставил.
Хоть бы бежать наравне мы с дыханием стали Зефира,
Ветра, быстрее которого нет, говорят,— но и сам ты
Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!»

Ксанфу на этих словах Эринии голос прервали.
Вспыхнувши гневом, коню отвечал Ахиллес быстроногий:
«Что ты, Ксанф, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
Знаю я сам хорошо, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе войны не вкусят троянцы досыта!»

Молвил — и с криком вперед коней своих быстрых погнал он.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

БИТВА БОГОВ

Зевс разрешает богам принять участие в сражениях на любой из сторон. Удары молнии и землетрясение возвещают их возвращение. Аполлон побуждает Энея выступить против Ахилла. По совету Посейдона боги окутывают себя туманом и незаметно наблюдают за ходом сражения, решая, когда им вмешаться. В центре внимания поединок Ахилла и Энея. Посейдон решает спасти троянца для будущего. Ахилл вынужден искать себе новую жертву. Гектора спасает вмешательство Аполлона. Ахилл свирепствует и сеет вокруг себя смерть, которую распространяет, как неистребимый пожар.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БОЙ У РЕКИ

Ахилл загоняет часть врагов в реку, многих убивает, а двенадцать юношей берет в плен, чтобы принести в жертву Патроклу. Река Скамандр переполняется трупами, и бог реки из-за осквернения своих вод поднимается против Ахилла. Гера велит Гефесту усмирить реку. Только сейчас начинается настоящая, подготовленная ранее битва богов. Афина повергает Ареса, которого бросается поднимать Афродита, но Афина ударяет ее в грудь и сваливает богиню любви. Артемида схватывается с Герой, но потом боги возвращаются на Олимп. Ахилл тем временем гонит троянцев, которым Приам открывает городские ворота. Аполлон помогает осажденным.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

УБИЙСТВО ГЕКТОРА

В город вбежали троянцы, подобно испуганным ланям,
Пот осушили и пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене прислонившись к зубцам. Приближались ахейцы,—
Двигались прямо к стене, щиты наклонив над плечами.
Гектора ж гибельный рок оковал, и остался один он
Там же, близ Скейских ворот, перед крепкой стеной городскою.

Феб-Аполлон между тем обратился к Пелееву сыну:
«Что ты на быстрых ногах так усердно, Пелид, меня гонишь,
Смертный — бессмертного бога! Как видно, того не узнал ты,
Что пред тобою бессмертный, и яро убить меня рвешься!
Против бегущих троянцев тебя уж борьба не заботит.
В городе скрылись они, а ты по равнине тут рыщешь!
Смерти я не подвержен: меня умертвить не надейся!»

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Ты одурачил, Заступник, меня, меж богами вреднейший,
В поле отвлекший от стен! Не то еще много б троянцев
Землю глодало зубами, назад в Илион не вернувшись!
Славы великой меня ты лишил. Спасти же троянцев
Было не трудно тебе: не боялся ты в будущем мести!
Как я б тебе отомстил, если б это мне было возможно!»

Так он ответил и, жаром горя боевым, устремился
К городу снова, как конь с колесницей, награды берущий;

По полю быстро, легко он летит, над землей расстилаясь.
Так же стремительно двигал Пелид и ступни, и колени.

Первым старец Приам Ахиллеса увидел глазами.
По полю несся он, словно звезда, снаряженьем сверкая,—
Словно звезда, что под осень восходит и ярким сияньем
В мраке ночном средь бесчисленных звезд выделяется в небе.
«Пес Ориона» — такое названье звезде этой дали.
Всех она ярче блестит, но знаменьем грозным бывает
И лихорадки с собою тяжелые смертным приносит.
Так же и медь на груди у бегущего ярко сверкала.
Вскрикнул старик, и руки воздел, и бить себя начал
По голове. И, глубоко стеная, любезному сыну
Начал кричать, умоляя его. Но тот оставался
Пред воротами, пылая желаньем сразиться с Пелидом.
К Гектору руки старик протянул и жалостно молвил:
«Гектор! Не жди ты, дитя мое милое, этого мужа
Там, один, вдалеке от других! Ахиллесом сраженный,
Скоро ты гибель найдешь, ибо много тебя он сильнее,
Грозный! О, если б он так же, как мне, стал мил и бессмертным!
Скоро б собаки его и коршуны в клочья порвали,
В поле лежащего! Страшная скорбь мне покинула б сердце!
Доблестных много сынов он лишил меня в битвах кровавых,
Иль умертвив, иль пленив и продавши на остров далекий.
Да и сейчас я в числе воротившихся в город троянцев
Двух сыновей моих милых увидеть не мог,— Ликаона
И Полидора, рожденных владычицей жен Лаофоей.
Если же в лагере живы они, то, как время настанет,
Золотом выкуп и медью внесем мы; довольно их в доме:
Выдал мне Альт престарелый за дочерью много сокровищ.
Если ж погибли они и спустились в жилище Аида,
Горе большое лишь мне да матери, их породившим.
Все остальные троянцы скорбеть о них будут не долго,—
Только бы ты не погиб, усмиренный копьем Ахиллеса!
Ну же, дитя мое, в стены войди, чтоб остаться спасеньем
Трои сынам и троянкам, чтоб славы большой не доставить
Сыну Пелея, чтоб милой ты жизни и сам не лишился.
Да и меня пожалей,— ведь еще я живу и в сознанье,—
Жалкий, несчастный! Родитель Кронид мне пошлет на пороге
Старости жребий ужасный. О, много придется мне видеть!
Гибнущих видеть сынов, дочерей, увлекаемых в рабство,
Спальни громимые их, младенцев, еще несмышленых,
С ярою злобой в ужасной резне разбиваемых оземь,
В гибельных видеть ахейских руках невесток плененных!
Псы и меня самого перед дверью моей напоследок,
Алчные, будут терзать, когда кто-нибудь, поразивши
Острою медью меня, из членов дух мой исторгнет.

Сторожевые собаки,— их выкормил сам у столов я,—
Крови напившись моей, одурелые, лягут у двери.
Юноша, павший в бою, пронзенный губительной медью,
Выглядеть будет пристойно, лежи он хоть так, хоть иначе.
Весь он и мертвый прекрасен, где б тело его ни открылось.
Если ж седой подбородок и голову, если срамные
Части нагие у старца убитого псы оскверняют,—
Горестней зрелища нет для смертнорожденных несчастных».

Сыну он так говорил и, за волосы взявшись седые,
Из головы вырывал их. Но духа его не склонил он.
Мать, со своей стороны, заливалася в горе слезами,
Платье рукой распахнула, другою на грудь указала
И обратилась в слезах со словами крылатыми к сыну:
«Гектор, сын мой! Хоть это почти и над матерью сжалься!
Если когда-нибудь грудью я слезы твои прекращала,
Вспомни об этом, мой сын, и с врагом нападающим бейся
Из-за стены городской, а один впереди не сражайся!
Если тебя он, жестокий, убьет, то не будешь оплакан
Ты на постели ни мною, рожденье и отпрыск мой милый,
Ни многодарной женою, а будешь от нас ты далеко
Перед судами ахейцев собаками резвыми съеден!»

Так они к милому сыну, рыдая, слова обращали,
Жарко его умоляя. Но духа его не склонили.
Молча он ждал приближенья огромного сына Пелея.
Так же, как путника горный дракон выжидает в пещере,
Трав ядовитых наевшись, исполненный ярости страшной.
Грозным он взглядом глядит, извиваясь у входа в пещеру.
Так же и Гектор стоял, неугасным охваченный пылом,
К выступу башни внизу свой блистающий щит прислонивши.
И обратился, смутясь, к своему он отважному сердцу:
«Горе мне! Если отсюда в ворота и в стены я скроюсь,
Первый же Пулидамант мне поставит в упрек, что
троянцев
Он мне совет подавал назад отвести к Илиону
В ту злополучную ночь, как Пелид поднялся богоравный.
Я не послушал его. А на много б то было полезней!
Нынче ж, когда мой народ безрассудством своим погубил я,
Я и троянцев стыжусь, и длинноодеждных троянок,
Чтоб не сказал кто-нибудь, и родом, и доблестью худший:
«Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу!»
Так говорить они будут. Гораздо мне лучше тогда бы,
В схватке один на один умертвив Ахиллеса, вернуться
Иль под рукою его перед городом славно погибнуть.
Или, может быть, лучше и выпуклый щит мой, и крепкий
Шлем на землю сложить и, пику к стене прислонивши,

Прямо навстречу пойти безупречному сыну Пелея
И обещаться обратно отдать Атреидам Елену,
Вместе же с ней и большие богатства, которые в Трою
В полых своих кораблях увез Александр, что и было
Ссоры началом. А кроме того предложу поделиться
С ними богатствами всеми, которые город хранит наш,
После ж с троянских старейшин я клятву бы взял, обязав их,
Чтоб ничего не скрывали, но, сколько богатств ни хранится
В городе нашем прекрасном, на две разделили бы части.
Но для чего мое сердце волнуют подобные думы?
Нечего мне к Ахиллесу идти! Мольбы не почтит он,
Не пожалеет меня и, совсем как женщину, тут же
Голого смерти предаст, едва лишь доспехи сниму я.
Нам невозможно уж речь начинать с ним от дуба иль камня,
Как это делают дева и юноша, встретясь друг с другом,
Дева и юноша, между собою ведя разговоры.
Лучше гораздо как можно скорее сойтись нам с оружьем.
Там уж увидим, кого из двоих Олимпиец прославит».

Так рассуждал он и ждал. Ахиллес подошел к нему близко,
Грозный, как бог Эниалий, боец, потрясающий шлемом.
Ясень свой пелионский на правом плече колебал он,
Страшный; и медь на доспехах сиянием ярким блистала,
Словно горящий костер иль лучи восходящего солнца.
Гектора трепет объял, как увидел его. Не решился
Ждать он; пустился бежать, назади оставляя ворота.
Ринулся следом Пелид, полагаясь на быстрые ноги,
Так же, как сокол в горах, между всеми быстрейшая птица,
Следом легко поспевает за робкой голубкою горной;
Мечется в стороны та, а сокол с пронзительным криком
Близко за нею летит. И схватить ее дух его рвется.
Так Ахиллес устремлялся за Гектором прямо, а Гектор
Вдоль стены убегал и проворными двигал ногами.
Мимо холма, мимо дикой смоковницы, ветру открытой,
Мчались все время они под стеною проезжей дорогой.
До родников добежали прекрасно струящихся. Два их
Бьет здесь ключа, образуя истоки пучинного Ксанфа.
Первый источник струится горячей водой. Постоянно
Паром густым он окутан, как будто бы дымом пожарным.
Что до второго, то даже и летом вода его схожа
Или со льдом водяным, иль со снегом холодным, иль градом.
Близко от них — водоемы, большие, прекрасные видом,
Гладким обложены камнем. Одежды блестящие мыли
Жены троянские там и прекрасные дочери прежде,—
В мирное время, когда не пришли еще к Трое ахейцы.
Мимо промчались — один убегая, другой нагоняя;

Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший.
Быстро неслись: ведь не жертвенный бык и не шкура
бычачья
Были их целью,— награда обычная мужу при беге,—
За душу Гектора, коней смирителя, оба бежали.
Как в состязании, столб огибая, стремительно мчатся
Однокопытные кони, награда ж готова большая,—
Женщина или треножник,— на тризне по муже умершем.
Так они трижды кругом на проворных ногах обежали
Город великий владыки Приама. Все боги смотрели.
Начал меж них говорить родитель бессмертных и смертных:
«Горе! Глазами я вижу вкруг Трои гонимого мужа,
Мне дорогого: о Гекторе дух мой печалится тяжко.
Много в честь мою бедер быков крутерогих сжигал он
И на высоких вершинах ущелистой Иды, а также
И на акрополе в Трое. Теперь Ахиллес богоравный
Гектора гонит на быстрых ногах вкруг Приамовой Трои.
Ну-ка, подумайте, боги, старательно все обсудите,
Что нам,— спасти ли от смерти его иль уже предоставить,
Как бы он доблестен ни был, его укротить Ахиллесу?»

И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Туч собиратель, отец яркомолненный, что говоришь ты!
Смертного мужа, издревле уже обреченного роком,
Ты совершенно избавить желаешь от смерти печальной!
Делай, как хочешь. Но боги тебя тут не все мы одобрим».

Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Тритогенея, не бойся, дитя мое милое! Это
Я говорю не серьезно. К тебе я вполне благосклонен.
Делай свободно, что в мыслях своих ты имеешь, не медли!»

То, что сказал он Афине, давно и самой ей желалось.
Бросилась быстро богиня с высокой вершины Олимпа.

Яростно гнался за Гектором вслед Ахиллес быстроногий.
Как на горах молодого оленя, из логова выгнав,
Яро преследует пес, по оврагам несясь и ущельям;
Если и скроется тот, притаившись в кустах, то по следу
Все же его он находит и гонит, покуда не схватит.
Так же и Гектор не мог от быстрого скрыться Пелида.
Каждый раз, как к воротам Дарданским свой бег направлял он
И под защиту стены крепкозданной пытался укрыться,
Где бы троянцы могли защитить его сверху стрелами,
Раньше Пелид забегал стороною и гнал его к полю,
Сам же к стене городской все время держался поближе.
Как человек в сновиденье никак не поймает другого:

Тот убежать от него, а этот поймать неспособен.
Так же и Гектор не мог убежать. Ахиллес же — настигнуть.
Как же тут Гектору гибельных Кер избежать удалось бы,
Если б в последний уж раз на помощь ему не явился
Феб-Аполлон, возбудив в нем и силу, и быстрые ноги?

Войску ахейцев кивал головой Ахиллес богоравный,
В Гектора горькие стрелы и копья пускать запрещая,
Чтобы кто славы не добыл, а он бы вторым не явился.
Как до ключей они оба в четвертый уж раз добежали,
Взял родитель Зевес золотые весы и на чашки
Бросил два жребия смерти, несущей страдания людям,—
Гектора жребий один, а другой Ахиллеса Пелида.
Взял в середине и поднял. И Гекторов жребий поникнул,—
Вниз, к Аиду, пошел. Аполлон от него удалился.
К сыну ж Пелея Афина пришла совоокая, стала
Близко пред ним и со словом крылатым к нему обратилась:
«Милый богам Ахиллес! С тобою сегодня, надеюсь,
Славу великую мы принесем к кораблям вашим быстрым,
Гектора, как бы он ни был в боях ненасытен, сразивши.
Нынче никак уж ему уклониться от нас не удастся,
Сколько б заступник ему Аполлон помогать ни старался,
Сколько бы он перед Зевсом отцом на коленях ни ползал.
Остановись же пока, отдохни! А сама я отправлюсь
К Гектору, чтоб убедить его выйти с тобою на битву».

Так говорила. И радостно ей Ахиллес покорился.
Остановился, оперся на медноконечный свой ясень.
Та же, оставив его, поспешила к Приамову сыну,
Схожею став с Деифобом и видом, и голосом звучным.
Близко к нему подошла и крылатое слово сказала:
«Милый! Жестоко теснит тебя сын быстроногий Пелея,
Гонит тебя на проворных ногах вкруг Приамовой Трои.
Но не отступим, останемся здесь, отразим нападенье!»

Ей на это сказал шлемоблещущий Гектор великий:
«Ты мне и прежде всегда, Деифоб, наиболее милым
Был между братьев, которых родили Приам и Гекуба.
Нынче же больше еще я тебя уважать начинаю:
Ради меня ты один лишь посмел, увидавши глазами,
Выйти наружу из стен. Другие же там остаются!»

Снова сказала ему совоокая дева Афина:
«Милый! Отец и почтенная мать меня много молили,
Мне обнимая колени; товарищи тоже молили
Там оставаться: таким они все преисполнены страхом!
Но за стенами терзался мой дух несказанным страданьем.

Ну же, так прямо вперед! Сразимся скорей! И на копья
Скупы не будем! Посмотрим, чем кончится: нас ли с тобою
Он умертвит и снесет доспехи кровавые наши
К полым судам или ты усмиришь его пикой своею!»

Так сказавши, коварно его повела за собою.
После того как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Первым Пелиду сказал шлемоблещущий Гектор великий:
«Больше, Пелид, от тебя я не буду бежать, как доселе!
Трижды я город Приама кругом обежал, не дерзая
Встретить тебя в нападенье. Теперь же мой дух повелел мне
Стать и с тобою сразиться,— убью ли, иль буду убит я.
Но привлечем, предлагаю, богов во свидетели. Боги
Смогут лучше всего блюсти и хранить договор наш.
Тело твое не предам я бесчестью ужасному, если
Зевс мне победу пошлет и душу твою я исторгну.
Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
Тело ж ахейцам обратно верну. Поступить тебе так же».

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Гектор, навек ненавистный, оставь говорить об условьях!
Как невозможны меж львов и людей нерушимые клятвы,
Как меж волков и ягнят никогда не бывает согласья,
Друг против друга всегда только злое они замышляют.
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, покуда один, распростертый,
Кровью своей не насытит Ареса, бойца-щитоносца.
Все добродетели вспомни: ты нынче особенно должен
Быть копьеборцем искусным и воином с духом бесстрашным.
Бегства тебе уже нет. Мгновенно Паллада-Афина
Пикой моею тебя усмирит. Целиком ты заплатишь
Нынче за горе мое по друзьям, перебитым тобою!»

Так он сказал и, взмахнув, послал длиннотенную пику,
Но, уследивши ее, увернулся блистательный Гектор,
Быстро пригнулся к земле, и пика, над ним пролетевши,
В землю вонзилась. Афина, подняв ее, вмиг возвратила
Сыну Пелееву, тайно от Гектора, пастыря войска.
Гектор на это сказал безупречному сыну Пелея:
«Ты промахнулся! Как видно, Пелид, на бессмертных похожий,
Не через Зевса узнал ты мой жребий, о чем говорил мне.
Просто болтал ты, речами меня обмануть домогаясь,
Чтобы, тебя испугавшись, про силу и храбрость забыл я!
Не побегу от тебя, не в спину ты пику мне всадишь!
Прямо навстречу иду! Пронзай меня в грудь, если только
Даст тебе бог. А пока берегися и ты моей пики!
О, если б в тело свое ты всю целиком ее принял!

Легче бы стала со смертью твоею война для троянцев,
Ибо для всех их являешься ты величайшей бедою!»

Так он сказал и, взмахнув, метнул длиннотенную пику.
Не промахнулся, в средину щита Ахиллеса ударил,
Но далеко от щита отскочила она. Огорчился
Гектор, увидев, что пика без пользы из рук излетела.
Остановился, потупясь: копья не имел он другого.
Громко тогда белощитному он закричал Деифобу,
Чтобы копье ему дал. Но того уже не было подле.
Все тогда Гектор в уме своем понял и так себе молвил:
«Горе мне! К смерти, как вижу я, боги меня призывают!
Я полагал, что герой Деифоб близ меня находился,
Он же внутри, за стеной, а меня обманула Афина!
Близко теперь предо мною зловещая смерть, не далеко!
Не убежать от нее! Уж давно это стало угодней
Зевсу и сыну его Дальновержцу, которые раньше
Мне помогали всегда. Сегодня судьба настигает!
Не без борьбы я, однако, погибель приму, не без славы!
Сделаю дело большое, чтоб знали о нем и потомки!»

Так произнес он и, выхватив меч свой, остро отточенный,
Крепкий, огромный, который висел на бедре его мощном,
Ринулся, сжавшись в комок, как орел, на высотах парящий,
Если сквозь темные тучи он падает вдруг на равнину,
Нежного чтобы ягненка схватить иль трусливого зайца.
Так же ринулся Гектор, мечом отточенным махая.
И Ахиллес устремился, наполнивши бурною силой
Дух свой. Сработанным прочно щитом прикрывал себе грудь он,—
Дивным на вид. На его голове колебался блестящий
Четырехгребенный шлем, золотые над ним развевались
Волосы, в крепких гребнях укрепленные густо Гефестом.
Как между звезд остальных средь мрака ночного сияет
Геспер, которого в небе звезды не найдется прекрасней,
Так острие на Пелидовой пике сияло. Ее он
Правой рукою качал и глядел, замышляя худое,
Не обнажится ли где прекрасное Гектора тело.
Все его тело однако скрывалось под медным доспехом,
Славным, который он добыл, убивши Патроклову силу.
В том только месте, где шею от плеч отделяют ключицы,
Горло белело его; для души там быстрейшая гибель.
В это-то место копьем Ахиллес богоравный ударил,
И через нежную шею насквозь острие пробежало.
Ясень ему меднотяжкий гортани однако не пробил,
Чтобы с Пелидом он мог, говоря, обменяться словами.
В пыль опрокинулся он. И вскричал Ахиллес, торжествуя:
«Гектор! Убивши Патрокла, ты жить собирался остаться?

Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся!
Нет, глупец безрассудный! Товарищ намного сильнейший,
Сзади Патрокла вблизи кораблей оставался я быстрых,—
Я, колени твои сокрушивший! Собаки и птицы
Труп твой растащут с позором, его ж похоронят ахейцы!»

В изнеможенье ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Ради души и колен твоих, ради родителей милых,
В пищу меня не бросай, умоляю, ахейским собакам!
Множество меди и золота в дар от меня ты получишь,—
Выкуп, который внесут мой отец и почтенная матерь,
Ты ж мое тело обратно домой возврати, чтобы в Трое
Труп мой огню приобщили троянцы и жены троянцев».

Мрачно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Пес, не моли меня ради колен и родителей милых!
Если бы гневу и сердцу свободу я дал, то сырым бы
Мясо срезал я с тебя и съедал его,— вот что ты сделал!
Нет, никому от собак не спасти головы твоей, Гектор!
Если бы выкуп несчетный, и в десять раз больше, и в двадцать
Мне от твоих привезли, и еще обещали бы больше,
Если б тебя самого приказал хоть на золото взвесить
Царь Приам Дарданид,— и тогда, положивши на ложе,
Мать не смогла бы оплакать тебя, рожденного ею.
Хищные птицы тебя и собаки всего растерзают!»

Дух испуская, ответил ему шлемоблещущий Гектор:
«Видя в лицо, хорошо я тебя познаю, и напрасно
Думал тебя убедить, ибо дух в твоем сердце железный!
Но берегись, чтобы гнева богов на тебя не навлек я
В день тот, в который Парис и Феб-Аполлон дальнострельный,
Как бы ты доблестен ни был, убьют тебя в Скейских воротах!»

Так он сказал, и покрыло его исполнение смерти.
Члены покинув его, душа отлетела к Аиду.
Плачась на участь свою, покидая и крепость, и юность.

Но и умершему все же сказал Ахиллес богоравный:
«Э, умирай! А уж я-то приму свою гибель, когда бы
Зевс мне ее ни послал и другие бессмертные боги!»

Так он сказал и, из трупа копье медножальное вырвав,
Прочь отложил, а доспехи, залитые черною кровью,
С плеч убитого снял. Сбежались другие ахейцы
И с изумленьем смотрели на рост и на образ прекрасный
Гектора. Каждый спешил удар нанести его телу.
Так не один говорил, поглядев на стоявшего рядом:

«На осязание Гектор, ну, право же, сделался мягче,
Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!»

Так не один говорил, подходил и пронзал его пикой.
С трупа оружие снял между тем Ахиллес быстроногий,
Стал средь ахейцев и к ним обратился с крылатою речью:
«О дорогие друзья, вожди и советники войска!
Так как бессмертные дали повергнуть мне этого мужа,
Больше принесшего зла, чем все остальные совместно,
То попытаемся, город обложим с оружьем, узнаем,
Что теперь делать троянцы намерены, что замышляют:
Раз уже Гектор погиб, то покинут ли город высокий,
Или, хоть Гектора нет уж, желают еще оставаться?
Но для чего мое сердце волнуют подобные думы?
Мертвым лежит у судов, неоплаканный, непогребенный,
Милый Патрокл. Не забуду о нем, пока меж живыми
Я нахожусь и способен коленями двигать своими.
Если же мертвые в царстве Аида не помнят о мертвых,
Все же и там сохраню я о милом товарище память!
Нынче ж запевши пэан, ахейские юноши, все мы
К полым воротимся нашим судам, захвативши и тело!
Славы большой мы достигли: повержен божественный Гектор,
Он, на которого Трои сыны, как на бога, молились!»

Тут на Гектора он недостойное дело задумал:
Сзади ему на обеих ногах проколол сухожилья
Между лодыжкой и пяткой, продернул ремни, к колеснице
Тело его привязал, голове ж предоставил влачиться.
Поднял доспех знаменитый и, с ним в колесницу вошедши,
Коней ударил бичом. Не лениво они полетели.
Тучею пыль над влачимым взвилась, растрепались
Черные волосы, вся голова, столь прекрасная прежде,
Билась в пыли. В то время врагам громовержец Кронион
Дал над трупом его надругаться в его же отчизне.

Так его вся голова загрязнялася пылью. Терзала
Волосы мать. С головы покрывало блестящее сбросив,
Прочь отшвырнула его и завыла, на сына взирая.
Жалостно милый родитель рыдал. И по городу всюду
Вой разливался протяжный, и всюду звучали рыданья.
Больше всего это было похоже, как если бы сразу
Сверху донизу вся многохолмная Троя горела.
Еле могли удержать старика окружавшие люди.
Он в исступленье рвался за ворота Дарданские выйти
И горячо умолял окружавших, по грязи катаясь,
Всех умолял, называя по имени каждого мужа:
«Други, пустите меня! Одного, не заботясь, пустите

Выйти из города, дайте пойти к кораблям мне ахейским!
Буду я этого мужа молить, нечестивца, злодея,
Может быть, годы почтит он, почувствует к старости жалость!
Точно такой ведь, как я, ожидает отец его дома,
Старец Пелей,— и родивший его, и вскормивший на горе
Трое; но больше всего самому мне он горя доставил.
Сколько цветущих моих сыновей он в боях уничтожил!
Но никого, хоть печалюсь о всех, так не жаль, как его мне,—
Скорбь о котором меня унесет в обитель Аида,—
Гектора! Если б хотя на руках у меня он скончался!
Плачем тогда и слезами свое б мы насытили сердце,—
Мать горемычная, сына родившая на свет, и сам я!»

Плача, так говорил. Горожане же вторили плачу.
Горестный плач зачала между женщин троянских Гекуба:
«Сын мой, к чему мне, несчастной, в страданиях жить нестерпимых,
Раз я тебя потеряла? По городу денно и нощно
Славой моею ты был; защитником был ты могучим
Всех в Илионе троян и троянок; тебя, словно бога,
Чтили они, ибо был ты для всех их великою славой
В дни своей жизни. Но смерть и судьба тебя нынче настигли!»

Плача, так говорила. Жена ж ничего не слыхала
В доме о Гекторе: вестник еще ей какой-нибудь верный
Не сообщил, что супруг за воротами в поле остался.
Ткань она ткала двойную, багряную в комнате дальней
Дома высокого, пестрых цветов рассыпая узоры.
А пышнокосым служанкам своим приказала поставить
Медный треножник большой на огонь, чтобы теплая ванна
Гектору в доме была, когда он вернется из битвы.
Не было в мыслях у глупой, что Гектор, вдали от купаний,
Чрез Ахиллесовы руки смерён совоокой Афиной.
Вой услыхала она и рыдания около башни.
Затрепетала всем телом, челнок уронила на землю.
После того к пышнокосым служанкам она обратилась:
«Двое идите со мной! Посмотрю-ка, что там приключилось.
Голос почтенный свекрови я слышу. В груди моей сердце
Прыгает к самому рту, и колени мои цепенеют:
К детям Приама несчастье какое-то близко подходит.
Будь, что скажу я, далеко от уха, но страшно боюсь я,
Как бы Пелеев божественный сын одного не отрезал
Быстрого Гектора мне от ворот и, погнав по равнине,
Не укротил роковой бы отваги, какою он дышит.
Ведь никогда он не хочет в толпе средь других оставаться,
Рвется далеко вперед, никому не уступит в отваге!»

Так сказав, из дворца устремилась, подобно менаде,
С бьющимся сердцем. И с нею же вместе бежали служанки.
Только что к башне пришла и к стоявшим толпою мужчинам,—
На стену быстро взошла и, взглянув, увидала: по полю
Гектора прочь волокли от стены быстролетные кони;
К полым ахейским судам безжалостно труп они мчали.
Черная, мрачная ночь покрыла глаза Андромахи.
Выдохнув душу, без слова она повалилася навзничь.
Прочь сорвав с головы, далеко от себя отшвырнула
Ленту блестящую, обруч и сетку с плетеной повязкой
И покрывало, которое ей золотой Афродитой
Было подарено в день, как ее шлемоблещущий Гектор
От Гетиона увел, заплатив неисчислимый выкуп.
Тесной толпою золовки, невестки ее окружили
И в середине держали ее, устрашенную насмерть.
Только очнулась она, и дух в ее сердце вернулся,
Тяжко навзрыд зарыдала и так средь троянок сказала:
«Гектор, несчастная я! С одинаковой долею оба
На свет с тобой родились мы,— ты в Трое, в чертоге Приама,
Я же под Плаком лесистым, в дому Гетионовом в Фивах.
Малым ребенком меня у себя воспитал он,— несчастный,
Страшно несчастную! Лучше б мне было совсем не
рождаться!
Нынче спускаешься ты в обиталище бога Аида,
В глуби земли, и меня оставляешь вдовою в чертогах,
Мрачным сраженную горем. И мал еще сын наш младенец,
Нами, несчастными, на свет рожденный. Ни ты ему, Гектор,
Мертвый, защитником в жизни не будешь, ни он тебе также.
Если и выйдет он цел из войны многослезной ахейцев,
Все же одни лишь труды и печали его ожидают.
Люди чужие все межи на пашнях его передвинут.
Дни сиротства лишают ребенка товарищей в играх.
Смотрят глаза его книзу, и залиты щеки слезами.
Если приходит в нужде он к отцовским товарищам в
дом их,—
Тронет за плащ одного, у другого коснется хитона.
Кто-нибудь сжалится, кубок ему не надолго протянет;
Смочит лишь губы вино, а уж нёба смочить не успеет!
Сверстник его, у которого мать и отец его живы,
С пира прогонит его, ругнув и рукою ударив:
«Прочь убирайся! Отец твой в пиру здесь у нас не
участник!»
К матери, сирой вдове, заплакав, вернется ребенок,
Астианакт, до того на коленях родителя евший
Мозг лишь один от костей и жирное сало баранье.
Если же сон его брал, и детские игры кончал он,—
Он на кровати тогда засыпал в объятьях у няни,

В мягкой постели, приятной едою насытивши сердце.
Сколько ж теперь он претерпит, отца дорогого лишившись,—
Астианакт, как ребенку троянцы прозвание дали.
Ибо один ты у них защищал и ворота, и стены.
Нынче близ гнутых судов, вдалеке от родителей, будешь
Псов насыщать ты, и черви, киша, поедать тебя станут
Голого. Сколько одежд между тем, и приятных, и тонких,
В доме лежит у тебя, приготовленных женской рукою!
Все те одежды сожгу я теперь, их в огонь побросаю.
Нет тебе пользы от них: лежать тебе в них не придется!
Их в прославленье тебе я сожгу средь троян и троянок!»

Так говорила, рыдая. Ей вторили воплями жены.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ИГРЫ В ЧЕСТЬ ПАТРОКЛА

Так в Илионе они сокрушались священном. Ахейцы ж,
После того как к судам подошли и к волнам Геллеспонта,
По кораблям чернобоким рассеялись все остальные,
Но мирмидонцам своим разойтись Ахиллес не позволил.
С речью он обратился к товарищам войнолюбивым:
«О мирмидонцы мои быстроконные, верные други!
Однокопытных коней от ярма отпрягать мы не станем.
Мы на конях, в колесницах, приблизимся к телу
Патрокла,
Чтобы оплакать его. Эта честь подобает умершим.
После того же, как плачем губительным всласть мы упьемся,
Коней своих отпряжем и там же все ужинать сядем».

Подняли все они горестный вопль, Ахиллес его начал.
Трижды Патроклов объехали труп на конях они быстрых,
Плача: Фетида у них возбудила желание плакать.
Слезы песок орошали, доспехи мужей орошали.
Так тосковали они о вожде, возбудителе бегства.
Громкий плач между ними зачал Ахиллес быстроногий,
Милому другу на грудь положив мужегубные руки:
«Радуйся, милый Патрокл, хотя б и в жилищах Аида!
Делаю все для тебя, что раньше тебе обещал я:
Гектора труп притащив, собакам отдам его в пищу,
Возле ж костра твоего зарежу двенадцать я пленных
Трои прекрасных сынов, за убийство твое отомщая».

Тут на Гектора он недостойное дело замыслил:
В пыль его бросил на землю ничком перед ложем Патрокла.
С плеч между тем мирмидонцы доспехи свои поснимали,
Ярко блиставшие медью; коней распрягли громкоржущих;
Пред кораблем Ахиллеса расселись толпою несметной.
Он же устроил для них обильнейший пир похоронный.
Много блестящих быков под железом, хрипя, извивалось,
Резалось много и блеющих коз, и овец густорунных,
Множество также большое Гефестовым пламенем жарким
Туш обжигалось свиных, лоснившихся салом блестящим.
Всюду текла вкруг умершего кровь — хоть чашею черпай!

Тут остальные цари повели Ахиллеса владыку
К сыну Атрея, царю Агамемнону, пастырю войска,
Только с трудом убедивши товарища гневное сердце.
Тотчас, как в ставку пришли Агамемнона, сына Атрея,
Вестникам звонкоголосым отдали они приказанье
Медный поставить треног на огонь,— не удастся ль Пелида
Уговорить, чтобы смыл себе с тела кровавые сгустки.

Но Ахиллес наотрез отказался и клятвой поклялся:
«Зевс мне свидетелем будь, высочайший в богах и сильнейший,—
Не подобает купальной воды к голове мне приблизить
Прежде, чем друга огню не предам, не насыплю могилы
И не обрежу волос. Во второй уже раз не придется
Скорбью такою скорбеть мне, пока средь живых нахожусь я.
Нечего делать, сейчас подчинимся еде ненавистной,
Завтра ж вели, повелитель мужей Агамемнон, с зарею
Из лесу дров навозить и все приготовить другое,
Что мертвецу подобает, сходящему в сумрак подземный.
Пусть поскорее его уничтожит и скроет от взоров
Неутомимый огонь, и люди возьмутся за дело».

Слушали все со вниманьем Пелида и с ним согласились.
Ужин поспешно собрали и тут же к нему приступили.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Спать остальные вожди по ставкам своим разошлись.

Но Ахиллес на песке неумолчно шумящего моря,
Тяжко вздыхая, лежал, окруженный толпой мирмидонцев,
В месте свободном, где волны плескались о берег песчаный.
Там его сон охватил, разрешающий горести духа,
Сладкий, глубокий: свои утомил он блестящие члены,
Гектора яро гоня к Илиону, открытому ветрам.
Вдруг пред Пелидом душа Патрокла злосчастного встала,
Схожая с ним совершенно глазами прекрасными, ростом,

Голосом; даже в одежду была она ту же одета.
Над головой его стала и с речью к нему обратилась:
«Спишь ты спокойно! Забыл обо мне, Ахиллес, ты и думать!
Не был к живому ты так равнодушен, как к мертвому нынче!
Похорони поскорей, чтоб вошел я в ворота Аида!
Души, тени усталых, меня от ворот отгоняют
И не хотят мне позволить в толпу их войти за рекою.
Тщетно брожу вдоль широковоротного дома Аида.
Грустно мне! Дай-ка мне руку! Раз тело мое вы сожжете,
Уж никогда я сюда не приду из Аидова дома.
Больше с тобою, живые, не будем держать мы совета,
Сидя вдали от друзей дорогих. Беспощадная Кера,
Власти которой с рожденья подпал я, меня поглотила.
Но и тебе суждено, Ахиллес, на бессмертных похожий,
Гибель принять под высокой стеною богатых троянцев.
Но я другое скажу и прошу тебя это исполнить:
Невдалеке от своих, Ахиллес, положи мои кости,—
Вместе, как в вашем дому я вместе с тобою и вырос.
Мальчиком малым отец мой Менетий привез меня в дом ваш
Из Опоента; убийство ужасное там совершил я:
Амфидамантова сына в тот день я убил,— не нарочно,
Только по глупости детской, затеяв с ним ссору за бабки.
Там меня в дом к себе принял Пелей, знаменитый наездник,
И воспитал, и назначил мне спутником быть тебе в битвах.
Пусть же и кости обоих одна у нас урна скрывает
С ручкой двойной, золотая, подарок тебе от Фетиды».

Слово Патроклу в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«О, для чего, голова дорогая, сюда ты явился
И для чего так подробно мне все говоришь по порядку?
Точно исполню я все и со всем соглашусь, что прикажешь.
Но подойди же поближе! Обнимемся крепко друг с другом,
Чтобы хотя ненадолго упиться нам горестным плачем!»

Так говоря, протянул он к товарищу милому руки,
Но не схватил. Как дым, душа Менетида под землю
С писком ушла. Ахиллес на песке поднялся, пораженный,
Скорбно руками всплеснул и такое сказал себе слово:
«Боги, так, значит, какая-то есть и душа человека,
В домах Аида, и призрак; но жизненной силы в них нету.
Целую ночь напролет душа злополучного друга
Передо мною стояла, рыдая и горько печалясь,
Все говорила подробно, с ним схожая видом чудесно».

Так он сказал, и у всех появилось желание плакать.
В горестном плаче застала их всех розоперстая Эос
Около тела. Меж тем повелитель мужей Агамемнон,

Мулов собрав и людей из ставок, отдал приказанье
Лес подвозить. Наблюденье над ними имел благородный
Муж Мерион, товарищ отважного Идоменея.
Двинулись в путь, захватив топоры дроворубные в руки,
Взяли и крепких веревок. А спереди мулы шагали.
Много и кверху, и книзу, и вправо, и влево ходили
И добрались до долин богатой потоками Иды.
Остроширокою медью рубить принялися поспешно
Дубы с высокой листвой. И с треском великим деревья
Падали. После того, разрубивши на части, ахейцы
К мулам их прикрепляли. И, землю копытами роя,
Мулы старались сквозь частый кустарник достигнуть равнины.
Бревна и все дровосеки несли, ибо так приказал им
Вождь Мерион, товарищ отважного Идоменея.
Поочередно все бревна сложили на берег, где место
Выбрал под холм погребальный Пелид для себя и Патрокла.

После того как дрова они всюду кругом набросали,
На землю все в ожиданье уселись толпой. Ахиллес же
Войнолюбивым своим мирмидонцам отдал приказанье
Медью блестящей одеться и коней запрячь в колесницы.
Тотчас же все мирмидонцы вскочили, доспехи надели.
На колесницы свои поднялись и бойцы, и возницы.
Конные шли впереди, за конными — туча пехоты,
А в середине несли товарищи тело Патрокла;
Волосы тут же срезали себе и на тело бросали,
Весь ими был он покрыт. Ахиллес же придерживал грустно
Голову сзади; в Аид провожал он неробкого друга.

Те же, дошедши до места, какое Пелид им назначил,
Труп положили и бревна поспешно укладывать стали.

Тут другое замыслил в уме Ахиллес быстроногий:
Став в стороне от костра, он русые волосы срезал,
С детства растимые им для бога речного Сперхея,
На винночерное море взглянул и промолвил сердито:
«Тщетно, Сперхей, обрекался, моляся тебе, мой родитель,
Если назад ворочусь я в отчизну мою дорогую,
Волосы срезать мои и тебе принести с гекатомбой:
Нехолощеных баранов заклать пятьдесят, чтобы кровь их
Пала в ключи на участке твоем с алтарем благовонным.
Так тебя старец молил. Но не исполнил ты просьбы!
Нынче же, раз не вернусь я уж в милую землю родную,
Волосы дам унести я с собою Патроклу герою».

Так он сказал и вложил товарищу милому в руки
Кудри свои. И у всех появилось желание плакать.

Скорбью объятых покинуло б их заходящее солнце,
Не подойди Ахиллес к Агамемнону с речью такою:
«Сын Атрея! Твои приказанья исполнят скорее
Мужи ахейские. Плачем пора бы уж сердце насытить.
Пусть от костра разойдутся. Скажи, чтоб готовили ужин.
Мы же, которые более всех об умершем горюем,
Сделаем все, что потребно. Вожди пусть останутся с нами».

Только что это услышал владыка мужей Агамемнон,
Тотчас народ отослал обратно к судам равнобоким.
Те лишь остались, кто должен участвовать был в погребенье.
Сруб они вывели в сотню ступней шириной и длиною
И на вершину его мертвеца положили, печалясь.
Много и жирных овец, и тяжелых быков криворогих,
Перед костром заколов, ободрали. И, срезавши жир с них,
Тело Патрокла кругом обложил Ахиллес этим жиром
От головы до ступней; на костер побросал он и туши.
Там же расставил сосуды двуручные с маслом и медом,
К ложу их прислонив. Четырех лошадей крепкошеих
С силою бросил в костер, стеная глубоко и тяжко.
Девять собак у стола Ахиллеса владыки кормилось;
Двух из них заколол Ахиллес и туда же забросил;
Также двенадцать отважных сынов благородных троянцев
Острою медью зарезал, свершив нехорошее дело.
Силе железной огня пастись на костре предоставил,
И зарыдал, и товарища звать принялся дорогого:
«Радуйся, милый Патрокл, хотя б и в жилищах Аида!
Делаю все для тебя, что раньше тебе обещал я!
Целых двенадцать отважных сынов благородных троянцев
Вместе с тобою, Менетиев сын, огонь пожирает.
Гектора ж я не огню, а собакам отдам на съеденье!»

Так грозил Ахиллес. Но Гектора псы не касались.
Псов отгоняла от тела Зевесова дочь Афродита
Денно и нощно, и труп амвросическим розовым маслом
Мазала, чтоб Ахиллес, волоча, не уродовал тела.
Черное облако Феб-Аполлон распростер над умершим
С неба до самой земли и покрыл им такое пространство,
Сколько мертвец занимал, чтоб от силы палящего солнца
Раньше поры в сухожильях и членах не высохло тело.

Не разгорался, однако, костер над умершим Патроклом.
Тут придумал другое в уме Ахиллес быстроногий:
Встав в стороне от костра, двум ветрам принес он молитву,—
Ветру Борею и ветру Зефиру. Прекрасные жертвы
Им обещал. И молил, возлиянья творя золотою
Чашей, скорей прилететь, чтобы трупы на срубе сгорели

И чтоб дрова запылали. Молитву Пелида услышав,
Вестницей быстрой помчалась Ирида к божественным ветрам.
Все они, в доме собравшись несущего бурю Зефира,
Весело в нем пировали. На каменном стала пороге,
К ним подбежавши, Ирида. Как только ее увидали,
С места вскочили они, и к себе приглашал ее каждый.
Сесть отказалась, однако, Ирида и так им сказала:
«Не до сидения мне! Я спешу к океанским теченьям
В край эфиопов, где вечно живущим богам гекатомбы
Будут они приносить; и я пировать там хотела б.
Шумного просит Зефира с Бореем Пелид быстроногий
В стан прилететь аргивян, обещая прекрасные жертвы.
Чтобы палящий огонь вы раздули в костре, на который
Мертвый положен Патрокл; о нем все ахейцы горюют».
Так сказав, удалилась Ирида. Они поднялися,
С шумом ужасным помчались, гоня облака пред собою.
Дуя неистово, моря достигли. От бури свистящей
Вздыбились волны. Они прилетели в троянскую землю,
В тлевший ударили сруб, и взвилося шумящее пламя.
Ночь напролет они вместе на пламя костра налетали,
Дуя со свистом. И ночь напролет Ахиллес быстроногий,
Из золотого кратера двуручною черпая чашей,
Землю вином поливал, и земля от вина увлажнялась.
Звал при этом душу он Патрокла друга.
Как горюет над сыном отец, его кости сжигая,—
Тяжкое горе принесшим родителям смертью до брака,
Так над другом Пелид горевал, его кости сжигая.
Медленным шагом, глубоко вздыхая, костер обходил он.

Уже взошел Зареносец, земле возвещая о свете,
Следом в платье шафранном Заря распростерлась над морем.
Начал костер догорать, и огонь наконец прекратился.
Ветры взвились и домой обратно к себе устремились
Морем фракийским; оно застонало, волнами бушуя.
Прочь от костра отошел Ахиллес быстроногий, на землю
Лег, изнуренный, и сладостный сон на него ниспустился.
Все остальные толпою направились к сыну Атрея.
Топот и шум подходящих Пелида от сна пробудили.
Он приподнялся и сел и с такой обратился к ним речью:
«Сын Атрея и все остальные вожди всеахейцев!
Первым делом вином искрометным костер загасите
Всюду, где сила огня сохранилась. Потом же давайте
Кости Патрокла сберем, Менетьева славного сына,
Их от других отобрав; отличить же совсем их нетрудно:
В самой средине костра он лежал, остальные горели
По сторонам далеко,— вперемежку и кони и люди.

Кости, двойным окутавши жиром, в сосуд золотой мы
Сложим, покамест и сам я в печальном Аиде не скроюсь.
Слишком высокой могилы над ним я прошу вас не делать,—
Так, приличный лишь холм! А потом уж его и широким
Сделайте нам, и высоким, ахейцы, какие живыми
После меня при судах многовеслых останетесь в стане».

Так говорил он. И все подчинились Пелееву сыну.
Первым делом костер загасили вином искрометным
Всюду, где пламя ходило. Обрушился пепел глубокий.
Белые кости собрав благодушного друга, сложили
С плачем в сосуд золотой их, окутали жиром в два слоя,
В ставку сосуд отнесли и тканью покрыли льняною.
Круг для холма начертили, фундамент на нем заложили
Окрест костра и тотчас на фундамент насыпали землю.
Холм насыпав могильный, пошли они прочь. Но на месте
Всех удержал Ахиллес и, в круг усадив их широкий,
Вынес призы с кораблей,— тазов и треножников много,
Мулов доставил, коней быстроногих, быков крепколобых,
И с поясами красивыми жен, и седое железо.

Далее в этой песне ведется рассказ о следующем:

Ахилл, чтобы почтить память своего погибшего друга Патрокла, устраивает спортивные состязания. Для победителей игр Ахилл учреждает богатые призы. Первыми соревнуются колесницы. В состязании принимают участие пять героев, среди которых и сын Нестора Антилох, наставляемый отцом. В ходе состязания Диомед с помощью Афины одолевает Евмела, Антилох — Менелая. Когда колесницы приближаются к финишу, зрители бьются об заклад и спорят, кто придет первым. Первым пришел Диомед, за ним Антилох, затем Менелай, Мерион и Евмел. На память о Патрокле Ахилл дает награду и старому Нестору. В кулачном бою победу над Евриалом одерживает Епей. В борьбе схватываются Аякс Теламоний и Одиссей. Один не может одолеть другого, победа присуждается обоим. Состязание в беге не без помощи Афины выигрывает Одиссей, обогнав Аякса и Антилоха. В тяжелом поединке на бой в доспехах сошлись Аякс и Диомед, оба храбро сражались и заслужили равную награду. Из четырех состязавшихся далее всех метнул железный диск Полипет. В стрельбе из лука победил Мерион. Первый приз в копьеметании Ахилл присудил Агамемнону.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЫКУП ГЕКТОРА

Кончились игры. Народы ахейские все расходились —
Каждый к быстрым своим кораблям, вкусить собираясь
Пищи вечерней и сладкого сна. Но Пелид быстроногий
Плакал, о друге своем вспоминая. Не брал его вовсе
Всех покоряющий сон. На своей он метался постели,
Полный тоски, вспоминал и мужество друга, и силу,
Сколько вместе они пережили и сколько страдали
В битвах тяжелых с врагом и в волнах разъяренного моря.
Все это он вспоминал, проливая обильные слезы.
То в постели лежал на боку, то растянется навзничь,
Кверху лицом, то ничком повернется. Вставал он с постели,
Берегом моря, тоскуя, бродил. Заря занималась
Перед глазами его, озаряя и берег, и море.
Быстро тогда он впрягал в колесницу коней легконогих,
Сзади привязывал Гекторов труп и влачил его трижды
На колеснице блестящей своей вкруг могилы Патрокла.
В ставку потом уходил отдыхать и ничком распростертым
Тело на пыльной земле оставлял. Но от всех повреждений
Труп охранял Аполлон, сожалея всем сердцем о муже,
Даже умершем. Всего прикрывал золотой он эгидой,
Чтоб Ахиллес, волоча по земле, не уродовал тела.

Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла блаженных бессмертных, на это глядевших.
Стали Гермеса они убеждать, чтобы тело похитил.
Все одобряли такое решенье, но только не Гера,
Не совоокая дева, не бог Посейдон земледержец.
Им, как и прежде, была ненавистна священная Троя,
Старец Приам и народ за вину Александра, который
Горько обидел богинь, явившихся в дом его сельский,
Ту предпочтя, что его одарила погибельной страстью.

После того как зарею двенадцатой небо зажглося,
С речью такою к бессмертным богам Аполлон обратился:
«Боги жестокие, боги губители! Гектор не вам ли
Бедра не раз сожигал от быков и козлов без порока?
Нынче спасти даже мертвого Гектора вы не хотите,
Видеть его не даете жене его, матери, сыну,
Старцу-отцу и народам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и свершили б над ним погребенье.
Вы помогать Ахиллесу губителю, боги, хотите.
Нет справедливости в сердце его, и в груди его разум

Очень негибок. Со львом он свирепостью сходен, который,
Силе великой своей поддаваясь и храброму духу,
Чтоб добыть себе пищу, на смертных стада нападает.
Так Ахиллес погубил в себе жалость, и стыд потерял он
(Стыд, приносящий так много вреда человеку и пользы).
Часто случается: смертный и более близких теряет,—
Сына цветущего или единоутробного брата;
Плачет о нем и скорбит, но потом свою скорбь прекращает.
Смертных богини судьбы одарили выносливым духом.
Этот же, Гектора, богу подобного, жизни лишивши,
Труп его вяжет к коням и волочит его вкруг могилы
Милого друга. Ни славы, ни пользы он тем не добудет.
Как бы ему не воздали мы, будь он хоть доблестен духом!
Прах бесчувственный в злобе своей Ахиллес оскверняет!»

В гневе сказала ему белорукая Гера богиня:
«Слово твое, сребролукий, быть может, и правильно было б,
Если б вы сами равно Ахиллеса и Гектора чтили.
Но Приамид — человек, и женские груди сосал он.
Сын же Пелеев — рожденье богини. Сама воспитала
Я и вскормила Фетиду, ее отдала за Пелея,—
Мужа, которого боги всем сердцем своим полюбили.
Все вы, бессмертные, были на свадьбе; и сам ты с формингой
В пире участвовал, друг нечестивцев, всегда вероломный!»

Гере супруге ответил Зевес, собирающий тучи:
«Гера! На вечных богов сердита совсем ты напрасно!
Почесть не будет обоим одна. Но все же и Гектор
Был наиболе приятен бессмертным средь жителей Трои,
Также и мне. Всегда о дарах, мне приятных, он помнил,
И никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма, что нам от людей подобает,
Но похищенье оставим: возможности нет у нас тайно
От Ахиллеса похитить умершего; денно и нощно
Мать у Пелида сидит, заботой его окружая.
Но если б ближе ко мне позвал из богов кто Фетиду,
Слово разумное я ей скажу, чтоб Пелид быстроногий
Принял дары от Приама и выдал бы Гектора тело».

Вихря быстрей устремилась Ирида крылатая с вестью.
Посередине меж Самом и круто утесистым Имбром
Бросилась в черные волны. И море под ней застонало.
В бездну она погрузилась, подобная гирьке свинцовой,
К рогу степного вола прикрепленной, которая книзу
Тянет крючок и готовит погибель прожорливым рыбам.
В полой пещере застала Фетиду. Морские богини
Тесной толпою ее окружали. Она в середине

Слезы лила о судьбе безупречного сына, который
Должен был далеко от отчизны погибнуть под Троей.

Близко представ, быстроногая так ей сказала Ирида:
«Встань, Фетида! Зовет тебя Зевс, неизменный в решеньях!»

Сереброногая ей отвечала богиня Фетида:
«Что мне прикажет великий тот бог? Пред собраньем бессмертных
Стыдно явиться мне: горе безмерное духом владеет.
Все же иду, чтобы слово его не осталось напрасным».

Так ей ответив, богиня богинь покрывалом оделась
Черным, чернее какого нигде не нашлось бы одежды.
Быстро отправилась в путь. Подобная ветру Ирида
Шла впереди. И морская волна расступалась пред ними.
Выйдя на берег морской, устремились на небо богини.
Там сидящим нашли широкогремящего Зевса,
Вкруг же него — всех прочих блаженных богов вечносущих
Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина.
Гера же ей золотую прекрасную чашу вручила
С словом привета. Фетида, ее осушив, возвратила.

Начал тогда говорить ей родитель бессмертных и смертных:
«С духом печальным пришла на Олимп ты, богиня Фетида!
Скорбь неутешную носишь ты в сердце, я сам это знаю.
Все ж и при этом скажу, для чего сюда тебя звал я.
Девять уж дней средь богов вызывают жестокую ссору
Гектор убитый и грозный Пелид, городов разрушитель.
Зоркого аргоубийцу склоняют они, чтоб похитил
Тело, но я эту славу доставить хочу Ахиллесу,
Чтоб и впредь сохранить мне твое уваженье и дружбу.
В стан отправляйся скорей и сыну приказ передай мой:
Боги, скажи, на него негодуют, всех больше бессмертных
Гневаюсь сам я, что, сердцем безумствуя, Гектора тело
Близ кораблей изогнутых он держит и выдать не хочет.
Если меня он боится, пусть Гектора тотчас отпустит.
Я же Ириду пошлю к Приаму с возвышенным сердцем,
Чтобы к ахейским пошел кораблям он и выкупил сына,
Дав Ахиллесу подарки, какими он был бы доволен».

Так он сказал. Не была непослушна Зевесу богиня.
Ринулась быстро на землю с высоких вершин олимпийских,
В ставку сына пришла своего. В ней Пелида застала,
Тяжко стенавшего. Тут же товарищи милые сына
Возле него хлопотали и спешно готовили завтрак.
Ими заколотый крупный баран там лежал густорунный.

Близко владычица-мать возле сына скорбящего села,
Гладила тихо рукой, называла и так говорила:
«Сын дорогой мой! Зачем до сих пор ты, скорбя и тоскуя,
Сердце терзаешь себе? Не думаешь ты ни о пище,
Ни о постели. Ужель не приятно в любви сочетаться
С женщиной. Жить у меня ведь недолго ты будешь. Стоит уж
Смерть с могучей судьбою совсем от тебя недалеко.
Слушай меня поскорее. К тебе от Кронида я с вестью.
Боги, велит он сказать, на тебя негодуют; всех больше
Сердится сам он, что, сердцем безумствуя, Гектора тело
Близ кораблей изогнутых ты держишь и выдать не хочешь.
Выдай немедленно, сын мой, и выкуп принять согласися».

Матери милой в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«Так пусть и будет! Кто выкуп доставит, тот тело получит,
Если решительно этого требует Зевс олимпиец».

Так Фетида и сын внутри корабельного стана
Много слов окрыленных один говорили другому.

Зевс между тем отправлял Ириду в священную Трою:
«Мчись поскорее, Ирида! Оставив жилища Олимпа,
В Трою спустись и Приаму царю передай повеленье,
Чтобы к ахейским пошел кораблям он и выкупил сына,
Дав Ахилессу подарки, какими он был бы доволен.
Только один пусть идет, чтоб никто с ним не шел из троянцев!
Может лишь вестника взять, постарее который, чтоб правил
Мулами в крепкоколесной повозке и чтобы обратно
В город привез мертвеца, убитого сыном Пелея.
Пусть ни о смерти при этом не думает, ни о боязни.
Проводника мы такого дадим ему, Аргоубийцу.
Он поведет, покуда, ведя, не проводит к Пелиду.
В ставку ж когда приведет, но ни сам Ахиллес не захочет
Смерти Приама предать и другим никому не позволит.
Он — не безумец, не муж легкомысленный иль нечестивый,
Рад он всегда пощадить того, кто молил о защите».

Вихря быстрей устремилась Ирида крылатая с вестью.
В дом Приама вошла и застала там вопли и слезы.
Дети Приама слезами одежды свои орошали,
Посередине двора вкруг родителя сидя, старик же
Плотно закутался в плащ; покрыта была в изобилье
И голова у того старика, и согбенная шея
Пылью, которой, валяясь, руками себя он осыпал.
Царские дочери вместе с невестками в доме скорбели,
Тех вспоминая,— и многих, и храбрых,— которые в битвах
Души свои погубив, полегли под руками ахейцев.

Остановившись пред старцем Приамом, посланница Зевса
Заговорила чуть слышно. Но трепет объял его члены.
«Сердцем дерзай, Приам Дарданид, ничего не пугайся!
Я не со взглядом зловещим являюся здесь пред тобою,
С доброю целью пришла я с вестью к тебе я от Зевса.
Даже вдали о тебе он печется и сердцем болеет.
Выкупить Гектора тело тебе приказал Олимпиец,
Дав Ахиллесу подарки, какими он был бы доволен.
Только отправься один, никого не бери из троянцев,
Вестник с тобой пусть идет лишь, какой постарее, чтоб правил
Мулами в крепкоколесной повозке и чтобы обратно
В город привез мертвеца, убитого сыном Пелея.
Смело иди и не думай о смерти, не думай о страхе.
Проводника он такого пошлет тебе, Аргоубийцу.
Он поведет, покуда, ведя, не проводит к Пелиду.
В ставку ж когда приведет, то ни сам Ахиллес не захочет
Смерти тебе причинить и другим никому не позволит.
Он не безумец, не муж легкомысленный иль нечестивец.
Рад он всегда пощадить того, кто молил о защите».

Так сказав, быстроногая прочь удалилась Ирида.
Он сыновьям приказал приготовить повозку для мулов
Прочноколесную, сверху и кузов велел привязать к ней.
Сам же Приам в кладовую спустился со сводом высоким,
Кедром обитую крепким и всю в украшеньях блестящих.
Кликнул Гекубу к себе, супругу свою, и сказал ей:
«Милая! Вестница Зевса ко мне приходила с Олимпа,
Чтобы к ахейским пошел кораблям я и выкупил сына,
Дав Ахиллесу подарки, какими он был бы доволен.
Вот что, однако, скажи мне: какого ты мненья об этом?
Страшно меня самого побуждают и дух мой, и сила
В стан пространный ахейцев отправиться, к черным судам их!»

Так он сказал. Зарыдала жена и ему отвечала:
«Горе! Куда подевался твой разум, которым когда-то
Славился ты и среди чужестранцев, и в собственном царстве!
Как ты можешь желать один пред судами явиться,
Перед глаза человека, немало избившего в битвах
Храбрых твоих сыновей! Из железа в груди твоей сердце!
Если к нему попадешь и тебя он увидит глазами,
Не пожалеет тебя кровопийца злокозненный этот,
Не постыдится тебя! Останемся плакать в чертоге,
Здесь, от сына вдали! Такую ему уже долю
Мощная выпряла, видно, Судьба, как его я рождала...»
Старец Приам боговидный на это ответил Гекубе:
«Нет, я желаю идти! Не удерживай! В собственном доме
Птицей не будь мне зловещей. Меня убедить не сумеешь...»

Из кладовой гладкостенной носить и укладывать стали
В кузов подарки — за голову Гектора выкуп несчетный.
Мулов потом упряжных заложили могучекопытных,
Некогда в дар от мисийцев полученных славным Приамом.
А для Приама коней подвели под ярмо: для себя их
Тщательно выкормил царь в красиво отесанных яслях.

В доме высоком они за запряжкою оба следили,—
Царь и глашатай, в уме своем планы разумные строя.
Близко к ним подошла с опечаленным сердцем Гекуба;
Чашу в правой руке держала она золотую
С сладким вином, чтоб пошли они в путь, совершив возлиянье.
Пред колесницею стала, царя назвала и сказала:
«На, возлияние сделай родителю Зевсу, молися,
Чтоб от врагов ты домой воротился, уж раз тебя дух твой,
Как я ни против того, идти к кораблям побуждает.
Но помолись перед тем облаков собирателю черных
Зевсу, который на землю троянскую с Иды взирает.
Птицу проси, быстролетного вестника, силой своею
Первую в птицах, которую сам он всех более любит.
С правой проси стороны, чтоб, ее увидавши глазами,
С верой отправился ты к кораблям быстроконных данайцев.
Если ж Кронион широко гремящий тебе не захочет
Дать посланца своего, всем я сердцем тебя убеждаю
В стан не ходить к аргивянам, хотя бы и очень желал ты».

Сходный с богом Приам сказал, отвечая Гекубе:
«Этот наказ твой, жена, я с большою охотой исполню.
Руки полезно к Зевесу вздевать, чтобы нас пожалел он».

Так ей ответил старик и ключнице дал приказанье
Руки полить ему чистой водою. Служанка явилась,
Таз умывальный держа и с водою кувшин. И как только
Вымыл руки Приам, он кубок принял от супруги,
Стал посредине двора, возлиянье свершил и молился,
В небо широкое глядя, и громкое слово промолвил:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий, преславный, великий!
Дай мне к Пелиду угодным прийти, возбуждающим жалость.
Птицу пошли, быстролетного вестника, силой своею
Первую в птицах, которую сам ты всех более любишь.
С правой пошли стороны, чтоб, ее увидавши глазами,
С верой отправился я к кораблям быстроконных данайцев!»

Так говорил он, молясь. Услыхал его Зевс промыслитель.
Был им послан орел, безобманная самая птица,
Хищник темноперистый; еще он «пятнистым» зовется.
Тех же размеров, которых в покое высоком бывает

Дверь у богатого мужа, снабженная прочным затвором,—
Каждое было крыло таких же размеров. Пронесся
Справа над Троей орел. Они, как увидели это,
В радость пришли, и у всех в груди взвеселилося сердце.

Быстро старец Приам на блестящую стал колесницу,
Портиком гулким погнал через ворота коней быстроногих;
Мулы пошли впереди под повозкой четыреколесной;
Ими разумный Идей управлял, позади же за ними —
Кони, которых Приам престарелый, бичом подгоняя,
Быстро погнал через город. Друзья провожали Приама,
Сильно печалясь о нем, как будто бы на смерть он ехал.
После того, как спустились из города вниз на равнину,
Царские все сыновья и зятья воротились обратно
В Трою родную. Но сами они не укрылись от Зевса.
В поле он их увидал и исполнился жалости к старцу.
К милому сыну Гермесу с такой обратился он речью:
«Более прочих, Гермес, ты привык и всех более любишь
Смертному спутником быть и внимать, кому пожелаешь.
Встань и иди и Приама к судам мореходным ахейцев
Так проводи, чтоб никто не увидел, никто не заметил
Из остальных аргивян, пока не придет к Ахиллесу».

Так он сказал, и вожатый послушался Аргоубийца.
Тотчас к ногам он своим привязал золотые подошвы
Амвросиальные, всюду его с дуновением ветра
И над землей беспредельной носившие, и над водою.
Жезл захватил, которым глаза усыпляет он смертных,
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Аргоубийца могучий с жезлом тем с Олимпа понесся.
Вмиг Геллеспонта достиг и широкой троянской равнины
И зашагал по земле, царевича образ принявши
С первым пушком на губах,— прелестнейший в юности возраст!

Оба же те миновали могилу высокую Ила.
Мулов они и коней удержали у берега речки,
Чтоб попоить их. Уж сумрак вечерний на землю спустился.
Близко вдруг перед собою Гермеса увидев, глашатай
Тотчас заметил его, обратился к Приаму и молвил:
«Остерегись, Дарданид! Осторожности требует дело:
Мужа я вижу; мне кажется, он уничтожить нас хочет!
Прочь унесемся скорей на конях иль, к нему подошедши,
Мужу обнимем колени и будем молить о пощаде!»

Так говорил он. Смутился старик, испугался ужасно.
Дыбом волосы встали на сгорбленном старческом теле.
Оцепеневши стоял он. К нему подошел Благодавец,

За руку взял старика, и спрашивать начал, и молвил:
«Ты куда это гонишь, отец, этих коней и мулов с повозкой
Чрез амвросийную ночь, когда все покоятся люди?
И неужель не боишься ты дышащих силой ахейцев,
Так находящихся близко, такой к вам горящих враждою?
Если б тебя кто увидел, как быстрою темною ночью
Столько везешь ты сокровищ, то что б ты почувствовал в сердце?
Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
Как же вы справитесь с первым, кто вас пожелает обидеть?
Я же тебе ничего не сделаю злого, охотно
И от других защищу: на отца моего ты походишь».

Старец Приам боговидный на это ответил Гермесу:
«Все так и есть, дитя мое милое, как говоришь ты!
Кто-то, однако, простер из богов надо мной свою руку,
Если с подобным тебе попутчиком встретиться дал мне,
В добрый ниспосланным час, прекрасным и ростом, и видом,
С разумом сильным таким. Счастливых родителей сын ты!»

Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
«Так! Справедливо ты все говоришь и разумно, о старец!
Вот что, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Столько сокровищ богатых куда-нибудь ты высылаешь
В страны чужие, чтоб хоть бы они у тебя уцелели?
Иль уж все Илион вы священный готовы покинуть,
Страхом объятые? О, что за воин погиб превосходный,
Сын твой! В сраженьях был он не ниже героев ахейских!»

Старец Приам боговидный на это ответил Гермесу:
«Кто же ты сам, мой хороший? Скажи, от кого ты родился?
Как хорошо говоришь ты о сыне моем злополучном!»

Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
«Вижу, старик, о Гекторе ты расспросить меня хочешь.
Часто своими глазами в боях, прославляющих мужа,
Видел я Гектора,— даже в тот день, как, к судам отогнавши,
Он избивал аргивян, сокрушая их острою медью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
Нам Ахиллес запрещал, рассердясь на Атреева сына.
Я Ахиллесов товарищ, в одном корабле с ним приплыл я.
Родом и я мирмидонец; отец мой зовется Поликтор.
Муж он богатый, такой же старик, как и ты предо мною.
Дома осталося шесть сыновей его, я же седьмой тут.
Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Нынче сюда от судов я пришел на равнину. С зарею
Боем на город пойдут быстроглазые мужи ахейцы.
Все негодуют они, оставаясь без дела, и рвутся
Пламенно в бой, и цари аргивян удержать их не в силах».

Старец Приам боговидный на это ответил Гермесу:
«Если товарищ ты впрямь Ахиллеса, Пелеева сына,
То, умоляю тебя, сообщи мне полнейшую правду,—
Все ли еще пред судами находится сын мой, иль бросил
Псам на съеденье его Ахиллес, на куски разрубивши?»

Аргоубийца вожатый на это ответил Приаму:
«Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не клевали.
Близ корабля Ахиллеса лежит до сих пор он пред ставкой,
Не изменившись нисколько. Двенадцатый день, как лежит он
Мертвый. Но тело его не гниет, не едят его жадно
Черви, которые павших в сраженьях мужей пожирают.
Правда, безжалостно, только заря загорится, волочит
Гекторов труп Ахиллес вкруг могилы любимого друга,
Но невредим он лежит. Изумился бы сам ты, увидев:
Свеж он лежит, как росою омытый, нет крови на коже,
Грязи не видно нигде, закрылись все раны на теле,
Что получил он: а медь ему многие в тело вонзали.
Видишь, о сыне твоем как болеют блаженные боги,
Даже когда он уж умер. Его от души они любят».

Так говорил он. И радость взяла старика, и сказал он:
«Вот как, мой сын, хорошо приносить сообразные жертвы
Вечным богам, на Олимпе живущим! О них постоянно
Помнил в чертоге мой сын. Да, был у меня он когда-то!
А потому и о нем они вспомнили даже по смерти.
Вот что, однако: прими от меня этот кубок прекрасный
И, охраняя меня, проводи под защитой бессмертных,
Чтобы достигнуть я мог безопасно Пелидовой ставки».

Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
«Юность мою искушаешь, старик! Но старанья напрасны.
Хочешь, чтоб принял твои я дары за спиною Пелида.
Всею душой я боюсь и стыжусь обокрасть Ахиллеса.
Как бы со мною позднее за это беды не случилось!
Проводником я тебе хоть до славного Аргоса буду,
На корабле и пешком провожать тебя рад со стараньем.
Вряд ли с презрением кто с провожатым таким бы сразился».

Так отвечал Благодавец Гермес и вскочил в колесницу.
В руки проворно схватил и бич, и блестящие вожжи,
Коням и мулам вдохнул необычную резвость и силу.
Скоро окопа достигли они и стены корабельной,
Где незадолго трудилась над ужином стража ахейцев.
Сон на стражу излил благодетельный Аргоубийца,
Вслед за этим ворота открыл, отодвинув засовы,
Ввез Приама вовнутрь, а с ним и повозку с дарами.

Вскоре достигли они Ахиллесовой ставки высокой.
Ставку построили ту мирмидонцы царю, нарубивши
Брёвен еловых для стен, и здание сверху покрыли,
Нежно-пушистый тростник для того на болоте нарезав.
Около ставки широкий устроили двор для владыки,
Огородив частоколом. Ворота его запирались
Крепким засовом еловым. Огромный засов тот в воротах
Трое ахейцев с трудом выдвигали, с трудом задвигали —
Все остальные; но сам Ахиллес без труда его двигал.
Эти ворота открыл перед старцем Гермес благодавец,
Славные ввез он дары быстроногому сыну Пелея,
Наземь сошел с колесницы и так обратился к Приаму:
«Бог я бессмертный, о старец, к тебе низошедший с Олимпа.
Знай, пред тобою — Гермес! Проводить я отцом тебя послан.
Ну, а теперь возвращаюсь назад; на глаза Ахиллесу
Не покажусь; непристойно б то было бессмертному богу
Так, без всякой нужды, по-приятельски с смертным встречаться.
Ты же, войдя, охвати Ахиллесу колени руками,
Ради отца умоляй, ради матери пышноволосой,
Ради сына его, чтобы дух взволновать ему в сердце».

Так сказавши, Гермес на высокий Олимп удалился.
Старец Приам с колесницы немедленно спрыгнул на землю
И повелел оставаться на месте Идею, чтоб мулов
И лошадей он стерег. А сам направился прямо
К дому, где милый богам Ахиллес находился. Сидящим
Старец увидел его, а поодаль — товарищей. Двое ж,—
Автомедонт благородный и отрасль Аресова Алким,—
Возле него суетились. Он только что ужинать кончил,
Попил уже и поел. Перед ним еще стол оставался.
В ставку великий Приам незаметно вошел и, приблизясь,
Обнял колени Пелида и стал целовать его руки,—
Страшные, кровью его сыновей обагренные руки.
Так же, как если убьет человек в ослепленье тяжелом
Мужа в родной стороне и, в другую страну убежавши,
К мужу богатому входит и всех в изумленье ввергает,
Так изумился Пелид, увидев боговидного старца;
Так изумились все и один на другого глядели.
Он же, моля Ахиллеса, такое сказал ему слово:
«Вспомни, подобный богам Ахиллес, об отце твоем милом!
Так же, как я, стоит на пороге он старости скорбной.
Может быть, в этот же час соседи, его окруживши,
Войском теснят, и спасти его некому в этом несчастье.
Знает, однако, по крайней он мере и слышит, что жив ты,
Радуясь этому сердцем, надеждой всегда преисполнен
Милого сына увидеть пришедшим домой из-под Трои.
Я ж, бесконечно несчастный, сынов народил превосходных

В Трое широкой,— и в жизни из них никого не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии войска ахейцев,
И девятнадцать из них — от одной материнской утробы.
Жены другие мои остальных мне родили в чертогах.
Многим из них свирепый Арес уж расслабил колени.
Кто же единственный был и единственный Трои защитник,
Тот был недавно тобою убит, защищая отчизну,—
Гектор. И ради него прихожу к кораблям я ахейским
Выкупить тело его, и несу неисчислимый выкуп.
Сжалься, Пелид, надо мною, яви уваженье к бессмертным,
Вспомни отца твоего! Я жалости больше достоин!
Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный:
Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!»

Плакать тогда об отце захотелось Пелееву сыну.
За руку взяв, от себя старика отодвинул он тихо.
Плакали оба они. Припавши к ногам Ахиллеса,
Плакал о сыне Приам, о Гекторе мужеубийце.
Плакал Пелид об отце о своем и еще о Патрокле.
Стоны обоих и плач по всему разносилися дому.
После того как слезами Пелид богоравный упился,
В сердце ж и в членах его уж исчезло желание плакать,
С кресла стремительно встал он и за руку поднял Приама,
Тронутый белой его бородой и седой головою,
И, обратившись к нему, слова окрыленные молвил:
«О злополучный! Как много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился один близ ахейских судов появиться
Перед глаза человека, немало избившего в битвах
Храбрых сынов у тебя? Да, сердце твое из железа!
Ну, успокойся ж и в кресло садись! Как бы ни было грустно,
Горести наши оставим покоиться скрытыми в сердце!
Мы ничему не поможем и самым неистовым плачем.
Боги такую уж долю назначили смертным бессчастным,—
В горестях жизнь проводить. Лишь сами они беспечальны.
Глиняных два кувшина есть в Зевсовом доме великом,
Полны даров,— счастливых один, а другой — несчастливых.
Смертный, кому их, смешавши, дает молневержец Кронион,
В жизни своей переменно то горе находит, то радость.
Тот же, кому только беды он даст,— поношения терпит,
Бешеный голод его по земле божественной гонит,
Всюду он бродит, не чтимый никем, ни людьми, ни богами.
Так и с Пелеем: дарами осыпали светлыми боги
С юности самой его; выдавался меж всеми людьми он
Счастьем, богатством; владыкою был он мужей мирмидонских.
Смертный, в супруги себе получил от богов он богиню.
Но и ему приложил злополучие бог: не имеет
В доме своем он потомков, кто был бы наследником царства.

Сын у него лишь один, краткожизненный; даже и нынче
Старости я не покою его. Далеко от отчизны
Здесь я сижу, и тебя и твоих сыновей огорчая.
Также и ты, как я слышал, старик, благоденствовал прежде:
Сколько к северу Лесбос вмещает, обитель Макара,
В сторону — Фригия, также и весь Геллеспонт беспредельный,—
Окрест везде, говорят, ты богатством блистал и сынами.
Но, как беду навели на тебя небожители-боги,
Вечно вокруг Илиона сраженья и мужеубийства.
Так овладей же собой, без конца не круши себя скорбью.
Пользы не много тебе от печали по сыне убитом.
Мертвый не встанет; скорей тебя новое горе постигнет».

Старец Приам боговидный на это ответил Пелиду:
«Нет, я не сяду, любимец Зевеса, покудова Гектор
В ставке лежит, погребенью не преданный. Выдай скорее,
Чтобы глазами своими его я увидел. А сам ты
Выкуп прими привезенный. И пусть тебе будет на радость
Он, как вернешься в отчизну, за то, что меня пощадил ты,
Жизнь мне оставил и видеть позволил сияние солнца».

Грозно взглянув на Приама, сказал Ахиллес быстроногий:
«Не раздражай меня нынче, старик! Ведь и так уж решил я
Гектора выдать тебе. От Зевеса ко мне приходила
Вестницей мать, что меня родила, дочь старца морского.
Но и тебя,— хорошо я, Приам, это знаю, не скроешь! —
Но и тебя к кораблям нашим кто-то привел из бессмертных.
Ибо никто б из людей не посмел, даже юноша пылкий,
В стан ахейский войти: от стражи он скрыться не смог бы,
Да и засов нелегко б отодвинул на наших воротах.
Будет тебе еще больше страдающий дух волновать мне!
Как бы тебе здесь, старик, хоть ты — и просящий защиты,
Не отказал я в пощаде, нарушивши Зевсову волю!»

Так он сказал. Испугался старик и послушал приказа.
Сын же Пелеев из ставки, как лев, устремился наружу,
Но не один; поспешили за ним и товарищей двое,—
Автомедонт благородный и Алким, которых меж всеми
После Патрокла убитого чтил Ахиллес наиболе.
Быстро они от ярма лошадей отвязали и мулов,
Вестника старца Приама ввели в Ахиллесову ставку,
В кресло его усадили, с повозки ж красивоколесной
Неисчислимую плату за голову Гектора сняли.
Две лишь оставили мантии с вытканным тонко хитоном,
С тем чтобы тело одетым домой отпустить от Пелида.
Он же, позвавши рабынь; повелел им обмыть и умастить
Гектора тело, но прочь отнеся, чтоб Приам не увидел.
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,

Сына увидев, а сам он внезапно в ответ не вскипел бы
И не убил бы его, приказанье нарушивши Зевса.
Тело обмыли рабыни и маслом его умастили,
В новый одели хитон и набросили мантию сверху.
Гектора сам Ахиллес, подняв, положил на носилки;
Вместе с друзьями потом на повозку в носилках поставил.
После того зарыдал, и друга назвал, и промолвил:
«Не обижайся, Патрокл, если даже и в доме Аида
Ты вдруг узнаешь, что я многосветлого Гектора тело
Отдал отцу: не ничтожными он заплатил мне дарами.
Долю достойную я и тебе из них выделю в жертву!»

В ставку свою Ахиллес многосветлый вернулся обратно,
Сел в красивое кресло, с которого встал перед этим,
Против Приама с другой стороны у стены и промолвил:
«Сын твой умерший, старик, тебе возвращен, как велел ты.
Тело в носилках лежит. Его на заре ты увидишь,
Как повезешь к себе в город. Теперь же об ужине вспомним.
Пищи забыть не могла и Ниоба сама, у которой
Разом двенадцать детей нашли себе смерть в ее доме,—
Шесть дочерей и шесть сыновей, цветущих годами.
Стрелами юношей всех перебил Аполлон сребролукий,
Злобу питая к Ниобе, а девушек всех — Артемида.
Мать их с румяноланитной Лето пожелала равняться:
Та, говорила, лишь двух родила, сама ж она многих!
Эти, однако, хоть двое их было, но всех погубили.
Трупы кровавые девять валялися дней. Хоронить их
Некому было: народ превращен был Кронионом в камни.
Их на десятый лишь день схоронили небесные боги.
Вспомнила все ж и Ниоба о пище, как плакать устала.
Нынче где-то средь скал, в пустынных горах, на Сипиле,
Где, как слыхал я, приют находят ночами богини,
Нимфы, которые вдоль берегов ахелоевых пляшут,—
Там, хоть уж камень сама, богоданной скорбит она скорбью.
Значит, божественный старец, давай-ка с тобою о пище
Также подумаем. Сына ты можешь оплакать и позже,
В Трою привезши его. Для тебя многослезен он будет!»

Так он сказал и вскочил и овцу белорунную быстро
Сам заколол; ободрали ж товарищи, как подобает,
Мясо, искусно нарезав куски, вертелами проткнули,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Автомедонт же расставил корзины красивые с хлебом
По столу; сам Ахиллес разделил меж сидевшими мясо.
Руки они протянули к поставленным яствам готовым.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,

Как он велик и прекрасен; богам он казался подобным.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Глядя на образ его благородный и слушая речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая.
Первым старик боговидный Приам обратился к Пелиду:
«Зевсов питомец, пусти меня спать поскорее. Позволь нам
Сладостным сном насладиться, улегшись в постели. Давно уж
Ни на мгновение сном у меня не смыкалися веки,—
С самого дня, как свой дух погубил под твоими руками
Сын мой. Все время стенал и несчетные скорби терпел я,
С горя в ограде двора по навозу и пыли валяясь.
Только сейчас я и пищу вкусил, и с вином искрометным
Чашу в гортань себе влил. До сегодня ж не ел ничего я».

Тотчас товарищам царь Ахиллес приказал и рабыням
Две кровати поставить в сенях, из подушек красивых
Пурпурных ложе устроить, покрыть его сверху коврами,
Два одеяла пушистых постлать, чтобы спящим покрыться.
С факелом ярким в руках поспешили рабыни из дома,
Две постелили проворно постели в указанном месте.
И обратился к Приаму, шутя, Ахиллес быстроногий:
«Ляжешь снаружи ты, милый старик, чтобы кто из ахейцев
В ставку сюда не пришел совещаться,— ко мне постоянно
Для совещаний идут посидеть,— таков уж обычай!
Если из них кто тебя средь ночной темноты здесь увидит,
Все он тотчас сообщит Агамемнону, сыну Атрея:
Может выйти тогда задержка с выдачей тела.
Вот что, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Сколько ты дней хоронить многосветлого Гектора хочешь?
Столько я дней от боев удержусь, удержу и ахейцев».

Старец Приам боговидный на это ответил Пелиду:
«Если ты хочешь, чтоб мог я свершить погребение сына,
Радость великую мне бы доставил ты, сделавши вот как:
В городе заперты мы, как ты знаешь; возить издалека
С гор нам придется дрова, а троянцы напуганы сильно.
Девять бы дней нам желалось оплакивать Гектора в доме,
Похоронить на десятый и пир поминальный устроить;
После поминок наутро насыплем над мертвым могилу,
В день же двенадцатый станем сражаться, уж если так нужно».

Снова ему отвечая, сказал Ахиллес быстроногий:
«Сделано будет и это, о старец Приам, как желаешь.
Бой прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь».

Так сказал Ахиллес и Приамову правую руку
Около кисти пожал, чтоб старик ничего не боялся.
Там они спать улеглись, в притворе Пелидова дома,—

Царь и глашатай, в уме своем планы разумные строя.
Сам Ахиллес почивал в глубине своей ставки прекрасной,
С ним Брисеида легла прекраснолanитная рядом.

Прочие боги Олимпа и коннодоспешные мужи
Спали всю ночь напролет, побежденные сном благодатным.
Лишь одолеть он не мог одного Благодавца Гермеса.
Думал он в духе своем, как лучше владыку Приама
Через ворота провесть незаметно для стражи могучей.
Стал над его головою и с речью к нему обратился:
«Все еще спишь ты, старик, пощаженный Пелеевым сыном,
Между враждебных людей, не заботясь о бедах возможных.
Много ты отдал сегодня, чтоб выкупить мертвого сына.
Но за тебя, за живого, тройную отдали бы цену
Дети, которые сзади остались, когда б Агамемнон
И остальные ахейцы узнали, что здесь ты, в их стане».

Так говорил он. Старик испугался и вестника поднял.
Тотчас Гермес лошадей им и мулов запряг и поспешно
Сам их прогнал через стан аргивян, и никто не увидел.
Но лишь достигнули брода прекрасноструящейся речки,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Путников бросив, Гермес на великий Олимп удалился.

В платье шафранном Заря простерлась над всею землею.
К городу гнали они лошадей со стенаньем и плачем.
Мулы везли мертвеца. И никто их другой не увидел
Ни из мужчин, ни из жен, поясами прекрасными славных,
Прежде Кассандры, красой с золотой Афродитою сходной.
Рано Кассандра взошла на Пергам и отца увидала
На колеснице и с ним громогласного вестника Трои.
И увидала в повозке, запряженной мулами, также
Гектора славного труп. Завопила на весь она город:
«Эй! Троянцы! Троянки! Бегите, чтоб Гектора видеть!
Вы ведь с восторгом живого встречали его после битвы;
Радостью он постоянной и городу был, и народу!»

Так говорила. И вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое широкой. Печаль несдержимая всех охватила.
Возле ворот городских окружили везущего тело.
Всех впереди молодая жена и почтенная матерь
Волосы рвали, бросались к повозке красивоколесной,
Голову Гектора в руки хватали. И плакал народ весь.
До ночи целый бы день напролет, заливаясь слезами,
Перед воротами все оставались у трупа в повозке,
Если б старик со своей колесницы не крикнул народу:
«Дайте дорогу, чтоб мог я на мулах проехать! Потом же
Плачем насытитесь все вы, как мертвого в дом привезу я!»

Так он сказал. Расступился народ и открыл им дорогу.
К славному дому Приама привезши, на ложе сверленом
Тело они положили. Певцов, зачинателей плача,
Возле него посадили, которые с грустным стенаньем
Песни плачевные пели, а жены им вторили стоном.
Плач белокурая после того зачала Андромаха,
Голову Гектора мужеубийцы обнявши руками:
«Молод из жизни ушел ты, мой муж дорогой, и вдовою
В доме меня покидаешь. И мал еще сын наш младенец,
Нами, злосчастными, на свет рожденный, тобою и мною.
Юности он не достигнет, я думаю. Прежде наш город
Будет разрушен. Погиб ты, хранитель его, защищавший
Трою саму, и почтенных супруг, и детей несмышленых!
Быстро отсюда их всех увезут в кораблях быстролетных,
С ними со всеми — меня. И сам ты, о сын мой, за мною
Следом пойдешь, чтобы там неподобную делать работу,
Для господина стараясь свирепого. Либо ахеец,
За руки взявши, швырнет тебя с башни — ужасная гибель! —
В гневе, что брата его, иль отца, или милого сына
Гектор в бою умертвил, ибо очень не мало ахейцев,
Пикой его пораженных, глодало широкую землю:
Сердцем не мягок родитель твой был средь погибельной сечи.
Вот почему так о нем и горюет народ в Илионе.
Плач несказанный и горе родителям милым принес ты,
Гектор! Но мне наиболе жестокие скорби доставил.
Не протянул ты руки мне своей со смертельного ложа,
Слова заветного мне не сказал, о котором бы вечно
Я вспоминала и ночью, и днем, обливаясь слезами!»

Так говорила, рыдая. И жены за нею стенали.
Громко потом зачала между женами плач свой Гекуба:
«Гектор, из всех сыновей наиболее мною любимый!
Мил у меня и при жизни ты был олимпийцам бессмертным,
И по кончине твоей за тебя они сердцем болеют.
Многих других сыновей у меня Ахиллес быстроногий,
В плен захвативши живьем, далеко за бесплодное море
Продал на Самос, на Имброс, на Лемнос, окутанный паром.
Но, одолевши тебя и оружием душу исторгнув,
Как ни влачил он тебя вкруг могилы Патрокла, который
Гибель из рук твоих принял и быть воскрешенным не смог им,
Все ж у меня как росой ты умытый покоишься в доме,
Свежий, подобно тому, кого Аполлон сребролукий
Нежной стрелою своей умертвил, подошедши внезапно!»

Так говорила, рыдая. И плач поднялся непрерывный.
Третьей меж женами горестный плач зачинала Елена:
«Гектор, меж деверей всех наиболее мною любимый!

Ибо супруг мне теперь — Александр боговидный, привезший
В Трою меня. Отчего, отчего не погибла я раньше!
Нынче двадцатый уж год для меня с той поры протекает,
Как прибыла я сюда и покинула край мой родимый,
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова!
Даже когда и другой кто меня укорял из домашних,—
Деверь, золовка прекрасно одетая, или невестка,
Или свекровь,— что до свекра-отца, то всегда был он ласков,—
Ты, убеждая словами, удерживал их от нападок
Мягким своим обращеньем и мягкою речью своею.
Горько скорблю о тебе и скорблю о себе, злополучной.
Нет у меня никого в Илионе широком другого,
Кто бы мне дружествен был. Для всех я равно ненавистна!»

Так говорила, рыдая. Вздыхал весь народ неисчетный.
Старый Приам обратился к народу с такими словами:
«В город везите, троянцы, дрова и не бойтесь нисколько
Тайной засады ахейцев. Мне дал Ахиллес обещанье,
От чернобоких своих отправляя судов, что не будет
Зла причинять нам, покамест двенадцатый день не наступит».

Так говорил он. В повозки волов тяжконогих и мулов
Стали они запрягать и пред городом быстро собрались.
Девять дней подвозили несчетное множество леса.
Вместе с десятою свет приносящею смертным зарею
Вынесли, горько рыдая, отважного Гектора тело,
Наверх костра положили и снизу подбросили пламя.

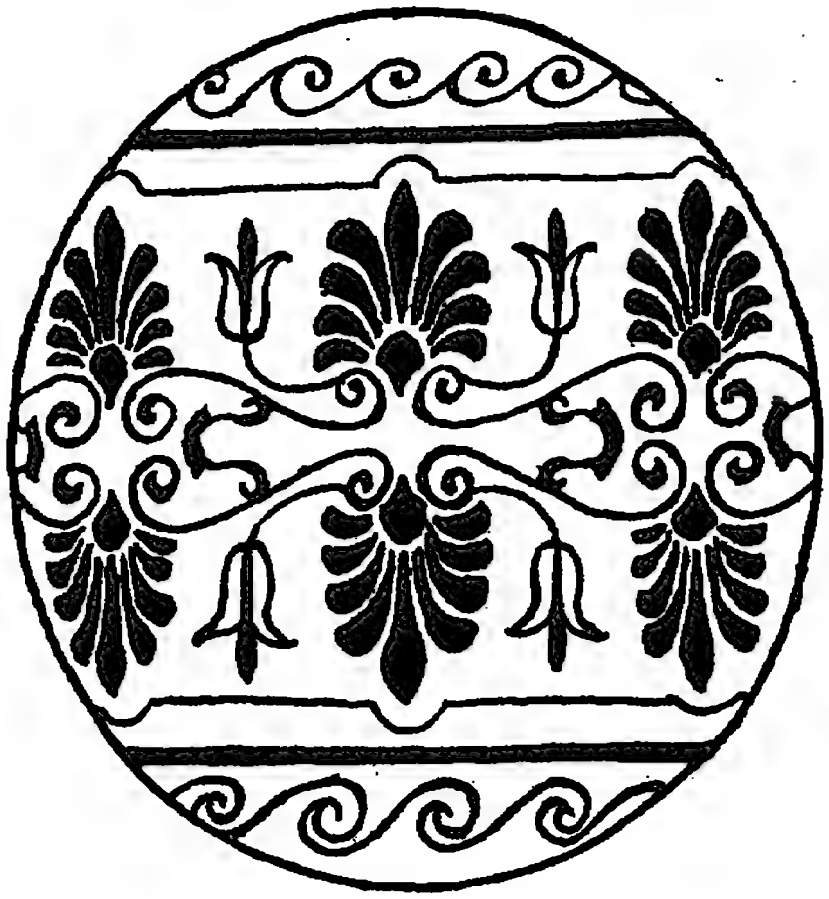
Рано рожденная, в небе взошла розоперстая Эос.
Люди сходились к костру, на котором покоился Гектор.
После того как сошлись и большая толпа собралася,
Первым же делом вином искрометным костер загасили
Всюду, где сила огня сохранилась. А братья с друзьями
Тщательно белые кости героя средь пепла собрали,
Горько скорбя и со щек обильные слезы роняя.
В ящик потом золотой те кости они положили,
Их покрывши пред тем пурпуровой мягкой одеждой.
Тотчас спустили в могилу глубокую, после того же
Поверху часто камнями огромными плотно устлали.
Сверху насыпали холм. Вокруг же стража сидела,
Глядя, чтоб ранее срока на них не напали ахейцы.
Быстро насыпав могилу, они разошлись. Напоследок
Снова все собрались и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, владыки, вскормленного Зевсом.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

ГОМЕР

Одиссея

Эпическая поэма



Перевод с древнегреческого

В. А. ЖУКОВСКОГО

Текст печатается в сокращении по изданию:
Гомер, «ОДИССЕЯ».
Государственное издательство
художественной литературы,
М., 1959

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога,—
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богопобного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!

Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
«Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», так было
Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеяся в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!

Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амброзиальные всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть воспримет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом;
приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинея Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе

Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящийся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на береге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится,— ему уж возврата не будет.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку, иль здесь уж бывал ты.
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много

В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуюся Ментосом, правлю народом
Всслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахеян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались».—
«Добрый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одисеев,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали

Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник, иль свадьбу пируешь? не складочный пир здесь, конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя».—
«Добрый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он,
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином
Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленныи
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
В этом жилище, иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым

Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притесненья: когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужство.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какою божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я».—
«Милый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними

Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос».—
«Милая мать,— возразил рассудительный сын Одиссеев,—
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высоко духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь — с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы,— сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:
«Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!»
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
«О Телемах, мы не знаем — то в лоне бессмертных сокрыто,—
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно».—
«Друг Евримах,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом

Веслолюбивых тафийцев». Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она — заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаяся ревности женской.
Факел неся, Евриклея вела Телемаха — за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Евриклея сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный:
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился —
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много...
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».
Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратяся, ему он сказал: «Благородный
Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны,— это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав,
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.
Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;
Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.
Нет; им удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить...»
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
«Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
Три совершилося года, уже наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там

Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи,— поелику на свете
Нет Одиссея,— отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый —
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден...
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа»...
...Тогда поднялся неизменный
Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.
Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое»...
Все, удалясь, по своим разошлися домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.
Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.

Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
«Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы».
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Все твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частию хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют — оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
В путь изготовлен, и спустим его на священное море»...
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлися, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
Сладкий сон на пирующих там женихов навела; помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,

Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемах, нам;
Все собрались уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой».
Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного брега.
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало...

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Действие первых песен, как мы видели, происходит на Итаке, где бесчинствуют женихи в доме Одиссея, а верная жена Одиссея Пенелопа и их разумный сын Телемах не могут ничего с этим поделать. Афина помогает Телемаху раздобыть корабль и тайком уплыть на поиски отца. Под видом друга Одиссея Ментора она и далее сопровождает Телемаха. Третья песнь начинается с их прибытия в Пилос, где царствовал Нестор. В это время там шел праздник в честь Посейдона. Царь приветливо встречает Телемаха и Ментора и по их просьбе рассказывает, что знает о судьбах возвращавшихся на родину героев, сражав-

шихся под Троей, в частности о злой судьбе Агамемнона и благополучном прибытии Менелая. После того как Телемах переночевал во дворце Нестора и утром они свершили жертву Афине, он вместе с сыном царя Писистратом отправился в Лакедемон к Менелаю.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вскоре путники прибыли к богатому дворцу Менелая в Спарте, где в это время праздновали веселый свадебный пир сына и дочери Менелая. Царь гостеприимно встречает нечаянных гостей. После того как они насытились, Менелай рассказывает о себе и других героях, сокрушается о бедах Одиссея, все еще не вернувшегося домой. Приходит Елена и спрашивает о появившихся у них гостях. Выясняется, что один из них сын Одиссея. Все плачут о погибших героях. Елена рассказывает о подвигах Одиссея в Трое — о его бесстрашной разведке, а Менелай вспоминает о деревянном коне. Менелай хочет, чтобы Телемах подольше у него погостил, но тот просит поскорее отпустить его домой. Царь ласково говорит с ним, сообщает все, что знает, и предлагает щедрые подарки. А в доме Одиссея по-прежнему хозяйничают женихи, но вскоре узнают, что Телемаху удалось куда-то уплыть. Узнав об этом, Пенелопа сетует на судьбу, отнявшую у нее мужа, а теперь и сына. Однако ночью ее посещает призрак, посланный Афиной, который сообщает, что Телемах жив, но умалчивает о судьбе Одиссея. Женихи тем временем готовят Телемаху смертельную засаду.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властию первый.
Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,—
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать

Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон».
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж
Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, прибудут в Итаку».
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он...
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
«Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье»...
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,

Словом таким он ответствовал нимфе прекраснокудрявой:
«Знать от меня ты — от бога богиня — желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя...
Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.
Он же, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел»...
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом береге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делит принужденно
В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
«Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Брусьях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам,—
Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно».
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
Горы тенистой земли феакиян, уже недалекой:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
«Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,

Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
Разом и Евр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! Что претерпеть, наконец, мне назначило небо!
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне»...
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны...
Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и к нему прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита...
Так размышлял он; ему, наконец, показалось удобней
Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,

Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Груду увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листами зарывшися, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиян,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,
В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиноя вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ приявшая девы младой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навсикае, богиня сказала:
«Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит

Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
Платье и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
Мать и отец веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на реку мыть соберитеся все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично —
Путь к водоемам от стен городских утомительно долог»...
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец; на совет он владык многоумных
Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклав все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их»...
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.
К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста́ их
Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая...

Стали они, наконец, собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прянул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область
Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
Или достиг, наконец, я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать».
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листами
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.
Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость...
С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем...
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих

В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.
О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
«Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дий же и низким и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакиян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».
Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежалися вы, устрашась иноземца?
Он человек незломышленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
После, принесши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
«Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили

«ОДИССЕЯ»

Я. Йорданс (XVIII в.). Одиссей в пещере Полифема.

Москва, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

К стр. 241

Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
«Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы же чужеземцу еды и питья принесите, подруги».
Так говорила царевна. Ее повинуяся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
«Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом — у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем...
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
«С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?

Что он? Морскою ли бурею к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший — и будет она обладать им отныне?
Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных».
Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно...
Встань и во внутренность града войди и расспрашивай встречных,
Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строеньями двор перешедши,
Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;
Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царевы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моленье твое с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навсикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царевна
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшися, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан...

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навсикая

Взъехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла...
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокую Зевса богиню Афину
В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
«Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный...»
Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удается.
Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета...
Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась...
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.

Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
Все в изумленье смотрели. Царице Арете сказал он:
«Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими».
Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле...
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою
Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодою брошен».
Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов,— об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне, наконец, даровать и бессмертье и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров — не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши
Хлебом меня, и душистым вином, и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море;
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
Ваша земля, и во мне оживилося милое сердце,

Столь несказанно страдавшее...»
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
«Странник, иди почивать; для тебя приготовлено ложе».
Радостно было усталому гостю призванье к покою;
Сладко-целительный сон, наконец, он вкусил безмятежно,
В звонко-пространных сенях на кровать прорезную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос —
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались...
...И скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобресть от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.
Все собралися они, и собрание сделалось полным.
Тут, обратяся к ним, царь Алкиной произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл —
Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем»...
Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
Стул среброкованый подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.

Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеян:
Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел,— а случалось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.
Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезяся.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи...
Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы...
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: «Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает»...
Сын молодой Алкиноя, слова Евриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратяся к царю Одиссею:
«Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен,— но, верно, во всех ты искусен,—
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же

Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться»...
Но Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
«Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой,— зато ни один, говорить здесь привыкший
С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратясь
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей превосходим
В плаванье по морю, в беге проворном, и в пляске, и в пенье.
Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил».
Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подал певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Аресе...
Тою порою Ареста прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:

«Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком».
То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню
Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навсикая царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».
Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
«О Навсикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан».
Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоною:
«Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя».
Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
«Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,

Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданье,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили».
Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.
В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские, было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвался,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
Он, наконец, победил, подкрепленный великой Палладой.
Так об ахеянах пел Демодок; несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами...
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным:
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово
Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен

Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоем и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглой и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть...
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков...»

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен...
Я Одиссей, сын Лаэртов, везде изобретеньем многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
Видимый с моря, подъемлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого...
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я...
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Киферы.
Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,
Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,

Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людям, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос сбирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же
Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них никоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.
Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем опложлает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от брега циклопов...
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымется ветер попутный...
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались...
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом...
Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным
в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я на беду отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,

Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
«Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря...
Ныне к колеснам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник».
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалека, иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,

Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалося».
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел, наконец, я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно

Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье, иль демон его надоумил).
Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне,— сказал он,— еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем орошает;
Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром сладким».
Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед звероправный:
«Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;

Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор или секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье
Начал он криком циклопов созывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно

Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждых
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно-густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще недоенные, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля

Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
«Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалося море от падшей громады;
Хлынув, большая волна побежала стремительно к брегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды; все, нагнувшися, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянье от страшного брега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий,— они говорили,— зачем ты чудовище дразнишь?
В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
«Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
«Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый...
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
Что же? Меня малорослый урод, человечишко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши...»
.....тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке:

«Царь Посейдон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб во многих напастях, утратив сопутников, поздно
Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе».
Так говорил он, моляся, и был Посейдоном услышан.
Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим
Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалося море от падшей громады;
Судно ж волною помчало вперед к недалекому брегу
Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально
Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
К брегу пристав, быстроходный корабль на песок мы встащили;
Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;
Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге
В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.
Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
Спутников верных и всех кораблей крепкозданных лишился...
Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Гиппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом.
Там от супруги двенадцать детей родилося Эолу...
В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье;
Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготовясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,

Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Кроииона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье...
Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
«Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище не вздумал
Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним — а в дом свой должны возвратиться с пустыми руками.
Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много».
Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглися ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от брега отчизны умчали в открытое море...
Денно и нощно шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов...
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темныя бездны
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей...
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору — они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата
Вызвать; и он, прибежав на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратилися; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
Много сбежалося их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных

Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекши
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды: устрашенные дружно ударили в весла...
Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
К брегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный...
Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность...
Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широкорастущего, темного леса...
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпилися горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами...
К спутникам тут обратяся, Политос, мужей предводитель,
Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им:
«Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей».
Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною

Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка...
Той же порой, как, в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, нежданный,
Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
«Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаюсь, оттуда
Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелье тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:
Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай: как скоро
Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,
Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка —
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь».
С сими словами растенье мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
Моли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растенье, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив среброгвоздный
Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое
Слово: «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими».

Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
«Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
Я в изумленье; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои...»
Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.
Видя, что думой объятый сижу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
«Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть».
Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, почередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенней станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.
Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися».
Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем...
Но когда, наконец, обращеньем времен совершен был
Круг годовой, миновалися месяцы, дни пролетели,

Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
«Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних».
Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.
Я ж, возвратяся к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
«О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье
Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем».
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе вопросить там...»
Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светло-серебряной ризой из тонковоздушныя ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им...
«Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
Душу Тиресия фивского должен сперва вопросить я».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну — от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему береге,
Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно...

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы, и сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали...

Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана...
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встащили; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе...
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эреба поднявшись...
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону...
Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло...
Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном,— ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и се, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.
Скоро предстал предо мной и Тересия фивского образ;
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
«Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
Но отслонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившися, мог я по правде пророчить».
Так он сказал; отслоняся от ямы, я меч среброгвоздный
Вдвинул в ножны; а Тиресий, напившися черныя крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:
«Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посейдон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.

Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой — покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям,— от меня же узнай несомнительный признак:
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?»—
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною»...
С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
«Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшися, прибыл сюда? Неужели
Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?»

Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
«Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тиресия фивского мне вопросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл
В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.
Ты ж мне скажи откровенно, какою из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?»
Так я ее вопросил; Антиклея мне так отвечала:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
Дома своим Телемах достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложе из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина...»
Так, собеседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен — их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев...
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и расспрашивать каждую мог я...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явилися жены и дочери древних героев;
Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами».
Так говорил Одиссей,— все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.

Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
«Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно *мой* гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарами
Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства».
Тут поднялся Эхеной, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный.
«С нашим желаньем, друзья,— он сказал,— и намереньем нашим
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит».
Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
«Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиян
Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.
Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку».
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
«Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
Слушать тебя я готов до явления светлой Денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься».
Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после

Я претерпел: как утратил последних сопутников; также
Кто из аргивян, избегши погибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.
После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Крови напившись, меня во мгновенье узнал Агамемнон...
Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посейдон с кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его кривороrих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?»
Так вопросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моей заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною...
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных».
Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра».

Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агамемнон:
«Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна погибель;
Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе? В Спарте ль
Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный».
Так вопросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Царь Агамемнон, о сыне твоем ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно».
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я за тем, чтоб Тиресий слепец прорицатель открыл мне
Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богорав'ный».
Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.

Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженье мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?
Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?..»
Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
«Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоем благородном, возлюбленном Неоптолеме
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;
Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян...
В чрево коня, сотворенного чудно Эпеосом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длинноострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится».
Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою и подвигов славой

После великого сына Пелеева всех превзошедший...
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса.
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида.
После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он...
Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымалися темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью;
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видел я там, наконец, и Гераклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Геры...
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пирифоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

П. П. Рубенс (XVIII в.). Суд Париса.

Мадрид. Прадо.

К стр. 304

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоисплытому морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденныя Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит...
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы
Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
«Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь...»
Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Я ж, обратяся к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
«Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы,— двойными скрутите мне узами руки и ноги».
Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон угладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони

Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С брегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
«К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится».
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали грести; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов устрашенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
«Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепою силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам...»
Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, грести переставши,
Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу

В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.
Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.
Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы, наконец, светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
С моря уже, находяся на палубе, явственно мог я
Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.
Тут к сокрушенным сопутникам речь обратил я такую:
«Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелиос, смертных людей утешитель:
Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите».

Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Еврилох непокорный:
«Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
Силой; усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь
Мимо приютного острова в темное, мглистое море...
На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с Денницею пустимся снова в пространное море».
Так говорил Еврилох, и товарищи с ним согласились.
Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
«Здесь я один, оттого и ответ, Еврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков кривороги иль стадо баранов
Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея».
Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе
Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным...
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли
Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голод томил их.
Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: невольно,
Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам...»
Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,

Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили».
Тою порой о убийстве быков Гиперионов светлый
Сын извещен был Лампетией, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
Так любовался всегда я — всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших».
Гневному богу ответствовал так тученосец Кронион:
«Гелиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю»...
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал; но исправить
Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавали бычачий.
Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,
Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила
Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшися вглубь, там пропал, и из тела
Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион.
Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда

Киля водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вкруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря...
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды»...

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Одиссей поведал феакийцам о своих странствиях и об опасностях, которых ему довелось избежать. Царь феаков Алкиной не только обещал отправить Одиссея на родину, но и богато одарил его. Напутствуемый добрыми пожеланиями, Одиссей на корабле феаков отправляется в путь. Благополучно достигнув цели, феакийцы переносят на берег спящего Одиссея и его богатства. Проведав об этом, разгневанный Посейдон превратил феакийский корабль в скалу. Той порой Одиссей проснулся, но не узнал родного острова. В образе юного пастуха ему явилась Афина и сказала, что он на Итаке. Одиссей бросился целовать родную землю. Богиня показывает ему грот, куда он должен спрятать сокровища, и дает совет, как вернее погубить женихов. Рассказывает она и о верности Пенелопы. Но прежде чем увидеть своих, Одиссей превращается в жалкого нищего старца. В таком виде он отправляется к свинопасу Евмею, а Афина полетела в Лакедемон к Телемаху.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Верный слуга Одиссея свинопас Евмей сидел у своей хижины, когда псы, учуяв чужого, подняли лай. Евмей отгоняет собак и дружелюбно приглашает странника, угощает его и рассказывает, как женихи грабят дом Одиссея. Евмей уверен, что хозяин погиб, и больше обеспокоен тем, что Телемах далеко и женихи готовят ему гибель. Одиссей клянется, что господин Евмея скоро вернется домой. Одиссей рассказывает о себе вымышленную историю, в которой упоминается и имя Одиссея. Сытно накормив гостя и уложив его спать, Евмей отправляется сторожить хозяйских свиней.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Афина направилась в Лакедемон и в доме Менелая нашла спящих Телемаха и его спутника сына Нестора Писистрата. Богиня торопит Телемаха с возвращением на Итаку и предупреждает о засаде, устроенной ему женихами. Она велит

Телемаху прежде всего появиться у Евмея и послать его к Пенелопе с известием о своем возвращении. Накормив и одарив гостей, Менелай и Елена провожают их в путь. Телемах и Писистрат направляются к морскому берегу, где стоял корабль сына Одиссея. При благоприятном ветре корабль быстро достигает Элиды. Между тем свинопас Евмей и Одиссей ужинают и располагаются ко сну. Евмей рассказывает свою историю, как он, будучи царским сыном, из-за коварства финикийской рабыни был продан в рабство царю Итаки Лаэрту, отцу Одиссея. На следующее утро корабль Телемаха пристает к итакийскому берегу, потом плывет по направлению к городу, а Телемах направляется к дому Евмея.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Встреченный с восторгом Телемах появляется у Евмея, там они трапезничают вместе с неузнанным Одиссеем. Потом Телемах расспрашивает гостя, кто он. Рассказывается выдуманная история о злосчастной судьбе уроженца Крита. Телемах, в свою очередь, знакомит с положением дел в доме Одиссея — повествует о бесчинствах женихов, принуждающих Пенелопу вступить с кем-нибудь из них в брак. Телемах поручает Евмею тайком пробраться в город и сообщить о его прибытии. Незаметно для других к Одиссею является Афина и разрешает открыться сыну, она возвращает царю его прежний прекрасный облик, сын узнает отца, они обнимают друг друга. Одиссей уверяет сына, что с помощью Зевса и Афины они жестоко отомстят обидчикам, и намечает план действий. О возвращении Одиссея никто не должен знать. Между тем Пенелопа узнает о прибытии сына. Возвращается и корабль, посланный женихами, чтобы захватить Телемаха. Не сумев этого сделать на море, они решают погубить его на Итаке. Возвращается Евмей и рассказывает о положении дел в городе.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемах благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копье, заощренное медью, которым
Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
«В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю
Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
Будет ему самому; я люблю говорить откровенно».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет...
Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко».
Так отвечал Одиссей. Телемах благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копье прислонивши к высокой колонне,
Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Евриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Потоком
Слез облилася, увидя его, Евриклея; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла и с любовию нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:
«Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал».
Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
Там обещание дай принести гекатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку»...
Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего видя.
Все вкруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Алиферсом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.
Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось...
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса

Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едой, Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
«Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постели, печально перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей,— ты, я вижу, не хочешь,
Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он,
жив ли?» —
«Милая мать,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;
Жив ли, скитается ль где на земле, иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.
Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,
Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какою
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
«О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!..
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея...
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря».
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги — в отечество милое нас проводил он».
Кончил рассказ Телемах: взволновалась душа Пенелопы...
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.

Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры...
...Той порою
В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратяся к Лаэртову сыну:
«Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой,— сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.
Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет»...
Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок
К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду...
Там козовод повстречался им — сын Долионов Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
«Подлинно здесь негодяй негодяя ведет,— говорил он,—
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок...
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
Если войти он отважится в дом Одиссея — скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол». И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртов
Сын, побежавши за ним, суковатую палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
«Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!»...

...Той порой Одиссей подошел с свинопасом Евмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалося и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:
«Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощенный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком — в них ворваться насильно никто не помыслит...»
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
«Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».
Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
«Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой
Дома оставил,— ее быстроте и отважности верно б
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет».
Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.

Прежде других Телемах богоравный Евмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку...
Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях...
Начали вновь женихи бушевать: но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вкруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обыкший.
С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Меланфий, сказал им:
«Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он».
Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:
«Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы — чужого еще ты привел к нам обжору...»
Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги
Клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:
«Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобишься видом!..»
«Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров! Отойди от стола моего; на средине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!
Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попалось
Под руки каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
прочь». От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
«Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен;
В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохлаждаяся, хлеба

Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен».
Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:
«Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда».
Тут он скамейкой швырнул — и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,
Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил...
Злою обидой глубоко в душе Телемах сокрушался
Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратяся к рабыням, сказала:
«О, когда бы его поразил Аполлон, сребролукий!»
Ей Еврином а, разумная ключница, так отвечала:
«Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой Денницы из них ни один бы не встретил»...

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством
Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рожденье), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
«Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.
Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:
Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына».

Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
«Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье;
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее».
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То приметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
Он, к женихам обратяся, воскликнул: «Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случалось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро
Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно стравить их».
Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим сбирать здесь столовые крохи вперед не дозволим».
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.
Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет».
Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
Слово к отцу обративши, сказал Телемах богоравный:
«Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.
Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною
Будут теперь заодно Антиной, Еврimах и другие».
Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртов
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиловатые руки, и сделала выше
Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;

Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!»
Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;
Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался...
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.
Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками,
Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртов,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил
Слово: «Сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая
Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда». Он сказал и, на плечи набросив котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
«Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболе теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры
Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан».
Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.
С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подал Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлеба
Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
«Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют, наконец, и тебе изобилье
Боги!» Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:

Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!..»
Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемахова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.
Умная мысль родилася тут в сердце Афины Паллады:
Сну мироносцу велела богиня сойти к Пенелопе.
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
Образ ее просиял той красой несказанной, какою
В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы...
Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.
Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:
«Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте детском
Был ты умней и приличие всякое более ведал.
Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.
Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.

Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;
Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;
Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет
Всякий — постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты».
Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
«Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;
Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
Злое одно замышляют они; у меня ж руководца
Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством
Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля...
Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Еврimах благородный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Если б могли все ахейцы ясийского Аргоса ныне
Видеть тебя, женихов бы двойное число собралося
В доме твоем пировать. Превосходишь ты всех земнородных
Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым».
Так говорил Еврimах. Пенелопа ему отвечала:
«Нет, Еврimах, красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна...
В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились».
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Евпейтов надменный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа».
Так говорил Антиной; согласилися все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил...
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же

Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал: «Подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;
Сядьте с ней, тонкие нити сучите и во́лну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
Им не удастся меня утомить; я терпеть научился».
Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланфо,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Еврimахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
«Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приютней тебе; на слова ты
Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос — берегися, однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Я на тебя Телемаху пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части, болтунью, тебя искрошить он прикажет».
Слово его испугало рабынь; и они во мгновенье
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя
Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Так говорить Еврimах, сын Полибиев, начал (обидеть
Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
«Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет
Здесь, но от плеши его, на которой нет волоса боле».
Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
«Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаясь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков крутороги,
Огненных, рослых, откормленных тучной травою, могучей
Силою равных, равно молодых, равно работящих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы
Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованый шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженье меня ты тогда бы увидел; тогда бы
Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился —
Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась»...

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После того как Пенелопа обнадежила женихов, они все разошлись по домам. Во дворце остались Одиссей, Телемах и Афина, замышляя, как лучше разделаться с ними. Одиссей предлагает прежде всего вынести из зала оружие, чтобы им не воспользовались женихи. Одиссея, все еще остающегося в образе нищего бродяги, гонит прочь одна из служанок, но Пенелопа останавливает ее, просит странника остаться и рассказать о себе. Пенелопа рассказывает о своей долголетней верности мужу и о хитрой затее с тканью, которую она днем ткала, а ночью распускала, пообещав, что даст ответ женихам, когда ткань будет готова.

Одна из служанок ее выдала, теперь отсрочка стала невозможной. Одиссей продолжает рассказывать небылицы о своем критском происхождении, о встречах с Одиссеем. Он добавляет, что Одиссей с множеством сокровищ скоро появится на Итаке. Пенелопа велит постелить ему мягкую постель, но Одиссей отказывается и только просит прислать ему старую няньку, чтобы она омыла ему ноги. Появляется Евриклея (так звали служанку), и тотчас же по рубцу от раны на колене, полученной Одиссеем во время охоты на вепря, узнает своего господина, но тот велит ей молчать. Пенелопа видела сон, предвещающий возвращение Одиссея и гибель насильников-женихов. Она решает дать женихам последнее испытание — из лука Одиссея пропустить стрелу через двенадцать колец. Кто выполнит его, с тем она и удалится из дома. Одиссей одобряет затею, и все отправляются почивать.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще недубленой; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Евриклея одела.
Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал...
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
Шайкою сладить. К нему подошла тут Паллада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:
«Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве
Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?
Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть».
Светлой богине ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко
(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.
Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я —
Как мне спастися от мщенья родни их? Подумай об этом».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Ты, маловерный! Надеются ж люди в беде и на слабых
Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных,—
Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало

Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить,— при них же
Мы бы похитили коз их, овец и быков крутороғих.
Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,
Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро»...
Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
«Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя и подвергнул напастям) привел невредимо,
Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй».
Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звездно-бестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): «Зевес, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегодняшний пир женихов многобуйных! Колена
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Их угождая,— да нынешним кончатся все здесь пиры их!»...
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
«Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь
Горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестро-пурпурные ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
Все за водою к ключу и скорее назад, поелику
Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий».
Так Евриклея сказала. Ее повинуяся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором заграду.

Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
«Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаховы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!»...
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Так говорили о многом они, от других в отдаленье.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемаха
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
«Замысел наш умертвить Телемаха, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире»...
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемахом разумным.
Тою порою Афина сама женихов возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктесиппом.
Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил
Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратяся, сказал им Ктесипп многобуйный:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик — и весьма б непохвально, неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто их участка лишал здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне, иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих».
Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктесиппа, сказал Телемах раздраженный:
«Будь благодарен Зевесу, Ктесипп, что удар не коснулся
Твой головы чужеземца: он сам от него отклонился;
Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;

Стал бы не брак для тебя — погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать...»
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Я ж Телемаху и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доныне питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
Было доныне и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);
Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемах благородный,
Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет»...
Тут говорить женихам Евримах, сын Полибиев, начал:
«Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате».
Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Евримаху:
«Нет, Евримах, в провожатых твоих не имею я нужды;
Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих».
Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят.
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
Начали все Телемаха дразнить женихи, над гостями
Дома его издеваясь, и так говорили иные:
«Друг Телемах, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемах многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги».

Так говорили они; Телемах, их словам не внимавший,
Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу...

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрелянию в цель их и тем приготовить им гибель.
Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан...
Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг
Бык круторогий — так дико тяжелые створы визжали.
Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обвернут блестящим чехлом; и, доставши
Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собранье,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:

«Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
С сими словами велела она свинопасу Евмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним:
Лук Одиссеев, узнав, зарыдал и коровник Филойтий.
К ним обратяся обоим, сказал Антиной, негодуя:
«Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
Лук. Многосильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал — и поныне
Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным».
Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первою жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
Тут к женихам обратясь, им сказал Телемах богоравный:
«Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!
Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый
Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты —
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве
Черной земли матерой,— но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца

Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея».
Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по снуру уравняв, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемах у порога дверей и, схватив Одиссеев
Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся...
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают».
Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Ойнопов,
Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.
Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
«Нет! Не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды...»
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;
Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней
Сладить с ним». Кончил. Потом, козовода Меланфия кликнув,
«Слушай, Меланфий,— сказал,— здесь огонь ты разложишь;
к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий

Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может».
Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них никоторый
Лука не мог и немного погнуть — несказанно был туг он;
Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Еврimахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
В это мгновение, разом поднявшися, из дома вместе
Вышли Евмей свинопас и коровник Филойтий; за ними
Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
«Верные слуги, Евмей и Филойтий, могу ль вам открыться?
Или мне лучще смолчать? Но меня говорить побуждает
Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце».
Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойтий:
«Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не останусь празден».
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
В верности сердца и в доброй их воле вполне убедяся,
Так им обоим сказал, наконец, Одиссей богоравный:
«Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною...
Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе».
Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.
Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: «Отрите
Слезы, чтоб из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтоб снова — один за другим, а не вместе — вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан

Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.
Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попеченье.
Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку».
Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.
После явились один за другим свинопас и Филойтий.
Лук Одиссеев держал Евримах и его над пылавшим
Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
Крепость его победить. Застонало могучее сердце;
Но Антиной, сын Евпейтов, воскликнул, ему возражая:
«Нет, Евримах благородный, того не случится, и в этом
Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня
Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;
Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.
Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.
Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Меланфий,
Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,
Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно».
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье...
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Вот вам — тебе, Евримах, и тебе, Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие,— добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;
Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен».
Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,
Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры

Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякой, его неумеренно пьющий, безумеет...
Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
«Нет, Антиной, непохвально б весьма и неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто здесь лишал их участка.
Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?
Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
Сердца — не вздумать того, ни на деле исполнить неможно».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он,— это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
«Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелою
Метко пробил он». Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый».
Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
«Нет, Евримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;
Этот же странник, и ростом высокий и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев — увидим, что будет.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; дам копье на собак и на встречу с бродягой;
Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный,
После и в сердцем желанную землю его я отправлю».
Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею — никто из живущих в гористой Итаке
Иль на каком острову, с многоконной Элидою смежном.
Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унесть их позволить.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».

Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа...
Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если
Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу».
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
Но Телемах, на него погрозясь, разгневанный, крикнул:
«С луком сюда! Ты, Евмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежалися разом
Все они, в доме моем беззаконий творящие много».
Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Евмей, через залу прошедши,
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею...
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
«Видно, знаток он и с луком привык обходиться; быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;
Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?» —
«Но,— отвечали другие насмешливо первым,— удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком».
Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных
Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобыкший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает —
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:
В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.
Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были — но скоро их шум женихам надлежало услышать.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца

Выстрелил,— быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаху, воскликнул стрелец богоравный:
«Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не нанес посрамленья.
В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.
Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить»...

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратяся, воскликнул:
«Этот мне опыт, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вкруг по стенам обнаженным, искали оружья —
Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью...
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева

Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной погибели все, наконец, вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
«Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоем и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашний зачинщик,
Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь сто́ят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Нет, Евримах,— и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого,—
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.
Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти,—
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».
Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам устрашенным, воскликнул:
«Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь
Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
Медный, с обеих сторон заощренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,

А. Р. Менгс (XVIII в.). Парнас.

Ленинград. Эрмитаж

Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемах, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно
Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение, сбоку напавши,
Кто из ахеян его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться...
Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
Но напоследок, когда истощилися стрелы, великий
Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованый шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.
Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: «Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы».
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал Агелаю:
«Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном».
Так Агелаю сказав, злоковарный Меланфий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.

К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
«Верно, какая из наших рабынь, Телемах, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Меланфий?»
Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Горе! Мое небреженье причиной всему; я виновник
Этой беды — заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Евмей, побеги ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь: служанка ль какая,
Или Меланфий? Я сам на него подозренье имею».
Так говорили о многом они, собеседуя тайно.
Тою порой за оружием хитрый Меланфий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье
Сам совершил ты за наглое в доме твоем поведенье?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«С сыном моим Телемахом я здесь женихов многобуйных
Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
В страшных мученьях пускай там висит ни живой он, ни мертвый».
То повеление царское было исполнено скоро...
Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он...
.....И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
«Ментор, сюда! Помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник».

Так говорил он, а внутренно мыслил, что видит Афину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: «Будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
С ними да умертвим и тебя, ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь
за дерзость»...
Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афину.
Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
«Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
Хитрость твоя, наконец, и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный».
Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость царя и разумного сына его Телемаха
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
Там перекладине легкою сизою ласточкой села...
Тою порой умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Евенор, был убит Телемахом:
Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
Били, как соколы кривокогтистые с выгнутым клевом,
С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц,— и густыми
Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали...
Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,

Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.
Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».
Так он сказав, возбудил Телемахову силу святую.
Громко отцу закричал Телемах, находившийся близко:
«Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!
С ним и к Медонту глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль Филойтий?
Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?»
Так говорил Телемах; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
С плеч, подбежал к Телемаху и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
«Здесь я, душа Телемах; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;
Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышед,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
Я же останусь в доме и все здесь устрою, что нужно».
Так он сказал; и Медонт с песнопевцем, из горницы вышед,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.

Очи водил вкруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.
К сыну сперва обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
«Должен теперь, Телемах, ты сюда пригласить Евриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке»...
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Евриклея
Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;
Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;
Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
«Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли;
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
Страшная участь их всех, наконец, злополучных, постигла...
Тут Одиссей, обратясь к Евриклее, сказал ей: «Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок»
Так повелел Одиссей. Евриклея ему отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
«Прежде всего мне огня для куренья подай, Евриклея».
Волю его исполняя, пошла Евриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
Двор. Евриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок сбирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая...

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшися к спящей, старушка сказала: «Проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все, наконец, он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорявших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаху».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, знать, боги твой ум помутили! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобресть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Нет, Евриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила,—
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Евриклея».
Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
«Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались,—
Он Одиссей; Телемах о его уж давно возвращенье
Знал — но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил»...
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну —
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства...»
С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить, иль, приближась,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет

Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
«Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственней камня».

...Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично»...
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;
Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
«Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Евриклея; постель приготовь одному мне;
Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».
Но Одиссею разумная так отвечала царица:
«Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему, Евриклея, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом».

Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалася тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сделал ее. На дворе находилася маслина с темной
Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по снуру обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень».
Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
«О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоем, я к тебе приласкалась...
Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужстве;
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу».
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги...
Тою порой Евринома с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Евриклея;
Факел пылающий в руки взяла Евринома и в спальню

Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
В спальню вступили они; Еврinома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков крутороrих, и коз, и овец, и свиней там
Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть...
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
«Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде, однако, наш сад плодовитый и поле
Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».
Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрмий тем временем, бог киллений ский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая,—
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают...
Тут им явился, увидели, Эрмий аргусоубийца,
Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: «Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посейдон с кораблями,
Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его кривороги х быков и баранов,
Или во граде, где жен похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни...»
Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа...»
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели,—
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;

Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;
В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемах, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную нашу погибель,
В город вошли многославный; сперва Телемах, Одиссеев
Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем
Молча сносил и швыряньe и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
Он с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивою: на то недостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещая бродяге, хотя и просил он.
Нам вопреки Телемах богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.
Бросясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
Страшное тут началося убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам».
Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:

«Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет
Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных».
Так говорили о многом они, собеседуя грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.
Тою порой Одиссей и сопутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ними старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратясь к Телемаху и к прочим, сказал им:
«Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем».
Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
В дом с Телемахом вступили они; Одиссей же направил
Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта...
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;
Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье
Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя
Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.
Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.

Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
«Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные — все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж верно
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоем нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?..»
Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
«Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди...
Сын Одиссей — злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести...»
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его,— он сражен был родителя скорбью.
Бросясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
«Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды».
Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
«Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой,—
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье».
Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;
Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.

Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке»...
Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;
Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
«Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефаленским».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;
Я уж туда Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный».
С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
Дом, Телемах там с Филойтием, с старым Евмеем, состряпав
Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.
Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.
Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою божественно-чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!»
Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
«Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Был я таков, как в то время, когда с кефаленскою ратью
Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов — сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился».
Так говорили они, собеседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.

(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
В двери столовой ступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
«Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленье
Ваше оставив, обедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы».
Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«Здесь, наконец, ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать к ней?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно».
Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.
Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.

Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
Все взволновалися жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В домы семейные их по иным городам разослали,
Трупы развесть поручив рыбакам на судах быстроходных.
На площадь стали потом все печально сбираться; когда же
На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Евпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первою жертвою был Одиссея,
Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефаленян знатнейших.
Братья, молю вас — пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян,—
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима

Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!»
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме
Ночь ту проведшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медонт им сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здесь, чтоб беды на себя не накликать
Злейшей». Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие...
Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: «Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?»
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный — имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится».

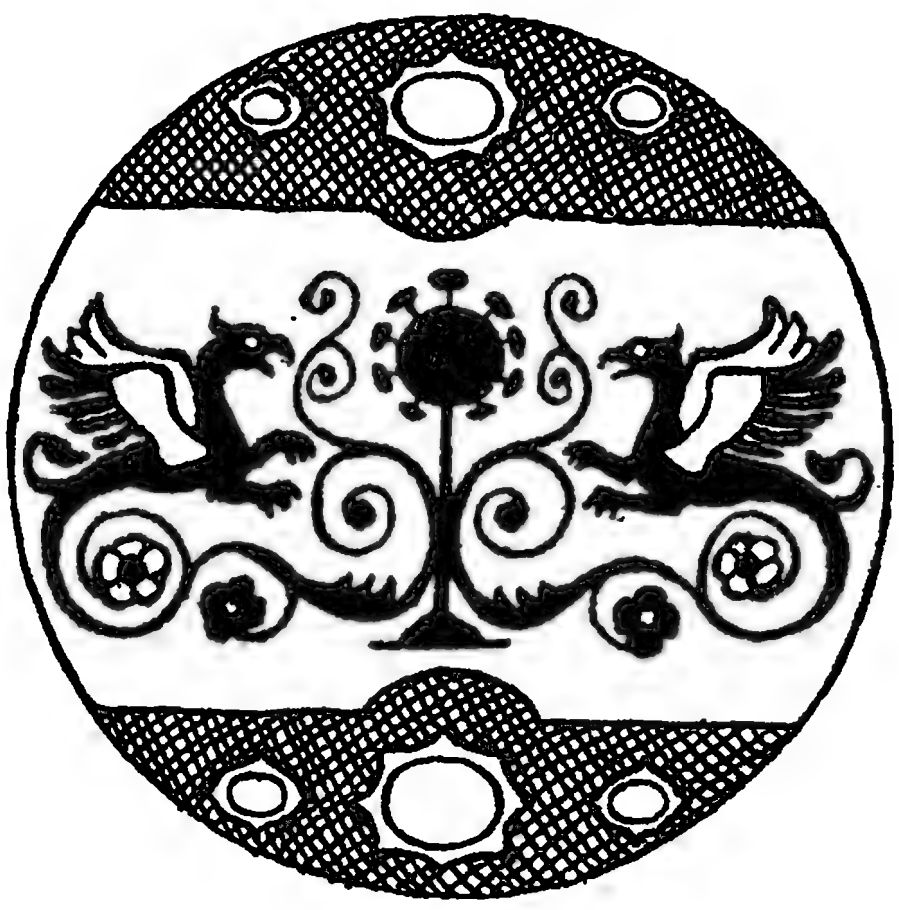
Кончив, велел он идти нетерпеньем горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытяся вдоволь, обед свой окончили. Голос
Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
«Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть: не идут ли?»
Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросил: «Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!»
Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли — седые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Все совокупно, облекшися в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
«Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
«Добрые боги, какой вы мне день даровали! О радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!»
Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
«Бодрый Аркесиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу».
Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В меднолапитный Евпейтов шелом он попал, и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Евпейт, и на нем загремели доспехи.
Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемахом
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:

«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,
Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство́ потом обратясь, устремились, спасаяся, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
Но громовою стрелою Крониона вдруг раздвоилось
Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион».
Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

ВЕРГИЛИЙ

Энеида

Эпическая поэма



Перевод с латинского

С. ОШЕРОВА

под редакцией

Ф. ПЕТРОВСКОГО

Текст печатается по изданию:

«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»,

серия первая, том 6.

Издательство

«Художественная литература»,

М., 1971

Книга первая[1]

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Долго и войны он вел,— до того, как город построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,
Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,
Столько трудов. Неужель небожителей гнев так упорен?
Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.
Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство возвысить.
Только слыхала она, что возникнет от крови троянской
Род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.
Царственный этот народ, победной гордый войною,
Ливии гибель неся, придет: так Парки судили.
Страх пред грядущим томил богиню и память о битвах
Прежних, в которых она защищала любезных аргивян.
Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь не забыла
Суд Париса, к своей красоте оскорбленной презренье,
И Ганимеда почет, и царский род ненавистный.
Гнев ее не слабел; по морям бросаемых тевкров,
Что от данайцев спаслись и от ярости грозной Ахилла,

[1] Краткое содержание песен V, VIII, X можно прочесть в предисловии.

Долго в Лаций она не пускала, и многие годы,
Роком гонимы, они по волнам соленым блуждали.
Вот сколь огромны труды, положившие Риму начало.

Из виду скрылся едва Сицилии берег, и море
Вспенили медью они, и радостно подняли парус,
Тотчас Юнона, в душе скрывая вечную рану,
Так сказала себе: «Уж мне ль отступить, побежденной?
Я ль не смогу отвратить от Италии тевкров владыку?
Пусть мне судьба не велит! Но ведь сил достало Палладе
Флот аргивян спалить, а самих потопить их в пучине
Всех за вину одного Оилеева сына Аякса?
Быстрый огонь громовержца сама из тучи метнула
И, разбросав корабли, всколыхнула ветрами волны.
Сам же Аякс, из пронзенной груди огонь выдыхавший,
Вихрем вынесен был и к скале пригвожден островерхой.
Я же, царица богов, громовержца сестра и супруга,
Битвы столько уж лет веду с одним лишь народом!
Кто же Юноны теперь почитать величие станет,
Кто, с мольбой преклонясь, почтит алтарь мой дарами?»
Так помышляя в душе, огнем обиды объятой,
В край богиня спешит, ураганом чреватый и бурей:
Там, на Эолии, царь Эол в пещере обширной
Шумные ветры замкнул и друг другу враждебные вихри,—
Властью смирив их своей, обуздав тюрьмой и цепями.
Ропщут гневно они, и горы рокотом грозным
Им отвечают вокруг. Сидит на вершине скалистой
Сам скиптродержец Эол и гнев их душ укрощает,—
Или же б море с землей и своды высокие неба
В бурном порыве сметут и развеют в воздухе ветры.
Но всемогущий Отец заточил их в мрачных пещерах,
Горы поверх взгромоздил и, боясь их злобного буйства,
Дал им владыку-царя, который, верен условью,
Их и сдержать, и ослабить узду по приказу умеет.

Стала Эола молить Юнона такими словами:
«Дал тебе власть родитель богов и людей повелитель
Бури морские смирять или вновь их вздымать над пучиной.
Ныне враждебный мне род плывет по во́лнам Тирренским,
Морем в Италию мча Илион и сраженных пенатов.
Ветру великую мощь придай и обрушь на корму им.
Врозь разбросай корабли, рассей тела по пучинам!
Дважды семеро нимф, блистающих прелестью тела,
Есть у меня, но красой всех выше Деиопея.
Я за услугу твою тебе отдам ее в жены,

Вас на все времена нерушимым свяжу я союзом,
Чтобы прекрасных детей родителем стал ты счастливым».

Ей отвечает Эол: «Твоя забота, царица,
Знать, что ты хочешь, а мне надлежит исполнять повеленья.
Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера милость,
Ты мне право даешь возлежать на пирах у всевышних,
Сделав меня повелителем бурь и туч дожденосных».

Вымолвив так, он обратным концом копья ударяет
В бок пустотелой горы,— и ветры уверенным строем
Рвутся в отверстую дверь и несутся вихрем над сушей.
На́ море вместе напав, до глубокого дна возмущают
Во́ды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий
Афри́к, вздувая валы и на берег бешено мча их.
Крики троянцев слились со скрипом снастей корабельных.
Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает буриое море.
Вторит громам небосвод, и эфир полыхает огнями,
Близкая верная смерть отовсюду мужам угрожает.
Тело Энею сковал внезапный холод. Со стоном
Руки к светилам воздев, он молвит голосом громким:
«Трижды, четырежды тот блажен, кто под стенами Трои
Перед очами отцов в бою повстречался со смертью!
О Диомед, о Тидид, из народа данайцев храбрейший!
О, когда бы и мне довелось на полях илионских
Дух испустить под ударом твоей могучей десницы,
Там, где Гектор сражен Ахилла копьем, где огромный
Пал Сарпедон, где так много несло Симоента теченье
Панцирей, шлемов, щитов и тел троянцев отважных!»

Так говорил он. Меж тем ураганом ревущая буря
Яростно рвет паруса и валы до звезд воздымает.
Сломаны весла; корабль, повернувшись, волнам подставляет
Борт свой; несется вослед крутая гора водяная.
Здесь корабли на гребне волны, а там расступились
Воды, дно обнажив и песок взметая клубами.
Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы
(Их италийцы зовут Алтарями, те скалы средь моря,—
Скрытый в пучине хребет), а три относит свирепый
Эвр с глубины на песчаную мель (глядеть на них страшно),
Там разбивает о дно и валом песка окружает.
Видит Эней: на корабль, что вез ликийцев с Оронтом,
Падает сверху волна и бьет с неслыханной силой
Прямо в корму и стремглав уносит кормчего в море.
Рядом корабль другой повернулся трижды на месте,
Валом гоним, и пропал в воронке водоворота.

Изредка ви́дны пловцы средь широкой пучины ревущей,
Доски плывут по волнам, щиты, сокровища Трои.
Илионея корабль и Ахата прочное судно,
То, на котором Абант, и то, где Алет престарелый,—
Все одолела уже непогода: в трещинах днища,
Влагу враждебную внутрь ослабевшие швы пропускают.

Слышит Нептун между тем, как шумит возмущенное море,
Чует, что воля дана непогоде, что вдруг всколыхнулись
Воды до самых глубин,— и в тревоге тяжкой, желая
Царство свое обозреть, над волна́ми он голову поднял.
Видит: Энея суда по всему разбросаны морю,
Волны троянцев гнетут, в пучину рушится небо.
Тотчас открылись ему сестры́ разгневанной козни.
Эвра к себе он зовет и Зефира и так говорит им:
«Вот до чего вы дошли, возгордившись родом высоким,
Ветры! Как смеете вы, моего не спросив изволенья,
Небо с землею смешать и поднять такие громады?
Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны,—
Вы же за эти дела наказаны будете строго!
Мчитесь скорей и вашему так господину скажите:
Жребием мне вручены над морями власть и трезубец,
Мне — не ему! А его владенья — тяжкие скалы,
Ваши, Эвр, дома́. Так пусть о них и печется
И над темницей ветров Эол господствует прочной».
Так говорит он и вмиг усмиряет смятенное море,
Туч разгоняет толпу и на́ небо солнце выводит.
С острой вершины скалы Тритон с Кимотоей столкнули
Мощным усильем суда, и трезубцем их бог поднимает,
Путь им открыв сквозь обширную мель и утишив пучину,
Сам же по гребням валов летит на легких колесах.
Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной
Бунт, и безродная чернь, ослепленная гневом, мятется.
Факелы, камни летят, превращенные буйством в оружье,
Но лишь увидят, что муж, благочестьем и доблестью славный,
Близится,— все обступают его и молча внимают
Слову, что вмиг смягчает сердце и душами правит.
Так же и на́ море гул затих, лишь только родитель,
Гладь его обозрев, пред собою небо очистил
И, повернув скакунов, полетел в колеснице послушной.

Правят свой путь между тем энеады усталые к суше —
Лишь бы поближе была!— и плывут к побережьям Ливийским.
Место укромное есть, где гавань тихую создал,
Берег собою прикрыв, островок: набегая из моря,
Здесь разбивается зыбь и расходится легким волненьем.
С той и с другой стороны стоят утесы; до неба

Две скалы поднялись; под отвесной стеною безмолвна
Вечно спокойная гладь. Меж трепещущих листьев — поляна,
Темная роща ее осеняет пугающей тенью.
В склоне напротив, средь скал нависших таится пещера,
В ней — пресноводный родник и скамьи из дикого камня.
Нимф обиталище здесь. Суда без привязи могут
Тут на покое стоять, якорями в дно не впиваясь.
Семь собрав кораблей из всего их множества, в эту
Бухту входит Эней; стосковавшись по суше, троянцы
На́ берег мчатся скорей, на песок желанный ложатся,
Вольно раскинув тела, увлажненные солью морскою.
Тотчас Ахат из кремня высекает яркую искру,
Листья сухие огонь подхватили, обильную пищу
Дали сучья ему — от огнива вспыхнуло пламя.
Вынув подмоченный хлеб и благой Цереры орудья,
Люди, усталость забыв, несут спасенные зерна,
Чтоб, на огне просушив, меж двух камней размолоть их.
Сам Эней между тем, на утес взобравшись высокий,
Взглядом обводит простор: не плывут ли гонимые ветром
Капис или Антей, кораблей не видать ли фригийских
И не блеснут ли щиты с кормы Кайка высокой.
Нет в окоеме судов! Но над морем,— заметил он,— бродят
Три оленя больших; вереницею длинной за ними
Следом все стадо идет и по злачным долинам пасется.
Замер на месте Эней, и Ахатом носимые верным
Быстрые стрелы и лук схватил он в руки поспешно.
Прежде самих вожаков уложил, высо́ко носивших
Гордый убор ветвистых рогов; потом уже стадо
Стрелами он разогнал врассыпную по рощам зеленым.
Кончил не раньше Эней, чем семь огромных оленей
Наземь поверг, с числом кораблей число их сравнявши.
В гавань оттуда идет победитель, меж спутников делит
Ви́на, что добрый Акест поднес, кувшины наполнив,
В дар троянским гостям, покидавшим Тринакрии берег.
Всех вином оделив, он скорбящих сердца ободряет:
«О друзья! Нам случалось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям
Бог положит предел; вы узнали Сциллы свирепость,
Между грохочущих скал проплыв; утесы циклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить.
Через превратности все, через все испытанья стремимся
В Лаций, где мирные нам прибежища рок открывает:
Там предначертано вновь воскреснуть троянскому царству.
Ныне крепитесь, друзья, и для счастья себя берегите!»
Так он молвит друзьям и, томимый тяжкой тревогой,
Боль подавляет в душе и глядит с надеждой притворной.

Спутники тут за добычу взялись, о пире заботясь:
Мясо срывают с костей, взрезают утробу, и туши
Рубят в куски, и дрожащую плоть вертелами пронзают,
Ставят котлы на песке и костры разводят у моря.
Все, возлежа на траве, обновляют пищею силы,
Старым вином насыщая себя и дичиною жирной.
Голод едой утолив и убрав столы после пира,
Вновь поминают они соратников, в море пропавших,
И, колеблясь душой меж надеждой и страхом, гадают,
Живы ль друзья иль погибли давно и не слышат зовущих.
Благочестивый Эней об отважном тоскует Ороите,
Плачет тайком о жестокой судьбе Амика и Лика,
Также о храбром скорбит Гиасе и храбром Клоанте.

Кончился пир; в этот миг с высоты эфира Юпитер,
Парусолетных морей равнину, простертые земли
И племена обозрев, широко расселенные в мире,
Встал на вершине небес и на Ливии взгляд задержал свой.
Тут к Отцу, что в душе был таких забот преисполнен,
Грустная, слезы в глазах блестящих,—подходит Венера,
Молвит такие слова: «Над делами бессмертных и смертных
Вечная власть тебе вручена и молнии стрелы,—
Чем виноват пред тобой мой Эней, о Родитель? Троянцы
Чем виноваты, скажи? Почему для них, претерпевших
Столько утрат, недоступен весь мир, кроме стран Италийских?
Знаю: годы пройдут, и от крови Тевкра старинной
Там, в Италии, род победителей-римлян восстанет,
Будут править они полновластно морем и сушей,—
Ты обещал. Почему же твое изменилось решенье?
Видя Трои закат и крушенье, я утешалась
Мыслью, что тевкров судьбу иная судьба перевесит.
Но и поныне мужей, испытавших столько страданий,
Та же участь гнетет. Где предел их бедам, властитель?
Мог ведь герой Антенор, ускользнув из рук у ахейцев,
В бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства проникнуть
И без вреда перейти бурливый Источник Тимава
Там, где, сквозь девять горл из глубин горы вырываясь,
Он попирает поля, многошумному морю подобен.
Там Антенор основал Патавий — убежище тевкров,
Имя племени дал и оружье Трои повесил;
В сладостном мире теперь он живет, не зная тревоги.
Мы же — потомство твое, нам чертог небесный сулил ты,
Мы, потеряв корабли, из-за гнева одной лишь богини
(Страшно молвить) вдали от Италии вновь оказались.
Вот благочестью почет! Ты так нашу власть возрождаешь?»

Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных и смертных
Светлой улыбкой своей, что с небес прогоняет ненастье,

Дочери губ коснулся Отец поцелуем и молвил:
«Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.
Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,
И до небесных светил высоко́ возвеличишь Энея
Великодушного ты. Мое неизменно решенье.
Ныне тебе предреку,— ведь забота эта терзает
Сердце твое,— и тайны судеб разверну пред тобою:
Долго сраженья вести он в Италии будет, и много
Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет,
Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит,
Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.
Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне,—
Илом был он, пока Илионское царство стояло),—
Властвовать будет, доколь обращенье луны не отмерит
Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских
Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не́ кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
Так я решил. Года пролетят, и время настанет:
Род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией
Будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян.
Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
Стран восточных; ему воссылаться будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людям законы дадут; войны́ проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость,
Связана сотней узлов, восседая на груде оружья,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой».

Так он сказал и с небес посылает рожденного Майей,
Чтоб Карфагена земля и новая крепость для тевкров
Дверь отворила свою, чтоб Дидона перед гостями,
Воле судеб вопреки, ненароком границ не закрыла.
Мчится, плывя на крылах, по воздуху в Ливию вестник,

Там исполняет приказ: по веленью бога пунийцы
Тотчас жестокость свою позабыли; первой царица,
Сердцем к миру склонясь, дружелюбьем исполнилась к тевкрам.

Благочестивый Эней, от забот и дум не сомкнувший
Глаз во всю ночь, поутру, лишь забрезжил рассвет благодатный,
Все решил разузнать: куда их забросило ветром,
Кто владеет страной (невозделано было прибрежье) —
Люди иль звери одни,— и спутникам тотчас поведать.
Флот под сводом лесов укрыв в углубленье скалистом,
Там, где деревья вокруг нависают пугающей тенью,
В путь пустился Эней, с собою взяв лишь Ахата;
Шел он, зажавши в руке две пики с жалом железным.
Мать явилась ему навстречу средь леса густого,
Девы обличье приняв, надев оружие девы —
Или спартанки, иль той Гарпалики фракийской, что мчится
Вскачь, загоняя коней, настигая крылатого Эвра.
Легкий лук за плечо на охотничий лад переброшен,
Отданы кудри во власть ветеркам, свободное платье
Собрано в узел, открыв до колен обнаженные ноги.
Первой молвит она: «Эй, юноши, мне вы скажите,
Может быть, видели вы сестер моих? Здесь они бродят,
Каждая носит колчан и одета шкурой пятнистой
Рыси; гонят они кабана свирепого с криком».

Так Венере в ответ сказал рожденный Венерой:
«Нет, я здесь не видал и не слышал сестер твоих, дева,—
Как мне тебя называть? Ты лицом не похожа на смертных,
Голос не так звучит, как у нас. Ты, верно, богиня,—
Или Феба сестра, иль с нимфами крови единой.
Счастлива будь, кто б ты ни была! Облегчи нам заботу:
Где мы, под небом каким, на берег края какого
Нас занесло, ты открой. Ни людей, ни места не зная,
Здесь мы блуждаем, куда нас прибило волнами и ветром.
Мы ж пред твоим алтарем обильные жертвы заколем».

Им отвечает она: «Я чести такой недостойна.
Девушки тирские все колча́ны носят такие,
Ходят, ноги обвив ремнем пурпурных котурнов.
Царство пунийцев ты зришь, Агеноров город тирийский;
Прежде подвластен был край ливийцам, в бою необорным,
Ныне правит страной Дидона, от брата из Тира
В этот бежавшая край. Велика обида, и так же
Повесть о ней велика: лишь о главном вам расскажу я.
Был ей мужем Сихей, богатейший среди финикийцев.
Крепко любила его жена, впервые вступивши
В брак, ибо отдал отец непорочной злосчастную замуж.

Царствовал в Тире тогда Дидоны брат вероломный
Пигмалион, в преступных делах превзошедший всех смертных
Распря меж них началась, и он, нечестивый, Сихея
Тайно пред алтарем сразил коварным железом,
Чувства сестры он презрел, ослеплен лишь золота жаждой.
Долго злодейство свое от вдовы тосковавшей скрывал он,
Тщетной надеждой хитро сестру влюбленную тешил.
Но однажды во сне явился ей призрак супруга
Непогребенного. Лик, на диво бледный, подъемля,
Грудь пред ней обнажив пронзенную, всё ей открыл он
Про осквернённый алтарь, про убийство, скрытое в доме.
Призрак ее убедил скорей покинуть отчизну
И, чтобы бегству помочь, старинный клад указал ей —
Золото и серебро, в потайном зарытые месте.
Мужу послушна, жена для побега спутников ищет,—
Все, ком страх был силен или ненависть злая к тирану,
Сходятся к ней. Захватив корабли, что готовы к отплытью
Были, золотом их нагружают. Увозят скупого
Пигмалиона казну. Возглавляет женщина бегство.
В эти приплыли места, где теперь ты могучие видишь
Стены, где ныне встает Карфагена новая крепость.
Здесь купили клочок земли, сколько можно одною
Шкурой быка охватить (потому и название Бирса).
Но расскажите и вы, от каких берегов вы плывете,
Кто вы, стремитесь куда?» И Эней на это ответил,—
Голос его из груди со вздохом вырвался тяжким:
«Если с первых причин начать рассказ мой, богиня,
Летопись наших трудов не успеешь выслушать за день,
Прежде чем Веспер взойдет и ворота Олимпа запрутся.
Мы из Трои плывем (и до вашего слуха, быть может,
Имя Трои дошло); по волнам, по водным равнинам
Всюду носимся мы; сюда нас буря примчала.
Благочестивым зовусь я Энеем; спасенных пенатов
Я от врага увожу, до небес прославлен молвою.
Род от Юпитера мой; в Италию отчую плыл я,
Следуя воле судьбы. Мать-богиня мне путь указала.
На двадцати кораблях я в просторы Фригийские вышел,—
Ныне осталось их семь, разбитых волнами и ветром.
Я же, безвестен и сир, по Ливийским пустыням скитаюсь,
Нет мне в Европу пути, и в Азию нет мне возврата».
Тут прервала его мать, не в силах жалобы слышать:
«Верю: кто ни был бы ты,— не против воли всевышних
Воздух живительный пьешь, если в город тирийцев ты прибыл.
Я возвещаю тебе, что вернутся спутники с флотом,
Ветер изменит свой бег и примчит их в надежную гавань,
Если меня не вотще научили предки гаданью.
Видишь: там дважды шесть лебедей летят вереницей.

Пав с высоких небес, Юпитера спутник крылатый
Их разогнал; а ныне они ликующим строем
Или стремятся к земле, иль, спустившись, ее озирают.
Вот они все собрались, заплескали крыльями шумно,
Снова вся стая взвилась, небосклон опоясала с кликом.
Так же твоих друзей корабли иль стоят на причалах,
Или, подняв паруса, вплывают в широкие устья.
Ты же прямо иди, не сворачивай с этой дороги».

Молвив, направилась вспять,— и чело озарилось сияньем
Алым, и вкруг разлился от кудрей амвросии запах,
И соскользнули до пят одежды ее, и тотчас же
Поступь выдала им богиню. В то же мгновенье
Мать узнал Дарданид и воскликнул вслед убегавшей:
«Сына вводила зачем, жестокая, обликом лживым
Ты в заблужденье не раз? Почему ни руку с рукою
Соединить не дала, ни твой подлинный голос услышать?»
Так он с укором сказал и путь свой к стенам направил.
Воздухом темным тогда окружила Венера идущих,
Облака плотный покров вкруг них сгустила богиня,
Чтоб ни один человек ни увидеть, ни тронуть не мог их
Иль задержать по пути и спросить о причине прихода.
После в Пафос удалилась сама дорогой воздушной —
В свой любезный приют, где курится в храме сабейский
Ладан на ста алтарях и венки аромат разливают.

В путь пустились меж тем мужи, повинуясь тропинке,
Всходят по склону холма, что над городом новым вздымался
И взирал с высоты на растущую рядом твердыню.
Смотрит Эней, изумлен: на месте хижин — громады;
Смотрит: стремится народ из ворот по дорогам мощеным.
Всюду работа кипит у тирийцев: стены возводят,
Го́рода строят оплот и катят камни руками
Иль для домов выбирают места, бороздой их обводят,
Дно углубляют в порту, а там основанья театра
Прочные быстро кладут иль из скал высекают огромных
Множество мощных колонн — украшенье будущей сцены.
Так по цветущим полям под солнцем раннего лета
Трудятся пчелы: одни приплод возмужалый выводят
В первый полет; другие меж тем собирают текучий
Мед и соты свои наполняют сладким нектаром.
Те у сестер прилетающих груз принимают, а эти,
Выстроясь, гонят стада ленивых трутней от ульев:
Всюду работа кипит, и от меда плывут ароматы.
«Счастливы те, для кого уж возводятся крепкие стены!»
Так восклицает Эней и на кровли глядит городские.

Входит он в город, покрыт (о, чудо!) облаком плотным,
В гущу вступает толпы, незримым для всех оставаясь.

В городе роща была; под ее приветливой сенью
В день, когда в Ливию их забросило ветром и бурей,
Знак тирийцы нашли, явлённый царицей Юноной:
Быстрого череп коня,— затем, что много столетий
Будет их род отважен в бою и нужды не узнает.
Здесь величавый храм возводила Дидона Юноне,—
Был он дарами богат и любовью взыскан богини;
Медные к входу вели ступени; балки скреплялись
Медью, скрипели шипы дверные из меди блестящей.
Только лишь храм меж дерев очам пришельцев открылся,
Страх Энея утих: на спасенье надеяться снова
Смеет герой и средь бед опять в грядущее верить.
В храма преддверье войдя, в ожиданье прихода Дидоны
Смотрит диковины он, изумленный богатствами царства,
Ловким рукам мастеров и трудам их искусным дивится.
Тут одну за другой илионские битвы он видит,
Слух о которых молва разнесла по целому свету:
Здесь и Атрид, и Приам, и Ахилл, обоим ужасный.
Став перед ними, Эней со слезами молвит Ахату:
«Где, в какой стороне не слыхали о наших страданьях?
Вот Приам. Он и тут награжден хвалою посмертной.
Слезы — в природе вещей, повсюду трогает души
Смертных удел; не страшись: эта слава спасет нас, быть может».
Молвит и душу свою услаждает картиной бесплотной,
Плачет, и слезы лицо орошают обильным потоком,
Ибо видит он вновь под Пергамом грозные битвы:
Вот ахейцы бегут, а юноши Трои теснят их,
Вот на фригийцев Ахилл налетел в своей колеснице,
Шлемом косматым блестя; а там со слезами узнал он
Белые Реса шатры на картине: многих, объятых
Первым предательским сном, тут убил Диомед кровожадный,
В греческий лагерь увел горячих коней, не успевших
С пастбищ троянских травы́ и воды из Ксанфа отведать.
Вот на картине другой Троил, свой щит обронивший:
Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом,
Навзничь упал он, но мчат скакуны колесницу пустую;
Не выпуская вожжей, по земле он влачится затылком,
И наконечником пыль бороздит копье боевое.
К храму идут между тем беспощадной Паллады троянки,
Кудри свои распустив, несут покрывало богине,
Скорбно молят ее, ладонями в грудь ударяя;
Но отвернулась от них и потупила взоры Минерва.
Гектора трижды влачит Ахилл вкруг стен илионских,
Тело его продает он за золото старцу Приаму,—

Громкий вырвался стон из груди Энея, едва лишь
Он увидел доспех, колесницу и друга останки,
Только узрел, как Приам простирал безоружные руки.
Также узнал он себя в бою с вождями ахейцев,
Рядом — пришельцев из стран Зари — Мемноновы рати.
Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья,
Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом,
Груди нагие она золотой повязкой стянула,
Дева-воин, вступить не боится в битву с мужами.

Тою порой, как дарданец Эней смотрел и дивился,
Не отводя ни на миг от картин изумленного взора,
К храму царица сама, прекрасная видом Дидона,
Шла, многолюдной толпой окруженная юношей тирских.
Так на Эврота брегах или Кинфа хребтах хороводы
Водит Диана, и к ней собираются горные нимфы:
Тысячи их отовсюду идут за нею,— она же
Носит колчан за спиной и ростом их всех превосходит
(Сердце Латоны тогда наполняет безмолвная радость),—
Так же, веселья полна, средь толпы выступала Дидона,
Думы трудам посвятив и заботам о будущем царстве.
В храма преддверье вступив, под сводчатой кровлей царица
Тотчас садится на трон, и стражи ее окружают;
Суд вершит и законы дает мужам и работы
Поровну делит она иль по жребию их назначает.
Вдруг увидел Эней: средь большого стеченья народа
Храбрый Клоант и Антей и Сергест приближаются к храму,
Тевкры следом идут, которых свирепые ветры,
По морю вразь разбросав, отнесли к другим побережьям.
Замер Эней, поражен, изумленный Ахат содрогнулся;
Страшно и радостно им: обретенным спутникам руку
Жаждут скорее пожать, но смущает сердца́ неизвестность.
Чувства свои подавив, из-за облака слушают оба,
Что испытали друзья, для чего явились к тирийцам,
Где оставили флот. Ибо с каждого судна посланцы
К храму спешили сейчас и молили о милости громко.

После того как ввели их к царице и дали им слово,
Илионей, старейший из них, промолвил степенно:
«О царица, тебе даровал Юпитер воздвигнуть
Город и диких племен надменность смирить правосудьем!
Молят троянцы тебя, по морям гонимые ветром:
Жалких, нас пощади, корабли спаси от пожара!
Чтит всевышних наш род,— так взгляни на нас благосклонно.
Мы пришли не с мечом — разорять карфагенских пенатов,
Не для того, чтоб, ограбивши вас, умчаться с добычей,
Чуждо насилие нам, и надменности нет в побежденных!

«ЭНЕИДА»

Д. Б. Тьеполо (XVIII в.). Смерть Дидоны.

Москва, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

К стр. 374

Место на западе есть, что греки зовут Гесперией,
В древней этой стране, плодородной, мощной оружьем,
Прежде жили мужи энотры; теперь их потомки
Взяли имя вождя и назвали себя «италийцы».
Путь мы держали туда.
Вдруг тученосный восстал Орион над пучиной морскою,
Дерзкие ветры снесли корабли на скрытые мели,
Буря, нас всех одолев, размела по волна́м и по скалам
Непроходимым суда; лишь немногие здесь оказались...
Что тут за люди живут, коль ступить на песок не дают нам?
Что за варварский край, если нравы он терпит такие?
Нам, угрожая войной, сойти запрещают на берег!
Если людей презираете вы и оружие смертных,
Бойтесь бессмертных богов, что помнят и честь и нечестье.
Нашим царем был Эней: справедливостью, храбростью в битвах
И благочестьем никто не мог с ним в мире сравниться.
Если его пощадила судьба, если воздухом дышит
Он, если видит эфир и к жестоким теням не спустился,—
Страха в нас нет. Да и ты не раскаешься, если услугу
Первая нам оказать поспешишь: в краях Сицилийских
Есть города и войска, и Акест — троянец по крови.
Пусть нам позволят лишь флот подвести, ураганом разбитый,
Бревна из леса добыть, их приладить, вытесать весла.
Если вновь мы найдем царя и спутников, если
Сможем в Италию плыть — то радостно путь свой направим
В Лаций, в Италию мы. Но если в море Ливийском
Ты погиб, наш отец, и нет надежды для Юла,
Мы к сицилийским пойдем проливам, откуда приплыли,
Будем готовых искать пристанищ в царстве Акеста».
Молвил Илионей, и опять вскричали дарданцы
Все, как один.

Скромно взор опустив, отвечала им кратко Дидона:
«Тевкры, отбросьте страх, прогоните заботы из сердца!
Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это
Бдительно так рубежи охранять меня заставляет.
Кто ж, энеады, о вас и кто о Трое не знает,
Кто не слыхал о пожаре войны, об отваге троянцев?
Нет, не настолько сердца очерствели в груди у пунийцев,
Прочь не гонит коней от тирийского города Солнце.
Если в великую вы Гесперию, к пашням Сатурна,
Или к Эриксу плыть захотите, в царство Акеста,—
Вам помогу, припасы вам дам, отпущу невредимо.
Если же в царстве моем захотите со мною остаться,—
Город, что я возвожу,— он ваш! Корабли приводите!
Будут равны предо мной всегда троянец с тирийцем.
Если б и царь ваш Эней, ураганом тем же подхвачен,

Прибыл сюда! А я разошлю по всему побережью
Вестников и прикажу обыскать до крайних пределов
Ливию: может быть, он по лесам иль селеньям блуждает».

Храбрый Ахат и родитель Эней от речи царицы
Духом воспрянули вмиг и прорваться сквозь облако жаждут.
Первым Энея Ахат ободряет: «Отпрыск богини,
Дума какая, скажи, у тебя в душе зародилась?
Видишь, опасности нет, и спутники с флотом вернулись.
Только один не вернулся корабль: мы видели сами,
Как он тонул. В остальном же сбылись предсказанья Венеры».
Чуть лишь промолвил он так,— и тотчас же вкруг них разлитóе
Облако разорвалось и растаяло в чистом эфире.
Встал пред народом Эней: божественным светом сияли
Плечи его и лицо, ибо мать сама даровала
Сыну кудрей красоту и юности блеск благородный,
Радости гордый огонь зажгла в глазах у героя.
Так слоновую кость украшает искусство, и ярче
Мрамор иль серебро в золотой блистают оправе.
Взорам нежданно представ, к собранью всему и к царице
Так обращается он: «Троянец Эней перед вами,
Тот, кого ищете вы, из Ливийского моря спасенный.
Ты, Дидона, одна несказанными бедами Трои
Тронута, нас, беглецов, уцелевших от сечи данайской,
Нас, лишенных всего, испытавших в морях и на суше
Столько тяжких трудов, принимаешь в дом свой и в город.
Сил нам не хватит теперь воздать тебе благодарность,—
Всем, сколько в мире их есть, не сделать этого тевкрам.
Если всевышние чтят благочестье и есть справедливость
Здесь, на земле,— то мысль, что ты поступила как должно,
Будет наградой тебе. Неужели тебя породивший
Век не счастлив? Ужель не достойны родители славы?
Реки доколе бегут к морям, доколе по склонам
Горным тени скользят и сверкают в небе светила,—
Имя дотоле твое пребудет в хвале и почете,
Земли какие бы нас ни призвали». Промолвив, Сергеста
Обнял он левой рукой, а правой — Илионея,
Храброго после привлек Гиаса с храбрым Клоантом.

Гостя увидев едва, в изумленье застыла Дидона,
Тронута страшной судьбой, и ему она так отвечала:
«Что за жребий, скажи, через столько опасностей гонит,
Сын богини, тебя? К берегам этим диким какая
Сила тебя занесла? Ты — Эней, Анхиз — твой родитель,
В крае Фригийском, вблизи Симоента, рожден ты Венерой.
Помню доныне, как Тевкр в Сидон явился однажды:
Изгнан из края отцов, стремился он новое царство

С помощью Бела добыть; а Бел, мой отец, плодородный
Кипр тогда разорил и под властью держал, победитель.
С этого времени мне известны бедствия Трои,
Ведомо имя твое и царей имена пеласгийских.
Тевкрам хоть был он врагом, но о них с похвалой отозвался
И утверждал, что рожден от корня старинного тевкров.
Что ж, поспешите, мужи, и под кров мой войдите скорее!
Бедствий таких же сама я изведала много: повсюду
Нас Фортуна гнала и лишь здесь осесть разрешила.
Горе я знаю — оно помогать меня учит несчастным».
Вымолвив это, она увела Энея в палаты
Царские; в храме богам назначив почетные жертвы,
К берегу двадцать быков отправляет царица троянцам,
Сотню огромных свиней со щетиной жесткой и сотню
Жирных ягнят и овец; и с ними веселого бога
Дар посылает она.

Дом изнутри между тем убирают с роскошью царской;
Пир в покоях дворца готовят; ковры расстилают:
Тканы искусно они и украшены пурпуром гордым.
Стол отягчен серебром, на золоте кубков чеканных
Выбиты длинной чредой деянья славные предков,
Подвиги многих мужей от начала древнего рода.

Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя
К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата,
Чтобы Аскания он известил и привел его в город:
Полон родитель всегда об Аскании милом заботы.
Также велит он дары принести, что из гибнущей Трои
Им спасти удалось: от шитья золотого тяжелый
Плащ и шафранный покров с узором из листьев аканта,—
В дар получила его спартанка Елена от Леды,
Но, из Микен устремляясь в Пергам к беззаконному браку,
Дивный убор увезла. И еще принести приказал он
Жезл, что в прежние дни всегда Илиона носила,
Старшая дочь Приама-царя, и с ним ожерелье
Из жемчугов и венец золотой, сверкавший камнями.
Быстро двинулся в путь Ахат, к кораблям поспешая.
Замысел новый меж тем питает в душе Киферея,
Новый готовит обман: чтоб к Дидоне, плененной дарами,
Вместо Юла пришел Купидон, изменивший обличье,
Сердце безумьем зажег и разлил в крови ее пламя,
Ибо Венеру страшит двоедушье тирийцев двуличных,
Гнев Юноны гнетет всю ночь богиню тревогой.
С речью такою она обратилась к крылатому сыну:
«Сын мой, ты — моя мощь, лишь в тебе моя власть и величье,
Сын, ты Юпитера стрел не боишься, сразивших Тифона,

Я прибегаю с мольбой к твоей божественной силе!
Знаешь ты: брат твой Эней, гонимый злобой Юноны,
Долго по глади морской и по всем побережьям блуждает.
Сам ты об этом скорбел со мною скорбью единой.
Ныне Дидона его задержать стремится словами
Льстивыми. Я же боюсь Юнонина гостеприимства:
Чем обернется оно? Ужель она случай упустит?
Вот и задумала я, упредив ее козни, царице
Пламенем сердце зажечь, чтоб никто не мог из всевышних
Чувства ее изменить, чтоб, как я, любила Энея.
Выслушай замысел мой, как все это можно устроить:
Царственный мальчик сейчас (о нем всех больше пекусь я),
Вызванный милым отцом, собирается в город сидонский.
Дар он несет, что спасен был из волн и пламени Трои.
Мальчика я, усыпив, умчу на высоты Киферы
Или укрою в своем идалийском священном приюте,
Чтобы моих он козней не знал и не мог помешать им.
Ты на одну только ночь свой облик изменишь обманно;
Мальчик сам, ты прими привычный мальчика образ,
Чтобы, лишь только тебя на колени посадит Дидона,
Здесь же, на царском пиру, среди возлияний Лиэя,
Только обнимет тебя, поцелуй тебе сладкий подарит,—
Тайное пламя вдохнуть в нее, отравив ее тайно».
Матери милой словам повинуется бог, и снимает
Крылья, и радостно в путь выступает Юла походкой.
Внука Венера меж тем погружает в сладкую дрему
И на руках уносит его в Идалийские рощи,
Где меж высоких дерев, овеваемый запахом сладким,
Спит он в душистой тени прекрасных цветов майорана.

Весело шел Купидон к тирийцам вслед за Ахатом,
Царские нес им дары, повинуясь матери слову.
Прибыли оба, когда на завешенном гордою тканью
Ложе своем золотом возлегла посредине царица.
Рядом родитель Эней, троянские юноши рядом,
Все за столом возлегли на пурпурных пышных покровах.
Слуги воду для рук и корзины с дарами Цереры
Подали; следом несут полотенца со стриженой шерстью
В доме рабынь пятьдесят чередою длинной носили
Разные яства гостям, благовонья курили пенатам,
Сто рабынь и столько же слуг, им возрастом равных,
Ставили блюда на стол, подавали емкие чаши.
Много тирийцев в тот день веселый чертог посетило.
Всем царица велит на ложа возлечь расписные,
Все дивятся дарам Энея, дивятся на Юла,
Речи притворной его и лицу цветущему бога,
Смотрят на плащ и покров с узором из листьев аканта.

Пристальней всех остальных финикиянка бедная смотрит,
Не наглядится никак, обреченная будущей муке:
Сердце ее распалили дары и мальчик прекрасный.
Он же, за шею обняв Энея, краткое время
Побыл с мнимым отцом, чтоб любовь его только насытить,
После к царице пошел. А та глядит неотрывно,
Льнет всей грудью к нему, и ласкает его, и не знает,
Бедная, что у нее на коленях бог всемогущий.
Он же, наказ не забыв, начинает память о муже
В ней понемногу стирать, чтобы к новой любви обратились
Праздная дума ее и любить отвыкшее сердце.

Кончили все пировать; убирают столы челядинцы,
Емкий приносят кратéр, до краев наполняются кубки.
Шум по чертогам течет, и возгласы в воздухе реют;
Ярко лампады горят, с потолков золоченых свисая,
Пламенем мрак одолев, покой озаряют обширный.
Тут велела подать золотую чашу царица,
Множеством ценных камней отягченную,— Бела наследье,
Чистым вином налила,— и молчанье вокруг воцарилось.
«Ты даровал чужеземным гостям права, о Юпитер!
Сделай же так, чтобы радость принес и тирийцам и тевкрам
Нынешний день. Пусть память о нем сохранят и потомки!
О Юнона и Вакх, податель веселья, пребудьте
С нами! Вы же наш пир благосклонно почтите, тирийцы!»
Молвила так и, на стол пролив почетную влагу
Первой коснулась она губами чаши священной,
Битию в руки ее отдала и пить пригласила.
Пенную чашу сполна осушил он до дна золотого;
Прочие гости — за ним. Золоченую взявши кифару,
Тут Иопад заиграл, Атлантом великим обучен.
Пел о блужданьях луны, о трудных подвигах солнца,
Люди откуда взялись и животные, дождь и светила,
Влажных созведье Гиад, Арктур и двойные Трионы,
Зимнее солнце спешит отчего в Океан окунуться,
Летняя ночь отчего спуститься медлит на землю.
Плеском ладоней его наградили тирийцы и тевкры.
Так, возлежа меж гостей и ночь коротая в беседах,
Долго впивала любовь несчастная Тира царица.
Все о Приаме она и о Гекторе все расспросила,
То пытала, в каких Мемнон явился доспехах,
То каков был Ахилл, то о страшных конях Диомеда.
«Но расскажи нам, мой гость, по порядку о кознях данайцев,
Бедах сограждан твоих и о ваших долгих скитаньях,—
Молвит Энею она,— ибо вот уж лето седьмое
Носит всюду тебя по волнам морским и по суше».

Книга вторая

Смолкли все, со вниманьем к нему лицом обратившись.
Начал родитель Эней, приподнявшись на ложе высоком:
«Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица!
Видел воочию я, как мощь Троянской державы —
Царства, достойного слез,— сокрушило коварство данайцев;
Бедственных битв я участником был; кто, о них повествуя,
Будь он даже долоп, мирмидонец иль воин Улисса,
Мог бы слезы сдержать? Росистая ночь покидает
Небо, и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
Но если жажда сильна узнать о наших невзгодах,
Краткий услышать рассказ о страданиях Трои последних,
Хоть и страшится душа и бежит той памяти горькой,
Я начну. Разбиты в войне, отвергнуты роком,
Стали данайцев вожди, когда столько уж лет пролетело,
Строить коня, подобье горы. Искусством Паллады
Движимы дивным, его обшивают распиленной елью,—
Лживая бродит молва — по обету ради возврата.
Сами же прячут внутри мужей, по жребью избра́нных;
Наглухо стену забив и в полой утробе громады
Тайно замкнувши отряд отборных бойцов снаряженных.

Остров лежит Тенедо́с близ Трои. Богат, изобилен
Был он и славен, доколь стояло Приамово царство.
Ныне там бухта одна — кораблей приют ненадежный.
Враг, отплывши туда, на пустынном скрылся прибрежье;
Мы же верим: ушли, корабли устремили в Микены!
Тотчас долгую скорбь позабыла тевкров держава.
Настежь створы ворот: как сладко выйти за стены,
Видеть брошенный стан дорийцев и берег пустынный.
Здесь — долопов отряд, там — Ахилл кровожадный стояли,
Здесь был вражеский флот, а там два войска сражались.
Многих дивит погибельный дар безбрачной Минерве
Мощной громадой своей; и вот Тимет предлагает —
С умыслом злым иль Трои судьба уж так порешила —
В город за стены ввести коня и в крепость поставить.
Капис и те, кто судил осмотрительней и прозорливей,
В море низвергнуть скорей подозрительный дар предлагают,
Или костер развести и спалить данайские козни,
Или отверстье пробить и тайник в утробе разведать.
Шаткую чернь расколов, столкнулись оба стремленья...

Тут, нетерпеньем горя, несется с холма крепостного
Лаокоонт впереди толпы многолюдной сограждан,
Издали громко кричит: «Несчастные! Все вы безумны!
Верите вы, что отплыли враги? Что быть без обмана

Могут данайцев дары? Вы Улисса не знаете, что ли?
Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,
Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
Стенам грозить, дома наблюдать и в город проникнуть.
Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий таится!
Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев»
Молвил он так и с силой копье тяжелое бросил
В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
Пика впилась, задрожав, и в утробе коня потрясенной
Гулом отдался удар, загудели полости глухо.
Если б не воля богов и не разум наш ослепленный,
Он убедил бы взломать тайник аргосский железом,—
Троя не пала б досель и стояла твердыня Приама.

Вдруг мы видим: спешат пастухи дарданские с криком,
Прямо к царю незнакомца ведут, связав ему руки,
Хоть и вышел он к ним и по собственной воле им сдался.
Так подстроил он все, чтобы Трою открыть для ахейцев,
В мужество веря свое, был готов он к обоим исходам:
Или в обмане успеть, иль пойти на верную гибель.
Пленного видеть скорей не терпится юношам Трои:
Все подбегают к нему, в насмешках над ним состязаясь...
Ныне о кознях услышь данайских — и все преступленья
Ты постигнешь, узнав об одном!
Пленник стоял на виду у толпы, безоружный, смущенный,
Медленно взглядом обвел он фригийцев ряды и воскликнул:
«Горе! Какая земля теперь иль море какое
Могут дать мне приют? Что, жалкому, мне остается?
Больше места мне нет средь данайцев — но вот и дарданцы,
В гневе упорны, моей желают крови и казни!»
Стон его всех нас смягчил и умерил враждебную ярость,
Мы его просим сказать, от какой происходит он крови,
Что нам принес. Пусть он скажет: на что надеялся, сдавшись?

77 «Царь! Всю правду тебе я открою, что б ни было дальше,
И отрицать не стану, что я по рожденью аргосец.
Это прежде всего; пусть Фортуна несчастным Синона
Сделала — лживым его и бесчестным коварной не сделать!
Верно, из чьих-нибудь уст ты имя слыхал Паламеда,
Сына Бела: ведь он был повсюду молвою прославлен.
Ложно его обвинив по наветам напрасным в измене
Из-за того, что войну порицал он, пеласги безвинно
Предалѝ смерти его — а теперь скорбят по умершем.
Был он родственник нам, и с ним мой отец небогатый
С первого года войны меня в сраженья отправил.
Твердо покуда стоял у власти и в царских советах
Силу имел Паламед,— и у нас хоть немного, но были

Слава, почет... Но когда коварного зависть Улисса
Со свету друга сжила (то, о чем говорю я, известно),
Жизнь я с тех пор влачил во мраке, в горе и скорби,
Гнев питая в душе за его безвинную гибель.
Но не смолчал я, грозя отомстить, чуть случай найдется.
Если в Аргос родной суждено мне вернуться с победой;
Речью бездумною той я ненависть злобную вызвал.
В этом причина всех бед. С тех пор Улисс то и дело
Начал меня устрашать обвиненьями, сеять средь войска
Темные слухи: искал он оружье, вину свою зная.
Не успокоился он, покуда помощь Калханта...
Но для чего я вотще вспоминаю о прежних невзгодах?
Что я медлю? Коль все равны пред вами ахейцы,—
Слышали вы обо мне довольно! Казнь начинайте!
Этого жаждет Улисс и щедро заплатят Атриды!»
Мы же хотим обо всем разузнать, расспросить о причинах,
Не заподозрив злодейств, пеласгийских не зная уловок.
Он продолжал свою речь, трепеща от притворного страха:
«Чаще данайцы меж тем, истомленные долгой войною,
Стали о бегстве мечтать, о том, чтобы Трою покинуть,—
О, хоть бы сделали так! Но часто свирепые бури
Им не давали отплыть, и Австр устрашал уходящих.
Больше всего бушевала гроза в широком эфире
После того, как воздвигли коня из бревен кленовых.
Мы, не зная, как быть, Эврипила тогда посылаем
Феба оракул спросить,— но печальный ответ он приносит:
«Кровью ветры смирить, заклав невинную деву,
Вам, данайцы, пришлось, когда плыли вы к берегу Трои,—
Кровью должны вы снискать возврат и в жертву бессмертным
Душу аргосца принесть». И едва мы ответ услыхали,
Трепет холодный прошел по костям и замерло сердце:
Кто судьбой обречен, кого Аполлон избирает?
Тут на глазах смятенной толпы итакиец Калханта
На середину повлек, громкогласно требуя, чтобы
Волю богов он открыл. Хитреца злодеянье и прежде
Мне предрекали не раз, грядущее втайне провидя.
Дважды пять дней прорицатель молчал и скрывался, чтоб жертву
Не называть и на смерть никого не обречь предсказаньем,—
После молчанье прервал, понуждаемый криком Улисса,
По уговору меж них меня на закланье назначил.
Тут уж никто не роптал: ведь смерть, которой боялся
Каждый, теперь одного, ему на горе, постигла.
Близился день роковой. Готовили все для обряда:
Соль с мукой пополам, вкруг висков мне тугие повязки.
Вырвался я, признаюсь, оковы порвал и от смерти
Ночью в густых тростниках у болотного озера скрылся,
Ждал, чтоб ушли, подняв паруса,— если только поднимут!

Больше надежды мне нет ни древнюю родину снова,
Ни двоих сыновей, ни отца желанного видеть.
Может быть, требуя с них за бегство наше расплаты,
Смертью несчастных мою вину покарают ахейцы...
Именем вышних богов, которым ведома правда,
Именем верности — коль остается еще среди смертных
Неосквернённой она,— молю: над нашими сжалься
Бедами! Сжалься над тем, кто столько вынес безвинно!»

Жизнь мы даруем ему, хитреца слезам сострадая.
Первым Приам приказал от тесных пут ему руки
Освободить и к нему обратился с приветливой речью:
«Кто бы ты ни был, теперь забудь покинутых греков.
Нашим ты будешь. Но мне ответь на вопрос мой правдиво:
Этот чудовищный конь для чего возведен? Кем построен?
Что стремились создать,— орудье войны иль святыню?»
Так он сказал. А Синон, в пеласгийских уловках искусный,
Начал, к небу воздев от оков свободные руки:
«Вечных огней божества нерушимые, вами клянусь я,
Вами, меч и алтарь нечестивый, которых избег я,
Вами, повязки богов, что носил я, идя на закланье!
Нет мне греха разорвать священные узы данайцев,
Нет греха ненавидеть мужей и сказать без утайки
Все, что скрывают они. Я не связан законом отчизны!
Ты лишь обетам своим храни, сохраненная Троя,
Верность, коль щедро тебе отплачу и правду открою!
Веры в победный исход и надежд залогом для греков
Помощь Паллады была всегда. Когда ж нечестивый
Сын Тидея и с ним Улисс — злодейств измыслитель —
В храм священный вошли, роковой оттуда Палладий
Силой исторгли, убив сторожей высокой твердыни,
Образ священный схватив, дерзновенно смели коснуться
Кровью залитой рукой девичьих повязок богини,—
Тотчас на убыль пошла, покидая данайцев, надежда,
Силы сломились у них, и богиня им стала враждебна.
Гнев свой Тритония им явила в знаменьях ясных:
В лагерь едва был образ внесен — в очах засверкало
Яркое пламя, и пот проступил на теле соленый;
И, как была, со щитом и копьем колеблемым, дева —
Страшно об этом сказать — на месте подпрыгнула трижды.
Тут возвещает Калхант, что должны немедля данайцы
Морем бежать, что Пергам не разрушат аргосские копья,
Если в Аргосе вновь не испросят примет, возвративши
Благоволенье богов, что везли на судах они прежде.
Ныне стремятся они по ветру в родные Микены,
С тем чтобы милость богов вернуть и внезапно явиться,
Море измерив опять. Так Калхант толкует приметы.

Образ же этот они по его наущенью воздвигли,
Чтобы тягостный грех искупить оскорбленья святыни.
Сделать огромным коня, и дубом одеть, и до неба
Эту громаду поднять повелел Калхант, чтоб не мог он
Через ворота пройти и, в городе став за стенами,
Ваш народ охранять исконной силой священной.
Ибо, коль ваша рука оскорбит приношенье Минерве,
Страшная гибель тогда (пусть прежде пошлют ее боги
Вашим врагам) фригийцам грозит и Приамову царству,
Если же в город его вы своими руками введете,—
Азия грозной войной пойдет на Пелоповы стены,
Вам предреченный удел достанется нашим потомкам».
Лживыми клятвами нас убедил Синон вероломный:
Верим его лицемерным слезам, в западню попадают
Те, кого ни Тидид, ни Ахилл, ни многие сотни
Вражьих судов, ни десять лет войны не сломили.

Новое знаменье тут — страшней и ужаснее прежних —
Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию избран,
Пред алтарем приносил быка торжественно в жертву.
Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:
Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.
Стонет соленый простор; вот на берег выползли змеи,
Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его, прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,
Бедную плоть терзают, язвят, разрывают зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьем потрясая,—
Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вкруг тела ему и дважды вкруг горла обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
Тщится он разорвать узлы живые руками,
Яд и черная кровь повязки жреца заливает,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подъемлет несчастный,—
Так же ревет и неверный топор из загривка стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
Быстро ползут напрямик к твердыне Тритонии грозной,
Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться.

Новый ужас объял потрясенные души троянцев:
Все говорят, что не зря заплатил за свое злодеянье
Лаокоонт, который посмел копьем нечестивым
Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя.
Люди кричат, что в город ввести нужно образ священный,
Нужно богиню молить.
Брешь пробиваем в стене, широкий проход открываем.
Все за дело взялись: катки подводят громаде
Под ноги, шею вокруг обвивают пеньковым канатом,
Тянут. Конь роковой тяжело подвигается к стенам,
Вражьим оружьем чреват. Вокруг невинные девы,
Мальчики гимны поют и ликуют, коснувшись веревки.
Все приближается конь, вступает в город с угрозой...
О Илион, обитель богов, дарданцев отчизна!
Стены, что славу в бою обрели! За порог задевая,
Трижды вставал он, и трижды внутри звенело оружье;
Мы же стоим на своем, в ослепленье разум утратив,
Ставим, на го́ре себе, громаду в твердыне священной.
Нам предрекая судьбу, уста отверзла Кассандра,—
Тевкры не верили ей, по веленью бога, и раньше.
Храмы богов в этот день, что для нас, несчастных, последним
Был,—словно в праздник, листвой зеленой мы украшаем.

Солнце меж тем совершило свой путь, и ночь опустилась,
Мраком окутав густым небосвод, и землю, и море,
Козни данайцев сокрыв. Разбрелись по городу тевкры,
Смолкли все, и сон объял усталые члены.
Тою порой аргивян суда, построясь фалангой,
От Тенедоса в тиши, под защитой луны молчаливой,
К берегу вновь знакомому шли. И лишь только взметнулось
Пламя на царской корме,— Синон, хранимый враждебной
Волей богов, сосновый затвор тайком открывает
Скрытым в утробе бойцам. И конь выпускает наружу
Запертых греков: на свет из дубовой выходят пещеры
Радостно храбрый Фессандр, и Сфенел с Улиссом свирепым;
Вниз, по канату скользнув, спустились Фоант с Акамантом,
Неоптолем Пелид, Махаон-врачеватель, и следом
Царь Менелай, и за ними Эпей, строитель засады.
Тотчас на город напав, в вине и во сне погребенный,
Стражей убив, встречают они в отворённых воротах
Новых соратников, слив соумышленных оба отряда.

Час наступил, когда на людей усталых нисходит
Крадучись первый сон, богов подарок отрадный.
В этот час мне явился во сне опечаленный Гектор:
Слезы обильно он лил и, как в день, когда влек его тело
За колесницей Ахилл, был черен от крови и пыли;

Мертвые вспухли стопы от ремней, сквозь раны продетых,—
Горе! Как жалок на вид и как на того не похож был
Гектора он, что из битвы пришел в доспехах Ахилла
Или фригийский огонь на суда данайские бросил!
Грязь в бороде у него, и от крови волосы слиплись,
В ранах вся грудь,— ибо множество ран получил он у отчих
Стен. И привиделось мне, что заплакал я сам и с такою
Речью печальной к нему обратился, героя окликнув:
«Светоч Дарданнии! Ты, о надежда вернейшая тевкров!
Что ты так медлил прийти? От каких берегов ты явился?
Гектор желанный, зачем, когда столько твоих схоронили
Близких и столько трудов претерпели и люди и город,
Видим тебя истомленные мы? И что омрачает
Светлый лик твой, скажи! Почему эти раны я вижу?»
Время не стал он терять, чтоб на праздные эти вопросы
Дать мне ответ, но, тяжко вздохнув, промолвил со стоном:
«Сын богини, беги, из огня спасайся скорее!
Стенами враг овладел, с вершины рушится Троя!
Отдал довольно ты и Приаму и родине! Если б
Мог быть Пергам десницей спасен,— то десницей моею!
Троя вручает тебе пенатов своих и святыни:
В спутники судеб твоих ты возьми их, стены найди им,
Ибо, объехав моря, ты воздвигнешь город великий».
Вымолвив так, своею рукой выносит он Весту,
Вечный огонь и повязки ее из священных убежищ.

Вопли скорби меж тем раздаются по городу всюду.
Хоть и стоял в стороне, густыми деревьями скрытый,
Дом Анхиза-отца, но все ясней и яснее
Шум долетает к нему и ужасный скрежет оружья.
Вмиг воспрянув от сна, я взошел на верхушку высокой
Кровли и там стоял и внимал им, слух напрягая;
Так, если буйным огнем, раздуваемым яростной бурей,
Вдруг займутся поля иль поток стремительный горный
Пашни — работу быков — и посевы тучные губит,
Валит леса и влечет за собой,— пастух изумленный,
Став на вершине скалы, отдаленному шуму внимает.
Тут только стала ясна мне истина; козни данайцев
Все открылись теперь. Побежденной силой Вулкана,
Дом Деифоба упал; горит жилище соседа
Укалегона, и блеск отражают Сигейские воды.
Клики труб и воинов крик раздаются повсюду.
Я вне себя хватаюсь за меч, хоть пользы в нем мало.
Жаждем соратников мы найти, сплотившись отрядом,
Крепость занять. И ярость и гнев опрокинули разум:
Кажется нам, что достойней всего — с оружьем погибнуть.

Тут появляется Панф, ускользнувший от копий ахейских,
Панф Офриад, что жрецом был в храме Феба высоком:
Маленький внук на руках, и святыни богов побежденных
В бегстве с собой он влечет, к моему поспешая порогу.
«Где страшнее беда, о Панф? Где найти нам твердыню?»
Только промолвил я так, со стоном он мне ответил:
«День последний пришел, неминуемый срок наступает
Царству дарданскому! Был Илион, троянцы и слава
Громкая тевкров была,— но все жестокий Юпитер
Отдал врагам; у греков в руках пылающий город!
В крепости конь одного за другим выпускает аргивян,
И победитель Синон, ликуя, полнит пожаром
Трою. Данайцы — одни к отворенным воротам подходят,—
Столько же некогда к нам из Микен великих явилось;
Выставив копья, заняв теснины улиц, другие
Строем стоят с обнаженным мечом, сверкая клинками,—
Каждый готов убивать. У ворот лишь первые стражи,
В бой вслепую вступив, противятся натиску тщетно».
Речи Панфа такой повинуясь и воле бессмертных,
Мчусь я в бой и в огонь, куда призывает богиня
Мрачная мщенья, и шум, и до неба подъятые вопли.
Встретив меня при свете луны, Рифей и отважный
В битвах Эпит, Гипанид и Димант ко мне примыкают,
Чтобы со мной заодно сражаться; с ними подходит
Сын Мигдона Кореб: на этих днях лишь явился
Юноша к нам, полюбив безрассудной любовью Кассандру.
Прибыл на помощь как зять к Приаму он и к фригийцам
И наставленьям внимать невесты своей исступленной
Не пожелал.
Видя, что все собрались затем, чтоб сражаться без страха,
К ним обратился я так: «О юноши, тщетно пылают
Храбростью ваши сердца! Вы готовы идти, не колеблясь,
С тем, кто решился на все,— но исход вам известен заране!
Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.
Что же! Погибнем в бою, но горящему граду поможем!
Для побежденных спасенье одно — о спасенье не думать!»
Яростью я их зажег. И вот, точно хищные волки
В черном тумане, когда ненасытной голод утробы
Стаю вслепую ведет, а щенки с пересохшею глоткой
Ждут по логовам их,— мы средь вражеских копий навстречу
Гибели верной бредем по срединным улицам Трои,
Сумрачной тенью своей нас черная ночь осеняет.
Кто о кровавой резне той ночи страшной расскажет?
Хватит ли смертному слез, чтобы наши страданья оплакать?
Древний рушится град, царивший долгие годы.
Всюду—вдоль улиц, в домах, у дверей заповедных святилищ —

Груды тел неподвижных лежат, во прахе простертых.
Пеню кровавую тут не одни лишь платят троянцы:
Даже в сердца побежденных порой возвращается храбрость,
И победитель тогда данаец падает наземь.
Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду.

Первый данаец, что нам повстречался, толпой окруженный,
Был Андрогей. За соратников нас в неведенье принял
Он и с речью такой приветливо к нам обратился:
«Эй, торопитесь, друзья! Как можно медлить так долго
В праздности? Грабят без вас и разносят Пергам подожженный!
Вы же только теперь с кораблей высоких идете!»
Молвил — и понял он вдруг, не услышав ясных ответов
Ни от кого, что в гуще врагов оказался нежданно.
Тотчас же с криком назад Андрогей изумленный отпрянул,—
Так же, случайно ступив, в колючем терновнике путник
Вдруг потревожит змею — и с трепетом прочь он стремится,
Видя, что гад поднялся и свирепо раздул свою шею.
Так отступил Андрогей, когда нас узнал, устрашенный.
Сомкнутым строем на них мы со всех сторон нападаем,
Видим: сопутствует нам Фортуна в первом сраженье.
Духом воспрянул Кореб, мимолетным ободрен успехом,
Молвит: «Друзья, если нам указала Фортуна к спасенью
Путь, где она благосклонна была,— последовать должно
Этим путем. Обменяем щиты и к нашим доспехам
Знаки данайские мы приладим. Хитрость и храбрость
В битве с врагами равны! Сам недруг даст нам оружье».
Молвив так, надевает он шлем Андрогея косматый,
Пышно украшенный щит и меч аргосский хватает.
Делают то же Рифей и Димант, и радостно следом
Юноши все оружье берут, добытое с бою.
Без изволенья богов мы рыщем ночью слепою,
Тут нападаем и там, с толпой смешавшись данайцев;
Многих отправили мы в обитель мрачную Орка.
Враг разбегается: те на берег спешат безопасный —
Спрятаться возле судов, а те, в постыдном смятенье,
Лезут опять на коня,— чтоб в знакомом чреве укрыться.

Но против воли богов ни на что нельзя полагаться!
Видим: из храма влекут, из священных убежищ Минервы,
Деву, Приамову дочь, Кассандру; волосы пали
На плечи ей; пылающий взор возвела она к небу,—
Только взор, ибо руки поднять не давали оковы.
Зрелище это Кореб снести не мог и, взъярившись,
В самую гущу врагов устремился на верную гибель.
Следом за ним и мы напали сомкнутым строем.

Тут посыпались вдруг с высокой святилища кровли
Копья троянцев на нас: началась плачевная битва,—
Из-за доспехов чужих, из-за греческих шлемов гривастых.
Враг сбежался на крик: за добычу, отбитую в гневе,
Мчатся со всех сторон данайцы — оба Атрида,
Пылкий Аякс и за ним долопов грозное войско.
Так иногда срывается вихрь, и встречные ветры
Борются: Нот, и Зефир, и Эвр, что радостно гонит
Коней Зари; и стонут леса, и свирепо трезубцем
Пеной покрытый Нерей до глубин возмущает пучины.
Даже и те, кого удалось во тьме непроглядной
Хитростью нам разогнать и рассеять по городу,— снова
Все появляются здесь: щиты и подложные копья
Тотчас они узнают, услыхав наш выговор странный.
Враг подавил нас числом. Сражен рукой Пенелея,
Падает первым Кореб к алтарю копьеносной богини.
Пал и Рифей, что всегда справедливейшим слыл среди тевкров,
Следуя правде во всем (но иначе боги судили).
Пал Гипанид и Димант, убиты троянцами оба.
Панф! И тебя не спасли, когда был ты повержен врагами,
Ни благочестье твое, ни повязки жреца Аполлона!
Трои прах и огонь, в котором друзья погибали,
Вы мне свидетели: в час крушенья я не стремился
Копий данайских бежать и уйти от участи грозной.
Гибель я заслужил — но рок мне иное назначил.
Вырвался с Пелием я и с Ифитом (Ифит отягчен был
Возрастом, Пелий был слаб от ран, нанесенных Улиссом).
Крики и шум непрестанно влекли нас к дому Приама.

Битва такая здесь шла многолюдная, словно нигде уж
Не было больше войны, и бойцов не удерживал город.
Лютый свирепствует Марс. Данайцы рвутся в чертоги,
Тщатся входы занять, прикрываясь сверху щитами,
Лестницы ставят к стенам и у самых дверей по ступеням
Лезут все выше они, против стрел щиты выставляя
Левой рукой, а правой уже хватаясь за кровли.
Башни рушат на них, черепицу мечут дарданцы,—
Видя последний свой час, на краю неминуемой смерти
Этим оружьем они от врагов хотят защититься.
Дедовских древних времен красу — золоченые балки
Катят сверху одни; другие, мечи обнаживши,
Встали в дверях изнутри, охраняют их сомкнутым строем.
Духом воспрянув, спешим скорее к царским чертогам,
Чтобы пополнить ряды и помощь подать побежденным.

Дверь потайная была и ход, покинутый всеми:
Сзади он вел во дворец через все покои Приама,

Здесь ходила не раз, пока наше царство не пало,
Без провожатых, одна, Андромаха к родителям мужа,
К деду несчастная мать носила Астианакса.
Быстро выбежал я на высокую крышу, откуда
Бедные тевкры вниз безвредные копья метали.
С краю там башня была, до самых звезд поднималась
Кровлей высокой она, с нее видна была Троя,
Ряд привычный судов данайских и лагерь ахейский.
Башню вокруг обступив, мы железом крушим основанья
Там, где высокий настил расшатался в швах ослабевших,
Вниз толкаем ее, и внезапно с грохотом грозным
Рушится все, и вражеский строй засыпают обломки.
Но подступают еще и еще данайцы, и градом
Камни и копья летят.

Возле самых сеней на пороге царском ярится
Пирр, и ярко блестит доспех, сверкающий медью.
Так выходит на свет, напитавшись травой ядовитой,
Змейка: зимой холода под землей ее долго держали;
Юностью ныне блестя и сбросив старую кожу,
Скользкую спину она извивает и грудь поднимает
К солнцу опять, и трепещет язык раздвоенный в пасти,
Рядом стоит великан Перифант и возница Ахилла
Автомедонт-щитоносец и с ним скиросское войско:
Все, дворец обступив, на крышу факелы мечут.
Пирр — в передних рядах: схватив топор двулезвийный,
Рубит порог и дверь, обитую медью, срывает
Прочь с косяка. Уж насквозь прорубил он дубовую доску;
Словно раскрытая пасть, широко в ней зияет отверстье:
Внутренность дома видна, череда чертогов открылась,
Виден Приама покой и царей наших древних палаты,
Люди с оружьем видны, что стоят за первою дверью.

Полнится дом между тем смятеньем и горестным стоном:
В гулких чертогах дворца отдаются женские вопли,
Крик долетает до звезд. Объятые трепетом, бродят
Матери, жены везде по обширным покоям, и двери
Держат в объятьях они, поцелуями их покрывая.
Натиском Пирр подобен отцу: и запоры и стражи —
Все бессильны пред ним. От ударов частых тарана
Дверь подалась наконец, сорвалась с шипов и упала.
Сила путь пролагает себе: вломились данайцы,
Первых стражей свалив, разлились по дворцу, словно волны.
С меньшей силой поток вспенённый, прорвавши плотины,
Натиском волн одолев на пути стоящие дамбы,
Бешено мчит по лугам и по нивам стремит свои волны,

Вместе со стойлами скот унося. Разъяренного Пирра
Видел я сам и Атридов двоих на высоком пороге,
Видел меж ста дочерей и невесток Гекубу, Приама,—
Кровью багрил он алтарь, где огонь им самим освящен был.
Брачных покоев полста — на потомков обильных надежда,
Двери, щитами врагов и варварским гордые златом,—
Рушится все. Что огонь пощадил,— досталось данайцам.

Спросишь, быть может, о том, какова была участь Приама?
Видя, что занят врагом разрушенный город, что входы
Взломаны царских палат, что дворец наполняют данайцы,
Старец, отвыкший от битв, дрожащей рукой облачает
Дряхлое тело в доспех, надевает меч бесполезный,
Прямо в гущу врагов устремляется в поисках смерти.
В самом сердце дворца, под открытым сводом небесным
Был огромный алтарь, и старый лавр густолистый
Рос, нависая над ним, осеняя ветвями пенатов.
В тщетной надежде вокруг с Гекубой дочери сели,
Жались друг к другу они, как голубки под бурею черной,
Статуи вечных богов обнимая. Когда же Гекуба
Мужа увидела вдруг в доспехах, приличных лишь юным,—
Молвила: «Бедный Приам, о что за умысел страшный
Это оружие взять тебя заставил? Куда ты?
Нет, не в таком подкрепленье, увы, не в таких ратоборцах
Время нуждается! Нет, если б даже был здесь мой Гектор...
Так отойди же сюда! Защитит нас жертвенник этот,
Или же вместе умрем!» И, промолвив, она привлекает
Старца к себе и сажает его в укрытье священном.

В этот миг, ускользнув от резни, учиняемой Пирром,
Сын Приамов Полит появился. Средь вражеских копий,
Раненый, вдоль колоннад он летит по пустынным палатам,
Следом гонится Пирр, разъяренный пролитой кровью,—
Кажется — вот он схватит его или пикой настигнет.
Все же Полит убежал: истекающий кровью, упал он
Наземь и дух испустил на глазах у Приама с Гекубой.
Тут Приам, хоть над ним уже верная смерть нависала,
Гнева не мог сдержать и воскликнул голосом слабым:
«Пусть за злодейство тебе и за дерзость преступную боги,—
Если еще справедливость небес карает преступных,—
Всем, что ты заслужил, воздадут и заплатят достойной
Платой за то, что меня ты заставил сыновнюю гибель
Видеть и взоры отца запятнал лицезрением смерти.
Нет, не таков был Ахилл (ты лжешь, что тебе он родитель):
Прав молящего он устыдился и чести был верен,
Отдал Приаму-врагу бездыханное Гектора тело

Для погребенья и нас отпустил домой невредимо».
Вымолвив так, без размаха копье бессильной рукою
Старец в Пирра метнул, но застряла безвредная пика
В выпуклой части щита, отраженная гулкою медью.
Пирр отвечал: «Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Все рассказать не забудь и о выродке Неоптолеме.
Так умри же!» И вот, промолвив, влечет к алтарю он
Старца, который скользит в крови убитого сына;
Левой рукой Приама схватив за волосы, правой
Меч он заносит и в бок вонзает по рукоятку.
Так скончался Приам, и судил ему рок перед смертью
Трои славной пожар и крушенье Пергама увидеть,
После того как властителем он земель и народов
Азии некогда был. Лежит на прибрежье троянском,
Срублена с плеч, голова и лежит безымянное тело.

Я обомлел, и впервые объял меня ужас жестокий:
Милого образ отца мне представился в это мгновенье,
Ибо я видел, как царь, ровесник ему, от удара
Страшного дух испустил. Предо мной предстала Креуса,
Дом разграбленный мой, малолетнего Юла погибель.
Я оглянулся, смотрю, вокруг осталось ли войско?
Все покинули бой: ослабевши, трусливо на землю
Спрыгнули или огню истомленное предали тело.

Был я один, когда вдруг на пороге святилища Весты
Вижу Тиндарову дочь, что в убежище тайном скрывалась
Молча, в надежде спастись,— но при ярком свете пожара
Видно было мне все, когда брел я, вокруг озираясь.
Равно страшась, что ее за сожженный Пергам покарают
Тевкры и что отомстят покинутый муж и данайцы,
Спряталась у алтаря и, незримая, в храме сидела
Та, что была рождена на погибель отчизне и Трое.
Вспыхнуло пламя в душе, побуждает гнев перед смертью
Ей за отчизну воздать, наказать за все преступленья:
«Значит, вернется она невредимо в родные Микены,
Спарту узрит и пройдет царицей в триумфе, рожденном
Ею самой? Увидав сыновей и родителей снова,
В дом свой войдет в окруженье толпы рабов илионских,
После того как Приам от меча погиб, и пылает
Троя, и кровью не раз орошался берег дарданский?
Так не бывать же тому! Пусть славы мне не прибавит
Женщине месть,— недостойна хвалы такая победа,—
Но, по заслугам ее покарав, истребив эту скверну,

Я стяжаю хвалу, и сладко будет наполнить
Душу мщенья огнем и прах моих близких насытить».
Мысли такие в уме, ослепленном гневом, кипели,
Вдруг (очам никогда так ясно она не являлась)
Мать благая, в ночи блистая чистым сияньем,
Встала передо мной во всем величьи богини,
Точно такая, какой ее небожители видят.
Руку мою удержала она и молвила слово:
«Что за страшная боль подстрекает безудержный гнев твой,
Что ты безумствуешь, сын? Иль до нас уж нет тебе дела?
Что не посмотришь сперва, где отец, удрученный годами,
Брошен тобой, и живы ль еще супруга Креуса,
Мальчик Асканий? Ведь их окружили греков отряды!
Если б моя не была им надежной защитой забота,
Их унес бы огонь или вражеский меч уничтожил.
Нет не спартанки краса Тиндариды, тебе ненавистной,
И не Парис, обвиненный во всем, лишь богов беспощадность,
Только она опрокинула мощь и величие Трои.
Сын мой, взгляни: я рассею туман, что сейчас омрачает
Взор твоих смертных очей и плотной влажной завесой
Все застилает вокруг. Молю: материнских приказов
Ты не страшись и советам моим безотказно последуй.
Там, где повержены в прах громады башен, где глыбы
Сброшены с глыб и дым клубится, смешанный с пылью,—
Стены сметает Нептун, сотрясая устои трезубцем,
Город весь он крушит и срывает его с оснований.
Тут Юнона, заняв ворота Скейские первой,
Яростным пылом полна и мечом опоясана, кличет
Войско от кораблей.
Видишь: там, в высоте, заняла твердыни Паллада,
Села, эгидой блестя, головой Горгоны пугая.
Сам Отец укрепляет дух данайцев, и силы
Им придает, и богов возбуждает против дарданцев.
Бегством спасайся, мой сын, покинь сраженья! С тобою
Буду всегда и к отчим дверям приведу бе́зопасно».
Вымолвив, скрылась она в непроглядном сумраке ночи;
Я же воочью узрел богов, Илиону враждебных,
Грозные лики во тьме.
Весь перед взором моим Илион горящий простерся.
Вижу: падает в прах с высоты Нептунова Троя,
Будто с вершины горы, беспощадным подрублен железом,
Ясень старый, когда, чередуя все чаще удары
Острых секир, земледельцы его повергнуть стремятся,
Он же стоит до поры, и трепещущей кроной качает,
И наконец, побе́жден глубокими ранами, с тяжким
Стоном рушится вниз, от родного хребта отрываясь.

Вниз я бегу и, богиней ведом, средь врагов и пожаров
Двигаюсь в путь: пропускают меня огонь и оружье.
Но лишь только достиг я порогов гнезда родового,
Старого дома отцов,— тот, к кому я всех больше стремился,
В горы кого унести всех прежде желал я,— родитель
Мне говорит, что не хочет он жить после гибели Трои,
Чтобы изгнанье сносить: «У вас не тронула старость
Крови, и силы крепки, и тела выносливы ваши,
Вы и бегите!
Если бы век мой продлить небожителям было угодно,
Это жилище они б сохранили. Довольно однажды
Город взятый узреть, пережить паденье отчизны!
Здесь положите меня, здесь проститесь со мной и бегите!
Смерть от своей руки я приму, иль враг пожалеет:
Ради добычи убьет. Мне лишиться гробницы не страшно!
Слишком уж я зажился, ненавистный богам, бесполезный,
С той поры как родитель богов и людей повелитель
Молнией дунул в меня и огнем коснулся небесным».
Так упорствовал он и одно твердил непреклонно;
Я взмолился в слезах, и со мной Креуса, Асканий,—
Весь наш дом отца умолял, чтобы всех не губил он
Вместе с собой и гнетущему нас не способствовал року.
Все мольбы он отверг и стоял на том, что замыслил.
Вновь я в битву стремлюсь и желаю смерти, несчастный;
Был ли выход иной у меня, иное решенье?
«Мог ты подумать и впрямь, что, покинув тебя, убегу я?
Как с родительских уст сорвалось нечестивое слово?
Если угодно богам до конца истребить этот город,
Прежде могучий, и ты желаешь к погибели Трои
Гибель прибавить свою и потомков своих, то для смерти
Дверь открыта: ведь Пирр, Приамовой залитый кровью,
Сына пред взором отца и отца в святилище губит.
Мать всеблагая! Так вот для чего сквозь пламя, сквозь копья
Ты меня провела: чтоб врагов в этом доме я видел,
Чтоб на глазах у меня и отец, и сын, и Креуса
Пали мертвыми здесь, обагряя кровью друг друга!
Мужи, несите мечи! Последний рассвет побежденных
Ныне зовет! Отпустите меня к врагам и позвольте
В новую битву вступить, чтоб не умерли мы без отмщенья!»

Вновь надеваю доспех, и снова щит прикрепляю
К левой руке, и опять поспешаю из дому в битву,
Но на пороге меня удержала жена, припадая
С плачем к коленям моим и Юла к отцу протянувши:
«Если на гибель идешь, то и нас веди за собою!
Если ж, оружье подняв, на него возлагаешь надежды,—

Раньше наш дом защити! На кого покидаешь ты Юла,
Старца-отца и меня, которую звал ты супругой?»
Так причитала она, чертог оглашая стенаньем.

Тут изумленным очам явилось нежданное чудо:
Юл стоял в этот миг пред лицом родителей скорбных;
Вдруг привиделось нам, что венцом вкруг головки ребенка
Ровный свет разлился, и огонь, касаясь безвредно
Мальчика мягких волос, у висков разгорается ярко.
Трепет объял нас и страх: спешим горящие кудри
Мы погасить и водой заливаем священное пламя.
Очи воздел родитель Анхиз к созвездьям, ликуя,
Руки простер к небесам и слова промолвил такие:
«Если к мольбам склоняешься ты, всемогущий Юпитер,
Взгляд обрати к нам, коль мы благочестьем того заслужили,
Знаменье дай нам, Отец, подтверди нам эти приметы!»
Только лишь вымолвил он, как гром внезапно раздался
Слева, и, с неба скользнув, над нами звезда пролетела,
Сумрак огнем разорвав и в ночи излучая сиянье.
Видели мы, как она, промелькнув над кровлею дома,
Светлая, скрылась в лесу на склоне Иды высокой,
В небе свой путь прочертив бороздою огненной длинной,
Блеск разливая вокруг и запах серного дыма.
Чудом таким убежден, родитель, взор устремляя
Ввысь, обратился к богам и почтил святое светило:
«Больше не медлю я, нет, но пойду, куда поведете,
Боги отцов! Лишь спасите мой род, мне внука спасите!
Знаменье вами дано, в вашей власти божественной Троя.
Я уступаю, мой сын: тебе я спутником буду».
Так промолвил Анхиз. Между тем доносился все громче
Пламени рев из-за стен и пожары к нам зной приближали.
«Милый отец, если так,— поскорей садись мне на плечи!
Сам я тебя понесу, и не будет мне труд этот тяжек.
Что б ни случилось в пути — одна нас встретит опасность
Или спасенье одно. Идет пусть рядом со мною
Маленький Юл и по нашим следам в отдаленье — Креуса.
Вы же наказы мои со вниманьем слушайте, слуги:
Есть за стеной городской пригорок с покинутым храмом
Древним Цереры; растет близ него кипарис, что священным
Слыл у отцов и лишь тем сохранен был долгие годы.
С вами в убежище то мы с разных сторон соберемся.
В руки, родитель, возьми святыни и отчих пенатов;
Мне их касаться грешно: лишь недавно сраженье и сечу
Я покинул, и мне текучей прежде струею
Должно омыться».
Вымолвив так, я плечи себе и склоненную спину

Сверху одеждой покрыл и желтой львиною шкурой,
Поднял ношу мою; вцепился в правую руку
Маленький Юл, за отцом поспешавший шагом неровным;
Шла жена позади. Потемней выбираем дорогу;
Я, кто недавно ни стрел, летевших в меня, не боялся,
Ни бессчетных врагов, толпой мне путь преграждавших,—
Ныне любых ветерков, любого шума пугаюсь:
Страшно за ношу мою и за спутника страшно не меньше.
Вот и ворота видны; я думал, путь мой окончен —
Но показалось мне вдруг, что до слуха доносится частый
Шорох шагов. И родитель, во тьму вперившийся взором,
Крикнул: «Беги, мой сын, беги: они уже близко!
Вижу: щиты их горят и медь мерцает во мраке».
Тут-то враждебное мне божество (не знаю, какое)
Разум похитило мой, помутив его страхом: покуда
Я без дороги бежал, выбираясь из улиц знакомых,
Злая судьба у меня отняла супругу Креусу:
То ли замешкалась где, заблудилась ли, села ль, уставши,—
Я не знаю досель,— но ее мы не видели больше.
Я ж оглянулся назад, о потерянной вспомнил не раньше,
Чем на священный холм к старинному храму Цереры
Мы добрались. Пришли сюда все — одной не хватало;
Мужа, и сына, и слуг ожиданья она обманула.
О, кого из богов и людей в тот миг, обезумев,
Я не винил? Что видал я страшней в поверженной Трое?
Юного сына, отца Анхиза, троянских пенатов
Я поручаю друзьям, укрыв их в изгибе долины,
Сам же в город стремлюсь, облачившись доспехом блестящим.
Твердо решаю опять превратности боя изведать,
Трою пройти до конца средь смертельных опасностей снова...
Прежде спешу я к стене и к воротам, откуда я вышел,
Тем же путем возвращаюсь назад и во тьме озираюсь:
Жутко повсюду душе, сама тишина устрашает.
К дому — может быть, здесь, быть может, сюда воротилась? —
Я подхожу, но в чертог уже проникли данайцы.
Пламя жадное вверх до высокой взвивается кровли,
Ветер вздувает огонь, и пожар до неба бушует.
Дальше иду: предо мной Приамов дворец и твердыня;
Храма Юноны пусты колоннады — только отборных
Двое стражей стоят: Улисс проклятый и Феникс,
Зорко добычу храня. Сюда несли отовсюду
Трои казну и престолы богов, из горящих святилищ
Взятые дерзко врагом, золотые чаши литые,
Груды одежд. И тут же, дрожа, вереницею длинной
Матери, дети стоят.
Даже голос подать я решился в сумраке ночи,
Улицы криком своим наполнил и скорбно Креусу

Снова и снова к себе призывал со стоном,— но тщетно.
Так я искал без конца, вне себя по городу рыскал;
Вдруг пред очами предстал печальный призрак Креусы:
Тень ее выше была, чем при жизни облик знакомый.
Тотчас я обомлел, и голос в горле пресекся.
Мне сказала она, облегчая заботы словами:
«Пользы много ли в том, что безумной предался ты скорби,
Милый супруг? Не без воли богов все это свершилось,
И не судьба тебе спутницей взять отсюда Креусу:
Не́ дал этого нам властитель бессмертный Олимпа!
Долго широкую гладь бороздить ты будешь в изгнанье,
Прежде чем в землю придешь Гесперийскую, где тихоструйный
Тибр лидийский течет средь мужами возделанных пашен.
Ты счастливый удел, и царство себе, и супругу
Царского рода найдешь; так не плачь по Креусе любимой!
Мне не придется дворцы мирмидонян или долопов
Гордые видеть и быть у жен данайских рабыней,—
Внучке Дардана, невестке Венеры.
Здесь удержала меня богов Великая Матерь.
Ныне прощай и храни любовь нашу общую к сыну!»
Слезы я лил и о многом сказать хотел, но, промолвив,
Призрак покинул меня и растаял в воздухе легком.
Трижды пытался ее удержать я, сжимая в объятьях,
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
Словно дыханье легка, сновиденьям крылатым подобна.

Ночь на исходе была, когда вновь друзей я увидел.
Тут, удивленный, нашел я толпу огромную новых
Спутников: к нам, что ни час, стекалися матери, му́жи,
К нам молодежь собралась — поколенье изгнанников жалких!
Шли отовсюду они, и сил и решимости полны
В землю любую со мной отплыть, куда захочу я.
Тою порой Люцифер взошел над вершинами Иды,
День выводя за собой. Охраняла данайская стража
Входы ворот. Наши силы уже не крепила надежда.
На плечи взял я отца и безропотно двинулся в горы».

Книга третья

«После того, как был истреблен безвинно Приамов
Род по воле богов, и в поверженном царстве Азийском
В прахе простерлась, дымясь, Нептунова гордая Троя,
Нас же в изгнанье искать свободных земель побуждали

В знаменьях боги не раз,— корабли мы начали строить
Возле Антандра, в лесах, у подножья Иды Фригийской,
Стали людей собирать, хоть не знали, куда понесет нас
Рок и где позволит осесть. Весна наступила,
Вверить судьбе паруса приказал Анхиз, мой родитель.
Гавань, и берег родной, и поля, где Троя стояла,
Я покидаю в слезах и в открытое море, изгнанник,
Сына везу и друзей, великих богов и пенатов.

Есть земля вдалеке, где Маворса широкие нивы
Пашет фракийцев народ, где царил Ликург беспощадный.
Были пенаты страны дружелюбны пенатам троянским
Встарь, когда Троя цвела. Прибыв туда, у залива
Стены я заложил — хоть рок был враждебен — и дал им
Имя свое, назвав Энеадой первый мой город.

Правя у моря обряд, я мать молил Дионею,
С нею бессмертных других, чтобы нам даровали удачу
В новых трудах, и быка приносил Юпитеру в жертву.
Рядом пригорок стоял. На его вершине разросся
Куст кизила и мирт, ощетинивший сучья густые.
Только, поднявшись на холм, я куст попробовал вырвать,
Чтобы покрыть алтари зеленой листвой и ветвями,—
Страшно сказать — явилось очам небывалое чудо:
Стоило первый росток мне из почвы вытащить,— тотчас
Черная кровь из корней разорванных стала сочиться,
Землю пятная вокруг. Холодным ужасом схвачен,
Весь задрожал я, и кровь, леденея, застыла от страха.
Снова попробовал я лозину гибкую вырвать,
Чтобы чуда причин доискаться, глубоко сокрытых,
Снова черная кровь из-под тонкой коры выступает.
Тяжкой тревогой объят, я сельских нимф умоляю,
С ними Градива-отца, владыку пажитей гетских,
Чтобы знаменье нам они обратили на благо.
Но лишь только налег я на третий сучок посильнее,
Твердо коленом в песок упершись (молвить об этом
Иль промолчать?),— вдруг жалобный стон до нашего слуха
Прямо из недр холма долетел, и голос раздался:
«Что ты терзаешь меня, Эней? Погребенных не трогай,
Праведных рук не скверни. Для тебя не чужим был рожден я:
Знай, что троянская кровь из стволов надломленных льется!
Горе! Беги от жестокой земли, от алчных прибрежий!
Я — Полидор: поднялись над пронзенным железные всходы
Копий, и густо сплелись, разросшись, острые дроты».
Замер я: ужас двойной потрясает смущенную душу,
Волосы дыбом встают, пресекается голос в гортани.

Некогда был Полидор с обильной казной золотою
Тайно отправлен к царю фракийцев несчастным Приамом:
Веру утратил тогда в оружье дарданское старец,
Видя, что город кольцом осады плотно охвачен.
Но, когда счастье от нас отвернулось и силы сломились,
Царь, побежденных предав, Агамемнона сторону принял,
Высшее право презрев, Полидора убил он и силой
Золото все захватил. О, на что только ты не толкаешь
Алчные души людей, проклятая золота жажда!

Только лишь страх покинул меня,— о чуде поведал
Я отцу и народа вождям и спросил их совета.
Мненье у всех одно: от преступной земли удалиться,
Гостеприимства закон осквернившей, и с ветром умчаться.
Вновь погребальный обряд мы над телом творим Полидора,
Холм насыпаем большой; воздвигаем жертвенник манам,
Мрачный от черных ветвей кипариса и темных повязок;
Вкруг троянки стоят, распустив по обычаю косы,
Пенные чаши несут с парным молоком и сосуды
С жертвенной кровью мужи, и в послёдний раз громогласно
Все взывают к нему, схоронив его душу в могиле.
Чуть лишь довериться вновь волнам смогли мы, и в море
Ветры открыли нам путь, и Австр призвал нас в просторы,
На воду снова спустив корабли, собралися троянцы.
Гавань покинув, плывем; отступают селенья и берег.

Остров средь моря лежит, почитаемый всюду священным,
Мать Нереид и Эгейский Нептун его возлюбили.
Долго блуждал он вдоль берегов, пока Стреловержец
Прочно его не связал с Миконом, с Гиаром высоким,
Нé дал ветры презреть и средь волн пребывать неподвижным.
Мчимся туда; приняла утомленных спокойная гавань.
На берег вышли мы все поклониться городу Феба.
Смертных царь и жрец Аполлона Аний нас встретил,
Лавром священным чело увенчав и повязками бога,
Руки пожал нам, узнав Анхиза — старого друга,
Гостеприимства союз заключил и повел нас в чертоги.

Фебов храм я почтил, из старинного строенный камня.
«Дай нам собственный дом, Тимбрей, дай стены усталым,
Трое дай новый Пергам, дай потомков и град долговечный
Нам, что от греков спаслись и от ярости грозной Ахилла.
Молви, за кем нам идти? Куда? И где поселиться?
Знаменье дай нам, отец, снизойди, вселись в наши души».
Только лишь вымолвил я, как все содрогнулось внезапно:

Фебово дерево — лавр, пороги, окрестные горы,
Дверь распахнулась сама, загремели треножники в храме;
Все мы простерлись ниц, и донесся голос до слуха:
«Та же земля, где некогда род возник наш старинный,
В щедрое лоно свое, Дардана стойкие внуки,
Примет вернувшихся вас. Отыщите древнюю матерь!
Будут над всею страной там царить Энея потомки,
Дети детей, а за ними и те, кто от них народится».
Так вещает нам Феб. Раздаются шумные клики
Радости; все, как один, вопрошают, в который же город
Феб скитальцев зовет, куда велит он вернуться.
Тут, вспоминая отцов преданья древние, молвит
Старец Анхиз: «Узнайте, друзья, на что уповать вам:
Остров Юпитера — Крит — лежит средь широкого моря,
Нашего племени там колыбель, близ Иды высокой.
Сто больших городов там стоит,— обильные царства.
Если все, что слыхал, я верно помню,— то прибыл
Славный предок наш Тевкр оттуда к пашням Ретейским,
Место для царства ища. Илион на высотах Пергамских
Не был еще возведен; в низинах люди селились.
Матерь — владычица рощ Кибелы и медь корибантов,
Имя идейских лесов, нерушимое таинств молчанье,
Львы, в колесницу ее запряженные,— все это с Крита.
Что же! Куда нас ведут веленья богов, устремимся,
Жертвами ветры смирим и направимся в Кносское царство.
Нам до него невелик переход: коль поможет Юпитер,
Третий рассвет корабли возле критского берега встретят».
Молвив так, он заклал богам почетные жертвы:
Бык — Нептуну и бык — тебе, Аполлон пышнокудрый,
Буре — черных овец, белоснежных — попутным Зефирам.

К нам долетела молва, что покинул отчее царство
Изгнанный Идоменей и безлюдны Крита прибрежья:
Бросил дома свои враг, и пустыми остались жилища.
Гавань Ортигии мы покидаем, по морю мчимся
Мимо Наксосских хребтов, оглашаемых воплем вакханок,
Мимо зеленых брегов Донусы и белых — Пароса,
Путь наш лежит меж Киклад, по пучине разбросанных часто,
Крик поднимают гребцы, состязаясь между собою.
Спутники их ободряют, спеша на родину предков.
Ветер попутный догнал корабли, с кормы налетевший,—
Так прибываем мы все на старинный берег Куретов.
Стены спешу возвести и, назвав Пергамеей желанный
Город, народу велю, довольному именем этим,
Новых жилищ любить очаги и воздвигнуть твердыню.

Быстрые наши суда уж давно стояли на суше,
Свадьбы справлять начала молодежь и вспахивать нивы,
Я же строил дом и законы давал; но внезапно
Мор на пришельцев наслал вредоносный воздух прибрежья:
Всходы, деревья в тот год смертоносный зараза губила.
Люди один за другим испускали дух иль в недуге
Тело влачили без сил, и пашни Сириус выжег,
Травы горели в лугах, не давал посев урожая.
Плыть в Ортигию вновь мне велит родитель и снова,
Море измерив, молить о милости Фебов оракул:
Где мытарствам конец и где искать повелит он
Помощи в горькой беде? Куда нам путь свой направить?
Ночь опустилась, и сон объял на земле все живое;
Тут изваянья богов — священных фригийских пенатов,
Те, что с собой из огня, из пылавшей Трои унес я,
Мне предстали во сне, к изголовью приблизившись ложа:
Ясно я видеть их мог, озаренных ярким сияньем
Полной луны, что лила свой свет в широкие окна.
Так они молвили мне, облегчая заботы словами:
«Тот же ответ, что тебе был бы дан в Ортигии Фебом,
Здесь ты услышишь от нас, по его явившихся воле.
Мы пошли за тобой из сожженного края дарданцев,
Мы на твоих кораблях измерили бурное море,
Мы потомков твоих грядущих до звезд возвеличим,
Городу их даруем мы власть. Но великие стены
Ты для великих создай. Не бросай же трудов и скитаний!
Должно страну вам сменить. Не об этих краях говорил вам
Делий; велел Аполлон не здесь, не на Крите селиться:
Место на западе есть, что греки зовут Гесперией,
В древней этой стране, плодородной, мощной оружьем,
Прежде жили мужи энотры; теперь их потомки
Взяли имя вождя и назвали себя «италийцы»,
Там исконный наш край: там Дардан на свет появился,
Там же Иасий рожден, от которых наш род происходит.
Встань и радостно ты непреложные наши вещанья
Старцу-отцу передай: пусть Корит и Авзонии земли
Ищет он. Вам не дает Юпитер пашен Диктейских!»
Вещий голос богов и виденья меня поразили:
Видел я не во сне пред собою лица пенатов,
Облик богов я узнал и кудри в священных повязках.
Вмиг все тело мое покрылось потом холодным.
С ложа вскочив, я ладонями вверх простираю, ликуя,
Руки с мольбой к небесам и вином неразбавленным тотчас
Над очагом возлиянье творю. По свершенье обряда
Я обо всем рассказал по порядку старцу Анхизу.
Вспомнил он тут о рожденье двойном и о двух наших предках,
Понял, что, древний наш край назвав, он снова ошибся.

Молвит он: «О мой сын, Илиона судьбою гонимый,
Мне лишь Кассандра одна предсказала превратности эти;
Нашему роду она предрекала грядущее, помню,
И называла не раз Гесперию и край Италийский.
Кто бы поверил тогда, что придут к берегам Гесперии
Тевкры? Кого убедить могли предсказанья Кассандры?
Феб указал нам пути — так последуем вещим советам».
Так он промолвил, и все подчинились, ликуя, Анхизу.
Снова отплыть мы спешим, немногих сограждан оставив,
И, паруса распустив, разрезаем килем пучины.

Вышли едва лишь суда в просторы морей, и нигде уж
Видно не стало земли — только небо и море повсюду,—
Как над моей головой сгустились синие тучи —
Тьму и ненастье суля, и вздыбились волны во мраке,
Вырвавшись, ветер взметнул валы высокие в небо,
Строй кораблей разбросав, и погнал по широкой пучине.
Тучи окутали день, и влажная ночь похищает
Небо, и молнии блеск облака́ разрывает все чаще.
Сбившись с пути, в темноте по волнам мы блуждаем вслепую.
Сам Палинур говорит, что ни дня, ни ночи не может
Он различить в небесах, что средь волн потерял он дорогу.
Солнца не видя, три дня мы блуждаем во мгле непроглядной,
Столько ж беззвездных ночей по бурному носимся морю.
Утром четвертого дня мы видим: земля показалась,
Горы встают вдалеке и дым поднимается к небу.
Тотчас спустив паруса, мы сильней налегаем на весла,
Пену вздымая, гребцы разметают лазурные воды.

Принял нас берег Строфад, когда из пучины я спасся.
Страшные те острова, что зовут Строфадами греки,
В море великом лежат Ионийском. С ужасной Келено
Прочие гарпии там обитают с тех пор, как закрылся
Дом Финея для них и столы они бросили в страхе.
Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.
Птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы на лапах;
Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,
Щеки их бледны всегда от голода.

В гавань вошли мы, куда пригнала нас буря,— и видим:
Тучное стадо коров на равнине вольно пасется,
Мелкий скот по траве гуляет, никем не хранимый.
Мы нападаем на них, и Юпитера мы призываем,
С ним великих богов, чтобы приняли долю добычи.

Начали мы пировать, у залива ложа устроив,—
К ужасу нашему, тут внезапно с гор налетают
Гарпии, воздух вокруг наполняя хлопаньем крыльев.
С гнусным воплем напав, расхищают чудовища яства,
Страшно смердя, оскверняют столы касаньем нечистым.
Вновь в углубленье скалы, в укрытье надежном поодаль
Ставим столы и снова огонь алтарей зажигаем,—
Вновь с другой стороны из незримых тайных убежищ
Шумная стая летит, крючковатые когти нацелив,
Пастями яства скверня. Друзьям тогда приказал я
Взять оружье и в бой вступить с отродьем проклятым.
Точно приказ выполняют они и в травах украдкой
Острые прячут мечи и щиты скрывают надежно.
Только. лишь стая, слетев, огласила изогнутый берег
Криками, в гулкую медь затрубил Мизен и с утеса
Подал нам знак, и друзья в небывалую битву вступили,
Мерзких пернатых морских поразить пытаясь мечами.
Самый сильный удар их перьям не страшен, и ранить
Их нельзя: уносятся ввысь они в бегстве поспешном,
Гнусный оставив след и добычу сожрать не успевши.
Только Келено одна на скале высокой уселась,
Горьких пророчица бед, и такие слова она молвит:
«Даже за битых быков и за телок, зарезанных в сечу,
Вы готовы вступить, потомки Лаомедонта,
Гарпий изгнать, не повинных ни в чем, из отчего царства?
Так внемлите же мне и мои запомните речи!
Все я скажу, что Фебу Отец всемогущий поведал,
Все, что Феб-Аполлон мне открыл, величайшей из фурий.
Де́ржите вы в Италию путь: воззвавши к попутным
Ветрам, в Италию вы доплывете и в гавань войдете,
Но окружите стеной обещанный город не прежде,
Чем за обиду, что вы нанесли нам, вас не заставит
Голод жестокий столы пожирать, вгрызаясь зубами».
Кончила речь и в леса унеслась на крыльях Келено.
В жилах кровь леденит у спутников ужас внезапный,
Духом упав, уверяют они, что мира добиться
Нужно уже не мечом, но мольбою и просьбой смиренной,
Будь хоть богини они, хоть нечистые мерзкие птицы.
С берега руки простер отец мой Анхиз, призывая
Милость великих богов, и назначил почетные жертвы.
«Боги! От нас отвратите беду и отриньте угрозы!
Молим: смягчитесь и нас благочестия ради спасите!»
Молвив, канаты велит отвязать он причальные тотчас.

Нот напряг паруса; по волнам пробегаем вспенённым,
Путь направляем, куда поведут нас ветер и кормчий.

Вот появился уже лесистый Закинф средь пучины,
Са́ма, Дулихий за ним и крутые утесы Нерита.
Держимся дальше от скал Итаки, Лаэртова царства,
Край проклиная, где был рожден Улисс беспощадный.
Вот перед нами встают в тумане вершины Левкаты,
Виден и Фебов храм, мореходам внушающий трепет,
Мчимся, усталые, к ним, заходим в маленький город,
С носа летят якоря, корма у берега встала.

К суше надежной приплыв, мы Юпитеру жертвы приносим.
И возжигаем алтарь, совершая обряд очищенья,
И на Актийской земле илионские игры справляем.
Словно в отчизне, друзья меж собой состязаются, масло
С тел стекает нагих. На душе становится легче
Путь меж врагов позади, позади твердыни аргивян.
Солнце свой круг пролетело меж тем и год завершило,
И ледяная зима ураганами волны вздымает.
Медный выпуклый щит Абанта могучего ношу,
Вешаю в храме на дверь, стихом приношенье прославив:
«Грек-победитель носил, посвятил же Эней побежденный».
Место занять на скамьях приказал я и гавань покинуть.
Влагу взрыли гребцы, ударяя веслами дружно.
Быстро скрылись из глаз поднебесные горы феаков,
Вдоль берегов Эпира свой путь в Хаонийскую гавань
Мы направляем — и вот подплываем к твердыне Бутрота.

Странные вести молва до нашего слуха доносит:
Будто Гелен Приамид городами правит данайцев,
Жезл и жену отобрав у Пирра, потомка Эака,
Будто бы вновь отдана Андромаха троянскому мужу.
Весть поразила меня и зажгла мне сердце желаньем
Встретиться с ним и узнать о таких судьбы переменах.
Берег покинув и флот, я вышел из гавани в город.
Вижу: печальный обряд приношений и тризны надгробной
Там, где ложный течет Симоент за городом в роще,
Правит, взывая к теням, Андромаха над Гектора прахом
И возлиянья творит на кургане пустом, где супругу
Два алтаря посвятила она, чтобы плакать над ними;
Чуть лишь завидела нас и узнала доспехи троянцев,—
Тотчас застыл ее взгляд, и холод тело сковал ей,
Наземь упала без сил, испугана страшным виденьем.
Долго молчала она и потом лишь промолвила слово:
«Подлинно ль вижу твой лик? И правдивую ль весть ты принес мне,
Сын богини? Ты жив? Если ж света благого лишен ты,
Где же мой Гектор тогда?» — Залилась Андромаха слезами,
Воплями лес огласив; но немного ей, исступленной,

Мог я сказать: срывался и мой от волнения голос.
«Жив я, но вся моя жизнь протекает над гибельной бездной.
Да, это я, сомненья отбрось.
Что же изведала ты, потерявшая мужа такого?
Беды одни или вновь обрела достойную долю.
Гектору прежде жена, ты терпишь Пиррово ложе?»
Взор опустила она и промолвила, голос понизив:
«Всех счастливей одна Приамова дева, которой
Жертвою пасть по приказу пришлось на вражьем кургане,
Возле Троянской стены. Никому не досталась по жребью
И не коснулась она победителей ложа в неволе!
Родину нашу спалив, увезли нас по водным равнинам;
Сына Ахиллова спесь, надменность юнца я терпела,
В рабстве рожая детей. Когда ж он в Спарту уехал,
Брачный союз заключить с Гермионой, внучкою Леды,
Отдал рабыню свою он Гелену-рабу во владенье.
Но, любовью горя к невесте, отнятой, мучим
Местью фурий, Орест застиг внезапно Пелида
И на Ахиллов алтарь его поверг бездыханным.
После смерти его во власть Гелену досталась
Царства часть; Хаонийскими он назвал эти земли,
Имя Хаонии дал стране в честь троянца Хаона
И на высотах воздвиг Пергам — Илиона твердыню.
Но какою судьбой или ветром сюда ты заброшен?
Бог ли привел тебя к нам, хоть о нас ты прежде не ведал?
Где Асканий, твой сын? Он жив ли? Видит ли небо?
В Трое был он тебе . . . . . .
Не позабыл ли еще погибшей матери мальчик?
Будит ли мужество в нем и старинную доблесть троянцев
Мысль, что Энею он сын и что брат его матери — Гектор?»

Так говорила она и долго рыдала, не в силах
Слезы унять; но от стен городских уже приближался
К нам Гелен Приамид, окруженный густою толпою;
Тотчас узнал он друзей и увел, ликуя, к воротам,
Слезы обильные льет, произносит бессвязные речи.
С ним я иду и гляжу на подобие Трои великой —
Малый Пергам и на скудный ручей, именуемый Ксанфом,
Новых Скейских ворот порог и створы целую.
Радостно в город друзей со мною тевкры вступают,
Царь принимает нас всех в своих палатах обширных:
Мы средь чертогов творим возлиянье Вакховой влагой,
Чаши подняв и держа золотые с яствами блюда.

День пролетел, а за ним и другой, и легкие ветры
В путь зовут нас, и Австр полотно парусов наполняет.
С просьбой такой к прорицателю я тогда обратился:

«Трои сын, глашатай богов! Ты Фебову волю
Видишь в движенье светил, в треножниках, в лаврах кларийских,
Птиц ты знаешь язык и приметы проворных пернатых.
Все святыни рекли, что путь мой будет удачным,
Волю являя свою, все боги меня убеждали
Плыть к Италийской земле и счастье пытать на чужбине.
Гарпия только одна Келено (мерзко промолвить)
Горе сулит, предсказав небывалое чудо и кару,—
Голод гнусный. Скажи, каких опасностей должно
Мне избегать и как превозмочь грозящие беды?»

Прежде всего Гелен, телиц по обряду заклавши,
Молит о мире богов, и повязки жреца распускает
Он на священном челе, и меня, о Феб, на порог твой
За руку сам он ведет, потрясенного близостью бога.
После отверз он уста, вдохновленные Фебом, и молвил:
«Сын богини! С тобой — и в это твердо я верю —
Воля великих богов, ибо эту тебе предназначил
Участь бессмертный Отец и таков непреложный порядок.
Ныне из многого я лишь немногое вправе поведать,
Чтобы измерить моря и войти в Авзонийскую гавань
Мог безопаснее ты. Остальное Парки Гелену
Знать не дают и Сатурна дочь открыть запрещает.
Помни: Италию ту, которую мнишь ты уж близкой,
Гавань, куда ты вскоре войти в неведенье мыслишь,
Долгий путь отделяет от вас и обширные земли.
Весла гнуть придется тебе в волнах тринакрийских,
На кораблях пересечь Авзонийского моря равнину,
Воды подземных озер и Цирцеи остров увидеть,
Раньше чем ты в безопасной земле свой город воздвигнешь.
Знак я открою тебе (ты в душе сохрани его прочно):
Там, где, тревогой томим, у потока реки потаенной,
Возле прибрежных дубов ты огромную веприцу встретишь,—
Будет она лежать на земле, и детенышей тридцать
Белых будут сосать молоко своей матери белой,—
Место для города там, там от бед покой обретешь ты.
Также не бойся, что грызть столы вас голод заставит:
Путь отыщет судьба, Аполлон моленья услышит.
Только ближних земель, берегов италийских восточных,
Тех, в которые бьют валы вот этого моря,
Ты избегай: живут в городах там злобные греки.
Стены на этой земле нарикийские локры воздвигли,
С войском своим овладел Саллентинской равниной ликтиец
Идоменей; а вождь Филоктет, Мелибею покинув,
Прочной стеной оградил Петелию, маленький город.
После, когда корабли остановятся, море измерив,
И, возведя алтари, ты у берега будешь молиться,

Волосы должно накрыть и укутать пурпурным покровом,
Чтоб меж священных огней, в честь богов зажженных,
враждебный
Лик не предстал пред тобой, не нарушил, зловещий, обряда.
Впредь и ты и друзья — сохраняйте обычай священный,
Пусть и у внуков завет этот так же свято блюдется.
После отплытья тебя примчит к берегам сицилийским
Ветер — туда, где расступятся вширь теснины Пелора;
Влево к земле поверни и по морю влево плыви ты
Кружным путем: берегись и волн, и берега справа!
Слышал я: материк там обрушился в страшном крушенье
(Могут всё изменить бесконечно долгие сроки!),
Две страны разделив, что прежде были едины;
Вторгшись меж ними в провал, волнами могучими море
От Гесперийской земли сицилийский берег отторгло
И между пашен и сел потекло по расселине узкой.
Справа Сцилла тебя там ждет, а слева — Харибда:
Трижды за день она поглощает бурные воды,
Море вбирая в провал бездонной утробы, и трижды
Их извергает назад и звезды струями хлещет.
Сцилла в кромешной тьме огромной пещеры таится,
Высунув голову в щель, корабли влечет на утесы.
Сверху — дева она лицом и грудью прекрасной,
Снизу — тело у ней морской чудовищной рыбы,
Волчий мохнатый живот и хвост огромный дельфина.
Лучше Пахина тебе обогнуть тринакрийского меты,
По морю дольше идти, от прямого пути отклониться,
Чем хоть раз увидать безобразную Сциллу в обширном
Гроте ее между скал, оглашаемых псами морскими.
Дальше: если Гелен прозорлив и можно пророку
Верить и дух его Феб наполняет истинным знаньем,—
Только одно, одно лишь тебе повторю многократно,
Сын богини, и вновь, и вновь о том же напомню:
Прежде всего преклонись пред божественной силой Юноны,
Ей молитвы твори, приноси обеты и жертвы,
Чтобы владычицы гнев одолеть: с такою победой
Можешь в Италию плыть, покинув Тринакрии берег.
В Кумы ты попадешь, лишь только в край тот прибудешь;
Там у священных озер, у Аверна средь рощи шумящей
Ты под скалою найдешь пророчицу, что в исступленье
Людям вещает судьбу, письмена же листьям вверяет;
Все предсказанья свои записав на листьях древесных,
Дева их в гроте глухом оставляет, сложив по порядку,
Должной чредою они до тех пор лежат неподвижно,
Не повернется пока дверная ось и не сдвинет
Листья с мест ветерок, отворенной поднятый дверью.
Но не желает ловить по пещере летящие листья,

Ни разложить по местам, ни собрать вещания дева,
Все уходят ни с чем, Сивиллы приют проклиная.
Время здесь потерять не бойся и не досадуй,
Если друзья упрекнут, если в море властно дорога
Вновь паруса призовет и наполнит их ветер попутный.
Вещую ты посети, предсказаний добейся мольбами,—
Пусть лишь предскажет сама и уста разомкнет добровольно.
О племенах италийских она, о будущих войнах
Все расскажет тебе и укажет, как бед избежать вам,
Если ж ее ты почтишь, то и путь безопасный дарует.
Бог только это тебе открывает устами моими.
В путь! И возвысь до небес великую Трою делами!»

Так пророк говорил, друзьям судьбу открывая;
После велел он снести к кораблям дары золотые,
Флот нагрузить серебром и резною костью слоновой.
Множество медных котлов додонских нам подарил он,
Также Пирра доспех — золотую кольчугу тройную,
И островерхий шлем, увенчанный гривой косматой.
Дар наилучший Гелен вручил Анхизу, а нам он
Дал коней и возниц,
Спутникам роздал мечи и число гребцов нам пополнил.
Всем кораблям поднять паруса повелел тут родитель,
Чтоб не замешкаться нам, когда ветер подует попутный.
Феба глашатай к нему обратился с великим почтеньем:
«Ты, что славного был удостоен союза с Венерой!
Боги пеклись о тебе и спасали из гибнущей Трои
Дважды. Взгляни, пред тобой Авзонии берег: ты можешь
К ней повернуть паруса. Но придется мимо проплыть вам:
Тот далеко еще край, что вам Аполлон обещает!
В путь, счастливый отец, сыновней гордый любовью!
Долгой речью зачем я мешаю крепчающим Австрам?»
Тут Андромаха несет, опечалена нашим отъездом,
Юлу фригийский плащ средь иных одежд разноцветных,
Затканных пряжей златой, и, от мужа отстать не желая,
Нас осыпает она дарами ткацкого стана.
«Мальчик! От той, что была женою Гектора прежде,
Дар прими: пусть руки мои тебе он напомнит,
Давней залог любви, от родных последний подарок.
Вижу в тебе лишь одном я образ Астианакса:
Те же глаза, и то же лицо, и руки, и кудри!
И по годам он тебе сейчас ровесником был бы».
К ним, со слезами в глазах, обратился я, отплывая:
«Счастливы будьте, друзья! Ваша доля уже завершилась;
Нас же бросает судьба из одной невзгоды в другую.
Вы покой обрели; ни морей бороздить не должны вы,
Ни Авзонийских искать убегающих вдаль побережий.

Видите вы пред собой подобье Ксанфа и Трою,
Вашей рукой возведенную здесь,— при лучших, надеюсь,
Знаменьях: с греками ей не придется впредь повстречаться.
Если Тибра и нив, прилегающих к Тибру, достигну
Я и стены узрю, что даны будут нашему роду,—
Город Эпирский, и тот, Гесперийский, и оба народа —
Близки они искони, ибо предок Дардан им обоим,
Ибо судьба их одна,— в Илион, единый по духу,
Слиты будут навек: пусть о том не забудут потомки!»

В море выходим мы вновь, близ Керавнии скал проплываем:
Путь в Италию здесь, средь зыбей здесь короче дорога.
Солнце упало меж тем, и горы окутались тенью.
Мы улеглись у воды на лоне суши желанной,
Жребием выбрав гребцов; сухое песчаное ложе
Тело покоит, и сон освежает усталые члены.
Оры, ведущие Ночь, не прошли полпути кругового,—
А Палинур уже встал, незнакомый с праздною ленью;
Чутко воздуха ток и веянье ветра он ловит,
Бег наблюдает светил, в молчаливом небе скользящих,
Влажных созвездье Гиад, Арктур, и двойные Трионы,
И Ориона с мечом золотым — он всех озирает.
После, увидев, что все неизменно в безоблачном небе,
Звучный сигнал с кормы подает; мы лагерь снимаем,
Снова в дорогу летим, парусов крыла расправляем.

Вот заалела Заря, прогоняя ночные светила.
Тут увидали вдали очертанья холмов и отлогий
Берег Италии мы. «Италия!» — крикнул Ахат мой,
Берег Италии все приветствуют радостным кличем.
Сам родитель Анхиз наполняет емкую чашу
Чистым вином до самых краев и богов призывает,
Встав на высокой корме:
«Боги, владыки морей, земель и бурь быстрокрылых!
Легкий даруйте нам путь и ветер попутный пошлите!»
Ветер желанный подул сильней, и приблизилась гавань,
И на вершине холма Минервы храм показался.
Спутники, сняв паруса, к берегам корабли повернули.
Берег изогнут дугой и омыт волнами с востока,
Скал преграду прибой кропит соленою пеной,
Бухту с обеих сторон, стене башненосной подобна,
Скрыла утесов гряда; а храм отбежал от прибрежья.
Первое знаменье тут увидал я: вдали на равнине
Вместе паслись на траве четыре коня белоснежных.
Молвит Анхиз: «Войну, о приветливый край, ты сулишь нам:
Грозны кони в бою, и грозят эти кони боями!
Только в том, что порой, запряженные вместе в повозку,

Терпят покорно узду и ярмо скакуны эти, вижу
Я надежду на мир». Тут Палладе звонкодоспешной
Первою, радостных, нас принявшей, мольбы вознесли мы,
Головы пред алтарем окутав покровом фригийским,
И, первейший завет Гелена помня, заклали
Жертвы, что он повелел, по обряду Юноне Аргосской.
Медлить времени нет, и, моленья окончив, тотчас же
Реи, груз парусов несущие, мы повернули,
Край подозрительных нив, обиталища греков покинув.
Вот и Тарент над заливом своим вдали показался
(Если преданье не лжет, он основан был Геркулесом),
Храм Лакинийский за ним, Скилакей и твердыни Кавлона;
Вот вдали поднялась из волн Тринакрийская Этна,
Громкий рокот зыбей, об утесы бьющихся с силой,
К нам донесся и рев, от прибрежных скал отраженный.
Воды бурлят и со дна песок вздымают клубами.
Молвит родитель Анхиз: «Воистину, это — Харибда!
Все предсказал нам Гелен: и утесы, и страшные скалы.
Други, спасайтесь скорей, равномерней весла вздымайте».
Все выполняют приказ; наш корабль повернулся со скрипом
Влево, от берега прочь, Палинуром направлен проворным,
Следом на всех парусах и на веслах флот устремился.
Вздыбившись, нас подняла до небес пучина и тотчас
Схлынувший вал опустил глубоко к теням преисподней.
Трижды в пространстве меж скал раздавалось стенанье утесов,
Трижды пена, взлетев, орошала в небе светила,
Солнце зашло между тем, и покинул ветер усталых.
С верного сбившись пути, к берегам циклопов плывем мы.

Бухты огромной покой никогда не тревожат там ветры,
Но громыхает над ней, словно рушась, грозная Этна:
То извергает жерло до неба темную тучу —
Дым в ней, черный как смоль, перемешан с пеплом белесым,—
И языками огня светила высокие лижет,
То из утробы гора изрыгает огромные скалы,
С силой мечет их ввысь, то из недр, бурлящих глубоко,
С гулким ревом наверх изливает расплавленный камень.
Там Энкелада лежит опаленное молнией тело,—
Так преданья гласят,— громадой придавлено Этны:
Через разрывы горы гигант огонь выдыхает,
Если же он, утомлен, с боку на бок вдруг повернется,—
Вздрогнет Тринакрия вся, небеса застелятся дымом.
Мы терпели всю ночь ужасное зрелище это,
Скрывшись в лесу и не зная причин столь грозного шума,
Ибо ни звездным огнем, ни в эфире разлитым сияньем
Не был мир озарен, но скрывала ненастная полночь
Небо от глаз и луну застилала облаком плотным.

Новый день едва занялся и, поднявшись с востока,
Ночи влажную тень прогнала с небосвода Аврора.
Тут из чащи лесной незнакомец странного вида
Вдруг появился — худой, изможденный, в рубище жалком,
Шел он вперед и с мольбой протягивал к берегу руки.
Видим мы: весь он в грязи, лицо обросло бородою,
Сколот колючками плащ — но можно узнать еще грека,—
Верно, из тех, что пришли из отчизны под Трою когда-то.
Издали он увидал на нас дарданское платье,
Тевкров доспехи узнал и на месте замер в испуге.
После, помедливши миг, он быстрей устремился на берег,
С плачем стал нас молить: «Светилами вас заклинаю,
Властью богов и светом небес, дыханьем дарящих,
Тевкры, возьмите меня, увезите в земли любые!
Только об этом молю! Пусть я был во флоте данайском,
Пусть войной — признаюсь — на троянских шел я пенатов.
Если поныне сильна обида за наше злодейство,
В волны бросьте меня, потопите в глубокой пучине:
Если умру я — то пусть хоть умру от рук человека».
Молвив, колени склонил он и, наши колени обнявши,
Долго стоял. Рассказать, от какой происходит он крови,
Кто он, мы просим его, и какая судьба его гонит.
Юноше руку Анхиз протянул, не замедливши долго,
Душу ободрил ему залогом дружбы родитель.
Он же, отбросив страх, о себе наконец нам поведал:
«Я на Итаке рожден, Улисса несчастного спутник.
Имя мне — Ахеменид; Адамаст, мой отец небогатый
(Мне бы долю его!), меня отправил под Трою.
Спутники, в страхе спеша порог жестокий покинуть,
Здесь позабыли меня в пещере огромной Циклопа.
Своды ее высоки и темны от запекшейся крови
Всех, кто сожран был в ней. Хозяин — ростом до неба
(Землю избавьте скорей, о боги, от этой напасти!),
С виду ужасен для всех и глух к человеческой речи,
Кровью и плотью людей Циклоп насыщается злобный.
Видел я сам, как двоих из наших спутников сразу
Взял он огромной рукой, на спине развалившись в пещере;
Брызнувшей кровью порог окропив, тела́ их о скалы
Он раздробил и жевал истекавшие черною жижей
Члены, и теплая плоть под зубами его трепетала.
Но не замедлила месть: Улисс не вынес такого,
Верным себе и в этой беде итакиец остался.
Только лишь сытый Циклоп головой поник, усыпленный
Чистым вином, и в пещере своей разлегся, огромный,
Мяса куски вперемешку с вином во сне изрыгая,
Мы, великим богам помолясь и по жребью назначив,
Что кому совершать, на него все вместе напали,

Острым шестом проткнули ему огромное око,
Что лишь одно под челом свирепым Циклопа скрывалось,
То ли аргосцев щиту, то ли светочу Феба подобно.
Рады мы были тому, что за тени друзей отомстили...
Но бегите скорей, несчастные, берег покиньте!
Рвите причальный канат!
Как ни велик Полифем, что в пещеру овец загоняет,
Скот шерстоносный доит,— но таких же огромных и диких
Сто циклопов других населяют изогнутый берег
И по высоким горам, несказанно страшные, бродят.
Трижды меж лунных рогов пространство заполнилось светом
С той поры, как в лесах по заброшенным норам звериным
Жизнь я влачу, наблюдаю со скал циклопов огромных
И трепещу, услыхав только шум их шагов или голос.
Твердый, как галька, кизил и оливки — жалкую пищу —
Ветви мне подают, и кореньями травы питают.
Часто я озирал окоем, но сегодня впервые
Здесь корабли увидал у берега. Вам предаюсь я,
Что бы ни ждало меня, лишь бы страшных избегнуть чудовищ!
Лучше от вашей руки любою смертью погибнуть».

Только промолвил он так — на вершине горы увидали
Мы самого пастуха Полифема. Высокой громадой
Двигался он средь овец, направляясь на берег знакомый.
Зренья лишенный Циклоп, безобразный, чудовищно страшный,
Ствол сосновый держал, им, как посохом, щупал дорогу.
Следом — отара овец, что отрадой единственной были
И утешеньем в беде для него.
Так он спустился к воде и, глубокого места достигнув,
Стал текущую кровь смывать с пронзенного ока,
После в бухту вошел, скрежеща зубами, стеная,
Но и колен у него не смочили глубокие воды.
Мы же, молящего взяв с собой (того заслужил он),
В страхе кинулись прочь, перерезав молча причалы,
Моря гладь размели, налегая дружно на весла.
Все же услышал Циклоп и на звук голосов устремился,
Но, поняв, что до нас дотянуться рукой не удастся
И кораблей не настичь, ионийской волной уносимых,
Громкий поднял он крик, от которого море, и зыби,
И берега Италийской земли содрогнулись в смятенье,
И отвечали глухим гуденьем Этны пещеры.
Тут на зов из лесов и с гор окрестных сбежалось
Племя циклопов и весь заполнило берег залива,
Видим — встали толпой сыны ужасные Этны,
Смотрят свирепо на нас, бессильной полные злобы,
Все, как один,— до небес; так стоят, высóко вознесши
Пышные кроны свои, дубы в лесах громовержца,

Так кипарисы стоят шишконосные в рощах Дианы.
Страх жестокий велит нам причал подобрать поскорее,
Мчаться на всех парусах, попутному ветру доверясь.
Но приказал нам Гелен, чтобы мы ни к Харибде, ни к Сцилле
Путь не смели держать, ибо та и эта дорога
К смерти ведет. Потому паруса повернуть мы решили.
Тут, на счастье, подул от проливов узких Пелора
Посланный нам Борей. Близ Пантáгии устий скалистых
Мы прошли. Вот низменный Тапс над Мегарским заливом —
Вспять плывя по пути скитаний своих, называл нам
Местности Ахеменид, Улисса злосчастного спутник.

Там, где Племирия мыс Сиканийские волны разрезал,
Остров напротив лежит, что Ортигией издавна звался.
Молвят: Алфея поток, таинственный путь под глубоким
Дном морским проложив, течет сюда из Элиды,
В устье сливаясь твоем, Аретуза, с волной сицилийской.
Местных почтивши богов, как велено было, прошел я
Мимо тучных земель, затопляемых часто Гелором,
После Пахин обогнул, к утесам, к скалам прибрежным
Ближе держась; показались вдали Камарина, которой
Быть недвижимой велит судьба, и Гелойские пашни;
Гелу, что имя свое от реки получила бурливой,
Видим вдали, и крутой Акрагант, обнесенный стеною
Мощной (прежде он был благородными славен конями).
С ветром попутным тебя, Селинунт пальмоносный, покинув,
Я через мели проплыл меж подводных скал Лилибея,
Принял меня Дрепанский залив, безрадостный берег.
Здесь, после стольких трудов, после бурь, по морям меня
гнавших,
Горе! — Анхиза-отца утратил я — утешенье
В бедах, в заботах моих. Усталого сына покинул
Лучший отец, от опасностей всех спасенный напрасно!
Ни прорицатель Гелен,— хоть много невзгод предсказал он,—
Горя этого мне не предрек, ни даже Келено.
Это — последняя скорбь, предел далеких скитаний.
Плыл я оттуда, когда меня к вам боги пригнали».

Так родитель Эней средь гостей, ему лишь внимавших,
Вел о скитаньях рассказ, о богами ниспосланных судьбах.
Тут он умолк наконец и на этом повесть окончил.

Книга четвертая

Злая забота меж тем язвит царицу, и мучит
Рана, и тайный огонь, разливаясь по жилам, снедает.
Мужество мужа она вспоминает и древнюю славу
Рода его; лицо и слова ей врéзались в сердце,
И благодатный покой от нее прогоняет забота.

Утром, едва лишь земля озарилась светочем Феба,
Только лишь влажную тень прогнала с небосвода Аврора,
Верной подруге своей, сестре, больная царица
Так говорит: «О Анна, меня сновиденья пугают!
Гость необычный вчера приплыл к нам в город нежданно!
Как он прекрасен лицом, как могуч и сердцем отважен!
Верю, и верю не зря, что от крови рожден он бессмертной:
Тех, кто низок душой, обличает трусость. Его же
Грозная участь гнала, и прошел он страшные битвы...
Если бы я не решила в душе неизменно и твердо
В брак ни с кем не вступать, если б не были так ненавистны
Брачный покой и факелы мне с той поры, как живу я,
Первой лишившись любви, похищенной смерти коварством,—
Верно, лишь этому я уступить могла б искушенью.
Анна, признаюсь тебе: после гибели горькой Сихея,
После того, как брат запятнал пенатов убийством,
Только пришелец один склонил мне шаткую душу,
Чувства мои пробудил! Былой огонь я узнала!
Пусть, однако, земля подо мной разверзнется прежде,
Пусть всемогущий Отец к теням меня молнией свергнет,
К бледным Эреба теням, в глубокую ночь преисподней,
Чем тебя оскорблю и нарушу закон твой, Стыдливость!
Тот любовь мою взял, кто первым со мной сочетался,—
Пусть он ее сохранит и владеет ею за гробом!»
Молвив, слезами она закипевшими грудь оросила.

Анна ей молвит в. ответ: «Сестра, ты мне света дороже!
Что же, всю молодость ты проведешь в тоске, одиноко
И ни любимых детей, ни Венеры даров не узнаешь?
Мнишь ты, что помнят о том погребенных маны за гробом?
Пусть никто не склонил тебя, скорбевшую, к браку
В Тире родном и в Ливии, здесь; ты Ярбу презрела,
Также и прочих вождей, питомцев триумфами славной
Африки! Будешь теперь и с желанной бороться любовью?
Иль позабыла совсем, на чьих ты полях поселилась?
Там — города гетулийцев стоят, необорных в сраженьях,
Здесь — нумидийцев народ необузданный, страшные Сирты,
Там, где жаждущий край пустынь, кочуют баркейцы...
Что говорить о войне, которую Тир нам готовит,

Или о том, чем брат нам грозит?
Кажется мне, по воле богов, с изволенья Юноны
Ветер принес к нам сюда корабли беглецов илионских.
О, великие ты создашь здесь город и царство
С мужем таким! Если силы сольют троянец с пунийцем,
Славой невиданных дел увенчается наше оружье!
Лишь у богов снисхожденья моли и, коль приняты будут
Жертвы,— гостям угождай, измышляй для задержки предлоги,
В море, мол, бури шумят, и взошел Орион дожденосный,
И расшатались суда, и для плаванья время опасно».

Речь такая зажгла любовью душу Дидоны,
Узы стыда разрешив и ум соблазняя надеждой.
В храмы сёстры идут, к алтарям припадают, о мире
Молят, в жертву заклав по обряду ярок отборных
Фебу, Лиэю-отцу и дающей законы Церере,
Прежде же всех — Юноне, что брак меж людьми освящает.
Собственной держит рукой Дидона прекрасная чашу
И возлиянье творит меж рогов белоснежной телицы
Или к обильным спешит алтарям — предстать пред богами,
Что ни день, обновляет дары и с жадностью смотрит
В грудь отверстую жертв, угадать стараясь приметы.
Разум пророков слепой! Что ей, безумице, пользы
В храмах, в пылких мольбах? По-прежнему пламя бушует
В жилах ее, и живет в груди сокрытая рана.
Жжет Дидону огонь, по всему исступленная бродит
Городу, словно стрелой уязвленная дикая серна;
В рощах Критских пастух, за ней, беспечной, гоняясь,
Издали ранил ее и оставил в ране железо,
Сам не зная о том; по лесам и ущельям Диктейским
Мечется серна, неся в боку роковую тростинку.
То Энея вдоль стен царица водит, чтоб видел
Город отстроенный он и сидонских богатств изобилье.
Только начнет говорить — и тотчас голос прервется...
То на закате опять гостей на пир созывает,
Бедная, просит опять рассказать о Трои невзгодах,
Повесть слушает вновь с неотрывным, жадным вниманьем.
После, когда все гости уйдут и в небе померкнет
Месяц и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
Ляжет на ложе она, с которого встал он, и в доме
Тихом тоскует одна, неразлучная с ним и в разлуке.
То на колени к себе сажает Аскания, словно
Сходство с отцом обмануть любовь несказанную может.
Юноши Тира меж тем упражненья с оружьем забыли,
Начатых башен никто и гавани больше не строит,
Стен не готовят к войне: прервались повсюду работы,
Брошена, крепость стоит, выраставшая прежде до неба.

Стоило только узнать громовержца супруге, что мучит
Злая Дидону болезнь, что молва — не преграда безумью,
Тотчас к Венере с такой обратилась речью Юнона:
«Да, немалую вы и добычу и славу стяжали —
Ты и крылатый твой сын; велико могущество ваше:
Женщину двое богов одну победили коварно!
Ведомо мне уж давно, что наших стен ты страшишься,
Что опасенья тебе Карфаген внушает высокий.
Где же предел? Куда приведут нас распри такие?
Вечный не лучше ли мир заключить, скрепив его браком?
Ты достигла всего, к чему душою стремилась;
Жарко пылает любовь в крови безумной Дидоны.
Будем же вместе царить и сольем воедино народы,
Поровну власть разделив; покорится мужу-фригийцу
Пусть Дидона и вам принесет в приданое царство».

Но Венера, поняв, что кривит Юнона душою,
Ради того, чтоб в Ливийском краю, не в Италии крепло
Царство, сказала в ответ: «Неужели найдется безумец,
Кто предпочел бы с тобой враждовать и ответил отказом?
Лишь бы Фортуна была благосклонна к тому, что сулишь ты!
Но сомневаюсь я в том, согласятся ль Судьба и Юпитер,
Чтобы город один у троянцев был и тирийцев,
Оба народа слить и союз заключить разрешат ли?
Ты — жена, ты к нему подступиться вправе с мольбами,—
Ты и начни, а я за тобой». И сказала Юнона:
«Это забота моя. Но внемли́: я поведаю кратко,
Как нам лучше свершить то, чему предстоит совершиться.
Ехать собрался Эней с Дидоной несчастною вместе
Завтра охотиться в лес, чуть только Титан над землею
Встанет и ночи покров распахнет лучами своими.
Тучу, несущую град, разолью над ними, едва лишь
Конный рассыплется строй, окружая рощу облавой;
Бурю обрушу на них, всколыхну все небо громами.
Все разбегутся врозь, затерявшись во тьме непроглядной;
Вместе в пещере одной троянский вождь и Дидона
Скроются. Буду я там, и, твое коль твердо желанье,
Там совершится их брак». Киферея, в спор не вступая,
С ней согласилась, смеясь над ее уловкой коварной.

Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув,
С первым лучом из ворот отборный отряд выезжает,
Сети, тенета у всех и с широкими жалами пики,
Мчат массилийцы верхом и прыгает чуткая свора.
Медлит в покоях своих царица; ее на пороге
Знать пунийская ждет; в пурпурной с золотом сбруе
Конь звонконогий грызет удила, увлажненные пеной.

Вот в окруженье толпы сама царица выходит:
Плащ сидонский на ней с расписною каймой; за плечами —
Звонкий колчан золотой, в волосах золотая повязка,
Платья пурпурного край золотою сколот застежкой.
Следом фригийцы идут, средь них ликует Асканий;
Сам Эней впереди, смыкая оба отряда,
Шествует, спутников всех красотой лица затмевая,
Словно бог Аполлон, когда он, холодный покинув
Край Ликийский и Ксанф, на родной возвращается Делос,
Вновь хороводы ведет, и с шумом алтарь окружают
Толпы дриопов, критян, агатирсов с раскрашенным телом;
Шествует бог по Кинфским хребтам, волнистые кудри
Мягкой листвой увенчав и стянув золотою повязкой;
Стрелы в колчане звенят... Такой же силы исполнен,
Шел Эней, и сияло лицо красотой несказанной.
Только лишь в дебрях лесных на горах они появились,—
Прянув с высокой скалы, помчались дикие козы
Вниз по хребту; с другой стороны по открытым полянам,
Пыль поднимая, стада побежали быстрых оленей,
В страхе сбившись тесней, чтоб родные горы покинуть.
Мальчик Асканий верхом на лихом скакуне по долинам
Быстро мчится вперед, то одних, то других обгоняя.
Страстно молит, чтоб вдруг повстречался средь смирных животных
С пенною пастью вепрь иль чтоб лев с горы появился.

Громкий рокот меж тем потряс потемневшее небо,
Черная туча пришла, чреватая градом и бурей.
Свита тирийская вся, молодые троянцы и с ними
Внук Венеры благой, Дардана правнук, помчались
По полю, крова ища. Побежали по кручам потоки.
В темной пещере вдвоем троянский вождь и Дидона
Скрылись. Тотчас Земля и Юнона, вершащая браки,
Подали знак: огнями эфир, соучастник союза,
Вспыхнул, и воплями нимф огласились окрестные горы.
Первой причиною бед и первым к гибели шагом
Был тот день. Забыв о молве, об имени добром,
Больше о тайной любви не хочет думать Дидона:
Браком зовет свой союз и словом вину прикрывает.

Тотчас Молва понеслась меж ливийцев из города в город.
Зла проворней Молвы не найти на свете иного:
Крепнет в движенье она, набирает силы в полете,
Жмется робко сперва, но потом вырастает до неба,
Ходит сама по земле, голова же прячется в тучах.

Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом за Кеем
И Энкеладом Молву, как преданья гласят, породила,
Ног быстротой ее наделив и резвостью крыльев.
Сколько перьев на ней, чудовищной, страшной, огромной,
Столько же глаз из-под них глядят неусыпно и столько ж
Чутких ушей у нее, языков и уст говорливых.
С шумом летает Молва меж землей и небом во мраке
Ночи, и сладостный сон никогда ей век не смежает;
Днем, словно стражник, сидит на верхушке кровли высокой
Или на башне она, города устрашая большие,
Алчна до кривды и лжи, но подчас вестница правды.
Разные толки в те дни средь народов она рассыпала,
Радостно быль наравне с небылицей всем возвещая:
Будто явился Эней, рожденный от крови троянской,
Принят Дидоной он был и ложа ее удостоен;
Долгую зиму теперь они проводят в распутстве,
Царства свои позабыв в плену у страсти постыдной.
Людям вложила в уста богиня гнусная эти
Речи везде и к Ярбе-царю направила путь свой,
Вестью душу ему зажгла и гнев распалила.

Царь был нимфой рожден и Аммоном в стране гарамантов;
Сто святилищ Отцу огромных в царстве обширном,
Сто он воздвиг алтарей и возжег огонь негасимый,
Стражу бессменную к ним приставил и жертвенной кровью
Почву вкруг них утучнил и цветами украсил пороги.
Царь в исступленье души, оскорбленный горькой молвою,
Перед лицом великих богов к алтарям припадая,
Руки к небу воздев, горячо молил громовержца:
«О всемогущий Отец, тебе возлияния мавры
Влагой Ленея творят, на ложах пестрых пируя.
Видишь ли ты? Иль молний твоих мы напрасно страшимся?
Иль вслепую огни сверкают в небе, пугая
Души людей, и впустую гремят раскаты, Юпитер?
Женщина, в наших краях блуждавшая, город ничтожный,
Нам заплатив, создала: уступил я ей берег под пашню,
Я указал ей, где жить,— и она потом отказалась
В брак со мною вступить и власть вручила Энею
В царстве своем! Этот новый Парис с полумужеской свитой,
Митрой фригийской прикрыв умащенные кудри, владеет
Тем, что похитил у нас! Так зачем дары в изобилье
В храмы твои мы несем и мечтою тешимся тщетной?»

Этой горячей мольбе алтарь обнявшего сына
Внял всемогущий и взор устремил на чертоги царицы
И на любовников двух, о доброй славе забывших.
Тотчас Меркурию он такое дает повеленье:

«Сын мой, ступай, Зефиров зови и к владыке дарданцев
Ты на крыльях слети: он теперь в Карфагене тирийском
Медлит, забыв об иных городах, судьбой ему данных,—
Все, что скажу я, ему отнеси ты с ветром проворным:
Мать, за сына моля, не это нам обещала
И не затем два раза его спасала от греков,—
Но чтоб Италией он, вековую державу зачавшей,
Правил средь грома боев и от крови Тевкра высокой
Род произвел и весь мир своим подчинил бы законам.
Если ж его самого не прельщает подвигов слава,
Если трудами хвалу он себе снискать не желает,—
Вправе ли сына лишить он твердынь грядущего Рима?
Что он задумал? Зачем средь враждебного племени медлит?
Разве о внуках своих, о Лавиния пашнях не помнит?
Пусть отплывает! Вот все, что от нас ему возвестишь ты!»

Так он молвил, и сын, готовый исполнить немедля
Волю отца, золотые надел сандалии тотчас
(Крылья на них высоко над землей и над гладью морскою
Носят повсюду его с быстротой дуновения ветра);
После взял он свой жезл, которым из Орка выводит
Тени бледные бог иль низводит их в Тартар угрюмый,
В сон погружает людей и спящим глаза отверзает.
Вот средь клубящихся туч полетел он, жезлом погоняя
Ветры; пред ним крутые бока и темя Атланта:
Небо суровый Атлант головой подпирает могучей,
Черные тучи ему кедроносное темя венчают,
Ветер и дождь его бьют; покрывает широкие плечи
Снег пеленой; с подбородка бегут, бушуя, потоки,
Вечным скована льдом, борода колючая стынет.
В воздухе замер над ним, на оба крыла опираясь,
Бог Килленский на миг,— и вновь, встрепенувшись всем телом,
К морю ринулся; так над водой и над берегом низко
Птица морская кружит близ богатых рыбой утесов.
Так же несся стремглав меж землей и небом, к песчаным
Ливии мча берегам, рассекая ветер в полете,
Нимфы Килленской сын, покинув деда-титана.
Хижин тирийских едва он коснулся подошвой крылатой,
Сразу Энея узрел, что дома воздвигал и твердыни;
Меч у него на боку был усыпан яшмою желтой,
Пурпуром тирским на нем шерстяная пылала накидка,
Вольно падая с плеч: богатый дар тот Дидона
Выткала, ткань золотым украсив тонким узором.
Так упрекал его бог: «Ты сейчас в Карфагене высоком
Зданий опоры кладешь, возводишь город прекрасный?
Женщины раб, ты забыл о царстве и подвигах громких?
Сам повелитель богов с Олимпа меня посылает,

Кто мановеньем своим колеблет небо и землю;
Он мне велел передать приказанье с ветром проворным:
Что ты задумал? Зачем в Ливийских мешкаешь землях?
Если тебя самого не прельщает подвигов слава,
Помни: Асканий растет! О надеждах наследника Юла
Ты не забудь: для него Италийское царство и земли
Рима ты должен добыть». И бог Килленский, промолвив,
Речь внезапно прервал и скрылся от смертного взора,
Быстро исчезнув из глаз, растворившись в воздухе легком.
Бога увидев, Эней онемел, охвачен смятеньем,
Волосы вздыбил испуг, и голос в горле пресекся.
Жаждет скорее бежать, покинуть милые земли,
Грозным веленьем богов и упреками их потрясенный.
Горе, что делать? И как посмеет к царице безумной
Он обратиться теперь? С чего начнет свои речи?
Мечется быстрая мысль, то туда, то сюда устремляясь,
Выхода ищет в одном и к другому бросается тотчас.
Лучшим ему наконец показалось такое решенье:
Он Мнесфея призвал и Сергеста с храбрым Клоантом,
Флот велел снарядить и спутников на берег тайно
Всех собрать и оружье снести,— но причин перемены
Не открывать никому; а он, покуда Дидона
Верит ему и не ждет, что любовь такая прервется,
Выберет время и сам попробует к ней подступиться,
Мягче речь повести и все уладить. И тевкры
С радостью бросились вмиг выполнять приказанья Энея.

Но, предчувствий полна и всего опасаясь, Дидона
Хитрость раскрыла его,— обмануть влюбленных возможно ль? —
Близкий отъезд угадав. И Молва нечестивая также
Ей донесла, что суда снаряжают к отплытью троянцы.
Стала метаться она, совладать не в силах с безумьем,—
Так тиада летит, когда, призывая к началу
Буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни
И в Киферонских лесах вакхический клич раздается.
С речью такой наконец обратилась к Энею Дидона:
«Как ты надеяться мог, нечестивый, свое вероломство
Скрыть от нас и отплыть от нашей земли незаметно?
Что ж, ни любовь, ни пожатие рук, что союз наш скрепило,
Ни жестокая смерть, что Дидону ждет,— не удержат
Здесь тебя? Снаряжаешь ты флот и под зимней звездою
В море выйти спешишь, не страшась ураганов и вихрей?
Если бы ты не в неведомый край к обиталищам новым
Путь свой держал и старинный Пергам стоял бы доныне,
В Трою по бурным морям ты бы так же стремился упрямо?
Не от меня ли бежишь? Заклинаю слезами моими,

Правой рукою твоей,— что еще мне осталось, несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность,
Если тебе я была хоть немного мила,— то опомнись,
Я умоляю тебя, и над домом гибнущим сжалься.
Из-за тебя номадов царям, ливийским народам,
Даже тирийцам моим ненавистна стала я; ты же
Стыд во мне угасил и мою, что до звезд возносилась,
Славу сгубил. На кого обреченную смерти покинешь,
Гость мой? Лишь так назову того, кто звался супругом!
Что мне медлить и ждать, пока эти стены разрушит
Брат мой Пигмалион или пленницей Ярбы я стану?
Если бы я от тебя хоть зачать ребенка успела,
Прежде чем скроешься ты! Если б рядом со мною в чертогах
Маленький бегал Эней и тебя он мог мне напомнить,—
То соблазненной себе и покинутой я б не казалась».

Молвила так. А он, Юпитера воле послушен,
Взор опустил и в душе подавить заботу старался.
Кратко он ей отвечал: «Всё, что ты смогла перечислить,
Все заслуги твои отрицать я не стану, царица.
Помнить буду всегда Элиссу, пока не покинет
Тела душа и пока о себе самом не забыл я.
Кратко о деле скажу: ты не думай, что я вероломно,
Тайно хотел убежать; и на брачный факел священный
Не притязал никогда, и в союз с тобой не вступал я.
Если бы мне разрешила судьба повелителем жизни
Собственной быть и труды избирать по собственной воле,—
Я бы их Трое родной, где покоятся близких останки,
Прежде всего посвятил, и дворец Приама стоял бы,
И для сограждан моих побежденных Пергам я воздвиг бы.
Но лишь в Италию нас Аполлон посылает Гринийский,
Только в Италию плыть велит Ликийский оракул:
Там и любовь, и отечество там! Если вид Карфагена
Радует взор твой и мил финикиянке город ливийский,—
Как не позволить и нам в Авзонийском краю поселиться?
За́ морем царство искать и тевкры право имеют!
Каждый раз, когда ночь окутает сумраком влажным
Землю и светочи звезд загорятся,— старца Анхиза
Тень тревожная мне предстает в сновиденьях с укором.
Юла обида меня гнетет: Гесперийского царства
Я лишаю его и судьбой обещанных пашен.
Ныне и вестник богов, самим Юпитером послан,
С ветром проворным слетев,— тобой и мною клянусь я! —
Мне повеленье принес. Средь бела дня я увидел
Бога, и голос его своими слышал ушами.

Так перестань же себя и меня причитаньями мучить.
Я не по воле своей плыву в Италию».

Молвил он так. А она на Энея молча глядела,
Взглядом враждебным его с головы до ног измеряя,
И наконец, не стерпев, ему ответила в гневе:
«Нет, не богини ты сын, и род твой не от Дардана,
Кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет породили,
В чащах Гирканских ты был тигрицей вскормлен свирепой!
Что же, смолчать мне сейчас, ожидая большей обиды?
Разве от слез моих он застонал? Или взоры потупил?
Разве меня пожалел? Разве, тронут любовью, заплакал?
Есть ли жестокость страшней? Ужель царица Юнона,
Сын Сатурна ужель равнодушно смотрят на это?
Верить нельзя никому! Безумная, с ним разделила
Царство я, подобрав занесенного на́ берег бурей,
Флот вернула ему и друзей, от смерти спасенных.
Горе! С гневом нет сил совладать! Так, значит, Ликийский
Гонит оракул тебя, и Феб, и, Юпитером послан,
Вестник богов повеленья принес жестокие с неба?
Право, забота о вас не дает и всевышним покоя!
Что ж, я тебя не держу и согласна со всем, что сказал ты!
Мчись, уплывай, убегай, ищи в Италии царства!
Верю: найдешь ты конец средь диких скал, если только
Благочестивых богов не свергнута власть,— и Дидоны
Имя не раз назовешь. А я преследовать буду
С факелом черным тебя; когда же тело с душою
Хладная смерть разлучит,— с тобою тень моя будет,
К манам моим молва долетит о каре Энея!»
Тут прервала свою речь, обессилев внезапно, царица,
Бросилась прочь, от света спеша укрыться, покинув
В страхе Энея, хоть ей он о многом сказать собирался.
Но подхватили ее поникшее тело служанки,
В дальний чертог отнесли, уложили на мягкое ложе.

Благочестивый Эней, подавляя в сердце желанье
Боль успокоить ее и унять утешеньем тревогу,
Горько стонал от любви, колебавшей слабую душу;
Все же, веленьям богов повинуясь, флот озирал он.
Тевкры спешат между тем корабли высокие сдвинуть
С берега,—и на волнах закачались смоленые днища.
Из лесу весла несут, от листвы не очистивши бревна:
Плыть не терпится всем.
К морю тевкры бегут, со всех стекаются улиц;
Так же, когда муравьи собирают зерна усердно,
Помня о скудной зиме, и в жилища сносят запасы,
По полю черный строй идет и по узкой тропинке

Тащит добычу меж трав: одни, толкая плечами,
Крупное катят зерно, подгоняют ленивых другие
Иль собирают ряды,— и кипит на дорожке работа.
Что же вынесла ты, Дидона, все это видя?
Как ты стонала, когда с высоты твердыни глядела
На́ берег, где у тебя на глазах работа кипела,
Где над водою гудел толпы неразборчивый гомон?
Злая любовь, к чему только ты серца́ не принудишь!
Вновь приходится ей молить со слезами Энея,
Гордость смиряя в душе во имя любви и желая
Средства все испытать — чтобы смерть принять не напрасно.

«Анна, ты видишь, бегут отовсюду на́ берег тевкры,
Все собрались, и ветер к себе паруса призывают;
Каждому судну корму украшают венком мореходы.
Если бы только, сестра, ждала я горе такое,—
Легче бы все я снесла; а теперь ты просьбу несчастной
Выполни, Анна, одну: почитал всегда вероломный
Только тебя, доверял лишь тебе он тайные мысли;
Знаешь ты, как и когда к нему подступиться возможно,—
Ты и пойди, и моли врага надменного, Анна:
Вместе с данайцами я не давала клятвы в Авлиде
Весь троянский народ истребить, и к Пергаму не слала
Я кораблей, и Анхиза-отца не тревожила праха:
Что ж непреклонный свой слух он к мольбам склонить не желает?
Что он спешит? Пусть возлюбленной даст последний подарок:
Пусть подождет попутных ветров и легкой дороги.
Я не прошу, чтобы он был союзу нашему верен,
Чтоб навсегда пренебрег в прекрасном Лации царством,—
Жалкой отсрочки прошу, чтоб утихнуть успело безумье,
Чтобы страдать научили меня, побежденную, судьбы.
Сжалься, молю, над сестрой, окажи мне последнюю милость,
Буду тебе за нее благодарна до смертного часа».

Так умоляла она, и мольбы ее слезные Анна
Вновь и вновь к Энею несла — но не тронули речи
Скорбное сердце его, и просьбам слезным не внял он:
Слух склонить не велит ему бог и судьба запрещает.
Так нападают порой на столетний дуб узловатый
Ветры с альпийских вершин: то оттуда мча, то отсюда,
Спорят они, кто скорей повалить великана сумеет,
Ствол скрипит, но, хоть лист облетает с колеблемых веток,
Дуб на скале нерушимо стоит: настолько же в недра
Корни уходят его, насколько возносится крона.
Так же со всех сторон подступают с речами к герою,
Тяжкие душу томят заботы и думы, но все же
Дух непреклонен его, и напрасно катятся слезы.

В горе Дидона меж тем, устрашенная роком грядущим,
Смерть звала, не в силах смотреть на купол небесный.
Все побуждает ее исполнить замысел страшный,
Свет покинуть скорей. На алтарь дары возлагая,
Вдруг увидала она, как чернеет священная влага,
Как в зловещую кровь возлияний вино обратилось
(Даже сестре не сказала о том виденье Дидона).
Был в чертогах ее посвященный супругу Сихею
Храм, который она с особым чтила усердьем,
Яркой его украшала листвой и белою шерстью;
Ночью, когда вся земля объята тьмою, из храма
Голос послышался ей и зов усопшего мужа.
Часто на кровле дворца заводил похоронную песню
Филин, и голос его протяжно плакал во мраке.
Вспомнила также она и о прежних вещаньях пророков,
Ей суливших беду, и все время в ее сновиденьях
Гнался свирепый Эней за безумной царицей, она же,
Брошена всеми, одна, брела по длинной дороге,
Долго-долго ища тирийцев в поле пустынном.
Так же видит Пенфей Эвменид ряды в исступленье,
Солнца два в небесах и города два семивратных,
Так же по сцене бежит Агамемнона сын, за которым
Гонится с факелом мать и змей в руке поднимает;
Мчится Орест — но сидят на пороге мстящие Диры.

Сломленной болью душе не под силу бороться с безумьем:
Твердо решилась на смерть и выбрала втайне царица
Смерти способ и час, но, за мнимым спокойствием пряча
Замысел свой от сестры, ей сказала с надеждой притворной:
«Анна, я средство нашла,— порадуйся вместе со мною,—
Как его мне вернуть иль от этой избавиться страсти.
Там, где течет Океан и в него погружается солнце,
Место есть на краю Эфиопской земли, где огромный
Держит Атлант на могучих плечах небосвод многозвездный.
Мне указали, что там живет массилиянка-жрица,
Храм Гесперид охраняла она и кормила дракона,
Также плоды стерегла на ветвях священных деревьев,
Мед возливала и сок снотворный алого мака.
Жрица сулит от любви заклинаньями душу избавить
Иль, коль захочет, вселить заботы тяжкие в сердце;
Рек теченье она остановит, и звезд обращенье
Вспять повернет, и в ночи из Орка вызовет тени,
Землю заставит стонать и вязы спускаться по склонам.
Боги свидетели мне, твоей головою клянусь я,
Что против воли, сестра, к волшбе прибегаю и чарам.
Втайне сложи ты костер во дворце под небом открытым,
Мужа оружье, что он повесил в нашем чертоге,

Все одежды его и меня погубившее ложе
Брачное ты на костер положи: уничтожить отрадно
Все, что напомнит о нем, да и жрица так приказала».
Вымолвив, смолкла она, и покрылись бледностью щеки.
Анна понять не могла, что скрыть погребенье Дидоны
Должен странный обряд, не ждала, что сестра, обезумев,
Мучиться будет сильней, чем после смерти Сихея.
Все исполняет она.

Вот посредине дворца под открытым небом высокий
Сложен костер из смолистых ветвей и поленьев дубовых,
Весь плетеницами он и листвой погребальной украшен.
Сверху на ложе кладет, о грядущем зная, царица
Платье Энея, и меч, и образ, отлитый из воска,
Вкруг стоят алтари. Распустивши волосы, жрица
Сто призывает богов и трижды клич повторяет...
Хаос зовет и Эреб с трехликой Дианой-Гекатой,
Мнимой Аверна водой кропит обильно чертоги,
Травы берет, что медным серпом при луне на полянах
Срезала в полном цвету, ядовитым налитые соком,
Также нарост, что со лба жеребенка тотчас по рожденье
Сорван, чтоб мать упредить.
Рядом царица стоит, муку́ священную держит,
Ногу разувши одну, распустив на одежде завязки;
К смерти готова, зовет в свидетели звезды, которым
Ведомо все, и молит богов,— если бог справедливый
Мстит вероломным в любви и печется о тех, кто обманут.

Ночь опустилась, и сон успокоил тела утомленных
Смертных по всей земле; уснули рощи, утихли
Волны свирепых морей; полпути пролетели светила,
Смолкли луга, и поля, и стада, и пестрые птицы,
Что на просторе озер и в кустарниках частых гнездятся:
Всех молчаливая ночь в глубокий сон погрузила.
Только царица одна ни на миг не может забыться
Сном; не приносит ночь ни очам, ни сердцу покоя;
Снова любовь беспощадная в ней вздымается бурно,
Множит заботы в душе и прибоем гнева бушует.
Так Дидона твердит, одержима думой одною:
«Что ж мне делать? Опять, женихам на посмешище прежним,
Мужа искать и с мольбой идти к ливийским номадам,
Чьи домогательства я не раз отвергала с презреньем?
Или к нему на корабль бежать и любому приказу
Тевкров покорствовать? Пусть по душе им была моя помощь,—
Разве помнят о ней и хранят они благодарность?
Сделаю так,— но кто на корабль надменный допустит
Всем ненавистную? О, неужель до сих пор не узнала

Лаомедонтовых ты потомков нрав вероломный?
Что же дальше? Одна ль за ликующим флотом троянским
Я помчусь иль, собрав в отряды верных тирийцев,
Мною спасенных с трудом из Сидона, вслед за собою
Их увлеку и вверить ветрам паруса прикажу им?
Нет! По заслугам умри и мечом оборви эту муку!
Ты, сестра, уступив слезам моим и безумствам,
Первой беду на нас навлекла, врагу меня выдав.
Мне не дано было жить, не ведая брачного ложа,
Горькой не зная вины и заботы, как дикие звери,
Верность блюсти, в которой клялась я праху Сихея!»
Так причитала она, надрывая сердце слезами.

Той порою Эней на корме вкушал корабельной
Мирный сон, собираясь отплыть и все подготовив.
Снова герою во сне явился божественный образ,
Всем с Меркурием схож: лицо, румянец и голос
Те же, и светлых кудрей волна, и цветущая юность.
Снилось Энею, что бог обратился к нему с увещаньем:
«Сын богини, как можешь ты спать, хоть беда уже близко,
Как обступивших тебя опасностей можешь не видеть?
Дует попутный Зефир,— и того ты, безумец, не слышишь?
Ныне, решившись на смерть, нечестивые козни царица
В сердце лелеет, и гнев оскорбленной бушует прибоем.
Что ж ты бежать не спешишь, пока поспешить еще можно?
Скоро увидишь ты сам, как от весел вспенится море,
Факелы грозно блеснут, озарится пламенем берег,
Если тебя на Ливийской земле Аврора застанет.
Медлить не смей! Отплывай! Изменчива и ненадежна
Женщина». Вымолвив так, в ночи растаял он черной.

Тотчас поднялся Эней, устрашен виденьем нежданным,
Сон отряхнул и спутников стал торопить, говоря им:
«Встаньте, проснитесь, мужи, на скамьях места занимайте!
Все паруса поднимайте скорей! С высокого неба
Послан, бог нам велит обрубить витые канаты,
Без промедленья бежать. Тебе повинуемся, боже!
Кто бы ты ни был, твои повеленья исполним охотно,
Лишь благосклонным пребудь и яви сочетанья созвездий,
Благоприятные нам!» Промолвив, меч свой блестящий
Выхватил он из ножон и канат перерезал причальный.
Все в порыве одном бегут, за дело берутся,
Берег вмиг опустел, корабли всё море покрыли.
Пену вздымая, гребцы разрезают лазурь торопливо.
Чуть лишь Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
С башни высокой дворца в сиянье первом рассвета

Ровный строй парусов уплывающих видит царица,
Видит: пусты берега и гребцы покинули гавань.
Трижды в прекрасную грудь и четырежды больно ударив,
Кудри терзая свои золотые, стонет Дидона:
«Внемли, Юпитер! Ужель надо мной посмеется пришелец?
Прочь он бежит — а у нас и оружья нет, и вдогонку
Город не бросится весь, не предаст корабли истребленью?
Эй, несите огонь, паруса распускайте, гребите!..
Где я? Что говорю? Помутило разум безумье...
Только теперь ты скорбишь о его злодеяньях, Дидона?
Надо б тогда, когда власть отдавала! Вот она, клятва,
Вот она, верность того, кто родных спасает пенатов,
Кто, говорят, на плечах отца престарелого вынес!
Я ль не могла растерзать, по волнам разметать его тело,
Спутников всех погубить, умертвить Аскания, чтобы
Дать отцу на пиру отведать страшного яства?
Был бы той битвы исход неясен... Пусть и неясен,—
Мне ли, готовой на смерть, бояться? Лагерь троянский
Я бы спалила дотла, и сожгла корабли, и убила
Сына с отцом, весь род истребив — и Элиссу в придачу.
Солнце, ты, что огнем земные труды озаряешь,
Ты, Юнона,— тебе я всегда мою боль поверяла,—
Ты, Геката, к кому на ночных перекрестках взывают,
Диры мстящие, вы, и вы, божества моей смерти,
Взгляд обратите на нас — заслужила я этого мукой,—
Нашим внемлите мольбам. Если должен проклятый достигнуть
Берега и корабли довести до гавани, если
Воля судьбы такова и Юпитера цель неизменна,—
Пусть войной на него пойдет отважное племя,
Пусть изгнанником он, из объятий Аскания вырван,
Бродит, о помощи всех моля, и жалкую гибель
Видит друзей, и пусть, на мир согласившись позорный,
Не насладится вовек ни властью, ни жизнью желанной:
Пусть до срока падет, пусть лежит на песке не зарытый.
С этой последней мольбой я в последний мой час обращаюсь.
Вы же, тирийцы, и род, и потомков его ненавидеть
Вечно должны: моему приношеньем праху да будет
Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!
О, приди же, восстань из праха нашего, мститель,
Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море —
Морю и меч — мечу: пусть и внуки мира не знают!»
Так говорила она и металась мыслью нестойкой;
Жизни постылые дни ей хотелось прервать поскорее.
Барку Дидона к себе, Сихея кормилицу, кличет
(Ибо свою схоронила еще на родине прежней):

«Милая няня, найди сестру мою Анну, скажи ей,
Чтобы тело себе омыла водою проточной,
Чтобы овец привела и все, что жрица велела,
Мне принесла; и сама на висках затяни ты повязки:
Жертвы, что я начала готовить стигийскому богу,
Нынче хочу завершить, навсегда с заботой покончить,
Сжечь на жарком костре дарданца коварного образ».
Так сказала она,— и старуха спешит что есть силы.

Замысел страшный меж тем несчастную гонит Дидону:
Мчится она, не помня себя, с блуждающим взором
Кровью налитых очей; на щеках ее бледные пятна —
Близкой гибели знак; в глубине дворца на высокий
Всходит царица костер и клинок обнажает дарданский,—
Не для того этот дар просила она у Энея!
Но, увидав илионскую ткань и знакомое ложе,
Слезы сдержала на миг, на костер опустилась Дидона,
Молвив в последний раз: «Вы, одежды и ложе,—отрада
Дней, когда бог и судьба мне отраду узнать разрешили!
Душу примите мою и меня от муки избавьте!
Прожита жизнь, и пройден весь путь, что судьбой мне отмерен,
В царство подземное я нисхожу величавою тенью.
Город могучий создав, я свои увидела стены,
Брата могла покарать, отомстить за убитого мужа,—
Счастлива, о, как счастлива я была б, если б только
Наших вовек берегов дарданцев корма не касалась!»
Тут устами она прижалась к ложу — и молвит:
«Хоть неотмщенной умру — но умру желанною смертью.
С моря пускай на огонь глядит дарданец жестокий,
Пусть для него моя смерть зловещим знаменьем будет!»
Только лишь молвила так — и вдруг увидали служанки,
Как поникла она от удара смертельного, кровью
Руки пятная и меч. Полетел по высоким покоям
Вопль и, беснуясь, Молва понеслась по смятенному граду.
Полнится тотчас дворец причитаньями, стоном и плачем
Женщин, и вторит эфир пронзительным горестным криком.
Кажется, весь Карфаген иль старинный Тир под ударом
Вражеским рушится в прах и объемлет буйное пламя
Кровли богов и кровли людей, пожаром бушуя.
Слышит крик и бежит, задыхаясь, с трепещущим сердцем,
В кровь расцарапав лицо, кулаками в грудь ударяя,
Анна и кличет сестру, на смертном простертую ложе:
«Вот в чем твой замысел был! Меня обмануть ты стремилась!
Вот что этот костер, и огонь, и алтарь мне сулили!
Плач мой с чего мне начать, покинутой? Ты не хотела
Спутницей взять и меня... О, когда б меня позвала ты,—
В то же мгновенье двоих один клинок погубил бы!

Этот костер я сложила сама, и сама я взывала
К отчим богам — лишь затем, чтоб не быть здесь в миг твой последний...
Ты, себя погубив, погубила меня и народ свой,
Город и тирских отцов. Дайте, влагой рану омою
И, коль осталось у ней дыханье в груди, я устами
Вздох последний приму». На костер со словами такими
Анна взошла и сестру умиравшую грела в объятьях,
Темную кровь одеждой своей утирала, стеная.
Тяжкие веки поднять попыталась Дидона — но тщетно;
Воздух, свистя, выходил из груди сквозь зиявшую рану.
Трижды старалась она, опершись на локоть, подняться,
Трижды падала вновь и блуждающим взором искала
Свет зари в небесах — и стонала, увидев сиянье.

Тут царица богов, над столь долгой сжалившись мукой
Трудной кончины ее, с Олимпа Ириду послала
Дать свободу душе, что со смертью боролась упорно,
Ибо судьбе вопреки погибала до срока Дидона,
Гибели не заслужив, лишь внезапным убита безумьем,
И не успела ее золотистую прядь Прозерпина
Прочь унести и Дидону обречь стигийскому Орку.
С неба Ирида летит на шафранных крыльях росистых,
В утренних солнца лучах стоцветный след оставляя;
Встав над несчастной, она произносит: «Прядь эту в жертву
Диту я приношу, и от тела тебя отрешаю!»
Вымолвив, прядь срезает она — и тотчас хладеет
Тело, и жизнь покидает его, развеяна ветром.

Краткое содержание книги пятой можно прочесть в предисловии.

Книга шестая

Так он промолвил в слезах, и замедлил флота движенье,
И наконец близ Кум подошел к побережьям Эвбейским.
Носом в простор корабли повернули тевкры; вонзились
В дно якорей острия, и кормою к берегу встали
Длинным рядом суда. Молодежь спешит в нетерпенье
На Гесперийский песок; семена огня высекают,
Скрытые в жилах кремня; расхищают древесные кущи
В дебрях густых, где прячется дичь, и реки находят.
Благочестивый Эней к твердыне, где правит великий
Феб, и к пещере идет — приюту страшной Сивиллы:
Там, от всех вдалеке, вдохновеньем ей душу и разум
Полнит Делосский пророк и грядущее ей открывает.

К роще Гекаты они, к златоверхому храму подходят.
Сам Дедал, говорят, из Миносова царства бежавший,
Крыльям вверивший жизнь и дерзнувший в небо подняться,
Путь небывалый держа к студеным звездам Медведиц,
Здесь полет свой прервал, над твердыней халкидских пришельцев;
В этих местах, где землю он вновь обрел, Аполлону
Крылья Дедал посвятил и построил храм величавый.
Вот на дверях Андрогей и убийцы его — кекропиды,
Что в наказанье должны посылать на смерть ежегодно
Семь сыновей; вот жребий уже вынимают из урны.
Кносские земли из волн на другой поднимаются створке:
Вот Пасифаи, к быку влекомой страстью жестокой,
Хитрость постыдная; вот о любви чудовищной память,
Плод двувидный ее, Минотавр, порожденье царицы.
Вот знаменитый дворец, где безвыходна му́ка блужданий;
Только создатель дворца, над влюбленной сжалясь царевной,
Сам разрешил западни загадку, нитью направив
Мужа на верный путь. И тебе, Икар, уделил бы
Места немало Дедал, если б скорбь его не сковала:
Дважды гибель твою он пытался на золоте высечь,
Дважды руки отца опускались. Разглядывать двери
Долго бы тевкры могли, если б к ним не вышли навстречу
Посланный раньше Ахат и жрица Гекаты и Феба,
Главка дочь, Деифоба, и так царю не сказала:
«Этой картиной, Эней, сейчас любоваться не время:
В жертву теперь принеси из ярма не знавшего стада
Семь быков молодых и столько же ярок отборных».
Так сказала она — и приказ исполнить священный
Тевкры спешат и во храм по зову жрицы вступают.

В склоне Эвбейской горы зияет пещера, в нее же
Сто проходов ведут, и из ста вылетают отверстий,
На́ сто звуча голосов, ответы вещей Сивиллы.
Только к порогу они подошли, как вскрикнула дева:
«Время судьбу вопрошать! Вот бог! Вот бог!» Восклицала
Так перед дверью она и в лице изменялась, бледнея,
Волосы будто бы вихрь разметал, и грудь задышала
Чаще, и в сердце вошло исступленье; выше, казалось,
Стала она, и голос не так зазвенел, как у смертных,
Только лишь бог на нее дохнул, приближаясь. «Ты медлишь,
Медлишь, Эней, мольбы вознести? Вдохновенного храма
Дверь отворят лишь мольбы!» Так сказала дева — и смолкла.
Тевкров страх до костей пронизал холодною дрожью.
Сердце Эней между тем изливал в горячей молитве:
«Феб, ты всегда сострадал Илиона бедствиям тяжким,
Ты дарданской стрелой поразил Эакида, направив

Руку Париса, и ты по морям, омывающим земли,
Многие годы нас вел — вплоть до пашен, за Сиртами скрытых,
Где, от всех вдалеке, племена живут массилийцев.
Вот я настиг наконец убегающий брег Италийский —
Трои злая судьба пусть за нами не гонится дальше!
Сжалиться также и вам над народом пора илионским,
Боги все и богини, кому Пергам ненавистен
Был и слава его. И ты, пророчица-дева
Вещая, дай троянцам осесть на землях Латинских,—
То, о котором прошу, мне судьбой предназначено царство!
Дай поселить бесприютных богов и пенатов троянских.
Тривии с Фебом тогда я воздвигну из мрамора прочный
Храм, и празднества дни нареку я именем Феба.
В царстве моем и тебя ожидает приют величавый:
В нем под опекой мужей посвященных буду хранить я
Тайны судьбы, которые ты, о благая, откроешь
Роду нашему впредь. Не вверяй же листам предсказаний,
Чтоб не смешались они, разлетаясь игрушками ветра.
Молви сама, я молю!» И на этом речь он окончил.

Вещая жрица меж тем все противится натиску Феба,
Точно вакханка, она по пещере мечется, будто
Бога может изгнать из сердца. Он же сильнее
Ей терзает уста, укрощает мятежную душу.
Вот уже сами собой отворились святилища входы,
В сто отверстий летят прорицанья девы на волю:
«Ты, кто избавлен теперь от опасностей грозных на море!
Больше опасностей ждет тебя на суше. Дарданцы
В край Лавинийский придут (об этом ты не тревожься) —
Но пожалеют о том, что пришли. Лишь битвы я вижу,
Грозные битвы и Тибр, что от пролитой пенится крови.
Ждут тебя Симоент, и Ксанф, и лагерь дорийский,
Ждет и новый Ахилл в краю Латинском, и также
Враг твой богиней рожден. И Юнона тевкров, как прежде,
Гнать не устанет, и ты, удрученный нуждою проситель,—
Сколько ты обойдешь городов и племен италийских!
Вновь с иноземкою брак и жена, приютившая тевкров,
Будут причиной войны.
Ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее,
Шествуй, доколе тебе позволит Фортуна. Начнется
Там к спасению путь, где не ждешь ты,— в городе греков».
Так из пещеры гостям возвещала Кумская жрица
Грозные тайны судьбы — и священные вторили своды
Истины темным словам. Аполлон, сотрясая поводья,
Деву безумную гнал и вонзал ей под сердце стрекало.

Пыл безумный угас, и уста исступленные смолкли;
Молвит на это герой: «Я не вижу нежданных и новых
Бед и трудов впереди: их лицо привычно мне, дева!
Знал и прежде о них, и в душе их все одолел я.
Лишь об одном я прошу: если вход к царю преисподней —
Здесь, где водой Ахеронт питает мрачные топи,
Дай туда мне сойти и лицо родителя видеть,
Путь укажи, отвори предо мной заповедные двери.
Я на этих плечах его из пламени вынес,
Спас от вражеских толп, что за нами с копьями гнались,
Спутником был он моим в морских скитаньях, со мною
Все сносил наравне, чем грозили нам небо и волны,
Больше в нем, немощном, сил, чем отпущено старости, было.
Он и в приют твой войти, и к тебе обратиться смиренно
Мне с мольбой наказал. Над отцом и сыном, о дева,
Сжалься, благая, молю! Ты можешь все, и недаром
Тривия власти твоей поручила Авернские рощи.
Некогда маны жены повел Орфей за собою,
Сильный фракийской своей кифарой и струн благозвучьем;
Поллукс, избавив ценой половины бессмертья от смерти
Брата, вперед и назад проходит этой дорогой;
Шел здесь Тесей и Алкид. Но и я громовержца потомок!»
Так он Сивиллу молил, к алтарю прикасаясь рукою.
Молвила жрица в ответ: «О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего! Лишь немногим, кого справедливый
Царь богов возлюбил, вознесенным доблестью к звездам
Детям богов удалось возвратиться оттуда, где темный
Вьется Коцит, ленивой струей леса обегая.
Но если жаждет душа и стремится сердце так сильно
Дважды проплыть по стигийским волнам и дважды увидеть
Тартар, если тебе отраден подвиг безумный,
Слушай, что сделать тебе придется. В чаще таится
Ветвь, из золота вся, и листы на ней золотые.
Скрыт златокудрый побег, посвященный дольней Юноне,
В сумраке рощи густой, в тени лощины глубокой.
Но не проникнет никто в потаенные недра земные,
Прежде чем с дерева он не сорвет заветную ветку.
Всем велит приносить Прозерпина прекрасная этот
Дар для нее. Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
Золотом тем же на ней горят звенящие листья.
Взглядом кроны дерев обыщи и ветвь золотую
Рви безоружной рукой: без усилья стебель поддастся,
Если судьба призывает тебя; если ж нет — никакою
Силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым железом.

Знай и о том, что пока ты у нашего медлишь порога,
Просишь ответа у нас,— твой друг лежит бездыханный,
Тело его погребения ждет, корабли оскверняя.
Прежде приют ему дай в глубокой гробнице, а после
Черных овец заколи искупительной жертвою первой,
Или же ты не узришь для живых недоступное царство —
Сень стигийских лесов». И уста сомкнула Сивилла.

Грустный потупивши взор и нахмурив чело, из пещеры
Вышел родитель Эней. Неизвестностью душу томила
Мысль о грядущем ему. За героем медленным шагом
Брел неразлучный Ахат, тревогой той же томимый.
Часто друг друга они вопрошали: кто из троянцев
Умер, кого хоронить им придется, по слову Сивиллы?
Так они подошли к побережью сухому — и видят:
Спутник их верный Мизен унесен недостойною смертью,
Сын Эола Мизен, что не знал себе равных в искусстве
Медью мужей созывать, зажигать их Марсовым пылом.
Некогда Гектору был он соратником, с Гектором рядом
В грозные битвы ходил с копьем и витою трубою;
После ж того как Ахилл похитил жизнь у героя,
Спутником стал отважный Мизен дарданца Энея,
Следуя в битвах теперь за вождем, не менее славным.
Ныне он звонко трубил в одну из раковин полых
И, оглашая простор, вызывал богов состязаться;
Тут соперник Тритон,— если верить можно преданью,—
В пенные волны меж скал безумца надменного сбросил.
С воплем друзья окружили его. Всех больше горюет
Благочестивый Эней. Повеленья Сивиллы исполнить
Все со слезами спешат и воздвигнуть алтарь погребальный,
Чтобы — из целых стволов возведен — до небес он поднялся.
Тевкры торопятся в лес, приют зверей стародавний:
Падают сосны, шумит топором подрубленный падуб,
Клинья вонзаются в ствол, и клен и ясень расколот,
Буки огромные вниз по горным катятся склонам.
В новом труде никому не уступит Эней: за секиру
Сам берется герой и примером друзей ободряет;
В сердце печальном меж тем он такую думает думу,
Лес бесконечный кругом озирая с мольбою безмолвной:
«Если бы в дебрях таких на дереве вдруг мне сверкнула
Ветвь золотая в глаза! Ведь, на горе, слишком правдиво
Вещая жрица нам все о тебе, Мизен, предсказала».
Только подумал он так — и сейчас же пара голубок
С неба слетела, мелькнув перед самым лицом у героя,
И на зеленой траве уселась. Немедля пернатых
Матери спутниц узнал и взмолился он, радости полон:
«Если дорога здесь есть,— провожатыми будьте моими,

В рощу направьте полет, где на тучную почву бросает
Тень драгоценный побег. И ты, бессмертная, сына
В трудный час не оставь». И, промолвив, за птицами следом
Он поспешил и глядел, куда упорхнут они дальше,
Знак подавая ему,— а они отлетали за кормом,
Но лишь настолько, чтоб он ни на миг не терял их из виду.
Так очутились они возле смрадных устий Аверна.
Птицы взмыли стремглав, рассекая воздух летучий,
И на раздвоенный ствол желанного дерева сели;
Золота отсвет сверкал меж ветвей его темно-зеленых,—
Так средь зимы, в холода, порой на дереве голом
Зеленью чуждой листвы и яркостью ягод шафранных
Блещет омелы побег, округлый ствол обвивая.
Так же блистали листы золотые на падубе темном,
Так же дрожали они, дуновеньем колеблемы легким.
Тотчас упрямую ветвь схватил Эней в нетерпенье
И, отломивши ее, унес в обитель Сивиллы.

Тевкры у моря меж тем по Мизене все так же рыдали,
Правя последний обряд над бесчувственным прахом героя.
Сложен высокий костер из дубовых стволов и смолистых
Веток; со всех сторон оплетен он зеленью темной.
Ставят дарданцы пред ним печальный ряд кипарисов,
Сверху кладут на костер блестящие мужа доспехи,
После снимают с огня котлы с бурлящей водою,
Чтобы омыть и потом умастить охладелое тело.
Вновь поднимается стон. Возлагают героя на ложе,
Алый набросив покров — одежду, знакомую тевкрам.
Грустный долг исполняют друзья: поднимают носилки,
В сторону глядя, несут к костру опрокинутый факел,
Отчий обычай блюдя. И сгорают в пламени жарком
Ладан, яства, елей, из сосудов пролившийся емких.
После того как огонь прогорел и угли угасли,
Жаждущий пепел вином, омывая останки, залили;
Кости собрал Кориней и сокрыл их в бронзовой урне,
Он же, с чистой водой обошедши спутников трижды,
Всех окропил, увлажнив плодоносной ветку оливы;
Этим очистив мужей, произнес он прощальное слово.
Благочестивый Эней, курган высокий насыпав,
Сам возложил на него трубу, весло и доспехи,
Возле подножья горы, что доныне имя Мизена
Носит и впредь сохранит его на долгие годы.

Все совершив, он спешит наставленья Сивиллы исполнить.
Вход в пещеру меж скал зиял глубоким провалом,
Озеро путь преграждало к нему и темная роща.
Птица над ним ни одна не могла пролететь безопасно,

Мчась на проворных крылах,— ибо черной бездны дыханье,
Все отравляя вокруг, поднималось до сводов небесных.
Жрица сюда привела четырех тельцов черноспинных,
После, над их головой сотворив вином возлиянье,
Вырвала между рогов у них волоски и первины
Эти сожгла на священном огне, призывая Гекату,
Мощную между богов, и в Эребе и в небе владыку.
Спутники, снизу ножи вонзив им в горло, собрали
В чаши теплую кровь. Овцу чернорунную в жертву
Матери дев Эвменид и сестре ее величавой
Сам Эней заклал и телицу — Дита супруге.
Стикса владыке затем алтари воздвиг он ночные,
Целые туши быков на огонь возложил и обильно
Жирным елеем полил горевшие в пламени жертвы.
Вдруг, едва небосвод озарился лучами восхода,
Вздрогнув, на склонах леса́ закачались, земля загудела,
Псов завыванье из тьмы донеслось, приближенье богини
Им возвещая. И тут воскликнула жрица: «Ступайте,
Чуждые таинствам, прочь! Немедля рощу покиньте!
В путь отправляйся, Эней, и выхвати меч свой из ножен:
Вот теперь-то нужна и отвага, и твердое сердце!»
Вымолвив, тотчас она устремилась бурно в пещеру,
Следом — бесстрашный Эней, ни на шаг не отстав от вожатой.

Боги, властители душ, и вы, молчаливые тени,
Хаос, и ты, Флегетон, и равнины безмолвья и мрака,
Дайте мне право сказать обо всем, что я слышал; дозвольте
Все мне открыть, что во мгле глубоко под землею таится.

Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной,
В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита,—
Так по лесам при луне, при неверном свете зловещем,
Путник бредет, когда небеса застилает Юпитер
Темной тенью и цвет у предметов ночь отнимает.
Там, где начало пути, в преддверье сумрачном Орка
Скорбь ютится и с ней грызущие сердце Заботы,
Бледные здесь Болезни живут и унылая Старость,
Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный советчик,
Муки и тягостный Труд — ужасные видом обличья;
Смерть и брат ее Сон на другом обитают пороге,
Злобная Радость, Война, приносящая гибель, и здесь же
Дев Эвменид железный чертог и безумная Распря,—
Волосы-змеи у ней под кровавой вьются повязкой.
Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись.
В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:

Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топи шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...
Меч Эней обнажил, внезапным страхом охвачен,
Выставил острый клинок, чтобы встретить натиск чудовищ.
И, не напомни ему многомудрая дева, что этот
Рой бестелесных теней сохраняет лишь видимость жизни,
Ринулся он бы на них, пустоту мечом рассекая.

Дальше дорога вела к Ахеронту, в глубь преисподней.
Мутные омуты там, разливаясь широко, бушуют,
Ил и песок выносят в Коцит бурливые волны.
Воды подземных рек стережет перевозчик ужасный —
Мрачный и грязный Харон. Клочковатой седой бородою
Все лицо обросло — лишь глаза горят неподвижно,
Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно.
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мертвых на утлом челне через темный поток перевозит.
Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую силу.
К берегу страшной реки стекаются толпы густые:
Жены идут, и мужи, и героев сонмы усопших,
Юноши, дети спешат и девы, не знавшие брака,
Их на глазах у отцов унес огонь погребальный.
Мертвых не счесть, как листьев в лесу, что в холод осенний
Падают наземь с дерев, иль как птиц, что с просторов пучины,
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, в края, согретые солнцем.
Все умоляли, чтоб их переправил первыми старец,
Руки тянули, стремясь оказаться скорей за рекою.
Лодочник мрачный с собой то одних, то других забирает,
Иль прогоняет иных, на песок им ступить не давая.
Молвил Сивилле Эней, смятенью теней удивляясь:
«Дева, ответь мне, чего толпа над рекою желает?
Души стремятся куда? Почему одни покидают
Берег, меж тем как по серым волнам отплывают другие?»
Жрица старая так отвечала кратко Энею:
«Истинный отпрыск богов, Анхиза сын! Пред тобою
Ширь Стигийских болот и Коцита глубокие воды.
Ими поклявшийся бог не осмелится клятву нарушить.
Эти, что жалкой толпой здесь стоят,— землей не покрыты.
Лодочник этот — Харон; перевозит он лишь погребенных.
На берег мрачный нельзя переплыть через шумные волны
Прежде теням, чем покой обретут в могиле останки.
Здесь блуждают они и сто лет над берегом реют,—
Только потом к желанной реке их вновь допускают».
Шаг Эней задержал, погружен в глубокую думу,

Жребий несчастных ему наполнил жалостью душу.
Видит: меж тех, кто лишен последних почестей, грустно
Флота ликийского вождь Оронт стоит и Левка́спид.
Вместе плыли они из Трои, вместе погибли
В день, когда ветры, напав, и корабль и мужей потопили.

Тут же бродил Палинур, что держал лишь недавно кормило,
Бег направляя судов, из ливийского города плывших;
В море упал он с кормы, наблюдая ночные светила.
Чуть лишь во мраке густом узнав печального друга,
Первым к нему обратился Эней: «О, кто из всевышних
Отнял тебя у нас, Палинур, и бросил в пучину?
Все расскажи! Ибо только в одном Аполлон обманул нас,
Хоть и доселе во лжи уличен он не был ни разу:
Он предрекал мне, что ты невредимо в край Авзонийский
Через моря проплывешь. Таковы богов обещанья!»
Но Палинур отвечал: «Правдив был Феба треножник:
Я от руки божества не погиб в пучине глубокой.
В воду внезапно упав, я с силой вырвал кормило,—
Ибо при нем неотлучно стоял, корабль направляя,—
И за собою увлек. Клянусь тебе морем суровым,
Я не так за себя, как за твой корабль испугался:
Что, если он, потеряв и кормило и кормчего сразу,
Справиться с натиском волн, все сильней вскипавших, не сможет?
Нот свирепый меня три долгих ночи ненастных
Гнал по безбрежным морям. На рассвете четвертого утра
С гребня волны увидал я вдали Италии берег.
Медленно плыл я к земле, и прибой уже не грозил мне,
Но на меня напало с мечом, на добычу надеясь,
Дикое племя, когда, отягченный мокрой одеждой,
Стал на скалу карабкаться я, за вершину цепляясь.
Ныне катают меня у берега ветер и волны.
Сладостным светом дневным и небом тебя заклинаю,
Памятью старца-отца и надеждой отрока Юла,—
Мне избавление дай: отыщи Велийскую гавань,
Тело мое схорони — ибо все ты можешь, великий,—
Или же, если тебе всеблагая мать указала
Путь (ибо думаю я, что не против воли всевышних
Ты собираешься плыть по широким Стигийским болотам),
Руку несчастному дай и меня переправь через волны,
Чтобы мирный приют я обрел хотя бы по смерти».
Так он сказал, и ему отвечала вещая жрица:
«Как ты посмел, Палинур, нечестивой жаждой гонимый,
Непогребенным прийти к стигийским водам суровым,
Как воротиться дерзнул к реке Эвменид самовольно!
И не надейся мольбой изменить решенья всевышних!
Но запомни слова, что тебе я скажу в утешенье:

Явлены будут с небес городам и народам окрестным
Знаменья, чтобы они искупили вину и воздвигли
Холм над тобой и жертвы тебе на холме приносили;
Место же это навек Палинура имя получит».
Девы слова изгнали печаль из скорбного сердца,
Рад Палинур, что будет земля его именем зваться.

Путь продолжали они и к реке подходили все ближе.
Издали, с лодки своей перевозчик старый увидел,
Как они шли меж безмолвных дерев, поспешая на берег.
Первым окликнул он их, прокричав пришельцам сердито:
«Ты, человек, что к нашей реке с оружьем спустился!
Стой и скажи, зачем ты пришел! И дальше ни шагу!
Место здесь только теням и ночи, сон приносящей.
В этом стигийском челне возить живых я не вправе;
Был я не рад, когда взял на эту лодку Алкида
Или на берег на тот перевез Пирифоя с Тесеем,
Хоть от богов рождены и могучи были герои.
Этот схватил и связал преисподней трехглавого стража
Прямо у царских дверей и дрожащего вывел на землю,
Те госпожу увести из покоев Дита хотели».
Так отвечала ему Амфризийская вещая дева:
«Козней таких мы не строим, старик, оставь опасенья!
Не для насилья наш меч обнажен; пусть чудовищный сторож
Вечно лаем своим бескровные тени пугает,
Пусть блюдет в чистоте Прозерпина ложе Плутона.
Видишь: троянец Эней, благочестьем и мужеством славный,
К теням Эреба сошел, чтобы вновь родителя встретить.
Если не тронет тебя такая преданность сына,—
Эту узна́ешь ты ветвь!» И под платьем скрытую ветку
Вынула жрица и гнев укротила в сердце Харона,
Больше ни слова ему не сказав; и старец, любуясь
Блеском листвы роковой, давно не виданным даром,
К берегу лодку подвел вперед кормой потемневшей.
Души умерших прогнав, что на длинных лавках сидели,
Освободил он настил и могучего принял Энея
В лодку. Утлый челнок застонал под тяжестью мужа,
Много болотной воды набрал сквозь широкие щели;
Но через темный поток невредимо героя и жрицу
Бог перевез и ссадил в камышах на илистый берег.

Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.
Видя, как шеи у пса ощетинились змеями грозно,
Сладкую тотчас ему лепешку с травою снотво́рной
Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,

Дар поймал на лету. На загривках змеи поникли,
Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной
Прочь от реки, по которой никто назад не вернулся.
Тут же у первых дверей он плач протяжный услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной жизни
Рок печальный унес во мрак могилы до срока.
Рядом — обители тех, кто погиб от лживых наветов.
Но без решенья суда не получат пристанища души;
Суд возглавляет Минос: он из урны жребии тянет,
Всех пред собраньем теней вопрошает о прожитой жизни.
Дальше — унылый приют для тех, кто своею рукою
Предал смерти себя без вины и, мир ненавидя,
Сбросил бремя души. О, как они бы хотели
К свету вернуться опять и терпеть труды и лишенья!
Но не велит нерушимый закон, и держит в плену их
Девятиструйный поток и болота унылые Стикса.
Краткий пройден был путь — перед взором Энея простерлась
Ширь бескрайних равнин, что «полями скорби» зовутся:
Всех, кого извела любви жестокая язва,
Прячет миртовый лес, укрывают тайные тропы,
Ибо и смерть не избавила их от мук и тревоги.
Федру увидел он здесь, и Прокриду, и с ней Эрифилу,—
Раны зияли на ней, нанесенные сыном свирепым;
Здесь и Эвадна была, Лаода́мия и Пасифая,
С ними бродил и Кеней, превращенный из юноши в деву,
Ибо по смерти судьба ему прежний облик вернула.
Тут же Дидона меж них, от недавней раны страдая,
Тенью блуждала в лесу. Герой троянский поближе
К ней подошел — и узнал в полумраке образ неясный:
Так на небо глядит в новолунье путник, не зная,
Виден ли месяц ему или только мнится за тучей.
Слез Эней не сдержал и с любовью ласково молвил:
«Значит, правдива была та весть, что до нас долетела?
Бедной Дидоны уж нет, от меча ее жизнь оборвалась?
Я ли причиною был кончины твоей? Но клянусь я
Всеми огнями небес, всем, что в царстве подземном священно,—
Я не по воле своей покинул твой берег, царица!
Те же веленья богов, что теперь меня заставляют
Здесь во тьме средь теней брести дорогой неторной,
Дальше тогда погнали меня. И не мог я поверить,
Чтобы разлука со мной принесла тебе столько страданий!
Стой! От кого ты бежишь? Дай еще на тебя поглядеть мне!
Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой дозволяет».
Речью такой Эней царице, гневно глядевшей,
Душу старался смягчить и вызвать ответные слезы.

Но отвернулась она и глаза потупила в землю,
Будто не внемля ему, и стояла, в лице не меняясь,
Твердая, словно кремень иль холодный мрамор марпесский.
И наконец убежала стремглав, не простив, не смирившись,
Скрылась в тенистом лесу, где по-прежнему жаркой любовью
Муж ее первый, Сихей, на любовь отвечает царице.
Долго Эней, потрясенный ее судьбою жестокой,
Вслед уходящей смотрел, и жалостью полнилось сердце.

Снова пустился он в путь, назначенный труд продолжая,
Края равнины достиг, где приют воителей славных.
Здесь повстречались ему Тидей, прославленный в битвах,
Партенопей и бледная тень владыки Адраста,
Здесь же дарданцы, по ком на земле так долго рыдали,
Павшие в битвах; Эней застонал, когда длинной чредою
Тевкры прошли перед ним: Полифет, посвященный Церере,
Антенориды, Идей,— он и тут колесницею правит,
Держит и тут он копье — и Медонт, и Главк с Терсилохом.
Тени со всех сторон обступили с криком Энея,
Мало им раз взглянуть на него: всем хочется дольше
Рядом побыть и спросить, для чего он спустился к усопшим.
Рати данайской вожди, Агамемнона воинов тени,
Вдруг увидав, как во мраке горят героя доспехи,
В страхе дрожат перед ним: одни бросаются в бегство,—
Так же, как раньше они к кораблям убегали; другие
Еле слышно кричат, ибо голос нейдет из гортани.

Вдруг Деифоб Приамид предстал перед взором Энея:
Весь изувечен, лицо истерзано пыткой жестокой,
Обе руки в крови, и оба отрезаны уха,
Раны на месте ноздрей безобразно зияют. Несчастный
Страшные эти следы прикрывал рукою дрожащей;
Друга с трудом лишь узнал Эней и окликнул печально:
«Славный в боях Деифоб, благородный Тевкра потомок!
Кто решился тебе отомстить так жестоко и гнусно?
Так над тобою кому надругаться дозволено было?
Мне донесла молва, что в последнюю ночь ты немало
Греков сразил и упал, изнемогший, на груду убитых.
Холм над могилой пустой у прибрежий Ретейских воздвиг я,
Трижды к манам твоим над гробницей воззвал громогласно.
Имя твое и доспех пребывают там; но не мог я,
Друг, увидеть тебя и землей родною засыпать».
Молвил в ответ Деифоб: «Все, что должно, ты свято исполнил:
Пред Деифобом ты чист, перед тенью убитого друга.
Только роком моим и спартанки злодейством погублен
Я,— такую она по себе оставила память!
Как последнюю ночь в ликованье обманчивом все мы

Встретили,— знаешь ты сам: слишком памятно все, что свершилось.
Только лишь конь роковой на крутые склоны Пергама
Поднят был и принес врагов и оружье во чреве,
Тотчас она повела, как бы оргию Вакха справляя,
Жен хороводом вокруг; выступая сама между ними
С факелом ярким в руках, с высоты призывала данайцев.
Я же, устав от забот, с отягченным дремотою взором,
В брачный злосчастный покой ушел и забылся на ложе
Сладким, глубоким сном, безболезненной смерти подобным.
Славная эта жена между тем уносит оружье
Из дому всё — даже верный мой меч, что висел в изголовье,—
В дом Менелая зовет, растворяет настежь все двери.
Думала, видно, она угодить любимому мужу,
Тем заставив молву о былых преступленьях умолкнуть.
Что же еще? Ворвался Эолид, подстрекатель убийства,
Вместе с Атридом ко мне... О боги, если о мести
К вам взывать не грешно — за бесчестье грекам воздайте!
Но и ты мне ответь, тебя, живого, какие
Бедствия к нам привели? Заблудился ль ты, в море скитаясь,
Боги ль прислали тебя? Какая судьба тебя гонит
В мрачный край, в унылый приют, где солнце не всходит?»

Долго беседа их шла; между тем на алой четверке
Мира срединную ось миновала в эфире Аврора.
Мог бы Эней весь отпущенный срок в разговорах растратить,
Если б Сивилла ему не напомнила речью короткой:
«Близится ночь, пролетают часы в бесполезных стенаньях!
Две дороги, Эней, расходятся с этого места:
Путь направо ведет к стенам великого Дита,—
Этим путем мы в Элизий пойдем; а левой дорогой
Злые идут на казнь, в нечестивый спускаются Тартар».
Ей отвечал Деифоб: «Не сердись, могучая жрица,
Я ухожу обратно в толпу и во мрак возвращаюсь!
Ты, наша гордость, иди! Пусть судьба твоя будет счастливей!»
Так он сказал и прочь отошел с напутствием этим.

Влево Эней поглядел: там, внизу, под кручей скалистой
Город раскинулся вширь, обведенный тройною стеною.
Огненный бурный поток вкруг твердыни Тартара мчится,
Мощной струей Флегетон увлекает гремучие камни.
Рядом ворота стоят на столпах адамантовых прочных:
Створы их сокрушить ни людская сила не может,
Ни оружье богов. На железной башне высокой
Днем и ночью сидит Тизифона в одежде кровавой,
Глаз не смыкая, она стережет преддверия Дита.
Слышится стон из-за стен и свист плетей беспощадных,

Лязг влекомых цепей и пронзительный скрежет железа.
Замер на месте Эней и прислушался к шуму в испуге.
«Дева, скажи, каковы обличья злодейства? Какие
Казни свершаются там? Что за гул долетает оттуда?»
Жрица в ответ начала: «О вождь прославленный тевкров,
Чистому боги вступать на преступный порог запрещают.
Но Геката, отдав мне под власть Авернские рощи,
Всюду водила меня и возмездья богов показала.
Кносский судья Радамант суровой правит державой;
Всех он казнит, заставляет он всех в преступленьях сознаться,
Тайно содеянных там, наверху, где злодеи напрасно
Рады тому, что придет лишь по смерти срок искупленья.
Мстительным гневом полна, Тизифона с насмешкою злобной
Хлещет виновных бичом, и подносит левой рукою
Гнусных гадов к лицу, и свирепых сестер созывает.
Только потом, скрежеща, на скрипучих шипах распахнутся
Створы священных ворот. Посмотри,— ты видишь обличье
Той, что на страже стоит и порог изнутри охраняет?
Гидра огромная там, пятьдесят разинувши пастей,
Первый чертог сторожит. В глубину уходит настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше,
Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа.
Там рожденных Землей титанов древнее племя
Корчится в муках на дне, низвергнуто молнией в бездну.
Видела там я и двух сыновей Алоэя огромных,
Что посягнули взломать руками небесные своды,
Тщась громовержца изгнать и лишить высокого царства.
Видела, как Салмоней несет жестокую кару,—
Тот, кто громам подражал и Юпитера молниям жгучим.
Ездил торжественно он на четверке коней, потрясая
Факелом ярким, у всех на глазах по столице Элиды,
Требовал, чтобы народ ему поклонялся, как богу.
То, что нельзя повторить,— грозу и грома раскаты,—
Грохотом меди хотел и стуком копыт он подделать,
Но всемогущий Отец из туч густых огневую
Бросил в безумца стрелу — не дымящий факел сосновый,—
И с колесницы низверг, и спалил его в пламенном вихре.
Видеть мне было дано и Земли всеродящей питомца
Тития: телом своим распластанным занял он девять
Югеров; коршун ему терзает бессмертную печень
Клювом-крючком и в утробе, для мук исцеляемой снова,
Роется, пищи ища, и гнездится под грудью высокой,
И ни на миг не дает отрастающей плоти покоя.
Надо ль лапифов назвать, Иксиона и Пирифоя?
Камень черный висит над тенями и держится еле,
Будто вот-вот упадет. Золотые ложа, как в праздник,
Застланы пышно, и пир приготовлен с роскошью царской,

Яства у самого рта,— но из фурий страшнейшая тут же
То за столом возлежит, не давая к еде прикоснуться,
То встает и, громко крича, поднимает свой факел.
Те, кто при жизни враждой родных преследовал братьев,
Кто ударил отца, или был бесчестен с клиентом,
Или, богатства нажив, для себя лишь берёг их и близким
Не уделял ничего (здесь таких бессчетные толпы),
Или убит был за то, что бесчестил брачное ложе,
Или восстать на царя дерзнул, изменяя присяге,
Казни здесь ждут. Но казни какой — узнать не пытайся,
Не вопрошай об участи их и о видах мучений.
Катят камни одни, у других распятое тело
К спицам прибито колес. На скале Тесей горемычный
Вечно будет сидеть. Повторяя одно непрестанно,
Громко взывая к теням, возглашает Флегий злосчастный:
«Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость!»
Этот над родиной власть за золото продал тирану
Или законы за мзду отменял и менял произвольно,
Тот на дочь посягнул, осквернив ее ложе преступно,—
Все дерзнули свершить и свершили дерзко злодейство.
Если бы сто языков и столько же уст я имела,
Если бы голос мой был из железа,— я и тогда бы
Все преступленья назвать не могла и кары исчислить!»
Долгий окончив рассказ, престарелая Фебова жрица
Молвила: «Дальше ступай, заверши нелегкий свой подвиг.
В путь поспешим: уж стены видны, что в циклоповых горнах
Кованы; вижу я там под высоким сводом ворота:
Нам возле них оставить дары велят наставленья».
Молвила так — и они, шагая рядом во мраке,
Быстро прошли оставшийся путь и приблизились к стенам.
Там за порогом Эней окропляет свежей водою
Тело себе и к дверям прибивает ветвь золотую.

Сделав это и долг пред богиней умерших исполнив,
В радостный край вступили они, где взору отрадна
Зелень счастливых дубрав, где приют блаженный таится.
Здесь над полями высок эфир, и светом багряным
Солнце сияет свое, и свои загораются звезды.
Тело себе упражняют одни в травянистых палестрах
И, состязаясь, борьбу на песке золотом затевают,
В танце бьют круговом стопой о землю другие,
Песни поют, и фракийский пророк в одеянии длинном
Мерным движениям их семизвучными вторит ладами,
Пальцами бьет по струна́м или плектром из кости слоновой.
Здесь и старинный род потомков Тевкра прекрасных,
Славных героев сонм, рожденных в лучшие годы:
Ил, Ассарак и Дардан, основатель Трои могучей.

Храбрый дивится Эней: вот копья воткнуты в землю,
Вот колесницы мужей стоят пустые, и кони
Вольно пасутся в полях. Если кто при жизни оружье
И колесницы любил, если кто с особым пристрастьем
Резвых коней разводил,— получает все то же за гробом.
Вправо ли взглянет Эней или влево,— герои пируют,
Сидя на свежей траве, и поют, ликуя, пеаны
В рощах, откуда бежит под сенью лавров душистых,
Вверх на землю стремясь, Эридана поток многоводный.
Здесь мужам, что погибли от ран в боях за отчизну,
Или жрецам, что всегда чистоту хранили при жизни,
Тем из пророков, кто рёк только то, что Феба достойно,
Тем, кто украсил жизнь, создав искусства для смертных,
Кто средь живых о себе по заслугам память оставил,—
Всем здесь венчают чело белоснежной повязкой священной.
Тени вокруг собрались, и Сивилла к ним обратилась
С речью такой,— но прежде других к Мусею, который
Был всех выше в толпе, на героя снизу взиравшей:
«Ты, величайший певец, и вы, блаженные души,
Нам укажите, прошу, где Анхиза найти? Ради встречи
С ним пришли мы сюда, переплыли реки Эреба».
Ей в немногих словах Мусей на это ответил:
«Нет обиталищ у нас постоянных: по рощам тенистым
Мы живем; у ручьев, где свежей трава луговая,—
Наши дома; но, если влечет вас желание сердца,
Надо хребет перейти. Вас пологим путем поведу я».
Так он сказал и пошел впереди и с горы показал им
Даль зеленых равнин. И они спустились с вершины.

Старец Анхиз между тем озирал с усердьем ревнивым
Души, которым еще предстоит из долины зеленой,
Где до поры пребывают они, подняться на землю.
Сонмы потомков своих созерцал он и внуков грядущих,
Чтобы узнать их судьбу, и удел, и нравы, и силу,
Но лишь увидел, что сын к нему по лугу стремится,
Руки порывисто он протянул навстречу Энею,
Слезы из глаз полились и слова из уст излетели:
«Значит, ты все же пришел? Одолела путь непосильный
Верность святая твоя? От тебя и не ждал я иного.
Снова дано мне смотреть на тебя, и слушать, и молвить
Слово в ответ? Я на это всегда уповал неизменно,
День считая за днем,— и надежды мне не солгали.
Сколько прошел ты морей, по каким ты землям скитался,
Сколько опасностей знал,— и вот ты снова со мною!
Как за тебя я боялся, мой сын, когда в Ливии был ты!»
Сын отвечал: «Ты сам, твой печальный образ, отец мой,
Часто являлся ко мне, призывая в эти пределы.

Флот мой стоит в Тирренских волнах. Протяни же мне руку,
Руку, родитель, мне дай, не беги от сыновних объятий!»
Молвил — и слезы ему обильно лицо оросили.
Трижды пытался отца удержать он, сжимая в объятьях,—
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
Словно дыханье, легка, сновиденьям крылатым подобна.

Тут увидел Эней в глубине долины сокрытый
Остров лесной, где кусты разрослись и шумели вершины:
Медленно Лета текла перед мирной обителью этой,
Там без числа витали кругом племена и народы.
Так порой на лугах в безмятежную летнюю пору
Пчелы с цветка на цветок летают и вьются вкруг белых
Лилий, и поле вокруг оглашается громким гуденьем.
Видит все это Эней — и объемлет ужас героя;
Что за река там течет — в неведенье он вопрошает,—
Что за люди над ней такой теснятся толпою.
Молвит родитель в ответ: «Собрались здесь души, которым
Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой летейской
Пьют забвенье они в уносящем заботы потоке.
Эти души тебе показать и назвать поименно
Жажду давно уже я, чтобы наших ты видел потомков,
Радуясь вместе со мной обретенью земли Италийской».—
«Мыслимо ль это, отец, чтоб отсюда души стремились
Снова подняться на свет и облечься тягостной плотью?
Злая, видно, тоска влечет несчастных на землю!» —
«Что ж, и об этом скажу, без ответа тебя не оставлю,—
Начал родитель Анхиз и все рассказал по порядку.—
Землю, небесную твердь и просторы водной равнины,
Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и звезды,—
Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело.
Этот союз породил и людей, и зверей, и пернатых,
Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью.
Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели, гасит.
Вот что рождает в них страх, и страсть, и радость, и муку,
Вот почему из темной тюрьмы они света не видят.
Даже тогда, когда жизнь их в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубóко в них вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться надолго не может.
Кару нести потому и должны они все — чтобы мукой
Прошлое зло искупить. Одни, овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.

Маны любого из нас понесут свое наказанье,
Чтобы немногим затем перейти в простор Элизийский.
Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки,—
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
Времени бег круговой отмерит десять столетий,—
Души тогда к Летейским волнам божество призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться».

Вот что поведал Анхиз, и сына вместе с Сивиллой
В гущу теней он повлек, и над шумной толпою у Леты
Встали они на холме, чтобы можно было оттуда
Всю вереницу душ обозреть и в лица вглядеться.
«Сын мой! Славу, что впредь Дарданидам сопутствовать будет,
Внуков, которых тебе родит италийское племя,
Души великих мужей, что от нас унаследуют имя,—
Все ты узришь: я открою тебе судьбу твою ныне.
Видишь, юноша там о копье без жала оперся:
Близок его черед, он первым к эфирному свету
Выйдет, и в нем дарданская кровь с италийской сольется;
Будет он, младший твой сын, по-альбански Сильвием зваться,
Ибо его средь лесов возрастит Лавиния. Этот
Поздний твой отпрыск царем и царей родителем станет.
С этой поры наш род будет править Долгою Альбой.
Следом появится Прок, народа троянского гордость,
Капис, Нумитор и тот, кто твоим будет именем назван,—
Сильвий Эней; благочестьем своим и доблестью в битвах
Всех он затмит, если только престол альбанский получит.
Вот она, юных мужей череда! Взгляни на могучих!
Всем виски осенил венок дубовый гражданский.
Ими Пометий, Номент, и Фидены, и Габии будут
Возведены, и в горах Коллатия крепкие стены,
Инуев Лагерь они, и Кору, и Болу построят,
Дав имена местам, что теперь имен не имеют.
Вот и тот, кто навек прародителя спутником станет,
Ромул, рожденный в роду Ассарака от Марса и жрицы
Илии. Видишь, двойной на шлеме высится гребень?
Марс-родитель его отличил почетной приметой!
Им направляемый Рим до пределов вселенной расширит
Власти пределы своей, до Олимпа души возвысит,
Семь твердынь на холмах окружит он единой стеною,
Гордый величьем сынов, Берекинфской богине подобен,
Что в башненосном венце по Фригийской стране разъезжает,
Счастлива тем, что бессмертных детей родила, что и внуки
Все — небожители, все обитают в высях эфирных.
Взоры теперь сюда обрати и на этот взгляни ты

Род и на римлян твоих. Вот Цезарь и Юла потомки:
Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,
Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья.
Столько стран не прошел ни Алкид в скитаниях долгих,
Хоть и сразил медноногую лань и стрелами Лерну
Он устрашил и покой возвратил лесам Эриманфа,
Ни виноградной уздой подъяремных смиряющих тигров
Либер, что мчится в своей колеснице с подоблачной Нисы.
Что ж не решаемся мы деяньями славу умножить?
Нам уж не страх ли осесть на земле Авзонийской мешает?
Кто это там, вдалеке, ветвями оливы увенчан,
Держит святыни в руках? Седины его узнаю я!
Римлян царь, укрепит он законами первыми город;
Бедной рожденный землей, из ничтожных он явится Курий,
Чтобы принять великую власть. Ее передаст он
Туллу, что мирный досуг мужей ленивых нарушит,
Двинув снова в поход от триумфов отвыкшее войско.
Анк на смену ему воцарится, спеси не чуждый:
Слишком уж он и сейчас дорожит любовью народа.
Хочешь Тарквиниев ты увидать и гордую душу
Мстителя Брута узреть, вернувшего фасции Риму?
Власти консульской знак — секиры грозные — первым
Брут получит и сам сыновей, мятеж затевавших,
На́ смерть осудит отец во имя прекрасной свободы;
Что бы потомки о нем ни сказали,— он будет несчастен,
Но к отчизне любовь и жажда безмерная славы
Все превозмогут. Взгляни: вдалеке там Деции, Друзы,
С грозной секирой Торкват и Камилл, что орлов возвратит нам.
Видишь — там две души одинаковым блещут оружьем?
Ныне, объятые тьмой, меж собой они в добром согласье,
Но ведь какою войной друг на друга пойдут, если света
Жизни достигнут! Увы, как много крови прольется
В дни, когда тесть от Монековых скал с Альпийского вала
Спустится, зять же его с оружьем встретит восточным!
Дети! Нельзя, чтобы к войнам таким ваши души привыкли!
Грозною мощью своей не терзайте тело отчизны!
Ты, потомок богов, ты первый о милости вспомни,
Кровь моя, меч опусти!..

Этот, Коринф покорив, поведет колесницу в триумфе
На Капитолий крутой, над ахейцами славен победой.
Тот повергнет во прах Агамемнона крепость — Микены,
Аргос возьмет, разобьет Эакида, Ахиллова внука,
Мстя за поруганный храм Минервы, за предков троянских.
Косс и великий Катон, ужель о вас умолчу я?
Гракхов не вспомню ли род? Сципионов, как молния грозных,
Призванных гибель нести Карфагену? Серрана, что ниву
Сам засевал? Иль Фабриция, кто, довольствуясь малым,
Был столь могуч? О Фабии, вас назову и усталый...
Ма́ксим, и ты здесь, кто нам промедленьями спас государство!
Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды,— не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!»

Так Анхиз говорил изумленным спутникам; после
Он добавил: «Взгляни, вот Марцелл, отягченный добычей;
Ростом он всех превзошел, победитель во многих сраженьях,
Тот, кто Рим укрепит, поколебленный тяжкою смутой,
Кто, воюя в седле, разгромит пунийцев и галлов,—
Третий доспех, добытый в бою, посвятит он Квирину».
Молвил на это Эней, увидев рядом с Марцеллом
Юношу дивной красы в доспехах блестящих, который
Шел с невеселым лицом, глаза потупивши в землю:
«Кто, скажи мне, отец, там идет с прославленным мужем?
Сын ли его иль один из бессчетных потомков героя?
Спутников сколько вокруг! Каким он исполнен величьем!
Но осеняет чело ему ночь печальною тенью».
Слезы из глаз полились у Анхиза, когда отвечал он:
«Сын мой, великая скорбь твоему уготована роду:
Юношу явят земле на мгновенье су́дьбы — и дольше
Жить не позволят ему. Показалось бы слишком могучим
Племя римлян богам, если б этот их дар сохранило.
Много стенаний и слез вослед ему с Марсова поля
Город великий пошлет! И какое узришь погребенье
Ты, Тибери́н, когда воды помчишь мимо свежей могилы!
Предков латинских сердца вознести такою надеждой
Больше не сможет никто из рожденных от крови троянской,
Больше таких не взрастит себе во славу питомцев
Ромулов край. Но увы! Ни к чему благочестье и верность,
Мощная длань ни к чему. От него уйти невредимо
Враг ни один бы не мог, пусть бы юноша пешим сражался,
Пусть бы шпоры вонзал в бока скакуна боевого,

Отрок несчастный,— увы! — если рок суровый ты сломишь,
Будешь Марцеллом и ты! Дайте роз пурпурных и лилий:
Душу внука хочу я цветами щедро осыпать,
Выполнить долг перед ним хоть этим даром ничтожным».

Так бродили они по всему туманному царству,
Между широких лугов, чтобы всех разглядеть и увидеть.
После того, как сыну Анхиз перечислил потомков,
Душу его распалив стремленьем к славе грядущей,
Старец поведал ему о войне, что ждет его вскоре,
О племенах лаврентских сказал, о столице Латина,
Также о том, как невзгод избежать или легче снести их.

Двое ворот открыты для снов: одни — роговые,
В них вылетают легко правдивые только виденья;
Белые створы других изукрашены костью слоновой,
Маны, однако, из них только лживые сны высылают.
К ним, беседуя, вел Анхиз Сивиллу с Энеем;
Костью слоновой блестя, распахнулись ворота пред ними,
К спутникам кратким путем и к судам Эней возвратился.
Тотчас вдоль берега он поплыл в Кайетскую гавань.
С носа летят якоря, корма у берега встала.

Книга седьмая

Здесь же скончалась и ты, Энея кормилица, чтобы
Память навек о себе завещать побережиям нашим:
Место, где прах твой зарыт, сохраняет имя Кайеты,
Чтят гесперийцы его; так не это ли славой зовется?
Благочестивый Эней, совершив обряд погребальный,
Холм насыпал над ней и, когда успокоилось море,
В путь поспешил на всех парусах и гавань покинул.
Ветер в ночи́ понес корабли, и луна благосклонно
Свет белоснежный лила и дробилась, в зыбях отражаясь.
Плыл вдоль берега флот, минуя царство Цирцеи,
Где меж дремучих лесов распевает денно и нощно
Солнца могучая дочь и, в ночную темную пору,
В пышном дворце, засветив душистый факел кедровый,
Звонкий проводит челнок сквозь основу ткани воздушной.
С берега львиный рык долетает гневный: ярятся
Звери и рвутся с цепей, оглашая безмолвную полночь;
Мечется с визгом в хлеву свиней щетинистых стадо,
Грозно медведи ревут, завывают огромные волки,—
Все, кого силою трав погубила злая богиня,
В диких зверей превратив и обличье отняв человека.

Чтобы Церцеи волшба не коснулась троянцев, чтоб волны
К берегу их не снесли, не пригнали в опасную гавань,
Ветром попутным Нептун паруса энеадов наполнил,
Бег ускорил судов и пронес через бурные мели.

Море зарделось в лучах золотистой Авроры, сверкавших
С неба, где мчалась в своей колеснице алой богиня.
Ветер внезапно упал, дуновенья больше не морщат
Мраморной глади — одни с безветрием борются весла.
Видит с моря Эней берега, заросшие лесом,
И меж огромных дерев поток, отрадный для взора:
Это струит Тиберин от песка помутневшие воды
В море по склонам крутым. Над лесами стаи пернатых,
Что по речным берегам и по руслам вьют себе гнезда,
Носятся взад и вперед, лаская песнями небо.
Тотчас Эней повелел корабли повернуть и направить
К берегу; так он вошел, торжествуя, в тенистые устья.

Ныне о древних веках, Эрато́, дозволь мне поведать,
О стародавних царях и о том, что в Лации было
В дни, когда с войском приплыл к берегам Авзонийским пришелец,
Также о том, отчего разгорелась распря впервые.
Ты певца вдохнови, о богиня! Петь начинаю
Я о войне, о царях, на гибель гневом гонимых,
И о тирренских бойцах, и о том, как вся геспери́я
Встала с оружьем в руках. Величавей прежних событья
Ныне пойдут чередой — величавей будет и труд мой.

Мирно старый Латин городами и нивами правил.
Фавну его родила лаврентская нимфа Марика,—
Так преданье гласит; был Пик родителем Фавна,
Пика отцом был Сатурн, положивший роду начало.
Волей богов не имел Латин мужского потомства,
После того как судьбой был похищен сын его юный.
Дочь лишь была у него, наследница многих владений:
Стала невестой она, по годам созрела для брака,
Много из Лация к ней женихов и со всей Гесперии
Сваталось, прежде других — красотою всех превзошедший
Турн, могучих отцов и дедов славный потомок.
Юношу всем предпочла и мечтала царица скорее
Зятем сделать его — но мешали ей знаменья свыше.
Лавр посредине дворца стоял меж высоких чертогов,
Долгие годы храним и всеми чтим, как священный:
Сам Латин, говорят, когда клал основанья твердыни,
Дерево это нашел и его посвятил Аполлону,
Город же новый нарек по имени лавра Лаврентом.
Вдруг на вершину его,— и рассказывать дивно об этом! —

В воздухе путь проложив, прилетели с громким жужжаньем
Пчелы тучей густой, и, сцепившись ножками плотно,
Рой нежданный повис, точно плод, меж листьев на ветке.
Вмиг прорицатель изрек: «Я зрю иноземного мужа,
С той же он стороны, что и рой, сюда же стремится
С войском своим, чтобы здесь воцариться в твердыне высокой».
Факела чистый огонь к алтарям подносила однажды,
Стоя рядом с отцом, во дворце Лавиния-дева;
Тут привиделось им, будто длинные кудри царевны —
Чудо грозное! — вдруг охватило шумное пламя,
Следом убор занялся, занялся на челе самоцветный
Царский венец — и вот, золотым окутана дымом,
Сеет она Вулканов огонь по просторным палатам.
Дивное знаменье так всем на страх истолковано было:
Слава Лавинию ждёт и удел высокий в грядущем,
Но принесет народу она великие войны.
Царь в тревоге спешит обратиться к оракулу Фавна,
Вещего старца-отца вопросить в лесу Альбунейском,
Самом большом из лесов, где звенит источник священный,
Воздух смрадом своих испарений густых заражая.
Вся Энотрия, все племена италийские в этот
Сходятся лес, чтоб сомненья свои разрешить. Если щедрый
Дар принесет в него жрец, и расстелит в ночи молчаливой
Жертвенных шкуры овец, и уснет на ложе овчинном,
Много узрит он во сне витающих дивных видений,
Будет многим внимать голосам, удостоен беседы
Вечных богов и теней, прилетевших из глуби Аверна.
Здесь и родитель Латин искал в тревоге ответа.
Сто тонкорунных заклал он сам овец по обряду,
Шкуры в лесу расстелил — и едва лишь возлег на овчинах,
Тотчас голос к нему долетел из чащи древесной:
«Дочери мужа найти, о мой сын, не стремись средь латинян,
С тем, кто избран тобой, не справляй задуманной свадьбы:
Зять из чужбины придет и кровью своей возвеличит
Имя наше до звезд, и к ногам наших правнуков общих
Будет повержен весь мир, и все, что видимо Солнцу
В долгом пути меж двумя Океанами,— им покорится».
Этих советов отца, что ему в ночи молчаливой
Фавном были даны, не таил Латин — и повсюду
Мчалась на крыльях Молва и о них городам авзонийским
Весть несла, когда флот потомков Лаомедонта
Встал на причал у крутых берегов, травою поросших.

Вышли с Энеем вожди и прекрасный Асканий на сушу,
Наземь легли отдохнуть в тени высокого бука.
Тут же друзья на траве расставляют для трапезы яства,
Их, как Юпитер внушил, разложив на лепешках из полбы,

Диких приносят плодов, на столы из хлеба кладут их...
Быстро скудный запас истребили троянцы, и голод
Их заставил доесть и Цереры дар необильный.
Только успели они хлебов, отмеченных роком,
Дерзкой коснуться рукой и вкусить от круглых лепешек,
Юл воскликнул: «Ну вот, мы столы теперь доедаем!»
Он пошутить лишь хотел,— но, услышав слово такое,
Понял Эней, что конец наступил скитаньям, и сыну
Смолкнуть велел, поражен изъявленьем божественной воли.
Тотчас: «Привет тебе, край, что судьбою мне предназначен! —
Молвит он.— Вам привет, о пенаты верные Трои!
Здесь наш дом и родина здесь! Вспоминаю теперь я:
Тайну судьбы мне открыв, завет оставил родитель:
«Если ты приплывешь на неведомый берег и голод
Вдруг заставит тебя поедать столы после пира,
Знай, что там обретешь пристанище ты, истомленный,
Первые там дома заложи и стены воздвигни».
Голод наш тем голодом был — последним из бедствий,
Нашим кладет он скитаньям конец.
Радуйтесь! Следует нам с лучами первыми солнца
В разные стороны всем разойтись от гавани, чтобы
Эти разведать места, разузнать о селеньях и людях.
Ныне Юпитеру вы сотворите из чаш возлиянье,
Снова налейте вина и Анхиза с мольбой призовите».
Молвив, себе увенчал он чело зеленой листвою,
Гения места призвал и первую между бессмертных
Землю, и нимф, и богов неизвестных покуда потоков,
После, порядок блюдя, он призвал Фригийскую матерь,
Бога Идейского, Ночь и ее восходящие звезды,
К матери в небе воззвал и к Анхизу во мраке Эреба.
Тут с небесных высот всемогущий светлый Родитель
Трижды удар громовой послал и руки мановеньем
Облако тевкрам явил, золотым осиянное светом.
Гул пробежал по троянским рядам: исполнились сроки,
Обетованная здесь воздвигнута будет твердыня.
Тевкры готовят пир, и, великому радуясь чуду,
Ставят кратéры они, вином их наполнив до края.

Только лишь день озарил лучами первыми землю,
Тевкры окрест разбрелись и вкруг стана разведали местность.
В этих топях — исток Нумиция, Тибром зовется
Эта река, и живет здесь отважное племя латинян.
Сын Анхиза тогда ото всех выбирает сословий
Сто послов и велит им взять увитые шерстью
Ветви Паллады с собой и пойти к чертогам владыки,
Дар отнести и мира просить для троянских пришельцев.
Без промедленья послы исполняют приказ и поспешным

Шагом пускаются в путь. А Эней воздвигает жилища,
Место для них над водой бороздой неглубокой наметив,
И, словно лагерь, дома частоколом и валом обводит.
Путь свой прошли между тем послы и увидели башни,
Кровель верхушки крутых и приблизились к стенам латинян.
Отроки там у ворот и юноши в первом расцвете
Гнали резвых коней, укрощая в пыли колесницы,
Лук напрягали тугой, метали гибкие дроты
И вызывали друзей потягаться проворством и силой.
Вдруг верховой гонец Латину доносит седому:
Прямо к столице идут мужи огромного роста
В платье неведомом. Царь велит в чертоги позвать их,
Сам же на отчий престол в срединном покое садится.
В городе был на вершине холма чертог величавый
С множеством гордых колонн — дворец лаврентского Пика,
Рощей он был окружен и священным считался издревле.
Здесь по обычаю все цари принимали впервые
Жезл и фасции, здесь и храм и курия были,
Здесь и покой для священных пиров, где, заклавши барана,
Долгие дни за столом отцы проводили нередко.
Дедов царственных здесь изваянья из кедра стояли
В должном порядке: Итал и отец Сабин, насадитель
Лоз (недаром кривой виноградаря серп у подножья
Статуи старца лежал); и Сатурн, и Янус двуликий
Были в преддверье дворца, и властителей образы древних,
Что за отчизну в бою получили Марсовы раны.
Здесь надо всеми дверьми прибито было оружье:
Взятые в плен колесницы видны, кривые секиры,
Копья, щиты, и ворот крепостных затворы, и ростры,
С вражеских сняты судов, и с мохнатою гривою шлемы.
Пик, укротитель коней, сидел в короткой трабее,
Щит, священный держа и загнутый жезл квиринальский.
Страстной любовью к нему горя, превратила Цирцея,
Ядом сперва опоив и лозой золотою ударив,
В пеструю птицу его, по стволам стучащую громко.
Так изукрашен был храм, куда посланцев троянских
Царь латинский призвал, восседавший на отчем престоле.

С речью приветливой он обратился первый к вошедшим:
«Дайте ответ, дарданцев послы,— ведь и род ваш и город
Ведомы нам, и слышали мы, что сюда вы плывете,—
Что вам нужно? Зачем, какой гонимы нуждою
Вы через столько морей к берегам пришли Авзонийским?
Сбились ли вы с пути, принесла ли вас непогода
(Бури нередко пловцов застигают в море открытом),—
Если уж в устье реки вы зашли и в гавани встали,
То не презрите наш кров, дружелюбью латинян доверьтесь.

Мы справедливость блюдем не под гнетом законов: Сатурнов
Род добровольно хранит обычай древнего бога.
Помню я,— хоть молва с годами сделалась смутной,—
Так старики аврункские мне говорили когда-то:
Родом отсюда Дардан, что отплыл на Са́мос Фракийский
(Назван теперь Самофракией он) и добрался до Иды,
Начал отсюда он путь, из Корита в крае Тирренском,
Ныне же занял престол в чертогах звездного неба,
Свой прибавив алтарь к алтарям бессмертных высоким».

Илионей отвечал на эти речи Латину:
«Фавна царственный сын, не волна, не черная буря
К вашей земле подойти нас принудила натиском злобным,
Берег неведомый нас и светила с пути не сбивали:
Сами избрали мы путь и в твой город пришли добровольно,
Мы, изгнанники царств, которые в славе и блеске
Солнце видело встарь, восходя от края Олимпа;
Род от Юпитера наш, Юпитера племя дарданцев
С гордостью предком зовет, от высокой Юпитера крови
Царь наш рожден, троянец Эней, к тебе нас пославший.
Что́ за губительный вихрь поднялся в Микенах жестоких
И пролетел по Идейским полям, каким приговором,
Рок два мира столкнул — Европу и Азию — в битве,
Слышал и тот, кто живет в краю, где по кругу струится
Ток Океана, и тот, чье жилище в поясе пятом,
Меж четырех поясов простертом под солнцем жестоким.
Мы от потопа спаслись и, скитаясь по водным равнинам,
Малого просим клочка земли безопасной — приюта
Отчим богам, и воды, и воздуха — ими владеют
Равно смертные все. Мы для вас бесчестьем не будем,
Вы же славу навек стяжаете добрым деяньем;
Трою на лоно приняв, не раскается край Авзонийский.
Я Энея судьбой клянусь и могучей десницей,—
Ведома верность ее и отвага испытана в битвах,—
Много племен и народов чужих (презирать нас не должно,
Если с ветвями в руках и с мольбой на устах мы приходим)
Звали в свои нас края, чтобы мы среди них поселились,
Но веленья богов и судьба заставляли Энея
Вашу землю искать. Этот край, отчизну Дардана,
Вновь обрести мы должны — такова необорная воля
Феба — и Тибр Тирренский найти, и Нумиций священный.
Кроме того, наш вождь от былых богатств посылает
Дар ничтожный тебе, из горящей Трои спасенный:
Для возлияний богам эта чаша служила Анхизу,
В этом уборе Приам, по обычаю граждан созвавши,
Суд перед ними творил; вот наряд, троянками тканный,
Вот и жезл, и священный венец».

Илионея словам Латин внимал неподвижно,
Голову низко склонив и блуждая задумчивым взглядом
В землю потупленных глаз. Ни наряд с пурпурным узором
Не занимает его, ни Приамов жезл драгоценный:
Дочери будущий брак владеет думой Латина,
Царь повторяет в душе прорицанье старого Фавна.
Вот предреченный судьбой, из далекой прибывший чужбины
Зять, которого он назовет царем равноправным,
Чьи потомки, в веках грядущих доблестью славны,
Мощью своей покорят весь круг земель населенных.
Радостно молвит Латин: «Да помогут нам боги, исполнив
Все предвещанья свои! Дам я то, что ты просишь, троянец,
И не отвергну даров. И пока Латин на престоле,
Тук изобильных полей и богатства не меньше троянских
Будут у вас. Но пусть, если узы гостеприимства
Хочет Эней меж нами скрепить и союзником зваться,
Сам он без страха придет и пред взором друга предстанет.
Будет пожатие рук залогом мира меж нами.
Вы же царю своему передайте то, что скажу я:
Выросла дочь у меня, но из нашего племени зятя
Выбрать ни знаменья мне не велят, ни в святилище отчем
Голос, который предрек, что жених с берегов чужедальних
Явится к нам и, слив свою кровь с латинскою кровью,
Имя наше до звезд вознесет. Это он мне указан
Роком,— так думаю я и, если правду провидит
Дух мой, желаю того». И, промолвив так, выбирает
Сам он прекрасных коней (их триста в стойлах стояло),
Каждому дарит послу скакуна крылоногого старец,
В пестрых все чепраках и в пурпурных попонах узорных;
Звонко бренчат у коней золотые подвески под грудью,
В золоте сбруя у всех и в зубах удила золотые.
В дар Энею он шлет колесницу с парной упряжкой:
Пышет огонь из ноздрей у коней, что от предков небесных
Род свой ведут — от тех полукровок, которых Цирцея
Тайно добыла, впустив к коням отцовским кобылу.
Эти дары получив, унося порученья Латина,
Прочь уезжают верхом энеады с вестью о мире.

Тою порой в колеснице своей громовержца супруга
Мчалась воздушным путем, покинув Ионахов Аргос.
Вдруг увидала она, над Пахином летя сицилийским,
Издали тевкров суда и Энея, который, ликуя,
Строил с друзьями дома и, доверясь суше, оставил
Брошенный флот. Замерла Юнона, пронзенная болью,
И, головою тряхнув, излила в стенаниях сердце:
«О, ненавистный народ! О, моей непокорная воле
Воля судьбы их! Ужель не могли они пасть на сигейских

Бранных полях? Или в рабство попасть? Иль сгореть в подожженной
Трое? Но нет, средь огня и средь вражеских толп находили
Выход они! Или сила моя, быть может, иссякла
И успокоилась я, неустанной враждою пресытясь?
Нет, и средь волн я осмелилась гнать лишенных отчизны
Беглых фригийцев, по всем морям им ставя преграды!
Сил, чтобы тевкров сломить, не хватило и морю и небу.
Чем зияющий зев Харибды, и Сцилла, и Сирты
Мне помогли? От меня и от моря в устье желанном
Тибра укрылись они! Но ведь Марсу силы достало
Диких лапифов сгубить, и Диане разгневанной отдал
Сам родитель богов Каледон на расправу старинный.
Так ли была велика Каледона вина и лапифов?
Я же, царица богов, супруга Юпитера, средства
Все, что могла испытать, испытала, ничем не гнушаясь,—
Но победил троянец меня! Так что ж, если мало
Власти великой моей — я молить других не устану.
Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну.
Пусть не дано мне Энея лишить грядущего царства,
Пусть Лавинии рок, предназначивший деву пришельцу,
Будет незыблем,— но я могу замедлить свершенье,
Вправе я истребить у царей обоих народы.
Тесть и зять за союз пусть жизнью граждан заплатят!
Дева! Приданым твоим будет ру́тулов кровь и троянцев,
В брачный покой отведет тебя Беллона! Не только
Дочь Киссея на свет родила горящее пламя,—
Также рожден и тобой, Венера, для Трои воскресшей
Новый Парис и второй губительный свадебный факел».

Вымолвив это, она устремилась в гневе на землю,
Там из приюта богинь, приносящих муки, из мрака
Кличет к себе Аллекто́, которой любезны раздоры,
Ярость, и гнев, и война, и злодейства коварные козни.
Все ненавидят ее — и отец Плутон, и родные
Сестры: так часто она изменяет гнусный свой облик,
Так свиреп ее вид, так черны́ на челе ее змеи.
Стала ее подстрекать такими речами Юнона:
«Ради меня потрудись, о дочь безбрачная Ночи,
Ради меня, чтобы честь и слава моя оставались
Неколебимы, чтоб царь обольщен энеадами не был,
Чтоб не достался им ни лаврентские пашни, ни дева.
Ты способна свести в поединке любящих братьев,
Дом наполнить враждой и бедой, чтобы в нем погребальный
Факел не гас, ты сотни имен принимаешь и сотни
Способов знаешь губить. Так найди в душе своей щедрой

Средство разрушить союз и посеять преступную распрю,
Пусть возжаждут войны и тотчас же схватят оружье».

В тот же миг Аллекто́, напоенная ядом Горгоны,
В Лаций летит, в крутоверхий чертог владыки Лаврента,
Там садится она у дверей молчаливых Аматы.
Тевкров нежданный приход и брак отвергнутый с Турном
Сердце царице зажгли обидой женской и гневом.
Черную вырвав змею из волос, богиня метнула
Гада царице на грудь и под платьем скрыла у сердца,
Чтобы, беснуясь, она весь дом возмутила безумьем.
Гад под одеждой скользит, по гладкой груди извиваясь,
Тела касаясь едва, исступленной Амате не виден;
Буйное сердце ее наполняет он злобой змеиной,
То повисает у ней золотым ожерельем на шее,
То, как венец, обвивает чело, то по телу блуждает.
В душу покуда ее проникала первая порча,
Влажный яд, разгораясь в крови, мутил ее чувства,
Но не пылало еще пожаром пагубным сердце,—
Речь, привычную всем матерям, повела она кротко,
Стала оплакивать дочь и с фригийцем брак ненавистный:
«Дочь неужели отдашь ты, отец, изгнанникам-тевкрам?
Значит, не жалко тебе ни себя, ни Лавинии? Значит,
Ты не жалеешь и мать, от которой с первым порывом
Ветра разбойник умчит за моря широкие деву?
Разве не так же проник пастух фригийский к спартанцу,
Чтобы Елену с собой увести к троянским твердыням?
Где же верность твоя? Где забота о близких былая?
Где обещанья, что ты давал племяннику Турну?
Если латиняне взять должны чужеземного зятя,
Если незыблемо то, что родителем велено Фавном,—
Все, что жезлу твоему неподвластны, земли чужими
Я почитаю,— и нам о том же боги вещали.
Вспомни и Турна род: он возник в далеких Микенах,
Инах там и Акрисий ему положили начало».
Тщетно к Латину она подступалась с такими речами:
Старец стоял на своем. Между тем все глубже и глубже
Яд змеи проникал, разливался по жилам царицы,
Бредом рассудок ее помутив,— и вот по Лавренту
Стала метаться она, одержимая бешенством буйным.
Так от ударов бича кубарь бежит и кружится,
Если дети его на дворе запускают просторном;
Букс, гонимый ремнем, по дуге широкой несется,
И, позабыв за игрой обо всем, глядит и дивится
Дружно проворству его толпа простодушных мальчишек,
Пуще стараясь взбодрить кубарь ударами. Так же

Средь разъяренной толпы по Лавренту носилась Амата.
Вот, менадой себя возомнив, летит она в дебри,
Бешенство все тяжелей, тяжелей беззаконье вершится:
Дочь увлекает она и в лесистых горах укрывает,
Чтобы у тевкров отнять невесту и свадьбу расстроить.
«Вакх, эвоэ! только ты,— голосит она,— девы достоин!
Тирс для тебя лишь взяла, в хоровод для тебя лишь вступила,
Лишь для тебя растила она священные кудри!»
Мчится Молва и сердца матерей зажигает безумьем,
То же неистовство их в убежища новые гонит.
Все покидают дома, распускают по ветру косы,
Полнят чуткий эфир переливами воплей протяжных,
Копья из лоз в руках, на плечах — звериные шкуры.
Мать несется меж них с горящей веткой смолистой.
Брачные песни поет, величая Лавинию с Турном;
Кровью налившийся взгляд блуждает; вдруг восклицает
Голосом хриплым она: «Ио, латинские жены!
Если, как прежде, жива любовь к несчастной Амате
В преданных ваших сердцах, если прав материнских лишиться
Горько вам — рвите с волос повязки, оргию правьте
Вместе со мной!» Так по чащам лесным, где лишь звери таились,
Гонит ее Аллекто́ и вакхическим жалит стрекалом.

Видит богиня: сильны порывы первые буйства,
Рухнули замыслы все царя, и дом его рухнул.
Мрачная, тотчас она на черных крыльях взлетает,
Быстрый Нот ее мчит к безрассудному рутулу в город
(Был аргосцами он и беглянкой Данаей основан,—
Так преданье гласит,— и назвали предки то место
Ардеей; ныне оно сохраняет гордое имя,
Но не величье свое). Здесь Турн в чертоге высоком
Сон отрадный вкушал во мраке ночи беззвездной.
Образ пугающий свой изменить Аллекто́ поспешила:
Злобное скрыла лицо под обличьем дряхлой старухи,
Гнусный изрезала лоб морщинами, в кудри седые
Ветку оливы вплела и стянула их туго повязкой.
Так превратилась она в Калибу, жрицу Юноны,
И предстала во сне перед взором Турна, промолвив:
«Стерпишь ли, Турн, чтоб труды твои все понапрасну пропали,
Чтобы твой жезл перешел так легко к пришельцам дарданским?
Царь невесту тебе с приданым, купленным кровью,
Дать не желает: ему иноземный нужен наследник!
Что ж, на посмешище всем истребляй тирренские рати,
Даром иди хоть на смерть, покой охраняя латинян.
Мирный сон твой смутить и все сказать тебе прямо
Дочь Сатурна сама всемогущая мне приказала.
Так не замедли призвать италийцев юных к оружью,

Радостно в бой их веди на вождей фригийских, разбивших
Стан у прекрасной реки, и сожги корабли расписные!
Мощная воля богов такова. И если невесту
Царь Латин не отдаст и своих обещаний не сдержит,—
Пусть узнает и он, каково оружие Турна».

Юноша жрице в ответ с улыбкой насмешливой молвил:
«Нет, заблуждаешься ты, если думаешь, что не достигла
Слуха нашего весть о заплывших в Тибр чужеземцах.
Мнимыми страхами нас не пугай. Меня не забудет
Вышних царица богов!
К правде бывает слепа побежденная немощью старость,
Вот и терзает она тебя напрасной тревогой,
Вещую страхом пустым средь раздоров царских морочит.
Мать! Забота твоя — изваянья богов и святыни,
Битвы и мир предоставь мужам, что сражаются в битвах».

Гневом от этих слов загорелось фурии сердце.
Речь свою Турн оборвал, внезапной дрожью охвачен,
Взор застыл у него: зашипели эринии змеи,
Страшный лик открылся пред ним, и очи, блуждая,
Пламенем злобным зажглись. В замешательстве вновь порывался
Турн говорить, но, грозя, поднялись на челе у богини
Гады, и, щелкнув бичом, Аллекто́ его оттолкнула.
«Вот я,— вскричала,— кого побежденная немощью старость,
К правде слепая, средь битв морочит ужасом тщетным!
Видишь меня! Я пришла из приюта сестер ненавистных,
Битвы и смерть — забота моя!»
В бешенстве вымолвив так, горящий пламенем черным
Факел метнула она и вонзила юноше в сердце.
Ужас тяжкий прервал героя сон беспокойный,
Пот все тело ему омыл холодной волною.
С криком ищет он меч в изголовье, ищет по дому,
Страстью к войне ослеплен и преступной жаждой сражений,
Буйствует, гневом гоним,— так порой, когда с треском пылает
Хворост и медный котел окружает шумное пламя,
В нем начинает бурлить огнем нагретая влага,
Пенится, словно поток, и дымится, и плещет, как будто
Тесно ей стало в котле, и клубами пара взлетает.
Мир презрев и союз, призывает в поход на Латина
Турн друзей молодых и велит готовить оружье,
Встать на защиту страны и врага из Италии выбить:
Сил довольно у них одолеть и латинян и тевкров.
Только лишь молвил он так и вознес всевышним моленья,
Рутулы все, как один, за оружье с жаром берутся:
В бой призывает одних красотой цветущая юность,
Предки цари — других, а третьих — подвигов слава.

Тою порой, как Турн зажигает отвагою души,
Прочь летит Аллекто́ и несется на крыльях стигийских
К тевкрам и новые там затевает козни: приметив
Место, где дичь над рекой травил прекрасный Асканий,
Бешенством свору его распаляет исчадье Коцита,
Чутких коснувшись ноздрей знакомым запахом зверя,
Чтобы упорней гнались за оленем собаки. И это
Было началом всех бед, пастухов толкнуло на битву.
Жил там красавец олень, высокими гордый рогами,
Был он еще сосунком похищен у матки и вскормлен
Тирра детьми и самим родителем Тирром, который
Царские пас стада и стерег окрестные пашни.
Сильвия, дочь пастуха, о ручном заботилась звере,
Нежных цветов плетеницы ему вкруг рогов обвивала,
Гребнем чесала шерсть и купала в источнике чистом.
Трогать себя позволял и к столу подходил он охотно
И, набродившись в лесах, всегда к знакомым порогам
Сам возвращался назад, хоть порой и позднею ночью.
Это его вдалеке учуяли Юла собаки.
Зверя вспугнули они, когда, от зноя спасаясь,
Плыл он вниз по реке в тени зеленых откосов.
Сам Асканий, горя желаньем охотничьей славы,
Лук согнул роговой и стрелу в оленя направил.
Бог неверной руке помог: с тетивы зазвеневшей
С силой стрела сорвалась и в утробу зверю вонзилась.
Раненый мчится олень домой, под знакомую кровлю,
В стойло со стоном бежит, истекая кровью обильной,
И, словно слезной мольбой, весь дом своей жалобой полнит.
Сильвия, первой его увидав, ударяет руками
В грудь, и на помощь зовет, и соседей суровых скликает.
Тотчас же (ибо в лесной Аллекто́ затаилась засаде)
Все прибегают: один узловатую тащит дубину,
Кол обожженный — другой. Превращает ярость в оружье
Все, что нашлось под рукой. И Тирр, что, клинья вгоняя,
В щепы раскалывал дуб, топор поспешно хватает,
Односельчан созывает в ряды, безудержный в гневе.
Злая богиня, решив, что для распри время приспело,
Из лесу мчится скорей и с кровли хлева покатой
Громко трубит в изогнутый рог и пастушьим призывом
Все будоражит вокруг: содрогнулась от адского рева
Роща, и шум пробежал по вершинам дремучего леса,
Тривии озеро звук услыхало, услышал сернистый
Нар с белесой водой и Велина исток отдаленный,
Матери в страхе тесней к груди прижали младенцев.
Быстро труба Аллекто́ собирает зычным призывом
Буйные толпы — и вот, на ходу хватая оружье,
В бой земледельцы бегут; но из лагеря Юлу на помощь

Воины Трои спешат, распахнувши настежь ворота.
Стали противники в строй. Началась уж не дикая свалка,
В ход не дубины идут и не колья с концом обожженным,—
Боя решает исход секир двуострых железо,
Частой стернею клинков ощетинилась черная нива,
Медь на солнце горит и мечет отблески к небу.
Так под ветром сперва покрывается белою пеной
Море, потом все сильней и выше вздымаются волны,
И, наконец, до небес глубокая плещет пучина.
Вот просвистела стрела, и в переднем ряду италийцев
Юный Альмон упал, прекрасный первенец Тирра:
В горло впилось острие, и дорогой голоса влажной
В рану хлынула кровь, пресекая жизнь и дыханье.
Валятся наземь тела. Простерт Галез престарелый
В миг, когда вышел вперед, чтобы стать посредником мира
(Всех справедливей он был и богаче в краю Авзонийском:
Пять овечьих отар, пять стад коров загонял он
В хлевы, и сто плугов поля́ его бороздило).

Бились покуда враги, одолеть не в силах друг друга,
Взмыла ввысь Аллекто, обещанье исполнив и кровью
Павших в первом бою напоив ненасытную распрю,
К своду крутому небес унеслась от земли Гесперийской,
Гордо Юноне она, торжествуя победу, сказала:
«Вот тебе все: и война, и раздор, разделивший народы.
Вновь попробуй теперь их связать союзом и дружбой,
После того как гостей окропила я кровью латинской.
Больше сделаю я, если воля твоя неизменна:
Ближние все города подниму и, слухи посеяв,
Дух авзонийцев зажгу безумной к битвам любовью,
Всех на подмогу пошлю, все поля покрою оружьем».
Молвит Юнона в ответ: «Довольно страхов и козней,
Повод есть для войны, и враги схватились вплотную,
Случай вручил им мечи — но клинки уж отведали крови.
Пусть же такую они теперь отпразднуют свадьбу —
Славный Венеры сын и царь Латин вероломный.
Но не дозволил Отец, повелитель великий Оли́мпа,
Чтобы при свете дня ты носилась по́ небу вольно.
Прочь уходи! Если ну́жны еще труды и усилья,
Справлюсь я и сама!» Так Сатурна дочь говорила.
Фурия, крылья раскрыв, на которых змеи шипели,
Верхний покинула мир, улетела в обитель Коцита.
Есть в Италийской земле меж горами высокими место,
Славится всюду оно, и молвой поминается часто
Имя Ампсанктских долин. Густолистым покрытые лесом
Кручи с обеих сторон нависают здесь, и меж ними

Речка, гремя по камням и клубясь воронками, мчится,
Здесь зияет провал пещеры — в страшное царство
Дита отверстая дверь; Ахеронта волной вредоносной
Выход этот пробит, чрез который эриния скрылась,
Мерзкая всем, от себя избавив землю и небо.

Дочь Сатурна меж тем, завершая фурии дело,
Пуще раздор разжигать принялась. Устремляется в город
С поля рать пастухов и несет с собою убитых —
Альмона тело и труп изувеченный старца Галеза.
Все взывают к богам и Латина в свидетели кличут,
Тевкров в убийстве винят. Появляется Турн средь смятенья,
Множит укорами страх: недаром призваны тевкры,
Сам он отвергнут не зря — царь желает с кровью фригийской
Кровь свою слить. И пока по лесам в вакхическом буйстве
Матери мчат без пути, увлекаемы славой Аматы,—
Их сыновья, собравшись толпой, к Маворсу взывают.
Знаменьям всем вопреки, вопреки велениям рока,
Требуют люди войны, извращая волю всевышних.
Царский дворец окружив, как на приступ, латиняне рвутся,
Царь же незыблем и тверд, как утес в бушующем море,
Словно в море утес, когда он средь растущего гула
Всей громадой своей отражает бешеный натиск
Воющих волн, а вокруг громыхают скалы и камни
В пене седой, и с боков отрываются травы морские.
Но, уж не в силах сломить слепую волю сограждан
(Все совершалось в тот миг по манию гневной Юноны),
Царь, взывая к богам и к пустому небу, воскликнул:
«Рок одолел нас, увы! За собой нас вихрь увлекает!
Сами запла́тите вы своей святотатственной кровью,
О злополучные! Ждет и тебя, о Турн, за нечестье
Горькая казнь, и поздно богам принесешь ты обеты.
Мне ж уготован покой, но, хоть гавань открыта для старца,
Мирной кончины и я лишился». Вымолвив, смолк он
И, запершись во дворце, бразды правленья оставил.

Есть обычай один в Гесперийском Лации; прежде
Свято его блюли города альбанцев, а ныне
Рим державный блюдет, начиная Марсовы брани,
Гетам ли он готовит войну и плачевную участь,
В грозный идет ли поход на гиркан, арабов иль индов,
Шлет ли войска навстречу заре, чтоб значки легионов
Римских отнять у парфян. Почитают все как святыню
Двери двойные войны, перед Марсом яростным в страхе;
На сто засовов они из железа и меди надежно
Заперты, и ни на миг не отходит бдительный Янус.
Но коль в сенате отцы порешат, что война неизбежна,

Консул тогда, облачен по-габински надетою тогой
И квиринальским плащом, отворяет скрипучие створы,
Граждан на битву зовет, и за ним идут они следом,
В хриплые трубы трубят, одобренье свое изъявляя.
Должен был бы Латин, объявляя войну энеадам,
Мрачную дверь отворить, соблюдая тот же обычай,—
Но погнушался отец совершить обряд ненавистный,
Скрылся во мраке дворца, роковых не коснувшись запоров.
Тут слетела с небес царица богов и толкнула
Створы своею рукой; неподатливый шип повернулся,
Прочный сломался засов — и двери войны распахнулись.

Мирный и тихий досель, поднялся весь край Авзонийский.
В пешем строю выходят одни, другие взметают
Пыль полетом коней, и каждый ищет оружье.
Тот натирает свой щит и блестящие легкие стрелы
Салом, а этот вострит топор на камне точильном,
Радуют всех войсковые значки и трубные звуки.
Звон наковален стоит в пяти городах: обновляют
Копья, доспехи, мечи в Крустумерии, в Тибуре гордом,
В Ардее, в стенах Антемн башненосных и в мощной Атине.
Тела прикрытье — щиты — плетут из ивовых прутьев,
Полый куется шлем и надежный панцирь из меди,
Мягкие гнутся листы серебра для блестящих поножей.
Больше ни серп не в чести, ни плуг: пропала к орудьям
Мирным любовь; лишь наследственный меч накаляется в горне.
Трубы ревут, идет по рукам дощечка с паролем.
Шлем со стены снимает один, другой запрягает
Бьющих копытом коней, или верный меч надевает,
Или кольчугу, из трех золотых сплетенную нитей.

Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона,
Песнь о царях, что на бой поднялись, и о ратях начните,
Песнь о мужах, что цвели в благодатной земле Италийской
В давние эти века, о сраженьях, в стране запылавших.
Сами вы помните все и поведать можете, девы,
Нам, до которых едва дуновенье молвы долетело.

Первым выстроил рать и на бой из Тирренского края
Враг надменный богов, суровый вышел Мезенций.
Юный сын его Лавз был рядом с ним; красотою
Только Турн, лаврентский герой, его превзошел бы.
Лавз, укротитель коней и лесных зверей победитель,
Тысячу вел за собой — но вотще! — мужей агиллинских;
Был он достоин иметь не такого вождя, как Мезенций,
Лучшего также отца — не Мезенция — был бы достоин.

Следом летел по лугам в колеснице, пальму стяжавшей,
Гордый победой коней прекрасного сын Геркулеса,
Столь же прекрасный и сам, Авентин; в честь отца он украсил
Щит свой сотнею змей — оплетенной гадами гидрой.
Рея-жрица его средь лесов на холме Авентинском
Тайно на свет родила, сочетавшись — смертная — с богом,
Тою порой как, убив Гериона, Лаврентские пашни
Мощный тиринфский герой посетил и в потоке Тирренском
Выкупал стадо быков, в Иберии с бою добытых.
Воины копья несут и шесты с оконечьем железным,
Круглым клинком поражают врагов и дротом сабинским.
В шкуру огромного льва с ощетиненной грозною гривой
Был одет Авентин; голова с белозубою пастью
Шлемом служила ему. Так, набросив покров Геркулесов
На́ плечи, в царский дворец входил воитель суровый.

Следом два близнеца покидают Ти́бура стены
(Город был так наречен в честь Тибуртия, третьего брата),
Пылкий Кор и Катилл, молодые потомки аргивян.
Братья всех впереди через чащу копий несутся,—
Так с Офрийских вершин или с круч заснежённых Гомолы
Быстрым галопом летят два кентавра, рожденные тучей,
И расступается лес перед ними, бегущими бурно,
С громким треском вокруг ломается частый кустарник.
Не уклонился от битв и создатель твердынь пренестинских
Цекул; верят века преданью о том, что, Вулканом
В сельской глуши рожденный средь стад, в очаге был он найден.
Строем широким шагал за царем легион деревенский,—
Все, кто в Пренесте живет, кто холодным вспоён Аниеном
Иль Амазеном-отцом, кто в полях Габинских, любезных
Сердцу Юноны, взращен, или в щедрой Анагнии, или
В крае ручьев, меж ге́рникских скал. Без щитов, без доспехов,
Без колесниц выступают они; свинец тускло-серый
Мечут одни из пращей, у других — два дротика легких
В крепких руках; вместо шлемов у всех чело защищают
Бурые шкуры волков, и босою левой ногою
Пыль попирают они — лишь на правой сапог сыромятный.

Также Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль,—
Ранить его не дано никому ни огнем, ни железом,—
Весь свой праздный народ и от битв отвыкшее войско
Тотчас к оружью призвал и меч схватил в нетерпенье.
Он фесценнинцев ряды ведет и эквов-фалисков,
Тех, кто живет на Флавинских полях и на кручах Сорakта,
В рощах Капены и там, где над озером холм Циминийский.
Мерно ступали они и властителя славили песней,—

Так средь туч дождливых лебедей белоснежная стая
С пастбищ обратно летит и протяжным звонким напевом
Все оглашает вокруг, и ему Азийские вторят
Топь и поток.
Если б смешались ряды, то не ратью, в медь облаченной,
Всем бы казались они, но пернатых плотною тучей,
Что из просторов морских к берегам возвращаются с криком.

Мощные вывел войска и потомок древних сабинян,
Клавз, который и сам подобен мощному войску:
Клавдиев племя и род от него пошли и проникли
В Лаций, когда уделил место в Риме сабинянам Ромул.
С ним амитернский отряд и когорта древних квиритов,
Все, что в Эрете живут и в оливковых рощах Метуски,
Иль на Розейских полях близ Велина, иль в стенах Номента,
Иль на Севе́рской горе и на Те́трикских скалах суровых;
Все, что из Форул пришли, из Касперии, быстрой Гимеллы,
Все, кого Тибр поит и Фабарис, кто из холодной
Нурсии прибыл и кто из Латинских пределов, из Горты,
Жители мест, где текут зловещей Аллии струи,—
Воинов столько же шло, сколько волн бушует в Ливийском
Море, когда Орион в ненастные прячется воды,
Сколько в Ликийских полях золотых иль на нивах над Гермом
Спелых колосьев стоит под солнцем нового лета.
Звон раздается щитов, и земля гудит под ногами.

Вслед Агамемнона друг, Алез, ненавистник троянцев,
Впряг в колесницу коней и воинственных сотни народов
Турну на помощь повел: тех, что пашут Массик, счастливый
Вакха дарами, и тех, кого аврункские старцы
Выслали в бой от высоких холмов и равнин Сидицина,
Тех, что из Калы пришли и от струй мелководных Вольтурна;
Оски шли за царем и суровые сатикуланцы.
Тонкий дротик, из тех, что ремнем привязаны гибким,
Каждый воин несет и кожаный щит для прикрытья;
Меч кривой на боку, чтобы им в рукопашную биться.

О́бал! Также тебя помянуть не забуду я в песне.
Нимфой Себета речной был рожден ты Гелону, который
Правил на склоне годов телебоями в царстве Капрейском.
Но уж давно его сын, не довольствуясь отчим наделом,
Власти своей подчинил племена, что живут на равнинах,
Сарна обильной струей орошенных; ему покорились
Жители Ба́тула, Руфр, земледельцы на нивах Целемны,
Те, на кого с высоты плодоносные смотрят Абеллы.
Все на тевтонский лад бросают кельтские копья,

Пробковый дуб ободрав, из коры его делают шлемы,
Искрятся медью мечи, и щиты их искрятся медью.

В битву также тебя послали гористые Нерсы,
Уфент, прославленный царь, неизменно счастливый в сраженьях,
Тверд и суров твой народ и привычен к долгим охотам
В дебрях лесных и к нелегкой земле Эквикульских пашен.
Здесь земледельцы идут за плугом с мечом и в доспехах,
Любят они за добычей ходить и жить грабежами.

Также служитель богов из Маррувия, города марсов,
Прибыл отважный Умброн по веленью владыки Архиппа,
Шлем увенчав зеленой листвой плодоносной оливы.
Гадов ползучий род и гидр с ядовитым дыханьем —
Всех он умел усыплять прикасаньем руки иль заклятьем,
Ярость змей укрощал, врачевал их укусы искусно.
Но, поражен дарданским копьем, не мог исцелить он
Рану свою: ни слова навевающих дрему заклятий
Не помогли ведуну, ни травы с марсийских нагорий.
Рощ Ангитийских листвой и Фуцина стеклянной волною,
Влагой озер оплакан ты был.

Шел сражаться и ты, Ипполита отпрыск прекрасный,
Вирбий. Ариция в бой тебя послала родная,
В ней ты возрос, где шумит Эгерии роща, где влажен
Берег, где тучный алтарь благосклонной Дианы дымится.
Ибо преданье гласит: когда Ипполита сгубили
Мачехи козни и месть отца, когда растерзали
Тело его скакуны, в исступленном летевшие страхе,—
Вновь под небесный свод и к светилам эфира вернулся
Он, воскрешен Пеана травой и любовью Дианы.
Но всемогущий Отец, негодуя на то, что вернулся
Смертный из царства теней к сиянью сладкому жизни,
Молнию бросил в того, кто лекарство создал искусно,
Феборожденного сам к волнам стигийским низринул.
А Ипполит между тем унесен благодатной Дианой
В рощи Эгерии был и сокрыт в приюте надежном.
Имя себе изменив и назвавшись Вирбием, здесь он
Век в безвестности свой средь лесов провел италийских.
Вот почему и теперь в заповедную Тривии рощу
К храму доступа нет крепконогим коням, что на скалы
Юношу сбросили, мчась от морского зверя в испуге.
С пылом отцовским и сын скакунов гонял по равнинам.
Он и сейчас на битву летел, колесницею правя.

Турн средь первых рядов, то там, то тут появляясь,
Ходит с оружьем и всех красотой превосходит и ростом.

Шлем украшает его Химера с гривой тройною,
Дышит огнем ее пасть, как жерло кипящее Этны,—
Чем сраженье сильней свирепеет от пролитой крови,
Тем сильней и она изрыгает мрачное пламя.
В левой руке его щит, а на нем — златорогая Ио,
Шерстью покрыта уже, уже превращенная в телку;
Аргус ее стережет на щите огромном, и рядом
Инах-отец изливает поток из урны чеканной.
В пешем строю за царем щитоносное движется войско,
Плотною тучей поля покрывая: выходят аврунки,
Древних сиканцев отряд, и аргивян, и рутулов славных,
Вслед — из Лабиция рать, со щитами цветными сакраны,
Те, кто долины твои, Тиберин, и Нумиция берег
Пашут священный и плуг ведут по холмам рутулийским,
Иль по Цирцейским горам, или там, где нивами правит
Анксур-Юпитер и с ним Ферония, гордая рощей,
Там ли, где Сатуры топь, где по темным низинам студеный
Уфент ищет пути, чтобы в море излить свои воды.

Вместе с мужами пришла и Камилла из племени вольсков,
Конных бойцов отряд привела, блистающий медью.
Руки привыкли ее не к пряже, не к шерсти в кошницах,
Дева-воин, она трудов Минервы не знала,—
Бранный был ведом ей труд и с ветрами бег вперегонки.
В поле летела она по верхушкам злаков высоких,
Не приминая ногой стеблей и ломких колосьев,
Мчалась и по морю, путь по волнам пролагая проворно,
Не успевая стопы омочить в соленой пучине.
Смотрит ей вслед молодежь, поля и кровли усеяв,
Издали матери ей дивятся в немом изумленье;
Глаз не в силах толпа отвести от нее, лишь завидит
Пурпур почетный, что ей окутал стройные плечи,
Золото пряжки в кудрях, ликийский колчан за спиною,
Острый пастушеский дрот, из прочного сделанный мирта.

Краткое содержание книги восьмой можно прочесть в предисловии.

Книга девятая

Эти покуда дела вдалеке от Лаврента вершатся,
Дочь Сатурна с небес посылает на землю Ириду
К дерзкому Турну,— в тот час он сидел в долине священной,
Там, где предка его Пилумна роща шумела.

Дочь Тавманта ему устами алыми молвит:
«Турн, по воле своей быстротечное время дарует
То, что тебе обещать не дерзнул бы никто из бессмертных.
Спутников, город и флот Эней покинул и отбыл
В царство, где старец Эвандр с Палатина аркадцами правит.
Больше того, он проник до твердынь далеких Корита,
Чтобы к оружью призвать земледельцев лидийских отряды.
Что же ты медлишь? Пора заложить коней в колесницу!
Время не трать! Врасплох нападай на лагерь смятенный!»
Тут вознеслась к небесам на раскинутых крыльях богиня,
Скрылась среди облаков, по дуге промчавшись огромной.
Вестницу Турн узнал и, простерши к звездам ладони,
Молвил такие слова вослед убегавшей Ириде:
«Неба краса! Кто тебе повелел на облаке легком
К нам на землю слететь? Отчего лучи золотые
Льются дождем, и небесная твердь распахнулась, являя
Взору блужданье светил? Повинуюсь знаменьям, боги,
Кто бы из вас к оружью ни звал!» И, промолвив, спустился
Турн к реке и, воды зачерпнув с поверхности светлой,
Он к бессмертным воззвал, эфир наполнив мольбами.

Тотчас выходит в поля несметная рать италийцев,
Гордых обильем коней, и одежд узорных, и злата.
В первых рядах выступает Мессап, отряд замыкают
Тирра сыны, а Турн, предводитель войск,— посредине
Едет с оружьем и всех красой превосходит и ростом.
Так, полноводный от струй семи спокойных притоков,
Ганг молчаливый течет или Нил, когда тучная влага
Схлынет с полей и в привычное вновь воро́тится русло.
Видят троянцы, как пыль поднимается облаком темным,
Как внезапная тьма закрывает равнину от взора.
Первым Каик закричал с укреплений, к полям обращенных:
«Тевкры, взгляните, какой туман там стелется черный!
Быстро несите мечи, поднимайтесь на стены с оружьем!
Эй! Подступают враги!» И немедля с криком дарданцы
В лагере скрыться спешат и взбегают на́ стену, ибо
Им наказал, уезжая, Эней, многоопытный в битвах,
Чтобы они, если вдруг неожиданно что приключится,
В строй не смели вставать, не вверялись открытому полю,
Но защищали свой стан под прикрытьем стен укрепленных.
Гонит их стыд и гнев с врагом схватиться вплотную,
Но замыкают они, повинуясь приказу, ворота,
В башнях с оружьем засев, приближенья врагов ожидают.
Вдруг, вперед пролетев и медлительный строй обогнавши,
Двадцать отборных бойцов на конях за собой увлекая,
К лагерю Турн подскакал. Фракийский в яблоках белых
Мчит его конь, и золотом шлем горит красногривый.

«Кто со мною, друзья! На врага кто бросится первый?..
Вот вам!» И, вымолвив так, метнул он дротик с размаху —
Новой начало войны — и стремглав по равнине понесся.
Встретило пущенный дрот грознозвучным криком и шумом
Войско союзных племен. Непонятна им робость дарданцев:
Что же не выйдут они на равнину, не встретят с оружьем
Натиск врагов, но за валом сидят? Вдоль всех укреплений
Рыщет Турн и в стене неприступной ищет прохода;
Так, пытаясь попасть за ограду полной овчарни,
Рыщет за полночь волк, под дождливым упорствуя ветром,
Бродит вокруг и рычит,— но в укрытье надежном ягнята
Блеют и маток сосут; к недоступной рвется добыче
В ярости зверь, ощетинивши шерсть, и по крови томится
Жадная глотка его, иссушённая голодом долгим.
Ярости той же огнем загорается рутул при виде
Башен и стен, и до мозга костей проникает обида:
Как подступиться ему, как троянских бойцов из-за вала
Выбить? Как выманить их, чтоб в открытом поле сразиться?
Ринулся Турн к кораблям, что стояли с лагерем рядом,
Скрытые валом крутым и рекой огражденные быстрой,
Мчится он вскачь и огня у соратников радостных просит,
Жадно хватает рукой сосны́ горящие сучья.
Бросились воины вслед, увлеченные натиском Турна,
Из очагов расхищают огонь — и каждый несется
С факелом черным в руках; смоляные дымные ветви
Ярко пылают, до звезд взметая искры и пламя.

Муза! Кто из богов от такого избавил пожара
Тевкров? Кто уберег корабли от Вулкановой силы?
Молвите! Повесть о том стара, но слава нетленна.
В те времена, когда флот свой Эней на Иде Фригийской
Строил, готовясь отплыть в морские безвестные дали,
К сыну — преданье гласит,— богов Берекинфская Матерь
С просьбой такою пришла и промолвила: «Сын мой! Исполни
Матери милой мольбу, о властитель, Олимп усмиривший!
Рощу сосновую я любила долгие годы:
Лес мой стоял на вершине горы; приносили мне жертвы
В сумраке между стволов тенистых кленов и сосен.
Внуку дарданскому я, когда флот пришлось ему строить,
С радостью их отдала,— а теперь тревожится сердце.
Страх мой рассей и к просьбе моей снизойди благосклонно:
Пусть мой лес ни тягостный путь, ни ветры, ни вихри
Не одолеют — затем, что моими взращен он горами».
Матери сын отвечал, вращающий звездное небо:
«Волю рока склонить ради них ты мнишь, о родная?
Есть ли закон, чтоб корабль, рукой построенный смертной,
Жребий бессмертный обрел и путем, опасностей полным,

Плыл безопасно Эней? Не дано богам это право!
Те лишь челны, что, всё одолев, Авзонийских достигнут
Гаваней, те, что средь волн уцелеют и к пашням Лаврентским
Тевкров царя привезут, я от смертных избавлю обличий:
Станут они по воле моей божествами морскими,
Будут, подобно Дото́, Галатее прекрасной подобно,
Грудью бессмертной простор пучины пенить безбрежной».
Молвив, поклялся Отец рекой стигийского брата,
Черным потоком смолы и обрывом над пропастью мрачной
И головою кивнул, сотрясая Олимпа громаду.

Ныне настал обещанный день, исполнился ныне
Паркой отпущенный срок, и, разгневана Турна нечестьем,
Мать от священных челнов отвратила огонь дерзновенный.
Вдруг ударяет в глаза неведомый свет, и с восхода
По небу туча летит; за ее завесой огромной
Хор идейский звучит, и с высот разносится грозный
Голос, дарданским бойцам и рати рутулов внятный:
«Страх за мои корабли отбросьте, тевкры! Не нужно
Их мечом защищать: подожжет пучину морскую
Турн скорей, чем священный мой лес. А вы уплывайте
Вольно, богини морей: так велит вам Великая Матерь!»
Тотчас же все корабли обрывают причальные путы,
Ростры в реку погрузив, ныряют, словно дельфины,
Вглубь уходят, и вот — о чудо! — девичьи лица
Выплыли вдруг из глубин и в открытом море исчезли.
Рутулов ужас сковал, и Мессап, охваченный страхом,
Робких сдержал скакунов, и поток внезапно замедлил
Влаги рокочущей бег, и Тибр от моря отхлынул.
Турн один среди всех не утратил спесивой отваги,
Вновь окликая друзей, он сердца им вновь ободряет:
«Тевкрам одним это чудо грозит: отнимает привычный
Путь к спасенью у них Юпитер сам, не дождавшись
Наших мечей и огней. Нет в морях троянцам дороги,
Нет надежды бежать: им теперь полвселенной закрыто!
Что же до суши,— она в руках у нас, италийцев,—
Столько нас вышло на бой. И богов роковые вещанья
Мне ничуть не страшны, хоть и хвалятся ими фригийцы:
Хватит с судьбы и с Венеры того, что троянцы достигли
Щедрых Авзонии нив. Я тоже призван судьбою,
Мне повелевшей мечом истребить преступное племя
За похищенье жены. Не одних лишь коснулась Атридов
Эта печаль, и дозволена месть не одним лишь Микенам.
Гибели с них довольно одной. Не довольно ль и прежних
Было грехов, чтобы стало навек для них ненавистно
Женщины имя само? Не на этот ли вал полагаясь,
Стали отважны они, не на этот ли ров, что отсрочит

Гибель едва ли на миг? Но они ль не видали, как стены
Трои — даром что их Нептун возвел — разрушались?
Кто же из вас, отборная рать, со мною решится
Эту преграду взломать и ворваться в трепещущий лагерь?
Мне не нужны ни тьмы кораблей, ни доспехи Вулкана,
Чтобы на тевкров идти,— пусть хоть все этруски вступают
С ними в союз; и нечего им бояться, что ночью,
Стражей твердыни убив, украдем трусливо Палладий
Или во чреве глухом коня мы прятаться будем:
Нет, я верю, и днем окружим мы их стены пожаром!
Я их заставлю признать, что они не с полками пеласгов
Дело имеют, что нас десять лет отражать не могла бы
Гектора мощь. Но лучшая дня половина минула,
Сделали дело свое мы на славу; отдайте же вечер
Отдыху вы и веселью, мужи, перед завтрашней битвой».
Но против каждых ворот не забыл Мессан караулы
Выставить на ночь и весь опоясать лагерь кострами.
Чтобы следить за врагом, высылают в дозор италийцы
Дважды семь человек, и за каждым — юношей сотня
Следует, в золоте все и в шлемах с гривой багряной;
Стражи расходятся врозь и, черед караульным назначив,
Пьют, разлегшись в траве, осушают медные чаши,
Тьму разогнав огнями костров, без сна коротают
Ночь за игрой.

Тевкры смотрят на них, с оружьем стоя на стенах;
Воины створы ворот проверяют, полны тревоги,
Копья несут и проводят мосты ко всем укрепленьям.
Пылкий Сергест и Мнесфей ободряют их и торопят.
Им двоим повелел родитель Эней, коль нежданно
Грянет беда, возглавить мужей и начальствовать в битвах.
Рать на валах залегла, разделив по жребью опасный
Труд, и долг в свой черед исполняет бдительно каждый.

Нис, неудержный в бою, у ворот стоял в карауле,
Сын Гиртака; его охотница Ида послала
В путь за Энеем — стрелка и метателя легкого дрота.
С Нисом был Эвриал; ни в рядах энеадов, ни прежде
Воин такой красоты не носил троянских доспехов.
Юность лишь первым пушком ему отметила щеки,
Общая их связала любовь и подвигов жажда.
Ныне они у ворот в одном карауле стояли.
Нис говорит: «То боги ли жар нам в душу вливают,
Или влеченье свое представляется каждому богом?
Битву с врагом завязать иль на дело иное решиться
Дух мой давно мне велит, не довольствуясь праздным покоем.
Видишь: поверив в успех, разлеглись италийцы беспечно,

Сну и вину предались,— лишь мигают костры, догорая;
Тихо стало кругом. Так послушай, что́ я задумал,
Мой Эвриал, и какое в душе решение зреет.
Требуют все — и народ и сенат — к Энею отправить
Вестников, чтоб о войне он узнал и вернулся скорее,
Если награду тебе посулят, о какой попрошу я,—
Мне же и славы одной довольно,— там, меж холмами,
Путь я сумею найти и пробраться к стенам Паллантея».
Жаждою славы тотча́с загорелась душа Эвриала;
Так, в изумленье застыв, он ответил пылкому другу:
«Что же, меня допустить ты не хочешь к славному делу?
Должен тебя одного я отправить на подвиг опасный?
Нет, не таким мой родитель Офельт, привычный к сраженьям,
Вырастил сына средь бед, что терпела Троя родная,
И средь аргосских угроз! Разве так поступал я с тобою,
Следуя воле судеб, с благородным скитаясь Энеем?
Есть и во мне этот дух, презирающий жизнь и готовый
Светом дня заплатить за обоим желанную славу».
Нис отвечал: «Неужто я мог в тебе усомниться?
Нет — или пусть мне не даст к тебе вернуться с победой
Сам Юпитер иль тот из богов, кто на нас благосклонно
Смотрит. Если же бог или случай не даст мне удачи,—
Это бывает не раз средь опасностей,— нужно, чтоб друга
Ты пережил: тому, кто младше, жить подобает.
Будет тогда, кому унести мое тело из боя,
Выкуп ли дать за него, коль позволит Фортуна, и в землю
Прах опустить, иль хоть жертвы принесть над пустою гробницей.
И причинить не могу я такого тяжкого горя
Матери бедной твоей,— ведь из всех матерей наших с сыном
Только она уплыла, не осталась в Акесте великой».
Молвил в ответ Эвриал: «Отговорки напрасно ты множишь:
Твердо решенье мое, и тебе его с места не стронуть.
Так поспешим же!» И вот, остальных разбудив караульных,
Вместо себя на часах оставляет он их и уходит
В лагерь царя отыскать, и уводит друга с собою.

Твари все на земле успокоились в мирной дремоте,
Сбросив заботы с души и бремя трудов позабывши,
Только тевкров вожди и лучшие воины ночью
Долгий держали совет о первейших делах государства:
Что предпринять им теперь и кого к Энею отправить.
В лагере темном кружком стояли на площади средней
Все, не снимая щитов, опершись на длинные копья.
Вдруг подбегают к ним Нис с Эвриалом и выслушать просят:
Время не даром вожди, но на важное дело потратят!
Первым Юл разрешил подойти друзьям оробевшим,
Нису велел говорить. «Я прошу, энеады, без гнева

Выслушать тóтчас же нас. Не судите о замыслах наших,
Глядя на наши года. За стенами рутулы смолкли,
Сломлены сном и вином. Заприметили место мы сами:
Там, где к развилке дорог, и там, где к морю выходят
Наши ворота, у них все костры погасли, и к небу
Черный тянется дым. Если, случаем пользуясь этим,
Нам дозволите вы в Паллантей пойти за Энеем,
В лагерь троянский войдет он с обильной добычею вскоре,
Всех врагов истребив. А уж мы не собьемся с дороги:
Часто охотились мы и в долине видели темной
Города край, и теченье реки хорошо нам знакомо».
Молвил на это Алет, поседелый и опытом зрелый:
«Отчие боги, всегда в вашей воле судьба Илиона!
Но до конца погубить вы тевкров род не хотите,
Если с такою душой, с таким бестрепетным сердцем
Юноши есть среди нас! — И друзей с такими словами
Обнял за плечи он, проливая обильные слезы.—
Чем — я не ведаю сам — наградить мы можем достойно
Подвиг такой? Ваших собственных дум величье и боги
Лучшую вам воздадут награду. А все остальное
Благочестивый Эней вам даст и юный Асканий,—
Он не забудет вовек великой вашей заслуги».
«Также и я, для кого лишь одно остается спасенье,—
Скорый возврат отца,— подхватил Асканий,— молю вас
Весты седой очагом, Ассарака ларом, святыней
Наших пенатов,— ко мне воротите родителя, дайте
Снова увидеть его! Вся судьба моя, все упованья —
В ваших руках. Лишь его обрету — и покинет нас горе,
Кубка серебряных два, самоцветами ярко горящих,—
Их как добычу отец захватил в побежденной Арисбе,—
Два треножника вам, два таланта золота дам я,
С ними старинный кратéр, поднесенный тирийской Дидоной.
Если же нам над Италией власть подарит победа,
Если придется делить меж бойцов по жребью добычу,—
Видели вы, на каком скакуне, весь в золоте, мчался
Турн? И щит, и коня, и шлем с пурпурною гривой
Я на раздел не отдам — все в награду достанется Нису.
Даст и отец мой тебе из захваченных пленных двенадцать
Лучших рабынь-матерей и бойцов со всем их оружьем,
Землю тебе пожалует он из надела Латина.
Ты же меня, Эвриал, обогнал не намного годами,
Друга такого, как ты, я всей душой принимаю,
Чтобы со мной средь превратностей был ты всегда неразлучен,
Пусть без тебя никогда не стяжаю я подвигом славы!
В мирные дни и в бою докажу я делом и словом,
Как доверяю тебе». Эвриал в ответ ему молвил:
«День не наступит, когда уличен я буду в измене

Дерзкой отваге моей,— только б нам явила Фортуна
Милость свою, не вражду. Но превыше всякой награды
Я молю об одном: не покинь моей матери старой!
Род от Приама ее; из Троянской земли, из Акесты,
Вместе со мной уплывала она, нигде не осталась.
Ей об опасностях знать, ожидающих сына, не должно,
Я не простившись уйду, ибо — тьмой ночной и рукою
Правой твоею клянусь — не снести мне слез материнских.
Немощной ты помоги и покинутой дай утешенье!
Если с этой уйти мне позволишь надеждой,— смелее
Встречу превратности я». Всколыхнулись души дарданцев,
Пролили слезы мужи, и всех обильней — Асканий:
Образ сыновней любви об отце напомнил и сердце
Сжал тоскою ему; и ответил он так:
«Верь, исполню я все, что твоих достойно деяний.
Именем лишь для меня от родной моей матери будет
Впредь отличаться она: благодарность за сына такого
Ей воздастся. И знай: чем бы ваш ни кончился подвиг,—
Этой клянусь головой, как родитель ею клянется,—
Все, чем тебя наградить я сулил при счастливом исходе,
Матери будет твоей и вашему отдано роду».
Так он промолвил в слезах и снял свой меч золоченый,—
Выкован был этот меч Ликаоном, искусником кносским,
Он же и ножны к нему из слоновой вырезал кости.
Нису Мнесфей отдает мохнатую львиную шкуру,
Сняв ее с плеч, и верный Алет с ним меняется шлемом.
Быстро доспехи надев, друзья уходят — и всюду,
Вплоть до ворот, где стоит караульный отряд, пожеланья
Счастья сопутствуют им. И Асканий, с отвагою мужа
Бремя несущий забот, что лишь зрелому мужу под силу,
Просит отцу передать и то и это — но ветер
Тщетные речи его между туч летучих разносит.

Вышли друзья, в ночной темноте через рвы перебравшись,
Двинулись к стану врагов, и себе на погибель, и многим
Рутулам. Видят они: на траве лежат италийцы,
Скованы сном и вином; над рекою в ряд колесницы
Дышлами кверху стоят; меж колес и разбросанной сбруи
Люди вповалку лежат, и кувшины с вином, и оружье.
Нис говорит: «Пора нам дерзнуть! Сам случай зовет нас!
Здесь нам идти. Но чтоб нас враги врасплох не застигли,
В спину вонзив нам мечи,— сторожи́, назад озираясь,
Я же расчищу твой путь, проложу тебе шире дорогу».
Шепотом вымолвив так, на Рамнета надменного тотчас
Нис нападает с мечом. На коврах лежал он, простершись,
Сон выдыхал из широкой груди в забытьи непробудном;
Царь и Турну-царю из гадателей самый любезный,

Все же не мог он свою отсрочить гибель гаданьем.
Рема прислужников трех, где попало лежавших меж копий,
Оруженосца его убивает Нис и вознице,
Что у ног лошадей примостился, голову свесив,
Шею ударом меча разрубает; потом господину
Голову сносит и труп на подстилке, пропитанной кровью,
Он оставляет лежать. Не щадит и Ламира и Лама
Нис и Серрана разит, красотой блиставшего юной;
Долго в ту ночь веселился Серран, но Лиэем обильным
Был побежден и уснул; а счастливей бы все обернулось,
Если б веселье и пир продолжались всю ночь до рассвета.
Словно несытый лев, что в овчарне мечется полной,—
Голод гонит его, и ревет, и хватает, и рвет он
Пастью кровавою скот беззащитный, затихший от страха,—
Так же сеял смерть Эвриал: увлеченный убийством,
Воинов он безымянных разил без числа и без счета;
К спящим подкравшись, убил он Абариса, Фада, Гербеза;
Рету — один он не спал и, видя все, что свершалось,
Спрятаться в страхе хотел, за огромным присевши кратéром,
В грудь вонзил Эвриал, едва лишь враг приподнялся,
До рукояти клинок и вновь из раны смертельной
Алый выдернул меч. Умирающий Рет изрыгает
Кровь вперемешку с вином. Эвриал все дальше крадется,
К стану Мессапа уже подбирается он, где последний
Хворост в костре догорал и, стреножены, кони щипали
В сумраке ночи траву. Но окликнул Нис Эвриала,
Видя, что друг обуян сверх меры жаждой убийства:
«Остановись, Эвриал! Ведь враждебный рассвет уже близко!
Путь мы открыли себе! Не довольно ли мстить италийцам?»
Тут побросали они серебра литого доспехи,
Снятые с вражеских плеч, и ковры, и прекрасные чаши,—
Только взял Эвриал золотым блиставший набором
Пояс Рамнета себе; когда-то был этот пояс
Щедрым Цедиком в дар тибуртинскому Ремулу послан,—
Дружбы взаимной залог,— и завещан Ремулом внуку.
Им — ненадолго, увы! — Эвриал опоясался храбрый;
Впору пришелся ему и Мессапа шлем пышногривый.
Стан покидают друзья, поспешая к местам безопасным.

Той порою отряд из столицы ехал латинской,
Выслан был он вперед на равнине оставшимся войском
С вестью к Турну-царю. Прикрываясь большими щитами,
Триста конных бойцов во главе с Вольцентом скакали.
К стану царя приближались они и к стенам троянцев,
Но увидали вдали, как на левую тропку свернули
Двое друзей: ударил в глаза лучом отраженным
Шлем Эвриала во мгле и беспечного юношу выдал.

Встречей встревожен не зря, их Вольцент окликнул из строя:
«Стойте! Кто вы, мужи? Зачем спешите с оружьем?
Держите путь свой куда?» Но, в ответ не промолвив ни слова,
Юноши в лес устремились бегом, на тьму полагаясь.
Тотчас всадники врозь по знакомым рассыпались тропам,
Стали стеречь, перерезав пути беглецам окруженным.
Лес был велик и дремуч, и в дебрях падубов черных,
В гуще колючих кустов, в непролазных терновника чащах
Редко виднелся просвет и по просеке тропка бежала.
Мрак под густою листвой и добычи груз Эвриалу
Быстро идти не дают и страх с дороги сбивает.
Нис незаметно ушел вперед и, врагов миновавши,
Места достиг, где тогда загоны были Латина,
Ныне ж зовется оно по имени Альбы Альбаном.
В поисках друга лишь здесь он назад оглянулся — но тщетно!
«Где потерял я тебя, Эвриал несчастный? Какую
Выбрать из путаных троп, чтобы тем же путем мне пробраться
Вспять средь обманчивых чащ?» И вот, ни мгновенья не медля,
В лес он спешит по следам, в молчаливых дебрях блуждает.
Вдруг услыхал он топот копыт и врагов перекличку,
Краткое время спустя донеслись и громкие крики...
Вот наконец перед ним Эвриал: коварные тропы,
Смутный сумрак лесной и смятенье предали друга
Рутулам в руки, хоть он отбиваться напрасно пытался.
Что предпринять? С оружьем напасть и отбить Эвриала?
Хватит ли сил? Или в гущу врагов на мечи устремиться,
Чтобы от множества ран самому погибнуть со славой?
Тотчас же Нис размахнулся с плеча и с копьем занесенным,
Взоры к Луне обратив, произнес такую молитву:
«Ты, что взираешь на нас, помоги в беде, о Латоны
Дочь, владычица рощ, краса многозвездного неба!
Если Гиртак, мой отец, хоть однажды принес на алтарь твой
Дар за меня, если сам я хоть раз добычу лесную
В храме повесил твоем иль прибил над дверью священной,—
Дай мне врагов расстроить ряды, направь мои копья!»
Так он промолвил — и вот, всем телом откинувшись, бросил
С силой копье. Непроглядную тень на лету рассекая,
Быстро помчалось оно и Сульмону в спину вонзилось.
Древко сломалось, пробив навылет рутулу сердце,
Всадник скатился с седла, захлебнувшись горячей струею,
Долгие всхлипы ему холодевшую грудь сотрясали,
Стали враги озираться вокруг. Ободрен успехом,
Нис с размаху копье метнул от правого уха.
Рутулы в страхе дрожат. А копье впивается Тагу
В череп и, оба виска пронзив, в мозгу застревает,
В ярости рыщет Вольцент, но метателя копий не видит,
Не с кем сражаться ему и в погоню не за кем мчаться.

«Ты мне один за двоих заплатишь кровью горячей!» —
Пленнику крикнул Вольцент и, занесши меч обнаженный,
Кинулся в гневе к нему. Но тут от страха за друга
Разум утративший Нис закричал, не в силах таиться
Больше во мраке ночном и боль сносить молчаливо:
«Вот я, виновный во всем! На меня направьте оружье,
Рутулы! Я задумал обман! Без меня б недостало
Сил и отваги ему,— мне свидетели небо и звезды!
Вся вина его в том, что любил он несчастного друга».
Так он Вольценту кричал, но уже направленный с силой
Меч меж ребер впился в белоснежную грудь Эвриала.
Тело прекрасное кровь залила, и, поверженный смертью,
Весь он поник, и к плечу голова бессильно склонилась.
Так пурпурный цветок, проходящим срезанный плугом,
Никнет, мертвый, к земле, и на стеблях склоняют бессильных
Маки головки свои под напором ливней осенних.
В гущу врагов бросается Нис — но только к Вольценту
Рвется он сквозь толпу, одного лишь видит Вольцента.
Ниса плотней и плотней отовсюду враги обступают,
Колют, теснят,— но сдержать не могут натиск упорный,
Быстрый как молния меч их сечет,— и вот, умирая,
Нис вонзает клинок орущему рутулу в горло.
Только тогда он упал и приник израненным телом
К телу друга, и смерть осенила Ниса покоем.

Счастье вам, други! Коль есть в этой песне некая сила,
Слава о вас никогда не сотрется из памяти века,
Капитолийским доколь нерушимым утесом владеет
Род Энея и власть вручена родителю римлян.

Юных друзей победив и вновь отбив их добычу,
Рутулы с плачем несли бездыханное тело Вольцента
В лагерь, где горестный стон стоял с тех пор, как Рамнета
Труп бескровный нашли, и Серрана, и Нуму, и многих
Сгубленных тайно вождей. Вкруг убитых толпы теснятся,
Вкруг полумертвых от ран, вкруг дымящихся свежею кровью
Мест и полных ручьев, струящих алую пену.
Рутулы все узнают Мессапа шлем и наборный
Пояс Рамнета, назад дорогой ценою отбитый.

Вот и Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
Солнце зажглось, от темных пелен весь мир избавляя.
В битву с утра снаряжен, вождей поднимает на битву
Турн, и каждый из них собирает строй меднобронный,
Гнев зажигает в сердцах о ночном побоище вестью.
Тут же,— страшно глядеть,— подняв на копьях, выносят

Головы юных друзей, и толпой спешат италийцы
С громкими криками вслед.
Дать готовы отпор, энеады стойкие слева
Заняли вал,— ибо справа его ограждали потоки,—
Взоры на рвы устремив, на высоких башнях стояли,
Скорби полны: не узнать не могли несчастные тевкры
Вздетых на копья голов, истекавших черною кровью.

Тут понеслась на крылах, облетая трепущущий город,
Вестница горя — Молва, и несчастную мать Эвриала
Быстро настигла она. В тот же миг из рук охладелых
Выпал челнок у нее, опрокинулась с пряжей корзинка.
Вон выбегает она и, с пронзительным воплем терзая
Волосы, мчится к валам и в безумье врывается в первый
Воинов ряд, позабыв о мужах и о вражеских копьях,
Ей угрожавших, и плач полетел со стены в поднебесье:
«Ты ли это, мой сын? Ты, опора старости поздней,
Как в одиночестве мог ты меня покинуть, жестокий?
О, почему на верную смерть уходившего сына
Бедная мать не могла последним напутствовать словом?
В поле чужом добычею птиц и псов италийских
Ты — о горе! — лежишь, и тебя на костер погребальный
Мать не положит, и глаз не закроет, и ран не омоет,
И не укутает в плащ, что днем и ночью ткала я,
Тяготы старческих лет облегчая работой усердной.
Где мне тебя отыскать? Где собрать рассеченное тело?
В поле каком? Иль вернешь ты мне, сын, лишь голову эту?
Ради того ль за тобой по морям я скиталась и землям?
Копья в меня, в меня направьте, рутулы, стрелы,
Первой убейте меня, коль знакома душе вашей жалость!
Ты, о богов всемогущий отец, ненавистную небу
Голову мне порази и низринь меня молнией в Тартар,
Чтобы жестокую жизнь хоть так могла оборвать я!»
Стон прошел по рядам потрясенных жалобой тевкров,
Души сковала печаль, надломила силы пред боем.
Ту, что сеяла скорбь, подхватили Актор с Идеем
(Илионей дал им знак и рыдавший горько Асканий),
В дом отнесли на руках, уложили в дальнем покое.

Тут в отдаленье труба пропела громко и грозно,
Следом послышался крик и под небом гулко отдался.
Тотчас на приступ пошли, черепахой построившись, вольски,
Тщатся рвы завалить и за вал высокий прорваться,
Подступов ищут везде и по лестницам лезут на стены
Там, где реже ряды, где в строю троянцев нечастом
Бреши видны. Осыпают врагов потомки Дардана
Ливнем копий и стрел и шестами сшибают их с лестниц;

Приступ от стен отражать после долгой войны им не внове.
Скатывать стали они с откоса тяжкие глыбы,
Кровлю щитов пытаясь пробить,— но любые удары
Стойким бойцам нипочем, черепахой построенным плотно,
Все ж подались и они: нависавшая грозно громада
Грянулась вниз с высоты, руками сброшена тевкров,
Сомкнутых кровлю щитов прорвала и наземь повергла
Рутулов. Больше враги наступать не решались вслепую,
Только дарданцев со стен пытались прогнать, осыпая
Издали стрелами их.
Веткой этрусской сосны потрясает страшный Мезенций,
Рвется к валам с другой стороны и огнем угрожает.
Рядом Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль,
Сам укрепленья крушит и для приступа требует лестниц.

О Каллиопа, к тебе и к твоим я сестрам взываю:
Песнь помогите сложить о кровавых подвигах Турна,
Молвите, кто из мужей кого к Ахеронту отправил,
Свиток чудовищных битв разверните со мною, богини!

Ярусы ввысь вознося перед взором глядевших с равнины,
Башня стояла, заняв наилучшее место для боя;
Приступом взять и разрушить ее италийцы старались,
Все свои силы собрав, все отряды двинув,— но сверху
Сыпались густо на них из бойниц и камни и копья.
Первым Турн в ту башню метнул пылающий факел:
Тотчас стена занялась и огонь, раздуваемый ветром,
Доски настилов объял, затаился в тлеющих балках.
В трепете тевкры спешат от беды убежать — но напрасно!
Только лишь все подались назад и столпились у края,
С той стороны, где пожар не пылал, как от тяжести башня
С грохотом рухнула вдруг, и по́ небу гром прокатился.
Воинов полуживых засыпают руины громады,
Копья свои протыкают им грудь и пронзают обломки
Острых досок. Из всех спаслись только Лик с Геленором.
Юностью цвел Геленор; рабыней Ликимнией был он
Тайно рожден меонийцев царю и послан под Трою;
Права он не имел похваляться пышным оружьем,
Меч лишь носил без ножон и гладкий щит без чеканки.
Встав, Геленор огляделся вокруг: отряды латинян
Справа стоят и слева стоят, подступивши вплотную.
Словно как загнанный зверь в кольце охотников плотном,
Чуя верную смерть, в исступленье несется на копья,
Чтобы единым прыжком одолеть частокол из рогатин,
Юноша в гущу врагов устремился на верную гибель,
Бросился грудью туда, где щетинился пиками чаще

Рутулов строй. А Лик меж врагов, меж клинков занесенных
В бегство пустился к стенам, полагаясь на резвые ноги;
Руку уже протянул он к зубцам, к простертым навстречу
Тевкров рукам — но Турн, с беглецом состязаясь в проворстве,
Кинулся следом, крича: «Не от нас ли ты чаешь, безумный,
Целым уйти?» И вот на зубцах повисшего Лика
С силой такой он схватил, что кусок стены обвалился.
Белого лебедя так или зайца кривыми когтями
Мощный хватает орел, громовержца стрелы носящий,
Так из овчарни порой от протяжно блеющей ярки
Марсов уносит волк ягненка. Рутулы с громким
Криком бросаются в брешь: одни засыпают землею
Рвы, другие огонь на башни мечут и кровли.
Илионей Луцета сразил обломком утеса
В миг, когда с факелом тот в ворота лагеря рвался;
Эматиона Ли́гер убил, Азил — Коринея,
Дротиком первый, второй — стрелою, разящей нежданно.
Был Ортигий сражен Кенеем, Кеней-победитель —
Турном, и следом — Промол, Диоксипп, Сага́рис и Клоний,
Итис и тот, кто стоял, словно башня огромная,— Идас.
Капис Приверна поверг: его сначала задел лишь
Дротик Темилла, но он, безумец, щит свой отбросив,
К ране руку поднес — и тут стрела подлетела,
К левому боку ладонь пригвоздила и глубже проникла,
Путь дыханья в груди рассекая смертельною раной.
Сын Арцента стоял, красотой и убором блистая;
Плащ его алый горел, иберийским окрашенный соком,
Золотом панцирь сиял; Арцент-родитель в сраженья
Сына послал, что в лесах материнских над током Симета
Вскормлен был — там, где Паликов алтарь стоит, примеренный.
Сам, отставив копье и пращой свистящею трижды
Круг над собой описав, свинцовый слиток в героя
Метко Мезенций послал: полетел свинец, расплавляясь —
И с размозженным виском на песке противник простерся.

В этот день во врага стрелу впервые направил
Юл, что привык устрашать лишь пугливых зверей на охоте:
Молвят, что храброй рукой поверг он наземь Нумана,—
Ремула прозвище тот носил и совсем лишь недавно
С младшею Турна сестрой сочетался браком счастливым.
Ремул, достойную речь с похвальбой недостойной мешая,
Гордый с царями родством, надутый новою спесью,
Шествовал всех впереди и громко кричал осажденным:
«В третий раз не стыдно ли вам, завоеванным дважды,
Вновь за валами сидеть и от смерти стеной заслоняться?
Вам ли, фригийцы, у нас отнимать невест наших с бою?
Кто из богов лишил вас ума и в Лаций направил?

Нет Атридов средь нас, лжеречивого нету Улисса!
Крепкий от корня народ, мы зимой морозной приносим
К рекам младенцев-сынов и водой закаляем студеной;
Отроки ухо и глаз изощряют в лесах на охоте,
Могут, играючи, лук напрягать и править конями.
Юность, упорна в трудах и довольна малым, привыкла
Землю мотыгой смирять и приступом брать укрепленья.
Панцирей мы не снимаем весь век и, словно стрекалом,
Древком копья погоняем быков, и старости хилой
Наших сил не сломить, не убавить твердости духа.
Мы седины свои прикрываем шлемом, и любо
Нам за добычей ходить и все новыми жить грабежами.
Вам по сердцу наряд, что шафраном и пурпуром блещет,
Праздная жизнь вам мила, хороводы и пляски любезны,
С лентами митры у вас, с рукавами ту́ники ваши,—
Истинно вам говорю: фригиянки вы, не фригийцы!
Вас на высокий Диндим созывает Идейская Матерь
Звоном тимпанов своих и двухладным флейты напевом.
Право сражаться мужам уступите и сдайтесь сильнейшим!»

Наглой не снес похвальбы и речей обидных Асканий,
Лук он согнул, положил стрелу на конскую жилу,
Руки широ́ко развел, лицом к врагу обратившись,
Тверже встал и пред выстрелом так громовержцу взмолился:
«Будь к дерзаньям моим благосклонен, о бог всемогущий!
Сам я в храме твоем принесу торжественно жертву:
Там на алтарь бычок с золочеными рожками ляжет,
Белый, который уже сравнялся с матерью ростом,
В гневе песок копытами рыл и бодаться пытался».
Отроку внял родитель богов — и в безоблачном небе
Слева гром прогремел; зазвенел и лук смертоносный,
С грозным свистом стрела сорвалась с тетивы напряженной,
Ремулу в череп впилась и виски ему жалом пронзила.
«Что ж, насмехайся теперь над отвагой нашей, надменный!
Рутулы, вот вам ответ завоеванных дважды фригийцев!» —
Юный воскликнул герой, и дружно вторили кличем
Тевкры ему, и радость до звезд сердца́ вознесла им.
Тою порой с эфирных высот Аполлон пышнокудрый
На авзонийскую рать и на город глядел осажденный;
С облака сам приветствовал бог победителя Юла:
«Так восходят до звезд, о сияющий доблестью новой
Отрок, потомок богов и предок! Род Ассарака
Явится, призван судьбой, и конец всем войнам положит.
Троя тесна для тебя!» И, промолвив, бог устремился
Наземь с высоких небес, рассекая воздушные струи;
Прямо к Асканию он подошел, изменивши обличье,
Образ Бута приняв (Дарданиду Анхизу он верно

Оруженосцем служил и привратником в старые годы,
Ныне же к сыну его Эней-родитель приставил).
Всем старику уподобился Феб — и походкой, и станом,
Голосом, и сединой, и бряцающим грозно доспехом;
Мальчика радостный пыл укротил он такими словами:
«Будет с тебя, мой Энид, и того, что повергнуть Нумана
Мог безнаказанно ты. С изволенья великого Феба
Первый свой подвиг свершив, ты зависти бога не вызвал,
Меткий стрелок. Но теперь покинь сраженья, мальчик!»
Речь он внезапно прервал и скрылся от смертного взора,
Быстро исчезнув из глаз, растворившись в воздухе легком.
Феба и стрелы его узнают предводители тевкров,
Слышат, как зазвенел колчан взлетевшего бога.
Волю его и наказ исполняя, с вала уводят
Юла вожди, хоть и рвется он в бой, а сами немедля
В битву вернуться спешат, чтоб опасностям душу подвергнуть.

Крик раздается по всем укрепленьям и башням; троянцы
Дротики мечут со стен; с тетивы напряженной слетают
Стрелы, равнину вокруг устилая; звенят от ударов
Шлемы врагов и щиты; разгорается жаркая битва.
Так равнину секут, налетая с запада, ливни
В дни, когда в небе горят дожденосные Геды; так зимний
На́ море рушится град, когда Австр, Юпитером послан,
Тучи летучие рвет и взметает влажные вихри.

Па́ндар и Битий, сыны Альканора, жителя Иды,—
В роще Юпитера их вскормила нимфа Иера,
Ростом подобных горам или елям лесистой отчизны,—
Отперли створы ворот, что охране их вверены были,
И зазывают врагов, на отвагу свою полагаясь,
Сами же, встав за стеной, словно башни, справа и слева,
Ждут с мечом, и горят в высоте их гривастые шлемы.
Так на двух берегах, высоко над водою бегучей,
Там ли, где Пада поток иль где Атез отрадный струится,
Пышные кроны свои к небесам два дуба вздымают,
Из-за широкой реки головой друг другу кивая.
Рутулы вмиг ворвались, лишь увидели вход отворённый,
Вскоре, однако, Кверцент и Аквикол в пышных доспехах,
Пылкий душою Тмар и Гемон, Маворса любимец,
Или пустились бежать, за собой увлекая отряды,
Иль на пороге ворот полегли и с жизнью простились.
Пуще ярость и гнев сердца бойцов обуяли.
Вскоре у тех же ворот собрались троянцы, дерзая
Вылазку сделать и бой завязать наконец рукопашный.

Яросный Турн между тем по другую сторону поля
В битву мужей поднимал; но вестник донес, что погоней

Враг увлечен далеко и стоят открыты ворота.
Тотчас начатый бой покидает вождь и несется
В гневе к воротам врага, где стояли надменные братья.
Встретился первым ему Антифат — и первым упал он,
Сын Сарпедона-царя, фиванкой рожденный безвестной,
Дротиком Турна сражен: италийского ветка кизила,
Воздух разрезав пустой, вонзилась в горло, проникнув
Дальше в высокую грудь; из глубокой раны волною
Пенной хлынула кровь, и железо в теле согрелось.
После поверг он мечом Эриманта, Меропа, Афидна;
Битий, что шумно дышал и глядел пылающим взором,
Пал — но не дротом простерт, ибо дроту бы жизнь он не отдал:
Мощная пика в него, просвистев, ударила, словно
Молнии быстрой стрела; не сдержала железного жала
Кожа двойная щита и двойной чешуйчатый панцирь,
Весь из пластин золотых,— и огромное рухнуло тело,
И застонала земля, и щит ответил ей звоном.
Падает так иногда возле Бай, у Эвбейских прибрежий,
Глыба, когда, из камней изготовив заране громаду,
В море бросают ее, воздвигая мол, и в паденье
Гладь разбивает она и на дне глубоком ложится,
Воды вскипают вокруг, и песок клубится в них темный,
Гром, разносясь, сотрясает Прохит и жесткое ложе,
Где по веленью Отца придавлен Тифей Инаримой.

Марс, повелитель войны, латинян силы умножил,
Мужество их подстегнул, вонзив им в сердце стрекало,
Мрачный Ужас наслал и постыдное Бегство на тевкров.
Мчат отовсюду враги, настоящего боя дождавшись,
Бог-воитель душой овладел их.
Пандар, когда увидал простертого брата и понял,
С кем Фортуна теперь, как Случай битву направил,
Тотчас же створы ворот поворачивать стал, налегая
Мощным плечом изнутри,— и многим воинам Трои
Путь отрезал назад, за стеной их оставив на гибель.
Но, пропуская других, затворяя за ними ворота,
Пандар не видел, увы, средь толпы вбежавшего Турна,—
Сам италийцев царя он в лагере запер, безумный,
Словно среди беззащитных овец беспощадного тигра.
Новым огнем загорается взор, грознее оружье
Турна звенит, и на шлеме колышется красная грива,
Мечет молнии медь щита. Устрашенные тевкры
Тотчас могучий рост и лицо ненавистное Турна
Все узнают — и навстречу ему выбегает огромный
Пандар, горя отомстить убийце брата, и молвит:
«Здесь тебе не дворец, что хотел за дочкой Аматы
Взять в приданое ты, и не отчей Ардеи стены:

В лагерь врагов ты попал, и уж выхода нету отсюда!»
Рутул ему отвечал, улыбаясь и сердцем не дрогнув:
«Что ж, если мужество есть, начинай поединок; расскажешь
Сам ты Приаму о том, что и здесь нашли вы Ахилла».
Вымолвил он,— и копье с узловатым, покрытым корою
Древком Пандар метнул, изо всех своих сил замахнувшись.
Ветер копье подхватил, Сатурна дочь отвратила
Раной грозящий удар, и в ворота пика вонзилась.
«Видишь копье в руке у меня? От него не уйдешь ты,
Ибо тебе не чета тот, кто им наносит удары!»
Молвил Турн и, выпрямив стан, мечом замахнулся,
Пандара он поразил в середину лба и огромной
Раной рассек и виски, и пушком не покрытые щеки.
Грохот раздался, земля содрогнулась от тяжести страшной:
Пандар всем телом упал и простерся в песке, умирая,
Мозгом обрызган доспех, головы половина склонилась
Вправо к плечу, и влево к плечу склонилась другая.
Трепетный ужас погнал энеадов в постыдное бегство.
Если бы вспомнил в тот миг о воротах Турн-победитель,
Если б затворы взломал и впустил соратников в лагерь,
Был бы последним тот день и для битв, и для рода дарданцев.
Но, увлеченный слепой, безумной жаждой убийства,
Бросился он за врагом.
Первым Гига настиг и Фалерия рутул, и Гигу
Связки колена рассек. Из убитых выхватив копья,
В спину он бьет бегущих бойцов; умножает Юнона
Силу и храбрость его. Пал Фегей, к щиту пригвожденный,
Галис погиб, а за ним Ноэмон, Алькандр и Пританий,
(Бились они на валах и противника с тыла не ждали).
Громко сзывая друзей, Линцей устремился на Турна,
Но, врага упредив и клинком замахнувшись проворным,
С вала разит его Турн, и, отрублена взмахом единым,
С плеч далеко голова отлетает вместе со шлемом.
Пал истребитель зверей Амик, который всех лучше
Жала копий умел смертоносным смазывать ядом;
Турн Эолида поверг и за ним любезного Музам
Спутника Муз, Крефея-певца, которому любо
Мерные песни слагать и бряцать на струнах кифары,
Любо коней воспевать, и битвы мужей, и оружье.

Тевкров вожди наконец, о резне кровавой услышав,
К месту битвы спешат — Мнесфей с отважным Сергестом;
Видят: бойцы врассыпную бегут и в лагере рутул.
Молвил Мнесфей: «Куда же еще, куда убегать вам?
Где у вас другие дома, где стены другие?
Как же один человек, от подмоги отрезанный валом,

Граждане, мог пролить безнаказанно в городе вашем
Столько крови и в Орк низринуть юношей лучших?
Трусы! Не стыдно ли вам и не жаль несчастной отчизны,
Древних наших богов и великого духом Энея?»
Речью такой зажжены и ободрены, встали и строем
Плотным сомкнулись бойцы, а Турн отступать понемногу
К берегу начал — туда, где река опоясала лагерь.
С громким криком его теснят сильней и сильнее
Тевкры, собравшись в отряд; так порою, выставив пики,
Ловчих толпа наступает на льва, а он, ощетинясь,
В страхе свирепо глядит и отходит назад, ибо в бегство
Гнев и отвага ему не велят пуститься, а прямо
Броситься против врагов хоть и жаждет он, но не может.
Так же, к дарданцам лицом, отступает шагом неспешным,
Будто бы нехотя, Турн, и в душе его ярость бушует.
Снова на вражеский строй нападает он дважды отважно —
Дважды по лагерю вновь разбегаются тевкры в испуге.
Но наконец собрались отовсюду поспешно троянцы,
Турну же силы придать Сатурна дочь не дерзнула,
Ибо Юпитер послал на крылах воздушных Ириду,
Чтобы она отнесла наказ суровый Юноне,—
Если тотчас же Турн не покинет троянского стана...
Сил не хватает ему щитом от стрел заслоняться,
Меч выпадает из рук; со всех сторон засыпают
Копьями тевкры его; у висков от частых ударов
Шлем протяжно звенит; уступает прочная бронза
Граду летящих камней; на гребне растерзана грива;
Гнется выпуклый щит. Умножают удары дарданцы,
Быстрый Мнесфей впереди. По телу Турна стекает
Пота поток смоляной; не хватает дыханья герою,—
Только усталую грудь вздымают хриплые вздохи.
Так достиг он реки и, как был, в доспехах тяжелых
Ринулся с берега вниз — и поток в замутненные воды
Принял его и вынес наверх, и омытым от крови
Кроткие волны друзьям победителя Турна вернули.

Краткое содержание книги одиннадцатой можно прочесть в предисловии, с. 16—17.

Книга одиннадцатая

Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув.
Благочестивый Эней, хоть его и торопит забота
Павших предать земле, хоть печаль мрачит ему душу,
Все же с рассветом спешит богам обеты исполнить.

Холм насыпав и дуб от ветвей очистив огромный,
Он воздвигает трофей в честь тебя, Владыка сражений,
И одевает его с Мезенция снятым оружьем:
В брызгах кровавой росы косматый шлем и обломки
Копий вешает он и тяжелый панцирь, пробитый
В дюжине мест; а слева к стволу он прочно приладил
Щит из меди и меч в ножнах из кости слоновой.
После к друзьям — ибо плотно его обступили, ликуя,
Тевкров и тусков вожди — обратился он с речью такою:
«Главный труд совершен! Пусть и то, что сделать осталось,
Вас не страшит: вот первины войны, вот тирана доспехи,
Вот во что превращен моей рукою Мезенций.
Ныне поход предстоит на царя, на стены латинян.
Души свои и мечи с надеждой к битвам готовьте,
Чтобы, как только дадут всевышние нам изволенье
Вновь знамена поднять и войска из лагеря двинуть,
Праздными мыслями страх к промедленью нас не принудил.
Прежде, однако, земле предадим соратников павших;
Ждут погребенья они: ведь для тех, кто ушел к Ахеронту,
Почести нету иной. Наградите последним подарком
Храбрые души друзей, своею кровью добывших
Родину новую нам. Пусть в печальный город Эвандра
Будет отправлен Паллант, храбрейшим равный отвагой,
В черный день унесенный навек беспощадною смертью».

Так он в слезах произнес и назад направился к дому,
Где положили в сенях бездыханное тело Палланта.
Старец Акет его охранял, который Эвандру
Оруженосцем служил, а потом с питомцем любимым
В бой паррасийцев царем не в добрый час был отправлен.
Слуги теснятся вокруг, толпою сходятся тевкры,
В горе троянки стоят, распустив по обычаю косы.
Чуть лишь родитель Эней вошел в высокие двери,
Горестный вопль поднимают они, ударяя руками
В грудь, и эхом чертог отвечает скорбным стенаньям.
Сам Эней, увидав Палланта лик побелевший
И на гладкой груди от копья авзонийского рану,
Слез не мог удержать и промолвил: «Отрок несчастный!
Может ли быть, что, ко мне благосклонной явившись, Фортуна
Все же тебя отняла, не желая, чтоб новое царство
Наше ты сам увидал и к отцу вернулся с победой?
Нет, не то обещал я Эвандру-отцу на прощанье
В час, когда он, посылая меня начальствовать мощным
Войском, нас обнимал и с тревогой твердил, что придется
Встретить нам храбрых мужей, с суровым народом сражаться.
Верно, он и сейчас надеждой тешится тщетной.

Небу обеты творит, алтари отягчает дарами.
Мы же Палланта — ведь он небесам ничего уж не должен! —
Грустно проводим к отцу, воздавая почесть пустую.
Горько будет ему погребенье сына увидеть!
Это ль победный возврат и триумф, которого ждал он?
В том ли я клялся ему? Но Палланта раны, о старец,
Не опозорят тебя, призывать тебе не придется
Смерть оттого, что спасся твой сын. О, какую опору
Ты потерял, Авзонийский край, и ты, мой Асканий!»

Юношу так оплакал герой, и поднять повелел он
На́ плечи прах и от всех отрядов тысячу выбрал
Лучших мужей, чтоб они проводили тело с почетом,
Чтоб разделили они и скорбь и слезы Эвандра,
Ибо возможно ль отцу отказать хоть в таком утешенье?
Тотчас из гибких ветвей дубов и дерев земляничных
Тевкры усердно плести погребальные стали носилки.
Ложе простое они затеняют густою листвою.
После кладут на него отважного юноши тело.
Сам он подобен цветку, что рукою девичьей сорван,—
Нежной фиалке лесной, гиацинту, склоненному томно:
Яркий цвет и красу до поры хранит он, но только
Мать-земля уж его не питает свежею силой.
Два пурпурных плаща, золотою затканных нитью,
Вынес родитель Эней,— те плащи своими руками
Сделала, рада трудам, для него царица Дидона,
Тонким утком золотым распещрив тяжелые ткани.
Полный печали, надел он один из плащей на Палланта,
Плотно окутал вторым обреченные пламени кудри;
К этим последним дарам он прибавил долю добычи,
Взятой вчера лишь в бою, и послов нагрузил вереницу.
Копья он шлет и коней, у врага захваченных в битве,
Руки связав за спиной, отправляет пленных для жертвы
Манам, чтоб кровью залить костра погребального пламя,
Также велит он к шестам имена прибить и доспехи
Всех побежденных врагов, чтобы сами вожди понесли их.
Сзади влачится Акет, удрученный годами и горем,
В грудь ударяя себя и лицо ногтями терзая
Иль простираясь в пыли и к земле припадая всем телом.
Вот колесницы ведут, обагренные рутулов кровью,
Следом скакун боевой Этон шагает, невзнуздан,
Голову низко склонив и роняя крупные слезы.
Шлем и копье Палланта несут, ибо прочим оружьем
Турн завладел. Выступают вослед печальной фалангой,
С копьями вниз острием, аркадцы, туски и тевкры.

После того, как прошли они все вереницею долгой,
Встал на месте Эней и промолвил со стоном глубоким:
«Рок суровый войны меня к слезам и потерям
Новым зовет. Прости же навек, Паллант мой отважный,
Вечная память тебе!» И умолк Эней, и направил
Шаг он к высоким стенам, возвращаясь к соратникам в лагерь.
Ждали Энея меж тем послы из столицы латинской;
Ветви оливы держа, перевитые шерстью, молили,
Чтобы дозволил он взять тела, лежащие в поле,
Там, где меч их скосил, и курган насыпать над ними:
С теми, кто света лишен, с побежденными можно ль сражаться?
Пусть ради дружбы былой пощадит он назва́ного тестя.
Добрый Эней не презрел посланцев законную просьбу,
Все разрешил им, о чем умоляли они, и промолвил:
«Злою судьбиной какой вы, латиняне, ввергнуты были
В эту войну? Почему вы союза с нами бежите?
Мира для мертвых, для тех, кто погублен жребием Марса,
Просите вы,— но мир и живым я дал бы охотно!
Я не пришел бы, когда б не назначил мне здесь поселиться
Рок, и войну я веду не с народом: царь ваш нарушил
Гостеприимства союз и доверился Турна оружью.
Выйти на смерть одному справедливее было бы Турну:
Если своею рукой войну окончить он хочет,
Хочет тевкров изгнать,— пусть сразится со мной, чтобы выжил
Тот, кому жизнь сохранит или бог, или сила десницы.
Но поспешите к себе, чтоб огню сограждан несчастных
Нынче предать». Промолвил Эней — и послы в изумленье
Замерли, только в глаза друг другу молча глядели,
Речью такой наконец ответил Дранк престарелый,
Турна юного враг, обвинитель его постоянный:
«О троянский герой, вознесен ты молвою, но выше
Мощью в бою вознесен! Чему нам прежде дивиться,
Что прославлять: справедливость твою или подвиг твой
трудный?
В город родной отнесем твое с благодарностью слово,
Снова с Латином тебя, если путь укажет Фортуна,
Мы примирим. Пусть рутул других союзников ищет!
Стены с тобой возводить, возвещенные роком, и камни
Трои для вас на плечах подносить нам будет отрадно».
Так сказал он, и речь все одобрили криком согласным.
В дважды шесть дней установлен был срок, и, хранимые миром,
Стали без страха бродить по нагорным лесам меж латинян
Тевкры. Ясень звенит от ударов двуострой секиры,
Воины валят стволы до звезд поднявшихся сосен,
Клинья вгоняют в дубы и в смолистые кедры усердно,
Бревна кленовые вниз на скрипучих свозят телегах.

Той порою Молва, великого вестница горя,
В дом Эвандра летит, наполняет город Эвандра,
Та Молва, что досель возвещала победы Палланта.
Все к воротам спешат аркадцы; факел печальный
Каждый несет, как обычай велит; на дороге пылает
Ряд бесконечных огней и поля вырывает из мрака.
Скорбной фригийцы толпой приближались навстречу аркадцам;
Соединились ряды, и, едва вошли они в город,
Матери, их увидав, огласили улицы воплем.
Силой нельзя никакой удержать Эвандра: выходит
Он в середину, и лишь поставили наземь носилки,
Старец упал и к Палланту приник, стеная и плача;
Вырвался голос с трудом из горла, сжатого горем:
«Нет, не это, Паллант, обещал ты отцу, уезжая!
О, если б ты осторожнее был, когда вверился Марсу!
Знал я, как сильно влечет к неизведанной славе отважных,
Знал, как отрадно хвалу стяжать, сражаясь впервые!
Битвы приблизились к нам — и вот он, горестный опыт,
Вот награда твоя, вот обеты мои и молитвы,—
Им ни один не внял из богов! О супруга святая,
Счастье, что ты умерла, не дожив до этого горя.
Я же, судьбу победив долголетьем, живу, переживший
Сына отец. О, если бы сам я за войском союзным
Тевкров пошел, чтоб в меня вонзились рутулов копья.
Если б меня, не Палланта домой принесли бездыханным!
Тевкры, я вас не виню, не каюсь в том, что пожатьем
Рук мы скрепили союз: уготован был старости нашей
Этот удел, и если Паллант преждевременной смерти
Был обречен, то одно мне отрадно: пал он, сразивши
Тысячи вольсков и вам пролагая в Лаций дорогу.
С тем же твой прах схороню я почетом, с каким провожали
Благочестивый Эней тебя, Паллант, и фригийцы,
И тирренцев вожди, и все тирренское войско.
Вижу: доспехи несут врагов, тобою убитых.
Турн, тут стоял бы и ты — трофей, одетый оружьем,
Если б тебе был равен Паллант и годами и силой.
Но для чего не даю я троянцам вернуться в сраженье?
Тевкры, ступайте к царю и слова мои передайте:
Если постылую жизнь я влачу после смерти Палланта,
То лишь затем, что долг за мечом твоим остается.
Турна ты должен отцу и сыну. Платы лишь этой
Жду от тебя и судьбы. Не ищу я радостей в жизни,—
Сыну лишь в царство теней принести я хочу эту радость».

Встала Аврора меж тем, и несчастным смертным явила
Благостный свет, и с собой принесла труды и заботы.
У побережья Тархон и родитель Эней разложили

Утром костры и, блюдя старинный обычай, собрали
Воинов павших тела. Запылало черное пламя,
Дым непроглядной застлал пеленой высокое небо.
Трижды вокруг горящих костров бойцы обежали
В блещущих латах своих, и конные воины трижды
Вкруг погребальных огней проскакали с горестным воплем.
Слезы обильной струей орошают доспехи и землю.
Крики мужей и клики труб взлетают к светилам.
Воины мечут в огонь доспехи убитых латинян,
Пышные шлемы, мечи, с раскаленной осью колеса,
Конские сбруи; летят и дары знакомые в пламя:
Копья убитых друзей и щиты, несчастливые в битве.
В жертву Смерти быков приносят тут же без счета,
Кровью свиней и овец, что со всех похищены пастбищ,
Угли костров кропят. И глядят тирренцы и тевкры,
Как на кострах сгорают друзья по всему побережью,
И от обугленных тел отойти не смеют, доколе
Влажная ночь небосвод не украсила звездным убором.

Также в другой стороне у несчастных латинян не меньше
Ярких пылало костров. Зарывают многих убитых
Тут же на поле друзья; а других, собрав по равнине,
В ближние земли везут, в города возвращают родные.
Прочих же там, где лежали они беспорядочной грудой,
Всех италийцы сожгли без почета и счета,— повсюду
Пламенем частых костров озарилось просторное поле.
Третий рассвет прогнал с небосвода сумрак холодный.
Утром в глубокой золе авзониды собрали с печалью
Кости неведомо чьи и землей засыпали теплой.
Полнится скорбью меж тем Латина богатого город:
Стонут здесь горше всего, всего сильнее горюют.
Души любимых сестер, молодые несчастные жены,
Матери павших бойцов и отцов лишенные дети,—
Все проклинают войну и злосчастную Турнову свадьбу,
Требуют все, чтобы тяжбу мечом решил в поединке
Тот, кто на власть над страной и на высшую честь притязает.
Ропщущим сил придает свидетельство гневного Дранка:
Турна Эней вызывает на бой, одного только Турна.
Но и за Турна речей раздается немало повсюду:
Служит защитой ему царицы великое имя,
Прежних признанье заслуг и слава подвигов громких.

В эту пору, в разгар смятенных споров, вернулись
От Диомеда послы, из великого города греков;
Грустный ответ они привезли: понапрасну потратив
Столько трудов, ничего не добились они, и бессильны

Ценные были дары. У других пусть латиняне ищут
Помощи в этой войне или мира просят у тевкров.
Сил от горя совсем у царя Латина не стало.
Рок Энея привел и боги с ним,— убеждают
В том небожителей гнев и могилы свежие павших.
Тотчас Латин у себя великий совет собирает,
Первых из граждан призвав приказом в дом свой высокий.
Быстро сошелся совет, и толпой по улицам полным
Хлынул народ ко дворцу. Старше всех и годами и властью,
Царь Латин посредине сидит с челом омраченным.
В самом начале послам, пришедшим от стен этолийских,
С чем воротились они, рассказать он велит по порядку,
Что отвечал Диомед. И когда воцарилось молчанье,
Венул начал рассказ, повинуясь царскому слову.

«Граждане! Видели мы Диомеда и лагерь аргосцев;
Долгий измерили путь и тяготы все одолели,
Жали мы руку, что в прах Илионское царство повергла.
Город, названный им Аргирипой в честь города предков,
Он возводил на Япигской земле у подножья Гаргана.
После того, как ввели нас к царю и дали нам слово,
Мы дары поднесли и сказали, откуда и кто мы,
С кем воюем и что побудило нас в Арпы явиться.
Выслушав нас, Диомед в ответ нам сказал благосклонно:
«Вы, счастливый народ Сатурнова древнего царства,
Что за судьба не дает, авзонийцы, вам жить безмятежно,
Гонит вас затевать с врагом неведомым войны?
Всем, кто оружьем своим осквернил поля Илиона
(Я говорю не о тех, кто погиб, под стенами сражаясь,
Кто поглощен Симоента струей), несказанные казни
Рок за злодейство послал, по всему преследуя миру
Нас, кого и Приам пожалел бы. Знают об этом
Злая Минервы звезда, Кафарей и утесы Эвбеи.
В разные страны судьба занесла возвращавшихся греков:
Бродит Атрид Менелай за Столбами Протея в изгнанье,
Видел скиталец Улисс этнейских циклопов пещеры.
Сам властитель Микен, предводитель могучих ахейцев,
Пал на пороге родном от руки жены нечестивой:
Прелюбодей заманил победителя Азии в сети.
Локров ли я назову, заселивших берег Ливийский?
Идоменея ль очаг разоренный? Пирра ли царство?
Не́ дали боги и мне в Каледон возвратиться прекрасный,
Отчих пенатов алтарь и жену желанную видеть.
Даже и ныне меня виденья страшные мучат:
Спутников вижу моих, как они на крыльях взлетают.
В птиц — о, страшная казнь! — превратившись, как над рекою

Вьются и скалы вокруг оглашают жалобным криком.
Впрочем, иного и ждать с той поры не мог я, безумец,
Как дерзновенным копьем небожителей плоти коснулся,
Руку Венеры благой осквернил кровавою раной.
Нет, не вовлечь вам меня, не вовлечь в такие сраженья!
После того, как сожжен был Пергам, войны не веду я
С тевкрами: радости нет вспоминать и о прежних невзгодах.
Вижу, дары принесли вы мне из отчего края,—
Все дарданцев вождю отдайте! Острые копья
С ним я не раз преломил. Так поверьте опыту: грозен
Он, поднимает ли щит иль заносит летучую пику.
Если бы двое еще родилось на пашнях Идейских
Равных Энею мужей, то к стенам инахийским пошло бы
Племя Дардана войной, и оплакать судьбы перемену
Грекам пришлось бы. Коль мы под Троей медлили долго
И на десятый лишь год пришла к ахейцам победа,
То задержала ее Энея и Гектора сила:
Оба отвагой равны и оружьем — но благочестьем
Выше Эней. Пусть лучше рука сойдется с рукою,
Мир заключая, чем щит со щитом в поединке столкнется».
Слышал ты, славный наш царь, что ответил нам царь этолийцев,
Слышал сужденье его о войне великой и грозной».

Речь закончил посол, по устам авзонийцев тотчас же
Смутный ропот прошел; так в местах, где порог каменистый
Путь преграждает реки, стесненные быстрые струи
Ропщут, и рокоту волн отвечает обрывистый берег.
Только лишь смолкли уста и в сердцах утихло волненье,
Царь, к бессмертным воззвав, с престола высокого молвил:

«Как бы хотел я, чтоб мы о важнейшем деле решенье
Раньше успели принять! И совет полезнее было б
Нам собрать не тогда, когда враг стоит под стенами.
Против потомков богов мы ведем безысходную битву:
Непобедимы они и в сраженьях неутомимы;
Мы их не сломим вовек и сложить не заставим оружье.
Вы этолийцев призвать надеялись; замысел этот
Рухнул. Лишь на себя остается надежда,— но сами
Видите вы, как ничтожна она и в каком разрушенье
Всё, что осталось у нас. Убедитесь воочию в этом!
Я не виню никого: все, что может высшая доблесть,
Сделано было, и сил не щадило в борьбе государство.
Ныне о том, к чему средь сомнений склоняется разум,
Вам я поведать хочу; так внемлите речи короткой.
Есть близ Этрусской реки у меня родовое владенье,

Что далеко на закат в пределы сиканцев простерлось.
Пашут рутулы там и аврунки лемехом острым
Склон каменистых холмов и пасут стада на стремнинах.
Весь этот край и хребет, одетый лесом сосновым,
Тевкрам уступим в залог грядущей дружбы и в царство
Наше их призовем, договор заключив справедливый.
Если уж так желают они — пусть город свой строят,
Если ж к пределам иным, к другим племенам пожелают
Тевкры отплыть и решат Авзонийскую землю покинуть,
Сколько они кораблей снарядить сумеют гребцами,—
Двадцать ли, больше ли,— все италийским оденем мы дубом.
Лес у берега есть. Пусть укажут нам вид и размеры
Всех кораблей,— мы дадим работников, медь и оснастку.
С тем, чтобы наши слова передать и добиться союза,
Пусть послами пойдут из числа знатнейших латинян
Сто человек, протянув оливы мирные ветви,
Золота в дар понесут и слоновой кости таланты,
Также и кресло и плащ — достоинства царского знаки.
Между собой совещайтесь теперь — и спасите отчизну!»

Тут поднимается Дранк, озлоблён, как всегда, ибо Турна
Слава язвила его стрекалом зависти тайной.
Был он богат и красно говорил, но пылок в сраженье
Не был; считался зато советчиком дельным и ловко
Сеял раздор. От матери Дранк унаследовал знатность,
Хоть и неведомым был рожден отцом. И сегодня
Так он сказал, громоздя обвиненья тяжкие в гневе:
«То, что советуешь ты, очевидно всем, и не нужны
Наши речи, о царь. Что сулит народу Фортуна,—
Спору нет,— понимает любой, да сказать не решится,
Если не даст говорить свободно и спесь не умерит
Тот, чье водительство нам, и кичливый нрав, и жестокость —
Все я скажу, хоть мне он мечом угрожает смертельным! —
Столько потерь принесли, по чьей вине закатилась
Многих знатных звезда и город в скорбь погрузился.
Он же, хоть небу грозит, лишь на бегство надеется в битвах,
К щедрым дарам, которые ты отправить дарданцам,
Царь наш добрый, хотел, однако прибавь порученье,
С тем чтобы волю твою насилье ничье не сломило:
Тевкрам вели передать, что дочь благородному зятю
Ты как отец отдаешь и навечно мир заключаешь.
Если же страх перед Турном сковал нам сердце и разум,
Будем его самого молить о милости слезно:
Пусть соизволит вернуть права царю и отчизне.
Ради чего бросаешь ты в бой на верную гибель
Стольких латинян, о Турн, наших бедствий исток и причина?

Нет спасенья в войне; у тебя мы требуем мира,
Мира залог уступи единственный и нерушимый!
Мнишь меня ты врагом, и без спора я в этом призна́юсь,—
Первым, однако, к тебе прихожу с мольбой о пощаде:
Гордый свой дух усмири и уйди, побежденный. Довольно
Видели мы похорон и просторных полей разорили.
Если же слава влечет, и в груди великую силу
Чувствуешь ты, и невеста тебе и царство желанны,
Будь смелей и грудью ступай навстречу Энею.
Нет, для того, чтоб тебе царевна в жены досталась,
Мы, ничтожный народ, неоплаканный, непогребенный,
Гибнуть должны на полях. Но коль есть в тебе сила и в сердце
Предков отвага жива, то врагу, что тебя вызывает,
Сам в лицо погляди».

Эти упреки зажгли неистовой яростью Турна,
С тяжким стоном слова из груди у него излетели:
«Дранк, я знаю, всегда тороват ты на речи бываешь
В час, когда руки нужны для войны. Ты в собранье старейшин
Первым спешишь, но чертог наполнять словами не время,
Хоть разглагольствуешь ты, не зная меры, покуда
На́ стену враг не взошел и рвы не наполнились кровью.
Что же, речами бряцай, как привык ты, и в трусости Турна,
Дранк, обвиняй: ты ведь сам истребил огромные толпы
Тевкров своею рукой, и по всей равнине трофеи
Ты водрузил. Между тем испытать нам нетрудно, что может
Доблесть живая свершить; далеко искать не придется
Нам врагов: отовсюду они к стенам подступают.
Вместе навстречу пойдем! Почему же ты медлишь? Иль
знаться
С Марсом лишь твой болтливый язык и резвые ноги
Будут всегда?
Я побежден? Неужели меня назовет побежденным
Тот, кто увидит, как Тибр берега наводнил, переполнен,
Кровью троянских бойцов, как Эвандра дом погубил я,
Корень его истребив, как совлек с аркадцев доспехи?
Нет, разбитым меня не видали ни Битий, ни Пандар
В день, когда сотни мужей я отправил в Орк, победитель,
Запертый в стенах врага и от вас отрезанный валом.
«Нет спасенья в войне». Для вождя дарданцев, безумный,
И для себя береги прорицанья свои! Продолжай же,
Страхом смущая сердца, восхвалять побежденного дважды
Племени мощь и втаптывать в грязь оружье латинян.
Ныне дрожат, мол, вожди мирмидонцев пред силой фригийской,
Ныне испуган Тидид и Ахилл трепещет ларисский,
От Адриатики вспять текут и А́вфида струи.

Дранк притворился хитро, что моей опасается мести,
Страхом своим клевету отягчая преступно. Не бойся!
Низкую душу твою я своей рукой не исторгну,
Пусть остается с тобой и в твоей груди обитает.
Ныне к твоим я, отец, перейду высоким сужденьям.
Если ты все потерял на оружье наши надежды,
Если покинуты мы, если враг, потеснив нас однажды,
Силы наши сломил и Фортуна не может вернуться,—
Будем мира просить, простирая праздные руки.
Но когда бы хоть след в нас остался доблести прежней!
Всех счастливей в трудах, всех выше духом отважным
Тот для меня, кто смерть предпочтет такому исходу
И чтоб не видеть его, будет землю грызть, умирая.
Есть еще силы у нас, и немало воинов цело,
Есть в Италийской земле города, что помочь нам готовы,
Славу и тевкры в бою обильной кровью купили,
Много потерь и у них, одинаково буря косила
Обе рати. Так что ж мы бежим от порога с позором?
Что от страха дрожим до того, как трубы пропели?
Многое времени труд изменяет, многое может
День исправить один, и Фортуны нрав переменчив:
То посмеется она, то дела наши снова упрочит.
Помощи пусть из Арп не пришлет нам царь этолийцев,—
С нами будет Мессап, и счастливый Толумний, и с нами
Многих народов вожди. Не минует великая слава
Лация лучших бойцов и воителей с пашен Лаврентских.
С нами Камилла, чей род средь вольсков издавна чтится,
Конных бойцов она привела, блистающих медью.
Если же тевкры на бой одного меня вызывают,
Если один только Турн — помеха общему благу,
Если угодно вам,— что ж! Я не столь ненавистен Победе,
Чтоб не решиться на всё во имя великой надежды.
Смело пойду на врага, пусть вторым он будет Ахиллом,
Пусть облечется в доспех, что рукою скован Вулкана;
Душу его посвящаю я вам и тестю Латину,
Ибо доблестью Турн никому не уступит из предков.
«Только меня вызывает Эней». Но о том и молю я!
Лишь бы Дранк не погиб искупительной жертвой, коль боги
В гневе на нас, иль меня не лишил победы и славы!»

Так меж собой препирались враги о неясном и темном
Будущем; тою порой покидали свой лагерь троянцы.
Вдруг пронеслась по дворцу, приводя в смятение толпы,
Весть и в единый миг наполнила ужасом город:
Сомкнутым строем идут от берега тибрского тевкры,
Следом тирренская рать по всей растянулась равнине.

Тотчас народ взволновался душой, и сердца встрепенулись,
Ярость в груди поднялась, разбужена острым стрекалом,
Руки рванулись к мечам, молодежь призывает к оружью,
Скорбные плачут отцы и ропщут тихо. Вскипают
Шумные споры везде и взлетают крики до неба.
Гомон такой же стоит, когда птиц перелетная стая
В роще опустится; так на обильной рыбой Падузе
Хриплый крик лебедей раздается по заводям звонким.
«Граждане! — рутул кричит, улучив мгновенье,— ну что же!
Долгий держите совет и в бездействии мир восхваляйте,—
Враг между тем уже вторгся в страну!» С такими словами
Быстро он бросился прочь и дворец высокий покинул.
«Ты, Волуз, прикажи снаряжаться манипулам вольсков,
Ты же и рутулов рать поведешь. Вы конницу в поле,
Кор, Камилл и Мессап, разверните строем широким.
Вы — на башни скорей, стерегите подступы к стенам,
Вы же, куда прикажу, за мною следуйте в битву».
Тотчас на стены бойцы со всего сбежались Лаврента.
Новой бедой удручен, Латин покидает собранье;
Замысел свой отложить надолго приходится старцу.
Вновь он винит себя в том, что по доброй воле не принял
В город и зятем своим не назвал дарданца Энея.
Перед воротами рвы горожане копают и носят
Камни и колья. И вот, кровавый бой возвещая,
Хрипло пропела труба. На стенах матроны и дети
Пестрым строем стоят, опасностью призваны крайней.
К храму Минервы меж тем, к высокой твердыне Паллады
Едет в толпе матерей с дарами царица Амата,
Дева Лавиния с ней, причина бедствий великих,
В землю глядит, не смея поднять прекрасные очи.
Матери входят и храм наполняют ладанным дымом,
Скорбные их голоса от высоких несутся преддверий:
«Ты, что оружьем сильна, о Тритония, браней владыка!
Мощной рукой сокруши копье врага, чтобы пал он
Возле высоких ворот, чтобы сгинул разбойник фригийский!»
Сам неистовый Турн снарядился в битву поспешно:
Панцирь чешуйчатый свой, горящий красною медью,
Он надел, застегнул на ногах золотые поножи,
К поясу меч привязал и, виски не покрыв еще шлемом,
С крепости вниз он сбежал, золотым окруженный сияньем,
Радостью бурной кипя и в мечтах врагов сокрушая.
Так застоявшийся конь выбегает из стойла на волю,
Привязь порвав, и стремглав по открытому полю несется:
То к табунам кобылиц на просторные пастбища мчится,
То к знакомой реке, где привык он купаться и плавать,
Ржет, резвится, летит, высóко голову вскинув,
Грива на шее крутой развевается вольно по ветру.

Турну навстречу скакал предводимый девой Камиллой
Вольсков отряд; возле самых ворот царица на землю
Спрыгнула; следом за ней с лошадей соскользнула немедля
Вся дружина ее; и сказала Турну Камилла:
«Турн, если вера в себя не напрасно дается отважным,
То обещать я осмелюсь тебе, что на турмы Энея
Я одна нападу и тирренскую конницу встречу.
Первой дозволь испытать мне сегодня опасности бой,
Сам же город храни, у стены оставаясь с пехотой».
Рутул, взор устремив на деву грозную, молвил:
«Как благодарность могу, о краса Италии, дева,
Словом иль делом тебе я воздать? Ты готова душою
Все превозмочь; раздели же со мной труды боевые!
Мне принесла и молва, и лазутчики верные вести:
Выслал вперед коварный Эней по равнине отряды
Конницы легкой, а сам, по обрывам карабкаясь горным,
Через пустынный хребет пробирается тайно к Лавренту.
Хитрость замыслил и я: в извилистом узком ущелье
Вход и выход заняв, я в лесу поставлю засаду.
Конницу ты тирренскую встреть — против знамени знамя.
Будут с тобою Мессап, тибуртинский отряд и латинян
Турмы; ты же возьми на себя полководца заботы».
Речью такою же он ободряет на битву Мессапа,
С ним и других союзных вождей — и выходит в сраженье.
Есть крутой поворот в ущелье; словно нарочно
Создан он для засад; здесь теснины темные склоны
Лесом густым заросли, и ведет лишь ничтожная тропка
К узким проходам меж гор в глубине зловещей лощины.
Прямо над ней высоко на горе поляна простерлась,
Можно за скалами там затаиться в безвестном укрытье,
Чтобы внезапно напасть на врагов или справа, иль слева,
Либо, засев на хребте, тяжелые скатывать камни.
Юноша в эти места поспешил по дорогам знакомым
И, поляну заняв, укрылся в лесу вероломном.

Дочь Латоны меж тем призвала проворную Опис,
Нимфу, средь спутниц ее блиставшую в сонме священном,
В свой небесный чертог и с такою скорбною речью
К ней обратилась: «На бой снаряжается ныне Камилла,
Наш надевает доспех, бесполезный в сече жестокой.
Всех мне дороже она. Не сегодня явилась к Диане
Эта любовь и зажгла внезапной нежностью душу:
В дни, когда был озлобивший всех произволом надменным
Свергнут с престола Метаб, то, старинный Приверн покидая,
В бегство средь распрей и смут пускаясь, унес он в изгнанье
Дочь-малютку с собой и, Касмиллы-матери имя

Чуть изменив, назвал в честь нее младенца Камиллой,
Шел он, дитя прижимая к груди, в далекие горы,
В дебри лесов, а вокруг с оружьем рыскали вольски,
Смертью Метабу грозя. И вдруг преграждает дорогу
Пенный поток беглецу: с берегами высокими вровень
Воды струил Амазен, от дождей разлившись обильных.
Хочет Метаб реку переплыть, но, любовью к младенцу
Скованный, медлит, боясь за бесценную ношу. И долго
Он размышлял, покуда в душе не созрело решенье:
Воин могучий, носил он всегда огромную пику,
Древком ей прочным служил узловатый дубок обожженный;
Лубом дочь спеленав и корою пробковой мягкой,
Ловко ее привязал к середине пики родитель;
В мощной руке потрясая копье, небесам он взмолился:
«Дева, владычица рощ, Латоны дочь всеблагая,
В рабство тебе посвящаю дитя! Убегая от смерти,
Ныне впервые она твоего коснулась оружья.
Дочь, о богиня, прими,— ее неверному ветру
Я поручаю!» И вот Метаб, с плеча размахнувшись,
Бросил копье; рокотала волна, и над быстрым потоком
Пика летела, свистя, унося малютку Камиллу.
Сам же Метаб, теснимый толпой, подступавшей все ближе,
Кинулся в воду, и вот, торжествуя, берет он младенца —
Тривии дар — и копье из травы вырывает прибрежной.
Люди его не пускали в дома, города не пускали
В стены свои, но Метаб не сдавался, свирепый, как прежде:
Век проводил он в пустынных горах пастухом одиноким,
В дебрях колючих кустов, средь лесных дремучих урочищ
Вскармливал дочь молоком кобылицы, не знавшей упряжки,—
Сам выдаивал он сосцы над губами младенца.
Только лишь первый свой след на земле отпечатала дочка,
Дротик наточенный дал ей родитель в нежные руки,
Стрелы в колчане и лук за плечо повесил малютке.
Вместо длинных одежд, вместо сетки в кудрях золоченой
Шкура тигрицы у ней с головы по спине ниспадала.
Детской рукой метала она нетяжелые копья,
Гибкой пращи ремешок раскрутить над собою умела,
Был то стримонский журавль, то лебедь добычей Камиллы.
В землях тирренских она могла бы невесткой желанной
Многим стать матерям, но, одной предавшись Диане,
Знает Камилла любовь лишь к оружью и к девственной жизни,
Свято блюдя чистоту. Как хотела бы я, чтоб Камиллу
Войны так не влекли, чтоб она не тревожила тевкров!
Спутницей ныне моей она была бы любимой.
Но, коль скоро близка неизбежная горькая участь,
С неба, о нимфа, слети, поспеши в пределы латинян,
Где завязалась уже при зловещих знаменьях битва.

Лук мой возьми и мстящую вынь стрелу из колчана:
Раною кто осквернит Камиллы священное тело,
Будь он тирренец иль тевкр, пусть своей заплатит мне кровью,
Я же в туче ее унесу и под отчим курганом
Скрою, прежде чем враг доспехи снимет с несчастной».
Так сказала она, и, окутана облаком черным,
Нимфа скользнула с небес, рассекая воздух шумящий.

Тою порой подходили к стенам Лаврента троянцы;
Конное войско вели, поделенное ровно на турмы,
Следом этрусков вожди. Скакуны звонконогие в поле
Ржут и встают на дыбы и, с уздой упорной воюя,
Носятся взад и вперед. Железной порослью копья
Всюду взошли на лугах, и равнина сверкает оружьем.
Но и с другой стороны латинян войско проворных,
С братом Кор, и Мессап, и всадники девы Камиллы
Вышли в поля навстречу врагу. Занесенные копья
Воины держат в руках и колеблют легкие дроты,
Топот пехоты слышней, лошадиное ржанье все громче.
Вот на полет копья сошлись два войска и встали
Строй против строя — и вдруг на врага кидаются с криком,
Бешенных гонят коней; отовсюду сыплются копья
Густо, как снег, и сияние дня затмевается тенью,
Мчатся лихой Аконтей и Тиррен друг другу навстречу,
Выставив пики вперед,— и с гулким грохотом оба
Первыми падают в прах, и с разлета сшибаются кони,
Грудью ломая грудь. Аконтей, ударом отброшен,
Словно баллисты снаряд или быстрая молния в небе,
Прочь отлетел далеко, и развеял жизнь его ветер.
Тут же, смешавши ряды и щиты закинув за спину,
Вспять погнали коней и помчались к стенам италийцы.
Тевкры несутся вослед, предводимые храбрым Азилом.
Лишь возле самых ворот италийцы, опомнившись, встали.
Подняли крик и назад скакунов повернули послушных.
Тевкры теперь убегают от них, отпустивши поводья.
Так, прилив и отлив чередуя, пучина морская
То прихлынет к земле и утесы накроет волною
И на прибрежный песок пошлет вспенённые струи,
То назад отбежит и, стоячие скалы сшибая,
Катит от берега их и сушу вновь обнажает.
Дважды до самых стен отгоняли рутулов туски,
Дважды, щиты за спиной, убегали, отброшены силой.
В третий раз наконец сошлись враги — и смешались
Между собою ряды, и схватился с воином воин.
Слышен везде умирающих стон, оружье и трупы
В лужах крови лежат, и на груду тел то и дело

Раненый валится конь; закипает бой беспощадный.
Прямо не смея напасть на Ремула, издали бросил
Пику в коня Орсилох, и под ухо вонзилось железо.
Раной взбешённый, взвился на дыбы скакун звонконогий,
Воздух копытами бьет, нестерпимой терзаемый болью,
Ремула сбросив с седла. И отвагой, и ростом, и силой
Всех превзошедший в бою, Иолай повержен Катиллом,
Им же Герминий убит; с головой непокрытой сражался
Он, распустив по плечам обнаженным светлые кудри,
Ранам тело открыв без боязни. Но пика пробила
Грудь от плеча до плеча, и согнулся он, болью пронзенный,
Черная кровь повсюду течет, и сеет железо
Смерть, и стремятся бойцы навстречу гибели славной.

Там, где сеча кипит, амазонка ликует Камилла:
Левая грудь открыта у ней, колчан за плечами,
То посылает она все чаще гибкие дроты,
То боевой свой топор рукой неслабеющей держит;
Лук золотой за спиной звенит — оружье Дианы.
Даже когда отступить заставляет Камиллу противник,
Стрелы она посылает назад, на бегу обернувшись.
Спутниц отборный отряд окружает Камиллу: Ларина,
Тулла несется за ней и Тарпея с медной секирой;
Лучших Италии дев избрала она — украшенье
Войска, и в мирные дни, и в бою надежных помощниц.
Так во фракийском краю по застывшим волнам Термодонта
Гонят со звоном коней амазонки в пестрых доспехах,
Мчат с Ипполитою в бой или вслед любимице Марса,
Пентесилее, летят за ее колесницей, и громкий
Женский разносится клич, и щиты луновидные блещут.
Первым кого и последним кого, суровая дева,
Пика настигла твоя? Сколько тел ты в прахе простерла?
Первым был Клития сын Эвней: летел на тебя он,
Но в обнаженную грудь впилось еловое древко,
Грянулся воин с коня и на рану упал, изрыгая
Крови потоки в песок и корчась в муках предсмертных.
Следом Па́гас и Лир погибли: первый пытался
Повод поймать, когда раненый конь его сбросил, второй же
К другу спешил, чтоб его подхватить рукой безоружной.
Так друг на друга они и рухнули оба. А дева,
Сына Гиппота сразив, Амастра, мчится в погоню
За Демофонтом, Тереем, и Хромием, и Гарпаликом.
Сколько бросает она в противника дротиков метких,
Столько и гибнет мужей. Но вот на коне апулийском
Орнит, охотник лихой, в невиданных скачет доспехах:
Шкурой быка, воителя стад, широкие плечи

Орнит одел и покрыл огромную голову пастью
Волка, в которой клыки торчали из челюстей мощных;
Сельская пика в руках у него; меж всадников Орнит
Носится взад и вперед и ростом всех превосходит.
Дева его без труда средь врагов бегущих настигла,
Грудь пронзила ему и недоброе молвила слово:
«Мнил ты, тирренец, что здесь на лесного зверя облава?
День наступил, когда мы опровергнем женским оружьем
Ваши слова. Но к манам отцов и ты не без славы
Явишься, ибо сама тебя сразила Камилла».
Бута повергла она и за ним Орсилоха — из тевкров
Самых могучих мужей; убегавшему Буту вонзилось
В шею копье, где она меж кольчугой и шлемом открыта,
Где у всадников щит за спиною слева свисает;
Бегством притворным потом увлекла Орсилоха Камилла,
Влево пустила коня, чтоб скакать по меньшему кругу,
Мужа, что гнался за ней, догнала и, мольбам не внимая,
Дважды удар нанесла секирой тяжкой по шлему,
Медь и кость разрубив, так что мозг полился из раны.
Деве навстречу летел и внезапно замер в испуге
Авна воинственный сын, обитателя гор Апеннинских;
Был он, покуда судьба позволяла, хитрец не последний
Средь лигурийцев; и вот, увидав, что от встречи с царевной
Не уклониться никак, что бежать не удастся от битвы,
Стал он уловки в уме измышлять и Камилле лукаво
Молвил: «Пусть женщина ты — и для женщины много ли чести
В битве вверяться коню? Придержи скакуна и на землю
Смело ступи, чтоб со мной в поединке пешем сразиться.
Скоро узнаешь ты, кто будет ветреной славой обманут!»
Так он сказал; а она, уязвленная жгучей обидой,
Спутницам взять скакуна приказала и спешилась храбро,
Только с мечом и гладким щитом, чтоб сразиться на равных.
Он же, решив, что теперь одолел ее хитрым обманом,
Больше не медлил, но вмиг повернул коня и быстрее
Прочь полетел, торопя жеребца железною шпорой.
«Зря заносишься ты, лигурийский хвастливый спесивец!
Знай, тебя не спасут изворотливых предков уловки,
К лживому Авну живым не поможет вернуться коварство».
Молвила так и стремглав понеслась легконогая дева
И, обогнав скакуна, к беглецу лицом повернулась,
Повод схватила рукой — и кровавая кара свершилась.
Так, с утеса взлетев, священный хищник пернатый
Мчится легко на крылах, в облаках настигает голубку,
Жадно хватает ее и терзает когтями кривыми,—
Только капает кровь и кружатся в воздухе перья.

Не безразличным меж тем родитель бессмертных и смертных
Оком взирает на бой, восседая на высях Олимпа.
В битву вступить побуждает Отец тирренца Тархона,
Острым стрекалом язвит, разжигая в душе его ярость.
Там, где противника смял и смёл напор италийцев,
Мчится Тархон на коне, окликая по имени тусков,
Рать ободряя на бой и словом дух поднимая:
«Видно, неведомы вам ни стыд, ни обида, ни ярость!
Что за страх обуял вам ленивые души, тирренцы?
Женщина ваши ряды, словно стадо, гонит, как хочет!
Право, зачем вам клинки, для чего безобидные копья?
Вы лишь в любви горячи и горазды на битвы ночные,
Или, когда возвестят кривые флейты начало
Вакховых плясок, когда на столах и яства и кубки,
Тут и усердье у вас, и доброй воли хватает,
Если на жертвенный пир призовет вас в рощу гадатель».
Так он сказал и пришпорил коня, обреченный на гибель,
В гущу врагов, словно вихрь, влетел и правой рукою
Вёнула сгреб на скаку и с коня сорвал его разом,
С силой притиснул к груди и помчался дальше с добычей.
Крик поднялся до небес, и немедля взгляды латинян
Все обратились к нему. А Тархон по равнине несется,
Муж и оружье в руках; от копья отломив наконечник,
Шарит по телу врага, ища неприкрытого места,
Чтобы удар нанести; но противится силою силе
Вёнул, руку его оттолкнуть пытаясь от горла.
Словно как бурый орел, пролетающий в небе высоком,
В лапах уносит змею, вонзая в спину ей когти;
Ранена, в корчах она извивает гибкое тело,
Дыбом встает чешуя, шипенье несется из пасти,
Тянется вверх голова, но смиряет строптивого гада
Птица клювом кривым и взметает воздух крылами.
Так, увлекая стремглав из рядов тибуртинских добычу,
Мчится, ликуя, Тархон. Увлеченные подвигом мужа,
Ринулись все меонийцы вперед. Обреченный судьбою,
Вертится хитрый Аррунт вокруг Камиллы проворной,
Ждет, не подарит ли вдруг удобный случай Фортуна.
В битве куда бы свой путь ни направила грозная дева,
Скачет повсюду за ней по пятам Аррунт молчаливый;
Стоит из гущи врагов ей назад умчаться с победой,
Юноша тотчас вослед скакуна направляет украдкой.
Можно ль отсюда напасть иль оттуда напасть, вероломный
Ищет Аррунт и рыщет вокруг с копьем наготове.
Некогда бывший жрецом Кибелы и ей посвященный,
Бился меж тевкров Хлорей, блиставший доспехом фригийским.

Мчит его взмыленный конь в чепраке из кожи, обшитой,
Словно перьями, сплошь чешуей позолоченной медной;
Сам Хлорей, облачен в багрец и пурпур заморский,
С рогом ликийским в руках, посылает гортинские стрелы;
Лук золотой за плечами звенит, золотой защищает
Вещую голову шлем, и желтым золотом в узел
Собраны полы плаща из шуршащих шафранных полотнищ;
Вышита туника вся и покров, одевающий бедра.
Дева — затем ли, чтоб в храм доспех троянский повесить,
Или затем, чтоб самой красоваться в золоте пленном,—
Гонится только за ним, одного его выбрав добычей,
В гущу врагов вслепую летит, позабыв осторожность:
Женскую жадность разжег в ней убор драгоценный Хлорея.
Тотчас же, миг улучив, Аррунт, не замеченный девой,
Поднял копье и с такой мольбой обратился к всевышним:
«Бог, величайший из всех, Аполлон, хранитель Сорakта!
Первого чтим мы тебя, для тебя сосновые бревна
Жар пожирает, а мы шагаем, сильные верой,
Через огонь и следы оставляем на тлеющих углях!
Дай, всемогущий отец, мне смыть с оружья этрусков
Этот позор! Мне не нужен доспех побежденной Камиллы,
Ни горделивый трофей, ни добыча: делами иными
Пусть я стяжаю хвалу, пусть вернусь и без славы в отчизну,—
Лишь бы своей мне рукой извести эту злую заразу!»
Феб услышал его, и душой половине молитвы
Внял он, но ветрам велел половину другую развеять:
Дал изволение бог, чтоб Аррунт внезапным ударом
Насмерть Камиллу сразил, но гористую родину снова
Не́ дал увидеть ему, и слова его буря умчала.
Пущена меткой рукой, просвистела в воздухе пика;
Вольски увидели вмиг угрозу и взоры к царевне
Все обратили тотчас; но Камилла не слышала свиста,
Не увидала копья, что летело, эфир рассекая,
В тело доколе оно под грудью нагой не вонзилось,
Девичьей крови доколь не испило из раны глубокой.
Спутницы кинулись к ней в смятенье и не́ дали наземь
Раненой деве упасть. Аррунт, всех боле испуган,
Бросился прочь; смешались в душе ликованье и ужас,
Больше в царевну метнуть ни стрелу он, ни дротик не смеет.
Словно как волк, покуда за ним не пустились в погоню
Люди с оружьем, бежит без дорог в недоступные горы,
После того как убьет пастуха иль теленка зарежет
И, под брюхо поджав дрожащий хвост, убегает
В чащу лесную скорей, ибо знает вину за собою,—
Так же скрылся из глаз оробевший Аррунт и, доволен
Тем, что успел убежать, в ряды бойцов замешался.
Дева из раны копье рукой цепенеющей вырвать

Тщится, но в ребрах застрял глубоко наконечник железный.
Никнет, слабея, она, охладелые веки смежает
Смерть, и с девических щек исчезает пурпурный румянец.
И, умирая, она обратилась к одной из ровесниц —
Акке, которой всегда доверяла всех больше, с которой
Все заботы делить привыкла, и так ей сказала:
«Силам приходит конец, сестра моя Акка. От раны
Я умираю, и мрак пеленой мне глаза застилает.
К Турну беги, передай мое последнее слово:
Пусть он меня заменит в бою и тевкров отбросит.
Акка, прощай!» И, сказав, обронила поводья Камилла,
Наземь без сил соскользнула с коня; застылое тело
Медленно холод сковал, из рук упало оружье,
Тяжко склонилась на грудь голова, осененная смертью,
И отлетела душа к теням, ропща и стеная.
Тотчас же ввысь до светил золотых громогласный взметнулся
Крик и свирепее бой закипел после смерти Камиллы.
Рвутся вперед, сплотивши ряды, троянские рати,
С ними тирренцев вожди и отряд аркадский Эвандра.

Тривией посланный страж, восседала Опис в ту пору
В ближних горах и с вершин наблюдала битву без страха.
Только лишь яростный крик бойцов она услыхала
И увидала вдали Камиллы скорбную гибель,
Вырвался стон у нее из груди, и промолвила нимфа:
«Слишком тяжко тебя, слишком тяжко судьба покарала,
Дева, за то, что войной ты осмелилась тевкров тревожить!
Жизнь твою не спасло то, что ты, людей избегая,
Чтила Диану в лесах и наши стрелы носила...
Горе! Но в смертный твой час не покинет владычица наша
На поруганье тебя; молва о гибели девы
Все племена облетит, и не скажет никто, что осталась
Ты неотмщенной: ведь тот, кто грудь осквернил тебе раной,
Смертью искупит вину». У подножья горы возвышался
Древний курган земляной, осененный густыми ветвями
Дуба: покоился там Дерценн, владыка лаврентцев.
Быстро на этот курган поднялась прекрасная нимфа,
Стала с вершины холма искать глазами Аррунта
И, завидев его, ликовавшего сердцем спесивым,
Молвила: «В сторону ты для чего уходишь? Приблизься!
Здесь ты погибнешь, Аррунт, за убийство Камиллы награда
Ждет тебя здесь: ты умрешь, пораженный стрелою Дианы».
Молвила так и, меж стрел, в золоченом лежавших колчане,
Выбрав одну, свой лук напрягла фракийская нимфа;
Долго сгибала его, пока не коснулись друг друга
Рога концы и стрелы острие руки не коснулось
Левой, а правая в грудь, отводя тетиву, не уперлась.

В воздухе свист Аррунт услыхал — и в то же мгновенье
В тело ему глубоко наконечник железный вонзился.
Стонам предсмертным его друзья не вняли, оставив
Мужа в пыли умирать, позабытым в неведомом поле.
Опис меж тем вознеслась на крылах к высотам Олимпа.

Легкий Камиллы отряд, потеряв царицу, пустился
В бегство первым, и вслед полетел Атин, убегая,
Рутулы с ним, и без войска вожди, и бойцы в беспорядке
Все, коней повернув, спешат за стена́ми укрыться.
Нет и мысли о том, чтобы тевкров напор смертоносный
Стрелами остановить или встретить стойко с оружьем:
Держат все за спиной с тетивою спущенной луки,
Только копыта коней потрясают рыхлое поле.
Ближе и ближе к стенам несется темная туча
Пыли, толпа матерей, ладонями в грудь ударяя,
С башен глядит и зубцов, и до неба вопли взлетают.
Первый отряд беглецов в отворённые рвется ворота,—
Но по пятам подлетают враги беспорядочным строем,
Смерть латинян и здесь настигает — на самом пороге
Крепких отеческих стен, и среди домов безопасных
Всадники гибнут от ран. А другие скорей запирают
Створы ворот и не смеют впустить соратников в город,
Путь молящим закрыв. Меж своих начинается сеча:
Рвутся с мечами одни, их мечом отражают другие.
Вот на глазах матерей и отцов, рыдающих горько,
Те, что остались вне стен, во рвы срываются с кручи
Или, узду отпустив и коней погоняя вслепую,
В крепкие балки ворот, как таран, колотят с разлета.
Матери, жены — и те в разгаре схватки смертельной
(Путь им к отчизне любовь и Камиллы пример указали)
Стали дубины со стен и в огне заостренные колья,
Словно копья, метать во врагов рукою дрожащей;
В битве за город родной погибнуть каждая жаждет.

Турна в лесу между тем настигли горькие вести;
Акка их принесла, царя в смятенье повергнув:
Нет уж Камиллы в живых, и войско вольсков разбито,
Враг наступает, и Марс ему сопутствует в битве,
Поле у тевкров в руках, и страх до стен докатился.
В ярости Турн (такова громовержца суровая воля)
Сходит, безумец, с холмов, покидает лесную засаду.
Только лишь он отступил и достиг открытой равнины,
Как родитель Эней, миновав без помехи ущелье,
Горный хребет одолел и отряды из лесу вывел.
Так с войсками они, поспешая оба к Лавренту,
Шли друг другу вослед, разделенные малым пространством,

В тот же миг, когда увидал Эней в отдаленье
Строй италийских бойцов на полях, дымящихся пылью,—
Турн по доспехам узнал владыку грозного тевкров,
Ржанье коней услыхал и мерный топот пехоты.
Тотчас сошлись бы они, чтобы в битве помериться силой,
Если бы Феб утомленных коней в пучину Гибера
Не погрузил, заалев, и мрак, окутавший небо,
Лагерем стать не заставил врагов под самым Лаврентом.

Книга двенадцатая

Видит Турн: изнемог, враждебным сломленный Марсом,
Дух латинян, и все ожидают, что он обещанье
Выполнит, все на него одного глядят с укоризной.
Пуще гордость и гнев разгорелись в душе непреклонной:
Словно как лев на ливийских полях, когда ловчим он ранен,
Грозно готовится в бой, и на шее под гривой мохнатой
Мышцы играют, и рык излетает из пасти кровавой,
И бестрепетно зверь ломает дротик вонзенный,—
Так же неистовый Турн накалялся безудержной злобой.
В бурном волненье к царю он с такой обращается речью:
«Дело уже не за Турном теперь, и у тевкров трусливых
Повода нет отменять иль оттягивать то, что решили.
С ним я сражусь. Готовьте обряд, договор заключайте!
Либо своею рукой беглеца азиатского в Тартар
Сам я пошлю,— пусть праздно сидят и смотрят лаврентцы.
Как опровергну мечом я упреки, что все мне бросают,—
Либо пусть он побежденной страной и невестой владеет».

Турну Латин отвечал с преисполненным кротости сердцем:
«Воин, великий душой! Насколько всех превосходишь
Дерзкой доблестью ты, настолько мне подобает
Всё обдумать и все случайности взвесить с опаской.
Есть у тебя города, что ты сам покорил, и владенья
Давна-отца, и казны у Латина щедрого хватит.
Есть и в Латинской земле, и в Лавренте другие невесты,
Не из бесславных родов. Дозволь мне высказать прямо
То, о чем говорить нелегко, и запомни навеки:
Дочь отдавать никому из тех, кто сватался прежде,
Права я не имел: так и боги и люди вещали.
Но, побежден любовью к тебе и слезами Аматы,
Помня о нашем родстве, разорвал я священные узы:
Отнял у зятя жену, нечестивое поднял оружье.
Видишь ты сам, какие с тех пор гнетут меня беды,

Войны какие: ведь ты всех больше тягот выносишь.
Враг — ты забыл? — нас дважды разбил, надежда латинян —
Только на стены теперь. От нашей крови доныне
В Тибре вода горяча, от костей поля побелели.
Сколько же раз мне решенье менять? Какое безумье
Дух мой мутит? Если с ними союз после гибели Турна
Я готов заключить, почему, пока еще жив он,
Мне войну не прервать? Что скажут все италийцы,
Если на смерть — да не даст судьба словам моим сбыться! —
Я обреку жениха, который дочь мою сватал?
Вспомни войны превратности все, над родителем сжалься
Старым, который теперь грустит о сыне в далекой
Ардее». Все ж не смирил Латин неистовство Турна,—
Больше его распалил, усугубив недуг врачеваньем.
Турн, едва только мог он слово вставить, ответил:
«Если тебя обо мне заботы мучат, оставь их,
Добрый отец, и дозволь выбирать между жизнью и славой.
Я ведь тоже метать умею копья, и крепко
Меч держать, и врагов железом до́ крови ранить.
Будет богиня-мать далеко от сына и женской
Тучей не скроет его, не подменит тенью бесплотной».

Тут зарыдала, страшась исхода битвы, царица,
Пылкого зятя обняв, обреченная смерти, взмолилась:
«Турн, если сердцем ты чтишь Амату, если слезами
Тронуть могу я тебя,— ведь один ты покой и надежда
Старости жалкой моей, лишь тобою крепки Латина
Власть и честь, и в крушенье наш дом ты один подпираешь,—
Я молю об одном: не вступай в поединок с троянцем!
Та же участь, что ждет тебя в этой гибельной битве,
Ждет и меня: я покину с тобой этот мир ненавистный,
Чтобы, пленнице, мне не увидеть зятем Энея».
Матери слыша слова, залилась и Лавиния плачем,
Слезы лицо, запылавшее вмиг, орошают, и пламя
Рдеет на влажных щеках, разгораясь алым румянцем.
Словно слоновая кость, погруженная в пурпур кровавый,
Словно венчики роз, что средь бледных лилий алеют,
Так у царевны в лице с белизной боролся румянец.
Турн неотрывно глядит на нее и, гонимый любовью,
Рвется в сраженье сильней; и Амате ответил он кратко.
«Мать, слезами меня,— ведь сулят недоброе слезы,—
Не провожайте, молю, на суровую Марсову битву.
Турн ни отсрочить свою, ни приблизить не волен кончину.
Весть от меня, Идмо́н, передай повелителю тевкров,
Хоть и придется она ему не по́ сердцу: завтра,
Чуть лишь на небо взлетит в колеснице багряной Аврора,
Тевкров на рутулов пусть не ведет он, пусть отдыхает

Тевкров и рутулов меч: мы своею кровью положим
Битвам конец: пусть в бою женихи добывают невесту!»

Так он сказал, и, к себе удалившись поспешно, велел он
Тотчас коней привести и долго на них любовался;
Некогда их подарила сама Орифи́я Пилумну,
Спорили с ветром они быстротой, белизной — со снегами.
Вкруг обступив скакунов, по груди лихие возницы
Ласково хлопают их и чешут гривы густые.
На́ плечи Турн надевает меж тем чешуйчатый панцирь
(Золотом панцирь сверкал, и горел он светлою бронзой),
Меч берет он, и щит, и рогатый шлем красногривый
(Бог огнемощный сковал тот меч для родителя Давна,
В волны Стикса клинок погрузив, добела раскаленный);
После с силой схватил и потряс он могучею пикой,
Что прислоненной к столпу посреди чертога стояла
(Пику он эту добыл у аврунка Актора в битве).
Громко рутул вскричал: «Ты всегда безотказно внимала,
Пика, моим мольбам! Приближается срок! Помоги же
Турну, который тобой после Актора ныне владеет!
Дай полумужа сразить фригийца, и сорванный панцирь
Мощной рукой изломать, и в пыли ему выпачкать пряди
Влажных от мирры кудрей, завитых горячим железом».
Бешенство гонит его, от щек, пылающих жаром,
Искры летят, и в безумных глазах огонь полыхает.
Так бычок молодой, протяжным пугая мычаньем,
Пробует в гневе рога перед первою битвой, упёршись
В крепкий древесный ствол, и бодать пытается ветер
Или, готовясь к борьбе, песок копытами роет.

В это же время Эней, не меньшим гневом исполнен,
Сердце для битвы крепил, облачившись в доспех материнский,
Радуясь, что договор конец положит сраженьям.
Сам утешал он друзей и тревогу печального Юла,
Им открывая судьбу, и мужей отрядил, чтоб Латину
Твердый ответ отнести, известить об условиях мира.

Только лишь новый день, восходя, осыпал лучами
Горы, и ввысь поднялась из пучины Солнца упряжка,
Головы гордо подняв, из ноздрей выдыхая сиянье,—
Стали тотча́с же у стен великого города порознь
Тевкры и рутулов рать готовить поле для битвы,
Общим богам воздвигать алтари из зеленого дерна
И очаги. А другие огонь и воду приносят,
Бедра одев полотном и виски увенчавши вербеной.
Вот авзонидов войска выходят, строй копьеносный
В поле течет из ворот. Выступают навстречу троянцы,

Вслед тирренцев полки, непохожи на тевкров оружьем.
Каждый так снаряжен, словно Марсов бой беспощадный
Войско зовет. Меж бойцов в багреце и в золоте гордом
Скачут, красуясь, вожди: Мнесфей, Ассарака потомок,
Храбрый тирренец Азил; впереди ополченья латинян
Едет Мессап, укротитель коней, Нептунова отрасль.
Подали знак — и ряды по своим сторонам расступились,
Копья воткнулись в песок, и щиты к ним бойцы прислонили.
Гонит на кровли домов, на высокие башни тревога
Весь безоружный народ, матерей и немощных старцев,
И у ворот городских толпой теснятся лаврентцы.

В это мгновенье с холма, что зовется ныне Альбанским,—
Встарь же ни имени он не имел, ни почета, ни славы,—
Дочь Сатурна поля оглядела с вершины, и оба
Войска враждебных на ней, и город владыки Латина.
Турна сестре сказала она, богиня — богине,
Властной над влагой озер и о звонких пекущейся реках,
Ибо возвысил ее священной почестью этой,
Девство похитив у ней, повелитель высокий эфира:
«Нимфа, потоков краса, моему любезная сердцу,
Ведаешь ты, что тебя среди жен латинских, деливших
Ложе, постылое мне, с Юпитером великодушным,
Я отличила одну, наградив небесным уделом.
Знай же, что горе тебе грозит, и меня не кори им:
Прежде казалось мне, что не враждебны Фортуна и Парки
Лация делу — тогда я хранила твой город и Турна,
Ныне же храбрый вступил с судьбой в неравную битву.
Паркой назначенный срок и десница врага уже близки.
Я не в силах смотреть ни на их договор, ни на битву.
Если отважишься ты ради брата хоть что-нибудь сделать,—
Действуй, пора! Быть может, придет к злополучным удача!»
Этим богини словам отвечала слезами Ютурна,
Дважды и трижды рукой в благородную грудь ударяя.
«Плакать не время, спеши,— говорит царица Юнона,—
Брата, коль способ найдешь, попытайся вырвать у смерти,
Вновь их сражаться заставь и разрушь союз заключенный.
Я отвечаю за все». И покинула нимфу Юнона,
Дух колебаньем смутив и ранив сердце печалью.

Тою порой показались цари: в колеснице четверкой
Едет могучий Латин, и венец на челе его блещет
Яркий, о дважды шести лучах золоченых,— отличье
Внуков Солнца; и Турн белоснежной парою правит,
Две в руке у него с широкими жалами пики.
Вот и родитель Эней, зачинатель племени римлян,
Звездным сверкая щитом, небесным доспехом сверкая,

С ним Асканий — второй залог величия Рима,—
Лагерь покинув, идут; облаченный в белое платье
Жрец поросенка ведет и овцу, не знавшую стрижки,
В жертву богам, к алтарям, где пылает жаркое пламя.
Взоры очей обратив восходящему солнцу навстречу,
Головы жертв посыпают цари соленой мукою,
Метят их острым клинком и творят на алтарь возлиянье.
Благочестивый Эней с мечом обнаженным взмолился:
«Солнце в свидетели я призываю и Лация землю,
Ради которой труды и невзгоды я тяжкие вынес!
Ты, всемогущий Отец, с твоей сестрой и супругой,
К нам благосклонной теперь по молитвам моим! Ты, родитель
Марс, прославленный бог, в чьей власти битвы и войны!
Будьте свидетели мне и вы, Родники и Потоки,
Вы, божества, сколько есть вас в морях и высоком эфире!
Если жребий отдаст авзонийскому Турну победу,
В город Эвандра тогда пусть уйдут побежденные тевкры,
Эти поля покинет мой сын, и впредь энеады
Ваших не будут держав мечом мятежным тревожить.
Если же судьбы пошлют победу нашему Марсу,—
В это я верю, и пусть не обманут всевышние веры,—
Тевкрам я подчинять италийцев не стану и царской
Власти искать для себя: пусть не будет никто побежденным,
Пусть неразрывный союз равноправные свяжет народы.
Я лишь богов и святыни вам дам. Пусть торжественной
власть
Тесть мой владеет, Латин, на войне и в мире,— для нас же
Тевкры град возведут, и Лавиния даст ему имя».
Так Эней говорил, и Латин вослед ему молвил,
К небу взор устремив, простирая руки к светилам:
«Теми же я клянусь Землей, Светилами, Морем,
Януса ликом двойным и чад Латоны четою,
Силой подземных богов и святилищем крепкого Дита!
Мне да внемлет Отец, освящающий молнией узы!
Вы, божества и огни алтарей, которых касаюсь,
Мне свидетели: мир и союз нерушим для латинян,
Что б ни случилось, вовек. Никакая сила отныне
Волю не сломит мою — пусть бы даже в потопе смешались
Волны и суша и свод небес обрушился в Тартар,—
Так же, как этот жезл (был жезл в руке его правой)
Тени не даст никогда, не оденется легкой листвою,
После того как в лесу со ствола материнского срезан,
Соков лишен, потерял под ножом он и кудри и ветви,
Некогда сук, но теперь рукой искусной оправлен
В медный убор и вручен отцам народа латинян».
Так говорили цари, договор скрепляя взаимно,
Перед очами вождей, а потом над огнем по обряду

Жертвы заклали они освященные, заживо вырвав
Сердце и печень у них и алтарь отягчивши дарами.

Но уж неравным теперь поединок царей представлялся
Рутулам; в душах у них несогласные борются чувства
Тем горячей, чем ближе они превосходство Энея
Видят. И пуще сердца́ взволновал лицом изможденным,
Взором потупленным Турн, когда он к алтарю, побледневший,
Шел и с мольбою к нему припал, не промолвив ни слова.
Слышит Ютурна: в толпе раздается ропот все громче,
Шаткие души людей обращаются к помыслам новым;
В гущу стоящих бойцов, приняв обличье Камерта
(С прадедов был могуч его род, и отец возвеличил
Доблестью имя его, и он сам был воин отважный),
В гущу бойцов замешалась она и стала умело
Сеять ропот меж них, подстрекая такими речами:
«Видеть не стыдно ли вам, как за нас за всех подставляет
Жизнь один под удар? Иль числом не равны мы и силой
Нашим врагам? Вот вся она здесь, аркадцев и тевкров
Рать роковая, и вот ненавистные Турну этруски:
Всем не хватит врагов, коль один на один мы сойдемся!
Турн к небожителям, чьим алтарям он себя посвящает,
Будет молвой вознесен, и не смолкнет в устах его имя.
Мы же, отчий наш край потеряв, надменным владыкам
Станем рабами, коль здесь сидеть останемся праздно».
Воинов рвенье она разожгла такими речами,
Громче и громче пополз по ратям рутулов ропот.
Даже латиняне все и лаврентцы, которые прежде
Лишь о спасенье страны, о покое и мире мечтали,
Рвутся к оружью опять и молятся, чтоб не успели
Клятвой скрепить договор, и об участи Турна жалеют.
Нимфе все мало, и вот, затеяв новую хитрость,
Знаменье в небе она явила (ничто италийцам
Ум не могло сильней помутить, чем обманное чудо):
В алом эфире летел орел Юпитера бурый,
Птиц прибрежных вспугнув, за крылатым гнался он строем;
Вдруг упал с высоты и прекрасного лебедя поднял
Злобный разбойник из волн, кривыми впившись когтями.
Духом воспрянув, глядят италийцы на дивное дело:
С криком всей стаей назад повернули бегущие птицы,
Свет крылами застлав и сбившись плотною тучей,
В небе погнали врага,— и, натиском их побежденный,
Выпустил хищник из лап, ослабевших от тяжести груза,
В воду добычу и сам в облака умчался трусливо.
Рутулов радостный клич предвестье лживое встретил.
Тянутся руки к мечам. И первым гадатель Толумний
Молвит: «Ниспослано то, о чем просил я в молитвах!

Вижу богов, богов узнаю! Берите оружье,
Я поведу, несчастные, вас, которых войною
Злобный пришлец запугал, словно птиц бессильных, явившись
Берег ваш разорять. Но на всех парусах убежит он
В море трусливо. А вы ряды дружнее сомкните:
В битве царя защитим и отнять его не позволим!»
Вымолвив, он из рядов выбегает и в тевкров бросает
Пику; прямо летит, рассекая воздух со свистом,
Ветка кизила. И вмиг раздаются крики повсюду,
Вмиг запылали сердца, и ряды смотревших смешались.
Пика меж тем,— у нее на пути живою преградой
Девять прекрасных сынов аркадца Гилиппа стояло,
Братьев, рожденных одной тирренкой-матерью старцу,—
В тело впилась одному, туда, где живот его стянут
Кожаным поясом был, скрепленным пряжкою сбоку;
Юношу дивной красы, блиставшего пышным доспехом,
Пика пронзила насквозь и в песок опрокинула желтый.
Братья, отважный отряд, пораженные скорбью внезапной,
Тотчас хватают мечи и железо летучее копий,
Рвутся вслепую вперед; навстречу им выбегает
Строй лаврентских бойцов; и уже агиллинцы и тевкры
Мчатся лавиной густой и аркадцы в пестрых доспехах.
Страсть одна у врагов: решить оружием тяжбу.
Все алтари сметены. Взвихрённой черною тучей
По небу копья летят, и железный рушится ливень.
Чаши несут и жаровни назад. Латин убегает,
Прочь уносит богов, изгоняемых попраной клятвой.
Впрячь в колесницы коней спешат одни, а другие
Прыгают в седла, летят на врага с мечом обнаженным.
Вот на Авлеста-царя Мессап коня направляет
В жажде разрушить союз, и тирренца в царском уборе
Гонит он и теснит,— пока, попятившись в страхе,
Вдруг на алтарь, что сзади стоял, не наткнулся несчастный.
Навзничь он пал и на жертвенник лег головой и плечами;
Быстрый примчался Мессап, о пощаде молившего мужа
Толстым, тяжелым копьем он с коня ударил и молвил:
«Этот готов! Принес я богам наилучшую жертву!»
С теплого тела доспех италийцы, собравшись, сорвали.
Вот Кориней, на бегу с алтаря головню подхвативший,
Бросил Эбузу ее, для удара занесшему руку,
Прямо в лицо; борода занялась у Эбуза густая,
Смрад паленых волос полетел; Кориней же немедля
Левой рукою схватил врага трепетавшего кудри,
Наземь бросил его, придавил, упершись коленом
В грудь, и твердый клинок вонзил меж ребер. За Альсом,
Храбрым хранителем стад, среди первых летавшим сквозь
копья,

Мчался, меч занося, Подалирий; но Альс, обернувшись,
Острой секирой взмахнул и череп до подбородка
Надвое тевкру рассек, оросив доспех его кровью.
Тотчас же тяжкий покой, железный сон, опустившись,
Воину очи застлал навеки тьмой непроглядной.

Благочестивый Эней, не покрыв даже голову шлемом,
Громко к тевкрам взывал, протянув безоружную руку:
«Стойте! Куда вы? Зачем разгорелась распря нежданно?
Гнев сдержите, друзья! Заключен союз, и условья
Приняты: мне одному надлежит сражаться по праву!
В бой без страха меня пустите: узы скреплю я
Твердой рукой. Мне Турн обречен обрядом священным».
Но между тем как Эней увещал речами троянцев,
Вдруг со свистом к нему прилетела пернатая стрелка;
Ныне неведомо, чей послал ее лук, и какие
Ветры ее принесли, и кто осчастливил удачей
Рутулов — случай иль бог: погибла подвига слава,
Не похвалялся никто Энея пролитой кровью.
Турн, едва увидал, как Эней уходит из строя,
Как всполошились вожди, загорелся пылкой надеждой:
Требует вновь он коней и доспех и, вскочив в колесницу,
В руки поводья берет, преисполнен гордости новой.
Много могучих мужей, пролетая, он гибели предал,
То полумертвыми их валил, то давил колесницей,
То убегавших разил, из убитых выхватив копья.
Так окровавленный Марс над потоком Гебра студеным,
Звоном щита возбуждая вокруг беспощадные битвы,
Бешеных гонит коней, и быстрей Зефира и Нота
По полю мчатся они; под копытами быстрыми стонет
Фракии дальней земля; а следом спутники бога —
Мрачного Ужаса лик, и Гнев, и Козни несутся.
Марсу подобный, коней, от пота дымящихся, гонит
Турн окрыленный, глумясь над врагами, что жалкою смертью
Гибнут вокруг; летят от копыт горячие брызги
Алой кровавой росы, и песок стал от крови зыбучим:
Издали Турн Сфенела сразил, а Фамира и Фола —
В ближнем бою; издалёка настиг он двоих Имбрасидов —
Главка и Лада — копьем; в краю Ликийском взрастил их
Имбрас и сам на войну снарядил, чтоб могли они равно
Биться и в пешем строю, и верхом, ветра обгоняя.
В поле с другой стороны на врагов устремился отважно
Славный воитель Эвмед, Долона древнего отпрыск;
Имя он деда носил, а мощью и храбростью равен
Был отцу, что лазутчиком шел к данайскому стану,
Дерзко в награду себе испросив упряжку Пелида;
Но заплатил за дерзость ему другою наградой

Сын Тидея, и он о конях уж не думал Ахилла.
Турн, чуть завидел вдали на равнине открытой Эвмеда,
Легким дротом в него метнул, прорезавшим воздух,
Резвых коней задержал, с колесницы спрыгнул проворно,
Кинулся прямо к врагу, лежавшему замертво в прахе,
Шею ногой придавил и, меч из рук его вырвав,
В горло клинок вонзил глубоко и над трупом промолвил:
«Землю хотел захватить ты в краю Гесперийском? Отмерь же
Собственным телом ее! Такую награду уносят
Все, кто на нас нападет; города здесь так воздвигают!»
Пику метнув, отправил он вслед за Эвмедом Асбута,
После — Хлорея, Дарета, Сиба́риса и Терсилоха,
С ними — Тимета, что был норовистой лошадью сброшен.
Если, шумно дыша, на эгейский простор налетает
Вдруг эдонийский Борей,— убегают к берегу волны,
И под напором его разбегаются по небу тучи.
Так же, где бы себе ни прокладывал рутул дорогу,—
Вспять отряды бегут. Порыв увлекает героя,
Грива на шлеме его развевается по́ ветру бурно.
Горько Фегею глядеть, как неистовый Турн побеждает.
Путь преградив упряжке врага, покрытые пеной
Он поводья схватил, на бегу повернул колесницу,
Сам же, конями влеком, повис на дышле, подставив
Бок удару копья,— прорвав двойную кольчугу,
Тело задел наконечник легко и крови отведал.
Тотчас к врагу повернулся Фегей, щитом прикрываясь,
Начал с мечом наступать, друзей призывая на помощь,
Но колесница вперед рванулась и с ног его сбила,
Бросила наземь его под колеса, и Турн подбежавший
Шею ему мечом разрубил меж кольчугой и шлемом,
Голову снес и оставил в песке безглавое тело.

Тою порой, как Турн губил врагов, побеждая,
Верный Ахат и Мнесфей и с ними юный Асканий
В лагерь к шатрам привели залитого кровью Энея:
Шел он, за шагом шаг, опираясь на длинную пику,
В гневе обломок стрелы из раны вырвать пытался,
Требовал, чтобы друзья помогли ему способом скорым:
Рану широким мечом иссекли и скрытое в теле
Вынули жало стрелы и вернуться в бой разрешили.
Я́пиг, Иасия сын, подошел, Аполлона избранник;
Бог ему в давние дни, воспылав любовью великой,
Радостно все искусства свои предлагал и уменья:
Или пророчества дар, иль кифару, иль быстрые стрелы.
Япиг, желая продлить отца одряхлевшего годы,
Силу трав предпочел узнать, врачеванья приемы
Все изучить, чтоб в тиши заниматься скромным искусством.

Горько ропща, стоял Дарданид, на копье опираясь,
Рядом — троянцев толпа и плачущий отрок Асканий.
Только Эней недоступен слезам. А старец хлопочет,
Полы плаща подобрав по обычаю всех пеанидов:
То умелой рукой, то могучими травами Феба
Тщетно старается он помочь, и железо из раны
Пальцами хочет достать и цепкими вырвать щипцами.
Нет удачи ему, и на помощь отец врачеванья
Феб не приходит; меж тем на полях все больше и больше
Ужас растет, все ближе беда: застилается небо
Пылью, и всадников строй подступает, и стрелы на лагерь
Сыплются частым дождем, и в эфир высокий взлетают
Скорбные вопли бойцов, сражаемых Марсом суровым.
Горько Венере глядеть на мученья безвинные сына.
Тотчас она сорвала ясенец на Иде Диктейской —
Стебель с пурпурным цветком, от спелых листьев кудрявый;
Знают эту траву быстроногие горные козы,
Ищут ее, убежав со стрелой пернатою в теле.
Облаком темным лицо окутав, приносит Венера
Травку и тайно ее погружает в блестящую чашу;
Влаге, налитой в нее, придав целебную силу,
Сок амвросии льет и душистый состав всецелящий.
Рану влагой омыл ни о чем не ведавший Япиг —
Боль немедля ушла и покинула тело Энея,
Кровь перестала течь, осушилась глубокая рана,
Тотчас, покорно руке, без усилья вышло из тела
Жало стрелы, и к царю вернулись прежние силы.
«Что ж вы стоите? Скорей вождю несите оружье! —
Япиг вскричал и сердца наполнил мужеством новым.—
Нет, не силе людской, не стараньям искусства обязан
Ты избавленьем, Эней, не моей исцелен ты рукою:
Бог великий тебя для великих дел возвращает».
Быстро поножи надел герой, стосковавшись по битве,
Пикой тяжелой взмахнул; промедленье ему ненавистно.
Панцирь уже на плечах, и щит удобно прилажен.
Юла привлек родитель к груди, одетой в доспехи,
И хоть мешал ему шлем, коснулся сына губами,
Молвив: «Учись у меня трудам и доблести, сын мой,
Быть счастливым учись у других. Тебя защищу я
В битве своею рукой, поведу к великим наградам.
Ты же о нас не забудь и, когда созреешь годами,
Пусть побуждает тебя подражать высоким примерам
Мысль, что Эней — твой отец и что брат твоей матери —
Гектор».

Молвив такие слова, он из лагеря вышел, огромный,
Мощною пикой в руке потрясая; за ним устремились

Быстро Анфей и Мнесфей, и густой толпой за ворота
Воины хлынули все. В непроглядном облаке пыли
Скрылись от взоров поля, задрожала земля под ногами.
Видит Турн, что враги из лагеря снова выходят,
Видят противника вновь авзонийцы — и трепет холодный
Их пронизал до мозга костей. Всех раньше Ютурна
Тевкров услышала клич и в бегство бросилась в страхе.
Мчится Эней и чернеющий строй ведет по равнине;
Так, если вихрь налетит,— к земле стремительно мчится
По морю столб водяной, и сердца земледельцев сжимает
Вещий страх, ибо смерч немало свалит деревьев,
Много посевов сметет, на пути своем все разрушая;
Грохот меж тем доносят до них предвестники-ветры.
Смерчу подобна, идет предводимая мужем ретейским
Рать на врага; сплотившись тесней, построились в клинья
Тевкры. И вот уж мечом Тимбрея повержен Оси́рид,
Вот уж Ахатом убит Эпулон, Арцетий — Мнесфеем,
Уфент Гиасом сражен; погиб и гадатель Толумний,
Тот, что первым копье во врагов безоружных направил.
К небу вздымается крик; в свой черед под натиском тевкров
Рутулы мчатся назад, убегая по пыльному полю.
Но не желает Эней истреблять ни бегущих постыдно,
Ни в рукопашную с ним дерзающих биться на равных;
Тех, кто бросает копье, не преследует он,— одного лишь
Турна ищет во мгле, лишь его на бой вызывает.
Ужас душу потряс Ютурне, деве отважной.
Сильным ударом она Метиска, Турна возницу,
Сбросила прочь с передка, и лежать в пыли он остался,
Нимфа же в руки сама взяла волнистые вожжи,
Голосом, ростом, лицом и оружьем подобна Метиску.
Ласточка вьется порой по дому богатого мужа,
В атрий высокий впорхнув, и на черных крыльях кружится,
И, для крикливых птенцов собирая скудную пищу,
То по просторным сеням, то над самой водою мелькает;
Ласточке этой под стать, летит меж врагами Ютурна,
Быстрых коней торопя, колесницу по полю гонит,
Дальше спешит без дорог, чтоб и там и здесь показался
Радостный Турн, но нигде не успел завязать поединок.
Встречи с Турном ища, и Эней кружит по равнине,
По́ следу мчится за ним, через головы ратей разбитых
Громко кличет врага,— но едва лишь, поймав его взглядом,
Пустит троянец быстрей скакунов крылоногих вдогонку,
Тотчас, коней повернув, ускользает в сторону нимфа.
Как же ему поступить? Понапрасну прибоем бушуют
Мысли и душу влечет то одно, то другое решенье.
Вдруг Мессап, что держал два дрота с жалом железным
Гибких в левой руке, замахнулся одним и направил

Метким броском в Энея его, налетевши нежданно.
Встал на месте Эней и, согнув колени, укрылся
Весь за огромным щитом,— и дрот лишь маковку шлема
Снес у него и с гребня сорвал мохнатую гриву.
Пуще коварство врага распалило ярость героя.
Видит он: вновь и вновь колесницу кони уносят,—
И, громовержца призвав на алтарь взглянуть, осквернённый
Попранной клятвою, сам устремился в толпу италийцев,
Страшную сечу меж них учинил, разя без разбора,
Гнева узду отпустив, благосклонным сопутствуем Марсом.

В песне кто из богов мне о грозной поведает сече,
Гибели горькой вождей, которых по полю гнали
В свой черед то троянский герой, то рутул отважный?
Ты ли, Юпитер, хотел племена, которым навеки
Мир уготовил ты сам, испытать великой войною?
Только лишь, в битву вступив, Эней напал на Сукрона,
Встали на месте бойцы, задержался натиск троянцев;
Сбоку ударил герой, и недолго противился рутул:
В ребра вонзился клинок и принес мгновенную гибель.
Турн Амика в тот миг, когда конь его сбросил, на пику
Принял в пешем бою, и следом брата Диора
Острым железом сразил; отсеченными их головами
Он колесницу свою украсил и дальше умчался.
Предал смерти Эней Танаиса, Цетега и Тала,
Против троих сражаясь один, и за ними Онита
(Был он, несчастный, рожден Перидией отцу Эхиону).
Турн ликийцев двоих, пришедших с Фебовых пашен
Братьев родных, распростер, и аркадца Менота — напрасно
Тот ненавидел войну и на Лерне, рыбой обильной,
Жил ремеслом рыбака в дому убогом, не зная
Тягот богатства, с отцом, засевавшим наемную ниву.
Словно огонь в сухостойном лесу, с двух сторон запаленном,
С ревом несется вперед по кустам низкорослого лавра,
Словно потоки в горах, водопадами с круч низвергаясь,
Пеной покрыты, стремят на равнину ревущие воды,
Все на своем сметая пути,— так оба героя
Турн и Эней, несутся сквозь бой. Теперь до предела
Ярость наполнила грудь, и привыкшие только к победам
Рвутся сердца; разят лишь теперь они с полною силой.
Камень, обломок скалы, метнул троянец в Муррана;
Прадедов, дедов своих именами Мурран похвалялся,
Ибо весь его род царил на землях латинских,
Но с колесницы низверг его Эней, и под нею
Между колес повлеклось на вожжах его тело, и кони
Долго топтали его, позабыв о хозяине в бегстве.
С криком неистовым Гилл напал на Турна, но рутул

Пикой встретил врага и в висок золоченый ударил:
Шлем пробило копье и в мозгу пронзенном застряло.
Мощь руки, о Крефей, между греков храбрейший, от Турна
Не охранила тебя, и тебя, Купенк, от Энея
Боги твои не спасли: под удар налетевшего тевкра
Грудь ты подставил, и щит не сберег злосчастного медный.
Пашни Лаврента в тот день и тебя, Эол, увидали,
Как ты навзничь упал и простерся, руки раскинув,
Ты, кого не могли погубить ни фаланги аргивян,
Ни великий Ахилл, разрушитель Приамова царства.
Здесь ожидал тебя смерти предел: был дом твой под Идой,
Был в Лирнессе твой дом, а могила — в полях под Лаврентом.
Друг ко другу лицом повернулись враги: италийцы,
Тевкры все, и средь них Мнесфей с отважным Серестом,
Храбрый Азил и могучий Мессап, коней укротитель,
Тусков полки и конный отряд аркадца Эвандра,—
Каждый являет в бою высочайшую сил своих меру,
Отдыха воинам нет, не медлит упорная битва.

Новый прекрасная мать тут внушила замысел сыну:
Чтобы к стенам он пошел, повернул против города войско,
Чтобы скорее сломил пораженьем внезапным латинян.
Сам он, когда меж рядов по следу Турна носился,
Все озирая кругом, увидал, что покоится в мире
Город, вине вопреки, и великой войною не тронут.
Сердце Энею зажгло виденье бо́льшего боя.
Кликнув Сергеста к себе и Мнесфея с отважным Серестом,
Встал герой средь вождей на холме, и сбежались немедля
Тевкров отряды к нему и вокруг столпились, оружья
Не выпуская из рук. И сказал им Эней с возвышенья:
«Тотчас исполните все, что скажу я. С нами Юпитер!
Бой хоть по-новому мы поведем, но с прежней отвагой!
Город, причину войны, столицу Латина сегодня,—
Если не примут узды, не признают нашей победы,—
Я сокрушу и с землей подожженные кровли сровняю.
Должен ли ждать я, пока соизволит Турн побежденный
В битву вступить и один на один сойдется со мною?
Здесь и начало, друзья, и конец войны нечестивой!
Факелы дайте: огнем мы принудим латинян к союзу».
Так он сказал, и тотчас же все, соревнуясь отвагой,
Строятся в клин и к стенам спешат лавиною плотной.
Лестницы вдруг появились в руках и горящие ветки.
Мчатся к воротам одни, убивают стражу у входов,
Копий и стрел пеленой застилают не́бо другие;
Руку из первых рядов Эней к стенам простирает,
Громко Латина корит в том, что дважды вражду разжигал он,
Дважды союз разрывал, и клянется, богов призывая,

В том, что и ныне его против воли заставили биться.
В городе тотчас раздор между граждан испуганных вспыхнул:
Требуют те отворить перед войском дарданским ворота
И за собою влекут на стены старца Латина;
Эти оружье несут, к обороне готовясь упрямо.
Так порою пастух, нашедший в скважистом камне
Диких пчел, выкуривать их принимается дымом;
В страхе за царство свое, облетают пчелы вслепую
Стан восковой и гнев свой сильней разжигают жужжаньем,
Едкий запах меж тем по проходам течет, и гуденье
Слышится в полой скале, и дым подымается к небу.

Новое горе тогда истомленных постигло латинян,
До основанья Лаврент потрясло оно скорбью нежданной:
С кровли едва увидав, как враги стремятся на приступ,
Мечут огонь на крыши домов и влезают на стены,
И не противятся им, не дерутся рутулы Турна,—
Тотчас царица сочла, что погиб в сраженье несчастный
Юноша. Разум ее помутился от боли внезапной:
Громко причиной всех бед и началом себя именует
В скорбном безумье она и ведет бессвязные речи;
После, решив умереть и покров разорвав свой пурпурный,
Вяжет к балке сама безобразную смертную петлю.
Скоро об этой беде узнали латинские жены,
Пышные кудри свои растерзала Лавиния первой,
Щеки себе расцарапала в кровь,— и, наполнив чертоги
Воплями, женщины все предались неистовой скорби.
Горькая весть из дворца по всему разлетелась Лаврент у.
Падают духом бойцы; Латин разрывает одежды;
Смертью жены потрясен и крушеньем города скорым,
Пылью нечистой себе осыпает седины несчастный.

Тою порой воинственный Турн по краю равнины
Редких гнал беглецов,— но уже не с прежним усердьем,
И ликовал уж не так, когда кони врага настигали.
Вдруг до него донеслись непонятного полные страха
Вопли по ветру; и вот напряженным ловит он слухом,
Как зловещий растет в смятенном городе ропот.
«Горе мне! Вновь отчего оглашаются стены стенаньем?
Чьи это вопли сюда из далекого города слышны?»
Молвив, коней задержал, натянув поводья, безумец.
Тотчас богиня-сестра, что, приняв обличье Метиска,
Место возницы заняв, колесницей правила брата,
Молвит ему вперекор: «Истребляй троянских пришельцев
Здесь, где дорогу тебе открывает впервые победа.
Чтобы дома защищать, бойцы другие найдутся.
Пусть италийцев Эней в упорной преследует битве,—

Мы беспощадной рукой предавать будем смерти троянцев:
Ты ни убитых числом не уступишь дарданцу, ни славой».
Турн отвечал:
«О сестра, тебя я узнал, как только искусно
Ты договор заключить помешала и ринулась в битву;
Тщетно ты хочешь меня обмануть, о богиня. Но кто же
С неба тебя из богов послал на труды и на муки?
Брата ль несчастного ты прозреваешь жестокую гибель?
Что же мне делать теперь? Где сулит спасенье Фортуна?
Звал нас на помощь Мурран, на моих глазах умирая;
Не оставалось друзей у меня дороже Муррана,—
Но и могучий Мурран погиб под ударом могучим.
Уфент несчастный пал, не желая позор наш увидеть,
Ныне и телом его и оружьем владеют троянцы.
Я ли стерплю, чтобы враг (лишь этого нам не хватало!)
Жег дома? Я ли Дранка навет не смогу опровергнуть?
Эти неужто поля бегущим Турна увидят?
Так ли гибель страшна? Вы ко мне благосклонны пребудьте.
Маны, коль скоро богов небесных мне воля враждебна!
К вам с непорочной душой я сойду, не запятнанный гнусной
Этой виной и дедов моих достойный великих».

Так говорил он. Но вот сквозь толпу врагов пролетает
Пеной покрытый скакун, и, стрелою в голову ранен,
Са́кет несется на нем, окликая по имени Турна:
«Сжалься над нами, Турн! На тебя лишь осталась надежда!
Молнией меч Энея разит, угрожает пришелец
В прах низвергнуть и сжечь пожаром твердыню латинян.
Факелы вражьи летят на кровли. Все италийцы
Взор обращают к тебе. Латин решиться не может,
С кем договор заключить, кого назвать ему зятем.
Та, что преданней всех тебя любила,— Амата
Жизни лишила себя и мир покинула в страхе.
Только Мессап и отважный Атин защищают ворота,
Дать пытаясь отпор отовсюду рвущимся тевкрам.
Вкруг железной стерней клинки врагов вырастают.
Ты же на поле пустом колесницу гонишь напрасно».
Замер Турн, поражен событий новым обличьем,
Молча вокруг озирается он. Воедино сливаясь,
В сердце бушуют сильней и стыд, и скорбь, и безумье,
Вера в доблесть свою и любовь, распаленная местью.
Только лишь сумрак исчез и вернулась к разуму ясность,
Взоры горящие Турн обратил к стенам и воротам
И с колесницы своей обозрел в тревоге твердыню.
Там уже огненный вихрь, пожирая доски настилов,
К небу взметнулся, клубясь над пожаром охваченной башней:
Сам он построил ее из надежно сколоченных бревен,

Снизу колеса подвел и мосты перекинул высоко.
«Рок побеждает, сестра! Теперь нельзя уже медлить!
Бог нас зовет и злая судьба — так пойдем же за ними.
Твердо решил я вступить в поединок с Энеем и горечь
Смерти узнать. Но в позоре меня не увидишь ты больше!
Только позволь мне, молю, отдаться ярости вольно!»
Так он сказал — и скорей с колесницы спрыгнул на землю,
Ринулся в гущу врагов, покидая печальную нимфу,
И, разрывая ряды, сквозь мечи и копья помчался.
Так тяжелый утес, оторвавшись от горной вершины,
Рушится с круч, иль подмытый дождем, или сваленный ветром,
Или древностью лет неприметно подточенный снизу;
Прыгая, катится он по кремнистым стремнинам в долину,
Злобною силой гоним, и в пути за собой увлекает
Скот, и леса, и людей,— и так же, ряды разметая,
Рутул несется к стенам, туда, где от пролитой крови
Влажной стала земля, где свищут в воздухе копья.
Знаки рукой подает он друзьям и громко взывает:
«Рутулы, стойте! И вы удержите, латиняне, копья!
Что ни готовит судьба — все мое! Договор оскверненный
Мне за всех искупать, мне решать эту тяжбу оружьем».
Все расступились бойцы, посредине очистив пространство.

Сам родитель Эней, лишь услышал противника имя,
Стены покинул тотчас, городскую покинул твердыню;
Все, что могло задержать, он спешит иль прервать, иль окончить,
Радости полный, встает, звеня доспехами грозно;
Словно Афон, огромен герой, словно Эрикс иль даже
Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега
Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет.
Вот уже рутулы взор обратили к Энею, и следом
Все троянцы и все италийцы — те, что на стенах
Сверху стояли, и те, кто снизу бил в них тараном,
С плеч поснимали щиты. Сам Латин дивится, увидев
Вместе могучих мужей, рожденных в разных пределах
Мира земного и здесь для последней сошедшихся битвы.
Оба врага между тем, едва опустела равнина,
Издали копья метнув, друг на друга бегом устремились:
Звонко столкнулись щиты, и Марсов бой разгорелся.
Тяжко стонет земля, ударяется чаще и чаще
В битве клинок о клинок; все смешалось — и доблесть и случай.
Так иль на Силе крутой, иль на склонах высоких Табурна
Два свирепых быка начинают сраженье, с разбега
Лбом ударяясь о лоб; трепеща, пастухи отступают;
В страхе немом, не мыча, ожидают покорно коровы,
Кто стада поведет, кто станет рощи владыкой;
С силой оба врага рога друг в друга вонзают,

Кровь широкой струей заливает подгрудки и плечи,
Громким отзвуком рев отдается по рощам окрестным.
Так же медью щитов сшибались оба героя,
Давна сын и Эней, наполняя грохотом небо.
Сам Юпитер меж тем, уравняв между чашами стрелку,
Взял весы и на них возложил противников су́дьбы:
Кто из двоих обречен, чья склонится к гибели чаша.
Турн устремился вперед, возомнив, что не встретит отпора,
Меч над Энеем занес и, во весь свой рост распрямившись,
Сверху обрушил удар. По рядам напряженно глядевших
Воинов крик пробежал. Но сломался меч вероломный,
Сделав напрасным удар и Турна предав. Кроме бегства,
Нет спасенья ему,— и пустился он, Эвра быстрее,
Лишь в безоружной руке рукоять чужую заметил:
В час, когда бой начался и Турн вскочил в колесницу,
Меч наследственный свой, как преданье гласит, позабыл он
И захватил второпях клинок возницы Метиска.
Честно служил этот меч, пока разбегались в испуге
Тевкры, но только лишь он скрестился с железом Вулкана,
Тотчас же смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась,—
Только на желтом песке заблестели тускло осколки.
Турн, обезумев, бежит, стремится к дальнему краю
Поля, несется то здесь, то там вслепую по кругу,
Тевкров густые ряды отовсюду его обступают,
Здесь — широкая топь, там — стена преграждает дорогу.
Столь же проворно Эней, хоть в колене, стрелою пронзенном,
Боль мешает подчас и шаги замедлять заставляет,
Гонится, гневный, бежит по пята́м за трепещущим Турном.
Так за оленем, когда он рекою от леса отрезан,
Или обложен кольцом пугающих перьев пурпурных,
Мчится охотничий пес, настигая с лаем добычу;
Зверя страшит и обрыв, и коварный заслон; все по тем же
Он пробегает путям, но, не зная устали, умбрский
Гонится пес и, готовясь вот-вот вцепиться клыками,
Щелкает пастью — но зря: только воздух пустой он хватает.
Шум вокруг поднялся; берега и озеро вторят
Крикам толпы, и небесный свод оглашается воплем.
Турн кричит на бегу, окликая всех поименно
Рутулов, просит друзей, чтобы меч ему дали привычный.
Смертью Эней любому грозит, кто только посмеет
Выйти вперед из рядов, и врагов он пугает дрожащих
Тем, что разрушит Лаврент, и летит, невзирая на рану.
Пятый замкнули они уже круг, пять раз пробежали
Путь свой туда и назад: ведь не ради ничтожной награды
Так состязались они, но о жизни спорили Турна.
Дикая в поле росла посвященная Фавну олива;
Прежде чтили ее мореходы и, спасшись от бури,

Богу Лаврента дары меж горьких вешали листьев
Иль по обету сюда одежды свои приносили.
Но без вниманья к тому, что священным дерево было,
Тевкры срубили его, расчищая равнину для битвы.
Ныне же в нем Энея копье торчало, и цепко
Корень жало держал, что в него с разлета вонзилось.
С силой налег Дарданид, из дерева вырвать пытаясь
Пику, чтоб ею настичь того, за кем он напрасно
Гнался доселе. Но Турн, обезумев от страха, промолвил:
«Сжалься, о Фавн, я молю, и ты, Земля всеблагая,
Крепче держите копье, если чтил я ваши святыни,
Те, что ныне войной осквернило пришлое племя!»
Так он сказал, не напрасно воззвав к божественной силе:
Долго мешкал Эней и боролся с цепким обрубком.
Но из древесных тисков даже он могучей рукою
Пику вырвать не мог. А пока он старался и бился,
Давна бессмертная дочь, в обличье возницы Метиска,
Вышла вперед и меч подала бегущему брату.
В тот же миг, негодуя на то, что дозволено дерзкой
Нимфе вмешаться, копье вырывает из корня Венера.
Вновь оружьем враги и собою вновь овладели:
Турн — уповая на меч, и Эней — копьем своим грозен,
Встали, дыша тяжело, лицом к лицу для сраженья.

Молвил меж тем всемогущего царь Олимпа Юноне,
Сверху из туч золотых на битвы смертных взиравшей:
«Где же конец, о жена? Что еще тебе остается?
Знаешь ведь ты, и не споришь сама, что знаешь: на небе
Будет Эней Индигет, судьбой до звезд вознесенный.
Что замышляешь ты вновь, на что надеешься, прячась
В тучах? Пристало ль тебе стрелою смертною ранить
Бога и отнятый меч — без тебя что могла бы Ютурна? —
Турну опять возвращать, побежденных силы умножив?
Так не упорствуй, прошу, и к моим склонись увещаньям.
Чтоб не точила тебя безмолвная боль, пусть польются
Горькие пени твои из сладостных уст предо мною.
Мы до предела дошли. По морям ты могла и по суше
Тевкров бросать, могла ты разжечь несказанные войны,
Скорбными воплями дом вместо брачных песен наполнить.
Дальше идти запрещаю тебе!» Так начал Юпитер.
Взоры потупив, ему Сатурна дочь отвечала:
«Верь, о Юпитер, твоя мне, великий, ведома воля:
Лишь повинуясь тебе, я покинула землю и Турна,
А не то бы меня ты не видел меж туч одинокой,
Все готовой снести,— нет, одета огнем, между ратей
Встала бы я и на гибельный бой увлекла бы троянцев.
Да, признаюсь, это я убедила Ютурну на помощь

Брату прийти и на многое ей дерзнуть разрешила
Ради него,— но ни лук, ни копье ей брать не велела.
В этом тебе я клянусь беспощадного Стикса истоком,
Ибо пред ним лишь полны небожители страхом священным.
Что ж, я теперь отступлю, ненавистные битвы покину.
Но заклинаю: хоть то, что не связано рока веленьем,
Сделай для Лация ты, для величья Сатурнова рода.
Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу,
Но, с пришлецами союз на любых заключая условьях,
Древнего имени пусть не меняет племя латинян;
Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться,
Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться.
Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба,
Римский да будет народ италийской доблестью мощен.
Трои нет. Так дозволь, чтобы с ней даже имя исчезло».
Молвил с улыбкой в ответ людей и мира создатель:
«Вправду Сатурну ты дочь и сестра Юпитеру, если
Сердце твое бушует таким неистовым гневом!
Но позабудь и былую вражду, и напрасную ярость:
Просьбу исполню твою. Побежденный, сдаюсь добровольно.
Пусть и нравы отцов, и язык сохранят авзониды
С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры,
Но растворятся средь них. Учрежу и обрядов священных
Чин, единый для всех, и свяжу народы наречьем.
Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови,
Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных
Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет».
Тут, не переча ему, укротила дух свой Юнона,
С неба сошла за супругом вослед и покинула тучи.

Это свершив, на другое Отец помышленья направил:
Хочет из битвы изгнать он пособницу брата — Ютурну.
Есть две гнусных сестры, близнецы по прозванию Диры,
Мрачная Ночь родила вместе с третьей сестрою, Мегерой,
Дочерью Тартара, их, и таких же извивами гадов
Дир оплела, и дала им крыла, что ветер взметают.
Подле престола Отца, у порога сурового бога
Ждут приказов они, насылают на смертных недужных
Страх, если царь богов иль болезнью, иль гибелью хочет
Их покарать, иль войной устрашает город виновный.
С неба одной из сестер на проворных крыльях спуститься
Бог повелел и предстать пред Ютурной знаменьем грозным.
Взмыла она и к земле понеслась в стремительном вихре;
Так стрела в облаках, с тетивы сорвавшись со свистом,
Мчится: ее напитал ядовитым соком парфянин,
Или кидон, чтобы раны врагов исцеленья не знали;
Глазу незрима, стрела рассекает скользящие тени,—

Так же на землю с небес проносилось Ночи отродье.
Издали строй увидав илионский и Турна отряды,
Сжалась тотчас же она, обернулась малою птицей.
Что на могильных холмах иль на кровлях домов опустелых
Часто сидит по ночам и поет зловещую песню.
Облик той птицы приняв, перед Турном кружиться и виться
С шумом стала она и о щит колотиться крылами.
Страх цепенящий сковал ослабелое рутула тело,
Волосы вздыбил испуг, и голос в горле пресекся.
Шумной Диры полет и крыла издалёка узнала
Турна сестра, и волосы рвать принялась она в горе,
Щеки следами ногтей осквернять и грудь — кулаками.
«Чем теперь тебе, Турн, сестра поможет родная?
Что мне, упорной, еще остается? Каким ухищреньем
Жизнь тебе я продлю? Как противиться чуду такому?
Я оставляю борьбу. Не множьте, гнусные птицы,
Ужас мой: узна́ю я погибельный шум и удары
Ваших крыл. Твой надменный приказ, о великий Юпитер,
Внятен Ютурне! Ты та́к за девство мое заплатил мне?
Вечную жизнь для чего ты мне дал? Почему у несчастной
Отнят смерти удел? Ведь конец положить этой муке
Я бы могла и к теням спуститься спутницей брата.
Нет, я бессмертна! Но что мне будет по-прежнему мило,
Брат, без тебя? Какая земля распахнет столь глубоко
Недра свои, чтобы я, богиня, к манам низверглась?»
Молвила так и, чело голубым покровом окутав,
С горестным стоном в реке богиня скрылась глубокой.

Турна троянец теснит, потрясая могучею пикой
С древком, огромным, как ствол, и молвит с сердцем суровым:
«Что же ты медлишь опять? Каких уверток ты ищешь?
Время не резвостью ног, но оружьем нам потягаться!
Можешь любое принять обличье, можешь на помощь
Все призвать, чем сильна иль отвага твоя, или хитрость,
Птицей ли к звездам взлететь иль укрыться в пещерах
подземных».
Турн отвечал, покачав головой: «Твоих не боюсь я
Громких угроз: лишь богов я боюсь и вражды громовержца».
Речь он прервал, огляделся вокруг и камень увидел,
Камень старинный, большой, посредине положенный поля
Зна́ком межи и судьей, если тяжба о пашнях случится;
На плечи только с трудом его взвалили бы двенадцать
Самых могучих мужей из рожденных ныне землею.
Камень дрожащей рукой схватил герой и с разбега
Бросил в Энея его, во весь свой рост распрямившись.
Но ни вперед выходя, ни спасаясь бегством, ни камень
Тяжкий подняв и метнув,— себя не помнил несчастный,

Кровь леденела в груди, подгибались ноги в коленях.
Камень его потому, в пустоте напрасно вращаясь,
Все расстоянье не мог пролететь и ударить Энея.
Словно ночью во сне, когда смежает нам веки
Томный покой, и мерещится нам, что стремимся мы жадно
Дальше бежать, но вотще; ослабев от первых усилий,
Никнем мы, цепенеет язык, и уж нам непокорны
Голос и слово, и сил привычных лишается тело.
Так же и Турн, куда бы свой путь ни направил отважно,
Нет ни в чем успеха ему от богини зловещей.
Чувства мятутся в душе у него; на друзей и на город
Смотрит он, медлит, дрожит, занесенной пики пугаясь,
Ни к отступленью пути, ни для боя сил не находит,
Нет колесницы нигде, и сестры-возницы не видно.
Враг роковое копье перед медлящим Турном заносит,
Целится, чтобы верней его направить,— и мечет,
Тело вперед устремив. Осадным пущен оружьем,
Камень грохочет не так, не таким рассыпается громом
Молнии грозный удар. Подобна черному вихрю,
Пика летит и гибель несет и, щит семислойный,
Круглый снизу пробив, разорвав у края кольчугу,
Мышцы бедра пронзает насквозь. Подсеченный ударом,
Турн колени согнул и поник на землю, огромный.
Вскрикнули рутулы все — и на голос ответили гулом
Горы, и рощи вокруг вернули отзвук протяжный.
Взор смиренный подняв, простирая руку с мольбою,
Молвил Турн: «Не прошу ни о чем: заслужил я расплаты.
Пользуйся счастьем своим. Но если родителя горе
Может тронуть тебя, то молю я — ведь старцем таким же
Был и отец твой Анхиз — пожалей несчастного Давна,
Сына старцу верни или тело сына, коль хочешь.
Ты победил. Побежденный, к тебе на глазах авзонийцев
Руки простер я. Бери Лавинию в жены — и дальше
Ненависть не простирай». Эней, врага озирая,
Встал неподвижно над ним, опустил занесенную руку...
Медлит герой, и склоняют его к милосердью все больше
Турна слова — но вдруг на плече засверкала широком
Перевязь. Вмиг он узнал украшенья ее золотые:
Раной смертельной сразив Палланта юного, рутул
Снял прекрасный убор и носил на плече его гордо.
Видит добычу врага, о потере горестной память,
Гневный Эней — и кричит, загораясь яростью грозной:
«Ты ли, одетый в доспех, с убитого сорванный друга,
Ныне уйдешь от меня? Паллант моею рукою
Этот наносит удар, Паллант за злодейство взимает
Кровью пеню с тебя!» И, промолвив, меч погрузил он
С яростью в сердце врага, и объятое холодом смертным
Тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном.

Песнь о Роланде

Героический эпос

Перевод со старофранцузского

Ю. КОРНЕЕВА

Текст печатается по изданию:
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»,
серия первая, том 10.
Издательство
«Художественная литература»,
М., 1976

I

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял,
Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни.
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлона славит,
Но не уйдет он от господней кары.
Аой!

II

Однажды в зной Марсилий Сарагосский
Пошел искать прохлады в сад плодовый
И там прилег на мраморное ложе.
Вкруг — мавры: тысяч двадцать их и больше.
Он герцогам своим и графам молвит:
«Узнайте, господа, о нашем горе:
Карл-император нам грозит разгромом.
Пришел из милой Франции он с войском.
А у меня нет силы для отпора,
И не хватает мне людей для боя.
Совет подайте, мудрые вельможи,
Как избежать мне смерти и позора».
В ответ ему язычники — ни слова.
Не промолчал лишь Бланкандрен Вальфондский.

III

Блистал меж мавров Бланкандрен умом,
На поле битвы был боец лихой,
Советом рад сеньеру был помочь.
Он говорит: «Оставьте страх пустой.
Отправьте к Карлу-гордецу послов,
Клянитесь другом быть ему по гроб.
Пошлите в дар ему медведей, львов,
Псов, соколов линялых десять сот,
Верблюдов, мулов с золотой казной,
Что не свезут и пятьдесят возов.
Наемникам пускай заплатит он.
Довольно нас он разорял войной,
Пора ему вернуться в Ахен вновь.
Скажите, что в Михайлов день святой
Там примете и вы завет Христов
И Карлу честным станете слугой.
Захочет он заложников — пошлем.
Хоть двадцать их отправим в стан его.
Не пожалеем собственных сынов,
Пошлю я первый на смерть своего.
Уж лучше там им положить живот,
Чем нам утратить славу, земли, кров
И побираться с нищенской сумой».
Аой!
[Язычники в ответ: «Совет хорош».]

IV

Воскликнул Бланкандрен: «Моей десницей
И бородой, что мне на грудь спустилась,
Я вам клянусь, французы лагерь снимут,
Во Францию уйдут, в свой край родимый,
И разбредутся по родным жилищам.
Карл в Ахен, град свой стольный, возратится,
Дождется дня святого Михаила,
Отпразднует его, но сроки минут,
А он о нас словечка не услышит.
Горяч и в гневе лют король спесивый,
С плеч голову заложникам он снимет.
Но лучше уж им головы лишиться,
Чем потерять нам край испанский милый
Да горе мыкать, как бездомным нищим».
Язычники в ответ: «Он прав, как видно».

V

Совет Марсилий распустил тогда.
К нему Кларен из Балагета зван,
Эстрамарен и Эдропен спешат,
И Приамон, и бородач Гарлан,
С Магеем-дядей Машине-смельчак,
Мальбьен Заморский, Жоюнье-силач
И Бланкандрен, что мастер речь держать.
Марсилий всем злодеям так сказал:
«Отправьтесь к Карлу спешно, господа.
Он осаждает Ко́рдову сейчас.
Несите ветвь масличную в руках —
Смирения и дружелюбья знак.
Коль с королем вы примирите нас,
Я серебра и золота вам дам,
Земель, феодов, всякого добра».
Они в ответ: «Заслужим, государь».
Аой!

VI

Тогда совет Марсилий распустил,
Сказал вассалам: «Доброго пути!
Пора вам наломать ветвей с олив
И ехать Карла-короля просить,
Чтоб нас он бога ради пощадил.
Не минет месяц, как вослед за ним
Явлюсь я с тысячью людей моих.
Пусть Карл велит их и меня крестить.
И буду я ему слугой всю жизнь.
А коль нужны заложники — дадим».
Воскликнул Бланкандрен: «То нам с руки!»
Аой!

VII

Велит привесть Марсилий мулов белых:
Король Сватильский в дар прислал их десять.
На каждом золоченая уздечка.
Послы в серебряные седла сели
И в руки взяли по масличной ветви.
Злодеи к королю французов едут.
Ему от козней их не уберечься.
Аой!

VIII

Карл-император радостен и горд:
Взял Ко́рдову он штурмом, башни снес,
Баллистами своими стены смел,
Рать оделил добычею большой —
Оружьем, золотом и серебром.
Язычников там нет ни одного:
Кто не убит в бою, тот окрещен.
Сидит в саду плодовом наш король.
При нем Роланд и Оливье-барон,
Спесивец Ансеис, и дук Самсон,
И Жоффруа, Анжу его феод,
В сраженьях знамя Карла он несет,
Жерен, Жерье, бойцов отборных сонм —
Всего пятнадцать тысяч храбрецов.
Одни расселись на шелках ковров,
Другие в зернь играют за столом;
Кто стар — склонен над шахматной доской;
Кто юн — потешным боем увлечен.
Там, где цветет шиповник, под сосной,
Поставлен золотой чеканный трон.
Карл, Франции король, сидит на нем.
Седоволос он и седобород,
Прекрасен станом, величав лицом.
Издалека узнать его легко.
Сошли с коней послы, узрев его,
Как должно, отдают ему поклон.

IX

Вот первым Бланкандрен заговорил.
Он молвит Карлу: «Пусть вас бог хранит,
Преславный бог, кого должны мы чтить!
Король Марсилий вам сказать велит:
Он понял, что закон ваш благ и чист,
И предлагает вам дары свои —
Верблюдов, львов, медведей, псов борзых
Да десять сот линялых ловчих птиц.
Пришлет на мулах столько он казны,
Что в пятьдесят возов не уместить.
У вас довольно будет золотых,
Чтоб заплатить наемникам своим.
Немало лет у нас вы провели.
Пора уже вам в Ахен ваш уйти.
Вослед туда придет мой господин».

Воздел наш император руки ввысь,
Чело в раздумье долу опустил.
Аой!

X

В раздумье Карл не поднимал чела
И долго, в землю взор вперив, молчал:
Ответ любил он взвесить не спеша.
Потом сурово глянул на посла
И так промолвил: «Речь твоя красна,
Но ваш Марсилий — мой заклятый враг.
Какую можешь ты поруку дать,
Что не солгали мне твои уста?»
«Заложников дадим,— ответил мавр.—
Найдем вам хоть десяток их, хоть два.
Их к вам отправят первые меж нас.
Пошлю и сам я сына хоть на казнь.
Вернитесь в Ахен, в свой дворец, назад.
Король мой в день спасенья на водах,
В Михайлов день, к вам явится туда
И в ваших богом созданных ключах
Воспримет, как сказал, закон Христа».
«Дай бог ему спастись!» — воскликнул Карл.
Аой!

XI

Прекрасен день, закат огнем горит.
В конюшню белых мулов отвели.
Карл приказал в саду шатер разбить,
Десятерых послов в нем поместил,
Двенадцать добрых слуг приставил к ним.
Проспали там посланцы до зари.
Встал Карл с рассветом, в церковь поспешил,
Все утро у святой обедни был,
Потом в саду сел под сосной в тени
И звать баронов на совет велит:
Он не привык вершить дела без них.
Аой!

XII

Карл-император под сосной воссел.
Сошлись к нему бароны на совет:
Турпен-архиепископ, дук Ожье,

С племянником Анри Ришар, что сед,
Граф Аселен, гасконский удалец,
Жерен, Тибо из Реймса и Жерье.
Пришел с Тибо Милон, его кузен,
И граф Роланд явился им вослед.
С ним знатный и отважный Оливье.
За тысячу собралось человек.
Пришел и Ганелон, предавший всех.
Совет тот стал причиной многих бед.
Аой!

XIII

Промолвил император Карл: «Бароны,
Прислал послов Марсилий Сарагосский.
Он мне сулит даров богатых много —
Верблюдов и медведей, львов и гончих,
Да соколов линялых десять сотен,
Да золотой казны на мулах столько,
Чтоб ею пятьдесят возов наполнить.
Взамен он просит, чтоб домой ушел я.
Прибыть клянется в Ахен вслед за мною.
Он примет там крещение святое
И в лен от нас свой край получит снова.
Но, может быть, он обмануть нас хочет».
Французы молвят: «Будем осторожны».
Аой!

XIV

Король умолк: он все сказал совету.
Но не одобрил граф Роланд той речи,
Поднялся с места. Карлу стал перечить.
Он говорит: «Марсилию не верьте.
Семь лет воюем мы в испанских землях.
Коммибль и Нопль добыл я вам в сраженьях,
Завоевал и Пину и Вальтерну,
Взял Балагет, Севилью и Туделу.
Марсилий же и раньше был изменник.
Прислал он к вам пятнадцать мавров прежде.
Из них нес каждый по масличной ветви.
Вели они пред вами речи те же,
Просили так же вы у нас совета,
И мы, глупцы, поверили их лести.
Послали вы двух ваших графов смелых,
Базана и Базилия, к неверным.
Марсилий их в Альтилье казни предал.

Как встарь, арабов без пощады бейте,
Ведите рать на Сарагосу-крепость,
Под нею стойте хоть до самой смерти,
Но отомстите за послов злодею».
Аой!

XV

Карл-император головой поник,
Мнет бороду и теребит усы,
Племяннику ответить не спешит.
Не промолчал лишь Ганелон один,
Поднялся с места, на ноги вскочил
И королю бесстрашно говорит:
«Поверьте не Роланду — он кичлив,
Не мне, не прочим, а ушам своим.
Желает заключить Марсилий мир,
Вам руки в руки, как вассал, вложить,
И в лен у вас Испанию просить,
И в нашу с вами веру перейти.
Кто вас к отказу пробует склонить,
Тот ни во что не ставит нашу жизнь.
Не слушайте вы тех, кто горделив,
Лишь мудрость вами пусть руководит».
Аой!

XVI

Встает Немон, он седовлас и стар,
Но самый славный при дворе вассал.
Он молвит королю: «Разумен граф.
Благой совет он подал вам сейчас.
Не надо просьбу мавра отвергать.
Войну король Марсилий проиграл.
Его твердыни вы сожгли дотла,
Баллисты ваши их смели во прах.
Он потерял и рать и города.
Пощады просит ныне он у вас,
И вам ему грешно ее не дать.
[Должны вы отрядить к нему посла.]
Коль он готов заложников прислать,
Великую войну кончать пора».
Французы восклицают: «Герцог прав!»
Аой!

XVII

«Прошу, бароны, дайте мне совет,
Кого послать к Марсилию теперь».
Сказал Немон: «Дозвольте ехать мне.
Прошу у вас перчатку я и жезл».
Король в ответ: «Вы здесь умнее всех.
Клянусь седою бородой моей,
Вас ни за что не отпущу в отъезд.
Пока вас не зовут, извольте сесть».

XVIII

«Бароны, я от вас совета жду,
Кого послать к Марсилию могу».
Роланд промолвил: «Я отправлюсь в путь».
Граф Оливье в ответ: «Не быть тому.
Надменны вы, ваш нрав не в меру крут.
Вы ссору там затеете, страшусь.
Коль королю угодно, я пойду».
«Молчите оба! — крикнул Карл ему.—
Ни одного из вас не отпущу.
Усами вам и бородой клянусь,
Посла из пэров я не изберу».
Французы стихли и молчат вокруг.

XIX

Тогда Турпен из Реймса с места встал.
Он говорит: «Нельзя баронов слать.
Семь лет они воюют этот край —
Хлебнули горя и лишений всласть.
Жезл и перчатку мне прошу вас дать.
Я ваш ответ доставлю мавру сам
Да погляжу, каков наш враг с лица».
Король прикрикнул на него в сердцах:
«Сесть на ковер приказываю вам.
Извольте, коль я не спросил, молчать».
Аой!

XX

Сказал король: «Отважные бароны,
Меж вами укажите мне такого,
Кто быть послом к Марсилию достоин».

Роланд ответил: «Ганелон, мой отчим».
Французы молвят: «Он на это годен.
Посла меж нас вы лучше не найдете».
Тут стало страшно графу Ганелону.
Он плащ, подбитый горностаем, сбросил,
Остался только в шелковом камзоле.
Лицом он горд, сверкают ярко очи,
Широкий в бедрах стан на диво строен.
Граф так хорош, что пэры глаз не сводят.
Роланду молвит он: «Безумец злобный,
Известно всем и так, что я — твой отчим.
Из-за тебя к Марсилию я послан,
Но коль вернуться мне господь поможет,
Тебе за все воздам я так жестоко,
Что будешь ты меня до смерти помнить».
Роланд в ответ: «С ума свела вас гордость:
Все знают, что не страшны мне угрозы.
Кто всех мудрей, тот быть послом и должен.
Но я вас заменю, коль Карл позволит».
Аой!

XXI

«Мне,— молвил Ганелон,— ты не замена:
Тебе я не сеньер, а ты не ленник.
Мне отдал император повеленье.
В град Сарагосу к маврам я поеду,
Наделаю безумств я у неверных,
Чтоб отвести хотя б немного сердце».
Роланд услышал, закатился смехом.
Аой!

XXII

Роландов смех услышал Ганелон.
От злобы сердце у него зашлось.
Едва без чувств не пал на землю он.
И молвит графу: «Знай, я недруг твой:
Ты виноват, что избран я послом.
Я — перед вами, праведный король,
Исполнить вашу волю я готов».
[Карл говорит: «Сердиться вам грешно».]
Аой!

XXIII

«Я вижу, к маврам надо ехать мне.
Кто послан к ним, тому возврата нет.
Король, на вашей я женат сестре.
Красавец сын у нас родился с ней.
То — Балдуин, он будет удалец.
Я вас прошу ему отдать мой лен,
А мне уж сына не видать вовек».
«Не в меру нежны вы,— король в ответ.—
Пора вам ехать, раз я повелел».
Аой!

XXIV

Король сказал: «Приблизьтесь, Ганелон,
Чтоб жезл с перчаткой вам вручить я мог.
Вы слышали, избрали вас послом».
Граф говорит: «Роланд всему виной.
Он будет ненавистен мне по гроб,
Я враг и Оливье, с кем дружит он,
И пэрам вашим, любящим его.
Бросаю им при вас я вызов свой».
Король в ответ: «Умерьте вашу злость.
Пойдете вы, раз приказал король».
«На смерть пойду я, как Базан пошел
И с ним Базилий, брат его родной».
Аой!

XXV

Король снимает правую перчатку.
Но скрыться рад бы Ганелон подальше.
Перчатку он берет, роняет наземь.
Все молвят: «Что же будет, о создатель?
Посольство это нам сулит несчастье».
«Увидим»,— Ганелон им отвечает.

XXVI

«Дозвольте ехать,—молвил Ганелон.—
Пора мне в путь, как требует мой долг».
Король ответил: «С вами я и бог».
Затем посланца осенил крестом,
Жезл протянул ему, вручил письмо.

XXVII

Граф Ганелон ушел в шатер к себе,
Весь воинский припас пересмотрел,
Облекся в наилучший свой доспех,
Златые шпоры на ноги надел,
К бедру привесил добрый меч Морглес,
Сел на Ташбрюна-скакуна затем,
А стремя подал дядя Гюннемер.
Вкруг рыцари стоят в слезах, в тоске.
Все молвят: «Граф, послали вас на смерть.
Давно вы состоите при дворе.
Считают вас бароном славным здесь.
Того, кто вас послом избрать посмел,
Сам Карл не защитит, не минет месть.
Вас граф Роланд был должен поберечь:
Ведь родом вы столь знатный человек.
Мы все поедем, граф, за вами вслед».
«Бог упаси! — им Ганелон в ответ.—
Погибнуть лучше одному, чем всем.
Как будете опять в родной стране,
Вас кланяться прошу жене моей;
И Пинабелю: он мой друг и пэр;
И Балдуину: я ему отец.
Он ваш сеньер, его покинуть — грех».
И поскакал дорогою своей.
Аой!

XXVIII

Вот граф в тени олив высоких скачет.
С ним рядом сарацинские посланцы:
Нарочно Бланкандрен позадержался.
Беседу мавр заводит ловко с графом
И говорит ему: «Дивлюсь я Карлу.
Апулию с Калабрией он занял,
Смирил он за соленым морем англов.
Петру святому дань платить заставил.
Но для чего пришел он в земли наши?»
Ответил граф: «Так, видно, он желает.
С ним не под силу никому тягаться».
Аой!

XXIX

Араб сказал: «Французы благородны,
Лишь те из вас, вельмож французских, злобны,
Кто Карла подстрекает на раздоры,
Зря и его, и весь народ тревожит».
Граф отвечает: «Нет у нас подобных.
Один Роланд себе позора хочет.
Скрывался раз король в тени от зноя.
Его племянник в панцире подходит.
Он только что разграбил Каркасону.
Румяный яблок Карлу он подносит.
«Вот так же, государь,— он дяде молвит,—
Я поднесу вам разом все короны».
Укоротить ему пора бы норов.
Он каждый день рискует головою.
Убить его — и прекратятся войны».
Аой!

XXX

«Жесток Роланд! — воскликнул сарацин.—
Ужель он хочет всех поработить
И страны все завоевать решил?
Где рать ему для этого найти?»
Ответил Ганелон: «Французы с ним.
Они ему верны, и он им мил.
Он не жалеет золота для них.
Им брони, мулов, шелк, коней дарит.
Готов он сделать все, что Карл велит,—
Хоть до Востока покорить весь мир».
Аой!

XXXI

Так ехали араб и Ганелон,
Пока не поклялись друг другу в том,
Что им Роланд заплатит головой.
Вот в Сарагосу прискакал посол.
Сошел с коня у тиса, пред дворцом.
Стоит там под сосной, в тени, престол.
Парчой Александрийской устлан он.
Сидит король Испании на нем.
Арабов двадцать тысяч вкруг него.
Но слова вслух не вымолвит никто:
Всем новости услышать невтерпеж.
Тут входят Бланкандрен и Ганелон.

XXXII

Вот Бланкандрен к престолу подступил,
С послом перед Марсилием стоит
И молвит: «Пусть вас Магомет хранит
И Аполлен, которого мы чтим.
Я вашу волю Карлу изложил,
Но лишь воздел в ответ он руки ввысь
И бога восхвалил от всей души.
К вам этот граф французский послан им.
Он знатен и у короля в чести.
Пусть скажет, что привез,— войну иль мир».
Послу Марсилий молвил: «Говори».
Аой!

XXXIII

Ответ успел обдумать Ганелон
И речь повел, как человек с умом:
Не в первый раз он был уже послом.
Он говорит: «Пусть вас хранит господь,
Преславный, чтимый всеми нами бог.
Вам объявляет Карл, владыка мой:
Коль примете святой закон Христов,
Даст в лен вам пол-Испании король.
А коль не согласитесь вы на то,
Схватить вас и связать прикажет он.
Вас в стольный Ахен увезут потом.
Там вынесут вам правый приговор.
Там ждут вас суд, и гибель, и позор».
Пришел король арабский в гнев большой,
Дрот златоперый над послом занес,
Но удержал его синклит вельмож.
Аой!

XXXIV

В лице Марсилий изменился разом.
Он потрясает дротом над посланцем.
Граф это видит, меч рукой хватает.
Его из ножен вынул на два пальца
И говорит: «Ты светел и прекрасен.
Пока тобой, мой меч, я препоясан,
Наш император про меня не скажет,
Что смерть один я принял в чуждом крае:
Со мной погибнут лучшие из мавров».
Кричат арабы: «Развести их надо».

XXXV

Синклит вельмож Марсилия унял.
Король арабский сел на трон опять.
И альгалиф воскликнул: «Так нельзя!
Дрот на посла заносите вы зря.
Вы не грозить должны ему, а внять».
Промолвил граф: «Стерплю обиду я,
Но не заставит замолчать меня
Все золото, что в ваших есть краях,
Все, чем богаты суша и моря.
То, что услышал я от короля,
Его врагу скажу я, не чинясь».
На землю шубу сбросил граф с себя,
На ней парчою крыты соболя,
И Бланкандрен спешит ее поднять.
Лишь меч посол не разрешает взять,—
Рукою правой сжал он рукоять.
«Вот смелый рыцарь!» — мавры говорят.
Аой!

XXXVI

К Марсилию подходит Ганелон
И молвит: «Зря вас обуяла злость.
Велит сказать вам Франции король,
Чтоб обратились вы в закон Христов.
В лен даст вам полстраны испанской он,
А полстраны Роланд себе возьмет.
Ваш соправитель будет крут и горд.
А коль вам не по нраву мир такой,
На Сарагосу Карл пойдет в поход,
Прикажет вас схватить, связать силком
И в стольный Ахен увезет с собой.
Вас не посадят в доброе седло,
Не повезут вас мул, лошак иль конь —
На кляче вы поедете верхом,
А в Ахене проститесь с головой.
Вот что вам пишет император мой».
Сказал — и мавру протянул письмо.

XXXVII

Король Марсилий яростью охвачен,
Печать ломает, воск бросает наземь.
Письмо прочел он, говорит арабам:

«Мне пишет Карл, французский император,
Свои обиды он припоминает.
Базилия убил я и Базана,
В горах Альтильских я их предал казни.
Велит он, коль хочу в живых остаться,
К нему отправить альгалифа-дядю,
Не то я Карлу ненавистен стану».
Тут королевич голос возвышает,
Отцу он молвит: «Нас срамит посланец.
Пусть он за это жизнью нам заплатит.
Проститься с нею я его заставлю».
Граф это слышит, меч свой обнажает,
Встал под сосну, к стволу спиной прижался.

XXXVIII

Марсилий встал, пошел в плодовый сад.
Знатнейшие из мавров вслед спешат.
Принц Журфалей пришел на зов отца.
Там альгалиф — он дядя короля,
Там Бланкандрен, чья голова седа.
Он молвит: «Не позвать ли нам посла?
Ведь он поклялся мне стоять за нас».
В ответ Марсилий: «Пусть придет сюда».
Вот за руку привел француза мавр.
Они перед Марсилием стоят,
Измену замышляют сообща.
Аой!

XXXIX

«Граф Ганелон,— сказал послу Марсилий,—
Вы были мной обижены безвинно.
Я дротом вас в сердцах убить грозился.
Дарю за то вас мехом соболиным.
Он мною куплен за пять сотен ливров.
Такой подарок возместит обиду».
«Приму с охотой! — Ганелон воскликнул.—
Пусть бог за это вам воздаст сторицей!»
Аой!

XL

Марсилий молвил: «Граф, поверьте мне,
Нам ум и доблесть ваши по душе.
О Карле я вас расспросить хотел.

Ведь он уж стар и прожил долгий век:
Ему, как я слыхал, за двести лет.
Завоевал столь много он земель,
Столь много отразил щитом мечей,
Столь многих разорил он королей!
Когда ж свой нрав уймет он наконец?»
«Карл не таков,— посол ему в ответ.—
Вам скажет каждый, кто его узрел,
Что мир не видел воина смелей.
Слов в языке людском достойных нет,
Чтобы воздать ему хвалу и честь!
Не рассказать мне вам, каков он есть,—
Так щедро от творца он взыскан всем.
Что с ним расстаться, лучше умереть».

XLI

Король сказал: «Не взять мне в толк никак.
Ваш государь и стар и седовлас.
Ему за двести лет, как я слыхал.
В поход водил он войско много раз,
На нем от стрел и копий много ран,
Он разорил войною много стран.
Когда ж он наконец уймет свой нрав?»
«Не быть тому, покуда жив Роланд,
Наихрабрейший под луной вассал,
И Оливье, его лихой собрат,
И пэры, коих чтит и любит Карл.
При них двадцатитысячная рать.
Спокоен Карл, ему неведом страх».
Аой!

XLII

Язычник молвит: «Не возьму я в толк.
Стар государь ваш и седоволос.
Лет двести, как я слышал, прожил он.
Им много королевств покорено,
От стрел и копий много ран на нем,
И много стран он разорил войной.
Когда ж он наконец свой нрав уймет?»
«Не быть тому, пока Роланд живет,
Вассал наихрабрейший под луной,
И Оливье, лихой собрат его,
И пэры, коих возлюбил король,

И с ними двадцать тысяч их бойцов.
При них не страшен королю никто».
Аой!

XLIII

«Любезный граф,— король послу сказал,—
Народ мой многочислен и удал.
В четыреста сберу я тысяч рать,
А с ней могу отпор французам дать».
«На это не надейтесь,—молвил граф.—
Вы зря свои погубите войска.
Нет, подчинитесь голосу ума:
Французам нужно дать такую дань,
Чтоб кругом голова у них пошла,
Заложников десятка два послать.
Во Францию пусть возвратится Карл,
А позади оставит арьергард,
Отдаст его Роланду под начал.
Учтивый Оливье с ним будет там.
Они погибнут, в том ручаюсь вам.
Карл спесь свою забудет навсегда
И побоится с вами воевать».
Аой!

XLIV

«Любезный граф,— спросил посла Марсилий,—
Как сделать, чтоб Роланд лишился жизни?»
Ответил граф ему: «Король, внемлите.
Как только вступит Карл в ущелье Сизы,
Он арьергард оставит у теснины.
В нем будут граф Роланд неустрашимый
И Оливье, собрат его любимый.
Даст под начал король им двадцать тысяч.
На них сто тысяч ваших мавров двиньте.
Пускай французы первый натиск примут
И понесут урон немалый в битве.
Хоть и потерпят бóльший сарацины.
А вы затем начните бой вторично:
В одном из двух Роланда смерть не минет.
Великое деянье вы свершите,
Жить будете до самой смерти в мире».
Аой!

XLV

«Коль сможете Роланда погубить,
Без правой Карл останется руки.
Коль войско пэров истребите вы,
Вновь Карлу не найти бойцов таких.
Во Франции наступит вечный мир».
Мавр обнял графа, поблагодарил,
Повел смотреть сокровища свои.
Аой!

XLVI

Сказал король: «Мы речи тратим зря.
Совету без доверья грош цена.
Клянитесь же Роланда нам предать».
Посол сказал: «Охотно клятву дам».
Морглес он взял, поклялся на мощах:
Их в рукоять меча он вделал встарь.
Аой!

XLVII

Слоновой кости там стоял престол.
Кладет Марсилий книгу на него.
Записан терваганов в ней закон.
Поклялся сарацин на книге той,
Что если в арьергард Роланд пойдет,
Всю рать арабы разом двинут в бой,
Чтоб ускользнуть от смерти граф не мог.
«Да будет так!» — промолвил Ганелон.
Аой!

XLVIII

Язычник Вальдаброн пришел туда.
Марсилия воспитывал он встарь.
С веселым смехом он послу сказал:
«Вот меч — нигде такого не сыскать.
За рукоять я сто червонцев дал.
Его примите, граф, приязни в знак.
Сгубить Роланда пособите нам,
Добейтесь, чтоб он в арьергард попал».
Ответил Ганелон: «Да будет так».
Облобызал язычника в уста.

XLIX

Язычник Климорен подходит к ним,
Послу с веселым смехом говорит:
Вот шлем — нигде такого не найти.
Дарю его, чтоб был наш враг убит.
Чтоб мы могли Роланда посрамить».
«Да будет так!» — посланец подхватил,
И с ним облобызался сарацин.
Аой!

L

Подходит королева Брамимонда
И молвит графу: «Вы мне милы очень.
Вас хвалят все — и муж мой, и вельможи.
Жене свезите две богатых броши.
На них немало аметистов добрых,
И все богатства Рима их не стоят.
Ваш император не видал подобных».
Взял граф и сунул их в сапог глубоко.
Аой!

LI

Марсилий казначея подозвал:
«Готова ль дань для Карла, Мальдуа?»
Ответил тот: «Погружена казна.
Семьсот верблюдов с нею шлём мы в дар.
Заложников получит двадцать Карл».
Аой!

LII

Король Марсилий Ганелона обнял
И молвит: «Нет мудрей, чем вы, барона.
Молю вас вашей верою святою —
За нас и впредь, как ныне, верно стойте.
Не пожалею я для вас сокровищ.
Дам десять мулов, золотом груженных,
И столько ж буду слать вам ежегодно.
Вот вам ключи богатой Сарагосы.
Вы их вручите королю с поклоном.
Роланда прикрывать назначьте войско.
Я повстречаюсь с ним в ущельях горных,
И мы тогда на смертный бой сойдемся».

Ответил граф: «Нельзя мне медлить дольше».
Сел на коня и в путь помчался снова.
Аой!

LIII

Путь император к Франции направил,
Стал по дороге лагерем под Гальной.
Разрушен этот город был Роландом,
Сто лет потом там не селились мавры.
Ждет Карл вестей от своего посланца
И дани от испанских басурманов.
С зарей, едва лишь солнце показалось,
Граф Ганелон въезжает в лагерь Карла.
Аой!

LIV

Чуть свет наш император с ложа встал.
Он в церкви у обедни побывал,
Сел на траву у своего шатра.
При нем Роланд и Оливье-вассал,
Немон и прочих рыцарей толпа.
Предатель Ганелон пришел туда,
Коварно речь повел издалека.
«Храни вас бог! — он королю сказал.—
Вот здесь ключи от Сарагосы вам,
А вот и мной полученная дань.
Заложников для вас я двадцать взял.
Король Марсилий просит не серчать,
Что он вам альгалифа не прислал.
Четыре сотни тысяч мусульман,
Все в панцирях и крепких шишаках,
Чернь с золотом на их стальных мечах,
Уселись с альгалифом на суда,
Чтоб таинства крещенья избежать.
Но не пришлось отплыть — я видел сам —
И на четыре мили кораблям,
Как налетели шторм и ураган.
Погибли альгалиф и с ним вся рать;
А будь он жив, он был бы здесь сейчас.
Клянется вам Марсилий-басурман,
Что месяц не пройдет еще сполна,
Как явится он в наш французский край,
Воспримет там святой закон Христа,
Вам руки в руки вложит, как вассал,
И в лен возьмет Испанию от вас».

Король воскликнул: «Господу хвала!
А вам не пожалею я наград».
Трубят французы в трубы и рога,
Садятся на коней, покинув стан,
В дорогу к милой Франции спешат.
Аой!

LV

Великий Карл Испанию разграбил,
Разрушил города и занял замки.
Он мнит, что время мирное настало,
И едет к милой Франции обратно.
Вот стяг его Роланд на землю ставит.
С холма взметнулось грозно к небу знамя.
Вокруг стоят французские палатки.
Меж тем в ущельях сарацины скачут.
На них стальные панцири и латы,
Все в шлемах, препоясаны мечами,
На шее щит, копье в руке зажато.
В засаду сели мавры в горной чаще.
Четыреста их тысяч там собралось.
Увы, французы этого не знают!
Аой!

LVI

День миновал, на землю ночь спустилась.
Могучий император сон увидел:
У входа он стоит в ущелье Сизы,
Зажал копье из ясеня в деснице;
Но за копье граф Ганелон схватился,
Потряс его и дернул что есть силы.
Взвились обломки древка к небу вихрем...
А Карл все спит, не может пробудиться.

LVII

Потом ему привиделось во сне,
Что он в капелле ахенской своей.
Рвет правое плечо ему медведь.
Вдруг мчится леопард с вершин Арденн.
На Карла прянул он, разинув зев,
Но из дворца проворный пес приспел.
От короля он отогнал зверей,
Медведю ухо правое изъел,
За леопардом кинулся затем.

«Великий бой!» — кричат французы вслед,
Хоть и не знают, кто одержит верх.
А Карл все спит: проснуться мочи нет.
Аой!

LVIII

Ночь минула, заря, алея, встала.
Рога и трубы оглашают лагерь.
Пред войском Карл Великий гордо скачет.
«Бароны,— вопрошает император,—
Тесны ущелья здесь и круты скалы.
Кого бы нам оставить в арьергарде?»
Граф Ганелон ему в ответ: «Роланда.
Мой пасынок — храбрейший из вассалов».
Услышал Карл, на графа гневно глянул
И говорит ему: «Вы — сущий дьявол.
Вас злоба неизбывная снедает.
А кто пойдет дозором перед ратью?»
Граф Ганелон сказал: «Ожье Датчанин.
Надежнее вы не найдете стража».
Аой!

LIX

Роланд узнал, куда он отряжен,
Заговорил, как рыцарь и барон:
«Большое вам спасибо, отчим мой,
Что я назначен прикрывать отход.
Не потеряет Франции король,
Пока я жив, коня ни одного.
За каждого из вьючных лошаков,
За каждого из мулов и ослов
Взыщу я плату с недругов мечом».
«Я это знаю»,— молвил Ганелон.
Аой!

LX

Узнал Роланд, что в арьергард назначен,
И отчиму промолвил в гневе страшном:
«Ах, подлое отродье, ах, предатель!
Ты думаешь, я уроню перчатку,
Как ты свой жезл, на землю перед Карлом?»
Аой!

LXI

Роланд воскликнул: «Праведный король,
Я вас прошу, мне лук вручите свой.
Уж я не заслужу упрека в том,
Что перед вами уроню его,
Как сделал это Ганелон с жезлом».
Наш император Карл поник челом,
Мнет бороду и крутит ус рукой.
Но удержать никак не может слез.

LXII

Немон вслед за Роландом держит речь,—
Вассала нет славнее при дворе.
Он молвит королю: «Слыхали все,
В какой пришел Роланд великий гнев.
Он с арьергардом остается здесь,
И заменить его нельзя никем.
Ему ваш лук вручите поскорей,
Дружины дайте лучшие из всех».
И лук Роланду Карл принять велел.

LXIII

Роланду молвит император Карл:
«Племянник милый, вот вам мой наказ:
Возьмете вы полвойска под начал.
С ним никакой вам не опасен враг».
Роланд ответил: «Да не будет так.
Свой род не посрамлю я никогда.
Лишь двадцать тысяч мне прошу вас дать.
Ведите с миром остальных в наш край:
Пока я жив, никто не страшен вам».
Аой!

LXIV

Роланд сидит на боевом коне.
При нем его товарищ Оливье.
За ними едут храбрый граф Жерье,
Жерен, Атон, Асторий, Беранже
И Ансеис, чья непомерна спесь.
Старик Жерар из Руссильона здесь
И славный герцог удалец Гефье.

Турпен сказал: «Мне отставать не след».
«Иду с Роландом,— подхватил Готье,—
Ведь я его вассал: он дал мне лен».
Ушло их двадцать тысяч человек.
Аой!

LXV

Зовет к себе Роланд Готье де л'Она:
«Возьмете вы французов десять сотен,
Займете все ущелья и высоты,
Чтоб император не понес урона».
Аой!
Готье в ответ: «Исполню все, как должно».
Взял он с собой французов десять сотен
И занял все ущелья и высоты.
Откуда враг ударить ни захочет,
Семьсот мечей он встретит обнаженных.
Король Альмар Бельфернский в час недобрый
Даст нынче бой Готье с его дозором.

LXVI

Хребет высок, в ущельях мрак царит,
Чернеют скалы в глубине теснин.
Весь день идут французские полки,
На много миль разносятся шаги.
Вот уж они до Франции дошли.
Гасконь, владенье Карла,— впереди.
Припомнились родные земли им,
Невест и жен припомнили они.
Сбегают слезы по щекам у них,
Но больше всех великий Карл скорбит:
Племянник им оставлен позади.
Не плакать с горя у него нет сил.
Аой!

LXVII

В чужой земле двенадцать пэров встали
И двадцать тысяч рыцарей отважных.
Ни бой, ни смерть им не внушают страха.
Во Францию спешит наш император,
[Рвет бороду и неутешно плачет.]
Лицо плащом в унынье прикрывает.
Старик Немон конь о конь с Карлом скачет.

Он молвит королю: «Что вас печалит?»
Король ему в ответ: «Вопрос ваш празден.
Я так скорблю, что не могу не плакать,
Граф Ганелон погубит войско наше.
Мне нынче в ночь явил виденье ангел:
Сломал копье мне Ганелон-предатель,
Он в арьергард определил Роланда.
В чужой земле племянник мной оставлен.
Беда, коль он умрет: ему нет равных».
Аой!

LXVIII

Сдержать не может слез великий Карл,
С ним плачет вся стотысячная рать.
Его и всех французов мучит страх,
Что Ганелоном предан граф Роланд.
Богатые дары предатель взял —
И серебро, и злато, и шелка,
Коней, верблюдов, мулов, львов, собак.
Три дня Марсилий подданных скликал.
Все званы — герцог, альгалиф и князь,
Эмир, барон, и альмасор, и граф.
Четыре сотни тысяч он собрал.
Рокочет в Сарагосе барабан.
На башню идол Магомет подъят,
Чтоб все могли к нему с мольбой воззвать.
В седло садится войско басурман.
И вот уж по Серданье мавры мчат,
И виден им уже французский стяг.
Двенадцать пэров с войском ждут врага
И бой ему не побоятся дать.

LXIX

Племянник короля летит вперед,
Вскачь гонит мула, древком бьет его.
Марсилию со смехом молвит он:
«Не раз я вам служил своим мечом,
Для вас претерпевал и труд и боль,
Одерживал победы над врагом.
Прошу вас даровать мне первый бой.
Роланда я сражу своим копьем.
Коль Магомет захочет мне помочь,
Испанию мы отвоюем вновь
От Дюрестана до Асприйских гор.

Устанет Карл, откажется от войн,
И проживете в мире век вы свой».
Племяннику перчатку дал король.
Аой!

LXX

Взял тот перчатку с дядиной руки,
Марсилию спесиво говорит:
«Пресветлый государь, ваш дар велик.
Двенадцать мне соратников нужны,
Чтобы двенадцать пэров перебить».
На зов явиться Фальзарон спешит,
Марсилию он братом был родным.
«Племянник, вы пойдете не один,
Готов я вместе с вами в бой вступить,
Мы арьергард французов разгромим.
Не суждено живыми им уйти».
Аой!

LXXI

Вторым подъехал Корсали туда.
Душа бербера этого черна,
Но он лихой вассал, и смел в речах,
И храбрость ценит выше всех богатств.
С ним Мальприми, чья родина Бриган,
Он бегает быстрее скакуна.
Марсилию он громко закричал:
«Отправиться готов я в Ронсеваль.
Роланд погиб, коль с ним я встречусь там».

LXXII

Вот амирафль из Балагета мчит.
Он станом строен и лицом красив.
Спесиво он на скакуне сидит,
Оружьем похваляется своим.
Он храбростью повсюду знаменит.
Одна беда — он не христианин.
Пред королем он встал и говорит:
«Прошу вас в Ронсеваль меня пустить.
Коль встречу там Роланда, он погиб,
Погибнут Оливье и пэры с ним.
Постигнут всех французов смерть и стыд.
Карл выжил из ума, он стар, чуть жив,

Устанет скоро он войну вести,
И мы вкусим в краю испанском мир».
За речь Марсилий поблагодарил.
Аой!

LXXIII

Вот скачет альмасор из Морианы,
В Испании нет нехристя коварней.
Пред королем он встал и начал хвастать:
«Дружину поведу я к Ронсевалю,
Пойдет со мною двадцать тысяч храбрых.
Роланд погиб, коль с ним я повстречаюсь.
Весь век о нем придется Карлу плакать».
Аой!

LXXIV

Вот скачет граф Торжис из Тортелозы.
Его феод наследный этот город,
Всех христиан сгубил бы он охотно.
С другими он к Марсилию подходит
И молвит: «Будьте, государь, спокойны.
Наш Магомет сильней Петра святого,
Коль вы ему верны, он вам поможет.
С Роландом в Ронсевале мы сойдемся,
Ему оттуда не уйти живому.
Вы видите, как длинен меч мой добрый,
Он скоро в щепы Дюрандаль расколет.
Молва вам скажет, кто кого поборет.
Мы победим французов в бранном споре.
Карл не избегнет срама и позора,
Носить корону не дерзнет он больше».

LXXV

Вот скачет Эскреми вдогонку прежним,
Владеет этот сарацин Вальтерной.
Кричит он громко королю неверных:
«Я в Ронсеваль смирить французов еду!
Роланд погиб, коль там его я встречу,
Погибнет Оливье, кто всех смелее,
Предам я с ним двенадцать пэров смерти,
Французский край навеки опустеет.
Карл не найдет таким бойцам замены».
Аой!

LXXVI

Вот Эсторган-язычник подскакал,
За ним Эстрамарен, его собрат,
Душа у них коварна и черна.
Король сказал: «Приблизьтесь, господа.
Спешите по ущельям в Ронсеваль,
Вести мне помогите в битву рать».
Они в ответ: «Исполним, государь,
Роланд и Оливье погибнут там,
Никто из пэров не уйдет от нас,
Остры у нас клинки, крепка их сталь,
Мы обагрим ее в крови врага.
Умрут французы, Карл поднимет плач.
Всю Францию наш меч добудет вам.
О государь, велите бой начать!
В плен попадет к вам император Карл».

LXXVII

Вот Маргари Севильский подъезжает.
Он землями до Казмарины правит.
За красоту свою он мил всем дамам.
Чуть поглядит ему в лицо любая,
Не может от улыбки удержаться.
Нет воина отважнее у мавров.
Толпу он пред собою раздвигает,
Марсилию кричит: «Не опасайтесь!
Я еду в Ронсеваль убить Роланда,
И Оливье в живых я не оставлю,
Израню всех двенадцать пэров насмерть.
Вот меч мой с золотою рукоятью,
Эмиром Прима был он мне подарен,
Клянусь его окрасить кровью вражьей.
Французов мы побьем и обесславим,
А император их, седой и старый,
День изо дня от горя будет плакать.
Не минет год — мы Францию захватим,
Свои палатки в Сен-Дени поставим».
Король ему поклоном отвечает.
Аой!

LXXVIII

Вот и Шернобль Монэгрский лошадь шпорит.
До пят свисают у него волосья.
Играючи он больший груз уносит,

Чем увезти семь вьючных мулов могут.
В краю, откуда этот нехристь родом,
Хлеб не родит земля, не светит солнце,
Не льется дождь, не выпадают росы,
Там черен даже каждый камень горный.
Есть слух: там у чертей бывают сходки.
Шернобль воскликнул: «Взял я меч свой добрый
Его окрашу в Ронсевале кровью.
Я там Роланду заступлю дорогу.
Будь я не я, коль на него не брошусь,
Коль Дюрандаль я не добуду с бою.
Французов мы побьем и опозорим».
Двенадцать пэров-сарацин уходят,
Стотысячную рать ведут с собою.
Всем поскорей затеять бой охота,
Все в бор идут и надевают брони.

LXXIX

В доспехах сарацинских каждый мавр,
У каждого кольчуга в три ряда.
Все в добрых сарагосских шишаках,
При вьеннских прочных кованых мечах,
При валенсийских копьях и щитах.
Значок на древке — желт, иль бел, иль ал.
Арабы с мулов соскочить спешат,
На боевых коней садится рать.
Сияет день, и солне бьет в глаза,
Огнем горят доспехи на бойцах.
Скликают мавров трубы и рога,
К французам шум летит издалека.
Роланду молвит Оливье: «Собрат,
Неверные хотят на нас напасть».
«Хвала творцу! — ему в ответ Роланд.—
За короля должны мы грудью встать.
Служить всегда сеньеру рад вассал,
Зной за него терпеть и холода.
Кровь за него ему отдать не жаль.
Пусть каждый рубит нехристей сплеча,
Чтоб не сложили песен злых про нас.
За нас господь — мы правы, враг не прав.
А я дурной пример вам не подам».
Аой!

LXXX

Граф Оливье взошел на холм крутой,
Взглянул направо на зеленый дол
И видит: войско сарацин идет.
Зовет он побратима своего:
«Шум слышен в стороне испанских гор.
Горят щиты и шишаки огнем.
Французов ждет сегодня тяжкий бой.
Всему виной предатель Ганелон:
Он нас назначил прикрывать отход».
Роланд ему в ответ: «Он — отчим мой.
Я не позволю вам бранить его».

LXXXI

Граф Оливье глядит на дол с холма.
Вдали видны испанская страна
И сарацин несметная толпа.
Везде сверкают золото и сталь,
Блеск лат, щитов и шлемов бьет в глаза.
Лес копий и значков над долом встал.
Языческих полков не сосчитать:
Куда ни кинешь взор — повсюду враг.
Пришел в тревогу и смущенье граф,
Спустился поскорей с холма назад,
Пошел к французам, все им рассказал.

LXXXII

Промолвил Оливье: «Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копья, прочны их мечи.
Бой небывалый нынче предстоит.
Французы, пусть господь вас укрепит,
Встречайте грудью натиск сарацин».
Французы молвят: «Трус, кто побежит!
Умрем, но вас в бою не предадим».
Аой!

LXXXIII

Граф Оливье сказал: «Врагов — тьмы тем,
А наша рать мала, сдается мне.
Собрат Роланд, трубите в рог скорей,
Чтоб Карл дружины повернуть успел».
Роланд ответил: «Я в своем уме
И в рог не затрублю, на срам себе.
Нет, я возьмусь за Дюрандаль теперь.
По рукоять окрашу в кровь мой меч.
Пришли сюда враги себе во вред.
Ручаюсь вам, их всех постигнет смерть».
Аой!

LXXXIV

Трубите в рог скорей, о друг Роланд!
Король услышит зов, придет назад,
Баронов приведет на помощь нам».
«Не дай господь! — Роланд ему сказал.—
Не стану Карла я обратно звать,
Себе и милой Франции на срам.
Нет, лучше я возьмусь за Дюрандаль,
Мой добрый меч, висящий у бедра,
По рукоять окрашу в кровь булат.
Враги себе во вред пришли сюда.
Их всех постигнет смерть, ручаюсь вам».
Аой!

LXXXV

«О друг Роланд, скорей трубите в рог.
На перевале Карл услышит зов.
Ручаюсь вам, он войско повернет».
Роланд ему в ответ: «Не дай господь!
Пускай не скажет обо мне никто,
Что от испуга позабыл я долг.
Не посрамлю я никогда свой род.
Неверным мы дадим великий бой.
Сражу я мавров тысячу семьсот,
Мой Дюрандаль стальной окрашу в кровь.
Врага французы примут на копье.
Испанцам всем погибнуть суждено».

LXXXVI

Граф Оливье сказал: «Вы зря стыдитесь.
Я видел тьму испанских сарацинов,
Кишат они на скалах и в теснинах,
Покрыты ими горы и долины.
Несметны иноземные дружины.
Чрезмерно мал наш полк в сравненье с ними».
Роланд в ответ: «Тем злей мы будем биться.
Не дай господь и ангелы святые,
Чтоб обесчестил я наш край родимый.
Позор и срам мне страшны — не кончина.
Отвагою — вот чем мы Карлу милы».

LXXXVII

Разумен Оливье, Роланд отважен,
И доблестью один другому равен.
Коль сели на коня, надели панцирь —
Они скорей умрут, чем дрогнут в схватке.
Их речи горды, их сердца бесстрашны.
На христиан арабы бурей мчатся,
И молвит Оливье: «Враги пред нами,
И далеко ушли дружины Карла.
Когда бы в рог подуть вы пожелали,
Поспел бы к нам на помощь император.
Взгляните вверх, где круты скалы Аспры:
Там арьергард французов исчезает.
А нам теперь уж путь назад заказан».
Роланд ему: «Безумна речь такая.
Позор тому, в чье сердце страх закрался.
Стоим мы здесь и не пропустим мавров.
Верх мы возьмем, и поле будет нашим».
Аой!

LXXXVIII

Роланд увидел: битвы не минуть,
Как лев иль леопард, стал горд и лют,
Воскликнул громко: «Побратим и друг!
Вам говорить такое не к лицу.
Не зря нас Карл оставил с войском тут:
Не знает страха ни один француз,
И двадцать тысяч их у нас в полку.
Вассал сеньеру служит своему.

Он терпит зимний холод и жару,
Кровь за него не жаль пролить ему.
Копьем дадите вы отпор врагу.
Я Дюрандаль, что Карл мне дал, возьму
Кто б ни владел им, если я паду,
Пусть скажет, что покойник был не трус».

LXXXIX

Турпен-архиепископ взял в галоп,
Коня пришпорил, выехал на холм.
Увещевать французов начал он:
«Бароны, здесь оставил нас король.
Умрем за государя своего,
Живот положим за Христов закон.
Сомненья нет, нас ожидает бой:
Вон сарацины — полон ими дол.
Покайтесь, чтобы вас простил господь;
Я ж дам вам отпущение грехов.
Вас в вышний рай по смерти примет бог,
Коль в муках вы умрете за него».
Вот на колени пали все кругом.
Турпен крестом благословил бойцов,
Эпитимью назначил — бить врагов.

XC

Французы поднимаются с земли.
Турпеном им отпущены грехи,
Он их святым крестом благословил.
На скакунов садятся вновь они.
Доспех надежный на любом из них,
К сраженью все готовы, как один.
Вот графу Оливье Роланд кричит:
«Вы мудро рассудили, побратим.
Нас Ганелон-предатель погубил.
Взял он за это деньги и дары.
Пускай ему за нас король отмстит.
Ты, сарацин Марсилий, нас купил —
Так вот мечом покупку и возьми».
Аой!

XCI

Долиной мчит Роланд на скакуне.
Конь Вельянтиф под ним горяч и резв.
К лицу ему оружье и доспех.

Копье он держит меткое в руке,
Вздымает грозно к небу острие.
Значок играет белый на копье,
Свисает бахрома до рук и плеч.
Прекрасен телом граф и ликом смел.
Ему вдогонку скачет Оливье.
Несется клич французов им вослед.
Роланд надменно мавров оглядел,
Любовно глянул на своих людей
И стал держать к ним ласковую речь:
«Бароны, не гоните зря коней:
Язычников не минет ныне смерть.
Такую мы возьмем добычу здесь,
Какой не брал никто из королей».
Сходиться рати начали затем.
Аой!

XCII

Граф Оливье сказал: «К чему слова!
В рог затрубить казалось стыдно вам.
Теперь король нам помощь не подаст.
За это было б грех ему пенять:
Не знает он, что́ ожидает нас.
Пришпорьте лучше скакуна, собрат!
Бароны, ни на шаг не отступать!
Молю вас ради господа Христа,
Держите строй, крушите басурман!
Ударим с кличем Карла на врага».
И крикнули французы: «Монжуа!»
Кто этот крик в бою слыхал хоть раз,
Тот видел тех, кому неведом страх.
Погнали тут коней французы вскачь.
Как шпорят их они, как лихо мчат!
Осталось им одно — рубить сплеча,
Но и арабов трудно испугать.
И вот уж грудь на грудь сошлись войска.

XCIII

Марсилиев племянник Аэльро
Пред войском мавров мчит во весь опор,
Язвит французов наших бранью злой:
«Эй, трусы, ждет вас ныне смертный бой.
Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.

Падет на вашу Францию позор,
А Карл простится с правою рукой».
Роланд услышал, в ярый гнев пришел,
Коня пришпорил и пустил в галоп,
Язычнику нанес удар копьем,
Щит раздробил, доспехи расколол,
Прорезал ребра, грудь пронзил насквозь,
От тела отделил хребет спинной,
Из сарацина вышиб душу вон.
Качнулся и на землю рухнул тот.
В груди торчало древко у него:
Копье его до шеи рассекло.
Воскликнул граф Роланд над мертвецом:
«Презренный, ты сказал о Карле ложь.
Знай, не глупец и не предатель он.
Не зря он нам велел прикрыть отход.
Да не постигнет Францию позор!
Друзья, за нами первый бой! Вперед!
Мы правы, враг не прав — за нас господь».
Аой!

XCIV

Вон Фальзарон, Марсилию он брат.
Ему принадлежит, как лен, тот край,
Где Авирон с Дафаном жили встарь.
Мир нехристя коварней не видал.
Так у него огромна голова,
Что добрый фут уляжется меж глаз.
Разгневался он, что племянник пал,
Отъехал от своих, понесся вскачь
С арабским бранным кличем на устах.
Французам нашим он кричит в сердцах:
«Сражу вас, милой Франции на срам!»
Услышал Оливье, что́ крикнул мавр,
Коню в великом гневе шпоры дал,
Как истинный барон, нанес удар.
Пробил он щит, кольчугу в три ряда,
Копье в араба по значок вогнал
И замертво свалил его с седла.
Увидел граф, что умер подлый враг,
Сказал над трупом гордые слова:
«Трус, мне твоя угроза не страшна!
Друзья, вперед! Не одолеть им нас!»
И крикнул он французам: «Монжуа!»
Аой!

XCV

Вон нечестивый Корсали-бербер,
Король лежащих за морем земель.
К арабам держит он такую речь:
«Возьмем легко мы в битве этой верх:
Французов мало, нас — не перечесть.
Тех, что пред нами, вправе мы презреть.
Им не поможет Карл, их ждет конец.
Их всех до одного постигнет смерть».
Турпен услышал, яростью вскипел.
Тот мавр ему на свете всех мерзей.
Пришпорил он коня, приник к луке,
Врагу нанес удар что силы есть,
Щит раздробил, в куски разнес доспех,
Грудь распорол, переломил хребет.
Качнулся мавр, не усидел в седле,
Его с коня архиепископ сверг.
Турпен увидел, что пред ним мертвец,
И так сказал, сдержать не в силах гнев:
«Неправду ты изрек, поганый лжец!
Карл, наш сеньер,— защита нам и здесь.
Не опозорим мы себя вовек:
Сумеем вас унять и одолеть.
Всем вашим будет то же, что тебе.
За нами — первый бой! Друзья, смелей!
Победу нам послал господь с небес!»
И возгласил он «Монжуа!» затем.

XCVI

Вот пал сеньер Бригана Мальприми.
Жерен его ударил в добрый щит,
Навершный шип из хрусталя разбил.
Щит лопнул, разлетелся на куски.
Конец копья через доспех проник,
И граф оружье в грудь врагу всадил.
С коня свалился мертвым сарацин,
Чью душу тут же черти унесли.
Аой!

XCVII

Разит и граф Жерье под стать собрату:
Пробил он щит и панцирь амирафля.
В живот ему свое копье направил,

Пронзил его насквозь одним ударом,
С коня свалил на землю бездыханным.
Граф Оливье воскликнул: «Бой удачен!»

XCVIII

Самсон на альмасора наскочил,
Копьем ударил в золоченый щит.
Язычнику доспех не пособил:
До легких герцог грудь ему пронзил,
Его с коня, на горе маврам, сшиб.
«Вот доблестный удар!» — Турпен кричит.
Аой!

XCIX

Вон Ансеис коня галопом гонит,
Вступает в бой с Торжисом Тортелозским,
В щит метит, под навершье золотое.
Пробил он бронь с подкладкою двойною,
Копьем пронзил язычнику утробу,
Прогнал сквозь тело наконечник острый,
С коня араба наземь мертвым сбросил.
Роланд воскликнул: «Вот удар барона!»

C

Бордосец Анжелье, гасконский рыцарь,
Поводья бросил, шпорит что есть силы,
С вальтернцем Эскреми спешит схватиться.
На шее мавра щит висел — разбился,
Копье сквозь кольца панциря проникло.
Промеж ключиц глубоко в грудь вонзилось.
Язычник мертвым с лошади свалился.
«Вы все умрете!» — молвил победитель.
Аой!

CI

На Эсторгана ринулся Атон,
Ударил в щит из кожи расписной,
Рассек багряно-белый верх его,
Пробил кольчугу нехристя насквозь,
Всадил в араба острое копье,
С коня на землю сбросил труп толчком
И молвил: «Смерть постигнет весь ваш род!»

CII

Эстрамарена Беранже теснит.
Щит нехристю он раздробил в куски,
Рассек доспехи, в грудь копье всадил,
Сразил врага средь тысяч сарацин.
Уже десятый пэр у них убит.
Лишь двое до сих пор еще в живых —
Шернобль и с ним красавец Маргари.

CIII

Был этот Маргари собой хорош,
Могуч, неустрашим, проворен, скор.
На Оливье коня направил он,
Навершный шип щита разбил копьем.
С размаху им ударил графа в бок,
Но тела не задел — не дал господь.
Мавр выбить графа из седла не смог
И мимо пролетел во весь опор,
В рог затрубил: скликает рать на бой.

CIV

Сраженье грозно, и враги упорны.
Роланд бесстрашно рвется в гущу боя,
Бьет так, что не выдерживают копья:
Уже пятнадцать раз он брал другое.
За Дюрандаль он взялся, меч свой добрый,
К Шерноблю скакуна галопом гонит.
Шлем, где горит карбункул, им раздроблен.
Прорезал меч подшлемник, кудри, кожу,
Прошел меж глаз середкой лобной кости,
Рассек с размаху на кольчуге кольца
И через пах наружу вышел снова,
Пробил седло из кожи золоченой,
Увяз глубоко в крупе под попоной.
Роланд коню ломает позвоночник,
На землю валит всадника и лошадь
И молвит: «Нехристь, зря сюда пришел ты!
Ваш Магомет вам нынче не поможет.
Не одержать победы маврам подлым».

CV

Вот граф Роланд по полю битвы скачет.
И рубит он и режет Дюрандалем.
Большой урон наносит басурманам.
Взглянуть бы вам, как он громит арабов,
Как труп на труп мечом нагромождает!
И руки у него в крови и панцирь,
Конь ею залит от ушей до бабок.
Граф Оливье разит под стать собрату,
И остальные пэры бьются славно.
Врага французы косят и сражают,
Без чувств и без дыханья валят наземь.
Турпен сказал: «Бароны наши храбры»,—
И бросил войску: «Монжуа!» — клич Карла.
Аой!

CVI

Граф Оливье несется полем вскачь.
Обломок древка у него в руках.
Он Мальзарону им нанес удар,
Щит расписной сломал, разбил шишак,
У мавра вышиб из орбит глаза,
И вылетел на землю мозг врага.
Убил еще семьсот неверных граф,
Торжиса с Эсторгосом покарал,
Но и свое копье вконец сломал.
Роланд воскликнул: «Вы сошли с ума!
Жердь для подобной битвы не годна.
Железо, друг, потребно здесь и сталь.
Да разве Альтеклера нет у вас,
Отделанного золотом меча?»
«Я бью арабов,— Оливье сказал.—
Мне меч из ножен недосуг достать».
Аой!

CVII

Граф Оливье достал свой меч из ножен,
Желанье побратима он исполнил,
Меч обнажил пред ним, как рыцарь добрый.
Вот с ним Жюстен из Валь-Ферре сошелся.
Граф в голову ему удар наносит,
И череп рассекает, и утробу,
И все седло с отделкой золоченой.

Хребет коню сломал своим клинком он,
С седла на землю сарацина сбросил.
«Вы брата мне милей! — Роланд промолвил.—
Оценит наш король удар столь мощный».
Клич: «Монжуа!» — ему повсюду вторит.

CVIII

Несет Жерена в бой скакун Сорель,
И мчит Жерье горячий Пассесерф.
Тот и другой пришпорили коней,
На Тимозеля мчат что силы есть.
Ударил в щит Жерен, в броню Жерье.
Сломались копья, раздробив доспех.
На луг свалился мертвым Тимозель.
Не слышал я, и неизвестно мне,
Кто из двоих нанес удар быстрей...
Эперварена, чей отец — Борель,
Сразил в бою бордосец Анжелье.
Турпеном наземь сброшен Сиглорель,
Уже бывавший в пекле чародей:
Юпитер ад ему помог узреть.
Сказал Турпен: «Коварен был злодей».
Роланд в ответ: «Язычнику конец.
Мне мил такой удар, друг Оливье!»

CIX

Все яростней, все беспощадней схватка.
И мавры и французы бьются славно.
Одни разят, другие отражают.
Взглянуть бы вам, как копья там кровавят.
Как рвутся в клочья и значки и стяги,
Как в цвете лет французы погибают!
Ждут матери и жены их напрасно,
Напрасно ждут друзья за перевалом.
Аой!
Великий Карл терзается и плачет,
Но помощь им — увы! — подать не властен.
На смерть обрек их Ганелон-предатель:
Он в Сарагосе продал их арабам.
Но не ушел изменник от расплаты:
Был в Ахене разорван он конями.
Подверглось тридцать родичей с ним казни —
Никто из них не вымолил пощады.
Аой!

CX

Ужасен бой, и сеча жестока.
Разят Роланд и Оливье врага,
Разит Турпен — ударам нет числа.
Бьют остальные пэры им под стать.
Французы рубят сарацин сплеча.
Погибло много тысяч басурман.
Кто бегством не спасется от меча,
Тот рад не рад, а должен жизнь отдать.
Но тяжки и потери христиан.
Не видеть им ни брата, ни отца,
Ни короля, который ждет в горах.
Над Францией меж тем гремит гроза,
Бушует буря, свищет ураган,
Льет ливень, хлещет град крупней яйца,
И молнии сверкают в небесах,
И — то не ложь! — колеблется земля.
От Ксантена и до нормандских скал,
От Безансона и по Уиссан
Нет города, где стены не трещат,
Где в полдень не царит полночный мрак.
Блестят одни зарницы в облаках.
Кто это видит, тех объемлет страх.
Все говорят: «Настал конец векам,
День Страшного господнего суда».
Ошиблись люди, не дано им знать,
Что это по Роланду скорбь и плач.

CXI

Французы бьют без промаха врагов.
Арабы понесли большой урон:
Из сотни тысяч двое не спаслось.
Сказал Турпен: «Бесстрашен наш народ.
С ним не сравнится никакой другой.
В «Деяньях франков» писано о том,
Что Карл один имел таких бойцов».
Французы полю делают обход,
Собратьев ищут в грудах мертвецов,
Скорбят по ним, сдержать не могут слез,
Меж тем Марсилий рать на них ведет.
Аой!

CXII

Ведет Марсилий войско по ущельям.
Дружины, с ним идущие, несметны:
Полков за двадцать будет там, наверно.
Горят у всех на шишаках каменья,
Блестят щиты и пышные доспехи.
Семь тысяч труб трубят перед сраженьем,
Оглашена их ревом вся окрестность.
Такую речь Роланд к собрату держит:
«Обрек нас Ганелон-предатель смерти.
Теперь уже сомненья нет в измене,
Но уготовит Карл ему отмщенье.
Нам предстоит неслыханная сеча —
Страшнее битвы не было от века.
Я буду Дюрандалем бить неверных,
А вы, мой друг, разите Альтеклером.
Мы с ними побывали в стольких землях,
Добыли ими не одну победу.
Так пусть о нас не сложат злую песню».
Аой!

CXIII

Марсилий видит мавров перебитых.
В рога и трубы затрубить велит он,
В седло садится, в бой ведет дружины.
Араб Абим пред войском первый мчится.
На свете нет коварней сарацина.
Злодейств немало свершено им в жизни.
Не чтит он сына пресвятой Марии.
Угля и сажи он чернее видом.
Милей ему измена и убийство
Всех кладов и сокровищ галисийских.
Никто его смеющимся не видел.
Отважен он до безрассудства в битве.
За то его и любит так Марсилий:
Свой стяг с драконом вверил он Абиму.
Но этот мавр Турпену ненавистен,
Схватиться жаждет с ним архиепископ
И молвит про себя невозмутимо:
«А этот мавр, как видно, нечестивец.
Убить его я должен иль погибнуть:
Я сам не трус и не люблю трусливых».
Аой!

CXIV

Турпен коня на сарацин направил,
А тем конем владел Гроссаль когда-то —
Король датчан, от рук Турпена павший.
Несет Турпена в бой скакун поджарый.
На загляденье у него все стати:
Короткий в бедрах, длинен он боками;
Подъемистый в седле, широк он задом;
Хвост белый у него при гриве чалой;
Он мордой рыжеват и мал ушами.
Коню такому нет на свете равных.
Архиепископ шпорит лошадь рьяно,
С разгона на Абима налетает,
Бьет в щит, который дивно изукрашен:
Горят на нем бериллы и топазы,
Алмазы и карбункулы сверкают.
Сам сатана добыл их в Валь-Метасе,
Абиму ж их эмир Галафр доставил.
Турпен ударил мавра беспощадно.
Сломался щит, не выдержал удара.
Прошло копье сквозь тело басурмана,
И бездыханным он свалился наземь.
Французы молвят: «Вот вассал отважный!
Врагу свой посох не отдаст наш пастырь».

CXV

Французы видят: враг велик числом
И окружил их рать со всех сторон,
Бросают Оливье с Роландом зов,
Зовут двенадцать пэров, свой оплот.
Турпен их увещает, в свой черед:
«Друзья, гоните мысль о бегстве прочь!
Да не попустит всеблагой господь,
Чтоб всех нас помянули в песне злой!
Уж если гибнуть, так вперед лицом.
Да, нынче умереть нам суждено.
Мы до конца прошли наш путь земной.
Но я душой моей ручаюсь в том,
Что вам сужден по смерти рай святой.
В сонм мучеников вас допустит бог».
Французов ободрила речь его.
Клич «Монжуа!» они бросают вновь.
Аой!

CXVI

Был меж арабов сарагосец некий —
Он полстолицы в подчиненье держит.
То — Климорен, коварный от рожденья.
Совет держал с ним Ганелон-изменник,
Лобзанье принял от него при встрече,
Шлем получил с рубином драгоценным.
Французов посрамить грозится нехристь.
Сорвать корону с Карла он намерен.
Конь Барбамош под ним, скакун отменный.
Он ласточки и ястреба быстрее.
Араб дал шпоры, отпустил уздечку,
И на гасконца Анжелье наехал.
Не помогли тому его доспехи.
Копье вогнал ему неверный в тело
Так, что наружу вышел наконечник.
Пронзен насквозь, пал Анжелье на землю.
Воскликнул мавр: «Язычники, смелее!
Таких, как этот, враз мы одолеем».
Французы молвят: «Тяжкая потеря!»
Аой!

CXVII

Взывает к графу Оливье Роланд:
«Мой побратим, смерть Анжелье взяла.
Храбрей барона не было у нас».
Ответил Оливье: «Отмстим, бог даст».
Всадил златые шпоры в скакуна,
Кровавый Альтеклер рукою сжал,
Коня направил прямо на врага,
Удар нанес, и рухнул наземь мавр,
Чью душу черти потащили в ад.
С ним вместе герцог Альфайенский пал.
Убил Эскабаби отважный граф,
Семь арабитов вышиб из седла —
Не воевать им больше никогда.
Сказал Роланд: «Разгневан мой собрат.
Он подал мне и всем пример сейчас:
Такой лихой удар оценит Карл.
Разите мавров, рыцари, сплеча!»
Аой!

CXVIII

Вот Вальдаброн-язычник мчится в бой.
Воспитан был им встарь Марсилий злой.
В четыреста судов он водит флот.
Он вождь всех сарацинских моряков.
Взял Иерусалим изменой он,
И Соломонов храм им осквернен,
И патриарх убит пред алтарем.
Ему поклялся в дружбе Ганелон.
Он наградил предателя мечом.
Под ним скакун по кличке Грамимон.
Быстрей, чем сокол, этот борзый конь.
Язычник мчит на нем во весь опор
Туда, где рубит мавров дук Самсон.
Он щит ему разбил, прорезал бронь,
Вплоть до значка копье вогнал в него.
Сшиб пэра и кричит над мертвецом:
«Арабы, в бой! Мы верх возьмем легко!»
Французы молвят: «Горе, пал барон!»
Аой!

CXIX

Роланд увидел, что Самсон погиб,
Великий гнев и горе ощутил,
Коню дал шпоры, повод отпустил,
Свой Дюрандаль, бесценный меч, схватил,
Ударил Вальдаброна что есть сил,
Шлем, где горят каменья, разрубил,
Лоб, и броню, и тело раскроил,
Седло с отделкой золотой пронзил,
Клинком коню хребет переломил,
Убил и мавра и коня под ним.
«Жесток удар!» — воскликнули враги.
«Я ненавижу вас! — Роланд кричит.—
Мы служим правде; вы, злодеи,— лжи».
Аой!

CXX

Был некий нехристь-африканец там —
Сын короля Малькюда — Малькиан.
Его доспехи золотом горят,
Ни у кого нет столь блестящих лат.

Конь Сальтперту под ним несется вскачь,
На свете нет резвее скакуна.
С копьем на Ансеиса грянул мавр,
В лазурно-алый щит нанес удар,
Рассек броню на графе пополам,
До половины древко в плоть вогнал.
Свой путь земной свершил и умер граф.
Французы восклицают: «Горе нам!»

CXXI

Но тут архиепископ мимо ехал,
А он таков, что ни один священник
Не превзошел его в деяньях смелых.
Он молвил: «Бог тебя накажет, нехристь.
О том, кого ты сшиб, скорблю я сердцем».
Коня на мавра он погнал карьером,
Ударил Малькиана в щит толедский,
И мертвым наземь был араб повержен.

CXXII

Вон королевич именем Грандоний,
Каппадокийца Капуэля отпрыск.
Резв и горяч скакун его Марморий.
Как птица, он летит по полю боя.
Наездник бросил повод, шпорит лошадь,
Жерена что есть силы бьет с разгона,
По алому щиту удар наносит.
Копье сломало на кольчуге кольца,
До желтого значка вошло в утробу.
Свалился граф с коня на холм высокий.
Его собрат Жерье сражен был тоже,
Убиты Беранже, и Ги Сентонжский,
И славный герцог, удалец Асторий,
Чей лен — Анвер и Валлери на Роне.
Злодей, на радость маврам, их прикончил.
Французы молвят: «Гибнет наших много».

CXXIII

Роланд кровавый Дюрандаль сжимает.
Он слышит, как французы застонали.
В груди его от скорби сердце сжалось.

Он мавру молвит: «Бог тебя накажет.
Ты за убитых мне сейчас заплатишь».
Коня он шпорит, мчится на араба.
Кто б верх ни взял, ужасна будет схватка.

CXXIV

И мудр и смел Грандоний был всегда,
В сраженье никогда не отступал.
Пустил он на Роланда скакуна.
Хоть графа он увидел в первый раз,
Но вмиг его узнал по блеску глаз,
По статности, по красоте лица.
Невольный страх почувствовал араб,
Попробовал, но не успел бежать —
Роланд нанес ему такой удар,
Что по забрало шлем пробила сталь,
Сквозь лоб, и нос, и челюсти прошла,
Грудь пополам с размаху рассекла,
И панцирь, и луку из серебра.
Роланд коню спинной хребет сломал,
Убил и скакуна и седока.
Испанцы стонут — их печаль тяжка.
Французы молвят: «Лихо рубит граф!»
Ужасен бой, и сеча жестока.
Французы на копье берут врага.
Когда бы привелось увидеть вам,
Как мрут бойцы, как хлещет кровь из ран,
Как трупы грудой на траве лежат!
Не устоять язычникам никак —
Хотят иль нет, а надо отступать.
Французы их теснят и гонят вспять.
Аой!

CXXV

Ужасна сеча, бой жесток и долог.
Французы бьются смело и упорно,
Арабам рубят руки, ребра, кости
И сквозь одежду в них вгоняют копья.
Зеленая трава красна от крови.
Арабы стонут: «Устоять нет мочи.
Французский край, будь Магометом проклят.
Твои сыны — отважней всех народов».
Марсилию кричат все мавры в голос:
«Король, поторопись подать нам помощь!»

CXXVI

Вот графа Оливье Роланд зовет:
«Мой побратим, согласны вы со мной,
Что пастырь наш Турпен — боец лихой?
Никто на свете не затмит его.
Разит он славно дротом и копьем».
Ответил тот: «Пора ему помочь».
И оба в битву поскакали вновь.
Удар их мощен, грозен их напор,
И все же христианам тяжело.
Когда бы вам увидеть привелось,
Как Оливье с Роландом бьют мечом,
Как мавров на копье Турпен берет!
Известно павших сарацин число —
И в грамотах и в жесте есть оно:
Их было тысяч свыше четырех.
Четырежды французы дали бой,
Но пятый был особенно жесток.
Всех рыцарей французских он унес.
Лишь шестьдесят от смерти спас господь,
Но сладить с ними будет нелегко.
Аой!

CXXVII

Роланд увидел — велики потери
И к Оливье такое слово держит:
«Собрат, я вам клянусь царем небесным,
Весь луг телами рыцарей усеян.
Скорблю о милой Франции я сердцем:
Защитников она лишилась верных.
Ах, друг-король, опора наша, где вы?
Брат Оливье, скажите, что нам делать?
Как королю послать о нас известье?»
Ответил граф: «Не дам я вам совета.
По мне, погибель лучше, чем бесчестье».
Аой!

CXXVIII

Роланд сказал: «Возьму я Олифан
И затрублю, чтоб нас услышал Карл.
Ручаюсь вам, он повернет войска».
Граф Оливье ответил: «Нет, собрат.
Вы род наш осрамите навсегда.
Не смыть вовек нам этого пятна.

Не вняли вы, когда я к вам взывал,
А ныне поздно нам на помощь звать.
Бесчестьем было б затрубить сейчас —
Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас».
«То вражья кровь!» — воскликнул граф Роланд.
Аой!

CXXIX

Промолвил граф Роланд: «Ужасна сеча!
Я затрублю, и Карл сюда поспеет».
Ответил Оливье: «То нам не к чести.
Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
Будь здесь король, мы гибели б избегли,
Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.
Собрат, клянусь вам бородой моею,
Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
Она с Роландом ложе не разделит».
Аой!

CXXX

Спросил Роланд: «Чем так вы недовольны?»
А тот ответил: «Вы всему виною.
Быть смелым мало — быть разумным должно,
И лучше меру знать, чем сумасбродить.
Французов погубила ваша гордость.
Мы королю уж не послужим больше.
Подай вы зов, поспел бы он на помощь
И не избегли б нехристи разгрома,
Король Марсилий — плена или гроба.
Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
Теперь вы Карлу больше не помощник.
Вовек он не найдет слуги такого.
Вы здесь умрете, Франции на горе,
И наша дружба кончится сегодня:
До вечера мы дух испустим оба».
Аой!

CXXXI

Архиепископ спор услышал их,
Златые шпоры в скакуна вонзил,
Подъехал и с упреком говорит:
«Роланд и Оливье, друзья мои,
Пусть вас господь от ссоры сохранит!

Никто уже не может нас спасти,
Но все-таки должны вы затрубить.
Услышит Карл, неверным отомстит,
Французы маврам не дадут уйти.
Сойдут они со скакунов своих,
Увидят нас, изрубленных в куски,
Оплачут нашу смерть от всей души,
Нас приторочат к мулам на вьюки
И прах наш отвезут в монастыри,
Чтоб нас не съели свиньи или псы».
Роланд в ответ: «Умней не рассудить».
Аой!

CXXXII

Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднес ко рту и затрубил с усильем.
Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнесся миль на тридцать.
Французы слышат, слышит Карл Великий.
Он молвит: «Наши с маврами схватились».
Но уверяет Ганелон в противном:
«Не будь то вы, я речь назвал бы лживой».
Аой!

CXXXIII

В свой Олифан трубит Роланд с трудом.
Превозмогает он тоску и боль.
Стекает с губ его густая кровь,
С натуги лопнул у него висок.
Разнесся зов на много миль кругом.
Услышали его в ущельях гор
И Карл, и все французы, и Немон.
«Я слышу Олифан,— сказал король.—
А раз Роланд трубит, там грянул бой».
«Какой там бой! — ответил Ганелон.—
Вы — человек и старый и седой,
А, как ребенок, говорите вздор.
Все знают, что Роланд ваш — сумасброд.
Как только спесь ему прощает бог!
Вас не спросясь, он взял когда-то Нопль.
Сразились с ним арабы у ворот.
Он изрубил их всех до одного
И вымыть луг водой велел потом,
Чтоб не узнали вы о битве той.
Теперь, наверно, зайца гонит он
Иль пэров потешает похвальбой.

Помериться с ним не дерзнет никто.
Вперед! Зачем задерживать бойцов?
До Франции идти им далеко».
Аой!

CXXXIV

Уста покрыты у Роланда кровью,
Висок с натуги непомерной лопнул.
Трубит он в Олифан с тоской и болью.
Карл и французы слушают в тревоге.
«Как долог зов!» — король Немону молвит.
А тот в ответ: «Беда стряслась с бароном.
Я вам клянусь, дерутся там жестоко.
Изменник тот, кто задержать вас хочет.
Доспех наденьте, клич свой ратный бросьте,
Ведите нас племяннику на помощь.
Вы слышали, как он о ней вас просит».

CXXXV

Король велел трубить во все рога.
Рать спешилась, в доспехи облеклась.
Все при кольчугах, шишаках, мечах,
Булатных копьях, расписных щитах.
Значок копейный бел, иль желт, иль ал.
На скакунов опять садится рать.
Бароны шпорят, по ущельям мчат,
У каждого одно лишь на устах:
«Когда б в живых Роланда нам застать,
Узнал бы враг, как мощен наш удар».
Увы, на помощь не поспеет Карл.

CXXXVI

Садится солнце, но горит светло.
Блестит в лучах оружие бойцов,
Пылает и слепит глаза огонь —
Так много там сверкает шишаков,
Цветных значков и расписных щитов.
Мчит император, ярым гневом полн,
Французы скачут в горести большой.
Скорбят они, сдержать не могут слез,
Боятся, что унес Роланда бой.
Взять Ганелона приказал король.

Велел, чтобы стерег его Бегон,
Начальник всех придворных поваров:
«Глаз не спускай с него: изменник он.
Арабам предан им племянник мой».
Отвел на кухню Ганелона тот.
До сотни поваров туда сошлось.
Рвет каждый графу бороду рукой,
Четырежды бьет кулаком в лицо,
Злодея лупит палкой иль кнутом.
За шею был прикован Ганелон,
На цепь посажен, как медведь лесной,
На клячу взгроможден и сдан в обоз,
Где до суда так и везли его.
Аой!

CXXXVII

Высоки горы, мрачен склон и крут,
Ущельями потоки вниз бегут.
Со всех сторон несутся звуки труб:
Ответ французы Олифану шлют.
Мчит император, гневен и угрюм,
От горя у баронов рвется грудь,
Ручьями слезы по лицу текут.
Все молятся всевышнему творцу,
Чтоб охранил Роланда он в бою,
Пока они на помощь не придут.
Увы, молитвой не поможешь тут:
Им не поспеть на выручку к нему.
Аой!

CXXXVIII

В великом гневе мчится император,
Поверх кольчуги — борода седая.
Коней бароны шпорят, понукают,
Рыдают от печали и досады,
Что рядом не сражаются с Роландом,
Который бой дает испанским маврам;
Конец его бойцам, коль графа ранят.
Увы, всего их шестьдесят осталось.
Но мир не видел воинов, им равных.
Аой!

CXXXIX

Взглянул на склоны мрачные Роланд.
Везде французы мертвые лежат.
По-рыцарски их всех оплакал граф:
«Да упокоит бог, бароны, вас,
Да впустит ваши души в светлый рай
И даст возлечь вам на святых цветах.
Мир доблестней вассалов не видал.
Служили вы мне долгие года,
Со мною покорили много стран.
Вас вырастил, себе на горе, Карл.
Французский край, прекрасная страна,
Ты тяжкую утрату понесла!
Бароны, ваша смерть — моя вина:
Ведь я не уберег вас и не спас.
Пускай господь за муки вам воздаст.
Брат Оливье, я с вами — до конца:
Коль не убьют, умру с тоски по вам.
Мой побратим, нам снова в бой пора».

CXL

Опять Роланд по полю боя мчит,
Как истинный вассал, мечом разит:
Фальдрона из Пюи перерубил
И двадцать с лишним нехристей убил,—
Никто еще так яростно не мстил.
Быстрее, чем олень от псов бежит,
Арабы рассыпаются пред ним.
«Вот истинный барон! — Турпен кричит.—
Быть рыцарю и следует таким.
Кто взял оружье и в седле сидит,
Тот должен быть и смел, и полон сил.
Тот и гроша не стоит, кто труслив.
Пускай себе идет в монастыри,
Замаливает там грехи других».
Роланд в ответ: «Вперед! Смелей руби!»
Вновь мавров бить французы принялись,
Но падает немало их самих.

CXLI

Кого в бою не плен, а гибель ждет,
Тот даром жизнь свою не отдает.
Французы бьются яростнее львов.
Вот мчит Марсилий, как лихой барон.

Под ним скакун по имени Ганьон,
Он на Бевона устремил его.
Бевон держал, как лен, Дижон и Бон.
Мавр щит и бронь пробил ему копьем,
Француза вышиб из седла легко.
Убиты им Иворий и Ивон,
Жерар из Руссильона им пронзен.
По счастью, был Роланд недалеко.
Он молвил: «Да сразит тебя господь!
Ты, сарацин, убил моих бойцов,
Но без расплаты с поля не уйдешь.
Знакомство ты сведешь с моим мечом».
Ударил граф, как истинный барон,—
Простился с кистью правою король.
На Журфалея грянул граф потом,
Марсилиеву сыну череп снес.
Взывают мавры: «Магомет, наш бог,
Отмсти же Карлу за твоих сынов!
Злодеев сущих здесь оставил он —
Умрут, но не отступят ни за что».
Вопит вся рать: «Бежим отсюда прочь!»
Ушло арабов с поля тысяч сто,
Как ни зови, назад их не вернешь.
Аой!

CXLII

Король бежал, но мало пользы в этом:
Здесь альгалиф, Марсильев дядя-нехристь.
Гармалью, Карфаген, Альфрер он держит,
Проклятой Эфиопией владеет.
Ведет он племя черное в сраженье —
Широконосых, большеухих негров.
Их будет там полсотни тысяч целых.
На бой они летят в великом гневе,
Бросают клич язычников победный.
Воскликнул граф Роланд: «Бароны, верьте,
Здесь мученический конец мы встретим.
Трус — тот, кто жизнь уступит за бесценок.
В бой, рыцари! Мечом разите метко,
Не на живот, а на смерть с мавром бейтесь,
Чтоб милой Франции не обесчестить.
Сеньер наш Карл придет на это место —
Увидит, что побита тьма неверных,
А наших трупов раз в пятнадцать меньше,
Благословит за это нас посмертно».
Аой!

CXLIII

Граф на безбожных негров посмотрел
И видит, что они чернил черней.
Лишь цвет зубов у басурманов бел.
Роланд сказал: «Бароны, верьте мне,
Мы все до одного поляжем здесь.
Французы, бейте нехристей смелей».
«Трус, кто отстанет!» — молвил Оливье
И ринулся врагам наперерез.

CXLIV

Арабы видят, что французов — горсть,
Твердят друг другу в радости большой:
«Не прав пред нашим богом их король».
Мчит альгалифа в битву рыжий конь,
Златою шпорой колет мавр его.
Он в спину Оливье разит копьем.
Кольчугу графа взрезало оно,
Навылет через грудь его прошло.
Смеется альгалиф: «Удар хорош!
Напрасно Карл оставил вас меж гор:
Он этим лишь нанес себе урон.
Тебя убив, я отомстил за все».

CXLV

Увидел Оливье — подходит смерть.
Сжал он свой вороненый Альтеклер,
Ударил мавра им по голове.
Шлем драгоценный лопнул на враге,
До челюстей рассек араба меч.
Граф альгалифа на землю поверг
И молвил: «Будь ты проклят, подлый лжец!
Что Карл разбит — не скажешь ты вовек
И перед дамой иль женой своей
Не станешь хвастать у себя в стране,
Что повредить нам хоть на грош сумел —
Мне иль другим, кто бился с вами здесь».
И Оливье позвал: «Роланд, ко мне!»
Аой!

CXLVI

Увидел Оливье, что смерть пришла,
Спешит неверным отомстить сполна.
В ряды арабов он коня вогнал,
Щиты и копья рубит пополам,
Пронзает руки, груди и бока.
Взглянуть бы вам, как крошит он врага,
Как валит мертвеца на мертвеца,
Сказали б вы: «Отважней нет бойца!»
Граф громко возглашает: «Монжуа!» —
Тот клич, с которым в битву мчится Карл.
Зовет Роланда он: «Ко мне, собрат!
Побудьте подле друга в смертный час.
Расстаться суждено сегодня нам».
Аой!

CXLVII

Роланд бросает взгляд на побратима.
Тот бледен и уже синеет ликом.
Из ран на теле кровь ручьем струится,
Всю мураву вокруг она смочила.
Граф молвит: «Как помочь, о вседержитель?
Собрат, отвага ваша вас сгубила.
Таких, как вы, не будет больше в мире.
Ах, край французский, милая отчизна,
Тебя утрата горькая постигнет.
Потерпит наш король ущерб великий».
И чувств от горя граф в седле лишился.
Аой!

CXLVIII

Когда бы вам их видеть привелось!
Один — чуть жив, лишился чувств — другой.
Граф Оливье ослаб, теряет кровь.
Так стало у него в глазах темно,
Что он узнать не может никого.
К нему подъехал побратим его,
А он по голове Роланда бьет,
Шлем золотой рассек на нем мечом,
Но сталь, по счастью, не задела лоб.
Роланда вмиг удар в себя привел,
Спросил у побратима кротко он:
«Намеренно ль вы подняли клинок?
Ведь я Роланд, что к вам любовью полн.

За что же вы мне платите враждой?»
А тот в ответ: «Не видит вас мой взор,
Хоть я и слышу звуки ваших слов.
Прошу простить, коль рану вам нанес».
Роланд к нему: «Я цел, свидетель бог,
И вас простить я перед ним готов».
Они друг другу отдали поклон,
Любовно распростились пред концом.

CXLIX

Увидел Оливье, что смерть подходит.
Запали у него глаза глубоко,
Слух отказал ему и зренье тоже.
Сошел со скакуна и наземь лег он,
В грехах, свершенных им, признался богу.
Вот руки он сложил и к небу поднял,
Впустить его в ворота рая просит,
За милый край родной, за Карла молит
И за Роланда, друга дорогого.
Остановилось сердце в нем, он дрогнул
И на траве во весь свой рост простерся.
Скончался граф и богу душу отдал.
Его собрат над ним рыдает горько.
Еще никто так не терзался скорбью.

CL

Увидел граф Роланд, что друг убит,
Что головой к востоку он лежит,
Стал сокрушаться горестно над ним:
«Ты храбростью своей себя сгубил.
Ты был мне братом много лет и зим,
Друг другу не чинили мы обид.
Коль дух ты испустил — и мне не жить».
Так граф промолвил и без чувств поник
На скакуне, чье имя Вельянтиф.
Но в стремена он ноги пропустил
И потому с коня не рухнул вниз.
Аой!

CLI

Едва Роланд в сознание пришел,
Оправился и сил набрался вновь,
Как он увидел, что проигран бой:

Все войско христиан костьми легло,
Жив лишь Турпен и с ним Готье де л'Он.
Готье сошел к своим в долину с гор.
Он пораженье нехристям нанес,
Но потерял и всех своих бойцов.
Вернуться одному ему пришлось.
Зовет Роланда на подмогу он:
«О, где ты, граф, отважный мой сеньер?
С тобою не боюсь я никого.
Я — тот, кем Маэльгю был покорен,
Готье, чьим дядей был седой Дроон.
По доблести я — сотоварищ твой.
Пробит мой щит, изломано копье,
Изрублена в куски мечами бронь,
И тело пронзено мое насквозь,
Но я арабам отплатил с лихвой».
Услышал граф — готье зовет его,
Дал шпоры, поспешил Готье помочь.

CLII

Вскипел Роланд от гнева и тоски,
В ряды врубился, стал врага косить,
Поверг на землю двадцать сарацин,
Шесть их — Готье и пять — Турпен убил.
Все войско нечестивое вопит:
«Друзья, уйти злодеям не дадим!
Позор тому, кто убоится их,
Бесчестие тому, кто их щадит!»
Со всех сторон несутся гам и крик,
Кольцом обстали рыцарей враги.
Аой!

CLIII

Отважен и бесстрашен граф Роланд,
Готье де л'Он — боец ему под стать,
Архиепископ — опытен и храбр.
Прикрыть в бою собрата каждый рад.
Втроем они врубились в строй врага.
Сошла арабов тысяча с седла,
А сорок тысяч на конях сидят:
Боятся, видно, бой французам дать
И не подходят на длину меча,
Лишь копья мечут в них издалека,
Готье убили с первого броска,

Затем был ранен в голову прелат.
Проломлен щит его, пробит шишак,
Рассечена броня и пронзена,
Четыре пики разом в ней торчат.
Убили под Турпеном скакуна.
Увы, архиепископ наземь пал!
Аой!

CLIV

Турпен увидел — тяжко ранен он:
Четыре пики вонзены в него,
Но тут же встал, как истинный барон,
Взглянул вокруг, к Роланду подошел
И молвил: «Я еще не побежден.
Живым не сдастся в плен вассал честной».
Взял он Альмас, меч вороненый свой,
И тысячу ударов им нанес.
Воочью видел после наш король —
Четыреста арабов там легло:
Кто тяжко ранен, кто пронзен насквозь,
А кто и распростился с головой.
Так молвит жеста, пишет муж святой,
Барон Эгидий, зревший этот бой.
Хранится в Лане летопись его,
И лишь невежда не слыхал о том.

CLV

Безжалостно Роланд разит врага,
Но он в поту, в жару и жив едва.
От боли у него темно в глазах:
Трубя, виски с натуги он порвал.
Он хочет знать, вернется ль Карл назад,
Трубит из сил последних в Олифан.
Король услышал, скакуна сдержал
И говорит: «В горах беда стряслась.
Племянник мой покинет нынче нас.
Трубит он слабо,— значит, смерть пришла.
Коней пришпорьте, чтоб не опоздать.
Пусть затрубят все наши трубы враз».
Труб у французов тысяч шестьдесят,
Им вторит дол, и отзвук шлет гора.
Смолкает смех у мавров на устах.
«Подходит Карл!» — язычники вопят.
Аой!

CLVI

Язычники вопят: «Король подходит!
Иль не слыхать вам труб французских голос?
Беда нам будет, если Карл вернется.
Покуда жив Роланд, войну не кончить,
Он всех нас из Испании прогонит».
И вот на графа мчатся в шлемах добрых
Четыре сотни сарацин отборных.
Их натиск рьян, удары их жестоки.
Роланда ждет нелегкая работа.
Аой!

CLVII

Увидел граф, что враг к нему спешит,
Стал снова лют, опять набрался сил.
Не сдастся он — не взять его живым.
На Вельянтифе резвом граф сидит,
Коня златою шпорой горячит.
Врывается он в гущу сарацин,
Турпен-архиепископ рядом с ним.
Кричат они друг другу: «Бей, руби!
Уже слыхать французский рог вдали.
Подходит Карл, наш мощный властелин».

CLVIII

Не жаловал и не терпел Роланд
Ни труса, ни лжеца, ни гордеца,
Ни рыцаря, коль он плохой вассал.
«Сеньер,— отцу Турпену молвил граф,—
Хоть пеши вы, а я не сбит с седла,
Мы с вами вместе будем до конца,
Разделим скорбь и радость пополам.
Я ни за что не променяю вас.
Запомнят сарацины навсегда,
Как бьет Альмас и рубит Дюрандаль!»
Турпен в ответ: «Тому, кто дрогнул,— срам!
Вернется Карл и отомстит за нас».

CLIX

Вопят враги: «Будь проклят этот день!
На горе нам мы родились на свет.
Лишились мы сеньеров наших здесь.

Могучий Карл сюда спешит уже.
Рев труб французских слышен вдалеке.
Клич «Монжуа!» летит ему вослед.
В бесстрашии Роланду равных нет,
С ним ни один не сладит человек.
Метай в него копье — и прочь скорей!»
Град пик и дротов в графа полетел.
Пустили мавры рой пернатых стрел.
Щит рыцаря пронизан ими весь.
Пробит и рассечен на нем доспех.
Хоть сам Роланд ни разу не задет,
Но Вельянтиф поранен в тридцать мест,
На землю он упал и околел.
Язычники бегут что силы есть.
Остался граф Роланд один и пеш.
Аой!

CLX

Полны арабы гнева и стыда.
Бегут они в Испанию назад,
Не может их преследовать Роланд:
Конь Вельянтиф под ним в сраженье пал.
Отныне пешим должен биться граф.
Турпену помощь он спешит подать;
Шлем золотой он развязал сперва.
Затем кольчугу расстегнул и снял,
Разрезал на куски его кафтан
И раны накрепко перевязал.
Потом к своей груди его прижал,
Отнес туда, где гуще мурава,
Стал перед ним смиренно речь держать:
«Сеньер, дозвольте мне покинуть вас.
Собратья наши мертвыми лежат,
Но бросить их не к чести было б нам.
Пойду я мертвых по полю искать.
У ваших ног на луг сложу их в ряд».
Турпен в ответ: «Несите их сюда.
Господь велик, оставил поле враг!»

CLXI

Роланд обходит груды мертвецов.
Осматривает дол и горный склон.
Отысканы им Беранже, Атон,
Затем Жерен, Жерье, собрат его,

Спесивец Ансеис и дук Самсон,
Жерар из Руссильона, пэр седой.
Унес он их останки чередом,
К Турпену с ними возвратился вновь,
У ног его сложил тела бойцов,
Не мог сдержать архиепископ слез,
Благословил соратников рукой
И молвил: «Вас сгубил злосчастный бой.
Да упокоит ваши души бог
В раю небесном меж святых цветов.
И я умру — уже недолог срок.
Мне Карла увидать не суждено».

CLXII

Вновь по полю Роланд побрел один,
Увидел: побратим его лежит.
Он поднял Оливье, прижал к груди,
Отнес к Турпену, наземь опустил.
С другими рядом положил на щит.
Прелат крестом всех пэров осенил,
А граф Роланд еще сильней скорбит.
Он молвит: «Оливье, мой побратим,
Тебя маркграф Ренье на свет родил,
Был он долин Рунерских властелин.
Щит расколоть, копье переломить,
Спесивцу дать урок и страх внушить,
Наставить тех, кто честен и не лжив,
Злодея покарать и поразить
Не мог никто на свете так, как ты».

CLXIII

Увидел граф, что пэров больше нет,
Что умер друг любимый Оливье,
Скорбит и льет он слезы из очей,
Весь побледнел, меняется в лице.
Потом от скорби ослабел вконец,
Без памяти простерся на земле.
«Беда! Умрет барон»,— сказал Турпен.

CLXIV

Турпен увидел — чувств лишился граф.
Ни разу так прелат не горевал.
Рукою он нащупал Олифан.

Со склона ключ сбегает в Ронсеваль.
Решил Турпен напиться графу дать.
Встает он, чтоб добраться до ключа.
Но стоит каждый шаг ему труда:
Немало крови потерял прелат.
Шатаясь, он прошел один арпан,
Сознание утратил и упал,
В мучениях предсмертных ждет конца.

CLXV

Меж тем Роланд пришел в сознанье вновь,
Встал на ноги, но скорбь томит его.
На горы и на дол он бросил взор.
Спят на траве все пэры вечным сном,
А подле них лежит Турпен-барон,
Архиепископ и слуга Христов.
Покаялся в грехах свершенных он
И обе руки к небесам простер,
Моля, чтоб в рай впустил его господь...
Почил Турпен, кого любил король.
Служил он Карлу словом и мечом,
Разить неверных был всегда готов.
Да ниспошлет ему прощенье бог!
Аой!

CLXVI

Увидел граф — Турпен повержен наземь,
Из тела внутренности выпадают,
Сочится мозг, течет на лоб из раны,
А на груди, промеж ключиц прелата,
Белеют руки, сложены крест-накрест.
Блюдя родной обычай, граф восплакал:
«О рыцарь славный и рожденьем знатный,
Да смилуется царь небес над вами.
Вам со времен апостолов нет равных
В служенье нашей вере христианской,
В умении заблудшего наставить.
Пусть вашу душу бог от мук избавит,
Пред нею распахнет ворота рая».

CLXVII

Почуял граф, что смерть его близка,
Что мозг ушами начал вытекать.
За пэров молит бога он сперва,

А после, Гавриила за себя.
Чтоб не покрыл его посмертно срам,
Схватил он Олифан и Дюрандаль
И углубился в землю басурман
Намного дальше, чем летит стрела.
Два дерева там вниз глядят с холма,
Четыре глыбы мраморных лежат.
Граф на траву, недвижимый, упал.
Лишился чувств, встречает смертный час.

CLXVIII

Хребет высок, и высоки деревья.
Четыре глыбы мраморные блещут.
Граф на траве простерся без движенья.
Давно следит за ним один неверный.
Прикинулся он мертвым, лег на землю,
Испачкал кровью и лицо и тело.
К Роланду он кидается поспешно.
Смел этот нехристь и могуч сложеньем,
Объят смертельной злобою и спесью.
Он мо́лвит, тронув графские доспехи:
«Племянник Карла побежден в сраженье.
Сей меч со мной в Аравию уедет».
Роланд открыл глаза при этой речи.

CLXIX

Почуял граф, что нет при нем меча,
Открыл глаза, арабу так сказал:
«Сдается мне, что родом ты не наш».
Взял он свой неразлучный Олифан,
Ударил мавра в золотой шишак,
Пробил и шлем и голову врага,
На землю вышиб из орбит глаза,
Труп нехристя свалил к своим ногам
И молвил: «Ты рехнулся, подлый мавр!
Тебе ли руку на Роланда класть?
У всех ты прослывешь за дурака.
Жаль, расколол свой рог я об тебя,
С него отбил все злато и хрусталь».

CLXX

Почуял граф, что смерть его настигла,
Встал на ноги, собрал остаток силы,
Идет, хотя в лице и ни кровинки.
Пред темной глыбой он остановился,
По ней ударил десять раз сердито.
О камень меч звенит, но не щербится.
Граф молвит: «Богоматерь, помоги мне,
Пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься.
Мне больше ты уже не пригодишься.
С тобой мы многих недругов побили,
С тобой большие земли покорили.
Там Карл седобородый правит ныне.
Владеть тобой не должен враг трусливый:
Носил тебя вассал неустрашимый,
Такого край наш больше не увидит».

CLXXI

Бьет граф теперь мечом по глыбе красной.
Сталь не щербится — лишь звенит о камень.
Он видит, что с клинком ему не сладить,
И начинает тихо сокрушаться:
«Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!
Ты в Морианском доле дан был Карлу —
Тебя вручил ему господний ангел,
Чтоб ты достался лучшему вассалу,
И Карл меня тобою препоясал.
С тобой я покорил Анжу с Бретанью,
С тобою Мэн и Пуату я занял;
С тобой громил я вольный край нормандский;
С тобой смирил Прованс, и Аквитанью,
И всю Романью, и страну ломбардцев;
С тобою бил фламандцев и баварцев;
С тобой ходил к полякам и болгарам;
С тобой Царьград принудил Карлу сдаться;
С тобой привел к повиновенью саксов,
Ирландцев, и валлийцев, и шотландцев,
И данниками Карла сделал англов;
С тобою вместе покорил все страны,
Где ныне Карл седобородый правит.
С тобой расстаться больно мне и жалко.
Умру, но не отдам тебя арабам.
Спаси нас, боже, от такого срама!

CLXXII

Бьет граф Роланд теперь по глыбе серой.
Немало от нее кусков отсек он;
Сталь не щербится — лишь звенит, как прежде;
Меч, невредим, отскакивает кверху.
Граф видит — все усилья бесполезны
И тихо восклицает в сокрушенье:
«О Дюрандаль булатный, меч мой светлый,
В чью рукоять святыни встарь я вделал:
В ней кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, божья человека,
Обрывок риз Марии-приснодевы.
Да не послужит сталь твоя неверным.
Пусть лишь христианин тобой владеет,
Пусть трус тебя вовеки не наденет!
С тобой я покорил большие земли.
Наш Карл пышнобородый — их владетель.
Он ими правит с пользою и честью».

CLXXIII

Почуял граф — приходит смерть ему.
Холодный пот струится по челу.
Идет он под тенистую сосну,
Ложится на зеленую траву,
Свой меч и рог кладет себе на грудь.
К Испании лицо он повернул,
Чтоб было видно Карлу-королю,
Когда он с войском снова будет тут,
Что граф погиб, но победил в бою.
В грехах Роланд покаялся творцу,
Ему в залог перчатку протянул.
Аой!

CLXXIV

Почуял граф, что кончен век его.
К Испании он обратил лицо,
Ударил в грудь себя одной рукой:
«Да ниспошлет прощение мне бог,
Мне, кто грешил и в малом и в большом
Со дня, когда я был на свет рожден,
По этот, для меня последний, бой».
Граф правую перчатку ввысь вознес,
Шлет ангелов за ним с небес господь.
Аой!

CLXXV

Граф под сосною на холме лежит.
К Испании лицо он обратил,
Стал вспоминать о подвигах своих,
О землях, что когда-то покорил,
О милой Франции и о родных,
О Карле, ибо тот его вскормил.
Он плачет — слезы удержать нет сил,
Но помнит о спасении души,
Вновь просит отпустить ему грехи:
«Царю небес, от века чуждый лжи,
Кто Лазаря из мертвых воскресил,
Кем был от львов избавлен Даниил,
Помилуй мою душу и спаси,
Прости мне прегрешения мои».
Он правую перчатку поднял ввысь.
Приял ее архангел Гавриил.
Граф головою на плечо поник
И, руки на груди сложив, почил.
К нему слетели с неба херувим,
И на водах спаситель Михаил,
И Гавриил-архангел в помощь им.
В рай душу графа понесли они.

CLXXVI

Роланд скончался, он в раю теперь.
Карл в Ронсеваль вернулся наконец.
Там ни тропинки, ни местечка нет,
Где б не лежал убитый на земле
Французский иль языческий боец.
«Где ты, племянник? — молвит Карл в тоске.—
Где вы, архиепископ, Оливье,
Жерен и побратим его Жерье?
Где вы, Атон и смелый Беранже,
Иворий и Ивон, что милы мне?
Где ты, гасконский рыцарь Анжелье?
Где дук Самсон и Ансеис-гордец?
Старик Жерар из Руссильона где?
Где пэры, коих я оставил здесь?»
Увы! Ни звука королю в ответ.
Карл восклицает: «Всеблагой творец,
Зачем я не был с ними в этот день!»
Рвет бороду, сдержать не может гнев.

Рыдает он, и с ним бароны все.
Без чувств там двадцать тысяч человек.
Седой Немон скорбит всего сильней.

CLXXVII

Нет рыцаря и нет барона там,
Чтоб в грудь себя не бил и не рыдал.
Горюют все о братьях и сынах,
О родичах, сеньерах и друзьях.
Без чувств от горя многие лежат.
Один Немон переборол печаль
И говорит, как истинный вассал:
«Вон там, в двух лье, не более, от нас,
Дорогу тучей пыль заволокла.
То восвояси нехристи спешат.
Вдогон поскачем, отомстим врагам».
Король в ответ: «Злодеи быстро мчат.
Создатель, помоги их покарать.
Цвет Франции погиб — то их вина».
Отона с Жебоэном он призвал,
Милона и Тибо им в помощь дал:
«Останьтесь дол и горы охранять
И тех, кто здесь сподобился конца,
Чтоб их ни лев, ни волк не растерзал,
Чтоб мертвецов никто не обобрал,
Чтоб не коснулась их ничья рука,
Пока не возвратимся мы назад».
Ответили бароны на приказ:
«Исполним все, сеньер и государь».
Им тысячу бойцов оставил Карл.
Аой!

CLXXVIII

Карл приказал полкам трубить поход.
В погоню он свои войска повел.
Арабы убегают от него,
Торопятся французы им вдогон.
Но видит Карл — темнеет небосвод.
На луг зеленый он с коня сошел,
Пал на траву лицом, мольбу вознес,
Чтоб солнце в небе задержал господь,
День удлинил и отодвинул ночь.
И вот услышал ангела король —
Тот ангел говорил с ним не впервой:

«Скачи, король,— продлится свет дневной.
Цвет Франции погиб — то видит бог.
Злодеям ныне ты воздашь за все».
Карл ободрился, вновь вскочил в седло.
Аой!

CLXXIX

Бог ради Карла чудо совершил
И солнце в небесах остановил.
Французы гонят вражие полки.
Карл в Вальтенебре нехристей настиг
И к Сарагосе сарацин теснит.
Его бароны бьют и рубят их,
Им отрезают к бегству все пути.
Арабы видят: Эбро впереди.
Быстрей и глубже не найти реки,
И нет на ней ни судна, ни ладьи.
Воззвали к Тервагану беглецы,
Попрыгали в поток, но не спаслись:
Доспехи увлекли на дно одних —
Те утонули раньше остальных;
Других сперва снесло теченьем вниз;
Кто разом захлебнулся — тот счастлив.
Простились с жизнью в муках все враги.
Скорбят французы: «Граф Роланд погиб!»
Аой!

CLXXX

Увидел Карл, что истребил врага:
Кто от воды погиб, кто от меча.
Несметная добыча им взята.
Сошел король прославленный с седла,
На землю пал и восхвалил творца.
Когда он встал, уже погас закат.
Карл молвил: «Здесь мы сделаем привал.
Вернуться в Ронсеваль мешает мрак.
Да и коням не худо отдых дать.
Их разнуздать и расседлать пора.
Пускай всю ночь пасутся на лугах».
Французы говорят: «Король наш прав».
Аой!

CLXXXI

Остановился наш король на отдых.
Разбили стан французы в чистом поле,
Со скакунов усталых сняли седла,
Уздечки золотые сняли тоже —
Пускай идут пастись на луг зеленый,
Коль не нашлось для них иного корма.
Уснули прямо на земле бароны,
Забыли даже выставить дозорных.

CLXXXII

Вот на лугу лег император спать.
Его копье большое — в головах.
В доспехах он остался до утра.
Броня на нем, блестяща и бела,
Сверкает золотой его шишак,
Меч Жуайёз свисает вдоль бедра,—
Он за день цвет меняет тридцать раз.
Кто не слыхал про острие копья,
Пронзившее распятого Христа?
Теперь тем острием владеет Карл.
Его он вправил в рукоять меча.
В честь столь большой святыни свой булат
Он Жуайёзом — «Радостным» — назвал.
Тот меч французам памятен всегда:
Недаром клич их бранный — «Монжуа!»,
Недаром их никто не побеждал.

CLXXXIII

Сияет месяц, и прозрачна ночь.
Горюет о племяннике король,
И графа Оливье жалеет он,
И пэров, и других своих бойцов,
Чьи трупы полнят ронсевальский дол.
Рыдает он, сдержать не может слез,
И молится, чтоб их простил господь.
Но утомил тяжелый день его.
Он обессилел и впадает в сон.
Лежат французы на поле пластом.
Свалились даже скакуны их с ног:
Траву жуют, а встать не могут вновь.
Да, тот учен, кто выучен бедой!

CLXXXIV

Уснул король — смертельно он устал.
Но Гавриила бог к нему послал,
Чтоб тот его оберегал от зла.
Архангел встал у Карла в головах
И в вещем сне явил его очам
Бой, что должны французы будут дать,
А это — грозный и тревожный знак.
Взор император поднял к небесам:
Лютуют там морозы, ветры, град,
Свирепствуют там бури и гроза.
Там молнии огнем слепят глаза
И прыщут на французские войска.
Сжигает пламя древки пик дотла,
Шипы златые плавит на щитах,
Копье ломает у бойца в руках,
Коробит сталь брони и шишака.
С французами стряслась к тому ж беда:
Кидаются на них медведь и барс,
Шлет змей, драконов, василисков ад,
И тридцать тысяч хищных грифов мчат —
Хотят баронов Карла растерзать.
Карл слышит крик: «На помощь, государь!»
Скорбит король: ему вассалов жаль.
На выручку он силится бежать,
Но видит пред собой большого льва.
Из леса зверь выходит, зол и яр,
На короля бросается, рыча.
С чудовищем вступает в битву Карл.
Не знает он, чем кончится борьба,
Но крепко спит, открыть не может глаз.

CLXXXV

Карл новый сон узрел за первым вслед.
Он в Ахене своем, пред ним медведь:
На цепь двойную им посажен зверь,
А тридцать подбегают от Арденн
И говорят на языке людей:
«Снимите, государь, с медведя цепь.
Не по закону взят он вами в плен.
Мы родича не отдадим на смерть».
Но из дворца проворный пес приспел,
Схватился с самым сильным из зверей
И покатился с ним по мураве.

Жестокий бой меж ними закипел,
Но Карл не знает, кто одержит верх.
Все это ангел дал ему узреть,
Но спит король — проснуться мочи нет.

CLXXXVI

Марсилий возвратился в Сарагосу.
В тени оливы с лошади сошел он,
Свой меч, шишак и панцирь слугам отдал,
Обезображен, на траве простерся.
Лишился правой он руки по локоть,
Лежит без чувств, теряет крови много.
Вопит его супруга Брамимонда,
Над ним рыдает и от скорби стонет.
Вопят с ней двадцать тысяч царедворцев,
Клянут владыку Франции жестоко.
Стоял там Аполлен, их идол, в гроте.
Они к нему бегут, его поносят:
«За что ты, злобный бог, нас опозорил
И короля на поруганье бросил?
Ты верных слуг вознаграждаешь плохо».
Они сорвали с идола корону,
Потом его подвесили к колонне,
Потом свалили и топтали долго,
Пока он не распался на кусочки.
Карбункул с Тервагана ими сорван,
А Магомет повален в ров глубокий.
Его там псы грызут и свиньи гложут.

CLXXXVII

Король Марсилий вновь пришел в сознанье.
Снести себя велит он слугам в спальню,
Где свод и стены роспись украшает.
Его супруга Брамимонда плачет,
Рвет волосы, зовет себя несчастной,
В отчаянии громко восклицает:
«О Сарагоса, стольный град арабов,
Твой славный властелин тобой утрачен!
Изменники и трусы боги наши:
Покинут ими он на поле брани.
Спасти нас лишь эмир отныне властен.
Позор ему, коль он за нас не встанет,
Не сломит этих христиан бесстрашных.

Пышнобородый Карл, их император,
Всегда был сумасброден и отважен:
От битвы сроду он не уклонялся.
Жаль, что убить его — не в силах наших».

CLXXXVIII

Великий император и король
Семь долгих лет в Испании провел,
В ней взял все города, все замки снес,
Марсилия поверг в испуг большой.
Войны еще не минул первый год,
Как в Вавилон Марсилий шлет послов.
Там был эмиром Балиган седой.
Вергилия с Гомером старше он.
Писал король, чтоб спас эмир его,
А если тот на помощь не придет,
Он отречется от своих богов,
И перейдет в святой Христов закон,
И с Карлом дело кончит мировой.
Войска эмир собрать не сразу смог,—
Ведь сорок стран он держит под рукой.
Он долго снаряжал могучий флот —
Галер и барж огромное число.
Александрия — порт его морской.
Там выждал он прибытья всех судов.
Лишь в мае, первой летнею порой,
Он отплыл во главе своих полков.

CLXXXIX

Языческие полчища несметны.
Гребут они, по ветру парус держат.
На мачтах и на самых верхних реях
Карбункулы и фонари алеют,
Залито море их слепящим светом,
И в полночь вид его великолепен.
Вот впереди встает испанский берег.
От судовых огней он весь зарделся.
К Марсилию о том пришло известье.
Аой!

CXC

Флот Балигана не встает на отдых,
Из моря входит разом в пресноводье,
Минует и Марбризу и Марброзу,

По Эбро вверх плывет без остановки.
Карбункулам и фонарям нет счета.
Озарена слепящим светом полночь.
К утру суда достигли Сарагосы.
Аой!

CXCI

Сияет день, и солнце взор слепит.
На берег сходит Балиган с ладьи.
Направо от него — Эспанели.
Семнадцать королей идут за ним,
А герцогов и графов счесть нет сил.
Под лавром, на густой траве, в тени
Ковер парчовый, цветом бел, лежит.
Слоновой кости трон на нем стоит.
Воссел на трон языческий эмир.
Вкруг трона встать велит он остальным.
Все слушают, а он им говорит:
«Вот что скажу я, ленники мои!
Отныне Карл, французов властелин,
Куска не съест, коль мы не разрешим.
Испанию войной он разорил.
Во Францию ему приду я мстить.
Не дам ему вздохнуть, покуда жив.
Коль не захочет сдаться, он погиб».
И снял перчатку с правой он руки.

CXCII

Эмир сказал — и слово сдержит он:
За все блага, что создал в мире бог,
На Ахен не отменит он поход.
Соратники одобрили его.
К себе двоих баронов он зовет:
Один был Кларифан, Кларьен — другой.
«На свет родил вас Мальтрайен-король.
Он встарь бывал не раз моим послом.
Скачите в Сарагосу во всю мочь,
Марсилию скажите: прибыл флот,
С французами схватиться я готов,
Коль с ними встречусь, будет бой жесток.
Я дам мою перчатку вам с собой,
Ему наденьте на руку ее,
Вручите жезл вот этот золотой.
Пусть утвердиться он в правах придет,
И на французов гряну я войной.

Коль Карл передо мною не падет,
Коль не отринет он Христов закон,
Корону я с него сшибу мечом».
Арабы молвят: «Мудр у нас сеньер».

CXCIII

«Бароны в путь! — воскликнул Балиган.—
Жезл и перчатку я вручаю вам».
Послы в ответ: «Мы едем, государь».
Они поспешно в Сарагосу мчат,
Минуют десять врат и три моста,
По улицам летят меж горожан,
Но в верхний город въехали едва,
Как слышат стон и вопли у дворца.
Там собралась язычников толпа,
Рыдают все, клянут богов, кричат:
«Да сгинут Магомет, и Терваган,
И Аполлен, что погубили нас.
Куда деваться нам, куда бежать?
Постигли нас беда и вечный срам.
Наш властелин Марсилий жив едва:
Кисть правую отсек ему Роланд.
Пал белокурый Журфалей вчера.
Испанская земля в руках врага».
Послушали послы, сошли с седла.

CXCIV

С коней послы в тени оливы сходят,
Двум слугам-маврам отдают поводья.
Один берет рукой за плащ другого.
Идут они по лестнице дворцовой,
Вступают в спальню короля, под своды,
Дурной привет учтиво произносят:
«Пусть Магомет всесильный, в чьей мы воле,
И Терваган, и Аполлен наш грозный
От бед избавят короля с женою».
«Вздор вы сказали,— молвит Брамимонда.—
Изменники и трусы наши боги:
Нам в Ронсевале не пришли на помощь,
В бою не защитили наше войско,
Не сохранили моего сеньера —
Проститься с правой кистью был он должен.
Отрублена она Роландом гордым.

Весь край испанский Карл захватит скоро,
Что делать мне, несчастной и бездольной?
Как жаль, что не убита до сих пор я!»
Аой!

CXCV

«Уймитесь, госпожа! — сказал Кларьен.—
От Балигана принесли мы весть.
Он с войском к нам на выручку приспел.
Шлет королю перчатку он и жезл.
Поднялся флот его по Эбро вверх.
У нас четыре тысячи галер,
А барж, ладей, фелюг — не перечесть.
Эмир наш и могуществен и смел.
Отыщет Карла он в его земле,
Убьет или принудит сдаться в плен».
Так Брамимонда говорит в ответ:
«Французов может он найти и здесь.
Они воюют против нас семь лет.
Их император — доблестный боец.
Его не испугает даже смерть.
Пред ним дитя любой из королей.
С ним ни один не сладит человек».

CXCVI

Марсилий молвил: «Помолчи, жена,
Ко мне им подобает речь держать.
Вы видите, послы, я жду конца.
Мне некому владенья завещать —
Имел я сына, но вчера он пал.
Пусть мой сеньер эмир придет сюда.
Я признаю́, что я его вассал.
Коль хочет, пусть возьмет себе мой край,
Но только от врага избавит нас.
Я дам ему совет, как воевать
Так, чтоб за месяц был разгромлен Карл.
А вот ключи от Сарагосы вам,
Чтобы во всем мне верил Балиган».
Послы в ответ: «Вы мудры, государь».
Аой!

CXCVII

Послам Марсилий молвил: «Император
Разбил моих людей, страну разграбил,
Взял и разрушил города и замки.

Теперь он с войском стал у Эбро станом.
Семь миль отсюда до него, не дальше.
Пускай эмир спешит туда с полками
И нанесет там пораженье Карлу».
Дал он ключи от города посланцам
Отвесили они поклон прощальный,
Расстались с ним, помчались в путь обратный.

CXCVIII

Послы вскочили на коней своих,
В тревоге к Балигану понеслись,
Приехали туда, где ждал эмир,
От Сарагосы подали ключи.
«Что вы видали? — он послов спросил.—
Что ж короля ко мне не привезли?»
Кларьен в ответ: «Он при смерти лежит.
Вчера французы по ущельям шли —
Во Францию вел император их.
Он арьергард надежный отрядил:
Там граф Роланд, его племянник, был,
И все двенадцать пэров вместе с ним,
И двадцать тысяч рыцарей лихих.
Король Марсилий с ними в бой вступил.
Он и Роланд в сражении сошлись.
Роландов меч Марсилия настиг
И правой кисти короля лишил.
Граф и его наследника убил,
И рать арабов стер с лица земли.
Марсилий бегством должен был спастись.
Карл к Эбро по его следам спешит.
Король велел о помощи просить.
Испанию он вам отдать сулит».
Задумался эмир, челом поник,
Чуть не лишился разума с тоски.
Аой!

CXCIX

Сказал Кларьен эмиру: «Государь,
Был в Ронсевале сильный бой вчера.
Погибли у французов граф Роланд,
Двенадцать пэров, коих любит Карл,
И вся двадцатитысячная рать.
Король лишился правой кисти там.
Карл вышел к Эбро по его следам.

У мавров нет ни одного бойца:
Кто уцелел в бою, погиб в волнах.
Французы у реки разбили стан.
Теперь рукой подать от них до нас,
И вам легко закрыть им путь назад».
Сверкнул глазами грозно Балиган,
Возликовал, услышав речь посла,
С престола поднялся и приказал:
«Бароны, пусть покинет рать суда.
Все на коней! Довольно медлить вам!
Коль не успеет старый Карл бежать,
Ему я отомщу за короля —
За кисть его он голову отдаст».

CC

С судов арабы на берег сошли,
Седлают мулов и коней своих
И скачут в путь — что ж больше делать им:
Эмир в поход дружины проводил
И другу Жемальфену говорит:
«Ты под начал возьмешь мои полки».
Сам Балиган от войск отдельно мчит.
Летят четыре герцога за ним.
Вот в Сарагосу прибыли они.
К крыльцу подъехал, слез с коня эмир,
Ему четыре графа помогли.
К нему сбегает Брамимонда вниз,
На мраморных ступенях голосит:
«Увы мне, повелитель мой погиб!» —
И падает пред Балиганом ниц.
Эмир ей помогает встать с земли,
Идет наверх и вместе с ней скорбит.
Аой!

CCI

Король увидел — входит Балиган,
Двум слугам-сарацинам приказал:
«Приподнимите вы меня слегка».
Он в левом кулаке перчатку сжал
И молвил так: «Сеньер и государь,
Владения мои, и весь мой край,
И Сарагосу я вручаю вам.
Я и себя и рать сгубил вчера».

Эмир ему ответил: «Мне вас жаль,
Но медлить тут я не могу никак,—
Ведь Карл уйдет, меня не станет ждать.
Перчатку ж вашу я приму от вас».
Покой эмир покинул весь в слезах.
Аой!
По лестнице спустился до крыльца,
Сел на коня, догнал свои войска,
Вперед помчался, во главе их встал,
Бросает то и дело клич полкам:
«Вперед! Французы не уйдут от нас!»
Аой!

CCII

Чуть день взошел и небо озарилось,
Проснулся Карл, французов повелитель,
И Гавриил, сон короля хранивший,
Благословил его своей десницей.
Доспехи снял с себя король великий,
Бароны вслед за ним разоружились,
И поскакало войско торопливо
По тропам и дорогам в путь неблизкий
Взглянуть на тех, кто пали и погибли
В день злополучный ронсевальской битвы.
Аой!

CCIII

Карл прискакал обратно в Ронсеваль,
При виде мертвых горько зарыдал,
Французам молвил: «Не спешите так.
Я впереди теперь поеду сам.
Племянника хочу я отыскать.
Раз в Ахене я новый год встречал.
Не мало собралось баронов там,
И каждый похвалялся тем, что храбр.
А мой племянник граф Роланд сказал,
Что, коль придется на чужбине пасть,
Он будет впереди своих лежать,
Спиной к отчизне и лицом к врагам,
Как победитель даже в смертный час».
Отстала свита на бросок копья.
На холм искать Роланда едет Карл.

CCIV

Карл стал искать Роланда на холме.
Там у травы не зелен — красен цвет:
Алеет кровь французская на ней.
Заплакал Карл — не плакать мочи нет,
Три глыбы он меж двух дерев узрел,
На них увидел Дюрандаля след,
Близ них нашел племянника в траве.
Как мог король всем сердцем не скорбеть!
Он спешился там, где лежал мертвец,
Покойника прижал к груди своей
И с ним без чувств простерся на земле.

CCV

Король пришел в сознание опять.
Немон и Аселен, гасконский граф,
Брат Жоффруа Тьерри и Жоффруа
Снести его под сень сосны спешат.
Увидел Карл — лежит пред ним Роланд,
Оплакивать племянника он стал:
«Пусть, друг Роланд, господь простит тебя!
Тебе не будет равных никогда
В искусстве бой вести и побеждать.
Кто отстоит честь Карла от врага?»
И вновь король без чувств и сил упал.
Аой!

CCVI

Король наш Карл пришел в сознанье вновь.
Бароны держат на руках его.
Племянника он видит пред собой.
Тот с виду цел, но побелел лицом,
Глаза его потухли, мутен взор.
Стал наш король тужить над мертвецом:
«Да впустит в рай тебя, Роланд, господь,
Тебе даст место средь святых цветов.
Себе на горе ты сюда пришел.
Мне о тебе теперь скорбеть по гроб.
Лишусь я славы и утрачу мощь.
Кто отстоит честь Карла от врагов?
Мой лучший друг расстался здесь со мной:
Нет средь моей родни таких бойцов».

Рвет волосы в отчаянье король.
Стотысячная рать скорбит кругом,
Не в силах слезы удержать никто.
Аой!

CCVII

«О друг Роланд, когда я в Лане буду,
Когда опять увижу край французский,
Из многих стран пришельцы соберутся
И спросят, почему ты не вернулся,
А я скажу: «В Испании он умер».
Мне королевством будет править трудно,
Скорбь о тебе всю кровь мою иссушит».

CCVIII

«Роланд, мой друг, цвет молодости смелой!
Когда я буду в аченской капелле,
Придет туда народ послушать вести,
И горестно я объявлю пришельцам:
«Погиб Роланд, стяжавший мне победы.
Мы в страхе саксов больше не удержим,
Пойдут теперь на нас болгары, венгры,
Восстанут Рим, Апулия, Палермо,
И Калиферн, и африканцы-негры.
День каждый будет приносить мне беды.
За кем пойдут мои полки в сраженье,
Коль нет того, кто шел пред ними первым?
О Франция, как ты осиротела!
Так горько мне, что рад я был бы смерти».
Рвет бороду король, скорбит безмерно,
Рвет волосы седые в сокрушенье.
Стотысячная рать с ним плачет вместе.

CCIX

«Увы, ты жизни, друг Роланд, лишился!
Пусть рай отверзнет пред тобой Спаситель.
Для Франции позор твоя кончина.
Я так скорблю, что не в охоту жить мне.
Мои бойцы из-за меня погибли.
Царю небесный, сын святой Марии,
Пусть не вступлю я вновь в ущелье Сизы;

Пусть раньше плоть мою мой дух покинет,
Чтоб с душами их воссоединиться;
Пусть здесь меня схоронят рядом с ними».
Рвет бороду седую Карл Великий,
И говорит Немон: «Скорбит властитель».
Аой!

CCX

Анжуец Жоффруа сказал: «Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Пусть сыщут христиан меж мертвецов,
Всех наших, кто арабами сражен,
И приготовят погребальный ров».
Король ответил: «Затрубите в рог».
Аой!

CCXI

В рог Жоффруа Анжуйский затрубил.
По слову Карла спешились полки,
Средь мертвецов нашли друзей своих,
Тела в могилу общую снесли.
Немало с войском шло духовных лиц —
Епископов, аббатов и других.
Они, свершив заупокойный чин,
Усопшим отпустили все грехи,
И обкурили фимиамом их,
И с превеликой честью погребли.
Что делать — их с собой не увезти.
Аой!

CCXII

Лишь трех бойцов земле не предал Карл:
То были Оливье, Турпен, Роланд.
Им грудь рассечь велел он пополам,
Извлечь и в шелк закутать их сердца,
Зашить в оленью кожу их тела,
Везти домой в трех мраморных гробах.
Но до того, как положить туда,
Обмыть настоем перца и вина.
Тибо и Жебоэна кликнул Карл,
Милона и Отона подозвал:
«Везите мертвецов на трех возах,
Ковром восточным их накрыв сперва».
Аой!

CCXIII

Путь к Франции направил Карл Великий,
Как вдруг разъезд языческий увидел.
Вот два гонца от мавров отделились,
Приносят Карлу вызов от эмира:
«Вам не уйти от нас, король спесивый!
Наш Балиган повсюду вас настигнет.
С несметным войском он сюда явился.
Посмотрим, впрямь ли вы неустрашимы».
Аой!
Король рукой за бороду схватился,
Припомнил всех, кто пали и погибли,
Окинул войско взором горделивым
И громким, звучным голосом воскликнул:
«В седло, бароны! Приготовьтесь к битве!»
Аой!

CCXIV

Карл первым стал изготовляться к бою,
Шлем завязал, надел свой панцирь добрый
И бедра препоясал Жуаёзом,
Мечом, блестящим, словно в полдень солнце.
На шею он повесил щит геронский,
Схватил копье, потряс его рукою,
Сел на коня лихого Тансандора,
Что добыл он у брода под Марсоной,
Где им убит был Мальпален Нарбоннский.
Он отпустил узду, пришпорил лошадь,
Мчит сквозь тридцатитысячное войско,
Взывает: «С нами бог и Петр-апостол!»
Аой!

CCXV

Сто тысяч человек по знаку Карла
Сошли с коней, доспехи надевают.
Как хороши бойцы в наряде бранном,
Как остро их оружье, кони статны,
Как ловко вновь они в седло садятся!
Ответят на удар они ударом.
Значок с копья до шишака свисает.
Отрадно Карлу видеть их отвагу.
Он молвит Жозерану из Прованса,
Немону и Ансельму, графу Майнца:
«Могу ль не верить я в таких вассалов?

Тот глуп, кто с ними убоится мавров.
Коль нехристи сойтись посмеют с нами,
За смерть Роланда мне они заплатят».
Немон ответил: «Дай нам бог удачи!»
Аой!

CCXVI

Рабеля с Гинеманом Карл призвал
И молвил: «Тем вы станете для нас,
Чем были Оливье и граф Роланд.
Я меч и Олифан вручаю вам.
Полк головной возьмите под начал.
Я первыми пошлю вас на врага,
Пятнадцать тысяч юношей вам дам,
Да столько же прикроют с тылу вас.
Ведут их Жебоэн и с ним Лоран».
И вот уже Немон и Жозеран
Построили два первые полка.
Коль ныне грянет бой, он будет яр.
Аой!

CCXVII

В передних двух полках — одни французы.
За ними третий выстроился тут же.
Он весь составлен из баварцев дюжих.
Их ровным счетом двадцать тысяч будет.
В бою они не дрогнут и не струсят.
Так милы сердцу Карла эти люди,
Что лишь французов больше их он любит.
Их вождь — Ожье Датчанин, граф могучий.
Бойцы такие поля не уступят.
Аой!

CCXVIII

Уже готовы три полка к сраженью.
Немон четвертый выстроил поспешно
Из воинов могучих и отменных,
Живущих в дальних алеманских землях.
Их двадцать тысяч в том полку, не меньше.
Доспехи их надежны, кони резвы.
Они умрут, а верх в бою одержат.
Ведет их в бой Эрман, Фракийский герцог.
Погибнет он скорей, чем оробеет.
Аой!

CCXIX

Немон и Жозеран Прованский с ним
Бойцов нормандских в пятый полк свели.
В нем двадцать тысяч воинов лихих.
Прочны их брони, резвы скакуны,
Их можно перебить — нельзя пленить,
Никто не равен в ратном поле им,
Идут с Ришаром Старым в бой они.
Копьем отважно будет он разить.
Аой!

CCXX

Бретонцы составляют полк шестой.
Их ровно тридцать тысяч набралось.
Мчат на конях они во весь опор,
По-рыцарски вздымают вверх копье.
Велел Одон, бретонцев тех сеньер,
Чтоб под начал их взяли Невелон,
Тибо из Реймса и маркграф Отон.
Он молвил им: «Мой полк ведите в бой!»
Аой!

CCXXI

Уж шесть полков у Карла вышло в поле.
Седьмой — Немон, баварский герцог, строит,
Из Пуату с Овернью в нем бароны,
Всего их наберется тысяч сорок.
Надежны их доспехи, резвы кони.
Стоит тот полк от остальных поодаль.
Король бойцов благословил рукою,
Их Жозерану и Годсельму отдал.
Аой!

CCXXII

В восьмой по счету полк Немон зачислил
Фламандские и фризские дружины.
Бойцов в восьмом полку за сорок тысяч,
В бою они всегда неустрашимы.
Король сказал: «Побьем врага с такими».
Тот полк Рембо с Амоном Галисийским
На сарацин бесстрашно нынче двинут.
Аой!

CCXXIII

Отряд девятый Жозеран с Немоном
Составили из воинов отборных,
Из лотарингцев и бургундцев рослых,
Людей в нем тысяч пятьдесят и боле.
Подвязаны их шлемы, блещут брони,
Сверкают острия коротких копий.
Коль с поля враг не убежит без боя,
Они ему дадут отпор жестокий.
Тьерри, Аргонский герцог, их предводит.
Аой!

CCXXIV

Составлен из французов полк десятый,
А в нем сто тысяч доблестных вассалов.
Крепки их руки и горда осанка.
Сед головой и бородою каждый.
На всех двойные панцири иль латы,
При каждом меч французский иль испанский,
При каждом крепкий щит с особым знаком.
Вот «Монжуа!»— их ратный клич раздался.
Ведут их на арабов император
И Жоффруа Анжуйский с орифламмой.
То — стяг Петра: он прежде «Римским» звался,
А ныне «Монжуа» ему названье.
Аой!

CCXXV

Король наш Карл сошел на луг с седла,
На мураву лицом к востоку пал,
Глаза возвел с надеждой к небесам,
Смиренно молит господа Христа:
«Защитою нам будь, Спаситель наш!
Всеправедный наш бог, Ионе встарь
В китовом чреве не дал ты пропасть;
От гибели ты Ниневию спас;
Ты Даниила вызволил из рва,
Где пищей львам пророк был должен стать.
Трех отроков исторг ты из огня.
Простри же ныне надо мною длань.
Будь милостив ко мне и в этот раз,
За смерть Роланда дай отмстить врагам».
Молитву сотворил король и встал.

Грудь осенил он знаменьем креста,
Сел на коня, вдел ноги в стремена.
Держали их Немон и Жозеран.
Копье схватил и щит привесил Карл.
Как он могуч, и строен, и удал,
Осанист телом и красив с лица!
Никто его не выбьет из седла.
В тылу и впереди трубят рога.
Но вот покрыл все звуки Олифан,
И о Роланде зарыдала рать.

CCXXVI

На бой наш император гордо скачет.
Он бороду поверх брони спускает.
Весь полк в сто тысяч так же поступает.
Теперь узнать француза можно сразу.
Минует рать холмы, минует скалы,
Мчит по долинам и ущельям мрачным,
На склон из гор безлюдных вылетает,
И вот она опять в стране испанской,
И вот привалом на равнине стала.
Меж тем разъезд вернулся в стан арабский.
Идет один сириец к Балигану:
«Сеньер, узрели мы спесивца Карла.
Могучи и верны его вассалы.
Вам битва предстоит, вооружайтесь!»
Эмир ответил: «Вижу — ты отважен.
Трубите, чтобы рать о бое знала».

CCXXVII

Стан барабанной дробью оглашен.
Рогов и труб несется звонкий зов.
Рать спешилась и снарядилась в бой,
И сам эмир не отстает от войск.
Он в золоченый панцирь грудь облек,
Надел шишак с насечкой золотой,
На левый бок привесил свой клинок.
Эмир ему названье изобрел:
Про Жуайёз, меч Карла, слышал он
И потому Пресьозом меч нарек.
Таков же бранный клич его бойцов,
Когда они врагу дают отпор.
Эмир надел на шею щит большой.

Из золота навершье у него,
Ремень прострочен шелковой тесьмой.
Берет эмир Мальте, свое копье.
Не древко у того копья — ослоп,
А наконечник мул свезет с трудом.
Садится ловко Балиган в седло.
Марколь Заморский стремя подает.
Меж пят эмира — футов пять с лихвой.
Он в бедрах узок, а в плечах широк,
В груди могуч, на диво весь сложен.
Взор у него и ясен и остер.
Он волосом курчав и горд лицом.
Бел головой, как яблоня весной.
Известен он отвагой боевой.
Верь он в Христа, вот был бы славный вождь!
Коня он шпорит так, что брызжет кровь,
Одним прыжком перелетает ров,
Хоть футов пятьдесят и будет в нем.
Арабы молвят: «Вот боец лихой!
Французам до такого далеко.
Кто б ни схватился с ним, он верх возьмет.
Безумен Карл, что с поля не ушел».
Аой!

CCXXVIII

Эмир на вид был доблестный боец.
Он бородою яблони белей,
Меж мавров славен мудростью своей,
На поле битвы горделив и смел.
А сын его Мальприм — второй отец,
Во всем блюдет он славных предков честь.
Отцу он молвит: «Скачем в бой скорей,
Чтоб Карл уйти обратно не успел».
Ответил Балиган: «Нет, он храбрец,
О нем не зря сложили столько жест.
Но с ним Роланда больше нет теперь,
И он над нами взять не сможет верх».
Аой!

CCXXIX

«Любезный сын Мальприм,—эмир сказал,—
Вчера погибли славный граф Роланд,
И Оливье, что именит и храбр,
И пэры, коих Карл любил всегда,
И с ними в двадцать тысяч копий рать.

За тех, кто жив, перчатки я не дам.
Сомненья нет, вернулся Карл назад.
Сириец из разъезда мне сказал,
Что рать разбил на десять полчищ Карл.
Мчат впереди два смелые бойца.
Трубят они в трубу и в Олифан,
Ведут пятнадцать тысяч христиан,
Из юношей составлен тот отряд.
Детьми своими Карл их любит звать.
Разить они жестоко будут нас».
Мальприм ему: «Дозволь мне бой начать».

CCXXX

«Любезный сын Мальприм,— эмир в ответ,—
Я так и поступлю, как ты хотел.
Иди и христиан нещадно бей.
Пойдут с тобою перс, король Торле,
И Дапамор, князь лютичских земель.
Знай, если ты собьешь французов спесь,
В лен дам тебе я часть страны моей —
От Кайруана и по Маракеш».
Мальприм сказал: «Благодарю, отец».
И принял во владение удел.
Король Флори в то время им владел.
Увы, Мальприму не пришлось вовек
Тот лен узреть и там на трон воссесть.

CCXXXI

Эмир спешит объехать ратный строй,
За ним наследник — ростом он высок.
А перс Торле и лютич Дапамор
Выводят рать из тридцати полков.
Людей в них столько, что и не сочтешь,—
В слабейшем тысяч пятьдесят бойцов.
Полк первый — ботентронцы на подбор.
Набрал эмир мейсинов во второй:
Люд этот волосат, большеголов,
Щетиной весь, как кабаны, зарос.
Аой!
Нубийцев, русов в третий полк он свел.
Боруссов и славян — в четвертый полк.
Сорабы, сербы — пятый полк его.
Берут армян и мавров в полк шестой,
Иерихонских жителей в седьмой.

Из черных негров состоит восьмой.
Из курдов — полк девятый целиком.
В десятом — из Балиды злой народ.
Аой!
Возвысил голос Балиган седой,
Клянется плотью Магомета он:
«Ума лишился, видно, Карл-король.
Коль рать его отважится на бой,
Заплатит нам за это он венцом».

CCXXXII

За десятью полками — новых десять.
Набрали в первый мерзких хананеев,
Далекого Валь-Фонта населенье.
В другой свели всех турок, персов — в третий,
В четвертый — орды диких печенегов,
А в пятый — и аваров и сольтернцев,
В шестой — армян и угличей свирепых.
В седьмом отряде — Самуила племя,
В восьмом с девятым — прусы и словенцы,
В десятом — люд из Оксианской степи,
Проклятый род, что в господа не верит.
Не видел мир отъявленней злодеев.
Их кожа, как железо, отвердела.
Им не нужны ни панцири, ни шлемы.
Жестоки и хитры они в сраженье.
Аой!

CCXXXIII

За десятью полками — десять новых.
Полк первый — исполинские мальпрозцы,
Второй — из гуннов, в третьем — венгров толпы.
В четвертом — люд Бальдизы отдаленной.
Полк пятый состоит из вальпенозцев,
Шестой — из эглей и бойцов Марозы,
Из ливов полк седьмой и атримонцев,
В трех остальных — аргойльцы и кларбонцы
И, наконец, бородачи вальфрондцы,
Народ, который ненавистен богу.
Полков там было тридцать ровным счетом.
Об этом нам «Деянья франков» молвят.
Под звуки труб арабы скачут гордо.
Аой!

CCXXXIV

Могуч эмир и храбростью известен.
Несут пред ним хоругвь с драконом в сечу.
И стяги Тервагана с Магометом,
И Аполленово изображенье.
Вокруг него гарцуют хананеи.
Их голоса разносятся далече:
«Кто от богов ждет помощи в сраженье,
Тот помолиться должен им смиренно».
Арабы устремляют взоры в землю,
Склоняют головы в блестящих шлемах.
Французы им кричат: «Готовьтесь к смерти.
Сегодня вам не избежать возмездья.
Храни, создатель, Карла от неверных
И ниспошли ему в бою победу».
Аой!

CCXXXV

Премудр и светел разумом эмир.
Он двум вождям и сыну говорит:
«Бароны, ваше место — впереди.
Вы поведете в бой мои полки,
Но я себе оставлю лучших три:
Армян отважных, турок удалых,
Мальпрозский полк, где каждый — исполин,
Да оксианский полк добавлю к ним.
Мы Карла и французов разгромим.
Коль с поля он посмеет не уйти,
То головы спесивцу не сносить.
Вполне он эту участь заслужил».
Аой!

CCXXXVI

Войска несметны, и полки прекрасны.
На ровном месте в бой они вступают.
Нет там ни гор, ни леса, ни оврага.
Насквозь друг друга видят обе рати.
Эмир кричит: «За мною, род проклятый!
Все на коня и битву начинайте».
Несет Амбор из Олоферна знамя,
Звучит «Пресьоз!»— военный клич арабов.
Французы отвечают: «Смерть поганым!»—
И «Монжуа!» в лицо бросают маврам.

Трубят все трубы в войске христианском,
Но Олифан все звуки заглушает.
Враги вопят: «Отважны люди Карла!
Бой предстоит нам долгий и ужасный».
Аой!

CCXXXVII

Равнина широка, простор безмерен.
На шлемах золотых горят каменья.
Щиты и брони нестерпимо блещут,
Значки на древках копий гордо реют.
И трубы оглашают всю окрестность,
Но Олифан всех труб звончей и резче.
К эмиру призывают Канабея —
Он брат его и правит Флоредеей,
До Валь-Севре он землями владеет.
На войско Карла брату кажет нехристь:
«Взгляните, сколько во французах спеси,
Как Карл на нас бросает взоры дерзко!
Ведет он полк бородачей в сраженье.
Их бороды торчат поверх доспехов.
Как свежий снег на льду, их кудри белы.
Мечи у них остры, а копья метки.
Жестокая нас ожидает сеча.
Подобной ей не видел мир вовеки».
От строя дальше Балиган отъехал.
Чем долетит обструганная ветка,
К дружинам обратился с краткой речью:
«Я проложу вам путь — за мной, смелее!»
Затем эмир потряс копейным древком,
На Карла он направил наконечник.
Аой!

CCXXXVIII

Когда эмира Карл узнал в лицо,
Узрел дракона, ратный стяг его,
И множество языческих полков,
Покрывших всю равнину целиком,
Коль не считать тот луг, где встал король,
Французам крикнул в полный голос он:
«Бароны, нет средь вас плохих бойцов.
Вы все не раз со мной ходили в бой.
Пред вами — враг, чей нрав труслив и подл,
В чьей вере правды нету ни на грош.
Пусть мавров много — что нам до того?

Кто смел и в бога верует — за мной!»
Коня он тронул шпорой золотой.
Четыре раза прыгнул Тансандор.
Вся рать сказала: «Вот боец лихой!
Мы не покинем вас в бою, сеньер».

CCXXXIX

Сияет солнце, светел яркий день.
Прекрасны рати, и полков не счесть.
Передние ряды сошлись уже.
Граф Гинеман и рядом граф Рабель
Бросают повод, гонят вскачь коней.
Французы дружно мчатся им вослед,
Разят копьем, пускают в дело меч.
Аой!

CCXL

Вот граф Рабель, отважный рыцарь, мчит.
Коня златою шпорой горячит.
Торле, король персидский, встречен им.
Ни щит, ни панцирь мавра не спасли.
Пронзил его Рабель копьем своим,
С седла в кустарник бездыханным сшиб.
Кричат французы: «Бог нас сохранит!
Прав наш король, и долг велит с ним быть».
Аой!

CCXLI

Князь лютичей схватился с Гинеманом,
Но граф его в щит расписной ударил,
Пронзил и раздробил на князе панцирь,
Вплоть до значка всадил копье в араба.
Хоть плачь, хоть смейся,—мертвым пал он наземь.
Французы, видя это, закричали:
«Бароны, в бой! Друзья, не отставайте!
Прав наш король, а нехристи не правы.
Вершит над ними ныне суд создатель».
Аой!

CCXLII

Вот мчит Мальприм на белом скакуне.
В ряды французов с ходу он влетел,
Удары сыплет, бьет что силы есть,
Нагромождает груды мертвых тел.

Эмир в тревоге к войску держит речь:
«Бароны, я вскормил вас с юных лет.
Мой сын пробиться к Карлу захотел,
Но он один, а христиан не счесть.
Бойца смелей я не найду вовек.
На выручку, иль ждет его конец!»
Пускают мавры вскачь своих коней.
Удар их тяжек, натиск их свиреп.
Столь беспощадный бой кипит везде,
Что не видал еще такого свет.
Аой!

CCXLIII

Могучи рати, и полки несметны.
Они уже вступили все в сраженье.
Язычники упорны и свирепы.
Творец, как много сломано доспехов,
Изрублено щитов, копейных древков!
Взглянуть бы вам, как ими дол усеян!
Ковыль на нем с утра был свеж и зелен.
[Теперь от крови взмок и побурел он.]
Эмир опять кричит полкам неверных:
«Вперед, рубите христиан смелее!»
Упорна и ожесточенна сеча.
Такой еще не видел мир от века.
Одна лишь смерть противников разделит.
Аой!

CCXLIV

Эмир к своим язычникам взывает:
«Разите, чтоб победа нам досталась.
Я дам вам женщин, стройных и прекрасных,
Уделы и феоды дам в награду».
Арабы молвят: «Мы разим отважно».
Ломаются их копья от ударов.
Берутся за мечи сто тысяч мавров.
Сражение и долго и ужасно.
Тем бой знаком, кто видел эту схватку.
Аой!

CCXLV

К французам обращает слово Карл:
«Я вас люблю и доверяю вам.
Вы все сражались за меня не раз,
Немало мне завоевали стран.

В награду вам я все готов отдать —
Богатство, земли, самого себя.
Отмстите лишь за родичей сполна,
За всех, кто в Ронсевале пал вчера.
Вы знаете, кто в этой битве прав».
Французы молвят: «Знаем, государь».
Их двадцать тысяч ровным счетом там.
Они клянутся именем Христа,
Что Карлу будут верны до конца.
Летят они с мечами на врага,
Сшибают мавров копьями с седла.
Кровопролитна битва и страшна.
Аой!

CCXLVI

Мчит на коне Мальприм по полю боя,
Ряды французов беспощадно косит.
Немон его окидывает взором,
По-рыцарски удар ему наносит,
Щит сарацина пробивает с ходу,
Копьем ему пронзает панцирь добрый,
Его со скакуна свергает мертвым
Средь семисот языческих баронов.

CCXLVII

Вот Канабей, эмира младший брат,
Коня ударил шпорами в бока,
Свой меч с хрустальной рукоятью сжал.
Шлем на Немоне прорубила сталь,
Разрезала с размаху пополам,
Все пять ремней нашейных порвала.
Подшлемник задержать не мог удар.
Клинок рассек его на два куска.
Один из них упал к ногам коня.
Немону ни за что б несдобровать,
Но бог помог — не сброшен он с седла:
Успел обнять за шею скакуна.
Когда б ударил мавр еще хоть раз,
Дух испустил бы доблестный вассал.
Тут подоспел к нему на помощь Карл.
Аой!

CCXLVIII

Смерть герцогу Немону угрожает:
Мавр норовит опять его ударить.

Воскликнул Карл: «Ты будешь, трус, наказан!» —
И на араба ринулся отважно.
Пробил он щит его, к груди прижатый,
Прорезало копье нагрудник вражий.
Пал наземь всадник, а скакун умчался.

CCXLIX

Почувствовал король большую скорбь,
Когда увидел, что в крови Немон,
Что на траву бежит она ручьем.
Дал герцогу совет разумный он:
«Скачите без опаски вслед за мной.
Противник ваш сражен моим копьем.
В злодея крепко я вогнал его».
Немон в ответ: «Сеньер, я видел все.
Коль буду жив, вам отслужу с лихвой».
Помчались в бой они бок о бок вновь,
Вослед — двадцатитысячный их полк.
Французы рубят и крушат врагов.
Аой!

CCL

Мчит по полю на скакуне эмир,
Бьет графа Гинемана что есть сил.
Пронзил копьем прижатый к сердцу щит,
Одним ударом панцирь раскроил,
Отсек все ребра от грудной кости,
С седла христианина мертвым сшиб.
Лорана с Жебоэном он сразил.
Ришар, сеньер нормандцев, им убит.
Язычники вопят: «Коли, руби!
Пресьоз от христиан нас охранит».
Аой!

CCLI

Взглянуть бы вам на войско Балигана,
На тех аргойльцев, басков, оксианцев!
Неотразимы копий их удары,
Но поля наши им не уступают.
На землю трупы валятся все чаще.
До вечера не утихает схватка.
Урон немалый терпят люди Карла.
Бой кончится — придется им поплакать.
Аой!

CCLII

Бьют мавры и французы что есть сил,
Их копья разлетаются в куски.
Взглянуть бы вам, как там дробят щиты,
Услышать бы, как сталь о сталь звенит,
Как в панцири врезаются клинки,
Как наземь тот, кто сбит с коня, летит,
Как издает он перед смертью крик,—
Вам этого б до гроба не забыть.
Сраженье все неистовей кипит.
Вот Аполлена стал эмир молить
И Тервагана, Магомета с ним:
«Я вам служил, кумиры ваши чтил,
Из золота я их велю отлить
[Лишь помогите Карла победить]».
Вдруг Жемальфен эмиру возвестил —
Ему был другом этот сарацин:
«Сеньер, для вас день нынче несчастлив:
Пал от руки врага ваш сын Мальприм,
И Канабей, ваш брат, в бою погиб.
Сразили два христианина их.
Карл, мнится мне,— один из их убийц:
Уж больно у него могучий вид
И бел апрельский цвет его седин».
Шлем наклонил, услышав весть, эмир,
От горя головой на грудь поник.
Он так скорбит, что свет ему не мил,
Позвать Жангле Заморского велит.

CCLIII

Воскликнул Балиган: «Ко мне, Жангле!
Вы — мудрый и правдивый человек.
Ценил я неизменно ваш совет.
Скажите мне, кто должен одолеть,
Кто — я иль Карл — в бою одержит верх?»
А тот ответил: «Суждена вам смерть.
Вас боги ваши не спасут уже.
Французы храбры, и король их смел.
Таких бойцов не видел я вовек.
Но все же бросьте клич — пусть бьются все:
Мавр, оксианец, турок, энфр и перс,
Что б нас ни ждало, медлить смысла нет».

CCLIV

Эмир по латам бороду расправил,
Она белей боярышника в мае.
Что б ни было, он прятаться не станет,
К устам трубу язычник прижимает,
Трубит в нее, чтоб слышали все мавры,
Мчит по полю и нехристей скликает.
Заржали и завыли оксианцы,
Залаяли аргойльцы по-собачьи,
На христиан неистово помчались,
Полки их смяли и ряды прорвали,
Семь тысяч их убили басурмане.

CCLV

Ожье Датчанин сроду не был трусом,
Вовеки мир бойца не видел лучше.
Заметил он, что дрогнули французы,
Велел позвать Тьерри-аргонца тут же
И Жозерана с Жоффруа Анжуйским
И молвил Карлу гордо и разумно:
«Взгляните, как арабы наших рубят.
Пускай венца лишит вас вездесущий,
Коль отомстить у вас не хватит духу».
Все промолчали: отвечать нет нужды.
Коней бароны шпорят, вскачь несутся,
Язычников нещадно бьют повсюду.
Аой!

CCLVI

Разят арабов император Карл,
Ожье, Немон, анжуец Жоффруа,
Что носит императорский штандарт.
Особенно Ожье Датчанин храбр.
Коню он шпоры дал, понесся вскачь,
Убил того, кто нес с драконом стяг:
Ожье Амбора вышиб из седла,
Конем хоругвь эмира растоптал.
Эмир увидел, что дракон упал,
Что знамя Магомета — у врага,
И понял тут язычник Балиган,
Что Карл Великий прав, а он не прав.
Поприутихла ярость басурман.
Карл вопрошать своих баронов стал:
«Достаточно ли сил еще у вас?»

А те в ответ: «Не тратьте зря слова.
Позор тому, кто не разит сплеча!»
Аой!

CCLVII

День миновал, вечерний час подходит,
Но меч враги не вкладывают в ножны.
Отважны те, кто рати свел для боя.
Их ратный клич звучит, как прежде, грозно.
«Пресьоз!» — кричит эмир арабский гордо,
Карл «Монжуа!» в ответ бросает громко.
По голосу один узнал другого.
Сошлись они на середине поля.
Тот и другой пускают в дело копья,
Врагу удар наносят в щит узорный,
Его пронзают под навершьем толстым,
Распарывают на кольчугах полы,
Но невредимы остаются оба.
Полопались у них подпруги седел.
С коней бойцы свалились наземь боком,
Но на ноги вскочили тотчас ловко,
Свои мечи булатные исторгли,
Чтоб снова продолжать единоборство.
Одна лишь смерть конец ему положит.
Аой!

CCLVIII

Отважен милой Франции властитель,
Но даже он не устрашит эмира.
Враги мечи стальные обнажили,
Бьют по щитам друг друга что есть силы,
Навершья, кожа, обручи двойные —
Все порвалось, расселось, расскочилось.
Теперь бойцы одной броней прикрыты.
Клинки из шлемов высекают искры.
Не прекратится этот поединок,
Пока эмир иль Карл не повинится.
Аой!

CCLIX

Эмир воскликнул: «Карл, совету внемли:
В вине покайся и проси прощенья.
Мой сын тобой убит — то мне известно.
Ты беззаконно вторгся в эту землю,
Но коль меня признаешь сюзереном,

Ее получишь в ленное владенье».
«Мне это не пристало,— Карл ответил.—
С неверным я не примирюсь вовеки.
Но другом буду я тебе до смерти,
Коль ты согласен воспринять крещенье
И перейти в святую нашу веру».
Эмир ответил: «Речь твоя нелепа».
И вновь мечи о брони зазвенели.
Аой!

CCLX

Эмир великой силой наделен.
Бьет Карла он по голове мечом.
Шлем разрубил на короле клинок,
Проходит через волосы его,
Наносит рану шириной в ладонь,
Срывает кожу, оголяет кость.
Шатнулся Карл, чуть не свалился с ног,
Но не дал одолеть его господь.
К нему послал он Гавриила вновь,
И ангел молвил: «Что с тобой, король?»

CCLXI

Король услышал, что промолвил ангел.
Забыл о смерти он, забыл о страхе.
К нему вернулись разом мощь и память.
Мечом французским он врага ударил,
Пробил шишак, украшенный богато,
Лоб раздробил, разбрызгал мозг араба,
До бороды рассек эмира сталью.
Упал язычник, и его не стало.
Клич «Монжуа!» бросает император.
Немон, услышав это, к Карлу скачет
И сесть на Тансандора помогает.
Бегут арабы: так судил создатель.
Услышал он мольбы французов наших.

CCLXII

Бегут арабы: так судил творец.
Карл и бароны мчатся им вослед.
Король кричит: «Вершите суд и месть!
Воздайте за родных и за друзей,
Вы утром их оплакивали смерть».

«Да будет так!» — гремят полки в ответ.
Французы мавров бьют что силы есть.
Удастся лишь немногим уцелеть.

CCLXIII

Зной нестерпим, и пыль столбом клубится.
Французы мчат вдогонку сарацинам,
На Сарагосу скачут вслед за ними.
Меж тем на башню Брамимонда вышла,
Стоит она на ней с неверным клиром,
А у него и вид богопротивный,
И сана нет, и темя не побрито.
Победу Карла королева видит
И восклицает: «Магомет, спаси нас!
О государь пресветлый, мы погибли.
Пал Балиган позорной смертью в битве».
Лицо к стене поворотил Марсилий,
Заплакал, долу головой склонился
И принял, нераскаянный, кончину,
И завладел его душой нечистый.
Аой!

CCLXIV

Спасаются арабы, кто как может.
Закончил битву Карл победой полной.
Повержены ворота Сарагосы.
Французы видят: беззащитен город.
Король в столицу мавров вводит войско.
В ней на привал он станет этой ночью.
Горд и доволен Карл седобородый:
Ему сдала все башни Брамимонда —
Больших десяток, малых за полсотни,
Победа с тем, над кем десница божья!

CCLXV

День миновал, и ночь на землю пала.
Луна взошла, и звезды засверкали.
Взял город Сарагосу император.
Он тысячу баронов посылает —
Пусть синагоги жгут, мечети валят.
Берут они и ломы и кувалды,
Бьют идолов, кумиры сокрушают,
Чтоб колдовства и духу не осталось.
Ревнует Карл о вере христианской,
Велит он воду освятить прелатам

И мавров окрестить в купелях наспех,
А если кто на это не согласен,
Тех вешать, жечь и убивать нещадно.
Насильно крещены сто тысяч мавров,
Отсрочку только Брамимонде дали:
Пусть в милый край французский едет с Карлом
И добровольной христианкой станет.

CCLXVI

Ночь миновала, ясный день настал.
Все башни в Сарагосе занял Карл.
Он тысячу бойцов оставил там,
Чтоб город от врага оберегать.
Повел король назад свои войска,
С собой в дорогу Брамимонду взял:
Добра он ей желает, а не зла.
В обратный путь идет, ликуя, рать.
Нарбона ей ворота отперла.
Вот Карл вступил в Бордо, преславный град.
Он золотом наполнил Олифан,
Святому Северину даровал —
Там пилигримы видят этот дар.
Карл переплыл Жиронду на судах,
До Бле Роланда он сопровождал.
И Оливье был отвезен туда
И с ним Турпен, воитель и прелат.
В трех мраморных гробах они лежат.
Святой Роман хранит их бренный прах.
Поручен он господним именам.
Помчался Карл по до́лам, по горам,
До Ахена нигде не отдыхал,
Лишь у дворца сошел со скакуна.
Едва король достиг своих палат,
Судей велел он отовсюду звать.
Шлют их все области и племена:
Саксонский, фризский, алеманский край,
Нормандия, Бургундия, Бретань,
Мудрейших же — французская страна,
Недолго Ганелону ждать суда.

CCLXVII

Карл прибыл из испанского похода,
Вернулся в Ахен, свой престольный город.
По лестнице взошел он в зал дворцовый,
Был дамой Альдой встречен на пороге.

«ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ»

П. Учелло (XV в.). Битва при Сан Романо *(фрагмент)*.

Флоренция, Уффици.

К стр. 509

Та молвит: «Где Роланд, отважный воин,
Что клятву дал назвать меня женою?»
Король в унынье и великой скорби
Рвет бороду свою и плачет горько:
«Сестра, меня спросили вы о мертвом.
Я вам воздам заменою достойной:
То — первый мой вассал и сын Людовик,
Наследник всех моих земель и трона».
Она в ответ: «Мне странно это слово.
Да не попустят бог с небесным сонмом,
Чтоб я жила, коль нет Роланда больше».
Пред Карлом дама, побледнев, простерлась.
Она мертва — помилуй Альду, боже!
Скорбят о ней французские бароны.

CCLXVIII

Она скончалась — нет прекрасной Альды,
Но мыслит Карл, что дама — без сознанья.
Над нею, сострадая, он заплакал,
Ее приподнял, на ноги поставил.
Она к его плечу челом припала.
Тут Карл увидел, что она скончалась.
За нею четырех графинь прислал он
И тело в женский монастырь отправил.
Над нею там всю ночь псалмы читали,
Зарыли гроб у алтаря во храме.
Большую честь воздал ей император.
Аой!

CCLXIX

В престольный Ахен прибыл вновь король.
В оковах там изменник Ганелон
На площади стоит перед дворцом.
К столбу привязан дворней Карла он,
Прикручен крепко за руки ремнем.
Бьют и бичами и дубьем его.
Не заслужил он участи иной.
Пускай суда предатель в муках ждет.

CCLXX

Написано в одной старинной жесте,
Что Карл созвал людей из всех уделов,
На суд собрал их в аченской капелле.
Сошлись они в господний праздник светлый,
В день божьего барона, в день Сильвестров,

Дабы воздать по совести и чести
Злодею Ганелону за измену.
Карл привести велел его немедля.
Аой!

CCLXXI

«Сеньеры и бароны,— молвил Карл.—
Вот Ганелон на суд явился ваш.
Со мною он ходил в испанский край,
Сгубил двадцатитысячную рать.
Из-за него погибли и Роланд,
И Оливье, что был учтив и храбр.
Он пэров предал маврам, деньги взял».
Ответил Ганелон: «Не стану лгать,
Лишил меня моих сокровищ граф.
Вот я Роланду смерти и желал.
Нельзя изменой это называть».
Бароны молвят: «Суд решит, кто прав».

CCLXXII

Предстал суду и Карлу Ганелон.
Он свеж лицом, на вид и смел и горд.
Вот был бы удалец, будь честен он!
Бросает на собравшихся он взор,
Стоят с ним тридцать родичей его.
Суду он громко говорит потом:
«Бароны, да хранит вас всех господь!
Ходил я с императором в поход,
Ему был предан телом и душой.
Но на меня Роланд замыслил зло,
Ко мне жестокой воспылал враждой,
На муки и на казнь меня обрек,
Послал меня к Марсилию послом.
При всех Роланду вызов брошен мой,
Его и пэров вызвал я на бой.
Всю нашу ссору видел сам король.
Я только мстил, и нет измены в том».
Бароны молвят: «Суд все разберет».

CCLXXIII

Увидел Ганелон, что дело плохо.
Зовет он тридцать родственников кровных.
Один из них над всеми верховодит.
То — Пинабель, что из Сорансы родом.
Он на язык остер и ловок в споре,

А коль дойдет до боя — воин добрый.
Аой!
Граф молвит: «Будьте мне в беде оплотом,
Не дайте кончить жизнь на месте лобном».
А тот ответил: «Ничего не бойтесь.
Кто здесь о казни вымолвит хоть слово,
С тем тотчас я вступлю в единоборство
И дам отвод оружьем приговору».
Тут ниц пред ним граф Ганелон простерся.

CCLXXIV

Сошлись на суд бургундцы и баварцы,
Французы, пуатвинцы и нормандцы.
Есть там саксонцы, есть и алеманы.
Всех судей остальных оверцы мягче —
Жестокий страх им Пинабель внушает.
Все говорят: «Покончим с этой тяжбой.
Оставим суд, пойдем попросим Карла,
Чтоб Ганелону дал король пощаду,
И тот ему опять слугою станет.
Погиб Роланд и не придет обратно.
Не воскресить его сребром иль златом.
От поединка проку будет мало».
Так мыслят все, кто там на суд собрался.
Один Тьерри, брат Жоффруа,— иначе.
Аой!

CCLXXV

Вот судьи к императору пришли
И молвят: «Мы решили вас просить,
Чтоб Ганелона пощадили вы.
Он будет впредь вам ревностно служить.
Он знатен родом — сжальтесь же над ним.
Ведь все равно племянник ваш погиб,
Златой казной его не воскресить».
Король ответил: «Все вы подлецы!»
Аой!

CCLXXVI

Увидел Карл — оставлен всеми он,
Нахмурил брови и поник челом,
Стал от тоски и горя сам не свой.
Вдруг предстает Тьерри пред королем.
То Жоффруа Анжуйца брат меньшой.
Он строен, худощав и быстроног,
Кудрями черен, смугловат лицом,

А ростом и не мал и не высок.
Учтиво Карлу молвил он: «Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Вы зна́ете: вам предан весь наш род.
И я, как предки, вам служить готов.
Да, с-чима Роланд обидеть мог,
Но кто вам служит — нет вины на том,
А Ганелон его на смерть обрек,
Нарушил клятву и презрел свой долг.
На рель его! — таков мой приговор.
А труп изрежут пусть в куски потом.
Подлец не стоит участи иной.
А если кто из родичей его
Посмеет приговору дать отвод,
Я подтвержу свои слова мечом».
Все молвят: «Рассудил он хорошо».

CCLXXVII

Вот Пинабель пред королем предстал.
Велик он ростом, быстр, могуч и храбр.
Его удар смертелен для врага.
Он молвил: «Воля ваша, государь.
Пусть понапрасну судьи не кричат.
Я слышал, что Тьерри изрек сейчас,
И докажу мечом, что он не прав».
С тем он свою перчатку Карлу дал.
Король спросил: «А кто заложник ваш?»
Тот три десятка родичей призвал.
Король велел под стражей их держать,
Своих взамен представить обещал.
Аой!

CCLXXVIII

Тьерри увидел — бой не за горами.
Вручил он Карлу правую перчатку.
Тот взял, своих заложников назначил.
Четыре Карл велел скамьи поставить —
Пусть сядут там противники до схватки.
Счел суд законным бой единогласно.
Ожье Датчанин споры все уладил.
Бойцы коней и брони просят дать им.
Аой!

CCLXXIX

Как только бой судом дозволен был,
К обедне в храм отправились враги,

Покаялись во всех грехах своих
И вклад большой внесли в монастыри.
Вернулись вместе к королю они.
Надели шпоры на ноги бойцы,
В надежные доспехи облеклись,
Ремнями подвязали шишаки,
На пояса привесили мечи.
Взял каждый свой четырехпольный щит.
Копье в руках у каждого из них,
И слуги скакунов им подвели.
Вокруг сто тысяч рыцарей скорбит:
Роланд им дорог, жалко им Тьерри.
Ведь знает только бог, кто победит.

CCLXXX

Под Ахеном обширное есть поле.
Отправились туда враги для боя.
Могучи и неустрашимы оба.
Их скакуны легки и быстроноги.
Бароны шпорят, отпускают повод,
Друг другу что есть сил удар наносят.
Раздроблены щиты, пробиты брони.
Подпруги рвутся, и сползают седла.
С коней на землю валятся бароны.
Сто тысяч человек глядят и стонут.
Аой!

CCLXXXI

Бойцы на землю рухнули с седла,
Но тут же встали на ноги опять.
Проворен Пинабель, могуч и яр.
Друг к другу поединщики спешат.
Меч с золотым эфесом каждый взял,
Клинки о шлемы крепкие звенят,
Ударом отвечают на удар.
Скорбят французы, плачет Карл, молясь:
«О господи, дай правде воссиять!»

CCLXXXII

«Тьерри, сдавайся! — Пинабель кричит.—
И я вассалам сделаюсь твоим,
Отдам тебе владения свои,
Лишь Ганелона с Карлом помири».
Тьерри в ответ: «Об этом помолчи.

Я был бы низок, если б уступил.
Один господь нас может рассудить».
Аой!

CCLXXXIII

Тьерри кричит: «Ты, доблестный барон,
Могуч, сложен на славу и высок.
Известно всем, что ты вассал лихой.
Сдавайся мне, сопротивляться брось,
И короля я помирю с тобой.
А Ганелона не спасет ничто.
Неслыханную казнь претерпит он».
Ответил Пинабель: «Не дай господь.
За родичей стоять — мой долг прямой.
Вовек не уклонюсь я от него.
Уж лучше гибель, чем такой позор».
И вот удары зазвенели вновь.
По шлему золотому бьет клинок.
Взлетают к небу искры и огонь.
Теперь никто не разведет врагов.
Их поединок только смерть прервет.
Аой!

CCLXXXIV

Могуч и ловок Пинабель Соранссний.
В шлем провансальский он врага ударил.
От искр на поле запылали травы.
Так метко Пинабель свой меч направил,
Что расколол он на Тьерри забрало.
Клинок рассек ему шишак с размаху,
И лоб, и щеку правую поранил,
До живота насквозь прорезал панцирь.
Но спас Тьерри от гибели создатель.
Аой!

CCLXXXV

Тьерри увидел — ранен он в лицо.
Стекает на траву из раны кровь,
По голове врага ударил он
И до забрала шлем рассек на нем.
Из раны наземь вывалился мозг.
Пал Пинабель, издав последний вздох.
Закончился ударом этим бой.
Кричат французы: «Суд свершил господь!
Повешены должны быть Ганелон
И тридцать поручителей его».
Аой!

CCLXXXVI

Бой кончен, поле за Тьерри осталось.
Как победитель, он предстал пред Карлом,
И с ним четыре знатные вассала:
Анжуец Жоффруа, Немон Баварский,
Гильом из Бле и граф Ожье Датчанин.
Тьерри в объятья принял император,
Стер кровь с него плащом на горностаях,
Плащ отшвырнул, в другой облекся сразу.
С Тьерри доспехи осторожно сняли.
На мула он арабского посажен
И в город с ликованием отправлен.
Вот возвратились все на площадь в Ахен,
А там уже виновных ждет расправа.

CCLXXXVII

Сзывает Карл баронов на совет:
«Как поступить с задержанными мне?
За родича они пришли радеть.
В залог их нам оставил Пинабель».
Французы отвечают: «Всех на рель».
Наместнику Бабрюну Карл велел:
«Ступай и всех задержанных повесь.
Клянусь седою бородой моей:
Коль хоть один сбежит, тебе конец».
«Исполню все»,— Бабрюн ему в ответ.
Сто стражей силой тащат их на смерть.
На казнь пошло их тридцать человек.
Предатель губит всех — себя, друзей.
Аой!

CCLXXXVIII

Единодушно порешили судьи:
Баварцы, пуатвинцы и бургундцы,
Бретонцы и особенно французы,—
Чтоб Ганелон погиб в жестоких муках.
Вот к четырем коням злодей прикручен.
Привязан крепко за ноги и руки,
А кони эти дики и могучи.
Четыре стража отпускают узды,
Летят по лугу кони что есть духу,
На все четыре стороны несутся.
У Ганелона жилы растянулись,
Оторвались конечности от трупа.

Трава от крови покраснела густо.
Он умер смертью пленника и труса.
Изменой да не хвалится преступник.

CCLXXXIX

Возмездие свершил король наш славный.
К себе своих прелатов он сзывает —
Французов, алеманов и баварцев.
«С собой привез я полонянку в Ахен.
Ее здесь долго вере поучали.
Крещение она принять желает,
Чтоб спас ее от вечных мук создатель».
Все молвят: «Восприемниц ей назначьте,
Двух знатных дам и добрых христианок».
У Ахенских ключей народ собрался,
И в них крестилась королева мавров,
И восприяла имя Юлианы,
И добровольно христианкой стала.

CCXC

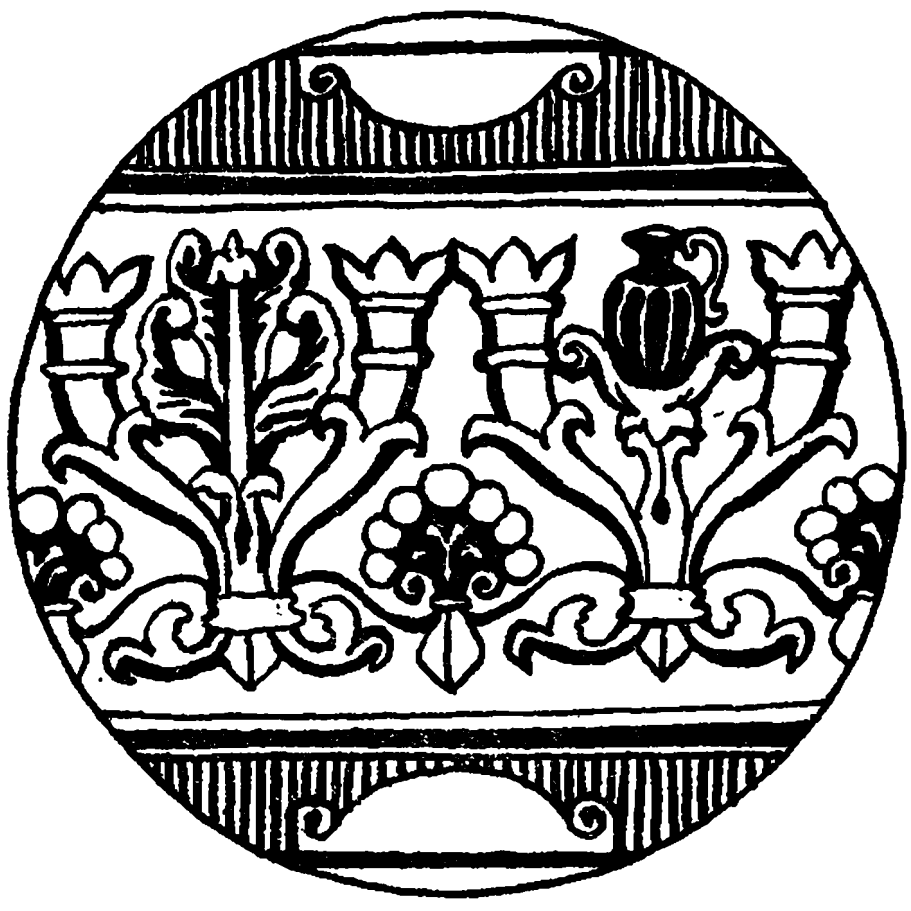
Когда король свой правый суд закончил,
И гнев излил, и сердце успокоил,
И приняла крещенье Брамимонда,
День миновал и ночь настала снова.
Вот Карл под сводом спальни лег на ложе,
Но Гавриил к нему ниспослан богом:
«Карл, собирай без промедленья войско
И в Бирскую страну иди походом,
В Энф, город короля Вивьена стольный.
Языческою ратью он обложен.
Ждут христиане от тебя подмоги».
Но на войну идти король не хочет.
Он молвит: «Боже, сколь мой жребий горек!» —
Рвет бороду седую, плачет скорбно...

Вот жесте и конец. Турольд умолкнул.

ДАНТЕ

Божественная комедия

Эпическая поэма



Перевод с итальянского

М. ЛОЗИНСКОГО

Текст печатается в сокращении по изданию:
«Библиотека всемирной литературы»,
серия первая, том 28.
Издательство
«Художественная литература»,
М., 1967

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несу!

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.

Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

Но, к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,

Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.

Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.

И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,

25 Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

28 Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.

31 И вот, внизу крутого косорога,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.

34 Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.

37 Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный

40 Божественная двинула Любовь.
Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь

43 При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с подъятой гривой.

46 Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.

49 И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.

52 Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.

55 И, как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,

Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неуемной
Туда, теснимый, где лучи молчат.

61 Пока к долине я свергался темной,
Какой-то муж явился предо мной.
От долгого безмолвья словно томный.

64 Его узрев среди пустыни той,
«Спаси,— воззвал я голосом унылым,—
Будь призрак ты, будь человек живой!»

67 Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя была их краем милым.

70 Рожден sub Julio, хоть в поздний год,
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда еще кумиры чтил народ.

73 Я был поэт и вверил песнопенью,
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожженью.

76 Но что же к муке ты спешишь назад?
Что не восходишь к выси озаренной,
Началу и причине всех отрад?»

79 «Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
Ответил я, склоняя лик смущенный.—

82 О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!

85 Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.

88 Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»

91 «Ты должен выбрать новую дорогу,—
Он отвечал мне, увидав мой страх,—
И к дикому не возвращаться логу;

94 Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;

97 Она такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильней алкая.

100 Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пес, и кончится она.

103 Не прах земной и не металл двусплавный,
А честь, любовь и мудрость он вкусит,
Меж войлоком и войлоком державный.

106 Италии он будет верный щит,
Той, для которой умерла Камилла,
И Эвриа́л, и Турн, и Нисс убит.

109 Свой бег волчица где бы ни стремила,
Ее, нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищницу взманила.

112 И я тебе скажу в свою чреду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу,

115 И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья;

118 Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.

121 Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждет:
С ней ты пойдешь, а мы должны проститься;

124 Царь горних высей, возбраняя вход
В свой город мне, врагу его устава,
Тех не впускает, кто со мной идет.

127 Он всюду царь, но там его держава;
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»

130 «О мой поэт,— ему я речь повел,—
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушел,

Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал».

Он двинулся, и я ему вослед.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

День уходил, и неба воздух темный
Земные твари уводил ко сну
От их трудов; лишь я один, бездомный,

Приготовлялся выдержать войну
И с тягостным путем, и с состраданьем,
Которую неложно вспомяну.

О Музы, к вам я обращусь с воззваньем!
О благородный разум, гений свой
Запечатлей моим повествованьем!

Я начал так: «Поэт, вожатый мой,
Достаточно ли мощный я свершитель,
Чтобы меня на подвиг звать такой?

Ты говоришь, что Сильвиев родитель,
Еще плотских не отрешась оков,
Сходил живым в бессмертную обитель.

Но если побораталь всех грехов
К нему был благ, то, рассудив о славе
Его судеб, и кто он, и каков,

Его почесть достойным всякий вправе:
Он, избран в небе света и добра,
Стал предком Риму и его державе,

А тот и та, когда пришла пора,
Святой престол воздвигли в мире этом
Преемнику верховного Петра.

Он на своем пути, тобой воспетом,
Был вдохновлен свершить победный труд,
И папский посох ныне правит светом.

Там, вслед за ним, Избранный был Сосуд,
Дабы другие укрепились в вере,
Которою к спасению идут.

А я? На чьем я оснуюсь примере?
Я не апостол Павел, не Эней,
Я не достоин ни в малейшей мере.

И если я сойду в страну теней,
Боюсь, безумен буду я, не боле.
Ты мудр; ты видишь это все ясней».

И словно тот, кто, чужд недавней воле
И передумав в тайной глубине,
Бросает то, что замышлял дотоле,

Таков был я на темной крутизне,
И мысль, меня прельстившую сначала,
Я, поразмыслив, истребил во мне.

«Когда правдиво речь твоя звучала,
Ты дал смутиться духу своему,—
Возвышенная тень мне отвечала.—

Нельзя, чтоб страх повелевал уму;
Иначе мы отходим от свершений,
Как зверь, когда мерещится ему.

Чтоб разрешить тебя от опасений,
Скажу тебе, как я узнал о том,
Что ты моих достоин сожалений.

Из сонма тех, кто меж добром и злом,
Я женщиной был призван столь прекрасной,
Что обязался ей служить во всем.

Был взор ее звезде подобен ясной;
Ее рассказ струился не спеша,
Как ангельские речи, сладкогласный:

«О мантуанца чистая душа,
Чья слава целый мир объемлет кругом
И не исчезнет, вечно в нем дыша,

Мой друг, который счастью не был другом,
В пустыне горной верный путь обресть
Отчаялся и оттеснен испугом.

Такую в небе слышала я весть;
Боюсь, не поздно ль я помочь готова,
И бедствия он мог не перенесть.

67 Иди к нему и, красотою слова
И всем, чем только можно, пособя,
Спаси его, и я утешусь снова.

70 Я Беатриче, та, кто шлет тебя;
Меня сюда из милого мне края
Свела любовь; я говорю любя.

73 Тебя не раз, хваля и величая,
Пред господом мой голос назовет».
Я начал так, умолкшей отвечая:

76 «Единственная ты, кем смертный род
Возвышенней, чем всякое творенье,
Вмещаемое в малый небосвод,

79 Тебе служить — такое утешенье,
Что я, свершив, заслуги не приму,
Мне нужно лишь узнать твое веленье.

82 Но как без страха сходишь ты во тьму
Земного недра, алча вновь подняться
К высокому простору твоему?»

85 «Когда ты хочешь в точности дознаться,
Тебе скажу я,— был ее ответ,—
Зачем сюда не страшно мне спускаться.

88 Бояться должно лишь того, в чем вред
Для ближнего таится сокровенный;
Иного, что страшило бы, и нет.

91 Меня такою создал царь вселенной,
Что вашей мукой я не смущена
И в это пламя нисхожу нетленной.

94 Есть в небе благодатная жена;
Скорбя о том, кто страждет так сурово,
Судью склонила к милости она.

97 Потом к Лючии обратила слово
И молвила:— Твой верный — в путах зла,
Пошли ему пособника благого.

100 Лючия, враг жестоких, подошла
Ко мне, сидевшей с древнею Рахилью,
Сказать:— Господня чистая хвала,

О Беатриче, помоги усилью
Того, который из любви к тебе
Возвысился над повседневной былью.

Или не внемлешь ты его мольбе?
Не видишь, как поток, грознее моря,
Уносит изнемогшего в борьбе?—

Никто поспешней не бежал от горя
И не стремился к радости быстрей,
Чем я, такому слову сердцем вторя,

Сошла сюда с блаженных ступеней,
Твоей вверяясь речи достохвальной,
Дарящей честь тебе и внявшим ей».

Так молвила, и взор ее печальный,
Вверх обратясь, сквозь слезы мне светил
И торопил меня к дороге дальной.

Покорный ей, к тебе я поспешил;
От зверя спас тебя, когда к вершине
Короткий путь тебе он преградил.

Так что ж? Зачем, зачем ты медлишь ныне?
Зачем постыдной робостью смущен?
Зачем не светел смелою гордыней,

Когда у трех благословенных жен
Ты в небесах обрел слова защиты
И дивный путь тебе предвозвещен?»

Как дольный цвет, сомкнутый и побитый
Ночным морозом,— чуть блеснет заря,
Возносится на стебле, весь раскрытый,

Так я воспрянул, мужеством горя;
Решимостью был в сердце страх раздавлен,
И я ответил, смело говоря:

«О, милостива та, кем я избавлен!
И ты, сколь благ не пожелавший ждать,
Ее правдивой повестью наставлен!

Я так был рад словам твоим внимать
И так стремлюсь продолжить путь начатый,
Что прежней воли полон я опять.

Иди, одним желаньем мы объяты:
Ты мой учитель, вождь и господин!»
Так молвил я; и двинулся вожатый,

И я за ним среди глухих стремнин.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Я УВОЖУ К ОТВЕРЖЕННЫМ СЕЛЕНЬЯМ.
Я УВОЖУ СКВОЗЬ ВЕКОВЕЧНЫЙ СТОН.
Я УВОЖУ К ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНЬЯМ.

БЫЛ ПРАВДОЮ МОЙ ЗОДЧИЙ ВДОХНОВЛЕН:
Я ВЫСШЕЙ СИЛОЙ, ПОЛНОТОЙ ВСЕЗНАНЬЯ
И ПЕРВОЮ ЛЮБОВЬЮ СОТВОРЕН.

ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ ВЕЧНЫЕ СОЗДАНЬЯ,
И С ВЕЧНОСТЬЮ ПРЕБУДУ НАРАВНЕ,
ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНЬЯ.

Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».

Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

Я обещал, что мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда».

Дав руку мне, чтоб я не знал сомнений,
И, обернув ко мне спокойный лик,
Он ввел меня в таинственные сени.

Там вздохи, плач и исступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.

Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и всклики

Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.

31 И я, с главою, ужасом стесненной,
«Чей это крик?— едва спросить посмел.—
Какой толпы, страданьем побежденной?»

34 И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

37 И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.

40 Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина».

43 И я: «Учитель, что их так терзает
И понуждает к жалобам таким?»
А он: «Ответ недолгий подобает.

46 И смертный час для них недостижим,
И эта жизнь настолько нестерпима,
Что все другое было б легче им.

49 Их память на земле невоскресима;
От них и суд и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»

52 И я, взглянув, увидел стяг вдали,
Бежавший кругом, словно злая сила
Гнала его в крутящейся пыли;

55 А вслед за ним столь длинная спешила
Чреда людей, что верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих истребила.

58 Признав иных, я вслед за тем в одном
Узнал того, кто от великой доли
Отрекся в малодушии своем.

61 И понял я, что здесь вопят от боли
Ничтожные, которых не возьмут
Ни бог, ни супостаты божьей воли.

64 Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.

67 Кровь, между слез, с их лиц текла струями,
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.

70 Взглянув подальше, я толпу людей
Увидел у широкого потока.
«Учитель,— я сказал,— тебе ясней,

73 Кто эти там и власть какого рока
Их словно гонит и теснит к волнам,
Как может показаться издалека».

76 И он ответил: «Ты увидишь сам,
Когда мы шаг приблизим к Ахерону
И подойдем к печальным берегам».

79 Смущенный взор склонив к земному лону,
Боясь докучным быть, я шел вперед,
Безмолвствуя, к береговому склону.

82 И вот в ладье навстречу нам плывет
Старик, поросший древней сединою,
Крича: «О, горе вам, проклятый род!

85 Забудьте небо, встретившись со мною!
В моей ладье готовьтесь переплыть
К извечной тьме, и холоду, и зною.

88 А ты уйди, тебе нельзя тут быть,
Живой душе, средь мертвых!» И добавил,
Чтобы меня от прочих отстранить:

91 «Ты не туда свои шаги направил:
Челнок полегче должен ты найти,
Чтобы тебя он к пристани доставил»

94 А вождь ему: «Харон, гнев укроти.
Того хотят — там, где исполнить властны
То, что хотят. И речи прекрати».

97 Недвижен стал шерстистый лик ужасный
У лодочника сумрачной реки.
Но вкруг очей змеился пламень красный.

100 Нагие души, слабы и легки,
Вняв приговор, не знающий изъятья,
Стуча зубами, бледны от тоски,

Выкрикивали господу проклятья,
Хулили род людской, и день, и час,
И край, и семя своего зачатья.

Потом, рыдая, двинулись зараз
К реке, чьи волны, в муках безутешных,
Увидят все, в ком божий страх угас.

А бес Харон сзывает стаю грешных,
Вращая взор, как уголья в золе,
И гонит их и бьет веслом неспешных.

Как листья сыплются в осенней мгле,
За строем строй, и ясень оголенный
Свои одежды видит на земле,—

Так сев Адама, на беду рожденный,
Кидался вниз, один, за ним другой,
Подобно птице, в сети приманенной.

И вот плывут над темной глубиной;
Но не успели кончить переправы,
Как новый сонм собрался над рекой.

«Мой сын,— сказал учитель величавый,—
Все те, кто умер, бога прогневив,
Спешат сюда, все страны и державы;

И минуть реку всякий тороплив,
Так утесненный правосудьем бога,
Что самый страх преображен в призыв.

Для добрых душ другая есть дорога;
И ты поймешь, что разумел Харон,
Когда с тобою говорил так строго».

Чуть он умолк, простор со всех сторон
Сотрясся так, что, в страхе вспоминая,
Я и поныне по́том орошен.

Дохнула ветром глубина земная,
Пустыня скорби вспыхнула кругом,
Багровым блеском чувства ослепляя;

И я упал, как тот, кто схвачен сном.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ворвался в глубь моей дремоты сонной
Тяжелый гул, и я очнулся вдруг,
Как человек, насильно пробужденный.

Я отдохнувший взгляд обвел вокруг,
Встав на ноги и пристально взирая,
Чтоб осмотреться в этом царстве мук.

Мы были возле пропасти, у края,
И страшный срыв гудел у наших ног,
Бесчисленные крики извергая.

Он был так темен, смутен и глубок,
Что я над ним склонялся по-пустому
И ничего в нем различить не мог.

«Теперь мы к миру спустимся слепому,—
Так начал, смертно побледнев, поэт.—
Мне первому идти, тебе — второму».

И я сказал, заметив этот цвет:
«Как я пойду, когда вождем и другом
Владеет страх и мне опоры нет?»

«Печаль о тех, кто скован ближним кругом,—
От отвечал,— мне на лицо легла,
И состраданье ты почел испугом.

Пора идти, дорога не мала».
Так он сошел, и я за ним спустился,
Вниз, в первый круг, идущий вкруг жерла.

Сквозь тьму не плач до слуха доносился,
А только вздох взлетал со всех сторон
И в вековечном воздухе струился.

Он был безбольной скорбью порожден,
Которою казалися объяты
Толпы младенцев, и мужей, и жен.

«Что ж ты не спросишь,— молвил мой вожатый,—
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,

34 Что эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещенья,
Которым к вере истинной идут;

37 Кто жил до христианского ученья,
Тот бога чтил не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,

40 Не за иное, мы осуждены,
И здесь, по приговору высшей воли,
Мы жаждем и надежды лишены».

43 Стеснилась грудь моя от тяжкой боли
При вести, сколь достойные мужи
Вкушают в Лимбе горечь этой доли.

46 «Учитель мой, мой господин, скажи,—
Спросил я, алча веры несомненной,
Которая превыше всякой лжи,—

49 Взошел ли кто отсюда в свет блаженный,
Своей иль чьей-то правдой искуплен?»
Поняв значенье речи сокровенной:

52 «Я был здесь внове,— мне ответил он,—
Когда, при мне, сюда сошел Властитель,
Хоругвью победы осенен.

55 Им изведен был первый прародитель;
И Авель, чистый сын его, и Ной,
И Моисей, уставщик и служитель;

58 И царь Давид, и Авраам седой;
Израиль, и отец его, и дети;
Рахиль, великой взятая ценой;

61 И много тех, кто ныне в горнем свете.
Других спасенных не было до них,
И первыми блаженны стали эти».

64 Он говорил, но шаг наш не затих,
И мы все время шли великой чащей,
Я разумею — чащей душ людских.

67 И в области, невдале отстоящей
От места сна, предстал моим глазам
Огонь, под полушарьем тьмы горящий.

70 Хоть этот свет и не был близок к нам,
Я видеть мог, что некий многочестный
И высший сонм уединился там.

73 «Искусств и знаний образец всеместный,
Скажи, кто эти, не в пример другим
Почтённые, среди толпы окрестной?»

76 И он ответил: «Именем своим
Они гремят земле, и слава эта
Угодна небу, благостному к ним».

79 «Почтите высочайшего поэта!—
Раздался в это время чей-то зов.—
Вот тень его подходит к месту света».

82 И я увидел после этих слов,
Что четверо к нам держат шаг державный,
Их облик был ни весел, ни суров.

85 «Взгляни,— промолвил мой учитель славный.—
С мечом в руке, величьем осиян,
Трем остальным предшествует, как главный,

88 Гомер, превысший из певцов всех стран;
Второй — Гораций, бичевавший нравы;
Овидий — третий, и за ним — Лукан.

91 Нас связывает титул величавый,
Здесь прозвучавший, чуть я подошел;
Почтив его, они, конечно, правы».

94 Так я узрел славнейшую из школ,
Чьи песнопенья вознеслись над светом
И реют над другими, как орел.

97 Мой вождь их встретил, и ко мне с приветом
Семья певцов приблизилась сама;
Учитель улыбнулся мне при этом.

100 И эта честь умножилась весьма,
Когда я приобщен был к их собору
И стал шестым средь столького ума.

103 Мы шли к лучам, предавшись разговору,
Который лишний здесь и в этот миг,
Насколько там он к месту был и в пору.

106 Высокий замок предо мной возник,
Семь раз обвитый стройными стенами;
Кругом бежал приветливый родник.

109 Мы, как землей, прошли его волнами;
Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела;
Зеленый луг открылся перед нами.

112 Там были люди с важностью чела,
С неторопливым и спокойным взглядом;
Их речь звучна и медленна была.

115 Мы поднялись на холм, который рядом,
В открытом месте, светел, величав,
Господствовал над этим свежим садом.

118 На зеленеющей финифти трав
Предстали взорам доблестные тени,
И я ликую сердцем, их видав.

121 Я зрел Электру в сонме поколений,
Меж коих были Гектор, и Эней,
И хищноокий Цезарь, друг сражений.

124 Пентесилея и Камилла с ней
Сидели возле, и с отцом — Лавина;
Брут, первый консул, был в кругу теней;

127 Дочь Цезаря, супруга Коллатина,
И Гракхов мать, и та, чей муж Катон;
Поодаль я заметил Саладина.

130 Потом, взглянув на невысокий склон,
Я увидал: учитель тех, кто знает,
Семьей мудролюбивой окружен.

133 К нему Сократ всех ближе восседает
И с ним Платон; весь сонм всеведца чтит;
Здесь тот, кто мир случайным полагает,

136 Философ знаменитый Демокрит;
Здесь Диоген, Фалес с Анаксагором,
Зенон, и Эмпедокл, и Гераклит;

139 Диоскорид, прославленный разбором
Целебых качеств; Сенека, Орфей,
Лин, Туллий; дальше представали взорам

142 Там — геометр Эвклид, там — Птолемей,
Там — Гиппократ, Гален и Авиценна,
Аверроис, толковник новых дней.

145 Я всех назвать не в силах поименно;
Мне нужно быстро молвить обо всем,
И часто речь моя несовершенна.

148 Синклит шести распался, мы вдвоем;
Из тихой сени в воздух потрясенный
Уже иным мы движемся путем,

151 И я — во тьме, ничем не озаренной.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Так я сошел, покинув круг начальный,
Вниз во второй; он менее, чем тот,
Но бóльших мук в нем слышен стон печальный.

4 Здесь ждет Минос, оскалив страшный рот;
Допрос и суд свершает у порога
И взмахами хвоста на муку шлет.

7 Едва душа, отпавшая от бога,
Пред ним предстанет с повестью своей,
Он, согрешенья различая строго,

10 Обитель Ада назначает ей,
Хвост обвивая столько раз вкруг тела,
На сколько ей спуститься ступеней.

13 Всегда толпа у грозного предела;
Подходят души чередой на суд;
Промолвила, вняла и вглубь слетела.

16 «О ты, пришедший в бедственный приют,—
Вскричал Минос, меня окинув взглядом
И прерывая свой жестокий труд,—

19 Зачем ты здесь и кто с тобою рядом?
Не обольщайся, что легко войти!»
И вождь в ответ: «Тому, кто сходит Адом,

22 Не преграждай сужденного пути.
Того хотят — там, где исполнить властны
То, что хотят. И речи прекрати».

25 И вот я начал различать неясный
И дальний стон; вот я пришел туда,
Где плач в меня ударил многогласный.

28 Я там, где свет немотствует всегда
И словно воет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.

31 То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.

34 Когда они стремятся вдоль скалы,
Взлетают крики, жалобы и пени,
На господа ужасные хулы.

37 И я узнал, что этот круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

40 И как скворцов уносят их крыла,
В дни холода, густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла

43 Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем;
Им нет надежды на смягченье мук
Или на миг, овеянный покоем.

46 Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, несся круг

49 Теней, гонимых вьюгой необорной;
И я сказал: «Учитель, кто они,
Которых так терзает воздух черный?»

52 Он отвечал: «Вот первая, взгляни:
Ее державе многие языки
В минувшие покорствовали дни.

55 Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена,
Дабы народ не осуждал владыки.

58 То Нинова венчанная жена,
Семирамида, древняя царица;
Ее земля Султану отдана.

61 Вот нежной страсти горестная жрица,
Которой прах Сихея оскорблен;
Вот Клеопатра, грешная блудница.

64 А там Елена, тягостных времен
Виновница; Ахилл, гроза сражений,
Который был любовью побежден;

67 Парис, Тристан». Бесчисленные тени
Он назвал мне и указал рукой,
Погубленные жаждой наслаждений.

70 Вняв имена прославленных молвой
Воителей и жен из уст поэта,
Я смутен стал, и дух затмился мой.

73 Я начал так: «Я бы хотел ответа
От этих двух, которых вместе вьет
И так легко уносит буря эта».

76 И мне мой вождь: «Пусть ветер их пригнет
Поближе к нам; и пусть любовью молит
И оклик твой; они прервут полет».

79 Увидев, что их ветер к нам неволит,
«О души скорби!— я воззвал.— Сюда!
И отзовитесь, если Тот позволит!»

82 Как голуби на сладкий зов гнезда,
Поддержанные волею несущей,
Раскинув крылья, мчатся без труда,

85 Так и они, паря во мгле гнетущей,
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветливо зовущий.

88 «О ласковый и благостный живой,
Ты, посетивший в тьме неизреченной
Нас, обагривших кровью мир земной;

91 Когда бы нам был другом царь вселенной,
Мы бы молились, чтоб тебя он спас,
Сочувственного к муке сокровенной.

94 И если к нам беседа есть у вас,
Мы рады говорить и слушать сами,
Пока безмолвен вихрь, как здесь сейчас.

97 Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками.

100 Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравнимым,
Погубленным так страшно в час конца.

103 Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.

106 Любовь вдвоем на гибель нас вела;
В Кайне будет наших дней гаситель».
Такая речь из уст у них текла.

109 Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь.
«О чем ты думаешь?» — спросил учитель.

112 Я начал так: «О, знал ли кто-нибудь,
Какая нега и мечта какая
Их привела на этот горький путь!»

115 Потом, к умолкшим слово обращая,
Сказал: «Франческа, жалобе твоей
Я со слезами внемлю, сострадая.

118 Но расскажи: меж вздохов нежных дней,
Что́ было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»

121 И мне она: «Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастии; твой вождь тому порукой.

124 Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна.

127 В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.

130 Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.

133 Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,

136 Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа».

139 Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным по́том;

142 И я упал, как падает мертвец.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Едва ко мне вернулся ясный разум,
Который был не в силах устоять
Пред горестным виденьем и рассказом,—

4 Уже средь новых пыток я опять,
Средь новых жертв, куда ни обратиться,
Куда ни посмотреть, куда ни стать.

7 Я в третьем круге, там, где дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
Всегда такой же, он все так же длится.

10 Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывают воздух непроглядный;
Земля смердит под жидкой пеленой.

13 Трехзевый Цербер, хищный и громадный,
Собачьим лаем лает на народ,
Который вязнет в этой топи смрадной.

16 Его глаза багровы, вздут живот,
Жир в черной бороде, когтисты руки;
Он мучит души, кожу с мясом рвет.

19 А те под ливнем воют, словно суки;
Прикрыть стараясь верхним нижний бок,
Ворочаются в исступленье муки.

22 Завидя нас, разинул рты, как мог,
Червь гнусный, Цербер, и спокойной части
В нем не было от головы до ног.

25 Мой вождь нагнулся, простирая пясти,
И, взяв земли два полных кулака,
Метнул ее в прожорливые пасти.

28 Как пес, который с лаем ждал куска,
Смолкает, в кость вгрызаясь с жадной силой,
И занят только тем, что жрет пока,—

31 Так смолк и демон Цербер грязнорылый,
Чей лай настолько душам омерзел,
Что глухота казалась бы им милой.

34 Меж призраков, которыми владел
Тяжелый дождь, мы шли вперед, ступая
По пустоте, имевшей облик тел.

37 Лежала плоско их гряда густая,
И лишь один, чуть нас заметил он,
Привстал и сел, глаза на нас вздымая.

40 «О ты, который в этот Ад сведен,—
Сказал он,— ты меня, наверно, знаешь;
Ты был уже, когда я выбыл вон».

43 И я: «Ты вид столь жалостный являешь,
Что кажешься чужим в глазах моих
И вряд ли мне кого напоминаешь.

46 Скажи мне, кто ты, жертва этих злых
И скорбных мест и казни ежечасной,
Не горше, но противней всех других».

49 И он: «Твой город, зависти ужасной
Столь полный, что уже трещит квашня,
Был и моим когда-то в жизни ясной.

52 Прозвали Чакко граждане меня.
За то, что я обжорству предавался,
Я истлеваю, под дождем стеня.

55 И, бедная душа, я оказался
Не одинок: их всех карают тут
За тот же грех». Его рассказ прервался.

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»

Э. Делакруа (XIX в.). Данте и Вергилий в Аду.

Париж, Лувр.

К стр. 590

58 Я молвил: «Чакко, слезы грудь мне жмут
Тоской о бедствии твоем загробном.
Но я прошу: скажи, к чему придут

61 Враждующие в городе усобном;
И кто в нем праведен; и чем раздор
Зажжен в народе этом многозлобном?»

64 И он ответил: «После долгих ссор
Прольется кровь и власть лесным доставит,
А их врагам — изгнанье и позор.

67 Когда же солнце трижды лик свой явит,
Они падут, а тем поможет встать
Рука того, кто в наши дни лукавит.

70 Они придавят их и будут знать,
Что вновь чело на долгий срок подъемлют,
Судив сраженным плакать и роптать.

73 Есть двое праведных, но им не внемлют.
Гордыня, зависть, алчность — вот в сердцах
Три жгучих искры, что вовек не дремлют».

76 Он смолк на этих горестных словах.
И я ему: «Из бездны злополучий
Вручи мне дар и будь щедрей в речах.

79 Теггьяйо, Фарината, дух могучий,
Все те, чей разум правдой был богат,
Арриго, Моска или Рустикуччи,—

82 Где все они, я их увидеть рад;
Мне сердце жжет узнать судьбу славнейших:
Их нежит небо или травит Ад?»

85 И он: «Они средь душ еще чернейших:
Их тянет книзу бремя грешных лет;
Ты можешь встретить их в кругах дальнейших.

88 Но я прошу: вернувшись в милый свет,
Напомни людям, что я жил меж ними.
Вот мой последний сказ и мой ответ».

91 Взглянув глазами, от тоски косыми,
Он наклонился и, лицо тая,
Повергся ниц меж прочими слепыми.

94 И мне сказал вожатый: «Здесь гния,
Он до трубы архангела не встанет.
Когда придет враждебный судия,

97 К своей могиле скорбной каждый прянет
И, в прежний образ снова воплотясь,
Услышит то, что вечным громом грянет».

100 Мы тихо шли сквозь смешанную грязь
Теней и ливня, в разные сужденья
О вековечной жизни углубясь.

103 Я так спросил: «Учитель, их мученья,
По грозном приговоре, как — сильней
Иль меньше будут, иль без измененья?»

106 И он: «Наукой сказано твоей,
Что, чем природа совершенней в сущем,
Тем слаще нега в нем и боль больней.

109 Хотя проклятым людям, здесь живущим,
К прямому совершенству не прийти,
Их ждет полнее бытие в грядущем».

112 Мы шли кругом по этому пути;
Я всей беседы нашей не отмечу;
И там, где к бездне начал спуск вести,

115 Нам Плутос, враг великий, встал навстречу.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

«Papé Satán, papé Satán alеppe!» —
Хриплоголосый Плутос закричал.
«Хотя бы он и вдвое был свирепей,—

4 Меня мудрец, все знавший, ободрял,—
Не поддавайся страху: что́ могло бы
Нам помешать спуститься с этих скал?»

7 И этой роже, вздувшейся от злобы,
Он молвил так: «Молчи, проклятый волк!
Сгинь в клокотанье собственной утробы!

Мы сходим в тьму, и надо, чтоб ты смолк;
Так хочет тот, кто мщенье Михаила
Обрушил в небе на мятежный полк».

Как падают надутые ветрила,
Свиваясь, если щегла рухнет вдруг,
Так рухнул зверь, и в нем исчезла сила.

И мы, спускаясь побережьем мук,
Объемлющим всю скверну мирозданья,
Из третьего сошли в четвертый круг.

О, правосудье божье! Кто страданья,
Все те, что я увидел, перечтет?
Почто такие за вину терзанья?

Как над Харибдой вал бежит вперед
И вспять отхлынет, прегражденный встречным,
Так люди здесь водили хоровод.

Их множество казалось бесконечным;
Два сонмища шагали, рать на рать,
Толкая грудью грузы, с воплем вечным;

Потом они сшибались и опять
С трудом брели назад, крича друг другу:
«Чего копить?» или «Чего швырять?»

И, двигаясь по сумрачному кругу,
Шли к супротивной точке с двух сторон,
По-прежнему ругаясь сквозь натугу;

И вновь назад, едва был завершен
Их полукруг такой же дракой хмурой.
И я промолвил, сердцем сокрушен:

«Мой вождь, что это за народ понурый?
Ужель все это клирики, весь ряд
От нас налево, эти там, с тонзурой?»

И он: «Все те, кого здесь видит взгляд,
Умом настолько в жизни были кривы,
Что в меру не умели делать трат.

Об этом лает голос их сварливый,
Когди они стоят к лицу лицом,
Наперекор друг другу нечестивы.

46 Те — клирики, с пробитым гуменцом;
Здесь встретишь папу, встретишь кардинала,
Не превзойденных ни одним скупцом».

49 И я: «Учитель, я бы здесь немало
Узнал из тех, кого не так давно
Подобное нечестие пятнало».

52 И он: «Тебе узнать их не дано:
На них такая грязь от жизни гадкой,
Что разуму обличье их темно.

55 Им вечно так шагать, кончая схваткой;
Они восстанут из своих могил,
Те — сжав кулак, а эти — с плешью гладкой.

58 Кто недостойно тратил и копил,
Лишен блаженств и занят этой бучей;
Ее и без меня ты оценил.

61 Ты видишь, сын, какой обман летучий
Даяния Фортуны, род земной
Исполнившие ненависти жгучей:

64 Все золото, что блещет под луной
Иль было встарь, из этих теней бедных
Не успокоило бы ни одной».

67 И я: «Учитель таин заповедных!
Что есть Фортуна, счастье всех племен
Держащая в когтях своих победных?»

70 «О глупые созданья,— молвил он,—
Какая тьма ваш разум обуяла!
Так будь же наставленьем утолен.

73 Тот, чья премудрость правит изначала,
Воздвигнув тверди, создал им вождей,
Чтоб каждой части часть своя сияла,

76 Распространяя ровный свет лучей;
Мирской же блеск он предал в полновластье
Правительнице судеб, чтобы ей

79 Перемещать, в свой час, пустое счастье
Из рода в род и из краев в края,
В том смертной воле возбранив участье.

Народу над народом власть дая,
Она свершает промысел свой строгий,
И он невидим, как в траве змея.

С ней не поспорит разум ваш убогий:
Она проводит, судит и царит,
Как в прочих царствах остальные боги.

Без устали свой суд она творит:
Нужда ее торопит ежечасно,
И всем она недолгий миг дарит.

Ее-то и поносят громогласно,
Хотя бы подобала ей хвала,
И распинают и клянут напрасно.

Но ей, блаженной, не слышна хула:
Она, смеясь меж первенцев творенья,
Крутит свой шар, блаженна и светла.

Но спустимся в тягчайшие мученья:
Склонились звезды, те, что плыли ввысь,
Когда мы шли; запретны промедленья».

Мы пересекли круг и добрались
До струй ручья, которые просторной,
Изрытой ими, впадиной неслись.

Окраска их была багрово-черной;
И мы, в соседстве этих мрачных вод,
Сошли по диким тропам с кручи горной.

Угрюмый ключ стихает и растет
В Стигийское болото, ниспадая
К подножью серокаменных высот.

И я увидел, долгий взгляд вперяя,
Людей, погрязших в омуте реки;
Была свирепа их толпа нагая.

Они дрались не только в две руки,
Но головой, и грудью, и ногами,
Друг друга норовя изгрызть в клочки.

Учитель молвил: «Сын мой, перед нами
Ты видишь тех, кого осилил гнев:
Еще ты должен знать, что под волнами

Есть также люди; вздохи их, взлетев,
Пузырят воду на пространстве зримом,
Как подтверждает око, посмотрев.

Увязнув, шепчут: «В воздухе родимом,
Который блещет, солнцу веселясь,
Мы были скучны, полны вялым дымом;

И вот скучаем, втиснутые в грязь».
Такую песнь у них курлычет горло,
Напрасно слово вымолвить трудясь».

Так, огибая илистые жерла,
Мы гранью топи и сухой земли,
Смотря на тех, чьи глотки тиной сперло,

К подножью башни наконец пришли.

ПЕСНИ ВОСЬМАЯ, ДЕВЯТАЯ И ДЕСЯТАЯ

В восьмой песне дается описание пятого круга Ада. Здесь, в Стигийском болоте, подступающем к стенам освещенного зловещим пламенем адского города Дита (Аида, Люцифера), владыки подземной обители порока, претерпевают вечные муки гневливые — один из них флорентийский рыцарь по прозванию Ардженти, враг Данте, отличался бешеным нравом. Песни девятая и десятая рассказывают о круге шестом, где казнят еретиков. Там Данте встречает Фаринату дельи Уберти, своего современника, главу партии гибеллинов во Флоренции, с которым враждовал род Данте, приверженный к власти папы (гвельфы). Здесь нашел себе место враг папства германский император Фридрих II. Все они терпят муки в горящих гробницах.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Мы подошли к окраине обвала,
Где груда скал под нашею пятой
Еще страшней пучину открывала.

И тут от вони едкой и густой,
Навстречу нам из пропасти валившей,
Мой вождь и я укрылись за плитой

Большой гробницы, с надписью, гласившей:
«Здесь папа Анастасий заточен,
Вослед Фотину правый путь забывший».

«Не торопись ступать на этот склон,
Чтоб к запаху привыкло обонянье;
Потом мешать уже не будет он».

Так спутник мой. «Заполни ожиданье,
Чтоб не пропало время»,—я сказал.
И он в ответ: «То и мое желанье».

«Мой сын, посередине этих скал,—
Так начал он,— лежат, как три ступени,
Три круга, меньше тех, что ты видал.

Во всех толпятся проклятые тени;
Чтобы потом лишь посмотреть на них,
Узнай их грех и образ их мучений.

В неправде, вредоносной для других,
Цель всякой злобы, небу неугодной;
Обман и сила — вот орудья злых.

Обман, порок, лишь человеку сродный,
Гнусней Творцу; он заполняет дно
И пыткою казнится безысходной.

Насилье в первый круг заключено,
Который на три пояса дробится,
Затем что видом тройственно оно.

Творцу, себе и ближнему чинится
Насилье, им самим и их вещам,
Как ты, внимая, можешь убедиться.

Насилье ближний терпит или сам,
Чрез смерть и раны, или подвергаясь
Пожарам, притесненьям, грабежам.

Убийцы те, кто ранит, озлобляясь,
Громилы и разбойники идут
Во внешний пояс, в нем распределяясь.

Иные сами смерть себе несут
И своему добру; зато так больно
Себя же в среднем поясе клянут

Те, кто ваш мир отринул своевольно,
Кто возлюбил игру и мотовство
И плакал там, где мог бы жить привольно.

46 Насильем оскорбляют божество,
Хуля его и сердцем отрицая,
Презрев любовь Творца и естество.

49 За это пояс, вьющийся вдоль края,
Клеймит огнем Каорсу и Содом
И тех, кто ропщет, бога отвергая.

52 Обман, который всем сердцам знаком,
Приносит вред и тем, кто доверяет,
И тем, кто не доверился ни в чем.

55 Последний способ связь любви ломает,
Но только лишь естественную связь;
И казнь второго круга тех терзает,

58 Кто лицемерит, льстит, берет таясь,
Волшбу, подлог, торг должностью церковной,
Мздоимцев, своден и другую грязь.

61 А первый способ, разрушая кровный
Союз любви, вдобавок не щадит
Союз доверья, высший и духовный;

64 И самый малый круг, в котором Дит
Воздвиг престол и где ядро вселенной,
Предавшего навеки поглотит».

67 И я: «Учитель, в речи совершенной
Ты образ бездны предо мной явил
И рассказал, кто в ней томится пленный.

70 Но молви: те, кого объемлет ил,
И хлещет дождь, и мечет вихрь ненастный,
И те, что спорят из последних сил,

73 Зачем они не в этот город красный
Заключены, когда их проклял бог?
А если нет, зачем они несчастны?»

76 И он сказал на это: «Как ты мог
Так отступить от здравого сужденья?
И где твой ум блуждает без дорог?

79 Ужели ты не помнишь изреченья
Из Этики, что пагубней всего
Три ненавистных небесам влеченья:

Несдержность, злоба, буйное скотство?
И что несдержность — меньший грех пред богом
И он не так карает за него?

Обдумав это в размышленье строгом
И вспомнив тех, чье место вне стены
И кто наказан за ее порогом,

Поймешь, зачем они отделены
От этих злых и почему их муки
Божественным судом облегчены».

«О свет, которым зорок близорукий,
Ты учишь так, что я готов любить
Неведенье не менее науки.

Вернись,— сказал я,— чтобы разъяснить,
В чем ростовщик чернит своим пороком
Любовь Творца; распутай эту нить».

И он: «Для тех, кто дорожит уроком,
Не раз философ повторил слова,
Что естеству являются истоком

Премудрость и искусство божества.
И в Физике прочтешь, и не в исходе,
А только лишь перелистав едва:

Искусство смертных следует природе,
Как ученик ее, за пядью пядь;
Оно есть божий внук, в известном роде.

Им и природой, как ты должен знать
Из книги Бытия, господне слово
Велело людям жить и процветать.

А ростовщик, сойдя с пути благого,
И самою природой пренебрег,
И спутником ее, ища другого.

Но нам пора; прошел немалый срок;
Блеснули Рыбы над чертой востока,
И воз уже совсем над Кавром лег,

А к спуску нам идти еще далеко».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Был грозен срыв, откуда надо было
Спускаться вниз, и зрелище являл,
Которое любого бы смутило.

Как ниже Тренто видится обвал,
Обрушенный на Адиче когда-то
Землетрясеньем иль паденьем скал,

И каменная круча так щербата,
Что для идущих сверху поселян
Как бы тропинкой служат глыбы ската,

Таков был облик этих мрачных стран;
А на краю, над сходом к бездне новой,
Раскинувшись, лежал позор критян,

Зачатый древле мнимою коровой.
Завидев нас, он сам себя терзать
Зубами начал в злобе бестолковой.

Мудрец ему: «Ты бесишься опять?
Ты думаешь, я здесь с Афинским дуком,
Который приходил тебя заклать?

Посторонись, скот! Хитростным наукам
Твоей сестрой мой спутник не учен;
Он только соглядатай вашим мукам».

Как бык, секирой насмерть поражен,
Рвет свой аркан, но к бегу неспособен
И только скачет, болью оглушен,

Так Минотавр метался, дик и злобен;
И зоркий вождь мне крикнул: «Вниз беги!
Пока он в гневе, миг как раз удобен».

Мы под уклон направили шаги,
И часто камень угрожал обвалом
Под новой тяжестью моей ноги.

Я шел в раздумье. «Ты дивишься скалам,
Где этот лютый зверь не тронул нас?—
Промолвил вождь по размышленье малом.—

Так знай же, что, когда я прошлый раз
Шел нижним Адом в сумрак сокровенный,
Здесь не лежали глыбы, как сейчас.

37 Но перед тем, как в первый круг геенны
Явился тот, кто стольких в небо взял,
Которые у Дита были пленны,

40 Так мощно дрогнул пасмурный провал,
Что я подумал — мир любовь объяла,
Которая, как некто полагал,

43 Его и прежде в хаос обращала;
Тогда и этот рушился утес,
И не одна кой-где скала упала.

46 Но посмотри: вот, окаймив откос,
Течет поток кровавый, сожигая
Тех, кто насилье ближнему нанес».

49 О гнев безумный, о корысть слепая,
Вы мучите наш краткий век земной
И в вечности томите, истязая!

52 Я видел ров, изогнутый дугой
И всю равнину обходящий кругом,
Как это мне поведал спутник мой;

55 Меж ним и кручей мчались друг за другом
Кентавры, как, бывало, на земле,
Гоняя зверя, мчались вольным лугом.

58 Все стали, нас приметив на скале,
А трое подскакали ближе к краю,
Готовя лук и выбрав по стреле.

61 Один из них, опередивший стаю,
Кричал: «Кто вас послал на этот след?
Скажите с места, или я стреляю».

64 Учитель мой промолвил: «Мы ответ
Дадим Хирону, под его защитой.
Ты был всегда горяч, себе во вред».

67 И, тронув плащ мой: «Это Несс, убитый
За Деяниру, гнев предсмертный свой
Запечатлевший местью знаменитой.

70 Тот, средний, со склоненной головой,—
Хирон, Ахиллов пестун величавый;
А третий — Фол, с душою грозовой.

Их толпы вдоль реки снуют облавой,
Стреляя в тех, кто, по своим грехам,
Всплывет не в меру из волны кровавой».

Мы подошли к проворным скакунам;
Хирон, браздой стрелы раздвинув клубы
Густых усов, пригладил их к щекам

И, опростав свои большие губы,
Сказал другим: «Вон тот, второй, пришлец,
Когда идет, шевелит камень грубый;

Так не ступает ни один мертвец».
Мой добрый вождь, к его приблизясь груди,
Где две природы сочетал стрелец,

Сказал: «Он жив, как все живые люди;
Я — вождь его сквозь сумрачный простор;
Он следует нужде, а не причуде.

И та, чей я свершаю приговор,
Сходя ко мне, прервала аллилуйя;
Я сам не грешный дух, и он не вор.

Верховной волей в страшный путь иду я.
Так пусть же с нами двинется в поход
Один из вас, дорогу указуя,

И этого на круп к себе возьмет
И переправит в месте неглубоком;
Ведь он не тень, что в воздухе плывет».

Хирон направо обратился боком
И молвил Нессу: «Будь проводником;
Других гони, коль встретишь ненароком».

Вдоль берега, над алым кипятком,
Вожатый нас повел без прекословий.
Был страшен крик варившихся живьем.

Я видел погрузившихся по брови.
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови:

Все, кто насильем осквернил свой сан.
Здесь Александр и Дионисий лютый,
Сицилии нанесший много ран;

Вот этот, с черной шерстью,— пресловутый
Граф Адзолино; светлый, рядом с ним,—
Обиццо д'Эсте, тот, что в мире смуты

Родимым сыном истреблен своим».
Поняв мой взгляд, вождь молвил, благосклонный:
«Здесь он да будет первым, я — вторым».

Потом мы подошли к неотдаленной
Толпе людей, где каждый был покрыт
По горло этой влагой раскаленной.

Мы видели — один вдали стоит.
Несс молвил: «Он пронзил под божьей сенью
То сердце, что над Темзой кровь точит».

Потом я видел, ниже по теченью,
Других, являвших плечи, грудь, живот;
Иной из них мне был знакомой тенью.

За пядью пядь, спадал волноворот,
И под конец он обжигал лишь ноги;
И здесь мы реку пересекли вброд.

«Как до сих пор, всю эту часть дороги,—
Сказал кентавр,— мелеет кипяток,
Так, дальше, снова под уклон отлогий

Уходит дно, и пучится поток,
И, полный круг смыкая там, где стонет
Толпа тиранов, он опять глубок.

Там под небесным гневом выю клонит
И Аттила, когда-то бич земли,
И Пирр, и Секст; там мука слезы гонит,

И вечным плачем лица обожгли
Риньер де'Пацци и Риньер Корнето,
Которые такой разбой вели».

Тут он помчался вспять и скрылся где-то.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Еще кентавр не пересек потока,
Как мы вступили в одичалый лес,
Где ни тропы не находило око.

4 Там бурых листьев сумрачен навес,
Там вьется в узел каждый сук ползущий,
Там нет плодов, и яд в шипах древес.

7 Такой унылой и дремучей пущи
От Чéчины и до Корнето нет,
Приют зверью пустынному дающей.

10 Там гнезда гарпий, их поганый след,
Тех, что троян; закинутых кочевьем,
Прогнали со Строфад предвестьем бед.

13 С широкими крылами, с ликом девьим,
Когтистые, с пернатым животом,
Они тоскливо кличут по деревьям.

16 «Пред тем, как дальше мы с тобой пойдем,—
Так начал мой учитель, наставляя,—
Знай, что сейчас мы в поясе втором,

19 А там, за ним, пустыня огневая.
Здесь ты увидишь то,— добавил он,—
Чему бы не поверил, мне внимая».

22 Я отовсюду слышал громкий стон,
Но никого окрест не появлялось;
И я остановился, изумлен.

25 Учителю, мне кажется, казалось,
Что мне казалось, будто это крик
Толпы какой-то, что в кустах скрывалась.

28 И мне сказал мой мудрый проводник:
«Тебе любую ветвь сломать довольно,
Чтоб домысел твой рухнул в тот же миг».

31 Тогда я руку протянул невольно
К терновнику и отломил сучок;
И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»

34 В надломе кровью потемнел росток
И снова крикнул: «Прекрати мученья!
Ужели дух твой до того жесток?

37 Мы были люди, а теперь растенья.
И к душам гадов было бы грешно
Выказывать так мало сожаленья».

40 И как с конца палимое бревно
От тока ветра и его накала
В другом конце трещит и слез полно,

43 Так раненое древо источало
Слова и кровь; я в ужасе затих.
И наземь ветвь из рук моих упала.

46 «Когда б он знал, что на путях своих,—
Ответил вождь мой жалобному звуку,—
Он встретит то, о чем вещал мой стих,

49 О бедный дух, он не простер бы руку.
Но чтоб он мог чудесное познать,
Тебя со скорбью я обрек на муку.

52 Скажи ему, кто ты; дабы воздать
Тебе добром, он о тебе вспомянет
В земном краю, куда взойдет опять».

55 И древо: «Твой призыв меня так манит,
Что не могу внимать ему, молча;
И пусть не в тягость вам рассказ мой станет.

58 Я тот, кто оба сберегал ключа
От сердца Федерика и вращал их
К затвору и к отвору, не звуча,

61 Хранитель тайн его, больших и малых.
Неся мой долг, который мне был свят,
Я не щадил ни сна, ни сил усталых.

64 Развратница, от кесарских палат
Не отводящая очей тлетворных,
Чума народов и дворцовый яд,

67 Так воспалила на меня придворных,
Что Август, их пыланьем воспылав,
Низверг мой блеск в пучину бедствий черных.

70 Смятенный дух мой, вознегодовав,
Замыслил смертью помешать злословью,
И правый стал перед собой неправ.

73 Моих корней клянусь ужасной кровью,
Я жил и умер, свой обет храня,
И господину я служил любовью!

76 И тот из вас, кто выйдет к свету дня,
Пусть честь мою излечит от извета,
Которым зависть ранила меня!»

79 «Он смолк,— услышал я из уст поэта.—
Заговори с ним,— время не ушло,—
Когда ты ждешь на что-нибудь ответа».

82 «Спроси его что хочешь, что б могло
Быть мне полезным,— молвил я, смущенный.—
Я не решусь; мне слишком тяжело».

85 «Вот этот,— начал спутник благосклонный,—
Готов свершить тобой просимый труд.
А ты, о дух, в темницу заточенный,

88 Поведай нам, как душу в плен берут
Узлы ветвей; поведай, если можно,
Выходят ли когда из этих пут».

91 Тут ствол дохнул огромно и тревожно,
И в этом вздохе слову был исход:
«Ответ вам будет дан немногосложно.

94 Когда душа, ожесточась, порвет
Самоуправно оболочку тела,
Минос ее в седьмую бездну шлет.

97 Ей не дается точного предела;
Упав в лесу, как малое зерно,
Она растет, где ей судьба велела.

100 Зерно в побег и в ствол превращено;
И гарпии, кормясь его листами,
Боль создают и боли той окно.

103 Пойдем и мы за нашими телами,
Но их мы не наденем в Судный день:
Не наше то, что сбросили мы сами.

106 Мы их притащим в сумрачную сень,
И плоть повиснет на кусте колючем,
Где спит ее безжалостная тень».

109 Мы думали, что ствол, тоскою мучим,
Еще и дальше говорить готов,
Но услыхали шум в лесу дремучем,

Как на облаве внемлет зверолов,
Что мчится вепрь и вслед за ним борзые,
И слышит хруст растоптанных кустов.

И вот бегут, левее нас, нагие,
Истерзанные двое, меж ветвей,
Ломая грудью заросли тугие.

Передний: «Смерть, ко мне, ко мне скорей!»
Другой, который не отстать старался,
Кричал: «Сегодня, Лано, ты быстрей,

Чем был, когда у Топпо подвизался!»
Он, задыхаясь, посмотрел вокруг,
Свалился в куст и в груду с ним смешался.

А сзади лес был полон черных сук,
Голодных и бегущих без оглядки,
Как гончие, когда их спустят вдруг.

В упавшего, всей силой жадной хватки,
Они впились зубами на лету
И растащили бедные остатки.

Мой проводник повел меня к кусту;
А тот, в крови, оплакивал, стеная,
Своих поломов горькую тщету:

«О Джакомо да Сант-Андреа! Злая
Была затея защищаться мной!
Я ль виноват, что жизнь твоя дурная?»

Остановясь над ним, наставник мой
Промолвил: «Кем ты был, сквозь эти раны
Струящий с кровью скорбный голос свой?»

И он в ответ: «О души, в эти страны
Пришедшие сквозь вековую тьму,
Чтоб видеть в прахе мой покров раздранный,

Сгребите листья к терну моему!
Мой город — тот, где ради Иоанна
Забыт былой заступник; потому

Его искусство мстит нам неустанно;
И если бы поднесь у Арнских вод
Его частица не была сохранна,

То строившие сызнова оплот
На Аттиловом грозном пепелище —
Напрасно утруждали бы народ.

Я сам себя казнил в моем жилище».

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Объят печалью о местах, мне милых,
Я подобрал опавшие листы
И обессиленному возвратил их.

Пройдя сквозь лес, мы вышли у черты,
Где третий пояс лег внутри второго
И гневный суд вершится с высоты.

Дабы явить, что взору было ново,
Скажу, что нам, огромной пеленой,
Открылась степь, где нет ростка живого.

Злосчастный лес ее обвил каймой,
Как он и сам обвит рекой горючей;
Мы стали с краю, я и спутник мой.

Вся даль была сплошной песок сыпучий,
Как тот, который попирал Катон,
Из края в край пройдя равниной жгучей.

О божья месть, как тяжко устрашен
Быть должен тот, кто прочитает ныне,
На что мой взгляд был въяве устремлен!

Я видел толпы голых душ в пустыне:
Все плакали в терзанье вековом,
Но разной обреченные судьбине.

Кто был повержен навзничь, вверх лицом,
Кто, съежившись, сидел на почве пыльной,
А кто сновал без устали кругом.

Разряд шагавших самый был обильный;
Лежавших я всех меньше насчитал,
Но вопль их скорбных уст был самый сильный.

А над пустыней медленно спадал
Дождь пламени, широкими платками,
Как снег в безветрии нагорных скал.

31 Как Александр, под знойными лучами
Сквозь Индию ведя свои полки,
Настигнут был падучими огнями

34 И приказал, чтобы его стрелки
Усерднее топтали землю, зная,
Что порознь легче гаснут языки,—

37 Так опускалась вьюга огневая;
И прах пылал, как под огнивом трут,
Мучения казнимых удвояя.

40 И я смотрел, как вечный пляс ведут
Худые руки, стряхивая с тела
То здесь, то там огнепалящий зуд.

43 Я начал: «Ты, чья сила одолела
Все, кроме бесов, коими закрыт
Нам доступ был у грозного предела,

46 Кто это, рослый, хмуро так лежит,
Презрев пожар, палящий отовсюду?
Его и дождь, я вижу, не мягчит».

49 А тот, поняв, что я дивлюсь, как чуду,
Его гордыне, отвечал, крича:
«Каким я жил, таким и в смерти буду!

52 Пускай Зевес замучит ковача,
Из чьей руки он взял перун железный,
Чтоб в смертный день меня сразить сплеча,

55 Или пускай работой бесполезной
Всех в Монджибельской кузне надорвет,
Вопя: «Спасай, спасай, Вулкан любезный!»,

58 Как он над Флегрой возглашал с высот,
И пусть меня громит грозой всечасной,—
Веселой мести он не обретет!»

61 Тогда мой вождь воскликнул с силой страстной,
Какой я в нем не слышал никогда:
«О Капаней, в гордыне неугасной —

64 Твоя наитягчайшая беда:
Ты сам себя, в неистовстве великом,
Казнишь жесточе всякого суда».

И молвил мне, с уже спокойным ликом:
«Он был один из тех семи царей,
Что осаждали Фивы; в буйстве диком,

Гнушался богом — и не стал смирней;
Как я ему сказал, он по заслугам
Украшен славой дерзостных речей.

Теперь идем, как прежде, друг за другом;
Но не касайся жгучего песка,
А обходи, держась опушки, кругом».

В безмолвье мы дошли до ручейка,
Спешащего из леса быстрым током,
Чья алость мне и до сих пор жутка.

Как Буликаме убегает стоком,
В котором воду грешницы берут,
Так нистекал и он в песке глубоком.

Закраины, что по бокам идут,
И дно его, и склоны — камнем стали;
Я понял, что дорога наша — тут.

«Среди всего, что мы с тобой видали
С тех самых пор, как перешли порог,
Открытый всем входящим, ты едва ли

Чудеснее что-либо встретить мог,
Чем эта речка, силой испаренья
Смиряющая всякий огонек».

Так молвил вождь; взыскуя поученья,
Я попросил, чтоб, голоду вослед,
Он мне и пищу дал для утоленья.

«В средине моря,— молвил он в ответ,—
Есть ветхий край, носящий имя Крита,
Под чьим владыкой был безгрешен свет.

Меж прочих гор там Ида знаменита;
Когда-то влагой и листвой блестя,
Теперь она пустынна и забыта.

Ей Рея вверила свое дитя,
Ища ему приюта и опеки
И плачущего шумом защитя.

В горе стоит великий старец некий;
Он к Дамиате обращен спиной
И к Риму, как к зерцалу, поднял веки.

Он золотой сияет головой,
А грудь и руки — серебро литое,
И дальше — медь, дотуда, где раздвой;

Затем — железо донизу простое,
Но глиняная правая плюсна,
И он на ней почил, как на устое.

Вся плоть, от шеи вниз, рассечена,
И капли слез сквозь трещины струятся,
И дно пещеры гложет их волна.

В подземной глубине из них родятся
И Ахерон, и Стикс, и Флегетон;
Потом они сквозь этот сток стремятся,

Чтоб там, внизу, последний минув склон,
Создать Коцит; но умолчу про это;
Ты вскоре сам увидишь тот затон».

Я молвил: «Если из земного света
Досюда эта речка дотекла,
Зачем она от нас таилась где-то?»

И он: «Вся эта впадина кругла;
Хотя и шел ты многими тропами
Все влево, опускаясь в глубь жерла,

Но полный круг еще не пройден нами;
И если случай новое принес,
То не дивись смущенными очами».

«А Лета где? — вновь задал я вопрос.—
Где Флегетон? Ее ты не отметил,
А тот, ты говоришь, возник из слез».

«Ты правильно спросил,— мой вождь ответил.—
Но в клокотанье этих алых вод
Одну разгадку ты воочью встретил.

Придешь и к Лете, но она течет
Там, где душа восходит к омовенью,
Когда вина избытая спадет».

Потом сказал: «Теперь мы с этой сенью
Простимся; следуй мне и след храни:
Тропа идет вдоль русла, по теченью,

Где влажный воздух гасит все огни».

ПЕСНИ ПЯТНАДЦАТАЯ И ШЕСТНАДЦАТАЯ

В одиннадцатой песне Вергилий, мудрый вожатый Данте, объясняет, что им предстоит спуститься в три круга нижнего Ада, уступчатой воронкой идущего к центру Земли. В них карается злоба, прибегающая к помощи насилия и лжи. В круге седьмом, состоящем из трех поясов, претерпевают наказание те, кто совершал насилие над людьми и их достоянием, над собой, над богом и надругался над природой, естеством. Им посвящены песни XV, XVI и отчасти XVII.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

«Вот острохвостый зверь, сверлящий горы,
Пред кем ничтожны и стена и меч;
Вот кто земные отравил просторы».

Такую мой вожатый начал речь,
Рукою подзывая великана
Близ пройденного мрамора возлечь.

И образ омерзительный обмана,
Подплыв, но хвост к себе не подобрав,
Припал на берег всей громадой стана.

Он ясен был лицом и величав
Спокойством черт приветливых и чистых,
Но остальной змеиным был состав.

Две лапы, волосатых и когтистых;
Спина его, и брюхо, и бока —
В узоре пятен и узлов цветистых.

Пестрей основы и пестрей утка́
Ни турок, ни татарин не сплетает;
Хитрей Арахна не ткала платка.

Как лодка на причале отдыхает,
Наполовину погрузясь в волну;
Как там, где алчный немец обитает,

22 Садится бобр вести свою войну,—
Так лег и гад на камень оголенный,
Сжимающий песчаную страну.

25 Хвост шевелился в пустоте бездонной,
Крутя торчком отравленный развил,
Как жало скорпиона заостренный.

28 «Теперь нам нужно,— вождь проговорил,—
Свернуть с дороги, поступь отклоняя
Туда, где гнусный зверь на камни всплыл».

31 Так мы спустились вправо и, вдоль края,
Пространство десяти шагов прошли,
Песка и жгучих хлопьев избегая.

34 Приблизясь, я увидел невдали
Толпу людей, которая сидела
Близ пропасти в сжигающей пыли.

37 И мне мой вождь: «Чтоб этот круг всецело
Исследовать во всех его частях,
Ступай взгляни, в чем разность их удела.

40 Но будь короче там в твоих речах;
А я поговорю с поганым дивом,
Чтоб нам спуститься на его плечах».

43 И я пошел еще раз над обрывом,
Каймой седьмого круга, одинок,
К толпе, сидевшей в горе молчаливом.

46 Из глаз у них стремился скорбный ток;
Они все время то огонь летучий
Руками отстраняли, то песок.

49 Так чешутся собаки в полдень жгучий,
Обороняясь лапой или ртом
От блох, слепней и мух, насевших кучей.

52 Я всматривался в лица их кругом,
В которые огонь вонзает жала;
Но вид их мне казался незнаком.

55 У каждого на грудь мошна свисала,
Имевшая особый знак и цвет,
И очи им как будто услаждала.

58 Так, на одном я увидал кисет,
Где в желтом поле был рисунок синий,
Подобный льву, вздыбившему хребет.

61 А на другом из мучимых пустыней
Мешочек был подобно крови ал
И с белою, как молоко, гусыней.

64 Один, чей белый кошелек являл
Свинью, чреватую и голубую,
Сказал мне: «Ты зачем сюда попал?

67 Ступай себе, раз носишь плоть живую,
И знай, что Витальяно, мой земляк,
Придет и сядет от меня ошую.

70 Меж этих флорентинцев я чужак,
Я падуанец; мне их голос грубый
Все уши протрубил: «Где наш вожак,

73 С тремя козлами, наш герой сугубый?»
Он высунул язык и скорчил рот,
Как бык, когда облизывает губы.

76 И я, боясь, не сердится ли тот,
Кто мне велел недолго оставаться,
Покинул истомившийся народ.

79 Тем временем мой вождь успел взобраться
Дурному зверю на спину — и мне
Промолвил так: «Теперь пора мужаться!

82 Вот как отсюда сходят к глубине.
Сядь спереди, я буду сзади, рядом,
Чтоб хвост его безвреден был вполне».

85 Как человек, уже объятый хладом
Пред лихорадкой, с синевой в ногтях,
Дрожит, чуть только тень завидит взглядом,—

88 Так я смутился при его словах;
Но как слуга пред смелым господином,
Стыдом язвимый, я откинул страх.

91 Я поместился на хребте зверином;
Хотел промолвить: «Обними меня»,—
Но голоса я не был властелином.

Тот, кто и прежде был моя броня,
И без того поняв мою тревогу,
Меня руками обхватил, храня,

И молвил: «Герион, теперь в дорогу!
Смотри, о новой ноше не забудь:
Ровней кружи и падай понемногу».

Как лодка с места трогается в путь
Вперед кормой, так он оттуда снялся
И, ощутив простор, направил грудь

Туда, где хвост дотоле извивался;
Потом, как угорь, выпрямился он
И, загребая лапами, помчался.

Не больше был испуган Фаэтон,
Бросая вожжи, коими задетый
Небесный свод доныне опален,

Или Икар, почуя воск согретый,
От перьев обнажавший рамена,
И слыша зов отца: «О сын мой, где ты?» —

Чем я, увидев, что кругом одна
Пустая бездна воздуха чернеет
И только зверя высится спина.

А он все вглубь и вглубь неспешно реет,
Но это мне лишь потому вдогад,
Что ветер мне в лицо и снизу веет.

Уже я справа слышал водопад,
Грохочущий под нами, и пугливо
Склонил над бездной голову и взгляд;

Но пуще оробел, внизу обрыва
Увидев свет огней и слыша крик,
И отшатнулся, ежась боязливо.

И только тут я в первый раз постиг
Спуск и круженье, видя муку злую
Со всех сторон все ближе каждый миг.

Как сокол, мощь утратив боевую,
И птицу и вабило тщетно ждав,—
Так что сокольник скажет: «Эх, впустую!»

130 На место взлета клонится, устав,
И, опоясав сто кругов сначала,
Вдали от всех садится, осерчав,—

133 Так Герион осел на дно провала,
Там, где крутая кверху шла скала,
И, чуть с него обуза наша спала,

136 Взмыл и исчез, как с тетивы стрела.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Отсюда начинается описание расположенного над крутым обрывом круга восьмого, где бесы бичуют разного рода обманщиков. Этот круг состоит из десяти Злых Щелей (рвов), ограниченных валами. В первых двух рвах караются сводники, обольстители и льстецы. О них и идет речь в песне восемнадцатой. Рассказ о грешниках, попавших в восьмой круг, продолжается вплоть до тридцатой песни.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О Симон волхв, о присных сонм злосчастный,
Вы, что святыню божию, добра
Невесту чистую, в алчбе ужасной

4 Растлили ради злата и сребра,
Теперь о вас, казнимых в третьей щели,
Звенеть трубе назначена пора!

7 Уже над новым рвом мы одолели
Горбатый мост и прямо с высоты
На середину впадины смотрели.

10 О Высший Разум, как искусен ты
Горе́, и долу, и в жерле проклятом,
И сколько показуешь правоты!

13 Повсюду, и вдоль русла и по скатам,
Я увидал неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом.

16 Они совсем такие же на взгляд,
Как те, в моем прекрасном Сан-Джованни,
Где таинство крещения творят.

19 Я, отрока спасая от страданий,
В недавний год одну из них разбил:
И вот печать, в защиту от шептаний!

22 Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.

25 У всех огонь змеился над ступнями;
Все так брыкались, что крепчайший жгут
Порвался бы, не совладав с толчками.

28 Как если нечто маслистое жгут
И лишь поверхность пламенем задета,—
Так он от пят к ногтям скользил и тут.

31 «Учитель,— молвил я,— скажи, кто это,
Что корчится всех больше и оброс
Огнем такого пурпурного цвета?»

34 И он мне: «Хочешь, чтоб тебя я снес
Вниз, той грядой, которая положе?
Он сам тебе ответит на вопрос».

37 И я: «Что хочешь ты, мне мило тоже,
Ты знаешь все, хотя бы я молчал;
Ты — господин, чья власть мне всех дороже».

40 Тогда мы вышли на четвертый вал
И, влево взяв, спустились в крутоскатый
И дырами зияющий провал.

43 Меня не раньше отстранил вожатый
От ребр своих, чем подойдя к тому,
Кто так ногами плакал, в яме сжатый.

46 «Кто б ни был ты, поверженный во тьму
Вниз головой и вкопанный, как свая,
Ответь, коль можешь»,— молвил я ему.

49 Так духовник стоит, исповедая
Казнимого, который вновь зовет
Из-под земли, кончину отдаляя.

52 «Как, Бонифаций,— отозвался тот,—
Ты здесь уже, ты здесь уже так рано?
На много лет, однако, список врет.

55 Иль ты устал от роскоши и сана,
Из-за которых лучшую средь жен,
На муку ей, добыл стезей обмана?»

58 Я был как тот, кто словно пристыжен,
Когда ему немедля возразили,
А он не понял и стоит, смущен.

61 «Скажи ему,— промолвил мне Вергилий: —
«Нет, я не тот, не тот, кого ты ждешь».
И я ответил так, как мне внушили.

64 Тут грешника заколотила дрожь,
И вздох его и скорбный стон раздался:
«Тогда зачем же ты меня зовешь?

67 Когда, чтобы услышать, как я звался,
Ты одолеть решился этот скат,
Знай: я великой ризой облекался.

70 Воистину медведицей зачат,
Радея медвежатам, я так жадно
Копил добро, что сам в кошель зажат.

73 Там, подо мной, набилось их изрядно,
Церковных торгашей, моих предтеч,
Расселинами стиснутых нещадно.

76 И мне придется в глубине залечь,
Сменившись тем, кого я по догадке
Сейчас назвал, ведя с тобою речь.

79 Но я здесь дольше обжигаю пятки,
И срок ему торчать вот так стремглав,
Сравнительно со мной, назначен краткий;

82 Затем что вслед, всех в скверне обогнав,
Придет с заката пастырь без закона,
И, нас покрыв, он будет только прав.

85 Как, в Маккавейских книгах, Иасона
Лелеял царь, так и к нему щедра
Французская окажется корона».

88 Хоть речь моя едва ль была мудра,
Но я слова привел к такому строю:
«Скажи: каких сокровищ от Петра

91 Ждал наш господь, прельщен ли был казною,
Когда ключи во власть ему вверял?
Он молвил лишь одно: «Иди за мною».

94 Петру и прочим платы не вручал
Матвей, когда то место опустело,
Которое отпавший потерял.

97 Торчи же здесь; ты пострадал за дело;
И крепче деньги грешные храни,
С которыми на Карла шел так смело.

100 И если бы я сердцем искони,
И даже здесь, не чтил ключей верховных,
Тебе врученных в радостные дни,

103 Я бы в речах излился громословных;
Вы алчностью растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных.

106 Вас, пастырей, провидел Иоанн
В той, что воссела на водах со славой
И деет блуд с царями многих стран;

109 В той, что на свет родилась семиглавой,
Десятирогой и хранила нас,
Пока ее супруг был жизни правой.

112 Сребро и злато — ныне бог для вас;
И даже те, кто молится кумиру,
Чтят одного, вы чтите сто зараз.

115 О Константин, каким злосчастьем миру
Не к истине приход твой был чреват,
А этот дар твой пастырю и клиру!»

118 Пока я пел ему на этот лад,
Он, совестью иль гневом уязвленный,
Не унимал лягающихся пят.

121 А вождь глядел с улыбкой благосклонной,
Как бы довольный тем, что так правдив
Звук этой речи, мной произнесенной.

124 Обеими руками подхватив,
Меня к груди прижал он и початым
Уже путем вернулся на обрыв;

Не утомленный бременем подъятым,
На самую дугу меня он взнес,
Четвертый вал смыкающую с пятым,

И бережно поставил на утес.
Тем бережней, что дикая стремнина
Была бы трудной тропкой и для коз;

Здесь новая открылась мне ложбина.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Эта песнь посвящена грешникам, обреченным на муки в четвертом провале восьмого круга. Это прорицатели. Они поражены немотой, их лица вывернуты к спине. Среди них можно встретить и мифологических героев классической древности — Амфиарая, Тиресия, Манто, Эврипила и других, а также современников Данте — астрологов, гадателей, колдунов, предсказателей.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Так с моста на мост, говоря немало
Стороннего Комедии моей,
Мы перешли, чтоб с кручи перевала

Увидеть новый росщеп Злых Щелей
И новые напрасные печали;
Он вскрылся, чуден чернотой своей.

И как в венецианском арсенале
Кипит зимой тягучая смола,
Чтоб мазать струги, те, что обветшали,

И все справляют зимние дела:
Тот ладит весла, этот забивает
Щель в кузове, которая текла;

Кто чинит нос, а кто корму клепает;
Кто трудится, чтоб сделать новый струг;
Кто снасти вьет, кто паруса платает,—

Так, силой не огня, но божьих рук,
Кипела подо мной смола густая,
На скосы налипавшая вокруг.

Я видел лишь ее, что́ в ней — не зная,
Когда она вздымала пузыри,
То пучась вся, то плотно оседая.

Я силился увидеть, что́ внутри,
Как вдруг мой вождь меня рукой хранящей
Привлек к себе, сказав: «Смотри, смотри!»

Оборотясь, как тот, кто от грозящей
Ему беды отвесть не может глаз,
И обессилен робостью томящей,

И убегает и глядит зараз,—
Я увидал, как некий дьявол черный
Вверх по крутой тропе бежит на нас.

О, что за облик он имел злотворный!
И до чего казался мне жесток,
Раскинув крылья и в ступнях проворный!

Он грешника накинул, как мешок,
На острое плечо и мчал на скалы,
Держа его за сухожилья ног.

Вэбежав на мост, сказал: «Эй, Загребалы,
Святая Дзита шлет вам старшину!
Кунайте! Выбор в городе немалый,

Я к ним еще разочек загляну.
Там лишь Бонтуро не живет на взятки,
Там «нет» на «да» меняют за казну».

Швырнув его, помчался без оглядки
Вниз со скалы; и пес таким рывком
Не кинется вцепиться вору в пятки.

Тот канул, всплыл с измазанным лицом,
Но бесы закричали из-под моста:
«Святого Лика мы не признаем!

И тут не Серкьо, плавают не просто!
Когда не хочешь нашего крюка,
Ныряй назад в смолу». И зубьев до ста

Вонзилось тут же грешнику в бока.
«Пляши, но не показывай макушки;
А можешь, так плутуй исподтишка».

Так повара следят, чтобы их служки
Топили мясо вилками в котле
И не давали плавать по верхушке.

Учитель молвил: «Чтобы на скале
Остаться незамеченным, укройся
За выступом и припади к земле.

А для меня опасности не бойся:
Я здесь не первый раз, и я привык
К подобным стычкам, ты не беспокойся».

Покинул мост мой добрый проводник;
Когда он шел шестой надбрежной кручей,
Он должен был являть спокойный лик.

С такой же точно яростью кипучей,
Как псы бросаются на бедняка,
Который просит всюду, где есть случай,

Они рванулись прочь из-под мостка
И стали наступать, грозя крюками;
Но он вскричал: «Не будьте злы пока

И подождите рвать меня зубцами!
С одним из вас я речь вести хочу,
А там, как быть со мной, решайте сами».

Все закричали: «Выйти Хвостачу!»
Один пошел, а прочие глядели;
Он шел, ворча: «Чего я хлопочу?»

Мой вождь сказал: «Скажи, Хвостач, ужели,
Нетронут вашей злобой, я бы мог
Прийти сюда, когда б не так хотели

Господня воля и содружный рок?
Посторонись; мне небо указало
Пройти с другим сквозь этот дикий лог».

Тогда гордыня в бесе так упала,
Что свой багор он уронил к ногам
И молвил к тем: «С ним драться не пристало».

И вождь ко мне: «О ты, который там,
Среди камней, укрылся боязливо,
Сойди без страха по моим следам».

К нему я шаг направил торопливо,
А дьяволы подвинулись вперед,
И я боялся, что их слово лживо.

Так, видел я, боялся ратный взвод,
По уговору выйдя из Капроны
И недругов увидев грозный счет.

И я всем телом, ждущим обороны,
Прильнул к вождю и пристально следил,
Как злобен облик их и взгляд каленый.

Нагнув багор, бес бесу говорил:
«Что, если бы его пощупать с тыла?»
Тот отвечал: «Вот, вот, да так, чтоб взвыл!»

Но демон, тот, который вышел было,
Чтоб разговор с вождем моим вести,
Его окликнул: «Тише, Тормошило!»

Потом сказал нам: «Дальше не пройти
Вам этим гребнем; и пытать бесплодно:
Шестой обрушен мост, и нет пути.

Чтоб выйти все же, если вам угодно,
Ступайте этим валом, там, где след,
И ближним гребнем выйдете свободно.

Двенадцать сот и шестьдесят шесть лет
Вчера, на пять часов поздней, успело
Протечь с тех пор, как здесь дороги нет.

У наших в тех местах как раз есть дело —
Взглянуть, не прохлаждается ль народ;
Не бойтесь их, идите с ними смело».

«Эй, Косокрыл, и ты, Старик, в поход! —
Он начал говорить.— И ты, Собака;
А Борода десятником пойдет.

В придачу к ним Дракон и Забияка,
Клыкастый Боров и Собачий Зуд,
Да Рыжик лютый, да еще Кривляка.

Вы осмотрите весь кипящий пруд;
А эти до ближайшего отрога,
Который цел, пусть здравыми дойдут».

127 «Что вижу я, учитель? Ради бога,
Не нужно спутников, пойдем одни,—
Сказал я.— Ты же знаешь, где дорога.

130 Когда ты зорок, как всегда, взгляни:
Не видишь разве их кивков ужасных
И как зубами лязгают они?»

133 «Не надо страхов и тревог напрасных;
Пусть лязгают себе,— мой вождь сказал,—
Чтоб напугать варимых там несчастных».

136 Тут бесы двинулись на левый вал,
Но каждый, в тайный знак, главе отряда
Сперва язык сквозь зубы показал,

139 А тот трубу изобразил из зада.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В ней продолжается описание пятого рва восьмого круга Ада, где несут кару крупные взяточники, мздоимцы. Среди них, например, монах Гомита из Голлура и Микеле Цанке, влиятельные лица на острове Сардиния в XIII веке.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Безмолвны, одиноки и без свиты,
Мы шли путем, неведомым для нас,
Друг другу вслед, как братья минориты.

4 Недавний бой припомянув не раз,
Я баснь Эзопа вспомнил поневоле,
Про мышь и про лягушку старый сказ.

7 «Сейчас» и «тотчас» сходствуют не боле,
Чем тот и этот случай, если им
Уделено вниманье в равной доле.

10 И так как мысль дает исток другим,
Одно другим сменилось размышленье,
И страх мой стал вдвойне неодолим.

13 Я думал так: «Им это посрамленье
Пришло от нас; столь тяжкий претерпев
Ущерб и срам, они затеют мщенье.

16 Когда на злобный нрав накручен гнев,
Они на нас жесточе ополчатся,
Чем пес на зайца разверзает зев».

19 Я чуял — волосы на мне дыбятся
От жути, и, остановясь, затих;
Потом сказал: «Они за нами мчатся;

22 Учитель, спрячь скорее нас двоих;
Мне страшно Загребал; они предстали
Во мне так ясно, что я слышу их».

25 «Будь я стеклом свинцовым, я б едва ли,—
Сказал он,— отразил твой внешний лик
Быстрей, чем воспринял твои печали.

28 Твой помысел в мой помысел проник,
Ему лицом и поступью подобный,
И я их свел к решенью в тот же миг.

31 И если справа склон горы удобный,
Чтоб нам спуститься в следующий ров,
То нас они настигнуть неспособны».

34 Он не успел домолвить этих слов,
Как я увидел: быстры и крылаты,
Они уж близко и спешат на лов.

37 В единый миг меня схватил вожатый,
Как мать, на шум проснувшись вдруг и дом
Увидя буйным пламенем объятый,

40 Хватает сына и бежит бегом,
Рубашки не накинув, помышляя
Не о себе, а лишь о нем одном,—

43 И тотчас вниз с обрывистого края
Скользнул спиной на каменистый скат,
Которым щель окаймлена шестая.

46 Так быстро воды стоком не спешат
Вращать у дольной мельницы колеса,
Когда струя уже вблизи лопат,

49 Как мой учитель, с высоты утеса,
Как сына, не как друга, на руках
Меня держа, стремился вдоль откоса.

52 Чуть он коснулся дна, те впопыхах
Уже достигли выступа стремнины
Как раз над нами; но прошел и страх,—

55 Затем что стражу пятой котловины
Им промысел высокий отдает,
Но прочь ступить не властен ни единый.

58 Внизу скалы поваленный народ
Кружил неспешным шагом, без надежды,
В слезах, устало двигаясь вперед.

61 Все — в мантиях, и затеняет вежды
Глубокий куколь, низок и давящ;
Так шьют клунийским инокам одежды.

64 Снаружи позолочен и слепящ,
Внутри так грузен их убор свинцовый,
Что был соломой Федериков плащ.

67 О, вековечно тяжкие покровы!
Мы вновь свернули влево, как они,
В их плач печальный вслушаться готовы.

70 Но те, устав под бременем брони,
Брели так тихо, что с другим соседом
Равнял нас каждый новый сдвиг ступни.

73 И я вождю: «Найди, быть может ведом
Делами или именем иной;
Взгляни, шагая, на идущих следом».

76 Один, признав тосканский говор мой,
За нами крикнул: «Придержите ноги,
Вы, что спешите так под этой тьмой!

79 Ты можешь у меня спросить подмоги».
Вождь, обернувшись, молвил: «Здесь побудь;
Потом с ним в ногу двинься вдоль дороги».

82 По лицам двух я видел, что их грудь
Исполнена стремления живого;
Но им мешали груз и тесный путь.

85 Приблизясь и не говоря ни слова,
Они смотрели долго, взгляд скосив;
Потом спросили так один другого:

«Он, судя по работе горла, жив;
А если оба мертвы, как же это
Они блуждают, столу совлачив?»

И мне: «Тосканец, здесь, среди совета
Унылых лицемеров, на вопрос,
Кто ты такой, не презирай ответа».

Я молвил: «Я родился и возрос
В великом городе на ясном Арно,
И это тело я и прежде нес.

А кто же вы, чью муку столь коварно
Изобличает этот слезный град?
И чем вы так казнимы лучезарно?»

Один ответил: «Желтый наш наряд
Навис на нас таким свинцовым сводом,
Что под напором гирь весы скрипят.

Мы гауденты, из Болоньи родом,
Я — Каталано, Лодеринго — он;
Мы были призваны твоим народом,

Как одиноких брали испокон,
Чтоб мир хранить; как он хранился нами,
Вокруг Гардинго видно с тех времен».

Я начал: «Братья, вашими делами...» —
Но смолк; мой глаз внезапно увидал
Распятого в пыли тремя колами.

Он, увидав меня, затрепетал,
Сквозь бороду бросая вздох стесненный.
Брат Каталан на это мне сказал:

«Тот, на кого ты смотришь, здесь пронзенный,
Когда-то речи фарисеям вел,
Что может всех спасти один казненный.

Он брошен поперек тропы и гол,
Как видишь сам, и чувствует все время,
Насколько каждый, кто идет, тяжел.

И тесть его здесь терпит то же бремя,
И весь собор, оставивший в удел
Еврейскому народу злое семя».

124 И видел я, как чудно поглядел
Вергилий на того, кто так ничтожно,
В изгнанье вечном, распятый, коснел.

127 Потом он молвил брату: «Если можно,
То не укажете ли нам пути
Отсюда вправо, чтобы бестревожно

130 Из здешних мест мы с ним могли уйти
И черных ангелов не понуждая
Нас из ложбины этой унести».

133 И брат: «Тут есть вблизи гряда большая;
Она идет от круговой стены,
Все яростные рвы пересекая,

136 Но рухнула над этим; вы должны
Подняться по обвалу; склон обрыва
И дно лощины сплошь завалены».

139 Вождь голову понурил молчаливо.
«Тот, кто крюком,— сказал он наконец,—
Хватает грешных, говорил нам лживо».

142 «Я не один в Болонье образец
Слыхал того, как бес ко злу привержен,—
Промолвил брат.— Он всякой лжи отец».

145 Затем мой вождь пошел, слегка рассержен,
Широкой поступью и хмуря лоб;
И я от тех, кто бременем удержан,

148 Направился по следу милых стоп.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Покуда год не вышел из малюток
И солнцу кудри греет Водолей,
А ночь все ближе к половине суток,

4 И чертит иней посреди полей
Подобье своего седого брата,
Хоть каждый раз его перо хилей,—

Крестьянин, чья кормушка небогата,
Встает и видит — побелел весь луг,
И бьет себя пониже перехвата;

Уходит в дом, ворчит, снует вокруг,
Не зная, бедный, что тут делать надо;
А выйдет вновь — и ободрится вдруг,

Увидев мир сменившим цвет наряда
В короткий миг; берет свой посошок
И гонит вон пастись овечье стадо.

Так вождь причиной был моих тревог,
Когда казался смутен и несветел,
И так же сразу боль мою отвлек:

Как только он упавший мост приметил,
Он бросил мне все тот же ясный взгляд,
Что у подножья горного я встретил.

Он оглядел загроможденный скат,
Подумал и, кладя конец заботам,
Раскрыв объятья, взял меня в обхват.

И словно тот, кто трудится с расчетом,
Как бы все время глядя пред собой,
Так он, подняв меня единым взметом

На камень, намечал уже другой
И говорил: «Теперь вот тот потрогай.
Таков ли он, чтоб твердо стать ногой».

В плаще бы не пройти такой дорогой;
Едва и мы, с утеса на утес,
Ползли наверх, он — легкий, я — с подмогой.

И если бы не то, что наш откос
Был ниже прежнего,— ка́к мой вожатый,
Не знаю, я бы вряд ли перенес.

Но так как область Злых Щелей покатый
К срединному жерлу дает наклон,
То стены, меж которых рвы зажаты,

По высоте не равны с двух сторон.
Мы наконец взошли на верх обвала,
Где самый крайний камень прислонен.

43 Мне так дыханья в легких не хватало,
Что дальше я не в силах был идти;
Едва взойдя, я тут же сел устало.

46 «Теперь ты леность должен отмести,—
Сказал учитель.— Лежа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти.

49 Кто без нее готов быть взят кончиной,
Такой же в мире оставляет след,
Как в ветре дым и пена над пучиной.

52 Встань! Победи томленье, нет побед,
Запретных духу, если он не вянет,
Как эта плоть, которой он одет!

55 Еще длиннее лестница предстанет;
Уйти от них — не в этом твой удел;
И если слышишь, пусть душа воспрянет».

58 Тогда я встал; я показать хотел,
Что я дышу свободней, чем на деле,
И молвил так: «Идем, я бодр и смел!»

61 Мы гребнем взяли путь; еще тяжеле,
Обрывистый, крутой, в обломках скал,
Он был, чем тот, каким мы шли доселе.

64 Чтоб скрыть усталость, я не умолкал;
Вдруг голос из расселины раздался,
Который даже не как речь звучал.

67 Слов я понять не мог, хотя взобрался
На горб моста, изогнутого там;
Но говоривший как бы удалялся.

70 Я наклонился, но живым глазам
Достигнуть дна мешала тьма густая;
И я: «Учитель, сделай так, чтоб нам

73 Сойти на вал, и станем возле края;
Я слушаю, но смысла не пойму,
И ничего не вижу, взор склоняя».

76 И он: «Мой отклик слову твоему —
Свершить; когда желанье справедливо,
То надо молча следовать ему».

79 Мы с моста вниз сошли неторопливо,
Где он с восьмым смыкается кольцом,
И тут весь ров открылся мне с обрыва.

82 И я внутри увидел страшный ком
Змей, и так много разных было видно,
Что стынет кровь, чуть вспомяну о нем.

85 Ливийской степи было бы завидно:
Пусть кенхр, и амфисбена, и фарей
Плодятся в ней, и якул, и ехидна,—

88 Там нет ни стольких гадов, ни лютей,
Хотя бы все владенья эфиопа
И берег Чермных вод прибавить к ней.

91 Средь этого чудовищного скопа
Нагой народ, мечась, ни уголка
Не ждал, чтоб скрыться, ни гелиотропа.

94 Скрутив им руки за спиной, бока
Хвостом и головой пронзали змеи,
Чтоб спереди связать концы клубка.

97 Вдруг к одному,— он был нам всех виднее,—
Метнулся змей и впился, как копье,
В то место, где сращенье плеч и шеи.

100 Быстрей, чем I начертишь или О,
Он вспыхнул, и сгорел, и в пепел свился,
И тело, рухнув, утерял свое.

103 Когда он так упал и развалился,
Прах вновь сомкнулся воедино сам
И в прежнее обличье возвратился.

106 Так ведомо великим мудрецам,
Что гибнет Феникс, чтоб восстать, как новый,
Когда подходит к пятистам годам.

109 Не травы — корм его, не сок плодовый,
Но ладанные слезы и амом,
А нард и мирра — смертные покровы.

112 Как тот, кто падает, к земле влеком,
Он сам не знает — демонскою силой
Иль запруженьем, властным над умом,

И, встав, кругом обводит взгляд застылый,
Еще в себя от муки не придя,
И вздох, взирая, издает унылый,—

Таков был грешник, вставший погодя.
О божья мощь, сколь праведный ты мститель,
Когда вот так сражаешь, не щадя!

Кто он такой, его спросил учитель.
И тот: «Я из Тосканы в этот лог
Недавно сверзился. Я был любитель

Жить по-скотски, а по-людски не мог,
Да мулом был и впрямь; я — Ванни Фуччи,
Зверь из Пистойи, лучшей из берлог».

И я вождю: «Пусть подождет у кручи;
Спроси, за что он спихнут в этот ров;
Ведь он же был кровавый и кипучий».

Тот, услыхав и отвечать готов,
Свое лицо и дух ко мне направил
И от дурного срама стал багров.

«Гораздо мне больнее,— он добавил,—
Что ты меня в такой беде застал,
Чем было в миг, когда я жизнь оставил.

Я исполняю то, что ты желал:
Я так глубоко брошен в яму эту
За то, что утварь в ризнице украл.

Тогда другой был привлечен к ответу.
Но чтобы ты свиданию со мной
Не радовался, если выйдешь к свету,

То слушай весть и шире слух открой:
Сперва в Пистойе сила Черных сгинет,
Потом Фьоренца обновит свой строй.

Марс от долины Магры пар надвинет,
Повитый мглою облачных пелен,
И на поля Пиценские низринет,

И будет бой жесток и разъярен;
Но он туман размечет своевольно,
И каждый Белый будет сокрушен.

Я так сказал, чтоб ты терзался больно!»

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Окончание рассказа о седьмом рве восьмого круга Ада. Со скалы Вергилий и Данте обозревают ров, где нашли свой последний безрадостный приют воры всех мастей. Нагие и жалкие, они метались среди змей, драконов, которые их жалили, кусали, душили. Бывшие воры сами превращались в змей и чинили расправу над себе подобными. Тут Данте называет имена знатных соотечественников-флорентинцев.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!

4 Я пять таких в собранье воровском
Нашел сограждан, что могу стыдиться,
Да и тебе немного чести в том.

7 Но если нам под утро правда снится,
Ты ощутишь в один из близких дней,
К чему и Прато, как и все, стремится;

10 Поэтому — тем лучше, чем скорей;
Раз быть должно, так пусть бы миновало!
С теченьем лет мне будет тяжелей.

13 По выступам, которые сначала
Вели нас вниз, поднялся спутник мой,
И я, влекомый им, взошел устало;

16 И дальше, одинокою тропой
Меж трещин и камней хребта крутого,
Нога не шла, не подсобясь рукой.

19 Тогда страдал я и страдаю снова,
Когда припомню то, что я видал;
И взнуздываю ум сильней былого,

22 Чтоб он без добрых правил не блуждал,
И то, что мне дала звезда благая
Иль кто-то лучший, сам я не попрал.

25 Как селянин, на холме отдыхая,—
Когда сокроет ненадолго взгляд
Тот, кем страна озарена земная,

И комары, сменяя мух, кружат,—
Долину видит полной светляками
Там, где он жнет, где режет виноград,

Так, видел я, вся искрилась огнями
Восьмая глубь, как только с двух сторон
Расщелина открылась перед нами.

И как, конями поднят в небосклон,
На колеснице Илия вздымался,
А тот, кто был медведями отмщен,

Ему вослед глазами устремлялся
И только пламень различал едва,
Который вверх, как облачко, взвивался,—

Так движутся огни в гортани рва,
И в каждом замкнут грешник утаенный,
Хоть взор не замечает воровства.

С вершины моста я смотрел, склоненный,
И, не держись я за одну из плит,
Я бы упал, никем не понужденный;

И вождь, приметив мой усердный вид,
Сказал мне так: «Здесь каждый дух затерян
Внутри огня, которым он горит».

«Теперь, учитель, я вполне уверен,—
Ответил я.— Уж я и сам постиг,
И даже так спросить я был намерен:

Кто в том огне, что там вдали возник,
Двойной вверху, как бы с костра подъятый,
Где с братом был положен Полиник?»

«В нем мучатся,— ответил мой вожатый,—
Улисс и Диомед, и так вдвоем,
Как шли на гнев, идут путем расплаты;

Казнятся этим стонущим огнем
И ввод коня, разверзший стены града,
Откуда римлян вышел славный дом,

И то, что Дейдамия в сенях Ада
Зовет Ахилла, мертвая, стеня,
И за Палладий в нем дана награда».

«Когда есть речь у этого огня,
Учитель,— я сказал,— тебя молю я,
Сто раз тебя молю, утешь меня,

Дождись, покуда, меж других кочуя,
Рогатый пламень к нам не подойдет:
Смотри, как я склонен к нему, тоскуя».

«Такая просьба,— мне он в свой черед,—
Всегда к свершенью сердце расположит;
Но твой язык на время пусть замрет.

Спрошу их я; то, что тебя тревожит,
И сам я понял; а на твой вопрос
Они, как греки, промолчат, быть может».

Когда огонь пришел под наш утес
И место и мгновенье подобало,
Учитель мой, я слышал, произнес:

«О вы, чей пламень раздвояет жало!
Когда почтил вас я в мой краткий час,
Когда почтил вас много или мало,

Слагая в мире мой высокий сказ,
Постойте; вы поведать мне повинны,
Где, заблудясь, погиб один из вас».

С протяжным ропотом огонь старинный
Качнул свой больший рог; так иногда
Томится на ветру костер пустынный.

Туда клоня вершину и сюда,
Как если б это был язык вещавший,
Он издал голос и сказал: «Когда

Расстался я с Цирцеей, год скрывавшей
Меня вблизи Гаэты, где потом
Пристал Эней, так этот край назвавший,—

Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом

Не возмогли смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор
И все, чем дурны люди и достойны.

И я в морской отважился простор,
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор.

Я видел оба берега, Моррокко,
Испанию, край сардов, рубежи
Всех островов, раскиданных широко.

Уже мы были древние мужи,
Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи,

Чтобы пловец не преступал запрета;
Севилья справа отошла назад,
Осталась слева, перед этим, Сетта.

«О братья,— так сказал я,— на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят

Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!

Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены».

Товарищей так живо укололи
Мои слова и ринули вперед,
Что я и сам бы не сдержал их воли.

Кормой к рассвету, свой шальной полет
На крыльях весел судно устремило,
Все время влево уклоняя ход.

Уже в ночи я видел все светила
Другого остья, и морская грудь
Склонившееся наше заслонила.

Пять раз успел внизу луны блеснуть
И столько ж раз погаснуть свет заемный,
С тех пор как мы пустились в дерзкий путь,

Когда гора, далекой грудой темной,
Открылась нам; от века своего
Я не видал еще такой огромной.

136 Сменилось плачем наше торжество:
От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно, повернул его

139 Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз,
Нос канул книзу, как назначил Кто-то,

142 И море, хлынув, поглотило нас».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Окончание описания восьмого рва восьмого адского круга, где в вечном огне терзаются лукавые советчики. Здесь томятся души мифологических героев и героев истории. Общаясь с душами своих бывших соотечественников, Данте по их просьбе рассказывает о жалком положении дел в Италии, раздираемой враждой гвельфов и гибеллинов. Поэт снова и снова нападает на своего заклятого врага папу Бонифация VIII.

ПЕСНИ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ И ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вергилий приводит Данте к девятому рву восьмого круга Ада. Сюда после смерти попадают зачинщики раздора, над которыми свершается чудовищная расправа:

И все, кто здесь, и рядом, и вдали,—
Виновны были в распрях и раздорах
Среди живых, и вот их рассекли.

Здесь основатель ислама Магомет, его зять Али, виновные в религиозном расколе мира, где должно господствовать христианство, а также зачинщики гражданских войн в Древнем Риме, романские феодалы, разделившиеся на гвельфов и гибеллинов, погрязшие в междоусобицах, и другие подстрекатели раздоров. В песне XXIX начинается описание последнего (десятого) рва Злых Щелей, где кара настигла тех, кто при жизни занимался всякого рода подделкамн, фальшью. Одни подделывали металлы и были наказаны чесоткой, лишаями, другне выдавали себя за тех, кем они не были, третьи изготавливалн фальшивые деньги, четвертые лгали и клеветали, то есть подделывали слова. Здесь также можно встретить язычников и христиан.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

В те дни, когда Юнона воспылала
Из-за Семелы гневом на фивян,
Как многократно это показала,—

4 На разум Афаманта пал туман,
И, на руках увидев у царицы
Своих сынов, безумством обуян,

7 Царь закричал: «Поставим сеть для львицы
Со львятами и путь им преградим!» —
И, простирая когти хищной птицы,

10 Схватил Леарха, размахнулся им
И раздробил младенца о каменья;
Мать утопилась вместе со вторым.

13 И в дни, когда с вершины дерзновенья
Фортуна Трою свергла в глубину
И сгинули владетель и владенья,

16 Гекуба, в горе, в бедствиях, в плену,
Увидев Поликсену умерщвленной,
А там, где море в берег бьет волну,

19 Труп Полидора, страшно искаженный,
Залаяла, как пес, от боли взвыв:
Не устоял рассудок потрясенный.

22 Но ни троянский гнев, ни ярость Фив
Свирепей не являли исступлений,
Зверям иль людям тело изъязвив,

25 Чем предо мной две бледных голых тени,
Которые, кусая всех кругом,
Неслись, как боров, поломавший сени.

28 Одна Капоккьо в шею вгрызлась ртом
И с ним помчалась; испуская крики,
Он скреб о жесткий камень животом.

31 Дрожа всем телом: «Это Джанни Скикки,—
Промолвил аретинец.— Всем постыл,
Он донимает всех, такой вот дикий».

34 «О, чтоб другой тебя не укусил!
Пока он здесь, дай мне ответ нетрудный,
Скажи, кто он»,— его я попросил.

37 Он молвил: «Это Мирры безрассудной
Старинный дух, той, что плотских утех
С родным отцом искала в страсти блудной.

40 Она такой же с ним свершила грех,
Себя подделав и обману рада,
Как тот, кто там бежит, терзая всех,

43 Который, пожелав хозяйку стада,
Подделал старого Буозо, лег
И завещанье совершил, как надо».

46 Когда и тот и этот стал далек
Свирепый дух, мой взор, опять спокоен,
К другим несчастным обратиться мог.

49 Один совсем как лютня был устроен;
Ему бы лишь в паху отсечь долой
Весь низ, который у людей раздвоен.

52 Водянка порождала в нем застой
Телесных соков, всю его середку
Раздув несоразмерно с головой.

55 И он, от жажды разевая глотку,
Распялил губы, как больной в огне,
Одну наверх, другую к подбородку.

58 «Вы, почему-то здравыми вполне
Сошедшие в печальные овраги,—
Сказал он нам,— склоните взор ко мне!

61 Вот казнь Адамо, мастера-бедняги!
Я утолял все прихоти свои,
А здесь я жажду хоть бы каплю влаги.

64 Все время казентинские ручьи,
С зеленых гор свергающие в Арно
По мягким руслам свежие струи,

67 Передо мною блещут лучезарно.
И я в лице от этого иссох;
Моя болезнь и та не так коварна.

70 Там я грешил, там схвачен был врасплох,
И вот теперь — к местам, где я лукавил,
Я осужден стремить за вздохом вздох.

73 Я там, в Ромене, примесью бесславил
Крестителем запечатленный сплав,
За что и тело на костре оставил.

76 Чтоб здесь увидеть, за их гнусный нрав,
Тень Гвидо, Алессандро иль их братца,
Всю Бранду я отдам, возликовав.

79 Один уж прибыл, если полагаться
На этих буйных, бегающих тут.
Да что мне в этом, раз нет сил подняться?

82 Когда б я был чуть-чуть поменьше вздут,
Чтоб дюйм пройти за сотню лет усилий,
Я бы давно предпринял этот труд,

85 Ища его среди всей этой гнили,
Хотя дорожных миль по кругу здесь
Одиннадцать да поперек полмили.

88 Я из-за них обезображен весь;
Для них я подбавлял неутомимо
К флоринам трехкаратную подмесь».

91 И я: «Кто эти двое, в клубе дыма,
Как на морозе мокрая рука,
Что справа распростерты недвижимо?»

94 Он отвечал: «Я их, к щеке щека,
Так и застал, когда был втянут Адом;
Лежать им, видно, вечные века.

97 Вот лгавшая на Иосифа; а рядом
Троянский грек и лжец Синон; их жжет
Горячка, потому и преют чадом».

100 Сосед, решив, что не такой почет
Заслуживает знатная особа,
Ткнул кулаком в его тугой живот.

103 Как барабан, откликнулась утроба;
Но мастер по лицу его огрел
Рукой, насколько позволяла злоба,

106 Сказав ему: «Хоть я отяжелел
И мне в движенье тело непокорно,
Рука еще годна для этих дел».

109 «Шагая в пламя,— молвил тот задорно,—
Ты был не так-то на руку ретив,
А деньги бить она была проворна».

И толстопузый: «В этом ты правдив,
Куда правдивей, чем когда троянам
Давал ответ, душою покривив».

И грек: «Я словом лгал, а ты — чеканом!
Всего один проступок у меня,
А ты всех бесов превзошел обманом!»

«Клятвопреступник, вспомни про коня,—
Ответил вздутый,— и казнись позором,
Всем памятным до нынешнего дня!»

«А ты казнись,— сказал Синон,— напором
Гнилой водицы, жаждой иссушен,
И животом заставясь, как забором!»

Тогда монетчик: «Искони времен
Твою гортань от скверны раздирало;
Я жажду, да, и соком наводнен,

А ты горишь, мозг болью изглодало,
И ты бы кинулся на первый зов
Лизнуть разок Нарциссово зерцало».

Я вслушивался в звуки этих слов,
Но вождь сказал: «Что ты нашел за диво?
Я рассердиться на тебя готов».

Когда он так проговорил гневливо,
Я на него взглянул с таким стыдом,
Что до сих пор воспоминанье живо.

Как тот, кто, удрученный скорбным сном,
Во сне хотел бы, чтобы это снилось,
О сущем грезя, как о небылом,

Таков был я: мольба к устам теснилась;
Я ждал, что, вняв ей, он меня простит,
И я не знал, что мне уже простилось.

«Крупней вину смывает меньший стыд,—
Сказал мой вождь,— и то, о чем мы судим,
Тебя унынъем пусть не тяготит.

Но знай, что я с тобой, когда мы будем
Идти, быть может, так же взор склонив
К таким вот препирающимся людям:

Позыв их слушать — низменный позыв».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Язык, который так меня ужалил,
Что даже изменился цвет лица,
Мне сам же и лекарством язву залил;

Копье Ахилла и его отца
Бывало так же, слышал я, причиной
Начальных мук и доброго конца.

Спиной к больному рву, мы шли равниной,
Которую он поясом облег,
И слова не промолвил ни единый.

Ни ночь была, ни день, и я не мог
Проникнуть взором в дали окоема,
Но вскоре я услышал зычный рог,

Который громче был любого грома,
И я глаза навел на этот рев,
Как будто зренье было им влекомо.

В плачевной сече, где святых бойцов
Великий Карл утратил в оны лета,
Не так ужасен был Орландов зов.

И вот возник из сумрачного света
Каких-то башен вознесенный строй;
И я: «Учитель, что за город это?»

«Ты мечешь взгляд,— сказал вожатый мой,—
Сквозь этот сумрак слишком издалека,
А это может обмануть порой.

Ты убедишься, приближая око,
Как, издали судя, ты был неправ;
Так подбодрись же и шагай широко».

И, ласково меня за руку взяв:
«Чтобы тебе их облик не был страшен,
Узнай сейчас, еще не увидав,

Что это — строй гигантов, а не башен;
Они стоят в колодце, вкруг жерла,
И низ их, от пупа, оградой скрашен».

Как, если тает облачная мгла,
Взгляд начинает различать немного
Все то, что муть туманная крала,

Так, с каждым шагом, ведшим нас полого
Сквозь этот плотный воздух под уклон,
Обман мой таял, и росла тревога:

Как башнями по кругу обнесен
Монтереджоне на своей вершине,
Так здесь, венчая круговой заслон,

Маячили, подобные твердыне,
Ужасные гиганты, те, кого
Дий, в небе грохоча, страшит поныне.

Уже я различал у одного
Лицо и грудь, живот до бедер тучных
И руки книзу вдоль боков его.

Спасла Природа многих злополучных,
Подобные пресекши племена,
Чтоб Марс не мог иметь таких подручных;

И если нераскаянна она
В слонах или китах, тут есть раскрытый
Для взора смысл, и мера здесь видна;

Затем что там, где властен разум, слитый
Со злобной волей и громадой сил,
Там для людей нет никакой защиты.

Лицом он так широк и длинен был,
Как шишка в Риме близ Петрова храма;
И весь костяк размером подходил;

От кромки — ноги прикрывала яма —
До лба не дотянулись бы вовек
Три фриза, стоя друг на друге прямо;

От места, где обычно человек
Скрепляет плащ, до бедер — тридцать клалось
Больших пядей. «Rafel mai amech

Izabi almi»,— яростно раздалось
Из диких уст, которым искони
Нежнее петь псалмы не полагалось.

70 И вождь ему: «Ты лучше в рог звени,
Безумный дух! В него — избыток злобы
И всякой страсти из себя гони!

73 О смутный дух, ощупай шею, чтобы
Найти ремень; тогда бы ты постиг,
Что рог подвешен у твоей утробы».

76 И мне: «Он сам явил свой истый лик;
То царь Немврод, чей замысел ужасный
Виной, что в мире не один язык.

79 Довольно с нас; беседы с ним напрасны:
Как он ничьих не понял бы речей,
Так никому слова его не ясны».

82 Мы продолжали путь, свернув левей,
И, отойдя на выстрел самострела,
Нашли другого, больше и дичей.

85 Чья сила великана одолела,
Не знаю; сзади — правая рука,
А левая вдоль переда висела

88 Прикрученной, и, оплетя бока,
Цепь завивалась, по открытой части,
От шеи вниз, до пятого витка.

91 «Гордец, насильем домогаясь власти,
С верховным Дием в бой вступил, и вот,—
Сказал мой вождь,— возмездье буйной страсти.

94 То Эфиальт; он был их верховод,
Когда богов гиганты устрашали;
Теперь он рук вовек не шевельнет».

97 И я сказал учителю: «Нельзя ли,
Чтобы, каков безмерный Бриарей,
Мои глаза на опыте узнали?»

100 И он ответил: «Здесь вблизи Антей;
Он говорит, он в пропасти порока
Опустит нас, свободный от цепей.

103 А тот, тобою названный,— далеко;
Как этот — скован, и такой, как он;
Лицо лишь разве более жестоко».

Так мощно башня искони времен
Не содрогалась от землетрясенья,
Как Эфиальт сотрясся, разъярен.

Я ждал, в испуге, смертного мгновенья,
И впрямь меня убил бы страх один,
Когда бы я не видел эти звенья.

Мы вновь пошли, и новый исполин,
Антей, возник из темной котловины,
От чресл до шеи ростом в пять аршин.

«О ты, что в дебрях роковой долины,—
Где Сципион был вознесен судьбой,
Рассеяв Ганнибаловы дружины,—

Не счел бы львов, растерзанных тобой,
Ты, о котором говорят: таков он,
Что, если б он вел братьев в горний бой,

Сынам Земли венец был уготован,
Спусти нас — и не хмурь надменный взгляд —
В глубины, где Коцит морозом скован.

Тифей и Титий далеко стоят;
Мой спутник дар тебе вручит бесценный;
Не корчи рот, нагнись; он будет рад

Тебя опять прославить во вселенной;
Он жив и долгий век себе сулит,
Когда не будет призван в свет блаженный».

Так молвил вождь; и вот гигант спешит
Принять его в простертые ладони,
Которых крепость испытал Алкид.

Вергилий, ощутив себя в их лоне,
Сказал: «Стань тут»,— и, чтоб мой страх исчез,
Обвил меня рукой, надежней брони.

Как Гаризенда, если стать под свес,
Вершину словно клонит понемногу
Навстречу туче в высоте небес,

Так надо мной, взиравшим сквозь тревогу,
Навис Антей, и в этот миг я знал,
Что сам не эту выбрал бы дорогу.

Но он легко нас опустил в провал,
Где поглощен Иуда тьмой предельной
И Люцифер. И, разогнувшись, встал,

Взнесясь подобно мачте корабельной.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда б мой стих был хриплый и скрипучий,
Как требует зловещее жерло,
Куда спадают все другие кручи,

Мне б это крепче выжать помогло
Сок замысла; но здесь мой слог некстати,
И речь вести мне будет тяжело;

Ведь вовсе не из легких предприятий —
Представить образ мирового дна;
Тут не отделаешься «мамой-тятей».

Но помощь Муз да будет мне дана,
Как Амфиону, строившему Фивы,
Чтоб в слове сущность выразить сполна.

Жалчайший род, чей жребий несчастливый
И молвить трудно, лучше б на земле
Ты был овечьим стадом, нечестивый!

Мы оказались в преисподней мгле,
У ног гиганта, на равнине гладкой,
И я дивился шедшей вверх скале,

Как вдруг услышал крик: «Шагай с оглядкой!
Ведь ты почти что на головы нам,
Злосчастным братьям, наступаешь пяткой!»

Я увидал, взглянув по сторонам,
Что подо мною озеро, от стужи
Подобное стеклу, а не волнам.

В разгар зимы не облечен снаружи
Таким покровом в Австрии Дунай,
И дальний Танаис твердеет хуже;

Когда бы Тамбернику невзначай
Иль Пьетрапане дать сюда свалиться,
У озера не хрустнул бы и край.

31 И как лягушка выставить ловчится,
Чтобы поквакать, рыльце из пруда,
Когда жнее страда и ночью снится,

34 Так, вмерзши до таилища стыда
И аисту под звук стуча зубами,
Синели души грешных изо льда.

37 Свое лицо они склоняли сами,
Свидетельствуя в облике таком
О стуже — ртом, о горести — глазами.

40 Взглянув окрест, я вновь поник челом
И увидал двоих, так сжатых рядом,
Что волосы их сбились в цельный ком.

43 «Вы, грудь о грудь окованные хладом,—
Сказал я,— кто вы?» Каждый шею взнес
И на меня оборотился взглядом.

46 И их глаза, набухшие от слез,
Излились влагой, и она застыла,
И веки им обледенил мороз.

49 Бревно с бревном скоба бы не скрепила
Столь прочно; и они, как два козла,
Боднулись лбами,— так их злость душила.

52 И кто-то молвил, не подняв чела,
От холода безухий: «Что такое?
Зачем ты в нас глядишь, как в зеркала?

55 Когда ты хочешь знать, кто эти двое:
Им завещал Альберто, их отец,
Бизенцский дол, наследье родовое.

58 Родные братья; из конца в конец
Обшарь хотя бы всю Каи́ну,— гаже
Не вязнет в студне ни один мертвец:

61 Ни тот, которому, на зоркой страже,
Артур пронзил копьем и грудь и тень,
Ни сам Фокачча, ни вот этот даже,

64 Что головой мне застит скудный день
И прозывался Сассоль Маскерони;
В Тоскане слышали про эту тень.

67 А я,— чтоб все явить, как на ладони,—
Был Камичон де' Пацци, и я жду
Карлино, для затменья беззаконий».

70 Потом я видел сотни лиц во льду,
Подобных песьим мордам; и доныне
Страх у меня к замерзшему пруду.

73 И вот, пока мы шли к той середине,
Где сходится всех тяжестей поток,
И я дрожал в темнеющей пустыне,—

76 Была то воля, случай или рок,
Не знаю,— только, меж голов ступая,
Я одному ногой ушиб висок.

79 «Ты что дерешься? — вскрикнул дух, стеная.—
Ведь не пришел же ты меня толкнуть,
За Монтаперти лишний раз отмщая?»

82 И я: «Учитель, подожди чуть-чуть;
Пусть он меня избавит от сомнений;
Потом ускорим, сколько хочешь, путь».

85 Вожатый стал; и я промолвил тени,
Которая ругалась всем дурным:
«Кто ты, к другим столь злобный средь мучений?»

88 «А сам ты кто, ступающий другим
На лица в Антеноре,— он ответил,—
Больней, чем если бы ты был живым?»

91 «Я жив, и ты бы утешенье встретил,—
Был мой ответ,— когда б из рода в род
В моих созвучьях я тебя отметил».

94 И он сказал: «Хочу наоборот.
Отстань, уйди; хитрец ты плоховатый:
Нашел, чем льстить средь ледяных болот!»

97 Вцепясь ему в затылок волосатый,
Я так сказал: «Себя ты назовешь
Иль без волос останешься, проклятый!»

100 И он в ответ: «Раз ты мне космы рвешь,
Я не скажу, не обнаружу, кто я,
Хотя б меня ты изувечил сплошь».

Уже, рукой в его загривке роя,
Я не одну ему повыдрал прядь,
А он глядел все книзу, громко воя.

Вдруг кто-то крикнул: «Бокка, брось орать!
И без того уж челюстью грохочешь.
Разлаялся! Кой черт с тобой опять?»

«Теперь молчи,— сказал я,— если хочешь,
Предатель гнусный! В мире свой позор
Через меня навеки ты упрочишь».

«Ступай,— сказал он,— врать тебе простор.
Но твой рассказ пусть в точности означит
И этого, что на язык так скор.

Он по французским денежкам здесь плачет.
«Дуэра,— ты расскажешь,— водворен
Там, где в прохладце грешный люд маячит».

А если спросят, кто еще, то вон —
Здесь Беккерия, ближе братьи прочей,
Которому нашейник рассечен;

Там Джанни Сольданьер потупил очи,
И Ганеллон, и Тебальделло с ним,
Тот, что Фаэнцу отомкнул средь ночи».

Мы отошли, и тут глазам моим
Предстали двое, в яме леденея;
Один, как шапкой, был накрыт другим.

Как хлеб грызет голодный, стервенея,
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея.

И сам Тидей не яростней глодал
Лоб Меналиппа, в час перед кончиной,
Чем этот призрак череп пожирал.

«Ты, одержимый злобою звериной
К тому, кого ты истерзал, жуя,
Скажи,— промолвил я,— что ей причиной.

И если праведна вражда твоя,—
Узнав, кто вы и чем ты так обижен,
Тебе на свете послужу и я,

Пока не станет мой язык недвижен».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Подняв уста от мерзостного брашна,
Он вытер свой окровавленный рот
О волосы, в которых грыз так страшно,

Потом сказал: «Отчаянных невзгод
Ты в скорбном сердце обновляешь бремя;
Не только речь, и мысль о них гнетет.

Но если слово прорастет, как семя,
Хулой врагу, которого гложу,
Я рад вещать и плакать в то же время.

Не знаю, кто ты, как прошел межу
Печальных стран, откуда нет возврата,
Но ты тосканец, как на слух сужу.

Я графом Уголино был когда-то,
Архиепископом Руджери — он;
Недаром здесь мы ближе, чем два брата.

Что я злодейски был им обойден,
Ему доверясь, заточен как пленник,
Потом убит,— известно испокон;

Но ни один не ведал современник
Про то, как смерть моя была страшна.
Внемли и знай, что сделал мой изменник.

В отверстье клетки — с той поры она
Голодной Башней называться стала,
И многим в ней неволя суждена —

Я новых лун перевидал немало,
Когда зловещий сон меня потряс,
Грядущего разверзши покрывало.

Он, с ловчими,— так снилось мне в тот час,—
Гнал волка и волчат от их стоянки
К холму, что Лукку заслонил от нас;

Усердных псиц задорил дух приманки,
А головными впереди неслись
Гваланди, и Сисмонди, и Ланфранки.

Отцу и детям было не спастись:
Охотникам досталась их потреба,
И в ребра зубы острые впились.

37 Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услыхал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.

40 Когда без слез ты слушаешь о том,
Что этим стоном сердцу возвещалось,—
Ты плакал ли когда-нибудь о чем?

43 Они проснулись; время приближалось,
Когда тюремщик пищу подает,
И мысль у всех недавним сном терзалась.

46 И вдруг я слышу — забивают вход
Ужасной башни; я глядел, застылый,
На сыновей; я чувствовал, что вот —

49 Я каменею, и стонать нет силы;
Стонали дети; Ансельмуччо мой
Спросил: «Отец, что ты так смотришь, милый?»

52 Но я не плакал; молча, как немой,
Провел весь день и ночь, пока денница
Не вышла с новым солнцем в мир земной.

55 Когда луча ничтожная частица
Проникла в скорбный склеп и я открыл,
Каков я сам, взглянув на эти лица,—

58 Себе я пальцы в муке укусил.
Им думалось, что это голод нудит
Меня кусать; и каждый, встав, просил:

61 «Отец, ешь нас, нам это легче будет;
Ты дал нам эти жалкие тела,—
Возьми их сам; так справедливость судит».

64 Но я утих, чтоб им не делать зла.
В безмолвье день, за ним другой промчался.
Зачем, земля, ты нас не пожрала!

67 Настал четвертый. Гаддо зашатался
И бросился к моим ногам, стеня:
«Отец, да помоги же!» — и скончался.

70 И я, как ты здесь смотришь на меня,
Смотрел, как трое пали друг за другом,
От пятого и до шестого дня.

Уже слепой, я щупал их с испугом,
Два дня звал мертвых с воплями тоски;
Но злей, чем горе, голод был недугом».

Тут он умолк и вновь, скосив зрачки,
Вцепился в жалкий череп, в кость вонзая,
Как у собаки, крепкие клыки.

О Пиза, стыд пленительного края,
Где раздается si! Коль медлит суд
Твоих соседей,— пусть, тебя карая,

Капрара и Горгона с мест сойдут
И устье Арно заградят заставой,
Чтоб утонул весь твой бесчестный люд!

Как ни был бы ославлен темной славой
Граф Уголино, замки уступив,—
За что детей вести на крест неправый!

Невинны были, о исчадье Фив,
И Угуччоне с молодым Бригатой,
И те, кого я назвал, в песнь вложив.

Мы шли вперед равниною покатой
Туда, где, лежа навзничь, грешный род
Терзается, жестоким льдом зажатый.

Там самый плач им плакать не дает,
И боль, прорвать не в силах покрывала,
К сугубой муке снова внутрь идет;

Затем что слезы с самого начала,
В подбровной накопляясь глубине,
Твердеют, как хрустальные забрала.

И в этот час, хоть и казалось мне,
Что все мое лицо, и лоб, и веки
От холода бесчувственны вполне,

Я ощутил как будто ветер некий.
«Учитель,— я спросил,— чем он рожден?
Ведь всякий пар угашен здесь навеки».

И вождь: «Ты вскоре будешь приведен
В то место, где, узрев ответ воочью,
Постигнешь сам, чем воздух возмущен».

Один из тех, кто скован льдом и ночью,
Вскричал: «О души, злые до того,
Что вас послали прямо к средоточью,

Снимите гнет со взгляда моего,
Чтоб скорбь излилась хоть на миг слезою,
Пока мороз не затянул его».

И я в ответ: «Тебе я взор открою,
Но назовись; и если я солгал,
Пусть окажусь под ледяной корою!»

«Я — инок Альбериго,— он сказал,—
Тот, что плоды растил на злое дело
И здесь на финик смокву променял».

«Ты разве умер?» — с уст моих слетело.
И он в ответ: «Мне ведать не дано,
Как здравствует мое земное тело.

Здесь, в Толомее, так заведено,
Что часто души, раньше, чем сразила
Их Атропос, уже летят на дно.

И чтоб тебе еще приятней было
Снять у меня стеклянный полог с глаз,
Знай, что, едва предательство свершила,

Как я, душа, вселяется тотчас
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас.

Душа катится вниз, на дно колодца.
Еще, быть может, к мертвым не причли
И ту, что там за мной от стужи жмется.

Ты это должен знать, раз ты с земли:
Он звался Бранка д'Орья; наша братья
С ним свыклась, годы вместе провели».

«Что это правда, мало вероятья,—
Сказал я.— Бранка д'Орья жив, здоров,
Он ест, и пьет, и спит, и носит платья».

И дух в ответ: «В смолой кипящий ров
Еще Микеле Цанке не направил,
С землею разлучась, своих шагов,

Как этот беса во плоти оставил
Взамен себя, с сородичем одним,
С которым вместе он себя прославил.

148 Но руку протяни к глазам моим,
Открой мне их!» И я рукой не двинул,
И было доблестью быть подлым с ним.

151 О генуэзцы, вы, в чьем сердце минул
Последний стыд и все осквернено,
Зачем ваш род еще с земли не сгинул?

154 С гнуснейшим из романцев заодно
Я встретил одного из вас, который
Душой в Коците погружен давно,

157 А телом здесь обманывает взоры.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Vexilla regis prodeunt inferni
Навстречу нам,— сказал учитель.— Вот,
Смотри, уже он виден в этой черни».

4 Когда на нашем небе ночь встает
Или в тумане меркнет ясность взгляда,
Так мельница вдали крылами бьет,

7 Как здесь во мгле вставшая громада.
Я хоронился за вождем как мог,
Чтобы от ветра мне была пощада.

10 Мы были там,— мне страшно этих строк,—
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.

13 Одни лежат; другие вмерзли стоя,
Кто вверх, кто книзу головой застыв;
А кто — дугой, лицо ступнями кроя.

16 В безмолвии дальнейшем путь свершив
И пожелав, чтобы мой взгляд окинул
Того, кто был когда-то так красив,

19 Учитель мой вперед меня подвинул,
Сказав: «Вот Дит, вот мы пришли туда,
Где надлежит, чтоб ты боязнь отринул».

22 Как холоден и слаб я стал тогда,
Не спрашивай, читатель; речь — убоже;
Писать о том не стоит и труда.

25 Я не был мертв, и жив я не был тоже;
А рассудить ты можешь и один:
Ни тем, ни этим быть — с чем это схоже.

28 Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин,

31 Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.

34 О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!

37 И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно — над грудью; цвет его был красен;

40 А над одним и над другим плечом
Два смежных с этим в стороны грозило,
Смыкаясь на затылке под хохлом.

43 Лицо направо — бело-желтым было;
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила.

46 Росло под каждым два больших крыла,
Как должно птице, столь великой в мире;
Таких ветрил и мачта не несла.

49 Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,

52 Струи Коцита леденя до дна.
Шесть глаз точило слезы, и стекала
Из трех пастей кровавая слюна.

55 Они все три терзали, как трепала,
По грешнику; так, с каждой стороны
По одному, в них трое изнывало.

58 Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, всё одну и ту же
Сдирающие кожу со спины.

61 «Тот, наверху, страдающий всех хуже,—
Промолвил вождь,— Иуда Искарьот;
Внутрь головой и пятками наруже.

64 А эти — видишь — головой вперед:
Вот Брут, свисающий из черной пасти;
Он корчится — и губ не разомкнет!

67 Напротив — Кассий, телом коренастей.
Но наступает ночь; пора и в путь;
Ты видел все, что было в нашей власти».

70 Велев себя вкруг шеи обомкнуть
И выбрав миг и место, мой вожатый,
Как только крылья обнажили грудь,

73 Приблизился, вцепился в стан косматый
И стал спускаться вниз, с клока на клок,
Меж корок льда и грудью волосатой.

76 Когда мы пробирались там, где бок,
Загнув к бедру, дает уклон пологий,
Вождь, тяжело дыша, с усильем лег

79 Челом туда, где прежде были ноги,
И стал по шерсти подыматься ввысь,
Я думал — вспять, по той же вновь дороге.

82 Учитель молвил: «Крепче ухватись,—
И он дышал, как человек усталый.—
Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись».

85 Он в толще скал проник сквозь отступ малый,
Помог мне сесть на край, потом ко мне
Уверенно перешагнул на скалы.

88 Я ждал, глаза подъемля к Сатане,
Что он такой, как я его покинул,
А он торчал ногами к вышине.

91 И что за трепет на меня нахлынул,
Пусть судят те, кто, слыша мой рассказ,
Не угадал, какой рубеж я минул.

94 «Встань,— вождь промолвил.— Ожидает нас
Немалый путь, и нелегка дорога,
А солнце входит во второй свой час».

97 Мы были с ним не посреди чертога;
То был, верней, естественный подвал,
С неровным дном, и свет мерцал убого.

100 «Учитель,— молвил я, как только встал,—
Пока мы здесь, на глубине безвестной,
Скажи, чтоб я в сомненьях не блуждал:

Где лед? Зачем вот этот в яме тесной
Торчит стремглав? И как уже пройден
От ночи к утру солнцем путь небесный?»

«Ты думал — мы, как прежде,— молвил он,—
За средоточьем, там, где я вцепился
В руно червя, которым мир пронзен?

Спускаясь вниз, ты там и находился;
Но я в той точке сделал поворот,
Где гнет всех грузов отовсюду слился;

И над тобой теперь небесный свод,
Обратный своду, что взнесен навеки
Над сушей и под сенью чьих высот

Угасла жизнь в безгрешном Человеке;
Тебя держащий каменный настил
Есть малый круг, обратный лик Джудекки.

Тут — день встает, там — вечер наступил;
А этот вот, чья лестница мохната.
Все так же воткнут, как и прежде был.

Сюда с небес вонзился он когда-то;
Земля, что раньше наверху цвела,
Застлалась морем, ужасом объята,

И в наше полушарье перешла;
И здесь, быть может, вверх горой скакнула,
И он остался в пустоте дупла».

Там место есть, вдали от Вельзевула,
Насколько стены склепа вдаль ведут;
Оно приметно только из-за гула

Ручья, который вытекает тут,
Пробившись через камень, им точимый;
Он вьется сверху, и наклон не крут.

Мой вождь и я на этот путь незримый
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет,
И двигались все вверх, неутомимы.

Он — впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет;

И здесь мы вышли вновь узреть светила.

ЧИСТИЛИЩЕ

Данте под руководством Вергилия прошел все круги Ада. В центре самого нижнего круга его — Джудекки — находился Люцифер, дьявол, владыка Ада. Поясница Люцифера расположилась в центре Земли, ноги его пробуравили землю насквозь. Спустившись по ним, цепляясь за его шерсть, Вергилий и Данте оказались в Южном полушарии, где посреди Океана на острове возвышалась огромная гора с усеченной вершиной — это и было Чистилище. Нижняя часть горы, соприкасавшаяся непосредственно с Океаном, представляла собой Предчистилище, за ним располагались Долина Земных властителей и семь кругов Чистилища (песни X—XXVII), поднимающихся уступами по телу горы, плоскую вершину которой занимал Земной Рай с садами и кущами. В семи кругах Чистилища души людей очищаются постепенно от семи смертных грехов — гордости, зависти, гнева, уныния, корыстолюбия и расточительства, чревоугодия и сладострастия. Пройдя последний (седьмой) круг, Вергилий и Данте попадают в Земной Рай, откуда Вергилий бесследно исчезает, так как язычник не может вкусить блаженства истинной, христианской веры.

Первая песнь второй кантики (Чистилище), где оба поэта выходят из Ада и оказываются у подножия горы, начинается традиционным обращением к Музам и определяет тему всей этой части:

И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.

В Земном Раю появляются две прекрасные женщины — сначала Мательда, затем Беатриче, символ божественной истины и любви. Встреча с последней происходит на берегу реки забвения Леты. В последних канцонах поэт описывает Земной Рай. Данте примиряется с Беатриче, теперь он «чист и достоин посетить светила» (песнь XXXIII). Тридцатая песнь, приводимая здесь, рассказывает о свидании Данте и Беатриче и об исчезновении Вергилия.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремит свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,

4 И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.

7 Пусть мертвое воскреснет песнопенье,
Святые Музы,— я взываю к вам;
Пусть Каллиопа, мне в сопровожденье,

10 Поднявшись вновь, ударит по струнам,
Как встарь, когда Сорок сразила лира
И нанесла им беспощадный срам.

13 Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,

16 Опять мне очи упоил вполне,
Чуть я расстался с темью без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне.

19 Маяк любви, прекрасная планета,
Зажгла восток улыбкою лучей,
И ближних Рыб затмила ясность эта.

22 Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.

25 Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами!

28 Покинув оком эти пламена,
Я обратился к остью полуночи,
Где Колесница не была видна;

31 И некий старец мне предстал пред очи,
Исполненный почтенности такой,
Какой для сына полон облик отчий.

34 Цвет бороды был исчерна-седой,
И ей волна волос уподоблялась,
Ложась на грудь раздвоенной грядой.

37 Его лицо так ярко украшалось
Священным светом четырех светил,
Что это блещет солнце — мне казалось.

40 «Кто вы и кто темницу вам открыл,
Чтобы к слепому выйти водопаду? —
Колебля оперенье, он спросил.—

Кто вывел вас? Где взяли вы лампаду,
Чтоб выбраться из глубины земли
Сквозь черноту, разлитую по Аду?

Вы ль над законом бездны возмогли
Иль новое решилось в горней сени,
Что падшие к скале моей пришли?»

Мой вождь, внимая величавой тени,
И голосом, и взглядом, и рукой
Мне преклонил и веки и колени.

Потом сказал: «Я здесь не сам собой.
Жена сошла с небес, ко мне взывая,
Чтоб я помог идущему со мной.

Но раз ты хочешь точно знать, какая
У нас судьба, то это мне закон,
Который я уважу, исполняя.

Последний вечер не изведал он;
Но был к нему так близок, безрассудный,
Что срок ему недолгий был сужден.

Как я сказал, к нему я в этот трудный
Был послан час; и только через тьму
Мог вывести его стезею чудной.

Весь грешный люд я показал ему;
И души показать ему желаю,
Врученные надзору твоему.

Как мы блуждали, я не излагаю;
Мне сила свыше помогла, и вот
Тебя я вижу и тебе внимаю.

Ты благосклонно встреть его приход:
Он восхотел свободы, столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.

Ты это знал, приняв, как дар блаженный,
Смерть в Утике, где ризу бытия
Совлек, чтоб в грозный день ей стать нетленной.

Запретов не ломал ни он, ни я:
Он — жив, меня Минос нигде не тронет,
И круг мой — тот, где Марция твоя

На дне очей мольбу к тебе хоронит,
О чистый дух, считать ее своей.
Пусть мысль о ней и к нам тебя преклонит!

Дай нам войти в твои семь царств, чтоб ей
Тебя я славил, ежели пристала,
Речь о тебе средь горестных теней».

«Мне Марция настолько взор пленяла,
Пока я был в том мире,— он сказал,—
Что для нее я делал все, бывало.

Теперь меж нас бежит зловещий вал;
Я, изведенный силою чудесной,
Блюдя устав, к ней безучастен стал.

Но если ты посол жены небесной,
Достаточно и слова твоего,
Без всякой льстивой речи, здесь невместной.

Ступай и тростьем опоясшь его
И сам ему омой лицо, стирая
Всю грязь, чтоб не осталось ничего.

Нельзя, глазами мглистыми взирая,
Идти навстречу первому из слуг,
Принадлежащих к светлым сонмам Рая.

Весь этот островок обвив вокруг,
Внизу, где море бьет в него волною,
Растет тростник вдоль илистых излук.

Растения, обильные листвою
Иль жесткие, не могут там расти,
Затем что неуступчивы прибою.

Вернитесь не по этому пути;
Восходит солнце и покажет ясно,
Как вам удобней на гору взойти».

Так он исчез; я встал с колен и, страстно
Прильнув к тому, кто был моим вождем,
Его глаза я вопрошал безгласно.

Он начал: «Сын, ступай за мной; идем
В ту сторону; мы здесь на косогоре
И по уклону книзу повернем».

Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.

Мы шли, куда нас вел безлюдный скат,
Как тот, кто вновь дорогу обретает
И, лишь по ней шагая, будет рад.

Дойдя дотуда, где роса вступает
В боренье с солнцем, потому что там,
На ветерке, нескоро исчезает,—

Раскрыв ладони, к влажным муравам
Нагнулся мой учитель знаменитый,
И я, поняв, к нему приблизил сам

Слезами орошенные ланиты;
И он вернул мне цвет,— уже навек,
Могло казаться, темным Адом скрытый.

Затем мы вышли на пустынный брег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.

Здесь пояс он мне свил, как тот назначил.
О, удивленье! Чуть он выбирал
Смиренный стебель, как уже маячил

Сейчас же новый там, где он сорвал.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Когда небес верховных семизвездье,
Чьей славе чужд закат или восход
И мгла иная, чем вины возмездье,

Всем указуя должных дел черед,
Как указует нижнее деснице
Того, кто судно к пристани ведет,

Остановилось,— шедший в веренице,
Перед Грифоном, праведный собор
С отрадой обратился к колеснице;

Один, подъемля вдохновенный взор,
Спел: «Veni, sponsa, de Libano, veni!» —
Воззвав трикраты, и за ним весь хор.

Как сонм блаженных из могильной сени,
Спеша, восстанет на призывный звук,
В земной плоти, воскресшей для хвалений,

Так над небесной колесницей вдруг
Возникло сто, ad vocem tanti senis,
Всевечной жизни вестников и слуг.

И каждый пел: «Benedictus qui venis!»
И, рассыпая вверх и вкруг цветы,
Звал: «Manibus o date lilia plenis!»

Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,

И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око,—

Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетевших и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,

В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

И дух мой,— хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,

А здесь неполным было созерцанье,—
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведал обаянье.

Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почуял острие,

Я глянул влево,— с той мольбой во взоре,
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе,—

46 Сказать Вергилию: «Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня былого узнаю!»

49 Но мой Вергилий в этот миг нежданный
Исчез, Вергилий, мой отец и вождь,
Вергилий, мне для избавленья данный.

52 Все чудеса запретных Еве рощ
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся как черный дождь.

55 «Дант, оттого что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили».

58 Как адмирал, чтобы людей увлечь
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,

61 Такой, над левым краем колесницы,
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,

64 Возникшая с завешенным челом
Средь ангельского празднества — стояла,
Ко мне чрез реку обратясь лицом.

67 Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвой,
Ее открыто видеть не давало,

70 Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:

73 «Взгляни смелей! Да, да, я — Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»

76 Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.

79 Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.

82 Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi»,
На «pedes meos» завершив псалом.

85 Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,

88 И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется — то воск огнем спален,—

91 Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековечных сеней;

94 Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!»

97 Лед, сердце мне сжимавший, как тисками,
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.

100 Она, все той же стороны держась
На колеснице, вняв моленья эти,
Так, речь начав, на них отозвалась:

103 «Вы бодрствуете в вековечном свете;
Ни ночь, ни сон не затмевают вам
Неутомимой поступи столетий;

106 И мой ответ скорей тому, кто там
Сейчас стоит и слезы льет безгласно,
И скорбь да соразмерится делам.

109 Не только силой горных кругов, властно
Велящих семени дать должный плод,
Чему расположенье звезд причастно,

Но милостью божественных щедрот,
Чья дождевая туча так подъята,
Что до нее наш взор не досягнет,

Он в новой жизни был таков когда-то,
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.

Но тем дичей земля и тем вредней,
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.

Была пора, он находил подмогу
В моем лице; я взором молодым
Вела его на верную дорогу.

Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела,—
Меня покинув, он ушел к другим.

Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.

Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья — лишь посул пустой.

Напрасно я во снах к нему взывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.

Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда.

И я ворота мертвых посетила,
Прося, в тоске, чтобы ему помог
Тот, чья рука его сюда взводила.

То было бы нарушить божий рок —
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снедь, не заплатив оброк

Раскаянья, обильного слезами».

РАЙ

Третья часть «Божественной комедии» — «Рай» — еще в большей степени, чем «Чистилище», пропитана аллегоризмом и религиозной, католической символикой и философией, схоластикой, теологией, сменившими мощный стихийный реализм «Ада». В этом наибольшее влияние на Данте оказал его старший современник реакционный христианский философ и богослов Фома Аквинский (1225—1274). Без подробного комментария средневековая мистика «Рая» и ее связь с современностью остаются непонятными.

В первой песне «Рая» поэт обращается к самому предводителю Муз Аполлону за вдохновением для рассказа об увиденном в небе. Очищенный от грехов Данте, теперь уже в сопровождении Беатриче, олицетворяющей высшее совершенство и блаженство, совершает полет в небеса. Чем ближе поэт воспаряет к созерцанию истины и божественной сути, тем прекраснее кажется ему Беатриче с ее проникновенным взором. Первые песни рисуют образ вселенной в согласии со схоластическими учениями средних веков, основанных на приспособленных к христианской религии теориях Аристотеля, неоплатоника Прокла (V в. н. э.) и Фомы Аквинского. Через девять небесных сфер Беатриче и Данте поднимаются в неподвижный Эмпирей, светоносное местопребывание бога, ангелов и блаженных душ. Миновав сферу огня, путешественники в «царство небесное» сначала погружаются в ближайшую к Земле планету — Луну. Здесь пребывали блаженные души, нарушившие земной обет. Дело в том, что блаженные души блаженны по-разному. Даже на небе нет полного равенства:

Тут я постиг, что всякая страна
На небе — Рай, хоть в разной мере, ибо
Неравно милостью орошена.

Затем Данте и Беатриче попадают на второе небо — Меркурий, где обитают сеятели добра, далее идет третье небо — Венера, где кружатся души любвеобильных. На четвертом небе находится сердце небес Солнце, чьи лучи проникают вселенную. Здесь ведут хороводы мудрецы, среди которых Дионисий Ареопагит, Боэций, Иоанн Златоуст, Франциск Ассизский, Фома Аквинский и другие почитаемые церковью философы и теологи. Пятое небо — Марс — обжили воители за христианскую веру, шестое (Юпитер) — справедливые, седьмое (Сатурн) — созерцатели. На восьмом, звездном, небе обитали души торжествующих праведников. В кристальном девятом небе находятся Перводвигатель и ангелы, направляющие ход небесных сфер. Все небесное строение венчает Эмпирей, сердцевина которого — райская роза, на раскрытых лепестках которой восседают души, достигшие полного райского блаженства — Мария, Рахиль, Петр, Иоанн Креститель, Адам и другие святые Ветхого и Нового заветов. В противоположность мрачному, черно-багровому Аду, Рай лучезарен и весь пронизан ослепительным светом, светом истины и любви. В песне тридцать третьей, завершающей «Божественную комедию», душа Данте, исполненная любви и вдохновения, переживает наивысший подъем и, в восторге созерцая бога, проникает в тайны веры. Все три части «Божественной комедии» заканчиваются одним и тем же словом «светила» (stelle). Это, конечно, не случайность, а завершение всей до деталей продуманной архитектоники поэмы, ибо звезды,

согласно христианской мифологии,— обитель божества, к которому должны стремиться человеческие души. «Божественную комедию» справедливо называют поэтической энциклопедией средневековья. Вчитываясь в ее страницы, мы не только переносимся в далекий и чуждый нам мир, но с волнением и уважением постигаем начало того процесса, который привел человечество к пониманию истинных ценностей и указал пути реального построения на Земле общества добра и справедливости. Конец «Божественной комедии» полон оптимизма, любви к человеку и веры в него.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Лучи того, кто движет мирозданье,
Всё проницают славой и струят
Где — большее, где — меньшее сиянье.

4 Я в тверди был, где свет их восприят
Всего полней; но вел бы речь напрасно
О виденном вернувшийся назад;

7 Затем что, близясь к чаемому страстно,
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна.

10 Однако то, что о святой стране
Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне.

13 О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

16 Мне из зубцов Парнаса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,
Раз я к концу ристанья приступил.

19 Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела.

22 О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить в мозгу я впечатленной мог,

25 Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный.

28 Ее настолько редко рвут, отец,
Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду и по вине людских сердец,

31 Что богу Дельф должно быть в радость это,
Когда к пенейским листьям взор воздет
И чье-то сердце жаждой их согрето.

34 За искрой пламя ширится вослед:
За мной, быть может, лучшими устами
Взнесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ.

37 Встает для смертных разными вратами
Лампада мира; но из тех, где слит
Бег четырех кругов с тремя крестами,

40 По лучшему пути она спешит
И с лучшею звездой, и чище сила
Мирскому воску оттиск свой дарит.

43 Почти из этих врат там утро всплыло,
Здесь вечер пал, и в полушарье том
Все стало белым, здесь все черным было,

46 Когда, налево обратясь лицом,
Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почиет орлий взгляд на нем.

49 Как луч выходит из луча, в котором
Берет начало, чтоб отпрянуть ввысь,—
Скиталец в думах о возврате скором,—

52 Так из ее движений родились,
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись.

55 Там можно многое, что не под силу
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу.

58 Я выдержал недолго, но и тут
Успел заметить, что оно искрилось,
Как взятый из огня железный прут.

61 И вдруг сиянье дня усугубилось,
Как если бы второе солнце нам
Велением Могущего явилось.

64 А Беатриче к вечным высотам
Стремила взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к ее глазам.

67 Я стал таким, в ее теряясь взоре,
Как Главк, когда вкушенная трава
Его к бессмертным приобщила в море.

70 Пречеловеченье вместить в слова
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт — милость божества.

73 Был ли я только тем, что в теле этом
Всего новей, Любовь, господь высот,
То знаешь ты, чьим я вознесся светом.

76 Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет,

79 Я видел — солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилал.

82 Звук был так нов, и свет был так широк,
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жег.

85 Та, что во мне, как я в себе, читала,—
Чтоб мне в моем смятении помочь,
Скорей, чем я спросил, уста разъяла

88 И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь.

91 Не на земле ты, как считал превратно,
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно».

94 Покров сомненья с дум моих слетел,
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел,

97 И я сказал: «Я вновь пришел к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь легкою средою».

Она, умея вздохом сострадать,
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду взирает мать,

И начала: «Все в мире неизменный
Связует строй; своим обличьем он
Подобье бога придает вселенной.

Для высших тварей в нем отображен
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон.

И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины.

Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.

Он пламя мчит к луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый.

Лук этот вечно мечет, вновь и вновь,
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум и любовь.

Свет устроительного провиденья
Покоит твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращенья.

Туда, в завещанную высоту,
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мету.

И все ж, как образ отвечает мало
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло,—

Так точно тварь от этого пути
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремленье отвести;

И как огонь, из тучи упадая,
Стремится вниз, так может первый взлет
Пригнуть обратно суета земная.

Дивись не больше,— это взяв в расчет,—
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течет.

То было б диво, если бы, свободный
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный».

И вновь лицо подъяла к небесам.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«О дева-мать, дочь своего же сына,
Смиренней и возвышенней всего,
Предызбранная промыслом вершина,

В тебе явилось наше естество
Столь благородным, что его творящий
Не пренебрег твореньем стать его.

Здесь ты для нас — любви полдневный миг;
А в дольном мире, смертных напояя,
Ты — упования живой родник.

Ты так властна, и мощь твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет —
Ждать милости, к тебе не прибегая.

Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.

Ты — состраданье, ты — благоволенье,
Ты — всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье!

Он, человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селенья духов обозрел сполна,

К тебе зовет о наделенье властью
Столь мощною очей его земных,
Чтоб их вознесть к Верховнейшему Счастью.

28 И я, который ради глаз моих
Так не молил о вспоможенье взгляду,
Взношу мольбы, моля услышать их:

31 Развей пред ним последнюю преграду
Телесной мглы своей мольбой о нем
И высшую раскрой ему Отраду.

34 Еще, царица, властная во всем,
Молю, чтоб он с пути благих исканий,
Узрев столь много, не сошел потом.

37 Смири в нем силу смертных порываний!
Взгляни: вслед Беатриче весь собор,
Со мной прося, сложил в молитве длани!»

40 Возлюбленный и чтимый богом взор
Нам показал, к молящему склоненный,
Что милостивым будет приговор;

43 Затем вознесся в Свет Неомраченный,
Куда нельзя и думать, чтоб летел
Вовеки взор чей-либо сотворенный.

46 И я, уже предчувствуя предел
Всех вожделений, поневоле, страстно
Предельным ожиданьем пламенел.

49 Бернард с улыбкой показал безгласно,
Что он меня взглянуть наверх зовет;
Но я уже так сделал самовластно.

52 Мои глаза, с которых спал налет,
Все глубже и все глубже уходили
В высокий свет, который правда льет.

55 И здесь мои прозренья упредили
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снесть таких обилий.

58 Как человек, который видит сон
И после сна хранит его волненье,
А остального самый след сметен,

61 Таков и я: во мне мое виденье
Чуть теплится, но нега все жива
И сердцу источает наслажденье;

64 Так топит снег лучами синева;
Так легкий ветер, листья взвив гурьбою,
Рассеивал Сибиллины слова.

67 О Вышний Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною

70 И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!

73 В моем уме ожив, как отсвет бледный,
И сколько-то в стихах моих звуча,
Понятней будет им твой блеск победный.

76 Свет был так резок, зренья не мрача,
Что, думаю, меня бы ослепило,
Когда я взор отвел бы от луча.

79 Меня, я помню, это окрылило,
И я глядел, доколе в вышине
Не вскрылась Нескончаемая Сила.

82 О щедрый дар, подавший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!

85 Я видел — в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной:

88 Суть и случайность, связь их и дела,
Все — слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя как сумерки тускла.

91 Я самое начало их слиянья,
Должно быть, видел, ибо вновь познал,
Так говоря, огромность ликованья.

94 Единый миг мне большей бездной стал,
Чем двадцать пять веков — затее смелой,
Когда Нептун тень Арго увидал.

97 Так разум мой взирал, оцепенелый,
Восхищен, пристален и недвижим
И созерцанием опламенелый.

В том Свете дух становится таким,
Что лишь к нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным;

Затем что все, что сердцу вожделенно,
Все благо — в нем, и вне его лучей
Порочно то, что в нем всесовершенно.

Отыне будет речь моя скудней,—
Хоть и немного помню я,— чем слово
Младенца, льнущего к сосцам грудей.

Не то, чтоб свыше одного простого
Обличия тот Свет живой вмещал:
Он все такой, как в каждый миг былого;

Но потому, что взор во мне крепчал,
Единый облик, так как я при этом
Менялся сам, себя во мне менял.

Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом.

Один другим, казалось, отражен,
Как бы Ирида от Ириды встала;
А третий — пламень, и от них рожден.

О, если б слово мысль мою вмещало,—
Хоть перед тем, что взор увидел мой,
Мысль такова, что мало молвить: «Мало!»

О Вечный Свет, который лишь собой
Излит и постижим и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ свой!

Круговорот, который, возникая,
В тебе сиял, как отраженный свет,—
Когда его я обозрел вдоль края,

Внутри, окрашенные в тот же цвет,
Явил мне как бы наши очертанья;
И взор мой жадно был к нему воздет.

Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомого не может основанья,

Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своем;

Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.

Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремила,
Как если колесу дан ровный ход,

Любовь, что движет солнце и светила.

Комментарии

Все произведения античной и средневековой литературы дошли до нашего времени только в рукописях. Книгопечатание в Европе появилось в сороковых годах XV века. В качестве писчего материала античность использовала сначала папирус, который изготавливался египтянами из стеблей одноименного растения, произрастающего в дельте Нила, затем, с начала II века до н. э., параллельно с папирусом, стали применять пергамен (свое название он получил по городу Пергаму в Малой Азии, где был изобретен), особым способом выделанную и отбеленную шкуру мелких животных. Главную роль в изготовлении рукописей пергамен стал играть с IV века н. э. и господствовал почти все средневековье до изобретения бумаги и книгопечатания.

Большинство произведений античной литературы дошло до нашего времени в списках византийского времени IX—XI веков. Таким образом, все тексты, представленные в предлагаемом томе, первоначально составляли наследие рукописное.

В современном виде текст гомеровских поэм был установлен главным образом александрийскими учеными-филологами III—II веков до н. э., они же разделили «Илиаду» и «Одиссею» на двадцать четыре песни. Из множества рукописей Гомера, самого читаемого автора античности, основной считается Венецианская рукопись X века. Впервые обе поэмы были изданы во Флоренции в 1488 году.

Влияние гомеровских поэм на последующее развитие античной литературы было огромным. Начиная с VI века до н. э. они изучаются повсеместно. Величайший ученый и философ древности Аристотель в своей «Поэтике» называл произведения Гомера образцовыми, Вергилий писал «Энеиду», ориентируясь на древнегреческого эпика.

Средневековая Европа знакомилась с Гомером по сокращенному латинскому переводу, по пересказам византийского писателя Иоанна Малалы. Великий поэт итальянского Возрождения Торквато Тассо, создавая «Освобожденный Иерусалим», испытывал влияние Гомера. Неизменное восхищение Гомер вызывал у великих немецких гуманистов и просветителей — Винкельмана, Лессинга, Гердера, Гете. По примеру Гомера Вольтер пишет «Генриаду», Херасков — «Россияду». Европейский классицизм полон подражаниями античным авторам.

В России Гомера начали переводить еще в конце XVIII века. Значительным явлением в истории русского художественного перевода был первый

перевод «Илиады» на русский язык размером подлинника — дактилическим гекзаметром,— созданный Н. И. Гнедичем в 1829 году, высоко оцененный А. С. Пушкиным и другими деятелями отечественной культуры. Пушкин отозвался на него:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

В наше время при чтении перевода Гнедича, обладающего высокими поэтическими достоинствами, возникают трудности из-за множества архаизмов и церковнославянизмов, сознательно вводившихся переводчиком для придания монументальности стилю и воссоздания «духа древности».

Двадцать лет спустя появился, также ставший классическим, перевод «Одиссеи» В. А. Жуковского. Н. В. Гоголь восторженно встретил этот перевод, считая, что в нем есть все нужные условия, «дабы сделать «Одиссею» чтением всеобщим и народным».

В 1896 году появился перевод «Илиады» Н. Минского. В советское время был предпринят новый перевод гомеровских поэм В. В. Вересаевым, который, сознательно используя достижения и находки своих предшественников, устранил архаизмы.

Несколько слов о предлагаемых ниже комментариях. Перед комментатором встают почти непреодолимые трудности: чтобы сделать понятными современному читателю шедевры мировой литературы, отдаленные от нас десятками столетий и написанные авторами, наделенными своеобычным видением мира, необходимо прибегнуть к толкованию почти каждой фразы и слова. Объяснение же незнакомых имен, событий, реалий, иноязычных цитат, терминов, архаизмов, скрытых намеков, ассоциаций, идейно-эстетических особенностей текста, полемики в научных комментариях приводит к тому, что их текст намного превосходит в объеме публикуемое произведение. В нашем издании пришлось ограничиться минимумом, без которого многое оказалось бы за границей понимания. Пусть читатель не сетует, если какое-нибудь слово осталось без разъяснений. В нашей стране существуют прекрасные энциклопедии, словари, мифологические справочники. К этому виду весьма полезной литературы в отдельных случаях мы и адресуем нашего любознательного читателя.

ИЛИАДА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стихи 1—7. Это вступление ко всей поэме, называющее тему («гнев» и его последствия) и включающее традиционное обращение к богине (Музе). Под именем героев подразумеваются не только выдающиеся предводители, но вообще все храбрые воины.

Стих 9. Сын Лето (Латоны) и *Зевса* — Аполлон, светоносный бог, предводитель Муз (Мусагет), искусный музыкант, пророк и целитель, защитник и мститель. Его эпитет «Сминфей» связан с мифом о том, что он спас однажды посевы от нашествия полевых мышей (по-гречески «сминфос» — мышь-полевка).

Стих 37. Хриса и Килла — города в Троаде; *Тенедос* — остров в Эгейском море.

Стих 65. Гекатомба — жертва в сто быков, вообще большое жертвоприношение.

Стихи 263—264. Пирифой, Дриант, Эскадий, Кеней, Полифем — порожденные мифологической фантазией представители воинственного племени лапифов, якобы живших в Фессалии. Они сражались с диким племенем кентавров, из-за того, что один из кентавров пытался похитить невесту Пирифоя. Уже после Гомера греки изображали кентавров в виде полулюдей-полуконей. *Тезей* — любимый аттический герой, сражавшийся против кентавров на стороне лапифов.

Стих 352. Мать моя! — дочь «морского старца» Нерея, морская богиня Фетида, мать Ахилла, оказавшая некогда услугу самому Зевсу.

Стихи 403—404. Бриарей (Эгеон) — сторукий гигант, сын Посейдона, обладавший огромной физической силой. Именно его призвала Фетида, чтобы спасти Зевса от заговора богов.

Стих 423. Зевс в сопровождении остальных олимпийских богов отправился на край земли, окруженной Океаном, где обитали любимцы богов «беспорочные эфиопы» («смуглолицые»).

Стих 470. Кратер — довольно объемистый сосуд с широким горлом, где смешивалось вино с водой. *Из кратера* виночерпии разливали вино по кубкам.

Стих 503. Обращение к Зевсу со словами «Зевс, наш отец!» говорит о патриархальном строе и родовых отношениях во времена возникновения олимпийской мифологии.

Стих 603. Форминга — древнегреческий четырехструнный музыкальный инструмент, вид лиры. В VII в. н. э. приобрела популярность кифара, уже с большим числом струн (до 12). Конец первой песни «Илиады», рисующий сцену пира богов и всеобщего веселья («гомерический смех»), рассказывает о блаженной жизни богов, как ее представлял себе древний эпический поэт.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Стихи 146—147. Евр, Нот, Зефир, Борей — название ветров юго-восточного, южного, западного, северного.

Стих 153. Чистили спешно канавы.— Речь идет о своеобразных рвах или желобах, по которым спускали в море и вытаскивали на сушу корабли.

Стих 212. Терсит — один из немногих отрицательных героев в гомеровских поэмах, у него «говорящее» имя (от греч. «тарсос» — дерзость, наглость), он безобразен и задирист. В образе рядового воина, которого Гомер изображает демагогом и критиканом, отразился протест низших слоев против произвола и своекорыстия знати.

Стихи 782—783. Тифей (Тифон) — дикое, стоглавое, со змеиным хвостом чудовище, извергающее пламень. Он сын бога подземного царства — Тартара и Геи — Земли. Зевс низверг его в Тартар, который содрогается, когда *Тифей* бунтует. Зевс усмиряет его «бичами» молний. *Тифей* символизирует вулканический огонь, враждебные человеку неконтролируемые силы земли. *Аримы* — местность в Киликии (Малая Азия).

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Стих 6. Пигмеи — легендарное карликовое племя, жившее на самом юге Земли на берегу Океана. Они вели войну с журавлями и даже нападали на самого Геракла.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Стих 8. Алалкоменида Афина.— Этот эпитет одной из самых почитаемых в греческой мифологии богинь указывает на ее функцию защитницы, помощницы людей. Старые ученые связывают это прозвище Афины с местечком Алалкомени в Беотии, где находился ее храм.

Стих 171. Аргос — область в Пелопоннесе, южной части материковой Греции.

Стих 219. Хирон — кентавр, полуконь, получеловек, сын Кроноса и океаниды Филиры, мудрый наставник многих знаменитых греческих героев — Тесея, Ясона, Кастора и Поллукса, Ахилла. Он обучал их искусству врачевания, музыке, прорицаниям, гимнастике.

Стих 515. Тритогенея — этот эпитет Афины, могущественной богини мудрости, справедливой войны, великих знаний и порядка, связан, вероятно, с ее рождением из головы Зевса у озера Тритон. Нахождение Тритона — в Ливии или Беотии (Тритогенея, или Тритонида,— «рожденная у Тритона»).

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Стихи 168—169. «Погибельные знаки» — единственное место в поэмах Гомера, свидетельствующее о существовании письменности (возможно, это было так называемое крито-микенское слоговое письмо). Дощечки были изнутри покрыты нацарапанными письменами, затем сложены и запечатаны. Благородный коринфский герой Беллерофонт, естественно, содержанием письма не поинтересовался. Сюжет о Беллерофонте содержит много чисто сказочных, фольклорных мотивов, известных у многих народов.

Стих 215. Дедовским гостем — указание на древний обычай гостеприимства (проксении), то есть взаимного покровительства и помощи чужеземцам вдали от родины кем-нибудь из граждан. Эти отношения взаимопомощи передавались из поколения в поколение.

Стихи 402—403. Гектор называл своего маленького сына Скамандрием — по имени реки, протекавшей в Троаде, другие — Астианактом, то есть «Владыкой города».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Стих 184. Эакид — в данном случае внук Эака Ахиллес, он же Пелид, то есть сын Пелея. Ахилл сопровождал свое пение игрой на форминге. Он пел поочередно с Патроклом, который подхватывал песнь после того, как Ахилл оканчивал свою часть.

Стих 552. Алкионой прозвали...— Алкиона — дочь бога ветров Эола, утонувшая в море и превратившаяся в зимородка. Зимородок — самка, по греческим поверьям, умирает с тоски, когда гибнет самец.

Стих 567. Во время Калидонской охоты Мелеагр уничтожил огромного вепря. После этого в войне за охотничий трофей он убил Плексиппа — брата своей матери Алфеи (Алтеи). За это она прокляла его. Впоследствии Мелеагр гибнет сам.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Стих 469. Кузнечные меха у Гефеста действуют автоматически, по его команде. Удивительные доспехи, изготовленные богом,— символ совершенного искусства и одухотворенного труда.

Стих 481. Пять на щите этом было слоев...— Речь идет о пяти рельефных фризах, расположенных на поверхности щита, в центре которого оставалось круглое поле — здесь Гефест изобразил Вселенную, Солнце, Луну, звезды, далее жизнь двух городов — мир и войну, на третьем поясе были представлены сельские труды, пасека, виноградники, на четвертом — пастбища, стада, пастухи, на пятом — отдых и развлечения, пляски и хороводы. На ободе Гефест изобразил Океан.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Стихи 85—123. После того как Ахиллес под влиянием гибели Патрокла отрекся от гнева, принесшего столько неисчислимых бедствий ахейцам, Агамемнон также признал свою неправоту, но при этом стремится уменьшить свою вину ссылкой на волю Зевса, Судьбу, Эриний. Даже сам Зевс под воздействием богини ослепления Аты впадал в заблуждение. В тот день, когда Алкмена, внучка Персея, должна была родить от Зевса Геракла, Зевс, желая сделать правителем Фив своего сына, объявил, что им будет тот, кто родится от него первым. По просьбе Геры Зевс даже дал в этом клятву. Тогда она задержала роды Алкмены и помогла первой родить Никиппе, жене Сфенела. Так появился на свет Еврисфей, у которого пришлось служить Гераклу и совершить по его приказу свои знаменитые двенадцать подвигов.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стих 29. «Пес Ориона» — звезда Сириус, самая яркая звезда на небе. *Орион* — мифический великан, ослепший и снова прозревший, прославился как великий охотник. После насильственной смерти превратился в созвездие.

Стих 126. Начинать от дуба иль камня — пословица, обозначающая разговор, начатый с первопричин, так как, по представлениям древних, люди родились от дуба или от разбросанных камней. Гектор считает, что не следует ему ворошить прошлое и выяснять с Ахиллесом те давние события, с которых началась Троянская война.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стих 135. Волосы тут же срезали себе... — В знак траура.

Стих 141. То же самое сделал и Ахиллес. Свои прекрасные русые кудри, которые в день совершеннолетия он должен был посвятить Сперхею — богу реки, протекавшей на родине героя в Фессалии, Ахиллес решил вложить в руку своему покойному любимому другу Патроклу. Это место «Илиады» свидетельствует о том, что Ахиллес покинул свой родной край еще совсем юным. Он был моложе Патрокла.

Стих 226. Зареносец — Венера, утренняя звезда.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Стих 29. Горько обидел богинь... — Речь идет о суде Париса, когда он в споре трех богинь отдал золотое яблоко («яблоко раздора»), признав ее самой красивой, богине любви и красоты Афродите, оскорбив этим двух других могущественных богинь — Геру и Афину.

Стих 109. Зоркого аргоубийцу... — прозвище Гермеса, который по приказу Зевса убил Аргоса, великана со множеством глаз, вечно бдительного стража, приставленного ревнивой супругой Зевса Герой неусыпно стеречь превращенную в корову Ио, возлюбленную Зевса. Множество глаз убитого Аргоса появилось затем на хвосте павлина.

Стих 360. Благодавец (Эриуний) — эпитет Гермеса как бога, дарующего людям всякого рода блага.

Стих 544. Лесбос вмещает, обитель Макара... — плодородный остров в Эгейском море, недалеко от малоазийского побережья. Здесь царствовал сын Эола Макар («Счастливый»).

Стих 753. ...Лемнос, окутанный паром... — вулканический остров, центр культа бога огня и кузнечного ремесла Гефеста. Он был низвергнут с Олимпа Зевсом и упал именно сюда.

Стих 765. Нынче двадцатый уж год...— Слова Елены указывают на длительность Троянской войны. Десять лет прошло с момента похищения жены спартанского царя Менелая Елены Парисом и десять лет продолжалась осада Трои.

ОДИССЕЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стих 8. Съевши быков Гелиоса...— *Гелиос* — бог Солнца, держал на острове Сицилия (Тринакрия) стада белоснежных быков. Несмотря на строгий запрет, спутники Одиссея, чтобы не умереть с голода, посягнули на них. Об их святотатстве узнал Зевс и поразил молнией корабль Одиссея. Все спутники погибли, уцелел лишь один Одиссей.

Стих 11. Все уж другие... были дома...— Речь идет об уцелевших в Троянской войне ахейцах, которые разными путями возвращались домой.

Стих 35. Так и Эгист...— Далее следует рассказ о злой участи сына Атрея (Атрида) Агамемнона, микенского царя, возглавлявшего греческое ополчение под Троей. После возвращения он был убит у себя во дворце женой Клитемнестрой и ее возлюбленным Эгистом. Эти события легли в основу сюжета прославленной трилогии древнегреческого трагического поэта V в. до н. э. Эсхила «Орестея».

Стих 237. Ныне же Гарпии взяли его...— *Гарпии* (похитительницы) — древнейшие мифологические чудовища, изображаемые в виде отвратительных полуженщин-полуптиц. Они молниеносно налетали на людей, похищали их души и тут же исчезали. Приведенные слова у Гомера — поговорка о пропавших без вести.

Стих 294. Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры. После восьмилетнего отсутствия он вместе с неразлучным другом Пиладом вернулся в отчий дом, встретился с сестрой Электрой. Мстя за смерть отца, он убивает мать и Эгиста.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Стих 50. ...достигнув Писрии...— Имеется в виду Пиерия у подножия Олимпа в Фессалии.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Стихи 207—208. ...к нам Зевес посылает нищих и странников...— Одна из функций верховного божества олимпийского пантеона Зевса — покровительство чужестранцам. Эта функция была даже закреплена в эпитете — Зевс Ксений (гостеприимец).

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Стих 20. ...несущий скудель...— *Скудель* — старое русское слово: глиняный сосуд, кувшин.

Стих 243. ...рожденных Древним Ураном богов... — Согласно мифу, *Уран* породил Кроноса, Афродиту. От Кроноса родился Зевс и другие потомки *Урана* (ураниды).

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Стих 80. В храме Пифийском оракул... — В центре материковой Греции находилось общегреческое святилище Аполлона Дельфийского. Здесь, при храме в Дельфах, жрица Аполлона Пифия давала прорицания — оракулы, получить которые жаждали и частные лица, и государства. Дельфийский храм Аполлона был одной из самых почитаемых святынь в Древней Греции.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Стих 1. Как и девятая, десятая песнь полна чисто фольклорных, сказочных мотивов: плавучий остров бога ветров Эола, пребывание на острове волшебницы Цирцеи (Кирки), творимые ею чудеса с помощью «волшебной палочки-жезла», волшебная трава, колдовство, фантастические превращения, темный дремучий лес и т. д.

Стихи 234—235. ...с прамнейским светлым вином... — красное вино из винограда, растущего на горе Прамне на острове Икария.

Стих 305. Моли (слово негреческого происхождения) — волшебное растение, полученное Одиссеем от Гермеса для защиты от чар Цирцеи.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Стихи 1—35. Эта песнь повествует о нисхождении Одиссея в Аид — царство мертвых, где вечная безотрадная ночь. Там, в месте, указанном Цирцеей, были совершены жертвоприношения. Путешествие в царство мертвых — испытание, которое нужно пройти, чтобы достичь желанной цели: Одиссею вернуться домой, Энею обрести новую родину, завоевать землю предков — Италию. Такое же путешествие совершает Данте в «Божественной комедии».

Стих 98. Тиресий — слепой фиванский прорицатель, претерпевший в своей жизни всякие превращения. Свой дар провидца он получил от Афины. Одиссей ждет от него предсказания своего будущего.

Стих 112—113. ...погибель всем вам: тебе, кораблю и сопутникам... — Перевод ошибочный. Тиресий предрекает лишь гибель корабля и товарищей Одиссея, ему же самому гибель не предсказывается.

Стих 180. Антиклея — мать Одиссея. Умерла до сватовства женихов к Пенелопе, которая ждала Одиссея в общей сложности двадцать лет.

Стихи 225—227. Здесь перечисляются жены и дочери прославленных супругов. Это своеобразный «Каталог героинь», прародительниц аристократических родов. Подобные каталоги находим в «Илиаде», у жившего в VII в. до н. э. поэта Гесиода.

Стих 471. ...внука Эакова... — Имеется в виду тень Ахиллеса.

Стих 523. ...в чрево коня... — Речь идет о знаменитом деревянном коне, изготовленном Эпеосом, благодаря которому была взята Троя. В его чрево спрятались вооруженные ахейцы, а троянцы, решив, что это священный дар, втащили его в стены города. Их предостерегал троянский жрец Лаокоон: «Бойтесь данайцев, даже дары приносящих».

Стих 539. Асфодилонский луг — звучит как название луга. Это ошибка в переводе. В оригинале — луг в Аиде, заросший полевыми цветами асфоделями, которыми украшали могилы.

Стихи 544—551. Имеется в виду спор Одиссея и Аякса из-за обладания доспехами погибшего Ахиллеса. Благодаря Афине их обладателем стал Одиссей, Аякс лишился рассудка и покончил с собой.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Стихи 374—375. ...Гиперионов светлый сын — бог Солнца Гелиос, отпрыск титана Гипериона.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Стихи 5—7. Арнеон, или *Ир*,— наглый, назойливый и трусливый нищий на посылках у женихов, один из немногих отрицательных персонажей у Гомера, подобный Терситу в «Илиаде». *Арнеон* — «стяжатель», «добытчик» — имя, данное ему при рождении. *Ир* — прозвище: «посыльный», «шустрый» (по звучанию оно напоминает имя вестницы богов Ириды).

Стих 329. Или в шинке...— Словом «шинок» В. А. Жуковский передает греческое слово «лесха» — нечто вроде общественного дома в древнегреческих городах, где люди собирались побеседовать, провести время и в случае нужды даже переночевать.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Стих 145. Жертвогадатель... — Леодей, следивший за правильностью жертвоприношений и возлияний. Кроме того, гадал по внутренностям животных, приносимых в жертву, и не должен был пропустить какого-нибудь дурного предзнаменования.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стих 122. Четверокожным щитом облачивши плеча... — Одиссей, чтобы защитить себя, воспользовался прочным щитом, изготовленным из четырех слоев толстой кожи.

Стих 335. Зевсов алтарь. — В центре греческого дома, обычно во дворе, окруженном рядом помещений, стоял алтарь Зевса, покровителя домашнего очага. Алтарь мог служить убежищем для любого человека, припавшего с мольбой к этому священному месту.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стих 155. Хитон — мужская рубаха, белая, без рукавов, несвободная, короткая, иногда достаточно длинная, иной раз ее подпоясывали, надевалась прямо на тело. Поверх хитона мужчины могли надевать хламиду из шерсти пурпурного цвета. Обычно накидывалась на плечи.

Стих 156. Дочь же великая Зевса... — Афина, превратившая Одиссея в молодого красавца.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Стихи 1—204. В этих стихах мы сталкиваемся с иными представлениями о загробном мире, чем в XI песне «Одиссеи». Души погибших провожает в Аид Гермес (Эрмий) еще до погребения. Они сохраняют сознание и память. Считают, что эти представления более позднего времени, чем в остальных частях поэмы. В загробном мире встречаются тени Ахиллеса и Агамемнона, противопоставляется вновь судьба двух героев: один погиб на поле боя, другой — от коварства жены. В сознании слушателя возникает еще одно противопоставление — возвращение Агамемнона, убитого женой Клитемнестрой, и Одиссея, которого ждали на родном острове верная жена и разумный сын.

Стих 12. Мимо ворот Гелиосовых...— Эти ворота, через которые заходит Солнце, по мифологическим представлениям, находятся на крайнем Западе. Здесь проходил путь мертвых душ, ведомых Гермесом.

Стих 197. ...и в песнях Камен сохранится...— *Камены* — добавление переводчика, ибо это не греческие, а римские богини, которых позднее отождествляли с греческими Музами. Они воспоют и передадут потомкам память о верной супруге Одиссея Пенелопе.

Стих 199. ...коварной Тиндаровой дочери...— Здесь разумеется не Елена, а ее сестра Клитемнестра, которая вместе с любовником Эгистом умертвила своего мужа Агамемнона.

Стих 413. Осса (греч.) — слух, молва.

Стих 472. ...Зевса Кронпона дочь...— Афина.

Стих 523. В медноланитный шелом...— шлем, у которого медные выступы прикрывали щеки.

ЭНЕИДА

Вергилий (70—19 гг. до н. э.) писал «Энеиду» почти двенадцать лет, до последних дней жизни, но все же не успел довести свой труд до желаемого совершенства. Отсюда некоторые противоречия, оборванные стихи, повторения. Несмотря на это, поэму называли «божественной», она почиталась как национальный эпос. Героический эпос Вергилия о странствиях троянца Энея стали широко изучать сразу же после публикации. Об огромном интересе к творчеству Вергилия свидетельствуют подробные античные комментарии к ней Сервия, Элия Доната, Проба (IV в. н. э.).

Первое печатное издание «Энеиды» опубликовано в Риме около 1469 г., и вскоре появились первые переводы на европейские языки: во Франции — 1483 г., в Англии — 1513 г., в Германии — 1515 г.

О популярности «Энеиды» в России свидетельствуют ее комические переделки: «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» Н. Осипова и А. Котельницкого (1791), «Энеида» И. П. Котляревского — «перелицованная» поэма Вергилия на украинском языке (1798).

Русские переводы «Энеиды»: Г. Шершеневич (1868), долгое время считавшийся лучшим, затем А. Фета (1888), Квашнина-Самарина (1893). В 1933 году был опубликован перевод В. Брюсова и С. Соловьева, носивший экспериментальный характер. Брюсов (он перевел первые семь песен) сохранил все собственные имена в латинской форме и с латинскими ударениями, поэтому они звучат для русского уха непривычно, как и иноязычный порядок слов в предложении. В данном издании публикуется перевод советского поэта-переводчика С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского.

Книга первая

Стихи 1—7. Подобно тому, как первые строчки «Илиады» и «Одиссеи» намечают содержание этих двух народных эпических поэм, так и в «Энеиде» Вергилий в первых семи стихах заявляет тему своего произведения. Далее поэт по традиции обращается за вдохновением к Музе.

Стих 2. Лавинийские берега — западный берег в центре Апеннинского полуострова назван по имени города, основанного в Лациуме Энеем и названного по имени его жены Лавинии, дочери местного царя Латина, который, по преданию, был сыном Одиссея и Цирцеи (Кирки). Так осуществлялась связь греческих и римских сказаний.

Стих 6. В Лаций богов перенес... — Имеется в виду, что бежавший из горящей Трои Эней сумел взять с собой отеческие пенаты, то есть деревянные изображения богов — покровителей города. Благодаря этому Троя обретала продолжение в будущем государстве в Италии, которое Энею, по воле рока, предстояло основать.

Стих 7. ...города Альбы отцы и стены высокого Рима... — Город Альба Лонга основал, согласно преданию, сын Энея Асканий-Юл. Основатель Рима Ромул — внук одного из царей Альбы Лонги.

Стих 9. Царица богов — супруга Юпитера Юнона, дочь Сатурна.

Стих 16. Самос — остров в Эгейском море, где, как рассказывает миф, Юнона вышла замуж за Юпитера. На Самосе находился древнейший храм этой богини.

Стихи 23—24. ...о битвах прежних... — В Троянской войне Юнона оказывала покровительство аргивянам (грекам), оскорбленная тем, что троянский царевич Парис в споре трех богинь о красоте отдал предпочтение Венере.

Стих 41. Всех за вину одного Оилеева сына Аякса?.. — Аякс, сын Оилея из Локр (его следует отличать от другого Аякса, сына Теламона, саламинского царя), оскорбил троянскую пророчицу Кассандру в храме Афины (Минервы). После взятия Трои греками Кассандру, дочь Приама и Гекубы, увез с собой на родину в качестве добычи предводитель греческого войска микенский царь Агамемнон.

Стих 100. Сарпедон — предводитель войска из расположенной на юго-западе Малой Азии Ликии, союзник троянцев.

Стих 157. Энеады — спутники Энея.

Стих 177. ...благой Цереры орудия... — принадлежности для приготовления пищи. *Церера* — богиня плодородия.

Стих 182. ...кораблей не видать ли фригийских... — то есть троянских, так как Фригия составляла часть Троады.

Стих 196. Тринакрия («Треугольник») — древнее название Сицилии, напоминающей своими очертаниями треугольник. Здесь обитали одноглазые великаны циклопы.

Стих 257. Киферея — Венера (Афродита), родившаяся из пены морской у острова Кифера, южнее Пелопоннеса.

Стих 266. Рутулы — воинственное италийское племя, с которым столкнулись Эней и его спутники. *Асканий* (Юл) — сын Энея и Креусы, положивший начало роду Юлиев, к которому принадлежали Юлий Цезарь и Октавиан Август.

Стихи 273—274. Илия (Рея Сильвия) — дочь царя Альбы Лонги Нумитора, родила от Марса Ромула и Рема.

Стихи 284—285. Род Ассарака — иначе говоря, род Энея, так как его отец Анхиз был внуком Ассарака, прародителя троянских царей, основатель Дардании. Потомки троянцев будут впоследствии править теми городами, откуда вышли ахейские герои — Ахилл (Фтия), Агамемнон (Микены), Диомед (Аргос) и другие.

Стих 293. ...войны проклятые двери... — Речь идет о храме Януса в Риме. Во время войны двери храма открывались, когда наступал мир, они закрывались. После победы при Акциуме в 30 г. до н. э., проложившей Августу дорогу к власти, он демонстративно запер двери храма двуликого Януса.

Стих 297. ...и с небес посылает рожденного Майей... — то есть вестника богов Меркурия.

Стих 367. Здесь купили клочок земли... — Карфаген основали финикийцы из Тира в 814 г. до н. э., приобретя, по преданию, столько земли, сколько можно покрыть шкурой быка; финикийцы перехитрили местных жителей, разрезав шкуру на тонкие ремни и покрыв таким образом большой участок земли.

Стих 394. ...Юпитера спутник крылатый... — орел. Это был древний тотемический знак, как у Минервы — сова, у Венеры — голубка.

Стих 466. Пергам — название городской крепости (акрополя) в Трое.

Стих 470. Рес — аркадский царь, союзник троянцев. Кони Реса могли спасти Трою, но греческие лазутчики Диомед и Одиссей увели из его лагеря коней и обрекли город на гибель.

Стих 491. Пентесилея — предводительница амазонок, дев-воительниц, выступавших на стороне троянцев, убита Ахиллом.

Стих 530. Гесперия — греческое, поэтически окрашенное название Италии.

Стих 661. ...двоедушье тирийцев двуличных... — жители Тира финикийцы славились в древности своим коварством, вероломством, лживостью и хитростью.

Стих 686. Лиэй («Освободитель») — прозвище Вакха (Бахуса), бога вина и веселья.

Стих 692. ...в идалийские рощи... — *Идалий* — город и гора на Кипре, где находился весьма почитаемый храм Венеры.

Книга вторая

Стих 83. Ложно в измене его обвинив... — *Паламед* — один из учеников кентавра Хирона, участвовал в мирном посольстве в Трою вместе с Улиссом и Менелаем, привозил туда письмо Елене от ее сестры Клитемнестры с просьбой вернуться к Менелаю. Паламед раскрыл одну из уловок Улисса и этим заслужил его неприязнь. Улисс отомстил Паламеду, представив ложные доказательства его мнимой измены. Агамемнон приказал схватить его, и греки насмерть забили камнями мнимого предателя.

Стих 100. Калхант (Калхас) — прорицатель в греческом войске во время Троянской войны. Свой дар предвидения он получил от самого Аполлона. Фраза в оригинале оборвана (риторическая фигура умолчания).

Стих 104. Атриды — сыновья Атрея Агамемнон и Менелай, предводители греков под Троей.

Стих 116. ...заклав невинную деву... — Собравшись в Авлиде (гавань в Беотии), чтобы плыть под Трою, греки не могли отчалить из-за неблагоприятных ветров, посланных Артемидой. Чтобы умилостивить богиню, Агамемнон принес ей в жертву свою дочь Ифигению.

Стихи 164—171. Сын Тидея (Диомед) и с ним Улисс похитили из храма Афины Паллады священную статую. Палладий — хранительницу Трои. Этот нечестивый поступок вызвал цепь деяний богини, враждебных грекам.

Стих 193. ...Пелоповы стены... — города Аргос и Микены, твердыни на Пелопоннесе. *Пелоп* — сын Тантала, был убит отцом, но воскрешен богами. Он стал владыкой всего Пелопоннеса, названного впоследствии островом Пелопа.

Стих 246. Кассандра — троянская пророчица, дочь Приама и Гекубы. Свой пророческий дар получила от Аполлона, но в наказание за отвергнутую ею любовь бога, ее прорицаниям никто не верил, хотя она предсказывала правду. После падения Трои Агамемнон как пленницу увез ее к себе на родину, где она была убита Клитемнестрой.

Стих 470. Пирр (Неоптолем) — сын Ахилла, которого Одиссей после смерти отца привез с острова Скироса для участия в Троянской войне, так как, согласно оракулу, иначе Троя не могла быть взята. Неоптолем убил царя Приама и принес в жертву его дочь Поликсену на могиле Ахилла. Он же взял в плен и сделал своей рабыней жену Гектора Андромаху.

Стих 562. Креуса — жена Энея, дочь Приама и Гекубы, сестры Кассандры.

Стих 612. ...ворота Скейские... — ворота Трои, обращенные на равнину между городом и греческим лагерем, где проходили сражения.

Стихи 692—693. ...гром внезапно раздался слева... — по римским поверьям, благоприятный знак. После него Эней, неся отца своего Анхиза на плечах, отправился в путь.

Стих 782. Тибр лидийский — река в Италии, на которой впоследствии был заложен город Рим. Лидийский потому, что этруски, в области которых река брала свое начало, считались выходцами из Лидии (Малая Азия).

Книга третья

Стих 19. ...я мать молил Дионею... — то есть Венеру, дочь Дионы, одну из жен Зевса.

Стих 63. ...воздвигаем жертвенник Манам... — Маны в римской религии и мифологии — души умерших, почитавшиеся наравне с богами, им воздвигали алтари.

Стих 73. Остров средь моря лежит... — Имеется в виду Делос, один из островов Кикладского архипелага, известный своим культом Аполлона и Дианы. Именно по имени этого острова Аполлона называют Делийским. Делос считался местом рождения Аполлона и Дианы (Артемиды).

Стихи 95—96. Дардан — сын Зевса и Электры, по римскому преданию, уроженец Этрурии в Италии, затем переселился в Троаду, где и основал город Дарданию. Прародитель троянцев, которые называются поэтому нередко дарданцами. Таким образом, прародина троянцев — Италия, а старик Анхиз, отец Энея, ошибочно считал, что древняя родина троянцев — Крит (см. стихи 104—105).

Стих 108. Славный предок наш Тевкр... — Древнейший царь Троады, прибывший в те края с Крита, отдал свою дочь в жены Дардану. По его имени троянцы назывались также тевкрами.

Стих 115. Кносское царство — древнейшее государство на Крите.

Стих 124. Ортигия — древнее название Делоса.

Стих 213. Финей — фракийский прорицатель. Крылатые чудища гарпии преследовали его за то, что он ослепил своих сыновей.

Стих 248. ...потомки Лаомедонта... — *Лаомедонт* — царь Трои, отец Приама. Аполлон и Посейдон построили вокруг Трои стены, но Лаомедонт не отдал за работу обещанных коней, и потому был наказан.

Стих 280. ...на Актийской земле... — На мысе Акциум находился храм Феба — Аполлона, где раз в три года устраивались спортивные игры в его честь. После долгого перерыва они были возобновлены Августом в ознаменование победы, одержанной в 31 г. до н. э. над Антонием в битве при Акциуме. На западном берегу Греции.

Стихи 295—296. ...Гелен Приамид... — троянский прорицатель, сын Приама. *Пирр* (Неоптолем) — сын Ахилла, потомок справедливого и благочестивого Эака, увез после гибели Гектора его жену Андромаху. Позднее Гелен женился на Андромахе.

Стих 321. Приамова дева... — Поликсена, которую принес Неоптолем в жертву на могиле Ахилла после падения Трои.

Стихи 400—401. ...овладел Саллентинской равниной ликтиец Идоменей... — *Идоменей* — царь Крита, выступал в Троянской войне на стороне греков. *Саллентийская равнина* — в Калабрии (Италии). *Филоктет* — один из полководцев в Троянской войне, замечательный стрелок из лука. *Мелибея* — городок на юге Италии.

Стихи 414—416. ...материк там обрушился... — По преданию, Сицилия отделилась от Апеннинского полуострова в результате землетрясения. Отделяющий Сицилию от Италии Мессинский пролив наиболее узок там, где на северо-востоке острова находится мыс Пелор.

Стих 429. Лучше Пахина тебе обогнуть тринакрийские меты... — Гелен советует Энею не плыть через Мессинский пролив, между Сциллой и Харибдой, а обогнуть Сицилию (Тринакрию) с юга и запада. *Меты* — столбы на ипподроме. *Пахин* — южная оконечность Сицилии.

Стих 441. Кумы — город в южной Италии, недалеко от Неаполя, основан выходцами из Халкиды на острове Эвбея. Там жила знаменитая пророчица Сивилла Куманская. Именно она спустилась вместе с Энеем в подземное царство.

Стихи 692—693. Там, где Племирия мыс Сиканийские волны разрезал... — *Племирий* — мыс в Сицилии, вблизи города Сиракузы, поблизости от которого находится источник Аретуза. *Сиканийские* — сицилийские, по имени племени сиканов, населявших Сицилию. *Ортигия* — небольшой остров в Сиракузском заливе.

Стихи 700—706. Камарина, Гела, Акрагант (Агригент), *Селинунт, Лилибей* — города в Сицилии.

Книга четвертая

Стих 1. Песнь посвящена любви к Энею карфагенской царицы Дидоны, которую ранил сын Венеры Купидон. Сюжет песни часто использовался в мировой классике — живописи (картины Мантенья, Рубенса), литературе (Шлегель), музыке (опера «Дидона и Эней» Перселла).

Стих 17. ...и факелы... — По римскому обычаю, невесту из родительского дома в дом будущего мужа провожали факельным шествием.

Стихи 40—41. ...города гетулийцев ...нумидийцев... — названия воинственных племен, населявших северную Африку. *...страшные Сирты* — заливы на северном побережье Африки, где свирепствовали разбойники и пираты.

Стихи 178—179. ...Кей и Энкелад — титаны, покушавшиеся на власть Юпитера и других олимпийцев, были сброшены богами в Тартар. Для Вергилия титаны и гиганты — одно и то же. На самом деле Кей — титан, Энкелад — гигант.

Стих 242. Меркурий (Психопомп) сопровождал души умерших в преисподнюю — Тартар и Орк (г р е ч. Аид или Гадес).

Стих 253. Бог Киллений — Меркурий, которого родила Майя на аркадской горе Киллене (Пелопоннес).

Стих 335. Элисса — второе имя Дидоны.

Стих 346. Ликийский оракул — в Ликии находился оракул Аполлона, соперничавший в славе с Дельфийским.

Стих 367. В чащах Гирканских... — *Гиркания* — область на побережье Каспийского моря, недалеко от Кавказа.

Стих 469. Так же видит Пенфей Эвменид... — Сравнение навеяно впечатлением от игры актеров, исполнявших роли в трагедиях на сюжеты греческих мифов (Эсхил, Еврипид и другие). — *Пенфей* — фиванский царь, противившийся введению культа Диониса (Вакха), за что был растерзан собственной матерью. *Сын Агамемнона* — Орест, убивший собственную мать, бежал, преследуемый Эринниями (Фуриями, Дирами).

Стих 484. Храм Гесперид... — дочерей титана Атланта, которые на дальнем западе, по ту сторону Океана, неусыпно охраняли вместе с драконом золотые яблоки, подаренные Геей Гере на ее свадьбе с Зевсом. Яблоки удалось унести из сада Гесперид лишь Гераклу (одиннадцатый подвиг).

Стих 612. Если должен проклятый... — Перед смертью, как верили в древности, человек обретает дар пророчества. Дидона предрекает Энею и его народу в будущем множество бед, в том числе вражду между Карфагеном и Римом (Пунические войны).

Стих 638. ...Стигийскому богу... — Царь подземного мира Плутон (Дит) назван так по имени адской реки Стикса.

Стих 2. И, наконец, близ Кум подошел к побережьям Эвбейским...— С этого места начинается нисхождение в Аид.

Стих 13. К роще Гекаты они...— *Геката* — трехликое божество, мрачная богиня подземного царства, призраков, колдовства. Она же — Луна (Феба) и Диана.

Стих 20. Андрогей — сын Миноса, убитый афинянами (они названы кекропидами по имени первого афинского царя Кекропса). За это афиняне ежегодно доставляли на Крит семь юношей и семь девушек на съедение чудовищу Минотавру. Освободил Афины от этой ужасной дани Тесей, убив чудовище с помощью дочери Миноса Ариадны, которая помогла герою выбраться из Лабиринта («нить Ариадны»). Весь этот сюжет был изображен на створках дверей храма Аполлона, построенного великим зодчим и умельцем Дедалом.

Стих 71. В царстве моем и тебя ожидает приют величавый... мужей посвященных...— Вергилий имеет в виду «Сивиллины книги», хранившиеся в храме Юпитера Капитолийского и предвещавшие судьбы Рима. По преданию, они были привезены Куманской Сивиллой в Рим и проданы царю Тарквинию Древнему. До нашего времени сохранились так называемые «Сивиллины оракулы» — памятник античной литературы, созданный в период со II в. до н. э. по III в. н. э.

Стих 107. Ахеронт и Флегетон, впадающий в Ахеронт — реки подземного мира.

Стих 121. Поллукс, избавив ценой половины бессмертья...— Судьбы братьев-близнецов Кастора и Поллукса (Полидевка), сыновей Зевса и Леды, были не одинаковы. Воспитанный Юпитером Поллукс считался бессмертным, Кастор был смертным. После смерти последнего Юпитер решил, чтобы «дети Юпитера» (Диоскуры) один день проводили на Олимпе, другой — в преисподней.

Стихи 137—142. Золотая ветвь — сорванная в заветной роще волшебная золотая ветвь давала возможность проникнуть в загробный мир. Это древнее верование связано со старинным культом деревьев. Золотая ветвь посвящена «дольней» (подземной) Юноне, то есть Прозерпине (Персефоне). Путь к золотой ветви указывали Энею голуби, птицы Венеры.

Стихи 285—287. Лернейский дракон — живущее в болоте чудовище, побежденное Геркулесом. *Химера* — чудовище с головами льва и козы, туловищем льва и хвостом в виде змеи — была убита Беллерофонтом. Трехтелый великан Герион имел шесть рук.

Стих 337. Палинур — кормчий Энея. Упал ночью с корабля и погиб, остался непогребенным. По верованиям древних, души непогребенных не могли пересечь подземную реку Стикс и попасть в царство Плутона. Его неприкаянную душу встретил Эней в Аиде.

Стих 398. Амфризийская вещая дева... — дева, прислуживавшая Аполлону, который однажды по воле Зевса в наказание за убийство киклопов пас стада у фессалийского царя Адмета у реки Амфриз.

Стихи 441—447. Поля скорби.— Здесь находили последнее прибежище несчастные влюбленные. *Прячет миртовый лес...*— *Мирт* — дерево, посвященное Венере. В этих местах Федра покончила с собой из-за неразделенной любви к пасынку Ипполиту; Прокрида пала жертвой своей ревности; Эрифила была убита сыном Алкмеоном за то, что открыла врагам убежище своего мужа Амфиарая; Эвадна, Лаодамия, Кеней — также жертвы любви.

Стихи 479—480. Тидей, Партенопей, Адраст, как и Амфиарай,— участники похода «семерых против Фив».

Стих 511. ...спартанки злодейством погублен...— После гибели Париса Елена стала женой сына Приама и Гекубы, Деифоба, погибшего от руки Менелая.

Стих 528. Эолид.— По одной из мифологических версий, Улисс (Одиссей) был сыном Сизифа, хитроумнейшего из людей, и таким образом внуком Эола, Эолидом, так как Сизиф — сын Эола.

Стих 555. Тизифона — одна из фурий, мрачных богинь мести.

Стих 596. Титий — гигант, сын Зевса, вышедший из недр земли. Был убит

за свои посягательства на Латону, мать Аполлона и Артемиды. В Аиде коршуны терзали его печень.

Стих 630. В путь поспешим: уж стены видны... — Дворец Плутона окружен стенами, выкованными в кузнице циклопов.

Стихи 635—636. ...Эней окропляет свежей водою тело... — Отправляясь в Элизий (Елисейские поля), Эней должен сначала очиститься при помощи чистой воды, как при входе в храм.

Стих 645. Фракийский пророк... — легендарный певец Орфей, сын Эагра и музы Каллиопы. Орфей играет на лире — под его музыку танцуют и поют. Он ввел в Греции культ Диониса, его мистерии и оргии.

Стих 650. Ил, Ассарак, Дардан — герои, родоначальники троянцев.

Стих 725. Титана светоч — Солнце. Солнце и Луна — дети титана Гипериона.

Стихи 637—753. Наказание в загробном мире служит очищению душ от земной скверны при помощи воздуха, воды или огня. Идею очищения Вергилий заимствовал у философов-стоиков. Учение об очищении и переселении душ излагает Анхиз в Элизии. Это учение получило распространение в поздней античности, а в 1439 г. было официально признано католической церковью. Души умерших тысячу лет пребывают в преисподней, затем пьют воду из реки забвенья Леты и возвращаются на землю в новом обличье. Перед возвращением все души попадают в Элизий. Эти древние представления оказали впоследствии влияние на различные идеалистические философские школы.

Стих 784. Берекинфская богиня. — Матерь богов Кибела (иначе — Рея) почиталась во Фригии, где находилась гора Берекинф.

Стих 789. Пророчества Анхиза касаются периода написания «Энеиды». Речь заходит о потомках Юла, сына Энея,— Юлии Цезаре, его приемном сыне Августе, который «век вернет золотой на Латинские пашни», безмерно расширит границы империи. Это место имеет важное значение для понимания идейного смысла поэмы. Вергилий излагает в высокохудожественной форме официальную версию о происхождении римлян и о прекрасном прошлом, когда италийцы, жившие на земле Сатурна и Латина, пользовались благами «золотого века», который должен возродить Октавиан Август. Римский народ как бы соединил в себе достоинства троянских пришельцев и добродетельных жителей Италии.

Стих 805. Либер — Вакх (Бахус), который воспитывался в Нисе (город и гора в Индии) и оттуда совершил свой победоносный путь по земле на колеснице, запряженной тиграми.

Стихи 810—817. Римлян царь... — Нума Помпилий, пришедший из сабинского городка Курии Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый — римские цари. Царский период истории Рима — VIII—VI вв. до н. э.

Стихи 818—831. Брут — первый консул 509 г. до н. э. Он изгнал последнего римского царя Тарквиния Гордого. Далее приводятся имена выдающихся римских общественных деятелей и полководцев. Происходит своеобразный смотр героев ранней римской истории. Предсказываются гражданские войны между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем, женатым на дочери своего врага, провозглашается необходимость мира.

Стих 861. ...юношу дивной красы... — подразумевается сын сестры Октавиана Августа Марк Клавдий Марцелл, одаренный и красивый юноша, на которого возлагались большие надежды. Август любил его и видел в нем своего наследника. Марцелл умер в неполных двадцать лет. Когда Вергилий читал это место «Энеиды» Августу, тот плакал. Тело Марцелла при большом стечении народа было сожжено на Марсовом поле в Риме.

Стих 874. Тиберин — бог реки Тибр, на которой стоит Рим. На берегу Тибра находился фамильный мавзолей Юлиев, там захоронили останки Марцелла.

Стихи 893—896. Двое ворот открыты для снов... — Представление о двух воротах, через которые приходят сны к людям, заимствовано у Гомера.

Стих 900. Кайетская гавань. — *Кайета* — город в Лации, с прекрасной гаванью. Город получил свое название по имени кормилицы Энея Кайеты.

Стих 12. Солнца могучего дочь...— волшебница Цирцея (Кирка), на остров которой попал Одиссей во время своих странствий и где его спутники по ее воле были обращены в свиней.

Стихи 37—45. Седьмая книга начинает вторую часть «Энеиды», посвященную войнам в Италии, поэтому Вергилий вновь обращается за вдохновением к Музе (Эрато).

Стих 47. Фавну его родила... — Отцом царя Латина, по римской версии, был Фавн — италийское сельское божество, покровитель плодородия, стад, пашни, полей (тождествен греческому Пану).

Стих 105. ...потомков Лаомедонта...— то есть троянцев. *Лаомедонт* — строитель Трои, отец Приама.

Стихи 138—139. Фригийская матерь — Кибела, земная матерь богов. *Бог идейский* — Юпитер Критский (Ида — гора на Крите).

Стих 174. Жезл и фасций (связка прутьев) — знаки высшей власти у римлян. *Курия* — место заседания Сената, совета старейшин.

Стих 180. Сатурн — древний италийский бог, отец Юпитера, покровитель земледелия, крестьянского труда, посевов и урожая (изображался с серпом), древнейший царь Лация, при котором был счастливый «золотой век», отождествлялся с греческим Кроном. Италию в поэзии нередко называли Сатурновой землей. *Янус двуликий* — древний италийский бог, олицетворение начала и конца, входа и выхода, бог дверей, изображался с двумя лицами, старым и молодым, обращенными в разные стороны. Холм в Риме, где возникло одно из древнейших поселений, называется Яникульским, по имени Януса.

Стих 233. ...край Авзонийский...— Древнее название Италии — Авзония, по имени племени авзонов, которое населяло ее в давние времена.

Стихи 304—305. ...Марсу силы достало...— Царь лапифов Пирифой пригласил на свою свадьбу всех богов, кроме Марса. Разгневанный бог возбудил войну между лапифами и кентаврами.

Стих 305. ...Диане разгневанной отдал...— Царь греческого города Калидона не принес Диане положенных жертвоприношений. В отместку богиня наслала на город страшного вепря. Герои организовали на него охоту (Калидонская охота).

Стихи 319—320. Беллона — богиня войны; *дочь Киссея* — Гекуба, жена Приама, мать Гектора и Париса.

Стих 363. ...пастух фригийский — Парис. *Спартанец* — Менелай.

Стих 405. Аллекто — одна из фурий, богинь мести.

Стихи 516—518. ...Тривии озеро... Нар... Велина исток...— озера и реки Лация.

Стих 565. Ампсанктские долины... — область, прилегающая к озеру Ампсанкта в стране гирпинов в Италии. Это место было известно своими удушливыми испарениями, как и Авернское озеро в Кампании, поэтому обе местности считались входами в преисподнюю.

Стихи 629—631. Звон наковален стоит в пяти городах...— далее перечисляются города Лация.

Стихи 641—646. Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона...— Снова обращение к Музам, обитательницам горы Геликон в Беотии (Средняя Греция). Затем начинается «Каталог» италийских войск, сопротивлявшихся пришельцу Энею. Это перечисление подобно «Каталогу кораблей» в «Илиаде».

Стих 659. ...на холме Авентинском...— один из семи холмов, на которых возник Рим.

Стих 662. ...тиринфский герой...— Геркулес. *Тиринф* — город в Арголиде на Пелопоннесе.

Стих 709. ...когда уделял место в Риме сабинянам Ромул...— Ромул стал первым царем Рима, получившим свое название по его имени. Население Рима состояло тогда из немногих молодых мужчин. Ромула беспокоила малонаселенность нового поселения, и он решил пойти на хитрость, позвав на праздник сабинян, соседнее племя. Римские юноши воспользовались этим и похитили сабинянок. Началась

война, но римляне и сабиняне все же примирились и объединились в одну общину.

Стих 729. Оски — индоевропейское племя в древней Италии, завоеванное сначала этрусками, а потом римлянами.

Стихи 761—769. Ипполита отпрыск прекрасный...— Ипполит — сын греческого героя Тесея. Отец проклял его по навету мачехи Федры. Проклятый отцом, Ипполит погиб, когда Посейдон наслал на него морское чудовище, испугавшее коней, мчавших колесницу юноши. Богиня Диана, покровительница невинного Ипполита, воскресила его под именем Вирбия и поместила в рощу, близ города Аризия в Лации, под защиту нимфы Эгерни. *...воскрешен Пеана травой...*— По просьбе Дианы Ипполита воскресил бог врачевания Эскулап (Пеан), сын Феба-Аполлона.

Стихи 789—796. На щите Турна, предводителя враждебного Энею племени рутулов, изображена Ио, дочь Инаха, строителя Аргоса и речного бога. Предки Турна происходили из Аргоса. Аргивяне основали город Ардею, столицу рутулов. Об этом и должно было напомнить изображение на щите.

Стих 803. Камилла — амазонка, дева-воительница, жрица Дианы, предводительница племени вольсков.

Книга девятая

Стих 1. ...вдалеке от Лаврента вершатся...— Когда Эней находился далеко от столицы латинян *Лаврента* у своего союзника аркадского царя Эвандра, Турн напал на лагерь троянцев, во главе которого стоял сын Энея Асканий.

Стих 2. Дочь Сатурна — Юнона.

Стих 5. Дочь Тавманта...— посланница богов Ирида. *Тавмант* — сын Оксана и Земли.

Стих 20. ...небесная твердь распахнулась...— Небо уподобляется здесь занавесу, днем скрывающему звезды. Ирида на мгновение распахивает его.

Стих 65. ...огнем загорается рутул...— напавший на троянцев Турн.

Стих 138. За похищение жены...— Похищение Лавинии, которая была невестой Турна.

Стихи 150—151. Палладий — пенаты, священные реликвии Трои. *...во чреве коня...*— Намек на хитрость греков при взятии Трои.

Стихи 176—179. Эпизод о геройских делах юных друзей Ниса и Эвриала, сподвижников Энея, погибших славной смертью. Поэт предрекает им вечную славу.

Стих 359. Эвриал надевает на себя доспехи рутулов, чтобы ввести их в заблуждение.

Стих 505. ...черепахой построившись...— способ построения, при котором воины поднимают над головами сомкнутые щиты, чтобы защитить себя от метательного оружия.

Стих 525. О Каллиопа...— Поэт вновь обращается к Музам (*Каллиопа* — покровительница эпической поэзии), чтобы они вдохновили его на песнь о подвигах вождя рутулов Турна.

Стих 566. Марсов... волк...— *Волки* — священные животные бога Марса, отца Ромула, основателя и первого царя Рима, которого вместе с его братом Ремом вскормила волчица. На Капитолийском холме в Риме и сейчас содержится волчица в память о древнем предании.

Стих 582. Плащ его алый горел, иберийским окрашенный соком...— то есть пурпуром, изготовленным в Иберии (древнее название Испании).

Стихи 584—585. ...Паликов алтарь... примиренный...— В Сицилии в Палике стоял алтарь близнецов Паликов, сыновей Зевса (у Вергилия упоминается один *Палик* — в соответствии с прежним вариантом мифа). *Примиренный* алтарь — это значит, что боги удовлетворились принесенными жертвами вместо прежних, человеческих жертвоприношений. *Симет* — река в Сицилии.

Стих 598. ...завоеванным дважды...— В первый раз Троя была завоевана

Геркулесом во времена отца Приама Лаомедонта за то, что Лаомедонт не дал ему обещанных коней. Троя была взята небольшим числом воинов во главе с Геркулесом («Илиада», песнь V), во второй раз — аргивянами в Троянскую войну.

Стихи 603—608. Крепкий от корня народ...— Вергилий придерживался идеализированных хрестоматийных представлений о прошлом италийцев, которых изображали воинственными и отважными, трудолюбивыми и скромными. Италийцы, латиняне, объединившись с троянцами, образовали римский народ, которому было суждено править миром.

Стих 618. Вас на высокий Диндим созывает Идейская Матерь...— Кибела созывает своих почитателей на священную гору Диндим во Фригии, где устраивались шумные празднества в ее честь.

Стих 642. ...потомок богов и предок...— Аполлон прославляет победителя Аскания-Юла, который как сын Энея был внуком Венеры и прародителем обожествленных Юлия Цезаря и Августа. Предрекается также конец гражданским войнам при Августе. *Ассрак* — прадед Энея.

Книга одиннадцатая

Стих 1. Встала Аврора меж тем...— Здесь намечены временные отношения: события первого дня описаны в IX книге, в X книге — сражения второго дня, в книге XI — третьего. С рассветом Эней воздвигает победный трофей (столб с навешенными на него доспехами, снятыми с побежденных) в знак победы над Мезенцием, жестоким этрусским тираном. Тело убитого героя Палланта он отправляет к его отцу Эвандру.

Стихи 100—101. Ждали Энея меж тем послы...— Они держали в руках перевитые шерстью ветви оливы — обычный символ мира во время посольств.

Стихи 246—247. Город Аргирипа (Арпы) возведен на япигской земле, иначе говоря, в Италии, в Апулии, где находился Япигский хребет и гора Гарган. *Аргос* (Гипион) — город предков Диомеда в Пелопоннесе, одного из главных греческих героев, одержавших победу над троянцами. В его честь был назван новый город Аргирипой.

Стихи 261—267. Диомед говорит о возвращении на родину уцелевших в Троянской войне героев: Менелай отправился за своей женой Еленой в Египет (Столбы Протея — остров Фарос у египетских берегов, где Протей дал прорицание Менелаю); Одиссей (Улисс) немало настрадался от всякого рода чудовищ (в том числе и циклопов), пока вернулся на Итаку; властитель Микен Агамемнон, вернувшись домой, был убит женой.

Стих 269. «Не дали боги и мне в Калидон возвратиться прекрасный...» — Диомед оказался в Италии, а не на родине — этолийском городе Калидоне.

Стихи 285—286. ...по соседству с Троей; ...к стенам инахийским — в Аргос, *Инах* — строитель и царь Аргоса.

Стих 316. ...близ Этрусской реки — Тибра.

Стих 394. ...Эвандра дом погубил я...— Со смертью Палланта, убитого Турном, союзник Энея аркадский царь Эвандр, переселившийся в Италию, потерял надежду на продолжение рода.

Стих 405. Авфид — река в Апулии, впадает в Адриатическое море.

Стих 463. Манипула — войсковое подразделение римлян, тридцатая часть легиона.

Стих 662. Амазонка Пентесилея — убитая Ахиллом союзница Приама.

Стих 773. ...гортинские стрелы...— сделанные в Гортине, городе на Крите, славившемся своими лучниками.

Стихи 785—788. На горе Соракте в Этрурии почитался древний местный бог Вейовис, отождествленный позже с Аполлоном, жрецы которого гирпы с жертвоприношениями в руках шагали по раскаленным древесным углям.

Стих 836. Тривией посланный страж... Опис...—Диана (Тривия) послала фракийскую нимфу Опис отомстить за смерть амазонки Камиллы.

Стихи 2—3. ...он обещанье выполнит... — Турн поклялся убить Энея.

Стих 30. Помня о нашем родстве...— Турн — племянник Аматы, жены Латина.

Стих 52. Будет богиня-мать далеко от сына...— Турн имеет в виду мать Энея Венеру, которая всегда помогала сыну. Он намекает также на ее божественную помощь, когда, желая спасти Турна, Юнона, а не Венера, превратила Энея, за которым гнался вождь рутулов, в призрак, и благодаря чему Турну удалось выйти невредимым из боя (ему, конечно, были неведомы замыслы богов). («Энеида», песнь X.)

Стих 91. В волны Стикса клинок погрузив...— Так бог огня и кузнечного дела Вулкан закалял меч для Давна, отца Турна, после чего оружие становилось неуязвимым.

Стих 116. ...у стен великого града...— Это Лаврент, столица латинян.

Стих 119. А другие огонь и воду приносят...— Огонь и вода из источника были необходимы для ритуала заключения любого договора.

Стих 168. Здесь Вергилий прославляет сына Энея Аскания-Юла, родоначальника рода Юлиев, «второй залог величия Рима».

Стих 192. Я лишь богов и святыни вам дам...— В древние времена цари совмещали три главные функции — религиозную, военную и судейскую. Эней из этих трех видов власти оставляет за собой только первую. Под богами и святынями он подразумевает спасенные им троянские пенаты.

Стих 198. ...чад Латоны четою...— Аполлон и Диана.

Стих 347. ...Долона древнего отпрыск...— *Долон* — троянский лазутчик, убитый Диомедом (см.: «Илиада», песнь X.)

Стих 401. ...по обычаю всех пеанидов...— то есть последователей божественного врачевателя Пеана.

Стих 474. В атрий высокий...— *Атрий* — главное помещение римского дома, представлял собой зал с открытым световым колодцем (отверстие на потолке) и бассейном посредине.

Стих 750. ...обложен кольцом пугающих перьев...— Во время охоты на оленя устраивали загон, огороженный красными перьями, как в наше время при охоте на волков красными флажками.

Стихи 753—754. ...умбрийский гонится пес...— *Умбрийские* (из Италии) и лаконские (из Греции) собаки славились в древности своими охотничьими качествами.

Стих 845. Диры — божества мести (они же фурии, эринии) — Алекто, Тизифона и Мегера.

Стихи 857—858. Парфяне и критяне кидонянс (по названию города Кидония на Крите) славились своим искусством стрельбы из лука.

Стих 943. ...Палланта юного...— Эней узнал на Турне перевязь своего друга *Палланта*, сына аркадского царя Эвандра, убитого вождем рутулов, и не простил ему. По имени *Палланта* назван Палатинский холм в Риме.

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

«Песнь о Роланде» — наиболее известный и высокохудожественный памятник эпохи феодализма во Франции, складывавшийся на протяжении IX — XII веков, относится к эпическому циклу о короле франков Карле Великом (768—814). Такого рода поэмы назывались «жестами», «песнями о героических подвигах». «Песнь о Роланде» состоит из 290 тирад или лесс — строф неравного объема (до 40 стихов), строфика и метрика «Песни» достаточно архаичны. Наиболее древняя

Оксфордская рукопись, донесшая до нашего времени текст «Песни о Роланде», относится к середине XII века. Впервые она была издана в 1837 году. С того времени поэма издавалась и переводилась на европейские языки много раз. Написанная на старофранцузском языке, она переводилась на русский также неоднократно: Б. Алмазовым (1868), Ф. де ла Бартом (1897), А. Чудиновым (1917), Б. Ярхо (1934), Ю. Корнеевым (1964).

Стих 1. Карл — король франков Карл Великий, в 800 году стал римским императором. Поход в Испанию был предпринят в 778 г., еще до коронования Карла в Риме.

Стихи 2—3. Семь лет — тенденциозно-эпическое преувеличение; поход Карла в Испанию длился меньше года. До Средиземного моря он так и не дошел.

Стих 6. Сарагоса — город на северо-востоке Испании; основан в 27 г. до н. э. римлянами, с 712 по 1118 г. находился в руках арабов. В настоящее время центр Арагонской провинции. *Марсилий* — по-видимому, вымышленное имя арабского правителя Сарагосы.

Стих 8. Магомет (Мухаммед) — основатель Ислама (VI—VII вв.), одной из главных мировых религий, ее последователи — магометане, мусульмане. Для средневековых христиан *Магомет* и древнегреческий бог Аполлон — одинаково неприемлемы; а поклоняющиеся им — язычники, неверные, нехристи, безбожники.

Стих 17. Милая Франция...— так она называется в эпосе, это ее устойчивый эпитет, который могут употреблять даже враги. В широком смысле слова — вся Западная Римская империя, в узком — Парижская область (Иль-де-Франс). Французами могли называться все подданные Карла.

Стих 23. Бланкандрен Вальфондский...— то есть из города Вальфонда в Северной Испании.

Стих 52. Ахен — столица империи Карла Великого (с конца VIII до начала IX вв.). Сейчас на территории ФРГ.

Стихи 63—68. Имена всех представителей мусульманской знати здесь и далее вымышлены.

Стих 90. Король Сватильский...— *Сватилия* — вероятно, искаженное наименование Сицилии, которая с 827 по 1061 г. находилась под властью арабов, а затем — норманнов.

Стих 104. Роланд — один из пэров Франции, племянник Карла, сын его сестры Берты, лицо историческое, герой многих французских и итальянских поэм и песен. *Барон* — не дворянский титул, а обозначение рыцарей, сподвижников Карла. *Оливье* — имя, исторически не засвидетельствованное.

Стихи 105—107. Ансеис и дук (герцог) *Самсон...*— пэры Франции, высокопоставленные рыцари, равные сеньору. *Жоффруа* — королевский знаменосец, для певца нашей «жесты» его прототипом, вероятно, послужил герцог Анжуйский, который не мог непосредственно участвовать в испанском походе, так как умер в 987 г. Остальные имена вымышленные.

Стих 117. Седоволос он и седобород...— Карлу во время похода в Испанию было всего тридцать шесть лет, но поэт придал ему вид старца, такой прием в эпосе подчеркивает авторитет, опытность, мудрость героя.

Стих 170. Турпен — архиепископ Рейнский (753—794), лицо историческое, имя его встречается и в других эпических сказаниях.

Стихи 171—174. Анри, Асселен, Тибо, Милон — имена лиц, исторически не засвидетельствованных. Такими вымышленными именами пестрит вся «Песнь о Роланде». Иногда они группируются парами по фонетическому созвучию: Жерен — Жерье, Марбриза — Марброза, Кларифан — Кларьен.

Стих 178. Ганелон — имя, нередко встречающееся в средневековом эпосе, но его историческая достоверность сомнительна.

Стих 223. Вам руки в руки...— Церемония принятия вассала сеньором под свое покровительство включала рукопожатие, причем вассал стоял на коленях.

Стих 262. У Карла было двенадцать пэров, его ближайших соратников (число двенадцать, вероятно, имело символический смысл, как и в поэме Блока).

Стих 346. ...Меч Морглес...— У знатных средневековых рыцарей был обычай давать прозвища своим мечам, боевым коням, воинским трубам. Обычно эти названия имели значение. Меч Ганелона — Морглес (смысл неясен), меч Карла Великого — Жуайёз (Радостный), меч Роланда — Дюрандаль (Неуязвимый), его рог — Олифан (Слоновая кость), кличка коня Ганелона Ташбрюн (Пегий). Такое «очеловечивание» предметов и животных устанавливало между ними и героями как бы личные связи, делало их ближе. Это черта средневекового мышления.

Стих 371. Поэтическое преувеличение — Карл Великий не завоевал ни Апулии, ни Калабрии, ни Англии.

Стих 373. Петру святому дань...— Речь идет о налоге в пользу пап, которые считались наместниками апостола Петра на Земле. Этот налог был введен и в Англии, но не Карлом.

Стих 385. Каркасона — город на юге Франции. Яблоко красного цвета — символ королевской власти, «держава».

Стих 408. Парчой александрийской...— Александрия египетская славилась своими роскошными тканями, которые вывозились в другие страны.

Стих 453. Альгалиф (халиф) — наместник пророка, высший титул у мусульман. Здесь: один из арабских князей.

Стих 524. Ему... за двести лет.—Марсилий приписывает Карлу баснословно старческий возраст. Этой гиперболой он хочет польстить послу франков.

Стих 583. Ущелье Сизы («Цезаревы ворота») — долина в Северных Пиренеях.

Стихи 607—608. Ганелон клянется на рукоятке своего меча, похожей на крест. Кроме того, в нее были вделаны мощи какого-то христианского святого. Как верили в те времена, они должны были защитить их владельца от всяких несчастий. Меч Роланда Дюрандаль также содержал святые реликвии.

Стих 610. ...Тервагана в ней закон.— *Тервага*н, наряду с Магометом и Аполлеоном (Аполлон), какое-то страшное языческое божество, которому, как полагал поэт поклонялись мусульмане.

Стихи 718—735. Вещий сон — популярный мотив, часто используемый в эпических народных произведениях. Возможное значение сна Карла, предлагаемое издавна комментаторами: обломки древка — души убитых франков, медведь — царь Марсилий, леопард — альгалиф, пес — Роланд, ухо медведя — рука Марсилия, которую он потеряет в бою.

Стихи 792—801. Перечень пэров (кроме архиепископа Турпена). Перечень героев — обычный прием эпических поэм, который должен придать достоверность повествованию.

Стихи 849—850. Автор (или авторы) «Песни о Роланде» легко обращается с историческими фактами и реалиями. В стране Марсилия восточные (мусульманские) и европейские (христианские) титулы знати прихотливо перемешаны.

Стих 870. От Дюрестана до Асприйских гор...— *Дюрестан* — неизвестный географический пункт. *Асприйские горы* — проход в Пиренеях.

Стих 886. Берберы — племена в Северной Африке, мусульмане. Христиане впервые столкнулись с ними в Испании уже в XIII в.

Стих 892. Ронсеваль — городок в Наварре (Испания), расположен в долине, соединяющей Испанию и Францию (так называемые Роландовы ворота). Именно здесь происходила Ронсевальская битва в 778 г.

Стих 894. Амирафль — почетный титул у арабов, возможное значение слова «победитель».

Стих 973. Свои палатки в Сен-Дени поставим...— Похвальба мавританского воина с целью унизить и оскорбить противника. *Сен-Дени* — монастырь св. Дениса, покровителя Франции, близ Парижа, где находилась древняя усыпальница французских королей.

Стих 1138. Эпитимья — христианское церковное наказание за прегрешения, накладываемое священником.

Стих 1153. Вельентиф — кличка коня Роланда. Возможное значение — Бдительный, Зоркий.

Стих 1180. Боевой клич французов «Монжуа!», известный с XII в. по своему значению не очень ясен, этимология слова спорна.

Стих 1215. ...Авирон с Дафаном...— имена библейских мятежников, которых, как гласит предание, за неповиновение Моисею поглотила земля.

Стих 1380. ...горячий Пассесерф — кличка коня Жерье («Обгоняющий оленя»).

Стихи 1423—1435. Перед наступлением 1000 года в Европе ждали «конца света», день Страшного суда. Картина, нарисованная здесь поэтом, напоминает эти апокалиптические представления.

Стих 1443. В «Деяньях франков» писано о том...— Сказитель упоминает здесь и в других местах «Песни» летопись или хронику, чтобы придать повествованию видимость достоверности и учености.

Стихи 1475—1476. ...всех кладов и сокровищ галисийских...— Возможно, речь идет о сокровищах, хранящихся в кладовых монастыря св. Якова в Галисии.

Стих 1614. Каппадокийца отпрыск...— то есть из Каппадокии в Малой Азии. Эта область приобрела известность среди европейцев благодаря популярнейшему христианскому святому и «великомученику» Георгию Каппадокийскому, прозванному Победоносцем. Георгий в христианских легендах изображается мучеником языческих царей, его культ стал распространяться с IV в. н. э.

Стих 1720. ...с сестрицей Альдой...— В этом месте впервые упоминается имя подруги Роланда красавицы Альды, но эта лирическая линия не получает дальнейшего развития.

Стих 1843. Поверх кольчуги — борода седая...— Это был знак вызова врагам и символ отваги.

Стихи 1914—1915. Перечисляются владения альгалифа, деда Марсилия, в Африке.

Стих 2096. Барон Эгидий, зревший этот бой...— Святой Эгидий вряд ли мог быть свидетелем этой битвы. Жил он в VIII в. н. э. в Аквитании (историческая область Франции).

Стих 2230. Арпан — старофранцузская мера земли, ее величина неопределенна, но довольно значительна.

Стихи 2322—2332. В перечислении завоевательных походов франков под предводительством Карла Великого много фантастических преувеличений и сдвигов во времени (анахронизмов). Англия, Шотландия, Ирландия, Уэльс, Польша, Византия (Константинополь) никогда не были завоеваны Карлом.

Стих 2373. Граф правую перчатку ввысь вознес...— Умирая, Роланд поднимает руку с перчаткой к небу, к богу, как вассал, отдавая себя во власть сеньору.

Стихи 2402—2409. Где ты?..— Следует перечисление Карлом его верных соратников, пэров Франции.

Стихи 2503—2504. Кто не слыхал про острие копья, пронзившее распятого Христа? — Когда Христос, как гласит евангельская легенда, был распят и висел мертвым на кресте, один из римских воинов пронзил для верности его грудь копьем. Это копье якобы добыли участники первого крестового похода, и острие его оказалось у императора Карла. Его он и вделал в рукоять своего меча.

Стихи 2529—2569. Император видел два вещих сна. Смысл первого ясен без объяснений, второй требует некоторых комментариев: посаженный на цепь медведь — Ганелон; тридцать медведей, защищающих его,— это его сородичи; проворный пес из дворца — Тьерри, который бьется с самым сильным воином из тридцати родственников Ганелона Пинабелем.

Стих 2602. Эмир Балиган — могущественный владыка мусульман, живущий в Вавилоне (имеется в виду Новый Вавилон — то есть современный Каир в Египте). Под властью *Балигана* сорок стран, у него в подчинении и Марсилий. Его удивительная старость («Вергилия с Гомером старше он») — не просто гипербола, а свидетельство уважения и авторитета. В образах *Балигана* и Карла можно усмотреть характерный для эпоса параллелизм, симметрию.

Стих 2710. Дурной привет...— С точки зрения правоверного христианина, каким был сказитель, слова привета, где упомянуты имена мусульманских богов Магомета, Тервагана и Аполлена, дурны.

Стихи 2714—2715. Брамимонда, жена Марсилия, под ударами франков уже разуверилась в могуществе мусульманских богов и вот-вот обратится в христианку.

Стих 2909. Карл упоминает Лан, город, ставший столицей западных франков в IX—X вв. Это вымысел сказителя. Во всех остальных случаях столицей франков называется Ахен.

Стих 2993. Тансандор («Резвый») — конь Карла Великого.

Стих 3093. Жоффруа Анжуйский с орифламмой...— *Жоффруа* — королевский знаменосец в битве при Суассоне (948). Эта почетная должность была закреплена по наследству за герцогами Анжуйскими. Певец Роланда, вероятно, был близок к Анжуйскому дому и использует каждый повод, чтобы его возвысить. *Орифлама* — то есть «золотое пламя» — алое знамя христианской, поздией Римской империи. Его получил от папы Льва III император Карл Великий. В «Песне о Роланде» подчеркивается римское происхождение орифламмы. *Апостол Петр* — покровитель христианского Рима, где ему воздвигнут величественный храм Сан-Пьетро.

Стих 3106. Трех отроков исторг из огня...— По библейскому сказанию, царь Навуходоносор приказал бросить в раскаленную печь трех человек за отказ поклоняться воздвигнутому им золотому истукану. Они чудом спаслись от неминуемой смерти, молясь своему богу.

Стих 3146. По примеру Карла, эмир Балиган дал название и своему мечу — «Пресьоз» что означает «драгоценный».

Стих 3205. ...Дапамор, князь лютичских земель...— *Лютичи* — славянское племя, с которым воевал Карл Великий.

Стих 3208. От Кайруана и по Маракеш — города в Тунисе и Марокко.

Стихи 3220—3221. Перечисление фантастически многочисленного войска Балигана. *Ботентротцы* — Из Каппадокии, где пролегал путь крестоносцев в Палестиину. Горный поход Ботентрот стал известен в Европе со времен крестовых походов. *Мейсины* — возможно, одно из славянских племен.

Стих 3224. Нубийцы — африканское племя; *русы* — население Древней Руси. Русские приняли христианство в конце X в. (крещение Руси). Здесь же они в стане язычников.

Стих 3243. Угличи — вероятно, славянское племя.

Стих 3295. Эмир кричит: «За мною, род проклятый!»...— Этими словами Балиган подбадривает свое войско, забыв, что это бранная кличка, которую давали христиане мусульманам.

Стих 3474. В войске Балигана были баски, которые в первых рядах сражались с франками в Ронсевальской долине. О них говорится мимоходом.

Стих 3675. Как указывают ученые, начиная отсюда, существующие рукописи дают другие варианты развязки драматических событий «Песни о Роланде» по сравнению с Оксфордской рукописью, положенной в основу данного перевода.

Стих 3684. Бордо — древний галльский город на юге Франции, столица Гаскони. Настоятели местного монастыря святого Северина похвалялись, что у них хранятся боевой рог Роланда Олифан.

Стихи 3742—3748. Карл не мог единолично судить изменника Ганелона, ибо последний принадлежал к высшей знати. Карл выступает перед судом пэров в качестве свидетеля и обвинителя.

Стих 4002. Вот и жесте конец. Турольд умолкнул.— Последняя строчка «Песни о Роланде» каждым своим словом дает много поводов для размышлений и догадок, которые не поддаются однозначному толкованию. *Турольд* (англо-нормандское имя) мог быть и автором, и писцом-переписчиком, и собирателем-редактором уже существующих песен о Роланде, и человеком, который восстанавливал по памяти весь известный ему эпос. В XI—XII вв. во Франции было известно несколько *Турольдов* духовного сословия. Кто из них имеет большее отношение к прославленной жесте, неизвестно.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Свое главное произведение «Комедию», названную уже одним из ее первых комментаторов Боккаччо «божественной», Данте писал примерно четырнадцать лет, с 1307 по 1321 г. Чистовая рукопись появилась в 1322 г., а первое печатное издание — в 1472 г. С 1555 г., когда появилось венецианское издание, это название утвердилось за ней навсегда. «Божественная комедия» написана на народном итальянском языке в то время, когда подобные произведения писали еще по-латыни. Поэма получила всемирную известность и признание, ею восхищались и пытались ей подражать.

В России имя Данте впервые упоминается в печати в 1672 году. Первый перевод «Божественной комедии» был предпринят в начале XIX в. П. А. Катениным, затем появились переводы Д. Минаева, В. Чуйко (1894), Н. Голованова (1896), О. Чюминой, Д. Мина (1902—1906). Последний перевод был удостоен Пушкинской премии. Лучший, ставший уже классическим, перевод всей «Божественной комедии» принадлежит известному советскому переводчику Михаилу Леонидовичу Лозинскому, который за создание этого перевода был удостоен Государственной премии СССР.

Все древние и средневековые литературные произведения, как известно, нуждаются в комментариях. Что же касается «Божественной комедии», то она нуждается в них особенно, ибо насыщена огромным количеством исторических, религиозных, философских, филологических, естественнонаучных, культурных, бытовых и прочих сведений, фактов, понятий, незнакомых не только современному, но и более раннему читателю. Есть еще одна трудность, на которую указывал сам поэт в посвящении правителю Вероны, оказавшему Данте гостеприимство в последние годы его жизни. В его произведении нужно воспринимать два смысла: буквальный и иносказательный, аллегорический, тот, что стоит за «буквой». С одной стороны, будто описывается то, что происходит с душами людей после смерти, с другой — настоящая человеческая жизнь с ее дурными и добрыми делами. «Комедия» поучает, ее цель — помочь людям на этом свете пройти трудный путь самоусовершенствования и достичь счастья. Почти за семь столетий существования этого величайшего произведения множество поколений ученых, начиная с Боккаччо (XIV в.), изучают и комментируют его. Современного читателя, особенно юного, не должно удивлять наличие у средневекового поэта религиозных мотивов и идей, мистицизма, идеалистических представлений. Не этим живет и волнует нас «Комедия». В нашем издании, где и текст «Божественной комедии» дается в сокращении, приходится ограничиться самыми необходимыми объяснениями, без которых смысл ее может легко ускользнуть.

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стихи 1—2. Земную жизнь пройдя до половины.— Данте в своем «Пире» указывает, что тридцать пять лет — вершина человеческой жизни. Поэт родился в 1265 г., значит, его «половина жизни» наступила в 1300-м, к которому он относит свои воображаемые странствия по загробному миру. *...в сумрачном лесу...*— выражение аллегорическое: это скопление человеческих иллюзий, за-

блуждений, пороков, из которых можно найти выход и добраться к истине, к «холму добродетели». Данте выступает здесь как представитель всего заблудившегося человечества.

Стих 17. Свет планеты.— Солнце, которое Данте в согласии с принятой в его время системой мироздания Птолемея причисляет к планетам.

Стихи 32—49. Проворная и вьющаяся рысь...— Холм добродетели, на который должен взойти поэт, труднодоступен — его охраняют: рысь (сладострастие), лев (гордыня) и волчица (корыстолюбие).

Стих 40. Божественная двинула Любовь.— Вечная любовь у Данте — главная движущая сила во Вселенной.

Стих 62. Какой-то муж явился предо мной...— Вергилий — великий римский поэт (символ земного разума и знаний) становится учителем и проводником Данте по Аду и Чистилищу, приводит его к Земному Раю.

Стихи 69—72. И Мантуя...— Вергилий рассказывает о себе: родился в Мантуанской области (Ломбардия) — при Юлии Цезаре (70 г. до н. э.), жил при Октавиане Августе (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.). В те времена в Италии господствовали языческие верования.

Стихи 73—79. Я был поэт и вверил песнопенью...— Вергилий имеет в виду свое главное произведение «Энеиду», где троянец Эней, сын Анхиза, по воле рока становится основоположником Римского государства. Данте поклоняется гению Вергилия, называет его светочем всех певцов земли и своим учителем.

Стих 91. Ты должен выбрать новую дорогу...— Вергилий говорит о необходимости посетить загробный мир прежде, чем Данте одолеет волчицу и взойдет на спасительную вершину Холма добродетели.

Стих 102. Нагрянет Пес...— Он прогонит волчицу порока и спасет Италию от раздоров и междоусобных войн. Кто это? Комментаторы до сих пор теряются в догадках.

Стихи 107—108. Камилла, Турн, Нис и Эвриал — герои «Энеиды», погибшие в расцвете лет, когда троянские беглецы обосновывались в Италии.

Стих 117. О новой смерти тщетные моленья...— Души грешников в Аду, испытывая вечные мучения, жаждут еще одной, но уже окончательной смерти — гибели душ, с которой придет успокоение.

Стих 122. Тебя душа достойнейшая ждет...— Беатриче, в которую Данте был всю жизнь влюблен. После ее безвременной смерти она стала небесной возлюбленной поэта.

Стих 134. Врата Петровы...— вход в Чистилище.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Стих 13. Сильвиев родитель — Эней, у которого был сын Сильвий от дочери царя Латина Лавинии. Эней живым, как и Данте, проник в загробное царство. Данте широко использовал античную мифологию и библейские рассказы в моралистических, аллегорических целях.

Стих 24. Преемнику верховного Петра...— папе римскому как преемнику апостолов, то есть непосредственных учеников Христа, как гласит легенда. Здесь поэт обосновывает власть пап как одну из целей мировой Римской империи.

Стих 26. Был вдохновлен...— В загробном мире Эней получил пророчество от своего отца Анхиза о своей миссии основателя римской державы (см. шестую книгу «Энеиды» Вергилия).

Стих 28. Там, вслед за ним, избранный был Сосуд...— За ним, то есть после Энея, апостол Павел побывал, согласно легенде, в аду и раю.

Стихи 70—71. Беатриче — возлюбленная Данте, которую он не переставал любить всю жизнь — с детских лет до ее смерти в возрасте двадцати лет (1290), которой посвятил свои произведения — «Новую жизнь» и «Божественную комедию». В «Комедии» она не только историческая личность Беатриче Портинари, но и символ небесной любви, мудрости, доброты и совершенства. Она явилась поэту из Рая, где пребывала ее душа.

Стих 94. Есть в небе благодатная жена...— то есть Дева Мария, согласно библейской мифологии, мать Христа.

Стихи 100—101. Лючия — христианская святая, мученица из Сиракуз. Дева Мария, Беатриче и Лючия символизируют три вида божественной милости. *Рахиль* — один из образов библейской мифологии, представлена здесь как символ созерцательной жизни.

Стихи 107—108. Ожесточенная борьба Данте с пороками в лесу, опасности, подстерегавшие там, сравниваются с бурным потоком, который все сметет на своем пути.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Стихи 1—9. Надпись на вратах Ада, сотворенного христианским богом («мой зодчий»), который, по мнению Данте, сочетал в себе высшую силу (бог-отец), полноту всезнания (бог-сын) и любовь (бог — дух святой). Ад — последняя инстанция, он будет существовать вечно. Ад, как представлял себе поэт, похож на воронку, самая узкая часть которой доходит до центра земли, где вмерз в лед и царит падший ангел огромный Люцифер. По скосам воронки горизонтальными концентрическими уступами — полосами расположились девять кругов Ада. Каждый следующий круг меньше предыдущего и уходит все глубже в землю.

Стихи 59—60. Кто от великой доли отрекся в малодушии своем.— Папа Целестин V (избран в 1294 г.) под нажимом папы Бонифация VIII, ненавидимого поэтом, отрекся от престола, не пробыв на нем и полугода. Этот пример, по замыслу Данте, должен показать, как ничтожны люди, отказавшиеся по своему малодушию от борьбы за правое дело.

Стих 77. Ахерон — адская река, известная из античной мифологии, широко используемой нашим поэтом. Она опоясывает круг первый Ада и, низвергаясь вниз, образует Стикс (Стигийское болото), окружающее город Дита (Люцифера). Потом, стекая ниже, воды Стикса преобразуются в пылающую реку Флегетон, а она, в свою очередь, пробившись к центру Земли, обращается в ледяное озеро Коцит. Так, до мельчайших деталей продуманно, строит Данте архитектонику своего Ада и вообще всего загробного мира.

Стих 83. Старик, поросший древней сединою...— Харон, перевозчик душ через адскую реку.

Стихи 128—129. И ты поймешь, что разумел Харон, когда с тобою говорил так строго.— Харон имел дело с перепуганными грешниками, а не с такого рода избранными людьми, как Вергилий и Данте.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Стихи 1—2. Ворвался в глубь моей дремоты сонной тяжелый гул...— Во время сна каким-то чудесным образом поэт был переправлен через Ахерон. Очнувшись от сна, он уже оказался в первом круге Ада. Здесь, в так называемом Лимбе (лат. limbus — кайма), пребывали души праведников и добродетельных людей, еще не приобщившихся к христианским таинствам, патриархи и пророки Ветхого завета и души младенцев, умерших без крещения.

Стих 60. Великой взятая ценой.— Согласно библейской мифологии, патриарх Яков, чтобы жениться на Рахили, служил ее отцу в общей сложности четырнадцать лет.

Стихи 67—90. В полном мраке первого круга Ада светилась некая полусфера. Там пребывали славные поэты древности — Гомер с мечом в руках, символизировавшим воспетые им битвы героев, знаменитые римские поэты — Гораций (65—8 г. до н. э.), Овидий (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) и Лукан (39—65 гг. н. э.).

Стих 79. «Почтите высочайшего поэта!» — Данте говорит о Вергилии, своем кумире.

Стихи 121—144. Перечисляются имена мифологических и реальных героев Греции и Рима (Электра, Гектор, Эней, Пентесилея, Камилла, Цицерон, Цезарь и другие), философов и ученых (Сократ, Платон, Евклид, Птолемей, Гален и другие), а также великих мыслителей средневекового Востока, известных в Европе (Авиценна, Аверроис).

Стих 151. И я — во тьме...— Данте выходит из своего светлого убежища в первом круге и окунается во мрак Ада, недалеко от грешников, казнимых во втором круге.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Стих 3. Но бо́льших мук в нем слышен стон печальный...— У Данте все продумано и взвешено — до мельчайших подробностей. В Лимбе слышались лишь легкие вздохи невольных грешников, а здесь, в круге втором, раздаются стоны тех, кто при жизни оказался рабом страстей и теперь испытывает жестокие муки.

Стих 4. Минос — мифический царь и законодатель Крита, сын Зевса и Европы, справедливый судья в Аиде. В Аду у Данте *Минос*, как и другие античные языческие боги, превратился в страшного демона с хвостом и ужасающим оскалом.

Стих 61. Вот нежной страсти горестная жрица...— покинутая Энеем влюбленная в него карфагенская царица Дидона («Энеида», кн. IV).

Стихи 73—76. «Я бы хотел ответа от этих двух...»— Как видно из дальнейшего, это души несчастных возлюбленных Франчески да Римини и Паоло Малатеста. Лица исторические, современники Данте. Франческа была женой влиятельного, но некрасивого и жестокого Джанчотто Малатеста. Вскоре она полюбила его младшего брата, красивого и нежного юношу. Узнав об этом от слуги, Джанчотто убил жену и брата. О трагической любви Франческо и Паоло рассказал Дж. Боккаччо в своем незаконченном комментарии к «Божественной комедии». На этот сюжет П. И. Чайковский написал симфоническую фантазию «Франческа да Римини».

Стих 97. Я родилась над теми берегами...— то есть в Равенне, расположенной в устье реки По. Там Данте поселился в конце жизни, там же умер и похоронен.

Стих 107. Каина — так назван по имени библейского братоубийцы Каина первый пояс последнего, девятого круга Ада, где томятся в муках предавшие своих близких.

Стих 123. ...твой вождь тому порукой.— Вергилий, поведавший миру о странствиях и войнах Энея за будущее Италии.

Стих 128. О Ланчелоте...— герой французского средневекового романа из цикла о рыцарях Круглого Стола. *Ланчелот* прославился своими подвигами при дворе короля Артура и полюбил его жену — королеву Джиневру.

Стих 137. Галеот — рыцарь, который помог Ланчелоту встретиться с королевой Джиневрой и уговорил ее поцеловать нерешительного героя.

Стих 142. И я упал, как падает мертвец...— Рассказ о любви Франчески и Паоло поверг его в обморочное состояние. Данте далек от эпического спокойствия, страдая и принимая все близко к сердцу.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Стих 7. Я в третьем круге...— Очнувшись после обморока от встречи с несчастными Франческой и Паоло, Данте оказывается в третьем круге Ада, где казнились чревоугодники, обжоры.

Стих 13. Цербер (Кербер) — сын Тифона и Ехидны, многоголовый кровожадный пес, стерегущий вход в подземный мир. Он пропускает туда души умерших, но обратно не выпускает никого. Цербер, как большинство созданий античной мифологии, представлен в «Божественной комедии» в измененном виде — как страшный бес с тремя пастями, терзающими грешников.

Стих 49. «Твой город...» — Флоренция, родина Данте.

Стих 52. Прозвали Чакко...— На флорентийском диалекте *«Чакко»* означало «Забулдыга», «Прожорливая свинья».

Стихи 61—72. Враждующие в городе усобном...— Во Флоренции во времена Данте (конец XIII — начало XIV вв.) шла ожесточенная, с кровавыми эксцессами и террором борьба между черными (сторонники папы) и белыми (богатые сторонники независимой республики) гвельфами. Чакко предсказывает кровопролития и междоусобицу во Флоренции и что победят белые (иначе лесные, то есть пришедшие из лесистых сельских мест), а черных отправят в изгнание. Затем удача улыбнется черным, белые будут вынуждены покинуть родной край. Данте принадлежал к белым гвельфам.

Стих 73. Есть двое праведных...— По этому поводу комментаторы высказывают разные догадки, но все они мало убедительны.

Стих 93. ...меж прочими слепыми...— слепыми не в буквальном смысле, а в переносном — духовно слепыми, не различающими добра и зла.

Стих 106. «Наукой сказано твоей...» — Вергилий имеет в виду Аристотеля, которого почитал Данте.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Стих 1. Papé Satán...— вероятно, искаженные древнееврейские слова призыва к Сатане, пребывающему в самом центре Ада.

Стих 2. Плутос — греческий бог богатства. Но, как уже говорилось, Данте переделывает языческих богов в христианских бесов. *Плутос* охраняет четвертый круг, где томятся скупцы и расточители. Он вполне подходящая для этой цели фигура.

Стих 11. Так хочет тот, кто мщенье Михаила обрушил в небо...— Архангел Михаил вместе с ангелами воевал с драконом и низринул его с небес. Библейский сюжет, охотно используемый живописцами прошлого.

Стих 57. Те — сжав кулак, а эти — с плешью гладкой...— *Сжимающие кулаки* — скупцы, плешивые — расточители, промотавшиеся до нитки (иначе: до последнего волоска).

Стих 62. Фортуна — древнеримская богиня Судьбы, Случая и Счастья, Удачи. Она изображалась с колесом или шаром, символизирующими изменчивость и зыбкость счастья. Вергилий объясняет своему спутнику, что Фортуна распределяет лишь земные блага, повинуясь воле бога.

Стих 98. Склонились звезды...— В начале пути Вергилия и Данте был вечер, звезды поднимались в небе. Теперь они заходят, полночь позади.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Стихи 7—8. «Здесь папа Анастасий заточен...»— *Анастасий II*, вступивший на папский престол в 497 г., попал в шестой круг Ада к еретикам, так как поддерживал отношения с Фотином, греческим диаконом из Фессалоники, замешанным в деле осужденного церковью константинопольского патриарха Акакия.

Стих 50. Каорса — город в Лангедоке (Южная Франция), жители которого заслужили славу ростовщиков и скупцов. Во многих средневековых законах ростовщики и лихоимцы назывались каорчины. Библейский город Содом за развратный образ жизни его граждан бог учнитожил огненным дождем.

Стих 64. Дит (Плутон), *Люцифер, Вельзевул* — у Данте синонимы, обозначавшие Сатану, Верховного дьявола, заключенного в центре земли.

Стихи 79—80. Ужели ты не помнишь изреченья из Этики...— Аристотель (384—322 гг. до н. э.), дневнегреческий философ и ученый, в своем сочинении «Этика» дает классификацию пороков, которой придерживается Данте.

Стихи 101—103. И в Физике прочтешь...— Вергилий приводит слова Аристотеля из «Физики»: «Искусство подражает природе».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Стих 12. ...позор критян...— чудовище Минотавр, полубык-получеловек, плод преступной любви, обитавший в Лабиринте на Крите и пожиравший семь юношей и семь девушек, посылаемых ему афинянами в качестве жертвы. От этой кровавой дани Афины освободил аттический герой Тезей, названный в стихе семнадцатом «Афинский дук», то есть князь.

Стихи 41—43. ...мир любовь объяла, которая, как некто полагал, его и прежде в хаос обращала...— Древнегреческий философ Эмпедокл из Акраганта (ок. 490—430 гг. до н. э.) учил, что мир образован из четырех элементов (огонь, воздух, вода, земля), которые то смешиваются, то разъединяются под влиянием «любви» и «вражды», причем господствует попеременно то одна, то другая сила. Даже на стадии «любви» возможны хаотические смешения.

Стихи 47—48. Течет поток кровавый, сожигая тех, кто насилье ближнему нанес...— В песне двенадцатой описывается первый пояс седьмого круга Ада.

Стихи 65—72. Хирон, Несс, Фол — кентавры, мифические полукони-полулюди, лесные или горные демоны, у них буйный нрав, но Хирон и Фол известны своим миролюбием и мудростью. Несс отличался коварством.

Стихи 88—89. И та, чей я свершаю приговор, сходя ко мне, прервала аллилуйя...— Беатриче, покинув рай, чтобы встретиться с Данте, перестала в небесах славить господа (аллилуйя по-древнееврейски означает: хвалите господа-бога).

Стих 107. Дионисий I Старший — тиран Сиракузы на острове Сицилия (ок. 432—367 гг. до н. э.).

Стихи 110—112. Граф Адзолино — падуанский тиран (1194—1249). *Обиццо д'Эсте* — маркиз Феррары, задушенный своим сыном в 1293 году.

Стихи 119—120. «Он пронзил под божьей сенью то сердце, что над Темзой...» — Граф де Монфор убил из мести принца Генриха, племянника английского короля Генриха III (1207—1272). Золотую чашу с сердцем принца установили на колонне у моста через Темзу в Лондоне.

Стих 134. Аттила — царь гуннов (V в.), возглавил союз гуннских племен и вел опустошительные войны в Европе и на Востоке.

Стих 137. Риньер де'Пацци и Риньер Корнето — известные своей жестокостью разбойники в Италии (XIII в).

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Стих 18. Знай, что сейчас мы в поясе втором...— Вергилий и Данте опустились во второй пояс седьмого круга, где наказуются насильники над собой и своим имуществом.

Стихи 43—44. Так раненое древо источало слова и кровь...— Сравни у Вергилия: «Энеида», песнь XIII, стихи 13—56.

Стих 58. Я тот, кто оба сберегал ключа...— Доверенное лицо императора Фридриха II канцлер Пьетро делле Винье. В конце правления император впал в немилость, был заключен в тюрьму и там покончил самоубийством. *Оба ключа* — милость и немилость.

Стих 68. Август — император Фридрих II (1194—1250), боролся с папством и североитальянскими городами.

Стихи 120—121. Лано — житель итальянского города Сьены; потерял все свое состояние и в отчаянии искал гибели в битве сьенцев и аретинцев при Топпо (1287) и погиб.

Стих 133. Джакомо да Санкт-Андреа — житель Падуи, известный своим безумным расточительством. Однажды он ради развлечения бросал в реку золотые монеты; в другой раз поджег свое имение, чтобы развлечь видом пожара собравшихся у него именитых гостей.

Стихи 143—144. «Мой город — тот, где ради Иоанна забыт былой заступник...» — Имеется в виду Флоренция, основанная римлянами в I в. до н. э. В то время город находился под покровительством бога Марса, а в христианскую эру храм Марса посвятили Иоанну Крестителю, который и стал новым покро-

вителем Флоренции. Орды гунна Аттилы (V в.) разрушили город и сбросили статую Марса, сохранявшуюся флорентинцами, в реку Арно. Город долго лежал в руинах, пока представители патрицианских римских домов не послали к императору Карлу Великому посольство с просьбой восстановить Флоренцию, но они верили, что для этого необходимо поднять статую Марса со дна реки и установить у Старого моста (Понте Веккьо), что и было сделано. При наводнении (1333 г.) злополучная статуя вновь упала в реку.

Стих 151. «Я сам себя казнил в моем жилище...» — Подразумевается реальное лицо — богатый флорентинец Рукко де Моцци, разорившийся и от отчаяния повесившийся.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стихи 4—5. ...мы вышли у черты, где третий пояс...— Поэты теперь странствуют по третьему поясу седьмого круга, где карают насильников над божеством.

Стих 14. Как тот, который попирал Катон...— Защитник старой римской республики, идеализируемый Данте Катон Утический (95—46 гг. до н. э.) во время гражданских войн вел остатки войска Помпея через Ливийскую пустыню в Африке на соединение с нумидийцами.

Стих 31. Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) в одном из приписываемых ему писем к философу Аристотелю рассказывает о чудесах, виденных им во время похода в Индию.

Стих 46. Кто это, рослый, хмуро так лежит...— В греческом мифе один из участников похода Семерых против Фив Капаней во время штурма города поносил Аполлона и даже самого Зевса, за что был поражен его перуном (молнией). Но и тогда Капаней все еще продолжал богохульствовать. Это еще один пример, как Данте использует в своих целях античную мифологию. Поношение Юпитера он осуждает так, будто это не старый языческий бог, а христианский.

Стих 56. Монджибело (от искаженного арабского слова «гебель» — «гора») — местное название огнедышащей горы Этна, где, согласно мифу, Вулкан и циклопы ковали Юпитеру его молнии.

Стих 58. Флегра — долина в Фессалии, где Юпитер поразил молнией штурмующих небо гигантов.

Стих 79. Буликаме — озеро с горячей минеральной водой около города Витербо, откуда она поступала в расположенные неподалеку бани и лечебницы.

Стих 96. ...Под чьим владыкой был безгрешен свет...— Во время правления бога Сатурна на Крите в мире царил золотой век.

Стих 100. Ей Рея вверила свое дитя...— Рея, супруга Сатурна (Кроноса), спрятала от мужа, который в страхе лишиться власти пожирал собственных детей, своего младшего сына Юпитера (Зевса) на критской горе Иде. Чтобы Сатурн случайно не услышал криков ребенка, она приказала своим слугам корибатам шуметь изо всех сил и копьями бить в щиты.

Стих 103. ...великий старец... он к Дамиате обращен спиной и к Риму...— *Великий старец* (образ из сна библейского царя Навуходоносора) — символ Времени. Данте не случайно упоминает здесь имя Сатурна-Кроноса, бога Времени. При Великом старце сменились века — золотой, серебряный, медный, железный. Старец обращен спиной к Востоку (*Дамиата* — город в Египте), лицом к Риму, надежде на будущее.

Стих 134. ...в клокотанье этих алых вод...— то есть в кипящих водах адской реки Флегетон.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Стих 6. ...Близ пройденного мрамора...— Следовательно, берега Флегетона, вдоль которых шли поэты, были каменные, из мрамора.

Стих 18. Арахна («Паук») — ткачиха из Лидии (Малая Азия), которая,

соревнуясь с покровительницей ремесел Афиной, выткала на полотне изображение любовных похождений богов. Разгневанная богиня превратила ее в паука (греч. миф).

Стих 21. ...где алчный немец...— В сущности, не алчный, а прожорливый. Для южан с их умеренным аппетитом немцы с их обильной пищей казались обжорами.

Стих 22. Садится бобр вести свою войну...— По древним представлениям, бобры охотились на рыбу, опустив в воду хвост, и привлекали добычу, выпуская маслянистую пахучую жидкость («бобровая струя»). Представление ошибочное — бобры рыбой не питаются.

Стих 55. У каждого на грудь мошна свисала...— Речь идет о богатых и знатных ростовщиках, у которых на мешочках для денег, висевших на груди, были изображены их фамильные гербы.

Стих 97. Герион.— В начале этой песни рисуется отвратительный зверь, охраняющий вход в восьмой круг, где находятся обманщики. Здесь этот страшный великан греческой мифологии, чьих коров похитил Геркулес, превратился у Данте в символ обмана.

Стих 128. Вабúло (русское слово, от глагола «вабить» — подманивать птицу или зверя) — связанные вместе два крыла, которыми охотник размахивает, призывая сокола назад во время соколиной охоты.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Стих 1. Симон волхв.— Волшебник Симон из Самарии, пожелавший, по христианской легенде, купить у апостолов Петра и Иоанна «благодать» — секрет исцеления людей наложением рук и других чудес. Симонистами стали называть тех, кто покупал и продавал церковные должности («святокупцы»). *Симония* — продажность церковных должностей, распространенная в средние века.

Стих 13—17. Сан-Джованни — баптистерий (помещение для крещения) Иоанна Крестителя — выдающийся памятник архитектуры и искусства XI века во Флоренции. Баптистерий был единственным местом в городе, где крестили младенцев, поэтому там всегда было очень многолюдно. Для ускорения обряда в баптистерии устроили несколько дополнительных купелей — углублений в полу, окруженных невысокой оградой и существовавших до 1579 г.

Стих 19. Я, отрока спасая от страданий...— Комментатор XIV века Бенвенуто из Имолы так объясняет это место: однажды какой-то мальчик, заигравшись, упал в купель, стал в ней барахтаться, стараясь выбраться, но чуть не утонул. Никто не бросился на помощь, только Данте, который был в то время одним из старейшин (приоров) города, схватил дубинку, разбил окружающую купель стенку и спас мальчика. Данте своим рассказом в «Божественной комедии» отводил от себя возможные обвинения в святотатстве.

Стих 51. Из-под земли...— В средние века убийц казнили, закапывая их вниз головой.

Стихи 52—53. «Как, Бонифаций, ...ты здесь уже?..» — Казнимый вместе с другими святокупцами папа Николай III принимает Данте за папу Бонифация VIII (вступил на престол в 1294 г.), которого поэт смертельно ненавидел, как человека порочного, виновника всех своих бед. Данте не упускал случая, чтобы заклеймить своего смертельного врага.

Стих 56. ...лучшую средь жен...— то есть церковь.

Стихи 79—84. В этих строках Данте пригвождает к позорному столбу пап конца XIII и начала XIV веков — Николая III, Бонифация VIII и Климента V, при которых симония достигла наибольшего распространения, став источником наживы для них.

Стих 94. Петру и прочим платы не вручал Матвей...— Этим Данте хочет сказать, что апостолы не давали взяток, чтобы занять свое место в жизни, и ничего не взяли с Матвея, избрав его на место «отпавшего» предателя Иуды.

Стихи 106—110. Вас, пастырей, провидел Иоанн...— В одной из книг Нового завета, известной под названием Апокалипсис («Откровение Иоанна»), напи-

санной в 68—69 гг. н. э., содержится пророчество о «конце света». В ней рисуется отталкивающий образ погрязшего в грехах языческого Рима (I в. н. э.). Данте переносит этот образ на папский Рим своего времени.

Стих 115. О Константин...— Во времена Данте была повсеместно распространена вера в так называемый «дар Константина», римского императора (306—307), якобы передавшего папе Сильвестру власть над Римом и всем Западом. Сам Константин перенес свою столицу на Восток, в Византию.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Стих 4. ...новый росщеп Злых Щелей...— пятый ров, где испытывали вечные мучения взяточники, охраняемые Загребалами, то есть бесами, вооруженными баграми.

Стих 7. ...в венецианском арсенале...— корабельная верфь и арсенал в Венеции, построенные в начале XII века.

Стих 38. Святая Дэита шлет вам старшину...— Она жила в XIII в. в городе Лукке (Италия) и своим благочестивым поведением и якобы творимыми чудесами заслужила славу святой. *Старшина* — один из правителей города Лукки по имени Мартино Боттайо брал взятки, как и нижеупомянутый известный мэдоимец Бонтуро Дати. Так Данте навеки заклеймил не только взяточничество, но и конкретных взяточников.

Стих 48. Святого Лика мы не признаем!— В центре собора города Лукки в отдельной капелле стоит византийское изваяние лика (лица) Христа. Бесы, конечно, Христа не признают.

Стих 49. Серкьо — река у города Лукки, излюбленное место купания и отдыха граждан.

Стих 95. Капрона — Пизанская крепость, захваченная в 1289 году тосканскими гвельфами и пизанскими изгнанниками, политическими эмигрантами. Крепость довольно легко сдалась, и поэтому защитников ее окружили презрением.

Стихи 112—114. Двенадцать сот и шестьдесят шесть лет...—то есть 1266 лет. Это место имеет важное значение для определения даты воображаемого путешествия Данте в потусторонний мир. Подсчет ведется следующим образом: мост обрушился во время землетрясения, которое якобы сопровождало легендарную смерть Христа. Это произошло по принятой церковью хронологии в 34 г. н. э. Таким образом, 1266+34=1300 г. Есть в «Божественной комедии» и другие места, согласующиеся с этим выводом.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стих 3. Братья-минориты — то есть «младшие братья», францисканские монахи.

Стих 25. ...Стеклом свинцовым...— то есть зеркалом.

Стих 62. Куколь — монашеский головной убор в виде капюшона.

Стих 66. Федериков плащ.— Император Фридрих II, как рассказывают, казнил виновных в «оскорблении величества», приказывая надевать на них тяжелую свинцовую мантию и в таком виде держать на раскаленной сковороде, пока свинец не расплавится.

Стих 90. Стола — длинное свободное одеяние.

Стих 95. В великом городе — то есть во Флоренции. Данте, несмотря на изгнание, остается патриотом родного города.

Стих 103. Гауденты — «радующиеся» — члены ордена «Девы Марии» в Болонье, не столько молящиеся, сколько предававшиеся веселью.

Стихи 115—118. В этих стихах упоминается Канафа, иудейский первосвященник, который, как рассказывается в Новом завете, посоветовал убить Христа, якобы спасая этой одной смертью целый народ. *Фарисеи* — религиозная и общественная секта в Иудее (II в. до н. э.— II в. н. э.); они критиковали христиан, которые называли их лицемерами.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Стих 31. В плаще...— в свинцовой мантии лицемеров (см. стих 66 песни XXIII).

Стих 92. Нагой народ...— Поэты достигли седьмого рва восьмого круга, где подвергаются мучениям воры.

Стих 106. Феникс — сказочная птица, которая умирает раз в 500 лет, из ее праха рождается новый Феникс.

Стихи 125—126. Ванни Фуччи — черный гвельф, убийца и вор, предатель и святотатец, ограбивший в 1293 г. храм в Пистойе. За жестокий нрав его прозвали зверем.

Стих 144. ...Потом Фьоренца обновит свой строй...— Партия черных гвельфов победила во Флоренции белых. «Белому» Данте пришлось под страхом смерти уйти в изгнание.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Стих 9. ...Прато, как и все, стремится...— *Прато* — соседний и зависимый от Флоренции городок. Жаждал видеть ее беды и падение, так как там, начиная с 1300 г., шла непрестанная кровавая межпартийная борьба, сопровождавшаяся убийствами, уличными беспорядками, поджогами.

Стихи 34—39. И, как конями, поднят в небосклон...— Пророк Илья был унесен на небо на глазах у пророка Елисея, «кто был медведями отмщен». Согласно библейской легенде, они растерзали тех, кто смеялся над ним.

Стих 54. Сыновья Эдипа Полиник и Этеокл вели братоубийственную войну во время похода «семерых против Фив». Оба в ней погибли и были сожжены на костре, пламя которого раздвоилось (греч. миф).

Стих 59. И ввод коня...— знаменитый деревянный конь, хитростью введенный в осажденную Трою. Бежавший из поверженной Трои Эней стал мифическим основателем Великой Римской империи.

Стихи 61—62. Дейдамия — возлюбленная Ахилла. В доме ее отца Ликомеда на острове Скирос он скрывался в женском платье, чтобы его не увлекли на войну и чтобы избежать предсказанной ему смерти.

Стих 63. Палладий — древняя статуя Афины в Трое.

Стихи 90—142. Он издал голос и сказал...— Рассказ Одиссея о своей гибели в морской пучине.

Стих 92. Гаэта — Кайста на Тирренском море (смотреть примечание к VII песне «Энеиды» Вергилия).

Стих 133. Когда гора...— гора Чистилища, о которой Данте дальше рассказывает.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Стихи 1—12. ...Юнона воспылала...— Из-за любовной связи ее супруга Юпитера с Семелой, дочерью фиванского царя Кадма, Юнона разгневалась на всех фиванцев. Сначала она погубила Семелу, затем ее сестру Ино, муж которой Афамант сошел с ума. В беспамятстве Афамант убил своего сына Леарха, безумная Ино бросилась в море с другим младенцем.

Стих 19. Полидор — последний и оставшийся единственным сын несчастной троянской царицы Гекубы. После смерти своей дочери Поликсены она увидела труп Полидора и сошла с ума.

Стих 31. Джанни Скикки — флорентиец, втянутый в обман семьей старика Буозо Донати, оставившего после своей смерти огромное богатство, нажитое бесчестным путем. *Джанни* лег в постель уже умершего Буозо, труп которого был удален, притворился умирающим стариком и продиктовал завещание в свою пользу и в пользу племянника старого Буозо, подстроившего все это. *Джанни Скикки* находится здесь вместе с другими обитателями десятого рва восьмого

круга — лжецами и клеветниками. На этот сюжет написана опера Дж. Пуччини «Джанни Скикки».

Стих 74. Крестителем запечатленный сплав...— На монетах, выпускаемых во Флоренции,— флоринах — на одной стороне был изображен покровитель города Иоанн Креститель, на другой — герб Флоренции (лилии).

Стих 97. Лгавшая на Иосифа...— Жена Потифара (Пентефрия) воспылала любовью к прекрасному Иосифу, но, не сумев его обольстить, оклеветала юношу перед мужем (одна из легенд Ветхого завета).

Стих 98. Синон — грек, лживым рассказом побудивший троянцев ввести в Трою деревянного коня.

Стих 129. Нарциссово зеркало...— вода, в которой ловил свое отражение прекрасный юноша Нарцисс, любовавшийся собой. Его погубила неутолимая любовь к себе. Таково было наказание богов за отвергнутую им любовь нимфы Эхо (Овидий. «Метаморфозы». Песнь III).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Стихи 16—18. В плачевной сече...— Данте был знаком с «Песней о Роланде», рассказывающей о поражении французского войска в битве с сарацинами в Ронсевальской долине в 778 г.

Стих 44. Дий — Зевс (Юпитер), которого пытались свергнуть боги предыдущего поколения гиганты, но были низвергнуты его молниями.

Стих 59. Шишка в Риме...— огромного размера сосновая шишка, отлитая из бронзы, снятая с мавзолея императора Адриана в Риме и установленная перед собором святого Петра.

Стих 63. Три фриза...— *Фризы* — германское племя, населявшее некогда побережье Северного моря и отличавшееся очень высоким ростом.

Стихи 66—77. Rafel mai amech izabi almi...— Эти слова царя Немврода, кажущиеся на первый взгляд арабскими,— камень преткновения для многих поколений комментаторов. О смысле их можно только строить догадки. *Немврод* (Зверолов) — по библейской легенде, строитель Вавилонской башни. Строители этой башни поставили перед собой цель — добраться до неба, но, когда осталось уже совсем немного, бог сделал так, что они перестали понимать друг друга, ибо начали говорить на разных языках. Среди гигантов, покушавшихся на небо, находился и *Немврод*.

Стихи 94—100. Эфиальт, Бриарей, Антей — гигаиты из древнегреческих мифов.

Стих 124. Тифей (Тифон) и *Титий* — два чудовищных гиганта, наказанных Зевсом (греч. миф).

Стих 130. Алкид — Геркулес.

Стих 136. Гаризенда — одна из двух стоящих рядом наклонных башен в Болонье. Вторая башня называется Азинелли.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стих 11. Амфион...— Своим пением, которое было даром Муз, царь Орхомена двигал камни, чтобы воздвигнуть стены Фив. Так Амфион стал основателем этого города.

Стих 16. Мы оказались...— Поэты проникли в последний, девятый круг Ада, дно которого образует ледяное озеро Коцит. Здесь карают предателей. Первый пояс девятого круга назван по имени братоубийцы Каина — Кайна.

Стих 27. Танаис — древнегреческое название Дона.

Стихи 28—29. Тамберник — гора в Славонии. *Пьетрапанс* — гора в Апуанских Альпах.

Стихи 41—60. И увидал двоих...— Два брата дельи Альберти убили друг друга (конец XIII в.), враждуя из-за наследства.

Стих 62. ...Артур пронзил копьем...— В средневековом цикле романов о рыцарях Круглого Стола рассказывается о короле Артуре, пронзившем своего внебрачного сына Мордрека копьем.

Стих 63—69. Здесь названы лица, предательски убившие своих родственников.

Стих 70. С этого стиха начинается описание второго пояса девятого круга Ада, носящего имя троянского вождя Антенора. Здесь испытывают вечные муки предатели родины и те, кто изменил своим единомышленникам.

Стих 122. Ганелон — предатель французов, знатный рыцарь из «Песни о Роланде».

Стих 130. Тидей (греч. миф) — один из семи вождей, осаждавших Фивы. Убил своего противника Меланиппа и в припадке ненависти впился зубами в его голову.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стихи 13—14. «Я графом Уголино был когда-то, архиепископом Руджери — он...» — Гвельф граф Уголино делла Герардеска возглавлял Пизанскую республику. Вскоре он привлек к власти своего внука Нино, который стал гибеллином, из-за чего у них начались споры. *Архиепископ Пизы Руджери* интриговал против обоих правителей. Внук Уголино был вынужден уйти в изгнание, самого *Уголино* обвинили в измене и заточили в башню с сыновьями и внуками, где они умерли голодной смертью в 1289 г.

Стих 33. Гваланди, Сисмонди, Ланфранки — сторонники архиепископа Руджери.

Стих 80. Где раздается si! — по-итальянски «да». В то время романские языки разделяли по звучанию слова «да» — язык «си», язык «ок», язык «ум». Такой классификации придерживался и Данте.

Стихи 82—83. Капрара и Горгона с мест сойдут и устье Арно заградят заставой...— *Капрара* и *Горгона* — острова в Тирренском море, а в устье Арно лежит Пиза.

Стих 88. ...о исчадье Фив...— По преданью, Пизу основали выходцы из греческого города Фив, чья история была полна трагических событий.

Стих 91. Вергилий и Данте вступают в третий пояс девятого круга Ада — Толомею, где уготованы вечные муки для предавших друзей.

Стих 118. Инок Альбериго...— Он получил пощечину от своего родственника Манфредо. Скрыв свои истинные чувства, Альбериго якобы в знак примирения пригласил Манфредо к себе. Во время обеда, данного в его честь, хозяин произнес условную фразу: «Теперь подайте фрукты!» На Манфредо набросились убийцы и закололи его. Отсюда родилась поговорка: «Фрукты брата Альбериго». Этот эпизод произошел в 1285 г. Ниже *Альбериго* из Ораэнцы в Романье назван «гнуснейшим из романцев».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Стих 1. Латинский текст, которым начинается песнь, взят из церковного гимна: «Знамена царя приближаются к нам...» Данте несколько изменяет текст: «У него знамена царя Ада», то есть Люцифера, падшего ангела, свергнутого с небес и застрявшего в центре Земли и, следовательно, в центре Вселенной.

Стих 10. Мы были там...— Вергилий и Данте прошли в самый центр Ада — Джудекку (название произведено по имени Иуды). Тех, кто предал своих благодетелей, здесь подвергают вечной пытке жестоким холодом.

Стихи 65—67. Марк Юний Брут и *Гай Кассий Лонгин*, сторонники республики, в 44 г. до н. э. убили Юлия Цезаря, диктатора, положившего начало императорской власти в Риме.

Стих 84. Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись...— Поэты спустились по шерсти гигантского властелина Ада сначала до пояса, приходившегося на центр Земли, а затем направились к поверхности Земли уже в Южном полуша-

рии (головой вниз). В пещере, окружавшей Вельзевула, протекал ручей, по его руслу в полной темноте странники выбрались наружу.

Стих 139. Каждая из трех кантик (Ад, Чистилище, Рай), составляющих «Божественную комедию», заканчивается словом stelle — звезды, светила. Солнце, как видно из первой песни Чистилища, только что начало всходить.

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стих 4. И я второе царство воспою...— Чистилище, изображаемое Данте в виде большой горы с усеченной вершиной, расположено среди Океана в Южном полушарии.

Стих 9. Каллиопа — Муза эпической поэзии требует торжественного, возвышенного тона, подобающего возвышенной теме Чистилища. Раньше поэт обращался ко всем Музам (см.: «Ад», песнь II).

Стих 19. Маяк любви...— Планета Венера.

Стихи 23—24. Четыре звезды.— Это аллегорическое обозначение четырех почитаемых в древности добродетелей: мудрость, справедливость, мужество и умеренность. Эти звезды озаряли в Земном Раю первых людей — Адама и Еву.

Стих 31. Некий старец...— Катон Утический. Не пожелав быть свидетелем крушения Римской республики, покончил с собой. У Данте он выступает как человек, отдавший жизнь за свободу. Фигура символическая, прославляемая поэтом и в других произведениях («Пир», «О монархии»). Здесь он сторожит подступы к Чистилищу.

Стих 53. Жена сошла с небес...— Беатриче.

Стих 75. ...в грозный день...— в день Страшного суда над грешниками.

Стих 78. Марция — жена Катона, пребывает в Лимбе. От другого мужа она вернулась к Катону, чтобы умереть его женой.

Стих 82. ...твои семь царств...— семь кругов Чистилища.

Стих 102. Растет тростник...— Он окружает остров Чистилища и имеет символическое значение — это смирение (смиренный стебель), условие любого совершенствования. Им должен опоясаться Данте.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Стих 11. Veni, sponsa, Libano, veni (л а т.).— «Гряди, невеста, с Ливана, гряди» — слова из религиозного песнопения. Относятся к Беатриче и означают жажду небесного откровения, высшей истины. Беатриче появляется в Земном Раю.

Стих 17. «Ad vocem tanti senis» (л а т.) — «При гласе столь великого старца».

Стих 19. «Benedictus qui venis» (л а т.) — «Благословен грядущий».

Стих 21. «Manibus o date lilia plenis!» (л а т.) — «Раздавайте лилии полными горстями!» — вещие слова Анхиза, отца Энея, в подземном царстве, когда он показывает сыну юного Марцелла, в котором Август видел продолжателя своего дела и наследника.

Стих 32. Предстала женщина...— Беатриче.

Стих 49. Вергилий вдруг исчезает перед самым появлением Беатриче. Древний поэт как бы передает Данте из рук в руки — земная мудрость отступает перед божественной, языческая перед христианской. Язычник не может продолжать свой путь вплоть до христианского рая.

Стих 68. ...Минервиной листвой...— то есть ветками оливы, ибо олива — дерево, посвященное Минерве (Афине), символ мира.

Стихи 83—84. «In te, Domine, speravi», «pedes meos»... (л а т.) — Слова из

христианского псалма, вдохновленного еще более ранней религиозной поэзией. «На тебя, господи, уповаю», «...к стопам моим».

Стих 103. «Вы бодрствуете в вековечном свете...» — Беатриче обращается к ангелам, но имеет в виду Данте, а в начале XXXI песни говорит непосредственно с поэтом. В прямом обращении к поэту в XXX песне она только выражает недоумение, как он оказался в Чистилище.

Стихи 124—125. ...между первым и вторым из возрастов...— Беатриче умерла в 1290 году. Она стояла на пороге юности, уходя из детства.

РАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стих 1. ...кто движет мирозданье...— Бог здесь представлен в качестве перводвигателя в духе Аристотеля, который во многих вопросах был для Данте высшим авторитетом.

Стих 4. Я в тверди был...— Над девятью небесами, в согласии с системой Птолемея, признанной церковью, находится неподвижный Эмпирей.

Стих 9. Память вслед... идти не властна...— На земле человек не может постичь небесную мудрость, сверхчувственное, поэтому он не в состоянии передать эти знания другим.

Стих 16. Парнас — обиталище Муз и самого Аполлона. Эта гора находится в Средней Греции, недалеко от Коринфского залива. У подножия Парнаса расположены Дельфы, религиозный центр Древней Греции с прославленным храмом Аполлона.

Стих 20. Марсий — фригийский сатир, достигший большого мастерства в музыкальном искусстве и осмелившийся состязаться с самим Аполлоном. Бог победил лесного демона с его дикой музыкой и в наказание содрал с побежденного кожу.

Стих 31. ...Богу Дельф...— то есть Аполлону Дельфийскому.

Стих 32. Пенейские листья — лавры. *Пеней* — река в Греции, бог которой был отцом нимфы Дафны, преследуемой влюбленным Аполлоном. Дафна взмолилась о помощи, и боги превратили ее в лавровое дерево, ставшее отныне священным деревом Аполлона.

Стих 55. В Земном Раю человек достигает своих высших возможностей — он обретает способность даже смотреть прямо на солнце; так его охватывает озарение, вдохновение.

Стихи 68—69. Главк — по рождению простой рыбак, случайно отведал волшебной травы и превратился в морское божество, был наделен бессмертием и даром пророчества (греч. миф).

Стих 78. Гармонией, чей строй тобой живет...— Речь идет о гармонии или музыке сфер — античном учении, по которому каждое светило имело свое звучание. При круговом движении планет их звучание создавало гармонию. Это учение наиболее полно представлено у древнегреческих философов Пифагора и Платона.

Стих 79. ...солнцем загорелись дали...— Вероятно, по представлениям Данте, это была сфера огня, лежащая между сферой воздуха и небом Луны.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стих 1: «О дева-мать...» — Обращение к Деве Марии, которая, по христианской легенде, была матерью Иисуса. Здесь она символ любви к человечеству.

Стихи 65—66. Сибиллины слова...— Пророчица Сибилла Куманская (то есть из г. Кум на юге Италии) писала свои пророчества на листьях, которые

смешивал ветер. Этим сравнением Данте хочет сказать, что его воспоминания о своих странствиях и видениях столь же зыбки и легковесны, как слова Сибиллы на листьях, поднимаемых в воздух.

Стих 94. Единый миг мне большей бездной стал...— Примерный смысл сказанного: единый миг созерцания высшей истины заставил Данте все позабыть сильнее, чем за двадцать пять столетий забылся поход аргонавтов.

Стих 142. Здесь изнемог высокий духа взлет...— После всего пережитого и перечувствованного поэт не мог больше ничего поведать миру, но Любовь дала ему новый стимул к жизни, которой нет конца.

Стих 145. Светила.— Словом «Светила» (stelle — звезды) оканчиваются все три части «Божественной комедии».

И. Нахов

СОДЕРЖАНИЕ

И. Н а х о в. Книги на все времена 3

ГОМЕР

Илиада. *Эпическая поэма* 31

Одиссея. *Эпическая поэма* 201

ВЕРГИЛИЙ

Энеида. *Эпическая поэма* 307

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Героический эпос 473

ДАНТЕ

Божественная комедия. *Эпическая поэма* . . 585

К о м м е н т а р и и 695

На фронтисписе: Брисеиду уводят от Ахилла.

Полихромная фреска из дома Трагического поэта в Помпеях (I в.).
Неаполь. Национальный музей.

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭПОС АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

*

Ответственный редактор
Н. С. Дроздова

Художественные редакторы
И. Г. Найденова, Ю. Н. Стальская

Технический редактор
И. П. Савенкова

Корректор
К. Н. Каревская

ИБ № 11693

Сдано в набор 09.12.88. Подписано к печати 16.01.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 47,13. Усл. кр.-отт. 51,38. Уч.-изд. л. 46,41+9 вкл. —46,84. Тираж 400 000 экз. (1-й завод 1—200 000 экз.). Заказ № 1054. Цена 2 р. 80 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Гомер

Г64 Илиада: Эпическая поэма/Пер. с греч. В. Вересаева; Одиссея: Эпическая поэма/Пер. с греч. В. А. Жуковского. Вергилий. Энеида: Эпическая поэма/Пер. с латин. С. Ошерова. Песнь о Роланде: Героический эпос/Пер. со старофр. Ю. Корнеева. Данте. Божественная комедия: Эпическая поэма/Пер. с итал. М. Лозинского; Предисл. и коммент. И. Нахова; Оформл. И. Архипова.— М.: Дет. лит., 1989.— 735 с.+9 л. вкл.— (Б-ка мировой литературы для детей).

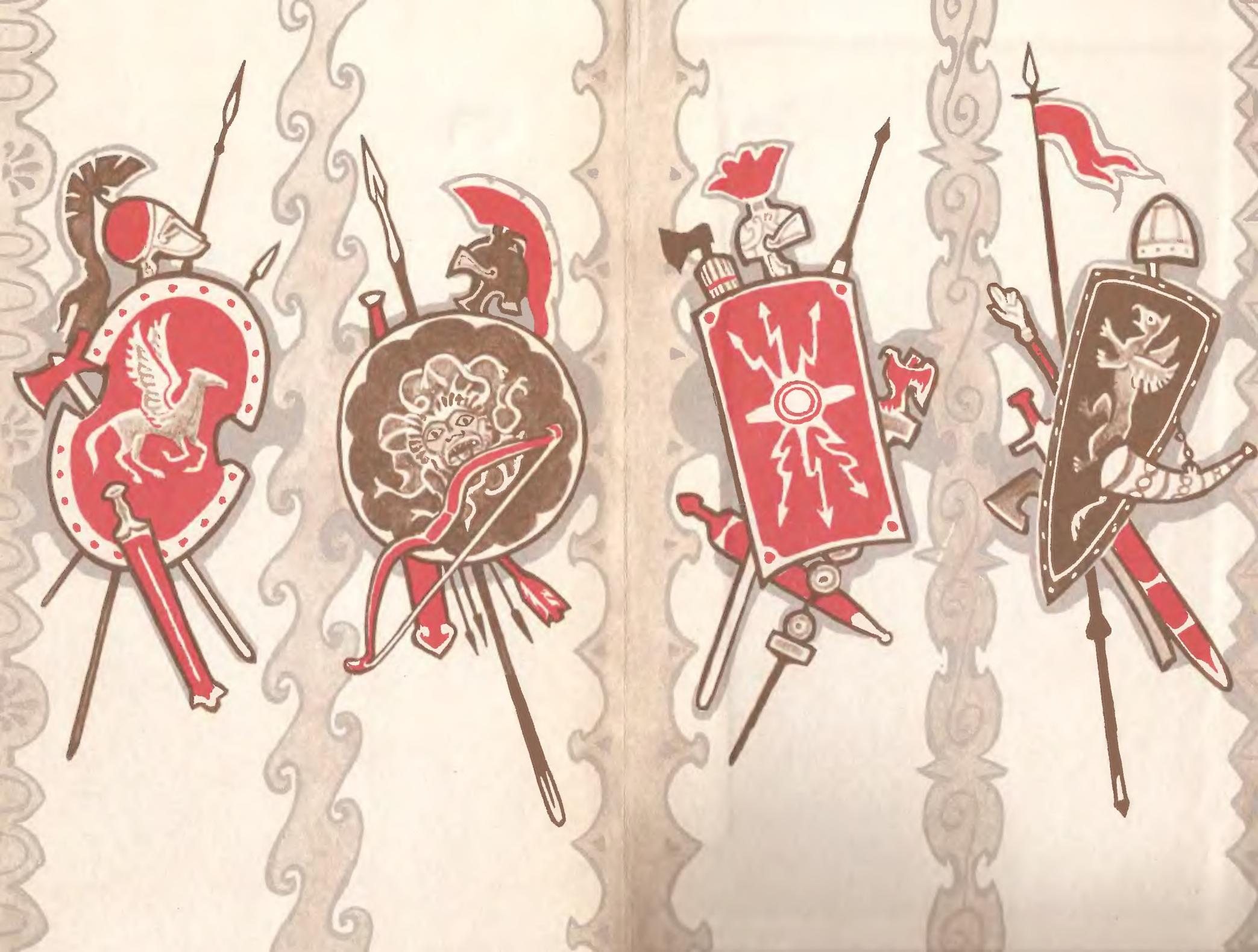
ISBN 5—08—001200—5

В книгу вошли в сокращении поэмы гомеровского эпоса «Илиада» и «Одиссея», эпическая поэма классика римской литературы Вергилия «Энеида», самое известное произведение французского героического эпоса «Песнь о Роланде» (полностью) и поэма величайшего поэта Италии Данте «Божественная комедия» (в сокращении).

Г 4804010000—074 / М101(03)-89 Без объявл.

ББК 84(0)

Scan Kreyder - 14.03.2014
STERLITAMAK



2р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»